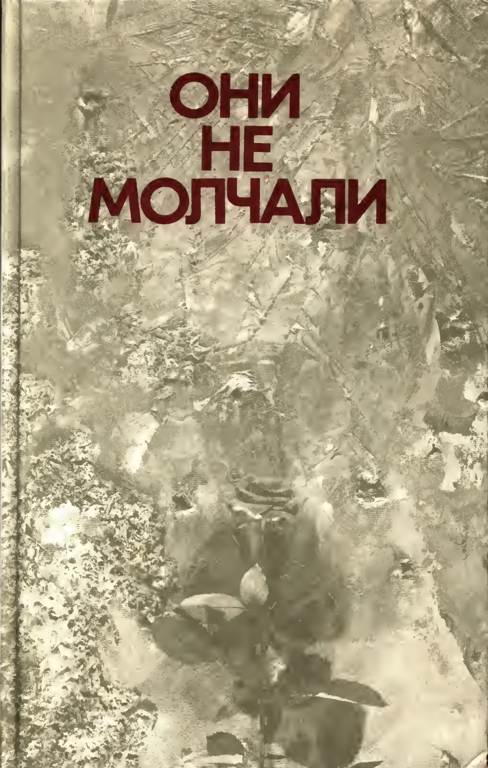

ОНИ
НЕ
МОЛЧАЛИ

ИПЛ

Народом с непредсказуемым прошлым назвал нас один западный советолог. Знал ли он, что по сути повторяет основополагающий принцип сталинской историографии: история есть лишь сегодняшняя политика, опрокинутая в прошлое? А знали ли мы, нынешние, начиная справедливую борьбу со сталинщиной, что не пройдет и двух-трех лет и тень от этого «железного» постулата парадоксально нависнет уже и над нами? Ведь преуспев с необходимыми обществу очистительными разоблачениями, так легко в какой-то момент проскочить черту и не заметить у себя за плечами одни руины.

ОНИ НЕ

Так кто же мы? Народ, состоящий из одних предателей, палачей и стукачей? Этот обжигающий вопрос, кажется, остановил нас у черты. Остановили нас факты. Да, были те, кто молчал или «стучал». Но были и другие, кто хотя бы на миг сумел распрямиться и зачастую ценою жизни в схватке с тоталитарной машиной отстоял право называться человеком. Эта книга о звездных минутах наших соотечественников, давших нам драгоценную возможность собрать остатки уважения к собственному прошлому, народу, стране. Как известно, на руинах, без фундамента дом не построишь. Потому-то в стойкости этих людей содержится наша надежда.

А. АФАНАСЬЕВ

МОЛЧАЛИ

ББК 66.3(2)6
0-58

Составитель
А. В. АФАНАСЬЕВ

Предисловие
доктора исторических наук
В. Т. ЛОГИНОВА

На первом форзаце:

Х. Г. Раковский, Н. И. Муралов, И. А. Пятницкий, Ф. Ф. Раскольников, Л. Д. Ярошенко, Г. Н. Каминский; участники «школы Бухарина» *Нижний ряд:* И. А. Краваль, В. Н. Слепков. *Средний ряд:* Д. П. Марецкий, А. Д. Зайцев, Н. И. Бухарин, Я. Э. Стэн, А. Н. Слепков. *Верхний ряд:* Г. П. Марецкий, Д. Розит, А. И. Стецкий, А. Я. Тронцкий.

На втором форзаце:

А. Г. Шляпников, М. Н. Рютин, П. С. Войтеко, П. С. Войтеко с семьей, А. А. Кузнецов, П. Г. Петровский; С. П. Медведев, М. И. Челышев, А. Г. Шляпников на 3-й сессии ВЦИК 12-го созыва. Ноябрь 1926 г., В. Ф. Пикина, Н. П. Чаплин.

0-58 **Они** не молчали / Сост. А. В. Афанасьев.— М.: Политиздат, 1991.— 448 с.
ISBN 5—250—01110—1

Книга разрушает еще один стереотип, долгое время господствующий в общественном сознании: легенду о всеобщей покорности, неведении и назенном единомыслии, якобы сопутствовавших формированию административно-командной системы и культа личности Сталина. В ней рассказывается о тех, кто противостоял произволу и беззаконию, боролся против массовых репрессий, за возрождение демократических норм нашей жизни, за то, что сегодня вкладывается нами в понятие «перестройка».
Рассчитана на широкого читателя.

О $\frac{0503020000-108}{079(02)-91}$ 112—91

ББК 66.3(2)6

ISBN 5—250—01110—1

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Когда-нибудь и трупы заговорят...» Эти слова принадлежат Христиану Раковскому, герою одного из очерков данной книги. О многих других — Рютине и Сырцове, Шляпникове и Медведеве, Муралове и Гамарнике, Каминском, Пятницком, Кедрове, Артузове, Раскольникове — читатель уже знает по ряду публикаций. Судьба каждого из них трагична...

Помнится, как в 1954 г., когда только-только начинался пересмотр дел жертв сталинских репрессий, к нам в Центральный партийный архив — за документами, необходимыми для реабилитации,— стали приходить молодые военные прокуроры. Вот тогда-то и узнали мы впервые и об изуверских пытках, применявшихся по отношению к арестованным, и о чудовищных масштабах всей этой гигантской мясорубки. Потом из «архипелага» ГУЛАГ стали возвращаться уцелевшие, потом были XX и XXII съезды партии, солженицынский «Один день Ивана Денисовича»... И хотя за ними последовало более двух десятилетий ханжеского молчания, вновь прерванного лишь с началом нынешней перестройки, никто из тех, кто в 50-х годах столкнулся с этими фактами, уже никогда не мог избавиться от чувства глубочайшего нравственного потрясения...

Но сегодня этого чувства уже недостаточно. Необходимы не только эмоции, но и понимание сути происходившего. И в этом смысле даже те относительно немногие человеческие судьбы, о которых рассказано в книге, дают для такого понимания нечто большее, чем обычный мартиролог.

Прежде всего, за индивидуальными биографиями этих людей отчетливо просматривается судьба целого поколения революционеров. Того самого, которое по праву можно назвать большевистской гвардией, поколением руководителей и активных участников Октябрьской революции. И их трагическая гибель, может быть, лучше других аргументов свидетельствует о просто-таки физической несовместимости старого большевизма и сталинизма, о глубокой пропасти между ними, заполненной в 30-х годах потоками крови.

Книга разрушает легенду о всеобщей покорности, неведении и казенном единомыслии, якобы сопутствовавших формированию административно-командной си-

стемы и культа личности Сталина. Перечитайте очерки о Шляпникове или Медведеве, о Раковском или Рютине... Вы увидите, что уже самые первые симптомы бюрократизации партийиого, советского, хозяйствениого аппарата, постепенно узурпировавшего власть, вызывали достаточно серьезный и вполне осознанный протест не только внутри партии, но и в среде самого аппарата, включая его «святая святых» — армию и карательные органы.

Разными путями шли к этому протесту. Одни — в ходе борьбы за политическое лидерство. Другие — из-за разногласий в теории и практике. Третьи — по чисто инстинктивному ощущению «неправедности» происходящего. В конечном счете для миогих решающую роль приобретали уже не столько доктрииальные соображения, сколько элементарное чувство совести, душевной боли за своих товарищей, свой народ, свою страну.

Протест приобретал самые различные формы. Сначала пытались создавать легальиую оппозицию. Потом — иелегальные кружки. Еще позднее, когда даже совместное чаепитие и разговор среди товарищей стали кримииалом, выбор сузился до предела: для немногих — выиуждеииая эмиграция и использоваиие для продолжения борьбы зарубежной прессы, для других — путь мученичества, личного отказа от соучастия в преступлениях, от дачи показаний на следствии, в тайной помощи политзаключенным и т. п. Обо всем этом вы прочтете в книге.

Да, оии ие молчали... Но, отдавая даиь уважения этим людям, мы не исполиили бы своего долга перед ними, если бы ограничились лишь констатацией их иравствеиного мужества. Книга приоткрывает завесу и над тем, что они думали. За этими иидивидуальиыми и групповыми взглядами мы видим, по существу, целый пласт развития общественной мысли, столь мало изученный иами.

При всей пестроте оттеиков, существовавших между различными течениями и платформами, при всем их взаимоотталкиваиии, а то и открытой конфроитации, было у них нечто общее: сталинскую политику они воспринимали как измену Октябрю и ленииским идеям.

Верио ли это? Стоит еще и еще раз обратиться к ленинским работам 1921—1923 гг., чтобы убедиться в справедливости этого утверждения.

К сожалению, мы еще ие осознали полностью всю глубиину и значимость того исторического поворота,

который произошел в самом начале 20-х гг., сводя его к сумме сугубо экономических мероприятий, получивших в конечном счете наименование «нэп».

Между тем, по Ленину, речь шла о коренном пересмотре всего представления о социализме, и в особенности конкретных путей движения к данной цели. Сердцевиной этого пересмотра стал переход от всеобщей конфронтации и политики гражданской войны к гражданскому миру. Нэп как раз и создавал экономическую базу для процесса постепенной гармонизации интересов различных классов и социальных групп.

Центральным звеном в этом процессе была проблема взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством, составлявшим гигантское большинство населения страны. Удастся наладить «смычку» между ними — длительный гражданский мир и согласие обеспечены. Не удастся — тогда начнется новый виток насилия, ибо «удержать» многомиллионное крестьянство можно будет лишь с помощью массовых репрессий. Вот почему Ленин и записал в 1921 г.: либо 10—20 лет правильных взаимоотношений с крестьянством, либо 20—40 лет кровавого террора.

Об ограниченности тех сфер жизни и борьбы, в которых применение насилия может дать хоть какие-то результаты, Ленин говорил еще в годы гражданской войны. После ее окончания он сразу же поставил вопрос о необходимости перехода к сугубо реформистским методам строительства новой жизни, к методам «постепеновщины» и «культурничества», убеждения и примера. И он писал, что тот, кто не осознал необходимости перехода к гражданскому миру,— «тот смешон, если не хуже».

Сталин оказался гораздо хуже — не смешон, а страшен. Убеждать, действовать «культурническими» методами ни он, ни те, кто стоял за ним, были органически неспособны. Перенеся на новую, уникальную реальность «старые», причем наиболее жесткие и гипертрофированные им методы гражданской войны, Сталин как бы постоянно воссоздавал своей политикой чрезвычайные обстоятельства и превратил насилие и массовые репрессии в универсальный способ решения многих и многих проблем.

В личном плане они стали для него способом устранения конкурентов и потенциальных противников. Внутри партии репрессии использовали не только как средство

«сплочения» на базе устранения всякого инакомыслия, но и как метод генерации и селекции кадров, ибо после каждой новой репрессивной волны на смену старой гвардии к руководству приходили новые поколения взращенных аппаратом функционеров сталинской формации. Даже в сфере народного хозяйства именно с помощью массовых репрессий решались проблемы и хлебозаготовок, и дешевой, организованной ГУЛАГом рабочей силы для строек-гигантов...

Мало того, для некоторых террор становился и способом разрешения элементарных вопросов бытовой жизни, когда ложным доносом можно было ликвидировать личного врага, занять новую должность или квартиру. Цена человеческой жизни упала до минимума.

Вряд ли Сталин и его окружение заранее определяли масштабы репрессий. Но массовый террор имеет свою собственную логику. Каждый арестованный, пройдя через изощренную систему дознания, называл минимум десяток «сообщников». Далее следовал арест этой десятки, а он в свою очередь неизбежно приводил к аресту сотни, затем тысячи, десятков, сотен тысяч людей. Террор, обладая огромной инерционностью, вообще мог бы выйти из-под контроля сталинской верхушки, если бы и против самих карательных органов не использовался такой мощный «регулятор», как те же самые репрессии, сменявшие Ягоду и «ягодовцев» на Ежова и «ежовцев», а затем на Берию и «бериевцев».

Но даже при такой «регуляции» репрессии приняли чудовищные масштабы. По существу, они вообще превратились в один из рычагов демографической и социальной динамики общества, меняя статус, перемещая и перемешивая целые социальные пласты. В конечном счете именно в силу того, что для решения многих и многих политических, экономических, социальных проблем применялся метод террора, их решение всякий раз неизбежно приобретало зверский, нечеловеческий характер.

Наивным было бы полагать, что все это вершилось исключительно злой волей кучки политиканов, не имевших за собой и под собой, помимо огромного карательного аппарата, никакой массовой социальной базы. Увы!

Первая мировая, а затем гражданская война вызвали не только, как выразился Ленин, «всеобщее озверение». Они выбили из привычной колеи жизнь миллионов людей. Слой маргинализированной части населения, весьма существенный и в дореволюционной России, воз-

рос количественно. Усилилась и его роль в политических процессах. С началом индустриализации и коллективизации, сопровождавшихся массовым «раскрестьяниванием», данный слой вновь стал достаточно серьезным фактором углубления социально-экономических противоречий.

Острый кризис конца 20-х гг. реанимировал у этой достаточно многочисленной и активной части населения мощные эгалитаристско-уравнительные устремления. Они переплелись со стремлением бюрократической верхушки к тотальному огосударствлению. И, видимо, правы Е. Плимак и В. Козлов, утверждая, что поворот, совершенный в 1929 г., в значительной мере опирался на эти построения и фактически стал второй после Октября волной плебейского «поравнения собственности» (См.: Знамя. 1990. № 7. С. 168).

К политической неразвитости и «непросвещенности» этих слоев как раз и апеллировала сталинская пропаганда. Это была та массовая среда, которая искала на все вопросы простых ответов, и прежде всего на вопрос «кто виноват?». Кто виноват в чудовищной бесхозяйственности, в неисчислимых жертвах и лишениях, в общем неустройстве жизни? Репрессии, захватив в свою орбиту прежние «командные верхи», давали этой массе столь необходимый ей «простой ответ»: виновато прежнее «начальство», они — повинные во всех бедах «враги народа». Так что среди тех многочисленных толп, которые восторженно приветствовали открытые судебные процессы 30-х гг., были не только боявшиеся и подстегиваемые страхом, но и достаточно искренние, но темные и политически неграмотные люди, действительно жаждавшие кары и мести за все невзгоды своей жизни.

Именно наличие такого рода социальной, псевдопролетарской базы у сталинской политики рождало иллюзию о ее «классовом характере», в значительной мере препятствовало осмыслению новой действительности, создавало почву для попыток оправдать происходящее, для сделок с совестью. Многие из тех, о ком идет речь в этой книге, отдали дань подобному нравственному компромиссу. И лишь по мере того, как сталинский тоталитаризм все более проявлял себя во всех сферах жизни, начинался процесс прозрения.

У одних — как у Шляпникова, Раковского или Рютина — он происходил раньше. У других — позже. К треть-

им — приходил слишком поздно, когда сам акт прозрения и протеста становился шагом на голгофу. Да, слишком поздно пришло прозрение к Каминскому или Пятницкому... Но даже «безмолвные» самоубийства Томского, Гамарника или Орджоникидзе тоже становились актами протеста.

Верили ли они в грядущие перемены и торжество справедливости? В неизбежность того, что сегодня мы называем емким словом «перестройка»? Да, верили. Об этом писали Раскольников и Раковский. В это твердо верил Рютин. Именно к новому поколению будущих руководителей страны обращал с надеждой свое письмо Бухарин. Именно о такой радикальной перестройке уверенно писал и Троцкий: «Дело идет не о том, чтобы заменить одну правящую клику другой, а о том, чтобы изменить сами методы управления хозяйством и руководства культурой. Бюрократическое самовластие должно уступить место советской демократии. Восстановление права критики и действительной свободы выборов есть необходимое условие дальнейшего развития страны. Это предполагает восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов. Перенесение на хозяйство демократии означает радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем снизит накладные расходы бюрократических ошибок и зигзагов. Дорогие игрушки — Дворцы Советов, показные метрополитены — потеснятся в пользу рабочих жилищ... Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать». (Цит. по: Знамя. 1990. № 7. С. 171.)

Воистину, прав был Раковский: «когда-нибудь и трупы заговорят...»

Они не молчали. И они заслужили со стороны потомков не только поминовения. Они заслужили того, чтобы будущие поколения по меньшей мере попытались услышать и понять их. В таком понимании — еще один шаг к созданию тех гарантий, которые избавят нас от «повторения пройденного».

В. Логинов

ГЕРОИ ИЗ 37-го*

«Неужели они были в эпоху репрессий?» — спрашивают сегодня многие. Были. Рютин и Каюров, Раковский и Раскольников, Серебряков и Шляпников, десятки других. Среди них и военные прокуроры, которые отказались санкционировать незаконные аресты. Были люди, стремившиеся честно разобраться в происходившем, многие из них пытались оказать сопротивление произволу... Генерал-лейтенант юстиции в отставке Борис Викторов размышляет об их судьбе в беседе с журналистом Александром Афанасьевым.

— *Политика гласности срывает покровы с «запретных тем» отечественной истории. Многое уже сделано. И все-таки, Борис Алексеевич, на какие-то вопросы мы не имеем ответа. А некоторые просто не поставлены до сих пор. Вот, например, часто приходится слышать: а были ли храбрецы в многомиллионном народе, те, кто хотя бы пробовал выступить против произвола?*

— А вы никогда не пробовали, хотя бы мысленно, поставить себя на наше место?

— *Пробовал.*

— Ну и как?

— *Откровенно говоря? Страшно...*

— А что же вы в таком случае упрощаете, рассматриваете ситуацию 30-х годов вне истории, с позиций нынешнего времени?.. Прежде чем рассуждать о храбрости, давайте попробуем, хотя бы в общих чертах, восстановить тогдашнюю атмосферу. Был ли страх? Скорее, оцепенение, неуверенность. Была ли вера? Абсолютно точно: была. Да ведь и кропотливо работали, чтобы ее поддержать! Мы считали себя убежденными (активная форма). Но, скорее, были убежденными (пассивная форма)... Вот и комсомолец Викторов был умело убежден. И когда Викторов узнал, что в партийных лидеров стреляют,— он что, протестовал против расстрела террористов? Даже если человек сочувствовал оппозиционерам, он не мог не осудить их после убийства Кирова. Нерассуждающая, слепая вера в «вождя».

---

* Интервью представляет собой расширенный и доработанный вариант публикации в «Комсомольской правде». 1988. 21 августа.

Соответствующая работа средств массовой информации, кино. Гневные выступления виднейших писателей, журналистов. «Гнусненький христосик», «черная сволочь», «фашистский наймит» — гневно клеймили в репортажах Бухарина, Тухачевского, Якира. Легендарная репутация «первого красного офицера» Ворошилова, который вместо Ежова (почему?) делал доклад о военно-фашистском заговоре. Нет, нет, о применении пыток, про обман, шантаж, естественно, из журналистов никто не написал, и я, как и миллионы людей, не прочитал в газетах ни слова. Но все это я выясню потом, когда двадцать лет спустя, уже после расстрела Берии, мне будет поручено возглавить расследование дел репрессированных. А тогда, в 30-е, я, как и все, точнее, как большинство, не заметил, что внутри привычных форм постепенно меняется содержание...

— И все же были такие, кто заметил? Кто начал действовать?

— По моим только данным, 74 военных прокурора, не давшие санкций на незаконный арест, были подвергнуты репрессиям. Среди них И. Гай, Г. Суслов, А. Гродко, В. Малкис, П. Войтеко, И. Стурман... К великому сожалению, об их мужестве и стойкости страна не узнала.

— На бронепоезде, без смены флагов, произошла замена команды и маршрута следования?

— Может, и так, если объективно. Но субъективно... Мне кажется, многие в верхах перехода некоей последней грани не заметили. Или сделали вид?.. Хотя изменения, думаю, были уже качественными. И критическая масса происходящего для людей, находившихся у рычагов власти, более или менее располагавших правдивой информацией, должна была стать очевидной...

— Это в «верхах». А в «низах»?

— «Врагов» как бы выщипывали. Население настраивалось на нетерпимость к очередным врагам. На объективную (социальную, государственную, историческую) необходимость применения насилия...

— Своего рода идеология вынужденного произвола, общественной необходимости надзаконного действия? А как, Борис Алексеевич, уживалась она с довольно активным правотворчеством?

— Соотношение закона и, как вы говорите, идеологии надзаконности — это отдельная большая тема. Вообще Сталин, заботясь о своей репутации в глазах — прежде всего мировой — общественности, тщательно обставлял

свои дела. Закон был таким же оружием, как и газеты, радио, кино. Чтобы, во-первых, поддерживать в людях состояние убежденности в сталинской правоте. Во-вторых, закон, как и революционная фразеология, как и печать и искусство, обеспечивал массовое присягание Сталину, соучастие в происходящем. И, в-третьих, снижал индивидуальную гражданскую ответственность, успокаивал, в случае чего, совесть. Когда перебирали через край и возникала опасность общественного прозрения, административно-командная система переступала с ноги на ногу: о царствующей до этого мгновения «объективной необходимости произвола» как бы на время забывали. Поступила новая установка: акцент делался на букве закона. И... Кого-то отдавали в жертву. Такую залитую кровью жертву — Ежова — сбросили с «парохода современности» в 38-м. Результат? В массовом сознании накануне войны отпечаталось: Сталина Ежов обманул, Берия примерно наказал за это злодея Ежова. Пресек неоправданные репрессии. И развернул новые. Уже... «оправданные». Берия, отдав несколько сотен палачей, тут же с двумя следователями забил в камере Блюхера, подверг репрессиям тысячи новых ни в чем не повинных людей. Группу наиболее способных «липачей» он оставил. Мешик, Влодзимирский, Ушаков (Ушимирский) — по его приказу — даже написали «научное» наставление... Тем самым он как бы показывал ближайшему окружению: закону отдано должное. Все возвращается на круги своя. К объективации необходимости произвола, надзаконных действий.

— Тут, Борис Алексеевич, целая философия в этом «переступании с ноги на ногу»... Разуверившийся народ вновь и вновь обнадеживали верой: в прошлый раз помешали отдельные «враги», «вредители», японские и немецкие, позже английские «шпионы». Но теперь — точно перемены. И сбудется все, что обещано... И когда же случилось «переступание» в первый раз?

— Да, пожалуй, тогда, когда Сталин с помощью статьи о «головокружении» от успехов открестился от массовых репрессий против крестьянства. Что ж, исполнителей обличили, кое-кого наказали. Из миллионов же сосланных, по имеющимся данным, вернули лишь 600 подмосковных крестьянских семей. И... продолжили дело, начатое «отцами». Я располагаю непубликовавшимся документом за подписью Сталина и Молотова: и после статьи Сталина крестьян репрессировали председатели

колхозов и сельсоветов, члены правления. Юристы восстали было, но им заткнули рты. А ведь они были правы: применяли 107-ю статью. Высылали за «спекуляцию», «скупку и перепродажу»... держателей хлеба, хлебопашцев!

— А когда начался 37-й год?

— Вот это интересный вопрос! Знаете, если устанавливать преемственность, скажем, идею Особого совещания Сталин позаимствовал непосредственно у Александра III. Этот царь, в отличие от убитого народовольцами Александра II, проведшего прогрессивную судебную реформу (в частности, суд присяжных), толкнул страну назад, учредив тогда внесудебное Особое совещание при министре внутренних дел. Правда, царское Особое совещание — по подозрению в умысле против монархии — хоть и судило без суда и защитника, но не имело еще права приговаривать к смертной казни. Сталинское Особое совещание такое право получило и использовало. За два часа здесь порой рассматривали до 800 дел. Прокуроры жаловались, что не успевают разбирать фамилии приговариваемых к смерти... Особое совещание действовало до 53-го года, через него прошли тысячи и тысячи человек. Н. С. Хрущев сделал великое дело: отменил Особое совещание. Вдумайтесь, вот уже более 35 лет никто не отправляется в лагерь, в ссылку без суда!..

— Знаете, Борис Алексеевич, при всем уважении к этому факту я испытываю несколько иные чувства, чем вы. Можно, видимо, радоваться, что целых тридцать восемь лет мы живем без страха за свою жизнь. А можно и ужаснуться, что такое может нас радовать...

— Только без упрощений. С позиций мышления исторического. А то ведь сейчас иные авторы, ничтоже сумняшеся, заявляют, например, по поводу митингов гневного осуждения «врагов народа»: что-де поделаешь, толпа... Да не толпа! Не стихия! Но хорошо организованное, подогретое действо.

*— Борис Алексеевич, у вашего тезки Бориса Леонидовича Пастернака в романе «Доктор Живаго» есть такое характерное место: «Несвободный человек всегда идеализирует свою неволю. Так было в средние века, на этом всегда играли иезуиты. Юрий Андреевич (Живаго.— **А. А.**) не выносил политического мистицизма советской интеллигенции, того, что было ее высшим достижением, или, как тогда бы сказали, духовным потолком*

эпохи». Может, это и не все проясняет — но многое — в молчании людей, честных и нетрусливых, способных к осмыслению.

Правда, не все молчали. «Не молчали» по-разному. Одни (Ахматова, Мандельштам) писали «Реквием» и обличительные стихи про «кремлевского горца, душегуба и мужикоборца». Другие же снимали фильмы, где Сталин под Царицыном обеспечивает успех в гражданской войне, «нежно смотрит» на спящего Ильича.

Ну а те, что молчали? Представляется, что поведение таких людей, как Тухачевский, Якир, Бухарин, Рыков, обусловлено не только физическими пытками. Дикий парадокс в том, что жертвы, видимо «в интересах дела», вынуждены были играть в одну игру с палачами. Многие из репрессированных были людьми, готовыми пойти ради революции на любые — и чужие, и собственные — жертвы. Изощренное мышление (самые невероятные акции искренне и с легкостью необыкновенной освящались революционной необходимостью) оторвалось от реальности. Мне приходилось писать, как отказ подтвердить фантастические показания, высосанные из пальца, на полном серьезе рассматривался в качестве инакомыслия и, следовательно, антипартийного преступления... Далее все объяснимо. Следователь «от имени партии» диктовал: единственный способ избежать раскола в партии, сохранить в чистоте светлое имя социализма — во всем, что было и не было, признаться! Мистицизм соскальзывал во тьму беспринципности. Вспомним, как в пьесе Шатрова Сталин говорит (это довольно правдоподобно) о Зиновьеве и Каменеве: «Еще никто... не перескакивал так легко от одних принципов к другим, никто еще не менял так легко своих взглядов, как эти люди... не раз отрекались, почему бы не отречься еще раз?»

— Это близко к реальности. Во всяком случае, можно с определенной уверенностью предположить: надо было допустить то, что случилось в начале 30-х, чтобы закономерно случился 37 год.

— *То есть 37-й, по сути, уже стал неизбежностью, едва удалось переступить через крестьянство?..*

— Я бы только не делал противопоставлений.

— *Я не об этом, Борис Алексеевич. Как нет смысла возлагать всю ответственность на какой-либо один социальный слой, так и нет оснований противопоставлять их друг другу. Сталинизм — это трагедия не отдельно взятого класса (скажем, крестьянства или интеллиген-*

ции). Это трагедия искусственно противопоставленного самому себе народа: класс против класса, человек против человека.

— Вот видите, какая парадоксальная картина вырисовывается. А вы о храбрости! Когда же началась война, за спиной каждого воина оказалась огромная нравственная сила: весь народ, вся партия, вся идеология, все государство. А в 30-е каждый умирал если не молча (его все равно не слышали), то в одиночку...

И все же, когда я с моими товарищами в середине 50-х погрузился в дела, сквозь чудовищные наслоения клеветы нет-нет да и стали прорываться хоть и искаженные, но искренние голоса. Вот характерный пример. Чекиста Зиновия Глебова обвинили в принадлежности к антисоветскому заговору. Выдвигалось четыре пункта обвинения. Глебов выкинул из показаний секретаря Дальневосточного крайкома ВЛКСМ «компромат» на Александра Косарева. Отказался взять показания у арестованных Тухачевского и Корка на комдива Сергеева. Предложил свернуть следствие по одному из «вредителей». И самый страшный и все разъясняющий пункт: «сфальсифицировал документы и путем вымогательства требовал от арестованных вымышленных показаний на ряд ответственных партийных работников и чекистов Закавказья и Азербайджана». Что это за ответработники и чекисты? А подручные Берии — Багиров и Кобулов!

В те же примерно годы репрессированы за «нежелание вести борьбу с врагами» — читайте: за отказ пойти на преступление — начальник УНКВД Винницкой области Волков, Джамбульской — Капустин, по Дальневосточному краю — Дерибас. В 35—36 годах Т. Дерибас — член партии с 1903 года, кандидат в члены ЦК ВКП(б), награжденный орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени,— боролся с нарушениями законности. В 1937 году, когда арестованный «троцкист» — председатель крайисполкома Крутов дал развернутые показания следователю Арнольдову, Дерибас нашел в себе мужество и не сделал вид, что им поверил. Более того, он во всеуслышанье заявил: это показания не Крутова, а следователя Арнольдова! И отказался арестовать людей, проходивших по этим показаниям. Доложили Ежову. И Дерибас был арестован сам...

Военный прокурор из Ленинграда Николай Михайлович Кузнецов, член партии с 1904 года, вел, например, целую войну с местным УНКВД. (Это очень колоритная

фигура. Есть его музей в Астрахани.) Было у Кузнецова такое столкновение: арестованный попросил священника для исповеди. Подослали «ряженого» сотрудника НКВД. Арестованный ничего порочащего не рассказал. Тогда сотрудник НКВД просто наврал, приписал ему свои фантазии. Кузнецов вмешался. А начальник УНКВД в ответ ему наложил резолюцию: «Так было, так будет» (его в 1939 году самого расстреляли). Главный военный прокурор Розовский послал в Ленинград бригаду. Ее руководитель Заковский арестовал Кузнецова. Кузнецову «пришили» связь с Тухачевским (они были знакомы). И дали 15 лет...

Иван Матвеевич Стурман, военный прокурор Балтфлота, остановил дело на Петра Васильевича Мухина, военного комиссара линкора «Октябрьская революция». Против Мухина выдвигался двадцать один пункт по обвинению в троцкизме. Было там, в частности, и такое: «Мухин доказывал, что товарищ Сталин не является ни стахановцем, ни вождем народов». А Стурман не дал санкцию на арест и направил дело в парткомиссию. Парткомиссия, внимательно рассмотрев все обстоятельства, сняла обвинения в троцкизме. Партийное же собрание ограничилось вынесением Мухину строгого выговора за анекдот и грубое отношение к политработникам.

— *Неужели и тогда анекдоты рассказывали? И кто?*

— Нередко вполне благонадежные люди. Скажем, в 35-м в Среднеазиатском военном округе были арестованы тринадцать красноармейцев. Заметьте, ни одного из «социально чуждых слоев». Пятеро из рабочих, пятеро из служащих, один из бедняков, плюс колхозник и середняк. За что арестовали? За «антисоветскую агитацию». Конкретно — «недовольство мероприятиями на селе». Распевание песен, анекдоты о руководителях: «ему хорошо в Кремле, а крестьянство гибнет». Начальник политуправления округа Ястребов защищал их. Пытался он защищать и двух младших командиров Максина и Конова (из трудовых семей, стахановцы), рассказавших в марте 36-го несколько анекдотов похожего содержания. Младших командиров предали суду. И Ястребова репрессировали... Красноармеец Подопригора о приговоре Зиновьеву и Каменеву высказался, что приговор неправильный. Розовский решил: следовательно, Подопригора — зиновьевец! А помощник военного прокурора Малиевский для ареста Подопригоры не нашел оснований. За что и сам был уволен из прокуратуры.

— А как оценить, Борис Алексеевич, позицию Тухачевского, Якира, Гамарника и других — до ареста? Были ли они просто «невинными жертвами», как мы привыкли думать, беря за точку отсчета концепцию XX съезда партии?

— Какого-либо действительного заговора там не было...

— Но оппозиция, не политическая, а гражданская и профессиональная — Ворошилову, Буденному, Мехлису,— была, по-моему, обозначена четко. Вот и из вашей публикации в «Правде» («Заговор» в Красной Армии») видно, что во время следствия и на суде они от этого «обвинения» не отказывались. И ничего преступного тут не было! Напротив, сохранись такая профессиональная и гражданская оппозиция (другими словами, плюрализм мнений), не были бы вслед за восьмеркой «заговорщиков» репрессированы 40 тысяч кадровых офицеров. И стране куда бы меньше пришлось пролить крови, особенно в первый период войны. Мы, думается, должны, наконец, сегодня осознать: цена тогдашней борьбы с инакомыслием, плюрализмом мнений — тысячи, миллионы жизней, которыми расплатились за торжество «кавалеристов» над сторонниками концепции «войны моторов»... Вообще, то, о чем вы сейчас рассказываете, по существу, иной уровень в понимании нашей истории. От «врагов» — к «жертвам», от «жертв» — к сопротивленцам: это новый шаг к правде, которую не давали гласно и спокойно осмыслить...

— Вот вам живой пример: Валентина Федоровна Пикина, секретарь ЦК ВЛКСМ. Ее поведение после ареста. Ведь она должна была обличать и свидетельствовать на «молодежном процессе» против секретарей ЦК. Ее били резиновыми дубинками, подсаживали провокаторов, запирали в одиночку, забрызганную кровью. Имитировали расстрел... А она показаний не подписала. В результате ее не то что обличителем на процессе не сумели сделать. Побоялись вообще вывести на суд. «Судили» Особым совещанием. Приговорили к восьми годам. А в лагере она вела «контрреволюционную» агитацию, то есть абсолютно оправданно обличала (!) руководителей страны. За это судили второй раз, дали еще восемь лет. Итого шестнадцать... Таких людей было не очень много. Но они были. Это факт.

— Что же, если применять традиционный, проверенный мировой историей критерий, то они совершили подвиг. Они воистину национальные герои: дело не только в их конкретных деяниях. Если вдуматься, они — своими

судьбами — сумели отстоять нравственную норму, подтвердили представление о подлинном гражданине своего Отечества. Они смогли удержать планку, по которой определяется нравственная высота народов в той или иной жесточайшей исторической ситуации.

— То есть не только памятник всем, но и звания?

— Но почему нет? Ведь в условиях той же войны, Борис Алексеевич, были и невинные жертвы (скажем, среди мирного населения). А были и борцы. Общая память всем, но какие же тут обиды, если не всем двадцати миллионам награды, а тем, кто совершил подвиг? Скажите, а были ли в НКВД честные люди?

— Да, были. Прежде всего — соратники Дзержинского, его последователи. К примеру, Артузов Артур Христианович или Пиляр Роман Александрович, знаменитые чекисты, захватившие в свое время эсера Савинкова, английского шпиона Рейли. Они, конечно, были преградой на пути к беззаконию.

— Так когда же все-таки начался 1937 год, Борис Алексеевич?

— Полистайте 54-й ленинский том. Там вы обнаружите не печатавшуюся около 50 лет записку Владимира Ильича Л. Б. Каменеву. Ленин был очень обеспокоен тем, что сохраняется в рамках ЧК следственный аппарат, который он предлагал «влить» в наркомат юстиции. Коллегия же ВЧК возражала «против передачи в различные органы розыска и следствия»...

— Первопричина, видимо, в том, что в определенный момент была введена принципиально новая ценностная схема, подорвавшая традиционные, выработанные за века критерии. Это и предопределило все последствия, вплоть до наших дней.

Вот, например, серьезнейшая, судьбоносная, как мы сейчас говорим, ситуация. Выносить ли вопрос о власти на съезд Советов, где большевики были в меньшинстве, или взять власть и прийти на съезд победителями? Понятен великий социальный смысл свершившегося, а как бы вы квалифицировали ситуацию с точки зрения правовой?

— Диктатура пролетариата арестом Временного правительства отменила в одну ночь не только прежнюю власть, но и сам закон. Петр Иванович Стучка, один из первых наркомов юстиции, впоследствии писал: «Революционный суд судил не по закону, а по своему убеждению. Интеллигенту это показалось несуразностью, он

больше находился в путах правового мистицизма. Он не мог сразу преодолеть старт идеологии права как творчества». Надо заметить, что этот интеллигент (в данном случае имелся в виду А. В. Луначарский) очень быстро освободился от «пут правового мистицизма» — всего за одну ночь. Наутро, при обсуждении проблем революции и права, он склонился к точке зрения Стучки убеждение важнее закона.

— Невольно вспоминается один из постулатов Вышинского: следователь должен руководствоваться внутренней убежденностью, что перед ним враг.

— Я бы этих людей на одну доску не ставил

— Разумеется. Но Вышинскому, увы, было на что ссылаться, опираться и на чем паразитировать. Ведь не в 30-е, а в 20-е годы появились тройки, враги народа, концлагеря, в 22-м запретили независимые издания, выслали группы крупных ученых, философов — знать бы тогда, чем кончится!

Впрочем, вернемся, Борис Алексеевич, к тем, кто оказывал сопротивление произволу...

— Да. Было немало людей, которые пережили свой «звездный час». До того они жили и поступали по-разному. Одни были храбрее, другие осторожнее. Третьи настойчивее, четвертые уступали или искренне заблуждались. Но у каждого из них была кульминация, прозрение, когда, в конце концов, пришлось выбирать: либо — либо... Среди них люди разные по положению, по характеру, по возрасту. Бухарин и Рыков, Шляпников и Серебряков, Раковский и Раскольников, Томский и Гамарник, Кузнецов и Хрущев (да, да, и он, поскольку выступить против Сталина, когда сталинское окружение было еще в силе, означало немалое мужество), Войтеко и Суслов...

Военный прокурор Забайкальского военного округа бригвоенюрист Григорий Григорьевич Суслов был арестован, в частности, за «вредительство в области прокурорско-следственной работы, выразившееся в противодействии в борьбе с врагами народа». А дело вот в чем... Сотрудники Особых отделов Забайкальского ВО развернули такую кампанию, что в течение двух лет необоснованно арестовали 700 военнослужащих, против чего и восстал Суслов. Хотя ему и не удалось предотвратить незаконные аресты, но в 1939 году, после снятия Ежова, начальник Особого отдела Забайкальского ВО Видякин и ряд сотрудников этого отдела были осуждены за произ-

вол. Суслов же был реабилитирован в 1956 г. ... За противодействие массовым арестам офицеров в ОКДВА на Дальнем Востоке был арестован заместитель главного военного прокурора Красной Армии диввоенюрист А. С. Тродко. Берия начертал резолюцию: «Арестовать и допрашивать крепко». Что это означало — понятно. Тродко был расстрелян...

— Мне кажется, Борис Алексеевич, Ленин в последние годы начал прозревать скорое будущее складывавшейся административно-командной системы. Он, видимо, предчувствовал страшную опасность, и можно только поражаться лихорадочной работе гениального ума, стремившегося найти все-таки выход. Ленин подверг переосмыслению общепризнанные к тому моменту критерии. Над политическим органом власти он предлагал поставить инспекцию, состоящую из рядовых граждан, рабочих и крестьян. Причем, что характерно, не имеющих опыта работы в партсоваппарате. Авторитет Ленина сдерживал огромную власть. Без Ленина ни одна инспекция не могла бы, наверное, этого сделать...

— Еще подробность. Если Особое совещание еще как-то юридически было оформлено, то так называемые «альбомные дела» поставили над всем и вся (над законом прежде всего) знаменитую троицу — Ульриха, Ежова, Вышинского.

— А что это такое?

— Составлялись «альбомы» для Сталина. В альбоме, на отдельных листах, кратко излагались дела ста или даже двухсот человек. И под каждым — заготовленные, еще без подписи, три вышеназванные фамилии. Сталин просматривал альбом, отыскивал знакомых. И ставил либо «единицу» (расстрел), либо «двойку» (10 лет заключения). Сталинские «приговоры» не обсуждались. Оставшимися без «1» и «2» эта троица распоряжалась по своему усмотрению. Но под каждым приговором расписывались все трое...

— И даже Особым совещанием «альбомному делу» не придавался вид законности?

— Нет. Причем судьбы людей решали зачастую не прокуроры, не следователи (у них не было времени разбираться), а нередко только их агенты, строчившие донос за доносом.

— А зачем вообще велись и сохранялись «альбомы»?!

— Я думаю, для собственной уверенности, чтобы не забыть и не перепутать: кто сидит, а кто расстрелян.

— Да... И это наше прошлое. И от него не отречешься.

— И не надо, видимо?

— Это, увы, не стало пока очевидной истиной для каждого... Но неужели же мы, все, не успеем понять, что ежовы и берии, рашидовы и адыловы, щелоковы и чурбановы — всего лишь результат, продукт административно-командной системы? Убрать их еще не значит устранить машину по их изготовлению. Напротив, очередное очищение укрепляет ее — ведь перемены, движения вроде бы налицо. И еще, мне думается, надо максимально уточнить, что мы вкладываем именно сегодня в понятие «перестройка»?

— А я вспоминаю, как паразитировали на этом понятии Вышинский, Берия в 39 году. Они всех призывали перестраиваться...

— Из сегодняшней нашей беседы, Борис Алексеевич, я понял, в частности, вот что: административно-командная система держится всегда отнюдь не на законах, а на последних «установках». Может быть установка соблюдать закон. Может поступить и иная.

— Сейчас, кстати, нередко даже от прогрессивно настроенных людей можно уже услышать, что необходимы твердые, нажимные методы руководства. Все чаще люди приходят на своем опыте к убеждению, что без «ударов» сверху перестройка не проходит.

— И вы согласны с этим, Борис Алексеевич?

— Чем больше соблазн, тем больше отдается в памяти: все это было, было, было! Стоит лишь втянуть одних в «избиение» других, завтра уже и с этими, одними, легче справиться...

— Есть ли выход?

— Выход? Разумеется, бороться (и гласно! поименно!) с силами механизма торможения. Но главное — поставить государство, все эшелоны власти под действительный контроль общества. А для этого надо изо всех сил сохранять нынешние условия, закрепить завоевания перестройки. Ведь только она вернула нас к Ленину, вернула гражданам СССР действительное право иметь права, записанные в Основном Законе десятилетия назад...

— Почему, Борис Алексеевич, мы не знали все 50 лет о людях, которые оказались способными на сопротивление? Почему оказались забытыми те же 74 прокурора?

— А их и не забывали. Просто их «укладывали» в рамки концепции «враги народа», «изверги», «вредители», «шпионы» и т. д. Когда же не стало возможности удерживать этих людей там, в подполье истории, «враги» были переведены этажом повыше. Они стали «жертвами».

— Значит, так, Борис Алексеевич, закладывались нормы оправдания гражданской бесхребетности? К примеру, показывая растерянным, плачущим политического деятеля (хотя это факт, но факт частной жизни, а не его политической, гражданской биографии), не «льем ли мы воду на мельницу» административно-командной системы? Укрепляет ли такой факт сегодняшних граждан в их борьбе за перестройку?

— Вы о ком?

— Я о Бухарине в данном случае. Ведь он в эпоху разгула участвовал в создании Конституции. Что это с его стороны? Полнейшая наивность и политическая глухота? Да, и глухота, и наивность, если мы настаиваем, что такой человек — всего лишь беспомощная жертва. Но не будем обольщаться, он не глупее нас. Тогда что это, как не своеобразный акт гражданского неповиновения? Что это, как не сознательно утверждаемая норма поведения? Что это, как не сигнал поколениям тогдашним, нынешним и будущим: так, ежели ты гражданин своего Отечества, дóлжно вести себя, даже и проиграв в схватке?

Причина того, что мы страшно опоздали и не поняли его вовремя,— и в неповоротливости общественного сознания. В том, что общество слишком долго шло на поводу у административной системы. Имена сопротивленцев, Борис Алексеевич, могли ускорить в этом обществе процессы гражданской кристаллизации.

— Но не ускорили... Решившись перешагнуть сталинские пределы, мы должны отдавать трезвый отчет: «переступания» административная система затевает вовсе не для того, чтобы выпустить общество из рук, а для того, чтобы покрепче захватить в свои объятия. Вырвать из этих объятий общество — с помощью настоящей перестройки — никто не способен, кроме нас самих.

О. В. Хлевнюк

1937 ГОД: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕПРЕССИЯМ *

В многочисленных рассуждениях об истоках, причинах и конкретных обстоятельствах массовых репрессий конца 30-х гг. постоянно, явно или неявно, присутствует проблема нравственного выбора действующих лиц этих трагедий, допустимого уровня компромиссов в условиях жесточайшего государственного произвола. Справедливо возложив главную ответственность за происходившее на сильнейшего — государство, мы все же нередко слишком категоричны в утверждениях о всеобщей покорности, неведении и казенном единомыслии. Такое упрощение исторической реальности не только оставляет без ответа многие существенные вопросы, например об источниках жизнеспособности общества, будущего очищения его от деформаций. Подобное упрощение — глубоко несправедливое к памяти тех, кто как мог сопротивлялся,— по существу, лишает нас важнейших нравственных опор, обедняет демократическую культуру, устои которой всегда поддерживались примером людей, в самые тяжелые времена находивших в себе силы жить по совести.

Конечно, изучение этого крайне малоизвестного среза нашей истории — в основном дело будущего. Для этого понадобятся и новые источники, в том числе пока недоступные, и новые подходы. Однако имеющиеся факты, думается, уже сейчас позволяют оспорить упрощающие прошлое стереотипы, уточнить некоторые оценки.

Самым благополучным в политическом отношении среди 30-х гг. был, пожалуй, 1934-й. В январе — феврале XVII съезд партии прошел не только под знаком покаяния бывших оппозиционеров и прославления сталинского курса. На нем словно состоялось негласное соглашение: Сталин безусловно прав во всех своих прежних поступках, но в будущем страна должна жить иначе, потому что основные трудности уже остались позади и опасность раскола партии устранена. Множество фактов в 1934 г.

---

* Статья опублнкована в журнале «Коммуннст». 1989. № 18.

позволяло рассчитывать на существенные перемены. Были возвращены в партию и получили работу лидеры бывших оппозиций. XVII съезд одобрил план второй пятилетки, отбросив идеи «большого скачка» и признав возможность изменения народнохозяйственных пропорций в пользу группы «Б». В промышленности все активнее проводились экономические эксперименты, послабления получила деревня. В ноябре Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о демонтаже значительной части двух важнейших опор сложившейся системы «чрезвычайного» управления экономикой: ликвидации карточек на хлеб и преобразовании политотделов МТС в обычные партийные органы. Казалось, «потепление» приобретает устойчивость.

Возможно, и поэтому убийство Кирова 1 декабря вызвало шок. Дальновидные политики сразу поняли, какие аргументы дает выстрел в Смольном сторонникам обострения классовой борьбы. Лучший предлог для резкого поворота курса действительно трудно было придумать. Начавшиеся вскоре репрессии подтверждали самые худшие ожидания. Однако размах, свойственный 1937 г., они приобрели не сразу. Организаторы репрессий в течение ряда лет словно примерялись к решающему удару, выбирали удобную позицию и беспроигрышный момент.

Политические противники Сталина называли его «гениальным дозировщиком», умеющим «постепенно вовлекать аппарат и общественное мнение страны в иные предприятия, которые, будучи представлены сразу в полном объеме, вызвали бы испуг, негодование и даже отпор». Именно к таким «предприятиям» относилась организация массовых репрессий. На протяжении 1935—1936 гг. они весьма ловко «дозировались». Эти колебания — пока недоступный для полного изучения факт. Можно предположить, что сторонников жесткого курса сдерживали недостаточная прочность экономического положения страны, противодействие политике репрессий со стороны более умеренных сил в партии.

Определенным свидетельством существования такого противодействия могут служить обстоятельства принятия и отмены директивного письма председателя Верховного суда СССР А. Н. Винокурова, направленного на места в июле 1935 г. В этом документе резко осуждалась практика необоснованного привлечения к судебной ответственности «огромного количества людей». Органам юстиции предлагалось прекратить ее. «Судебные работники должны помнить,— говорилось, в частности, в письме,—

что они ответственны за каждый неправильный приговор, за каждое неправильное судебное решение... Оценка деятельности судов должна измеряться не числом рассмотренных дел, а теми результатами, какие судебная работа принесла делу развития социалистического строительства, поднятию культурного уровня населения и пр.». Там, где были допущены массовые противозаконные судебные преследования, Винокуров предписал приступить к пересмотру дел. Директива оставалась в силе около двух месяцев, а затем без лишнего шума была квалифицирована как политическая ошибка и изъята из обращения.

Еще одна попытка притормозить репрессии в этот период была предпринята руководством Наркомата тяжелой промышленности. В нем вокруг Г. К. Орджоникидзе на протяжении нескольких лет сложилась большая группа энергичных работников. Хорошо зная реальные причины многочисленных провалов и неувязок в экономике, истинную цену обвинениям во вредительстве, они нередко выражали недовольство репрессиями. В очередной раз оно открыто проявилось в конце июня 1936 г. на совете при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. «Основная причина невыполнения нашим трестом производственной программы,— заявил, например, управляющий трестом «Сталинуголь» А. М. Хачатурьянц,— это неудовлетворительная работа командного состава... Командный состав не работает интенсивно вследствие обвинений, которые без разбора предъявлялись к нему... Вместо того чтобы думать, каким образом ввести те или иные новшества... инженеры, боясь попасть в положение саботажников или консерваторов, старались все делать по букве закона». Активно поддержал такие выступления Орджоникидзе. Он назвал обвинения инженерно-технических работников в саботаже чепухой. «Какие там саботажники! За 19 лет существования Советской власти мы... выпустили 100 с лишним тысяч инженеров и такое же количество техников. Если все они, а также и старые инженеры, которых мы перевоспитывали, оказались в 1936 г. саботажниками, то поздравьте себя с таким успехом»,— говорил он.

Последующие события показали, что подобные заявления не были случайными. В течение нескольких месяцев после заседания совета предпринимались попытки защитить хозяйственников от репрессий. Так, в конце августа 1936 г. ЦК ВКП(б) рассмотрел дело об исключении из

партии директора саткинского завода «Магнезит» (Челябинская область) Табакова, обвиненного в пособничестве троцкистам со всеми вытекавшими отсюда последствиями. ЦК отменил это решение как ошибочное и наказал ряд работников местной и центральной печати за распространение непроверенных сведений о Табакове. Принципиально важно, что это постановление было опубликовано в газетах. Тогда же ЦК принял решение о работе Днепропетровского обкома. В нем содержалось немало слов о бдительности, но одновременно были взяты под защиту директор Криворожского металлургического комбината Я. И. Весник и его заместитель, также обвиненные в «самом страшном» преступлении — троцкизме. В связи с этим делом ЦК отстранил от работы секретаря Криворожского горкома партии. Вскоре «Правда» поместила информацию о пленуме Днепропетровского обкома, на котором рассматривались вопросы, поднятые в постановлении ЦК. Сделав необходимые заявления об активизации борьбы с врагами, пленум осудил отдельные партийные организации, где «были допущены элементы перехлестывания, перегибов, мелкобуржуазного страховочного паникерства и самооплевывания».

Такая политика уравновешивания репрессий призывами к осторожности и одергиванием слишком усердных «разоблачителей» продолжалась и в первые недели сентября. В дополнение к этому уместно напомнить, что 10 сентября в газетах было напечатано сообщение Прокуратуры СССР о том, что проведенное следствие не выявило данных для привлечения к судебной ответственности Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова, ранее обвиненных в причастности к деятельности так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». И еще одно немаловажное замечание — все эти решения и практические шаги предпринимались во время отсутствия Сталина в Москве.

В конце сентября Сталин сделал решительный шаг. Вместе с Ждановым из Сочи он послал телеграмму Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро. В ней говорилось: «...Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. *ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года*». На другой же день в Москве состоялось решение о замене Ягоды Ежовым. Вскоре последовали указания об активизации

борьбы с троцкистско-зиновьевскими элементами. Повсеместно стали усиливаться репрессии.

Большой размах, в частности, приобрела фабрикация дел о вредительстве в экономике: под политические статьи подводились многочисленные случаи бесхозяйственности, производственных неполадок. В конце ноября Прокурор СССР А. Я. Вышинский распорядился в месячный срок изучить все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции с целью выявления их контрреволюционной, вредительской подоплеки. Одновременно под лозунгом развития критики и самокритики развертывалась кампания по выявлению врагов силами «общественности», поощрялись публичные доносы, демагогические обвинения на разного рода активах, собраниях и т. п.

В конце января 1937 г. в Москве состоялся процесс по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». Подсудимыми были хозяйственные руководители: первый заместитель наркома тяжелой промышленности Ю. Л. Пятаков, первый заместитель наркома лесной промышленности Г. Я. Сокольников, начальник Главхимпрома Наркомтяжпрома С. А. Ратайчак и другие. Помимо всего прочего, их обвинили во вредительстве, намеренном срыве планов, ухудшении качества продукции, организации аварий и т. п. Все привлеченные по делу были признаны виновными: 13 человек приговорены к расстрелу, четверо — к длительным срокам тюремного заключения.

В этих условиях Орджоникидзе и его сторонникам оставалось лишь препятствовать дальнейшему расширению репрессий. Тактика была избрана такая: органы НКВД уже разоблачили врагов и задача состоит главным образом в том, чтобы добросовестным трудом восполнить отрицательные последствия вредительства.

1 февраля Орджоникидзе вновь публично подтвердил свое несогласие с утверждениями о широком распространении вредительства в промышленности. Выступая на приеме работников нефтеперерабатывающих заводов, он повторил мысль, высказанную в июне на совете в Наркомате тяжелой промышленности: «...Инженер... строит свой дом в своем Советском Союзе. Он отдает все свои знания... Таких — я смею заявить — имеется в нашей стране по крайней мере не менее 90 процентов. (*Аплодисменты.*) Иначе и быть не может! Это наши родные сыновья, наши братья, которых мы воспитали». Подлинный смысл

этого заявления через день после завершения процесса над Пятаковым и другими руководителями промышленности был понят присутствующими, о чем, между прочим, свидетельствовала и поддержка аплодисментами попытки Орджоникидзе установить своеобразную количественную границу, дальше которой репрессии не должны были распространяться. Кстати, речь Орджоникидзе появилась в печати лишь в марте, после его смерти и февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б).

Тогда же, в феврале, Орджоникидзе и его сотрудники организовали проверку дел, сфабрикованных НКВД на объектах тяжелой промышленности. С этой целью в разные районы страны были направлены ответственные работники наркомата. Вскоре все они доложили об отсутствии оснований для обвинений во вредительской деятельности и представили соответствующие факты и соображения. Так, на строительство крупнейшего вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле, где НКВД были арестованы в конце 1936 г. начальник строительства Л. М. Марьясин и секретарь горкома Ш. Окуджава, выехали начальник Главстройпрома Наркомата тяжелой промышленности С. З. Гинзбург и заместитель наркома И. П. Павлуновский. «Меня Серго попросил тщательно изучить состояние строительства завода и выявить, в чем же заключалась вражеская деятельность обвиняемых. Григорий Константинович советовал мне не задерживаться в Москве и как можно скорее выехать в вагоне наркомата, который служил нам жильем на самой стройке...— вспоминал Гинзбург.— Насколько мне помнится, в середине февраля в Тагил позвонил Серго и спросил меня, в каком состоянии строительство и в чем заключается вражеская деятельность на Уралвагонстрое. Я коротко доложил, что завод построен хорошо, завершение работ не потребует больших усилий... Серго переспросил меня, в чем же состояла вражеская деятельность. На это я ответил, что кроме небольших недостатков... я ничего не обнаружил на Уралвагонстрое. Тогда Орджоникидзе попросил меня разыскать Павлуновского и постараться как можно скорее выехать в Москву, а по пути, в вагоне, написать записку о положении дел на Уралвагонстрое...» К аналогичным выводам пришли и другие представители наркомата.

Помимо материалов проверок, в «досье» Орджоникидзе имелись заявления ряда руководителей промышленности, предупреждавших о критической ситуации на ме-

стах в результате наращивания волны разоблачений «врагов». Так, директор Днепропетровского металлургического завода старый член партии С. П. Бирман писал Орджоникидзе (письмо цитируется не по оригиналу, а в том виде, как его зачитал участникам февральско-мартовского пленума В. М. Молотов): «Положение, создающееся особенно в последнее время здесь, в Днепропетровске, вынуждает меня обратиться к Вам, как к старшему товарищу, как к члену Политбюро, за указаниями и за содействием.

Мне кажется, что директиву высших партийных инстанций о всемерном развертывании критики и самокритики здесь, в Днепропетровске, в некоторых отношениях поняли неправильно. Иностранное слово «критика» здесь часто путают с русским словом «трепаться». Я полагаю, что директива партии направлена на то, чтобы путем добросовестной критики выявить действительных врагов, вскрыть действительные недостатки. Здесь же многие поняли так, что надо во что бы то ни стало обливать грязью друг друга, но в первую очередь определенную категорию руководящих работников».

Все эти, а возможно и другие, факты Орджоникидзе изложил Сталину, пытаясь убедить его притормозить репрессии. Есть веские свидетельства того, что между ними произошел серьезный конфликт. Существует также документальное подтверждение разногласий между Сталиным и Орджоникидзе в связи с подготовкой для рассмотрения на пленуме ЦК партии вопроса о вредительстве в тяжелой промышленности. Докладчиком по этому вопросу был назначен Орджоникидзе. «В последние дни своей жизни Серго деятельно готовился к докладу на Пленуме ЦК ВКП(б)... 15 и 16 февраля Серго много писал, он набрасывал тезисы на листочках и в блокноте» — в этом свидетельстве жены Орджоникидзе Зинаиды Гавриловны, сделанном через два года после смерти мужа, глухо передается состояние Орджоникидзе перед пленумом. «Тезисы в блокноте», если они и сохранились, пока недоступны, но вот машинописный экземпляр резолюции, приготовленной Орджоникидзе, с пометками Сталина известен. Замечания Сталина носили резкий характер и выдавали его крайнее недовольство нежеланием Орджоникидзе признавать наличие в тяжелой промышленности разветвленной сети вредительства.

В целом события этих дней выстраиваются так: 15—16 февраля Орджоникидзе работает над докладом к пле-

нуму; в то же время он запрашивает Гинзбурга, а возможно и руководителей других комиссий, о результатах проверки фактов вредительства; передает проект тезисов Сталину; сообщает ему по меньшей мере о выводах Гинзбурга (Гинзбург вернулся в Москву рано утром 18 февраля, а через некоторое время Поскребышев передал ему, что «И. В. Сталин просил прислать записку о состоянии дел на Уралвагонстрое, о которой ему рассказывал Серго»). 18 февраля Орджоникидзе не стало. По официальной версии он внезапно скончался от паралича сердца, во время дневного отдыха. На XX съезде партии Н. С. Хрущев сообщил, что Орджоникидзе покончил с собой. Изложенные выше факты, как представляется, свидетельствуют о том, что либо Орджоникидзе, отчаявшись доказать свою правоту Сталину, действительно застрелился, либо Сталин, почувствовав угрозы в настойчивой подготовке Орджоникидзе к пленуму, принял свои меры.

Спустя несколько дней состоялись торжественные похороны Орджоникидзе. В газетных материалах, опубликованных в связи с кончиной Орджоникидзе, а затем к годовщинам его смерти, настойчиво проводилась мысль о том, что он был убежденным сторонником беспощадного выкорчевывания вредительства.

На февральско-мартовском Пленуме (23 февраля — 5 марта 1937 года) работники Наркомата тяжелой промышленности были подвергнуты острой критике. Доклад В. М. Молотова, который выступал вместо Орджоникидзе, был буквально заполнен обвинениями в политической слепоте и мягкотелости. Разносу подверглись сотрудники Наркомтяжпрома, проверявшие факты вредительства на местах и не согласившиеся с утверждениями НКВД, а также С. П. Бирман, чье письмо Молотов расценил как защиту ведомственного мундира.

Сами по себе формулировки, прозвучавшие на Пленуме, дополнительно проясняют предмет разногласий между хозяйственниками и высшим политическим руководством, аргументы сторон. «Теперь,— заявил Молотов,— нередко можно встретиться с таким рассуждением: разговоры о вредительстве сильно раздуты, если бы вредительство действительно представляло крупное значение, то у нас не было бы тех успехов, которыми мы гордимся. Успехи нашей промышленности, дескать, говорят о том, что вредительство кем-то раздуто». Суть этих слов становится понятнее, если учесть, что промышленность

в 1935—1936 гг. работала действительно успешно, достигнув невиданного по сравнению с предыдущими годами роста производительности труда. Явная бессмысленность утверждений о сосуществовании массового вредительства и хозяйственных достижений была очевидной. И потому на Пленуме прилагалось немало усилий, чтобы доказать «мнимость» данного противоречия. Сталин, например, посвятил этому специальный раздел своего доклада, назвав его «Теневые стороны хозяйственных успехов». Успехи есть, разъяснял Сталин, но они притупили бдительность и позволили врагам активизироваться.

В резолюцию Пленума была включена констатация, что выявление и разоблачение вредителей «происходило при пассивности ряда органов промышленности и транспорта... Более того, некоторые органы промышленности даже тормозили это дело». Вскоре почти все руководители Наркомата тяжелой промышленности были репрессированы.

Решения февральско-мартовского Пленума официально закрепили курс на массовые репрессии. Для его осуществления, конечно, в первую очередь соответствующим образом были настроены органы НКВД. Но не только. Для нагнетания в обществе атмосферы подозрительности, доносительства, идеологической амортизации недовольства арестами создавалась целая система механизмов. Одним из ее звеньев являлись многочисленные активы и собрания, обсуждавшие вопросы усиления бдительности. Они были призваны раскачать «нравственные скрепы» в трудовых коллективах, приучить людей к мысли о правомерности доносов, выявить и поднять на щит тех, кто уже был готов без уговоров громить «врагов» и срывать маску с их приспешников. К этой категории активных разоблачителей, большинство которых составляли ущемленные в чем-то подонки общества, мстившие всему миру за свои неудачи, сталинское руководство проявляло особую благосклонность. На февральско-мартовском Пленуме героиней нации из «маленьких людей» была, по существу, провозглашена некто Николаенко — киевлянка, в течение долгого времени писавшая жалобы на руководителей Киевской партийной организации. Ее «сигналы» в начале 1937 г. послужили поводом для разгрома партийных кадров в Киеве.

И все же, несмотря на мощную поддержку властей, разоблачительные мероприятия далеко не всегда проходили гладко. Препятствием на их пути была позиция

людей, сохранявших чувство собственного достоинства и порядочности. Конечно, такая позиция была опасной в прямом смысле слова. Открыто противостоять напору демагогов рисковали немногие. Зато частым на подобных мероприятиях было глухое молчание залов или формальные заявления вынужденных ораторов. Все это в полной мере проявилось уже сразу после февральско-мартовского Пленума. Проведенные тогда собрания и активы, призванные развить импульс, данный Пленумом, во многих случаях не удовлетворили руководство партии и свидетельствовали о наличии пассивной оппозиции принятому курсу. Так, обобщая результаты активов, состоявшихся в наркоматах, председатель Комиссии советского контроля при Совнаркоме СССР Н. А. Антипов отмечал, что пока на собраниях актива говорили «больше всего о выявленных уже фактах вредительства и диверсий», всячески уклоняясь от перечисления новых имен. Активы многих наркоматов, продолжал он, «прошли формально», как отбывание очередной повинности, не вскрыли причин вредительства, причин плохой работы. Вскоре с аналогичными обвинениями в адрес наркоматов тяжелой и легкой промышленности обрушилась «Правда». Комментируя ход работы активов этих ведомств, газета писала: «Уйдя с головой в практические вопросы хозяйственного строительства, многие руководители главков, трестов, заводов оказались в плену узколобого делячества... Расследуя аварию, такой хозяйственник ищет породившие ее технические причины, но не видит той руки, которая вызвала расстройство производства».

Упорно отказывались действовать по рецептам февральско-мартовского Пленума и некоторые участники активов научных учреждений. Вяло шло разоблачение «вражеской деятельности» на активе Академии наук. Демонстративная пассивность ученых вызвала недовольство в руководстве партии. С раздражением, например, был зафиксирован тот факт, что академик С. И. Вавилов «в своем выступлении всячески обходил политическую сторону вопроса, уклонившись от выражения своего отношения к решениям Пленума и речи т. Сталина». Была отмечена дерзость академиков ВАСХНИЛ, в большинстве своем вообще не явившихся на актив. Мало того, академик Н. К. Кольцов, посетивший все-таки это мероприятие, устроил целую демонстрацию. Назвав нападки на генетику походом против науки, он заявил: «Я не отрекся от того, что говорил и писал, и не отрекусь,

н ннкакимн угрозами вы меня не запугаете». А закончил свою речь стнхами: «Брось, товарищ, устрашенья. У науки нрав не робкий. Не заткнешь ее теченье никакою пробкой».

Понятно, однако, что подобные выступления не могли остановить маховик мощной государственной машины, нацеленной на «большую чистку». Волиа репрессий захлестнула страну. В 1937 г. только по политическим приговорам «троек», особых совещаннй и военных трнбуналов, по некоторым, причем явно не преувеличенным, данным, было расстреляно 350 тысяч человек. Арестованных и погибших в лагерях насчнтывалось во много раз больше. В стране нагиеталась истерия выявления врагов. Соответствующими материалами заполнялись газетные полосы. Обязательный сюжет о шпионах присутствовал почти в каждом кинофильме, не исключая и комедии. На промышленных предприятиях сотрудники НКВД знакомили рабочих с приемами деятельиости иностранных разведок. Миогочисленные публикации прославляли героев бдительности. «Идут с заявленнямн о фактах вредительства, иазывают фамилии, имена людей, требуют скорейшего разбора»,— сообщал, например, корреспондент «Правды» из Ленинграда. В начале октября было принято постаиовление ЦИК СССР об увеличении максимального срока лишения свободы с 10 до 25 лет. Через некоторое время Пленум ЦК ВКП(б) избрал Ежова кандидатом в члены Политбюро. В декабре по команде сверху по всей стране было организовано торжественное празднование 20-летия ВЧК — ОГПУ — НКВД. В Большом театре на собрании актива Москвы с докладом выступил А. И. Микоян. «У иас каждый трудящийся — наркомвнуделец!» — заявил он.

В условиях, когда слишком многие сталн «наркомвнудельцами», каким-либо образом противостоять репрессиям было крайне сложно. Малейшие сомнения в обоснованностн арестов момеитально пресекались. И все же попыткн как-то воздействовать на ситуацию, вывести нз-под удара хотя бы отдельных людей предпрннималнсь. Память об этом сохранилась главным образом в дошедших до нас воспоминаниях. Зачастую мемуары обрастали малоубедительными подробностямн, но само их существование отражает, несомненно, некие имевшие место события. Как и в предыдущнх случаях, прнходнтся повторить: пока документы по таким фактам недоступны. Но отвергать на одном лншь этом основанни реальность

выступлений ряда видных деятелей против репрессий было бы неверным.

В принципе возможность для таких выступлений была даже в условиях всеобщего государственного террора. Одно из свидетельств тому и одновременно пример попытки противостоять репрессиям в период их максимального развертывания — статья М. Сувинского «Паникеры» в «Известиях» от 26 августа 1937 г. Автор резко критиковал руководство Саратовской области и местную газету, которые для оправдания плохой организации уборки урожая пустили «гулять по краю чудовищную, ни с чем несообразную версию о массовом саботаже уборки». В статье — и в этом заключалась ее основная идея,— пожалуй, впервые открыто прозвучало предостережение: политика репрессий активно поддерживается прежде всего некомпетентными и непорядочными людьми, стремящимися с ее помощью удержаться на незаслуженных постах. «Как иному незадачливому руководителю,— писал М. Сувинский,— не воспользоваться таким удобным, все объясняющим лозунгом для оправдания своей собственной бездеятельности и неумения работать... Что же делают руководители? Окрыленные мыслью о наличии саботажа, они «развернули» отдачу под суд и отстранение от работы в административном порядке десятков председателей колхозов, бригадиров, предсельсоветов и т. д...» Главная причина прорывов в сельском хозяйстве Саратовской области, утверждал автор, состоит как раз в массовых репрессиях, дезорганизующих колхозы, лишающих людей уверенности и ответственности.

Статья Сувинского столь разительно отличалась от других публикаций того времени, что ее сразу же заметили в ЦК ВКП(б). Организационные меры были приняты оперативно. Уже 1 сентября «Известия» сообщили своим читателям: «По вине редакции 26 августа в «Известиях» была помещена политически ошибочная статья М. Сувинского «Паникеры», представляющая собою, по существу, вражескую вылазку. Автор статьи, грубо извративший факты и сделавший в своем выступлении совершенно неправильные и политически вредные выводы, снят с работы в редакции «Известий».

Конечно, фактов, подобных этому, было относительно немного. Гораздо более широкие масштабы приобрело, так сказать, неосознанное сопротивление произволу — стремление людей в условиях террора сохранить свое человеческое лицо. В 1937 г., как и в другие анало-

гичные периоды, действовать цинично и бессовестно было значительно проще, чем жить по совести. Самые естественные чувства и поступки — сострадание, взаимопомощь, доверие к ближнему — представляли тогда особую опасность. Но именно они были, пожалуй, самым серьезным препятствием на пути произвола в то время, когда государство попирает закон. Общеизвестны случаи спасения и взятия на воспитание детей репрессированных. Память многих семей хранит факты материальной и моральной поддержки в тяжелую минуту. Нередко такая помощь становилась поводом для репрессий. В июне 1937 г., например, «Правда» выступила со статьей «Политическая слепота или пособничество врагам?», в которой выражалось политическое недоверие старому члену партии, директору Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова М. И. Лацису. По утверждению газеты, он «всячески старался помочь и отеческой заботой, и материальной поддержкой» разоблаченным «врагам» и увольнял тех, кто занимался выявлением в коллективе института «троцкистских шпионов». Вскоре Лацис был репрессирован.

Наиболее распространенной формой протеста против репрессий были письменные заявления, которыми заключенные, их родственники, друзья или коллеги буквально засыпали все инстанции. Многие из этих писем, в частности ходатайства П. Л. Капицы, хорошо известны. Большинство пока еще скрыто в архивах.

При оценке приведенных выше и многих других фактов возникает существенный вопрос: насколько подобные действия были сознательным сопротивлением политике правительства, в какой мере общество верило в виновность многочисленных «врагов», выявленных НКВД? Один из широко распространенных сегодня стереотипов исторического сознания гласит: люди, безусловно, верили в правоту руководства страны, в виновность «врагов народа». В немалой степени такие утверждения верны. Ведь люди в 30-е гг. располагали весьма односторонней информацией о происходившем. Годами их приучали к мысли, что у нового общества много врагов, как внешних, так и внутренних, и не все из этих утверждений были абсолютным мифом. В Германии к власти пришел Гитлер, тревожная обстановка складывалась на Дальнем Востоке. Сталинская политика террора постоянно умножала число недовольных, а то и озлобленных насилием и несправедливостью. Только бывших членов партии,

исключенных из ее рядов или механически выбывших с 1922 г., к началу 1937-го насчитывалось около 1,5 миллиона. Конечно, эти люди не были врагами своего народа, но, несомненно, многие из них ненавидели, и вполне справедливо, созданную Сталиным государственную систему. Отделить же Сталина от народа и высоких идеалов мог далеко не каждый. А поэтому его враги воспринимались большинством как «враги народа».

Особая восприимчивость поколения 30-х гг. к официальной пропаганде объяснялась еще и тем, что всякие сомнения в ее правдивости были просто опасны. Для того чтобы выжить, нужно было верить. Осознанно или неосознанно люди гнали от себя крамольные мысли, предпочитали не перегружать сознание и совесть раздумьями о многочисленных несостыковках официальной идеологии и жизни. Те же, кто вырывался из этого состояния, все равно опасались высказывать свои мысли вслух. Таким образом, официальные версии не встречали существенных препятствий.

И еще одно обстоятельство, о котором необходимо упомянуть. В стране действительно было немало трудностей, вопиющих проблем, беззаконий. Существовавшая хозяйственная система порождала такую немыслимую бесхозяйственность, а недемократичная государственность — такой дремучий бюрократизм и злоупотребления, что не слишком обремененные культурой и политическим опытом массы охотно верили в реальность разветвленного вредительства. Понимая это, сталинское руководство разворачивало репрессии 1937 г. на волне демагогической кампании самокритики, осуждения бюрократизма и злоупотреблений руководящих работников. В народе накопилось огромное недовольство тяжелыми условиями жизни, преступлениями предшествующих лет. Многие из руководителей, сложивших голову в 1937 г., на самом деле были «героями» раскулачивания и выкачивания хлеба из умиравших деревень, преследования инакомыслящих и т. п., а потому их арест воспринимался зачастую как заслуженная кара.

Все эти и другие обстоятельства переплетались, образуя сложную картину, в которой сливались воедино реальность и ложь, объективные проблемы и порочные методы их разрешения, страх и вера в вождей, в Советскую власть. Разобраться во всем этом человеку 30-х гг. было непросто. И все же процесс постепенного прозрения охватывал определенные слои общества. Потрясающие

масштабы репрессий, самые невероятные обвинения в адрес часто малограмотных и не имевших никакого отношения к политике людей (ведь распространяемые сегодня версии, будто репрессии затронули главным образом руководителей, абсолютно неверны: в номенклатуру ЦК, скажем, в то время по всей стране входило чуть больше 30 тысяч руководителей всех уровней) или, наоборот, деятелей, которых еще недавно боготворили,— все это рождало сомнения, стимулировало самостоятельные поиски ответов на уже разъясненные официально вопросы.

Свидетельства о таких настроениях сохранились в разном виде. Категорическим отказом верить в вину репрессированных пронизаны многочисленные жалобы и прошения. В ряде писем на имя руководства страны вопрос о репрессиях ставился вообще резко, а действия НКВД объявлялись преступными. Недавно стали доступными дневниковые записи тех лет. И если всепонимание мудрого академика В. И. Вернадского можно воспринимать как должное, то схожие мысли школьника из маленького городка Буй (ныне Костромская область) Юрия Баранова еще раз заставляют задуматься об истинных настроениях в обществе того времени. Дневник Юрия Баранова — документ большой силы. Написал его человек чистый, глубоко преданный Родине, но не бездумный усвоитель официальных истин. Как и многие его сверстники, Юрий в 1937 г. потерял отца. По поводу его ареста он писал: «Страшное несчастье постигло нашу семью. Папу арестовали по обвинению в самом страшном — во вредительстве. Я уверен, нет, более чем уверен, что он этого не заслуживает, а даже наоборот...» Запись после суда: «В результате случилось то, чего мы все боялись и о чем боялись даже думать,— папу приговорили к расстрелу. Это совсем не значит, что я отказываюсь от своих замечаний о папе, которые давал в этом дневнике. Нет. Я мог бы много написать о его суде, но не могу сделать этого, как не мог писать даже замечаний об этом до сих пор».

В июне 1937 г. на Трехгорной мануфактуре проходило отчетно-выборное комсомольское собрание. Корреспондент «Правды» сообщал о нем: «Прения... протекали без должной политической остроты. На фабрике орудовали троцкисты... Среди молодежи имели место нездоровые настроения. Наконец, в памяти у всех процессы разоблаченных советской разведкой мерзких троцкистско-бухаринских шпионов, убийц и предателей. И если при

всем этом комсомольцы в своих речах почти не выходили из круга будничных вопросов внутрисоюзной работы, это говорит о неправильной системе воспитания молодежи в организации». А вот О. И. Никитина, старый член партии, работница-ткачиха, на собрании не сдержалась и заявила: «Говорите, все предатели. Что же Ленин-то совсем без глаз был, не видел людей, которые вокруг него жили». За это она получила десять лет.

Вообще нужно сказать, что многие были арестованы именно за то, что открыто выражали несогласие с политикой террора. Каким-либо образом определить число таких людей невозможно. Но они были, и это еще одно свидетельство того, что утверждения о молчавшем под гипнозом репрессий обществе относятся к области тех широких исторических обобщений, которые, выражая в целом преобладающую тенденцию, искусственно отбрасывают существенные стороны исторической реальности. К немногочисленным пока фактам, позволяющим в какой-то мере реконструировать эту реальность, хоть как-то оценить общественное сознание конца 30-х гг., относятся материалы обсуждений документов XVIII съезда партии. В начале 1939 года в газетах были опубликованы тезисы докладов на съезде о третьей пятилетке (докладчик В. М. Молотов) и об изменениях в Уставе партии (докладчик А. А. Жданов). Затем состоялось их обсуждение на партийных собраниях, конференциях, на страницах печати. Немало писем и предложений в связи с тезисами получили ЦК ВКП(б), а также «Правда», которая вела накануне съезда специальный «Дискуссионный листок».

Для того чтобы оценить эти письма и предложения как источник, необходимо прежде всего охарактеризовать историческую обстановку, в которой проходило предсъездовское обсуждение. По сравнению с 1937 г. она несколько изменилась. Массовые репрессии дезорганизовали общество, подорвали его жизнеспособность. Резко ухудшилось в связи с этим положение в экономике. Составив в 1936 г. 28,8 процента, темпы роста общего объема промышленного производства, например, снизились в 1937 г. до 11,1, а в 1938-м — до 11,8 процента. Все это заставляло сталинское руководство маневрировать. В январе 1938 г. Пленум ЦК ВКП(б) осудил так называемое «формальное и бездушно-бюрократическое отношение к людям, к членам партии», что вызвало надежды на прекращение произвола. Однако этого не произошло. В 1938 г. были организованы новые процессы, расстреляны сотни

тысяч людей. Два года террора грозили всеобщим расстройством, и Сталин решил отступить более основательно. В конце 1938 г. пост наркома внутренних дел вместо Ежова занял Берия, которому поручили притормозить репрессии, создать видимость восстановления справедливости. Число арестов по сравнению с 1937—1938 гг. резко сократилось. Некоторые вышли из тюрем. Однако о миллионах людей, расстрелянных или умиравших в лагерях, обществу предлагали забыть. Под ними словно подвели черту, а оставшимся на свободе взамен пообещали, что 1937 г. больше не повторится. Вся ответственность за репрессии была возложена на Ежова и его сотрудников, и, чтобы замести следы, их без лишнего шума ликвидировали.

Существенную роль в идеологическом обеспечении маневра «умиротворения» должен был сыграть XVIII съезд партии. В тезисах доклада Жданова в очередной раз в общих фразах осуждались факты «формально-бюрократического отношения» к судьбе членов партии, клеймились клеветники и перестраховщики, на которых возлагалась значительная доля ответственности за репрессии. В новом Уставе были отменены категории при приеме в партию и ее чистке, фиксировались права коммунистов. Все это призвано было демонстрировать серьезность намерений руководства отказаться от практики 1937 г. Эти же политические цели преследовало решение о широком предварительном обсуждении тезисов съездовских докладов.

Кампания обсуждения в большинстве случаев носила формальный характер. Все документы в основном «горячо одобрялись». Малейшее несогласие воспринималось настороженно, а нередко расценивалось как враждебная вылазка. Это грозило сорвать задуманное мероприятие, и потому руководство партии решило умерить бдительность местных работников. В качестве повода был избран конфликт во Фрунзенской районной парторганизации города Иваново. Один из делегатов районной конференции, Никольский, возразил против какого-то положения тезисов доклада о третьем пятилетнем плане, за что был немедленно исключен из партии. В конце февраля 1939 г. ЦК ВКП(б) принял по этому делу специальное постановление. Никольского восстановили в партии, а местным партийным руководителям сделали внушение: «ЦК разъясняет, что дискуссия не исключает, а предполагает различие во мнениях и взаимную критику...»

Это, на первый взгляд, нелепое разъяснение было более чем уместно. Ведь случалось даже, что коммунистов привлекали к ответственности за высказывания, опубликованные в... «Дискуссионом листке» «Правды».

Понятно, что рассчитывать на полную откровенность не приходилось. Тем не менее предсъездовская дискуссия была, пожалуй, единственным официальным «референдумом» по поводу политики, проводившейся в 1937—1938 гг. Как к «референдуму» относилось к этому мероприятию и руководство партии: для него составляли обзоры писем и предложений, выделяя наиболее характерные настроения и высказывания. Трудно сказать, какие цели преследовались в этом случае. Но если речь шла о том, чтобы выяснить, в какой мере 1937—1938 гг. «воспитали» единомыслие, то результаты опроса были неоднозначными. Наряду с многочисленными «поддерживаем» почта «Правды» и ЦК ВКП(б) содержала немало писем «не для печати».

В ряде случаев критике подвергались тезисы доклада о третьей пятилетке, вскрывалась фальсификация итогов выполнения второго пятилетнего плана. «Все сравнения, производимые в тезисах Молотова,— писал А. М. Аладжалов из Горького,— выраженные в рублях, неубедительны. Какие могут быть сравнения, когда самое мерило — советский рубль — на глазах у всех непрерывно падает... Необходимо прекратить инфляцию и ввести золотое обращение». «Накручивание» повторного счета при учете валовой продукции в стоимостном исчислении отмечал автор материала, поступившего в «Правду» за подписью И. Горшков. В рукописи содержались перерасчеты, из которых следовало, что вместо ожидаемого роста населения за вторую пятилетку со 165,7 до 180,7 миллиона человек оно уменьшилось до 155—160 миллионов (о причинах автор умолчал, но они были ясны). Член ВКП(б) Павлюченко из Ачинска Красноярского края полагал, что в резолюции съезда необходимо включить положение «о ликвидации блата, очередей, спекуляции».

Самую обширную почту составляли письма, осуждавшие репрессии. Прежде всего большинство корреспондентов прямо или косвенно критиковало сложившуюся в партии и стране в результате двухлетнего террора обстановку. М. Пахомов из Москвы в письме на имя Сталина, аргументируя положение, что кадровая чистка привела к провалам в народном хозяйстве, писал: «Атмосфера недоверия и излишняя подозрительность, кото-

рые существуют во взаимоотношениях людей и на работе, нн в какой мере и ничем не оправдываются... Такая атмосфера н излишняя подозрнтельность суживают размах работы, тормозят инициативу и эиергию работников н чрезвычайно вредно сказываются на всей работе... Считаю необходимым обратить Ваше виимание на совершенно ненормальное положенне старых членов партин, подпольщиков, и особенно членов партии с 1917—1920 годов, активных участннков революцин и гражданской войны. На руководящей работе старых членов партии можно найти единицы... Говорят, что им теперь нет доверия... Я не согласен с такой практикой...»

Значительным был объем писем, в которых выражалось требование сурово наказывать так называемых клеветников-доносчиков, оговоривших честных людей. Именно деятельность клеветников вкупе с пронсками врагов, перестраховщиков и карьеристов официальная пропаганда объявляла одной из главных прнчин беззаконий. Конечно, клеветникн и карьеристы действительно существовали, но онн были лишь одной из шестеренок мощного механизма репрессий, запущенного правительством. Факты свидетельствуют, что многие это понималн. Однако говорить о прямой связн доносчнков н власти было смертельно опасно, н поэтому в критнке клеветннков нередко негласно соедннялось возмущение как соотечественникамн, ставшими на путь доносов, так н властями, вызвавшими к жизни этот мутный поток. В письмах содержалнсь требования привлекать к ответственности не только клеветников, но н руководителей парторганизаций, допустивших исключенне из партии по клеветническому заявлению. А леннградец С. Северов критиковал даже ЦК ВКП(б) за опоздание с нсправлением ошибок, что, по его мнению, привело к слншком большому распространению произвола.

Некоторые участники обсуждения предсъездовских документов были озабочены созданием хоть каких-то механизмов предупреждения репрессий. Многие в то время оказались нсключенными из партии по надуманным, клеветническим обвинениям. В большинстве случаев за исключением рано или поздно следовал ночной звонок в дверь. Вот почему становится понятным пристальный интерес к положениям нового Устава о правах члена партии. Наиболее решительно выдвигались требовання максимально демократнзировать процедуру исключения нз партии. Многие критиковали предложенную руковод-

ством ВКП(б) обтекаемую формулировку о праве члена партии требовать личного участия в рассмотрении его персонального дела, предлагали сформулировать этот пункт четко и определенно: член партии имеет право участвовать в заседаниях, рассматривающих его персональное дело. С учетом реальной практики исключений, когда запуганные участники собраний единогласно поднимали руки, поступило немало предложений о тайном голосовании при решении судьбы коммуниста.

Обсуждение предсъездовских документов выявило недовольство утвердившейся в стране и партии практикой разделения людей по социальному происхождению, составления разного рода анкет, ведения досье о прошлой деятельности. Все знали, что в период массовых репрессий именно эти материалы нередко служили поводом для ареста. Каждый, кто хоть раз в жизни подверг критике политику руководства страны, либо встречался с людьми, попавшими в разряд «врагов народа», либо имел взыскания по партийной линии и т. д., мог с полным основанием опасаться ареста в любой момент. Для того чтобы сломать эту систему, авторы многих писем предлагали прекратить составление секретных дел на коммунистов, не фиксировать в документах сведения о взысканиях, если они были отменены или признаны позже необоснованными, ликвидировать сложившуюся в парторганизациях практику деления коммунистов по сортам: на проверенных и подозрительных.

Итоги обсуждения нового Устава партии по-своему сигнализировали: в обществе существует недовольство произволом, люди ищут гарантий против повторения репрессий. Потом временами это недовольство усиливалось, становилось более раскованным, способным на откровенное выявление истинных корней и виновников «1937 года». А это, в свою очередь, укрепляло потенциальную силу противодействия репрессиям, гарантии демократического пути нашего развития. Ведь подлинная демократия — это не просто парламент и конституция. Это — прежде всего демократическая культура общества, важнейшим элементом которой является способность каждого противостоять произволу.

Б. И. Беленкин

«РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ»: POST SCRIPTUM

В числе тех немногих, кто составил исключение и, будучи арестованным, пытаемым и судимым в годы «большого террора», не вопрошал: «За что?!», были два человека — Александр Гаврилович Шляпников и Сергей Павлович Медведев. В отношении Сталина и его окружения у Шляпникова и Медведева иллюзий никогда не было. Есть твердое основание утверждать: ничего хорошего для себя они уже давно не ждали. И, если не предвидели своей казни и репрессий против членов семей, то к жестоким преследованиям готовы были.

Противодействие Шляпникова и Медведева сталинщине носило спорадический характер. Их имена не встречаются ни в списках сторонников Троцкого, ни Каменева и Зиновьева. Два бывших лидера «рабочей оппозиции» после XI съезда РКП (б) никаких постов в партийной иерархии не занимали, связь с рабочими массами волею «верхов» была оборвана, поэтому оказывать влияние «легальным» путем на партийцев, на рабочих они не могли. Ярлык «рабочей оппозиции» оказался слишком прилипчивым, факт острой полемики с Лениным (а они были последними, с кем он публично вел полемическую борьбу) был слишком свеж в памяти современников. Угроза исключения из партии нависала над ними по любому поводу. Поэтому встать на путь открытой или скрытой борьбы со Сталиным и его большинством значило поставить себя вне партии. Решиться на это они не могли по многим причинам. Одна из которых — опыт фракционной деятельности в 1921 г.

История знаменитой оппозиции, которую возглавили А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и А. М. Коллонтай, началась и закончилась при жизни В. И. Ленина. Резолюции X съезда РКП (б) «О единстве партии», «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» и резолюция XI съезда «О некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции», можно сказать, поставили на ней крест. Никаких реальных попыток возродить «рабочую оппозицию» не предпринималось.

Александра Михайловна Коллонтай с 1923 г. находилась на дипломатической работе и во внутрипартийной борьбе никакого участия больше не принимала. Умерла она в 1952 г. на 80-м году жизни в Москве в собственной квартире. Судьба двух других лидеров оппозиции сложилась иначе. Случилось так, что имена их, как только наступал апогей очередной кампании по борьбе с очередным уклоном, то и дело вновь появлялись на страницах партийной печати, к тому же в сопровождении самых уничижительных характеристик. Выделить крупицы истины из нагромождений лжи, каскадов оскорбительных выпадов — труд не из легких. Если следовать печально известному аргументу «нет дыма без огня» и искать источник глухой дымовой завесы газетно-журнальных атак на Шляпникова и Медведева эпохи 1924—36 гг., то придется вернуться все к той же «рабочей оппозиции». Дым от ее потухшего костра ел глаза не один десяток лет. Дым был необходим, чтобы глаза, слезящиеся от «праведного» гнева, не разглядели ненароком нечто истинное. Вывелась целая порода ворошителей потухшего костра; в их руках излюбленные средства: провокация, подлог, клевета. Но, случалось, вместе с клубами дыма летели искры,— ведь угли-то были еще некоторое время раскалены...

Наша задача: рассказать о тех искрах, которые удавалось высекать ворошителям из тлеющих углей 20-х годов.

Александр Гаврилович Шляпников. Член партии с 1901 г. Бывший токарь высшей квалификации, бывший член ЦК партии, бывший нарком труда, бывший председатель ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов, бывший председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта, бывший председатель Комиссии ЦК по улучшению быта рабочих... с середины 20-х годов работает в советских представительствах и руководит рядом хозяйственных ведомств.

Медведев Сергей Павлович. Член партии с 1900 г. Бывший токарь. Бывший председатель Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, бывший комиссар 1-й Армии Восточного фронта, бывший член ЦК Союза металлистов... в 20-х — начале 30-х гг. председатель синдиката «Всецветмет», затем — в резерве ВСНХ и Наркомтяжпрома.

В истории внутрипартийной борьбы имена друзей-единомышленников Шляпникова и Медведева стоят рядом.

В историю эту они вписаны так же, как Каменев и Зиновьев, Бухарин и Рыков, Слепков и Рютин... устойчивым «имясочетанием». Культивирование десятилетиями подобных сочетаний стерло индивидуальные черты каждого отдельно взятого имени. Тоталитарная пропаганда, породив двуглавых двухфамильных монстров, лишила исторических деятелей собственного «я». История распорядилась так, что из пары Шляпников — Медведев о первом мы знаем и можем узнать неизмеримо больше, чем о втором. Хотя Медведев, а об этом говорят публикации последнего времени, как личность представляет интерес никак не меньший [1]. Более того, судя по всему, Сергей Павлович в истории внутрипартийного противостояния Сталину занимал более активную позицию, чем его друг. Мы знаем немногое. Его «письмо бакинскому товарищу» [2], о связи с группой Рютина [3], ответы на допросах [4]. Из рассказа его дочери следует, что летом 1930 г. Медведев принимал участие в каких-то конспиративных встречах-переговорах...

Почти все, что хотели и могли сказать эти два члена партии с двадцатилетним стажем о путях и методах строительства социализма в России, они сказали зимой и весной 1921 года. Сегодня тезисы «рабочей оппозиции» вкупе с рядом статей и выступлений ее лидеров можно было бы назвать шляпниковской моделью социализма.

Все, что хотел и мог сказать об этой модели В. И. Ленин, он сказал тогда же, зимой и весной 1921 г. Тезисы «рабочей оппозиции» были отвергнуты большинством партии. Правда, с некоторым «но»... Ленинское «но» так и вошло в резолюцию X съезда «О единстве партии»:

«Поручая ЦК провести полное уничтожение всякой фракционности, съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекающим особое внимание членов партии,— об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самодеятельности рабочих и т. п.,— какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе. Все члены партии должны знать, что по этим вопросам партия не осуществляет всех необходимых мер, встречая целый ряд разнообразных препятствий, и что, отвергая решительно неделовую и фракционную критику, партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самодеятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д.» [5].

Все, или большая часть того, что Ленин счел неприемлемым в «рабочей оппозиции», шло от Медведева

и Шляпникова — советских профсоюзных лидеров; приемлемым же оказалось то, что исходило от Шляпникова и Медведева — рабочих, активных участников революционного движения.

Шляпников в своих тезисах опирался на опыт профсоюзной работы первых послеоктябрьских месяцев, когда союзы овладевали национализированными или брошенными владельцами предприятиями. Именно опыт, практика экономического строительства, приобретенный за время первого мирного периода существования Советского государства, подсказывал Шляпникову единственно правильный, с его точки зрения, вариант управления народным хозяйством. Но реальность была намного сложнее, в реальности были годы гражданской войны, практика «военного коммунизма», во время которых сложился особый госаппарат управления экономикой; слишком изменился социальный и кадровый состав рабочего класса, слишком ослабли как сами профсоюзы, так и их реальное значение в народнохозяйственной жизни. Пресловутый шляпниковский «съезд производителей» был съездом таких же, как Шляпников и Медведев, асов и певцов «зубчатой, коленчатой, шумящей стихии» [6], токарного станка, но подобных асов в России 1921 г. было плачевно мало.

Говоря об отвергнутых в целом тезисах, необходимо помнить еще и следующее. Шляпникову всегда было присуще чувство личной ответственности за происходящее. Когда-то он, единственный рабочий в Совнаркоме, видел в создании «однородного социалистического правительства» (то есть состоящего из представителей всех партий, называвших себя социалистическими и представители которых входили в Совет рабочих депутатов) наиболее реальную перспективу для облегчения экономического положения российского пролетариата. Присоединившись к тем большевикам, которые в начале ноября 1917 г. выступили против однопартийного состава правительства, Шляпников тем не менее не сложил с себя, подобно другим, звания наркома труда.

В заявлении, опубликованном в ноябре 1917 г. в «Правде», он писал: «...я решительным образом отверг тактику отказа от несения обязанностей, возложенных партией и Съездом Советов, а также снятие с себя ответственности в переживаемый нами момент» [7]. Более того, он вскоре возглавил еще один наркомат — торговли и промышленности. Он остался на своем посту, потому что ощу-

щал тревогу за судьбу тех, кого объединял Всероссийский союз металлистов, организатором и лидером которого он стал после Февральской революции. Эта тревога и ответственность проявились еще накануне Октября, когда Шляпников, в целом поддерживая курс партии на вооруженное выступление, высказывался против непродуманных действий, указывал на сложность экономического положения страны и призывал не забывать о нуждах рабочего класса. Этот же призыв прозвучал в 1921-м в платформе «рабочей оппозиции» и не расходился с принятыми на X съезде резолюциями.

В 1915—1917 гг. жизнь то и дело сталкивала Шляпникова, стоявшего тогда во главе Русского бюро ЦК, с разного рода революционной и околореволюционной накипью: интриганами от революции, провокаторами, авантюристами всех мастей, с так называемыми «бывшими партийцами» (от «обуржуазившихся обывателей» до «международных спекулянтов»). На его глазах после победы революции в партию стали возвращаться ее «блудные сыны», пришли и личности с темным прошлым и сомнительным настоящим. На опасность растворения в партии пролетарского элемента, так же как на необходимость борьбы с бюрократизмом Ленин и Шляпников смотрели одинаково. Проблемам улучшения, реорганизации работы госаппарата посвящены последние ленинские работы... Но поразить или победить партийную бюрократию, это «чудище обло...», оказалось невозможным. Чудище сожрало, не поперхнувшись, и наивных лидеров «рабочей оппозиции», и завещание партийного вождя, и вообще все, что можно было сожрать. Ненасытное и плотоядное, оно уже ползало у сапог своего нового хозяина.

Медведева и Шляпникова погубила, конечно, не полемика с Лениным, не ее острота, а то, что основной мишенью критики, так или иначе, оказался партийный аппарат. Шляпников и Медведев одними из первых видных большевиков испытали на себе немилость этого аппарата, все более набирающего силу по мере ухудшения здоровья В. И. Ленина.

Всевидящему и всезнающему аппарату было очевидно, что многие бывшие сторонники «рабочей оппозиции» по отношению к политике сталинского большинства продолжают занимать в той или иной степени негативную позицию. Иначе и не могло быть. Иначе все их декларации двадцать первого года ничего бы не стоили. После-

дующие события, в том числе действия партаппарата, вопиюще противоречили резолюциям X съезда, в которых, в частности, говорилось о развитии рабочей демократии и о борьбе с бюрократизмом всеми средствами. Последнее положение было своего рода idée fixe лидеров «рабочей оппозиции» и делало неизбежным инакомыслие Шляпникова, Медведева и их друзей во все следующие годы, вплоть до насильственной гибели.

Они понимали, что церемониться с ними никто не будет, и старались не давать поводов для применения санкций в соответствии с резолюцией «О единстве партии». Но обстоятельства складывались так, что уподобляться безгласным рыбам становилось порой невмоготу. В силу своей личной порядочности и ответственности молчать по поводу тех или иных тревожных явлений в жизни страны и партии они не могли. Но стоило кому-то из них на страницах ли печати, в частной переписке, в кругу друзей и земляков высказаться о сложившемся политическом или экономическом положении, тут же поднимались инспирированные сверху газетные и журнальные бури, сыпались угрозы, ОГПУ повышало бдительность...

Разберем конкретные случаи, давшие повод партийным охранителям обвинить бывших лидеров «рабочей оппозиции» в злостном инакомыслии и в соответствующих намерениях и поступках.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ: «НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ»

После XI съезда РКП(б), на котором А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и А. М. Коллонтай были предупреждены об исключении из партии, лидеры «рабочей оппозиции» замолчали. Для Шляпникова политическое молчание длилось 1 год 8 месяцев. Еще в 1920 г. он приступил к работе над воспоминаниями. С тех пор ежегодно, на протяжении семи лет, выходили его книги или статьи, посвященные истории революции 1917 г. После весны 1922 г. Шляпников, признанный медицинской комиссией, как явствует из выступления Сталина на XII съезде РКП(б), «абсолютно негодным на ближайший период для ответственной работы» [8], ведет активную исследовательскую деятельность в Истпарте.

Чтобы яснее представить себе, при каких условиях

состоялось его первое после XI съезда полемическое выступление, вкратце напомним о некоторых событиях внутри партии. В сентябре 1923 г. на Пленуме ЦК РКП(б) было принято решение о развертывании внутрипартийной демократии. После Пленума в ЦК поступило письмо Троцкого с критикой политики, проводимой ЦК, а затем — «Заявление 46-ти», в котором особой критике подвергся полный зажим партийными верхами свободы мысли и мнений... 5 декабря на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК принимается резолюция «О партстроительстве», подтверждающая курс на внутрипартийную демократию. Вслед за этим появляется статья-письмо Троцкого «Новый курс» и разворачивается дискуссия, в которой принимают участие Е. Преображенский, Н. Осинский, Г. Пятаков и др. Пленум ЦК (14—15 января 1924 г.) подвел итог дискуссии и осудил оппозицию. 16 января начала свою работу XIII партконференция. На ней была принята специальная резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», направленная в основном против Троцкого и платформы 46-ти. И только 18 января, в последний день работы конференции, «Правда» публикует статью Шляпникова «Наши разногласия» — непосредственный отклик на резолюцию от 5 декабря и последующую дискуссию.

Возникает вопрос: зачем понадобилось явно дискуссионную статью публиковать в ЦО партии после завершения дискуссии, после осуждения оппозиционных точек зрения и к тому же в последний день работы конференции? Очевидно, что статья писалась не «в стол», а в полной уверенности на возможность публикации. Скорее всего, в «верхах» Шляпникову предложили высказаться, что он и сделал на 1,5 печатного листа.

Ряд выдержек из статьи, полагаю, дадут верное представление о той позиции, которую занимал Александр Гаврилович Шляпников во время дискуссии конца 1923 г.

«...Мы присоединяем свой голос протеста против попыток политического шельмования оппозиции... Среди протестующих ныне против подобных недостойных приемов полемики между членами партии мы видим и таких, которые еще в весьма недавнее время немало потрудились в деле дискредитирования и шельмования иных инакомыслящих. Мы можем лишь приветствовать их перемену и выразить пожелание, чтобы их урок не пропал даром для тех, которые теперь занимаются подобным ремеслом...

Сами представители центрального комитета, открывшие дискуссию, дают в своих речах такие объяснения новому повороту партии, которые показывают, что мысли «рабочей оппозиции», в известной

части, им теперь стали нечужды, если не подозревать их в том, что они взяли их напрокат для овладения «стихией демократии»...

Борьба велась (после X съезда партии.— *Б. Б.*) не по идейной линии, а путем недопущения и вышибания с мест работы, систематических переброcок и даже исключения из партии. Всякий член партии, выступивший в защиту резолюции X съезда о рабочей демократии, объявлялся сторонником «рабочей оппозиции» и разлагателем партии и подвергался всем бичам упрочившегося в ней приказного режима...

Получая полное одобрение и поддержку со стороны теперешних деятелей оппозиции мерам расправы со сторонниками «рабочей оппозиции», Центральный комитет после XII съезда почувствовал себя в силе применить часть из этих мер и в отношении тех, кто, по мнению руководящего состава Политбюро, не разделяет его линии работ и ведет против него открытую или скрытую борьбу. Удары учетно-распределительного аппарата были направлены на непокорявшихся троцкистов и демократических централистов. Начались снятия с политических постов сторонников этих направлений...

Не случайно у нас расцвел тот партийный режим, который ныне находит такое резкое осуждение. Политика, проводившаяся до сих пор, не могла опираться на пролетарскую самодеятельность, а непролетарские партийные слои по своей психологии оказались благодарными элементами для приказной системы работы, и установившиеся методы работы не вызывали у них возмущения; в политике же ЦК, проводившейся при этой системе и методах, они находили удовлетворение своих общественно-классовых интересов. Но всему есть предел. Партийный режим, построенный на удушении внутрипартийной самодеятельности и критики, не только изжил себя, он изжил себя давно, но поставил партию за последнее время на край опасности...

В той игре в демократов, которую мы наблюдаем теперь, все сходятся в отрицании «старого режима» в партии. Теперь все стали «демократами», вспомнили наконец о потерянной грамоте X съезда... Но где у нас гарантия, что та шумливая борьба против «аппаратчиков», поднятая ныне, даст реальные политические результаты, а не приведет лишь к замене одних аппаратчиков другими... Членов партии волнует вопрос о том, где «гарантии» в том, что резолюция ЦК и ЦКК (от 5 декабря «О партстроительстве».— *Б. Б.*) не окажется «пропавшей грамотой», что ее не поглотит «аппарат»...

После X съезда, несмотря на то, что никто не мог установить наличия какой-либо организационной фракционной группы «рабочей оппозиции» внутри наших партийных организаций, однако ее сторонников постоянно травили и судили именно как организаторов групп и разлагателей партийного единства. И этими мерами усердно, но безуспешно толкали их на путь фракционной обособленности. И как это ни казалось бы чудовищным, но мы имеем основание сказать, что некоторых из сторонников «рабочей оппозиции» пытались вызвать на выступления против партии...»

Таковы некоторые рассуждения А. Г. Шляпникова. Автор, судя по всему, наивно полагал, что положения его статьи еще находятся в русле дискуссии о «рабочей демократии». Но в ответ получил вовсе не аргументацию Троцкого или замечания по существу сторонников «боль-

шинства». «Наши разногласия» вышли в сопровождении разгромной статьи Г. Сафарова «Еще одна атака на партию». В корявом и неубедительном разборе, учиненном, кстати, будущим активным оппозиционером, прослеживается определенная тенденция. По прочтении шляпниковской статьи можно было бы предположить, что позиция автора будет «пристегнута» к позиции Троцкого, 46-ти или еще к кому-нибудь из участвовавших в декабрьской дискуссии. Но ничего подобного ни у Сафарова, ни у Е. Ярославского, разразившегося статьей «Чего не следует забывать» на следующий день (19 января), мы не находим. «Несвоевременные мысли» Шляпникова предназначались публикаторами вовсе не в качестве запоздалого контекста завершившейся дискуссии.

Судя по реакции на статью, шельмование Шляпникова имело далеко идущие планы. Цель публикаторов — дать выговориться. Уловка удалась вполне. Дело осталось за определенного рода увязкой...

Осенью 1923 г. органами ОГПУ была раскрыта деятельность двух нелегальных организаций: «Рабочей группы» и «Рабочей правды». Последовали аресты. Во главе «Рабочей группы» стояли Г. Мясников и Н. Кузнецов, в 1922 г. исключенные из партии. Оба они были в числе подписавших в свое время «Заявление 22-х» в Исполком Коминтерна. Среди сторонников группы, состав которой был рабочий, находились и бывшие рядовые участники «рабочей оппозиции». Немногочисленная «Рабочая правда» состояла из литераторов, слушателей вузов и рабфаков. Шляпникова предполагалось «увязать» с обеими группами, хотя вторая из них вообще ничего общего с бывшей «рабочей оппозицией» не имела. Сафаров взял на себя увязку с «Рабочей правдой», Ярославский — с «Рабочей группой».

По Сафарову, Шляпников «ничего не позабыл и ничему не научился с марта 1921 года... Тов. Шляпников с величайшим негодованием отвергает душевное сродство части бывшей «рабочей оппозиции» с группой «Рабочей правды». Но вся его постановка вопроса такова, что он лишь **недоговаривает** до конца того, что выкладывает целиком «Рабочая правда», типично интеллигентски-меньшевистская группа».

В руках Ярославского находился более серьезный «компромат» на Шляпникова. Поэтому «воинствующий безбожник» позволил себе рассуждать в тоне объективного и беспристрастного судьи:

«И тем не менее факт, что Мясников враждебно настроен по отношению к тт. Шляпникову, Медведеву и некоторым другим членам бывшей «рабочей оппозиции». Точно так же факт, который я всегда подчеркивал: тт. Шляпников и Медведев выступали *против* (курсив везде Ярославского.— *Б. Б.*) Мясникова и его нелегальной группы.

Так в чем же дело? В чем же тогда *ошибка* тов. Шляпникова? В том, что *тов. Шляпников проводил на нелегальных собраниях «Рабочей группы» не директивы партии, а свои собственные взгляды, взгляды бывшей «рабочей оппозиции», осужденные съездами партии. Эти взгляды только частично совпадали со взглядами «Раб. гр.».* Мясников шел *дальше* и докатился до подпольной противопартийной организации, участвовавшей в забастовках, организовавшей эти забастовки, но исходным пунктом мясниковщины является тот же анархосиндикализм тов. Шляпникова...»

Вот так. Хотя вроде бы и «нет», но все-таки определенно — «да». Любопытен здесь скорее не ход рассуждений Ярославского, а информация о том, что Шляпников посещал собрания группы. Видимо, Ярославский получил сведения об этом в ЦКК, где Шляпников, возможно, давал объяснения по поводу характера своих посещений.

(Из неопубликованных воспоминаний чекиста М. Шрейдера, а именно из описываемого им эпизода ареста в 1923 г. Мясникова, мы узнаем, что на следующий день после ареста на квартиру лидера «Рабочей группы» пришли Шляпников и Т. Сапронов, бывшие тогда членами ВЦИК. Из указанного эпизода видно, что партийное руководство, естественно, не информировало их о готовившейся акции ГПУ. Вполне вероятно, что та степень «антиправительственности» «Рабочей группы», которая впоследствии ей инкриминировалась, Шляпникову была неизвестна.)

Итак, 18 января, в день выхода статьи «Наши разногласия», Шляпников объявлен духовным союзником «Рабочей правды», 19-го — идейным вдохновителем арестованной «Рабочей группы». Ярославский заканчивает свою статью обещанием в ближайшие дни вернуться к теме «Шляпников — «Рабочая группа», но... Но 21 января умирает В. И. Ленин. Страна в трауре. Операция по дискредитации становится неактуальной. «Наши разногласия», к счастью для автора и к досаде рьяных «критиков», так и не стала «событием», поводом для применения против Шляпникова соответствующих санкций. Атака на лидеров бывшей «рабочей оппозиции» откладывалась до лучших времен.

Никто не знал, что в то же самое время Сергей Павлович Медведев написал письмо. Написал и отослал его в Баку своему другу... Но это уже другая история.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ:
«ПИСЬМО БАКИНСКОМУ ТОВАРИЩУ»

Итак, в конце января 1924 г. Сергей Павлович Медведев написал и передал с товарищем Колосовым письмо в Баку. Некоему Барчуку, бывшему стороннику «рабочей оппозиции». Тот письмо получил (это был ответ на его запрос), переписал, кое-кому зачитывал, а оригинал отослал обратно Медведеву. Позднее, в том же 1924 г. в Баку против группы рабочих-партийцев органами ГПУ было заведено дело. Началась подготовка к процессу над так называемой бакинской оппозицией. Местное руководство взялось за дело с провинциальным усердием. Участникам группы был вынесен приговор. Шляпников и Медведев выступили с протестами против него. ЦКК назначила дополнительное расследование. Результатом его стало Постановление ЦКК ВКП(б) о так называемой бакинской оппозиции, в котором говорилось: «Расследование выяснило, что со стороны тт. Колосова и Разина была попытка организовать и оформить группу» [9]. За создание этого «дела» одному из секретарей ЦК и председателю ЦКК Азербайджанской КП(б) были вынесены выговоры. Приговор отменили. Даже член Президиума ЦКК А. Сольц («которого,— как писал Шляпников,— мы открыто считаем крайне пристрастным ко всякому делу, где имеются наши имена» [10]) в специальной статье, посвященной «бакинской оппозиции», отмечал, что действия местных властей «свидетельствуют о недопустимой горячности»[11].

Спустя два с половиной года после того, как Медведев отправил свое письмо в Баку, «Правда» в анонимной статье «Правая опасность в нашей партии» неожиданно опубликовала из него выдержки [12]...

Публикации предшествовало следующее. Весной 1926 г. в разгар борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией по делу «бакинской группы» вновь заработала комиссия ЦКК. В ее состав вошли А. А. Сольц, Е. М. Ярославский, М. И. Ульянова. Комиссия для расследования специально выезжала в Баку. Теперь выводы ее звучали иначе, чем в 1924 г. Комиссия

«установила, что со стороны некоторых бакинских товарищей была попытка создать группу «рабочей оппозиции», идеологической основой которой являлись: письмо тов. Медведева к «дорогому тов. Б.», речь тов. Шляпникова на Хамовнической партконференции, его же статья в «Правде» и другие документы»[13].

В письме Шляпникова от 19 мая 1926 г. всем членам Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК, озаглавленном «Вместо ответа на полицейские вопросы ЦКК и телефонные запросы», среди прочего говорилось: «Следствие вскрыло в деле «бакинской оппозиции» наличие подлой провокации, действовавшей по директивам партийных и контрольных органов. Ни т. Колосов, ни т. Разин и никто из других привлеченных по этому делу никакой группы не создавал и не оформлял... Тов. Колосов явился лишь жертвой той системы доносов, филерства и шпионства, которые практикуются в партии и, в частности, объектом которой служу и я... Я считаю, что только отупелые партбюрократы или сознательные политиканы могут толковать этот совет т. Медведева, данный старому члену партии о необходимости сближения с молодыми членами партии — рабочими, как предложение создать группу. Это обвинение бросается автору и адресату с очевидной целью начать новое дело против «рабочей оппозиции».

В этом стремлении создать против меня дело комиссия ЦКК перешагнула все меры товарищеского приличия...»[14]

А. Г. Шляпников посылает в журнал «Большевик» статью «О демонстративной атаке и правой опасности в партии», которая публикуется в сентябрьском номере (№ 17) журнала за 1926 г. Предоставим ему слово: «В «Правде» от 10 июля с. г. в статье «Правая опасность в нашей партии» помещен разбор личного письма тов. Медведева бакинскому партийному пролетарию. Это письмо относится к периоду внутрипартийной дискуссии 1923—24 гг. и имело исключительно личный характер, но уже в том же 1924 году, со времени начала провокации, дело против рабочих членов партии в Баку получило партийно-общественное значение и стало известно членам Политбюро ЦК партии. Однако лишь спустя два года после получения его членами ЦК редакция нашего центрального органа внезапно увидела в нем выражение «правой опасности в нашей партии... Мы были бы весьма благодарны редакции «Правды» даже за запоздалое

внимание к поставленным в нем вопросам, даже в форме отдельных цитат из него и частичное опубликование письма тов. Медведева, если бы óни делались без сознательных извращений, чего мы вправе требовать от редакции «Правды».

Далее Шляпников касается вопроса о причинах, побудивших редакцию газеты обратиться к тексту давно написанного письма: «...Столь внезапное просветление редакции «Правды» и постановка вопроса о письме т. Медведева понадобились руководителям большинства ЦК... для политического шельмования нас и в целях запугивания тех, кто не разделяет политики нынешнего большинства ЦК партии...»

Шляпников пишет о «сознательных извращениях» при публикации письма в «Правде». Здесь необходимо указать, что ЦК располагал двумя документами: 1) подлинником письма, переданным Медведевым в начале 1926 г. в ЦК, и 2) изъятым при обыске экземпляром платформы бакинских рабочих, подписанным Колосовым, Разиным и др. Автор ответа Шляпникову (тоже анонимный) в журнале «Большевик»[15] утверждает, что это один и тот же документ, поскольку бакинские рабочие не отрицали, что платформа списана с письма Медведева (возможно, это «неотрицание» было получено в ходе следствия), а свой подлинник Медведев мог и переписать. Располагая лишь отдельными цитатами обоих документов, трудно решить, кто прав: Шляпников, утверждающий, что «Правда» исказила текст, или анонимный автор статьи в «Большевике». Ясно одно, газета «Правда» сочла возможным и политически выгодным (отбросив этические нормы) напечатать в измененном и исправленном виде выдержки из давно написанного частного письма. Характер публикации Шляпников справедливо назвал шельмованием и запугиванием.

«Правда» вывела из медведевского письма «химически чистый меньшевизм». О чем же на самом деле было это пресловутое письмо? Если верить цитатам, приведенным анонимом в «Большевике», то из них следует, что Медведев высказывает тревогу за состояние крупной госпромышленности и мелкого крестьянского хозяйства.

«Мы считаем,— пишет он,— что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и в зависимости от международного рынка обречено на прозябание в варварских условиях и неминуемую гибель... Выходом из такого положения этих разоряе-

мых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил»[16]. Основной «криминал» письма содержится в части, посвященной международной политике сталинского большинства. Главный порок этой политики, по Медведеву, состоит в том, что «она все хочет видеть в цвете нашей страны». «Попытки механически насадить наши методы работы во всех западноевропейских странах приводят... буквально к дезорганизации рабочего движения... к насаждению материально немощных коммунистических секций... что на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом, изображающие себя самих пролетариатом и представительствующие в Коминтерне, как более «революционные рабочие»[17]. (В скобках заметим, что «оравы мелкобуржуазной челяди» вызвали наибольшее негодование «Правды» и «Большевика».) Медведев указывает на безнадежность методов, которыми Коминтерн пытается завоевать рабочих других стран[18].

Сам факт поддержки Шляпниковым своего друга, обреченного статьей в «Правде» на исключение из партии (Медведев действительно был-таки за письмо в Баку из партии ненадолго исключен, но вскоре восстановлен), обреченного уже одними только «оравами мелкобуржуазной челяди»,— сам этот факт — уже Поступок для того времени. Но Александр Гаврилович не только защищает, но и не боится при этом называть вещи своими именами. Он заявляет: строки статьи в «Правде» «бьют фонтаном неправды»[19], против Медведева используется «нечестный прием борьбы, ложь и клевета»[20], статья размазывает лживые измышления[21]. Шляпников не сомневается в том, кто был инициатором заварившейся вокруг медведевского письма каши. Полемика Шляпникова с редакцией «Правды» — это полемика с теми самыми кругами, поручения которых выполняет центральный орган. «Опровергая возводимые на нас обвинения, построенные на основании вымышленных данных, ложных цитат и извращений, мы считаем своей партийной обязанностью протестовать не только против подобных методов борьбы, но и против той политики, интересами которой диктуется борьба нынешнего большинства ЦК против нас»[22],— гневно пишет он.

Александр Гаврилович за словом в карман не лез. Когда-то, за пять лет до «Демонстративной атаки...»,

в полемических выступлениях позволялось многое. Позволял себе Ленин. Позволялось другим. Когда-то, на X съезде, Шляпников в ответ на выступление Ленина заявил: «Ничего более демагогического и клеветнического, чем эта резолюция («О единстве партии».— *Б. Б.*), я не видел и не слышал в своей жизни за двадцать лет пребывания в партии»[23]. На что Ленин, сам не чуждый крепких эпитетов, вполне спокойно ответил, безо всякого раздражения. Шляпников продолжал жить в безвозвратно ушедшей эпохе. Теперь, в 26-м, когда «верхи» во главе с генсеком, чья грубость была известна, начинали позволять себе в «беседах» со строптивцами нецензурную брань, за шляпниковские слова «ложь» и «клевета» следовали оргвыводы...

Шляпников не только защищал друга, но и выступил с резкой критикой партаппарата.

«За последний год,— писал он,— партия становится ареной чудовищных явлений. Господствующая ныне в ЦК фракция разгромила ленинградскую организацию за выражение ею опасений по поводу растущей кулацкой опасности в стране...

Вся жизнь партии за время после XIV партсъезда приспособлена для «выявления» инакомыслящих, для борьбы со всеми партийцами, которые выражают недовольство современной политикой партии. Как будто в прямое дополнение к этому в экономике идет буквальное наступление на рабочий класс...

Режим экономии извращается и направляется по линии усиления эксплуатации рабочих. Во всем этом таится для партии огромная опасность, и обстрел нас имеет цель отвлечь внимание партии от действительных опасностей, стоящих перед ней...

Выбрав нас мишенью для атаки, руководители ЦК решили произвести расправу с растущими в партии оппозиционными настроениями. Все оппозиционные настроения партийно-пролетарской и родственной ей среды направлены ныне против душащего партию бюрократизма и формализма, против бюрократического принижения инициативы, внутрипартийной критики и против подавления независимой от чиновников партийной мысли...»[24]

Статью свою Шляпников заканчивает так:

«Над нами вновь повисла «июльская угроза». Но мы безболезненно пережили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора. Мы уверены в конечной победе революционного пролетариата нашей страны над всеми мелкобуржуазными стихиями и сделаем все, чтобы «рабочая демократия» восторжествовала внутри нашей партии и чтобы в интересах подлинного единства исчезла разлагающая наши ряды система внутрипартийного сыска, доносов, шельмования и угроз»[25].

К сожалению, «уверенность в победе» была напрасной, как напрасным и опрометчивым было следующее шляпниковское положение:

«Партийная бюрократия защищается и с этой целью не гнушается никакими средствами. Но такими методами побороть оппозиционных явлений нельзя. Шельмованием нас (или других отдельных товарищей) можно смутить и запугать только политических трусов, но всякий пролетарий, работавший с нами или слышавший нас, не верит и не поверит клевете на нас» [26].

Шляпников еще не понял, что партийная бюрократия вовсе не «защищается», а исключительно нападает, что ее дело не «побороть», а уничтожить, и не «явления», а конкретных лиц, что «смутить и запугать» можно не только «трусов», но и их — Шляпникова и Медведева (если не запугать, то уж смутить во всяком случае!) и, наконец, что «всякий пролетарий» давно уже видит и слышит совсем других вождей и совсем другие слова и совсем скоро «созреет» для того, чтобы поверить такой клевете, какая никаким оппозиционерам еще не снилась.

Шляпников опрометчиво бросился в атаку, забыв урок, который преподал ему февраль и март 1922 г. Тогда ряд партийцев, в основном сторонников бывшей «рабочей оппозиции», обратился в Исполком Коминтерна с жалобой на политику ЦК по некоторым вопросам, которая была изложена в «Заявлении 22-х». Несколькими днями позже со слов Шляпникова членом ИККИ Коларовым был составлен перечень претензий к ЦК со стороны авторов «Заявления», носившего декларативный характер. В отличие от него перечень имел более конкретное содержание. (Особенное внимание обращают на себя пятый и шестой пункты, в них симптомы будущих широкомасштабных преследований видных оппозиционеров:

«5) ...После III конгресса агент ВЧК Рубинов явился к секретарям Шляпникова и Коллонтай с предложением создать группы IV Интернационала. Провокация заключалась в том, что таким образом имелось в виду создать повод для исключения Шляпникова и Коллонтай из партии. 6) В квартире Шляпникова в Москве произошел обыск, хотя он и член ЦК партии. Письмо, адресованное Шляпникову из Ревеля с жалобами на тамошнюю миссию, было кем-то вскрыто. Вместо того, чтобы доставить письмо Шляпникову, письмо было переслано тому лицу, на которого в письме содержались жалобы...» [27])

Специально созданные комиссии ЦК партии и ИККИ вынесли резолюции, осуждавшие жалобщиков. Инцидент с обращением группы партийцев в Коминтерн был предан гласности. По стране прокатилась волна возмущений. Мартовские газеты 22-го года регулярно публиковали тексты коллективных негодований. На губернских партконференциях и на собраниях низовых партячеек прини-

мались резолюции соответствующего содержания. В некоторых из них звучали требования исключить жалобщиков из партии. Кампания массового возмущения стала прецедентом в длинной цепи событий внутрипартийной борьбы. Шляпников забыл, что они с Медведевым были первыми, и поэтому не предвидел, что спустя почти пять лет «оравы мелкобуржуазной челяди» поднимут еще более мощный шквал общественного негодования.

И еще одну особенность изменившейся эпохи не заметил Шляпников. Его пламенная «Демонстративная атака...» по жанру принадлежит эпохе X съезда. Он не понял, что вместе с эпохами меняются и характерные для них жанры. На историческую сцену уже не первый год упорно пробивал себе дорогу театр абсурда. (Именно в это время Даниил Хармс впервые в мировой литературе пишет драмы абсурда, в том числе свою знаменитую «Елизавету Бам». Безусловно, творчество Хармса и его друзей по «Обэриу» питала окружающая их действительность.) Катавасия вокруг медведевского письма в этом плане — лишь характерный штрих эпохи. Вот некоторые элементы летне-осенней, 1926 г., драмы.

В письме Медведева ничего не говорится о кооперации. Раз так, то «Правда» делает вывод, что Медведев злейший враг кооперации. Ему приписываются рассуждения о сформированном в Англии рабочем правительстве. Шляпников напоминает, что, когда письмо писалось, еще никакого рабочего правительства не было. На это аноним в «Большевике» замечает: хотя и не было, но было ясно, что таковое будет.

Медведев пишет о дефицитности бюджета, а это значит, что он... за «концессионную политику без всяких границ», поскольку «никакого другого вывода нельзя сделать»[28]. «Правда» полагает, что, раз Медведев осуждает изоляционистскую политику Коминтерна, значит, он против... создания компартий в Германии, Франции и Италии...

«Медведев,— рассуждает газета,— ближайший соратник и правая рука тов. Шляпникова», а тов. Шляпников «озарен сиянием... сверхрадикализма». Но... «ребенок поймет, что в платформе Медведева... в цинично-оголенной форме выставлены крайние правые, махрово-меньшевистские требования». (Страшное поколение выросло из детей, которым должно было быть хоть что-то понятно из всего этого бреда!)

«Тем самым,— продолжала «Правда»,— письмо сиг-

нализирует перед партией ту опасность, что тот или иной политический зигзаг «влево»... может стать роковым зигзагом «вправо»...

Не пройдет и пяти лет, как вся эта абракадабра выльется у «исследователя» внутрипартийной борьбы М. Гайсинского в такой перл: «Сочувственное отношение блока (троцкистко-зиновьевского.— *Б. Б.*) к оссовщине и медведевщине объяснялось не только тактическими маневрами организаторов блока, но и тем, что в оппозицию вошли в значительной степени элементы медведевщины и оссовщины» [29]. Вот так!

Статья Шляпникова в защиту друга — крик отчаянья, который услышали, но только те, кто затеял всю эту историю с «письмом бакинскому товарищу». Зачем затеяли — видно из финала истории. Все оказалось неожиданней и проще, чем думал Шляпников. Дело-то было вовсе не в письме, а в ... Зиновьеве, Троцком и их оппозиции. Шляпников об «анатомии» внутрипартийной борьбы знал не понаслышке. «Нас пытались,— вспоминал он в той же статье в «Большевике»,— вызвать на эту борьбу (с ленинградской оппозицией.— *Б. Б.*), бередя наши чувства обиды на тех, кто особенно яро боролся с нами на XI съезде партии. Нам прямо и косвенно говорили о том, кто являлся вдохновителем и водителем избиения «рабочей оппозиции». Из тех же кругов нам стало известно, что В. И. Ленин не пошел на призывы части членов ЦК, требовавших от него выступления на XI съезде за наше исключение из партии. Но, как бы иногда ни были горьки личные обиды и воспоминания, мы не сочли возможным подчиниться мотивам политической и личной мести. Всю свою жизнь мы руководились только интересами нашей пролетарской партии и ее конечной победой» [30].

Но на этот раз «тонкость» политики ЦК Александр Гаврилович недооценил. Подняв шумную кампанию вокруг Шляпникова и Медведева, сталинское большинство постепенно вело дело к «пристегиванию» бывших лидеров «рабочей оппозиции» к так называемому троцкистско-зиновьевскому блоку. «Пристегивание» удается так ловко, что, не успев оглянуться, «блок» оказался в союзе с «химически чистым меньшевизмом» Шляпникова и Медведева. И большинство незамедлительно приступило к порке. Тактическое отступление «блока» приводит к принятию им «минимальных условий, способных оградить партию от дальнейшей фракционной работы дезорганиза-

торов». В эти выдвинутые ЦК 11 октября 1926 г. условия входит: открыто отгородиться ясным и недвусмысленным образом от меньшевистской платформы Медведева — Шляпникова («платформой» названы все то же «письмо бакинскому товарищу» плюс статья Шляпникова в «Большевике»), ликвидирующих Коминтерн и Профинтерн и проповедующих объединение с социал-демократией [31].

Над Шляпниковым и Медведевым нависла угроза исключения из партии. Теперь события начали развиваться с калейдоскопической быстротой. 17 октября «Правда» публикует «Заявление», подписанное лидерами «блока», в котором взгляды бывших лидеров «рабочей оппозиции» признаются «глубоко ошибочными», антиленинскими и в корне противоречащими нашим взглядам». В том же номере «Правды» напечатано «Извещение ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении», в котором лидерам бывшей «рабочей оппозиции» предъявлялись политические обвинения. 19 октября Шляпников и Медведев обратились в Политбюро и ЦКК с письмом, в котором отвергли все предъявленные обвинения. 23 октября Президиум ЦКК вынес решение об объявлении А. Г. Шляпникову строгого выговора с предупреждением и об исключении С. П. Медведева из партии. После этого Медведев и Шляпников обратились в высшие партийные инстанции с просьбой отменить принятое решение. В ответ незамедлительно последовало условие публичного признания своих ошибок. И друзья дрогнули.

31 октября «Правда» публикует «Заявление тт. Шляпникова и Медведева», поданное ими 29 октября в Президиум ЦКК и в Политбюро ЦК ВКП(б). В «Заявлении» признается, что письмо Медведева «содержит ряд грубо ошибочных взглядов», главный из которых — «указание на методы работы Коминтерна», а также оскорбительное сравнение («орава мелкобуржуазной челяди, поддерживаемая русским золотом») и «указание относительно Профинтерна». Признается недопустимым «полемический тон и ряд резких выражений в статье т. Шляпникова», а также признается ошибочность целого ряда «резких устных и письменных заявлений в ЦК и ЦКК», сделанных ими в связи с делом о «бакинской оппозиции». Шляпников и Медведев заверили, что являются «решительными, безоговорочными сторонниками Коминтерна и столь же решительными противниками II Интернационала», противниками «фракционной борьбы» и считают для себя

«безусловно обязательными решения съездов и конференций партии, ее ЦК и ЦКК».

История с «письмом бакинскому товарищу» тем самым закончилась полной победой сталинского большинства. Цель — апробировать прием коллективных признаний в существующих и несуществующих прегрешениях — достигнута. Прием этот окажется в скором времени излюбленным. Пока же он только еще «обкатывается». Спустя несколько лет текст «Заявления» Медведева и Шляпникова на фоне стилистически совершенных раскаяний покажется всего лишь хитрой уверткой двух недобитков, но это — потом... А пока и такое «Заявление» сгодилось для нанесения подписавшим его морального поражения. С двумя «политиками» было покончено. Но оставался еще Шляпников — мемуарист.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ: «МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»

Как мы уже писали, Шляпников еще в 1920 г. приступил к работе над воспоминаниями. В 1920—22 гг. вышли 1-я и 2-я части «Кануна семнадцатого года», имевшего подзаголовок «Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917». В 1923 и 1925 гг. вышли книги I и II «Семнадцатого года». Они почти сразу же стали распространенными пособиями для вузов и школ. В своей работе Шляпников использовал колоссальное количество документальных источников; многие из материалов и документов были введены в научный оборот именно благодаря его публикациям. Книги получили положительные рецензии.

В одном из эпизодов II книги «Семнадцатого года» автор вспомнил и подверг резкой критике инцидент с некоторыми вернувшимися в Петроград ответственными работниками партии, в том числе с И. В. Сталиным:

«Числа 12 марта прибыла из сибирской ссылки часть ожидавшихся нами товарищей, среди которых были депутат Муранов, член старой редакции «Правды» Каменев и член ЦК Джугашвили-Сталин. Приезд подкреплений обрадовал нас, но после короткого свидания с приехавшими эта радость сменилась некоторым разочарованием. Все прибывшие товарищи были настроены критически и отрицательно к нашей работе, к позиции, занятой Бюро ЦК и даже Петербургским комитетом... После беседы с прибывшими у членов Бюро ЦК появились сомнения относительно их политической линии... Во всех своих

действиях приехавшие товарищи опирались на свои права членов ЦК, чем пытались парализовать деятельность Бюро ЦК и Петербургского комитета... Особенно много нападок было на нашу газету «Правда»... Дело не ограничилось одной внутрипартийной критикой. Т.т. Каменев, Сталин и Муранов решили овладеть «Правдой» и повести ее на «свой» лад... Произвели редакционный переворот... День выхода первого номера «преобразованной «Правды» — 15 марта был днем оборонческого ликования... был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними... Когда этот номер «Правды» был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников... Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что «Правда» была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями «Правды», то потребовали исключения их из партии»[32].

Обещанная вскоре читателям III книга «Семнадцатого года» вышла после длительной задержки только в 1927 г. и заметно отличалась от предыдущих. Так звучали объяснения Шляпникова по поводу этого факта:

«...В этой книге я отошел от «воспоминательского» характера писания и не даю анализа подобно тому, как делал это в других работах. И то и другое допущено мною в силу условий, не зависящих от автора... Редакция «Истпарта» гораздо «спокойнее» принимает документы, чем воспоминания с оценками и анализами. Мои же воспоминания, а в них оценки и анализы, всегда причиняли редакции излишние хлопоты и беспокойство...Чтобы книга появилась в свет, мне пришлось, по требованию редакции, ходить и «согласовывать» написанное со всеми, о ком я писал. Но даже после «согласования» книга II осталась на складах ГИЗа, а не была распределена по магазинам в обычном порядке.

Этими же условиями объясняется и «протокольное» изложение фактов партийной жизни. Только такое писанье, как «объективное», не встречает трений в редакциях, не нарушает ничей покой. И только поэтому III книга появилась в печати, хотя не без «заминки». Эта «заминка» видна на «лице» самой книги: она редактировалась «Истпартом», но истпартовской марки не носит...»[33]

Весной 1927 г. началась комплексная атака на Шляпникова — историка и мемуариста. По прошествии всего немногим более двух лет после выхода II книги тон и содержание рецензий резко изменились. Неожиданно в книгах Шляпникова была обнаружена «философия истории 1917 года» и концепция, которая «является не ленинской, не большевистской и должна подвергнуться весьма основательному разбору»[34]. Как бескомпромиссная память Шляпникова-мемуариста, так и его историко-революционные концепции становились все более и более неуместными. Уже вовсю шла перелицовка истории в «нужном» направлении. К ярлыку «оппозиционера» добавился ярлык «небольшевистского историка». (Неле-

ность последнего тем очевиднее, что западные историографы Февральской революции единодушно сожалеют как раз о большевистской ортодоксальности ценных для науки шляпниковских трудов.)

В первом томе «Записок о революции» Н. Суханова, вышедших еще в 1919 г., находим любопытную характеристику Шляпникова: «Партийный патриот и, можно сказать, фанатик, готовый оценивать всю революцию с точки зрения преуспеяния большевистской партии, опытный конспиратор, отличный техник-организатор и хороший практик профессионального движения, он совсем не был политик, способный ухватить и обобщить сущность создающейся конъюнктуры» [35]. В каком-то смысле Суханов прав. Шляпников оказался неважным политиком. Он не умел и не хотел схватывать и обобщать «сущность создающейся конъюнктуры»: кроме мартовского 1917 г. эпизода, в шести томах воспоминаний-исследований он не нашел больше повода помянуть имя Сталина-Джугашвили, не говоря уже о том, что ни о какой «выдающейся роли» будущего Генсека в революции в трудах Шляпникова речи быть не могло. Рассказывать байки о «мудром, родном и любимом» будет уделом других.

Четвертая и последняя книга «Семнадцатого года» вышла мизерным тиражом в 1931 г. в Государственном экономическом издательстве. По сути, это — сборник документов. Спустя год набор долго готовившейся книги Шляпникова об истории гражданской войны на Северном Кавказе был рассыпан. Этому предшествовала новая атака на «Семнадцатый год». После резкой критики в «Правде» (январь 1932 г.) Политбюро приняло решение, которым ставило злополучного автора перед дилеммой: «признать свои ошибки и отказаться от них в печати» [36], в противном случае — исключение из партии. Он выбрал первое. Со Шляпниковым-историографом покончили.

* * *

Благодаря недавно опубликованным материалам, мы теперь знаем, какие чувства испытывали два товарища, когда во время партийных чисток 1933—1934 гг. у них отобрали партийные билеты, как у «переродившихся» и «двурушников». Теперь в их жизни последовала цепь ссылок и арестов — прелюдия к физической ликвидации... В открытых процессах они не участвовали, не вступая в сделку ни с тем, что продолжало называть себя

«ленинской партией», ни с совестью. Здесь нам кажется уместным привести некоторые ответы С. П. Медведева на допросе 5 февраля 1935 г.:

«Я считал, что наше «преступление» состояло в том, что я и Шляпников не уложились в прокрустово ложе «сталинской эпохи»... Вопрос о своем восстановлении в ВКП(б) я не поднимал и поднимать не собирался по следующим соображениям:

...б) в случае попытки вернуться это повлекло бы нас к необходимости подвергнуть себя всему тому гнусному самооплевыванию, которое совершили над собой все «бывшие»;

в) вся история внутрипартийной борьбы за последние годы не оставляла никаких сомнений в том, что и нам не отведено ничего другого, кроме того, что имело место со всеми «бывшими», пытавшимися вернуться к своему прошлому. Все свои надежды на избавление от положения военнопленного существующего режима я строил на ходе внутренних и внешних событий. В противном случае я знал, что буду обречен как жертва царящего у нас режима»[37].

Таким образом, Медведев даже «с петлей на шее» откровенно заявлял о своей чуждости партии Сталина (в отличие от Шляпникова, который даже в 1934 г., несмотря на исключение из партии, считал себя ее членом). Для Медведева исключение из партии в декабре 1933 г. трагедией уже не было...

После нескольких лет скитаний по тюрьмам и ссылкам их все-таки приговорили к расстрелу: Александра Гавриловича Шляпникова — 2 сентября 1937 г., Сергея Павловича Медведева на восемь дней позже. Почти никто из сторонников «рабочей оппозиции» двух ее лидеров не пережил.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 60—79.
2 См.: Коммунистическая оппозиция в Советском Союзе. 1923—1927. Сб. документов. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1990. Т. 1. С. 80—101.
3 См.: Юность. 1988. № 11. С. 38.
4 См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 72—73.
5 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 336.
6 *Шляпников А. Г.* Канун семнадцатого года. М., 1920. Ч. 1. С. 3.
7 Правда. 1917. 20(7) ноября.
8 XII съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 199.
9 Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 65.
10 *Шляпников А.* О демонстративной атаке и правой опасности в партии//Большевик. 1926. № 17. С. 63.
11 Там же.
12 Правда. 1926. 10 июня.
13 Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 65.
14 Там же.

[15] См.: Большевик. 1926. № 17. С. 74—102.
[16] Там же. С. 85—86.
[17] Там же. С. 94.
[18] Там же. С. 96.
[19] Там же. С. 63.
[20] Там же. С. 66.
[21] См. там же. С. 68.
[22] Там же. С. 72.
[23] X съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963. С. 530.
[24] Большевик. 1926. № 17. С. 72, 73.
[25] Там же. С. 73.
[26] Там же.
[27] XI съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1961. С. 753.
[28] Большевик. 1926. № 17. С. 90.
[29] *Гайсинский М.* Борьба с уклонами от генеральной линии партии. М.; Л., 1931. С. 140.
[30] Большевик. 1926. № 17. С. 73.
[31] См.: Правда. 1926. 17 октября.
[32] См.: *Шляпников А.* Семнадцатый год. М., 1925. Кн. вторая. С. 179—185.
[33] Большевик. 1927. № 11—12. С. 101—102.
[34] *Ким Д. Я.* Семнадцатый год в изображении т. А. Шляпникова// Историк-марксист. 1927. № 3. С. 40.
[35] *Суханов Н.* Записки о революции. М., 1919. Т. 1. С. 94.
[36] Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 68.
[37] Там же. С. 72—73.

П. С. Фатеев

РАССТРЕЛЯННАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДОБЛЕСТЬ

1 мая 1917 г. к Ясской тюрьме, в которой румынским правительством содержались политические заключенные, подошла праздничная колонна русских солдат и заполнила тюремный двор. Сюда же вышли из камер арестанты.

— Вы товарищ Раковский? — спросил один из демонстрантов, обращаясь к человеку на вид лет сорока — сорока пяти.

— Да.

— От имени российской революции объявляю вам, что вы свободны. Идемте с нами!

Освободители на руках вынесли Раковского с тюремного двора, посадили в автомобиль, украшенный зеленью и кумачом. Освобожденный с волнением окинул взглядом колонны демонстрантов. Перед ним было море людей, над ними — красные знамена и плакаты: «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует Российская Демократическая Республика!»

Открывается митинг. Представитель войскового комитета сообщил об освобождении из тюрьмы доктора Раковского — одного из руководителей румынских социалистов, известного деятеля международного и российского социалистического движения.

Демонстранты восторженно приветствовали бывшего узника.

Имя Христиана Георгиевича Раковского было известно в Болгарии, Швейцарии, Германии, Франции, России и Румынии. Он активный участник международных социалистических конгрессов, друг и сподвижник первого российского марксиста Г. В. Плеханова, соратник В. И. Ленина.

Из ясского военного гарнизона Раковского переправили в Одессу, а затем в Петроград. Здесь он развил кипучую деятельность по подготовке к новым революционным боям. Его пламенные речи звучали на Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, I Всероссийском съезде Советов. Он призывал участников рос-

сийской революции опираться на внутренние силы, на демократические элементы. Его выступления, естественно, вызвали озлобление не только со стороны правящих классов, всей реакционной печати, но и среди эсеров, меньшевиков. Был даже издан приказ об аресте Раковского, но большевики укрыли его, а затем тайно переправили в Стокгольм, где он продолжал пропагандировать идеи российской социал-демократии.

Вызванный после победы Октябрьской революции из Швеции В. И. Лениным, Христиан Георгиевич сразу же включился в политическую жизнь России, заявив на III Всероссийском съезде Советов: «Только во время Октябрьской революции и после нее мы наконец услышали язык, достойный революционной России, достойный революционного пролетариата».

В 1918 и 1919 гг. Раковский выполнял ряд ответственных поручений СНК РСФСР. А 14 марта 1919 г. Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов утвердил его Председателем Совнаркома, Наркомом иностранных дел и временным заместителем Наркома земледелия Украины. В марте же, на VIII съезде партии, он входит в состав ЦК РКП(б). Всего в ЦК он избирался 7 раз и был в нем самым старшим по партийному стажу (с 1891 г.). Он входил также в состав ЦК и Политбюро ЦК КП(б)У, был членом Реввоенсовета Юго-Западного и Южного фронтов.

Ценя Раковского как образованнейшего и опытнейшего политического, государственного и хозяйственного деятеля, Ленин часто привлекал его к решению важнейших общегосударственных дел.

Еще при жизни Владимира Ильича Раковскому пришлось вступить в жестокую схватку с генеральным секретарем ЦК РКП(б) и его окружением в защиту ленинизма, его позиций по национальному вопросу, а затем и по целому ряду других важнейших принципов ленинской теории и практики социалистического строительства.

Открытая конфронтация со Сталиным началась в период образования Союза Советских Социалистических Республик.

Для решения этого вопроса 11 августа 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) по поручению Политбюро ЦК создало комиссию «в составе тт. Сталина, Куйбышева, Раковского, Орджоникидзе, Сокольникова» и представителей от

всех республик, в том числе и от ДВР, Бухары и Хивы [1].

И. В. Сталин подготовил «Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», который вошел в историю как сталинский план автономизации. Он вызвал острые споры. Решения центральных комитетов КП(б) Армении, Грузии, Белоруссии, Президиума Закавказского Краевого Комитета РКП(б) и письма некоторых секретарей ЦК КП(б) Советских республик содержали разные, далеко расходящиеся по существу предложения.

Позиция Сталина четко прослеживается в письме к В. И. Ленину от 22 сентября 1922 г. В нем он цинично заявлял, что в годы гражданской войны и интервенции мы «вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП, как обман и лицемерие со стороны Москвы». Он утверждал, что «окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру», и предлагал «формальную (фиктивную) независимость» заменить «формальной же (и вместе с тем реальной) автономией» [2]. Из записок Каменева и Сталина, которыми они обменялись на заседании Политбюро 28 сентября 1922 г., видно, что Ленин готов объявить «войну в защиту независимости», а Сталин коварно призывает к твердости «против Ильича» [3]. Опубликованные протоколы заседания комиссии Оргбюро (кстати, Раковский, а также представители Хорезма и ДВР на них отсутствовали) свидетельствуют о наличии серьезных противоречий при обсуждении сталинского проекта.

Во время работы комиссии Раковский находился в отпуске в Гурзуфе. Но оттуда 28 сентября 1922 г. он послал в ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У свои замечания по «проекту резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», указал на неясности и противоречия некоторых его пунктов. В частности, он писал: «В проекте говорится об обязанностях независимых республик, о подчинении директивам центра, но ничего не сказано о правах, которыми пользуются их ЦИК и Совнарком и находящиеся при них наркоматы и управления объединенных комиссариатов. Практика доказала, что центральные органы в некоторых независимых республиках живут при полном неведении, что им позволено

предпринять и что запрещено, и часто рискуют быть уличены или в отсутствии инициативы или в действиях, имеющих сепаратистский характер»[4].

Сталинский проект Раковский объявил несовершенным, проходящим мимо главной задачи «выработать действительную федерацию, которая обеспечивала бы для всех одинаковые условия революционного строительства, объединяла бы рабочий класс всех национальностей России на основе равноправия». Принятие этого проекта, упразднение независимости республик, по его мнению, создаст затруднения и за рубежом и в федерации.

Раковский предложил считать заключение комиссии неокончательным: «Вопрос должен быть поставлен снова и разрешен во всем его объеме согласно постановлений партийных съездов»[5].

Посылая свои замечания Сталину и Мануильскому, Раковский просит последнего, если Политбюро ЦК КП(б)У разделяет его точку зрения, чтобы «тт. Петровский и Фрунзе, поехавши в Москву, отстаивали бы нашу точку зрения» * (подчеркнуто Раковским.— *П. Ф.*).

6 октября на Пленуме ЦК РКП(б) была создана комиссия для выработки закона о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками. Х. Г. Раковский в ее состав уже не вошел.

30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов обсудил доклад И. В. Сталина об образовании Союза Советских Социалистических Республик и принял Декларацию и Договор об образовании СССР. Съезд поручил ЦИК подготовить проект Конституции СССР.

Принятые I Всесоюзным съездом Советов документы подлежали обсуждению на сессиях ЦИК Республик, а затем с учетом поправок — ратификации на сессии Союзного ЦИК.

Потерпев поражение в борьбе против сталинского плана «автономизации», Х. Г. Раковский пытается через печать отстоять свою позицию. Свои взгляды на решение национального вопроса он высказал в статье «Союз Социалистических Советских Республик. Новый этап в Союзном Советском строительстве». Она появилась в первом номере журнала «Червоний шлях» за 1923 г. и в том же году вышла отдельной брошюрой в Харькове.

* Г. И. Петровский — председатель ВУЦИК, М. В. Фрунзе — первый заместитель председателя СНК Украины и командующий вооруженными силами Украины и Крыма. Оба были членами Политбюро ЦК КП(б)У.

Автор статьи выражал беспокойство по поводу неодинакового представительства советских республик на съезде Советов и в Союзном ЦИК, из-за чего бо́льшие по населению советские республики получат большинство в представительских органах и «могут стать хозяевами всей союзной жизни». Такого положения, по мнению Раковского, можно избежать, если создать вторую, национальную палату, с обеспечением при ее выборах «равенства республик или, по крайней мере, их относительного равенства». Он особенно подчеркнул важность права отдельных республик на выход из Союза по своей инициативе и права каждой республики на внесение необходимых изменений в Конституцию. Рост государственной промышленности, увеличение национального богатства, финансов Раковский связывает с расширением и хозяйственной, политической и административной самостоятельности республик [6].

Отстаивая федерацию, предоставление республикам широких возможностей для активной всесторонней государственной деятельности, Раковский решительно выступил против их обособления, национального партикуляризма и сепаратизма, против борьбы между отдельными социалистическими государствами и провинциями, разрыва солидарности, политических и экономических интересов. Он называет это «децентрализмом — архиконтрреволюционным врагом трудящихся, ведущим к гибели Советского Союза». Распад Советского Союза на отдельные республики с государственными границами, таможенными кордонами, со своими независимыми армиями, со своей обособленной внешней и внутренней политикой, с законами о концессиях, благоприятными для иностранных капиталистов, доставил бы радость международным империалистам, а от советских республик «скоро не осталось бы и хвоста». Он убеждает в необходимости сохранения централизма как единства республик с широким местным самоуправлением, с безусловным устранением всякого бюрократизма и всякого командования сверху [7].

Союзное и республиканское государственное строительство, по мнению Раковского, «должно быть поставлено на основах, при которых соблюдение общего руководства и общего плана не должно исключать широчайшей местной, административной, хозяйственной, финансовой, культурной и прочей автономии отдельных республик и областей» [8].

Статья заканчивалась конкретными предложениями по созданию союзных, директивных и национальных комиссариатов и о мерах обеспечения реального участия союзных республик в союзном правительстве.

Острая борьба Раковского со Сталиным развернулась на XII съезде РКП(б), состоявшемся 17—25 апреля 1923 г. Из-за болезни В. И. Ленина подготовительная работа к нему и сам съезд проходили под руководством Сталина, проявившего уже тогда все свои самые отрицательные качества, о которых предупреждал В. И. Ленин. Его властолюбие, нетерпимость к мнению других, жестокая мстительность, лицемерие, способность на фальсификацию — все это Раковский увидел на съезде. Ему не дали выступить в прениях по отчетным докладам ЦК и Ревкомиссии. Зиновьев и Троцкий, чтобы только угодить Сталину, критиковали Раковского по пу-

стякам. Но главное — острейший полемический разговор по докладу Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» все-таки произошел. Как мы знаем, Ленин резко выступил против сталинской идеи «автономизации» в письме «К вопросу о национальностях или об «автономизации», продиктованном 30 декабря 1922 г. Однако письмо Ленина на съезде не оглашается, попытка обращения к нему ораторов пресекается.

Выступая по докладу Сталина, Раковский выразил сожаление об отсутствии при обсуждении национального вопроса В. И. Ленина: «Нужны были его авторитет, его понимание не только внутренней, но и международной обстановки, нужно было, чтобы он своим авторитетным словом громко ударил по нашей партии и показал ей, что она в национальном вопросе совершает фатальные ошибки». Он упрекнул всех, в особенности русских товарищей, за их спокойствие, с которым они относятся к спорам по национальному вопросу, «который чреват самыми крупными осложнениями для Советской России и для нашей партии» [9].

Раковский сожалел также по поводу того, что частая постановка национального вопроса не только не приближает партию к правильному его решению, а даже наоборот, «чем больше мы ставим его, тем больше удаляемся от коммунистического понимания и решения» его [10]. И в этой связи он бросает упрек Сталину, что тот в своем докладе «остановился как раз на пороге выяснения подоплеки национального вопроса у нас. Он должен был пойти дальше и поставить здесь вопрос: почему мы в третий раз поднимаем этот вопрос перед съездом партии?» [11]

Раковский видит причину этого не только в нэпе и международном положении, но и в росте коренного расхождения «между нашей партией, нашей программой, с одной стороны, и нашим государственным аппаратом — с другой». Республикам приходится бороться за их существование с центральным аппаратом. Раковский приводит примеры нарушения принципов программы партии по национальному вопросу даже аппаратом ЦК, который рассылает письма «всем губернским комитетам, областным комитетам и центральным комитетам автономных республик», дальше этого не идет [12].

Многие решения центральных органов ложатся «всей своей тяжестью на отдельные республики». Раковский ссылается на десятки имеющихся в его распоряжении

примеров. Так, Наркомзем и Наркомнац подписали международный договор от имени Украины, хотя Украина не давала им на это никаких полномочий и Конституция не давала им на это никакого права. При российских комиссариатах, Совнархозе, Наркомтруде, Наркомфине пытались даже создать секретариаты для управления союзными республиками. При союзном Совнаркоме постановлением ВЦИК и СНК от 8 марта 1923 г. был создан Концессионный комитет, которому давалось право распоряжаться богатством всех республик [13].

Союзные органы получили «в десять, в двадцать раз больше прав, чем имели федеративные». Раковский заявляет, что головотяпская политика, проводящаяся в национальном вопросе, наносит ущерб партийной и хозяйственной политике, а также международным отношениям. Он говорит, что у него есть «большой материал о том, как отражается наша политика за границей».

По существу союзные учреждения стали хозяевами жизни республик. «Нет такого шага, который можно было бы сделать национальной республике». Раковский призывает «отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам» [14].

В ответ Сталин при обсуждении резолюции по национальному вопросу обвинил группу во главе с Бухариным и Раковским в том, что на секции она будто бы «слишком раздула значение национального вопроса, преувеличила его и из-за национального вопроса проглядела вопрос социальный,— вопрос о власти рабочего класса». Он даже привел слова Маркса и Энгельса, доказывая примат социального над национальным! Но кто же, кроме самого докладчика, в оценке русского пролетариата и народа преувеличил национальное, забыв социальное? Х. Г. Раковский и некоторые другие ораторы говорили о необходимости проведения всей социальной политики с учетом и национального вопроса [15].

Раковский дважды выступил на съезде со своими поправками к докладу и резолюции. «...Для того, чтобы мы вне рубежей наших Советских Республик могли стать центром борьбы угнетенных национальностей,— убеждал он делегатов съезда,— мы должны внутри, у себя, в пределах Советских Республик, дать правильное решение национального вопроса», чтобы нас не упрекнули в лицемерии. Всякое отклонение от принципиальной искренности к угнетенным нациям может подорвать и нашу защиту угнетенных народностей в их борьбе с империализмом [16].

В личном деле Раковского хранится рукопись «Национальный вопрос на 12 съезде партии». В ней он критически анализирует обсуждение национального вопроса на съезде, указывает на решительное возражение Бухарина «против точки зрения, проводимой докладчиком, который с известной исторической высоты объективности подчеркивал все шовинизмы, имеющиеся в пределах Советского Союза». Раковский утверждает, что «национальный вопрос в процессе всякой эволюции и революции выплывает и национальный вопрос это сильнейшее оружие для буржуазии. Буржуазия сейчас хочет спекулировать на нем» [17].

Раковский сделал важный вывод о том, что при наличии Советского государства национальный вопрос стал вопросом о государственных отношениях советских республик, что рабочая власть не может окрепнуть, если она не решит национального вопроса, не обеспечит равенства всех народов на деле [18]. К сожалению, ни ЦК, ни съезд не услышали его голоса.

13 июля 1923 г. в Харьков неожиданно пришло сообщение Наркоминдел о назначении Раковского полномочным и торговым представителем СССР в Англии, а также главой торговой делегации в Лондоне. Случай парадоксальный. Председателя СНК Республики, члена Политбюро ЦК КП(б)У назначали на другую работу без ведома руководящих органов партии и правительства республики, не спросив его согласия.

Свое отношение к новому назначению Раковский высказал в письме Сталину 18 июля 1923 г. «Мое назначение в Лондон,— писал он,— является для меня, и не только для меня одного, лишь предлогом для моего снятия с работы на Украине... Впрочем, особое отношение ко мне товарищей, руководящих Политбюро ЦК, выявилось гораздо раньше. Особенно это стало очевидным для членов нашей организации на Украине, а также для некоторых членов организации в России, во время XII партийного съезда... Мое назначение в Лондон является продолжением той тактической линии, целью которой является ликвидация меня как партийного и советского работника. Я не знаю, насколько в интересах партии устранение от непосредственной советской и партийной работы товарища, который уже больше тридцати лет находится в рядах активного авангарда международного рабочего движения. Об этом я не буду судить, так как речь идет обо мне, но как общее положение, я считаю

необходимым в назначении и перемещении исходить исключительно из соображений делового и партийного характера».

Раковский умел подчинять личные интересы делу партии, государства. «Я буду в Англии требователен, настойчив и буду отстаивать там интересы трудящихся масс»,— сказал он на прощальном торжественном заседании Харьковского горсовета 16 июля 1923 г. И действительно, он весьма успешно выполнял возложенную на него Советским правительством миссию и в Англии (1923—1925), а затем во Франции (1925—1927).

Работа за границей, хотя и требовала от Раковского много времени, однако позволяла внимательно следить за положением в России. Советская и зарубежная пресса, встречи с дипломатами, откровенные беседы с соотечественниками, деятелями международного коммунистического движения европейских стран порождали в сознании Раковского все более и более грустные мысли о положении в Советском Союзе. Полный отход Сталина от ленинских принципов коллегиальности, отказ от внутрипартийной демократии, от обсуждения актуальных политических проблем с широкими народными массами, отождествление себя с партией, переход к личному диктату вели к потере авторитета партии и Советского государства в глазах трудящихся зарубежных стран.

Вернувшись в начале 1927 г. в СССР, Раковский особенно остро почувствовал тяжелую атмосферу в партии, созданную режимом Сталина. И он открыто встал на путь борьбы против него, выступив с речами в Запорожье, Харькове, где он пользовался особенно глубоким уважением. Контрмеры не заставили себя ждать. 12 ноября 1927 г. Президиум ЦКК исключил его из партии «за фракционную деятельность».

В отчетном докладе ЦК XV съезду партии, состоявшемуся в декабре 1927 г., Сталин выделил специальный раздел об оппозиции, предъявив ей серьезные обвинения.

75 членов Центрального Комитета и ЦКК, критически относившиеся к Сталину и исключенные незадолго до съезда из партии, были отстранены от активного участия в работе съезда и дискредитированы в глазах партии.

Председатель ЦКК Г. К. Орджоникидзе лишь зачитал делегатам решение комиссии об исключении 75 человек (в том числе и Раковского), не аргументируя вины каждого из них.

Раковскому слово на съезде предоставили. На основании обширного материала, имевшегося в его распоряжении, он попытался показать всю сложность международного положения СССР, сказал о неверном освещении его в докладе Сталина. Одновременно Раковский отстаивал тезис, что каждый член партии имеет право и обязанность сигнализировать о недостатках, промахах и ошибках руководства. Речь Раковского от начала и до конца «рубилась» на мелкие части репликами, выкриками, оскорблениями, шумом. Усердствовали и члены Президиума съезда, и делегаты, названные в стенограмме поименно, и просто «голоса». Председательствующий не сделал ни одного замечания, не установил в зале элементарного порядка, диктуемого уставом и партийной этикой.

Съезду предлагалось утвердить решение ЦКК об исключении из партии 75 «активных деятелей троцкистской оппозиции».

Перед голосованием было оглашено заявление И. Т. Смилги, Н. И. Муралова, Х. Г. Раковского, К. Б. Радека, в котором они отвергали обвинения их в антисоветизме, меньшевизме, троцкизме, отстаивали свою верность программе, традициям и знамени ленинской партии большевиков. Они осуждали сложившийся сталинский «партийный режим» и утверждали, что только внутрипартийная демократия обеспечит выработку правильной линии партии и укрепит ее связь с рабочим классом. Заявление заканчивалось словами: «Верные учению Маркса и Ленина, кровно связанные с ВКП и Коминтерном, мы отвечаем на наше исключение из ВКП твердым решением и впредь бороться беззаветно под старым большевистским званием за торжество мировой революции, за единство коммунистических партий как авангарда пролетариата, за защиту завоеваний Октябрьской революции, за коммунизм, за ВКП и за Коминтерн».

Интересно, что ни одно положение заявления 4-х не было опровергнуто, но несмотря на это, все 75 человек были исключены из партии.

После XV съезда Х. Г. Раковский, как и другие «исключенные» за «антипартийные» позиции, побывал в политизоляторе, а затем был выслан в Астрахань, где, судя по его переписке с К. Б. Радеком, пробыл с конца января или начала февраля 1928 г. до начала 1929 г. [19] Он работал в Губплане, много читал и писал. Партийная, да и вся советская, печать для него конечно же была

закрыта. Однако люди, посвятившие свою жизнь революционной борьбе, не могли отказаться от активной политической деятельности и в ссылке.

Между ссыльными шел активный обмен письмами, статьями, тезисами. Они делились своими размышлениями о событиях в стране и за рубежом. Историк В. П. Данилов в статье «Из истории нашего самосознания» сообщает, что в архивах Гарвардского университета хранится 17,5 тысяч документов, отражающих отношение сосланных к важнейшим вопросам социалистического строительства, деятельности партии, международного коммунистического движения [20]. Раковский, например, 2 июля 1928 г. писал: «Я нахожусь в регулярной переписке со всеми товарищами» [21]. С помощью писем и телеграмм создаются коллективные обращения в ЦК ВКП(б), Исполком Коминтерна. Так, Раковский просит Радека телеграфировать «согласие поставить подпись телеграмме Политбюро кавычки просим разрешения нижеподписавшимся собраться Москве Алма-Ате или где найдете возможным для составления заявления партийную инстанцию кавычки» [22].

Через несколько дней он сообщает, что он «как один из основателей Коминтерна» выразил шестому конгрессу «пожелание... сказать веское мужественное слово против исключения и ссылки и потребовать в интересах русской и мировой революции восстановления единства ВКП(б) на основе ленинизма, диктатуры пролетариата и честной партийной демократии» [23].

В письмах отражается и отношение «исключенных» ко многим животрепещущим вопросам жизни страны: к хлебозаготовкам, закупочным ценам, прибыли и убыли революционных сил, к дифференциации разросшейся в отдельную социальную категорию партийно-советской бюрократии, к бюрократическим извращениям, к режиму, к необходимости исправления природы руководства, к индустриализации страны и коллективизации крестьянских хозяйств и т. д. [24]

7 августа 1928 г. Раковский жалуется, что находится в «герметической изоляции». И тут же добавляет: «В течение трех месяцев я потерял голос, чтобы орать, что вопрос вопросов: методы руководства» [25].

В этом же письме Раковский пишет: «Есть книга, которую наша бюрократия страшно не любит: «Государство и революция» Ленина.

Для чего нам нужна была пролетарская диктатура

и что мы с ней сделали? Мы должны были воспитать образцовый правящий класс... На эту тему я исписал сотни листов бумаги...»[26]

Наиболее полным и ярким выражением партийно-политических взглядов Х. Г. Раковского, его отношения к партии, к рабочему классу, диктатуре пролетариата, методам руководства, борьбе с извращениями является его письмо, датированное 6 августа 1928 г. и адресованное Г. Б. Валентинову * в ответ на его «Размышления о массах», разосланное им 9 июля 1928 г. **

В этом письме Раковский как бы подводит итоги своим наблюдениям и аналитическим размышлениям обо всем, что происходило в стране в течение первого десятилетия советской власти.

Раковский соглашается со своим адресатом, что вопрос об «активности» рабочего класса, поднятый им, имеет важное значение, что обычно он рассматривался лишь в связи с проблемой захвата и удержания власти. Раковский считает, что вопрос этот заслуживает внимания как самостоятельный, так как происходит ужасающее понижение активности рабочего класса, растет равнодушие к судьбе диктатуры пролетариата и советского государства. Он видит это в пассивности коммунистических и беспартийных масс к разлившейся волне скандалов, неслыханному произволу, в том, с каким терпением воспринимаются кражи, взятки, насилие, вымогательства, злоупотребление властью, неограниченный произвол, пьянство, разврат и т. д.

Устранение общественной и политической индифферентности, нанесшей рабочему классу «ужасающие разрушения»,— это, по мнению Раковского, самое существенное.

* Г. Б. Валентинов — член РКП(б) с 1915 г., участвовал в профдвижении, входил в состав главной редакции центральной газеты ВЦСПС «Труд», в конце 1927 г. был исключен из партии и сослан.

** Письмо Х. Г. Раковского опубликовано 5 раз: в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)» — Париж, 1929. № 6. С. 14—20; с вставками и исправлениями Троцкого в сборнике статей Троцкого «Портреты революционеров» в качестве приложения к статье о Раковском — Бенсон, Вермонт (США), 1988. С. 345—366; в том же году оно в сокращенном виде опубликовано в «Софийских новостях» советским историком А. Латышевым (26 сентября) и в «Неделе» (№ 43) — историком В. Сироткиным. Полностью с собственноручной правкой и подписью Х. Г. Раковского текст письма опубликован В. П. Даниловым в «Вопросах истории». 1989. № 12. С. 72—81. Цитируется по публикации В. П. Данилова.

Спад активности рабочего класса случался и прежде. Однако наступающий класс был максимально един и спаян. Вся инициатива находилась «в руках самой борющейся массы и ее революционного авангарда, который самым тесным и органическим образом связан с этой массой». Узкие цеховые, групповые и личные интересы отступали на задний план. Но после прихода к власти, говорит Раковский, в рабочем классе происходит процесс дифференциации. Часть его осуществляет власть, превращается в бюрократию, в особую социальную категорию. В распоряжении этой категории автомобиль, хорошая квартира, регулярный отпуск и зарплата в объеме партмаксимума (колебался от 180 до 225 рублей и выше). А коммунисты на угольных шахтах получали от 50 до 60 рублей в месяц, все рабочие и служащие делились по зарплате на 18 разрядов.

Функции, выполнявшиеся всем классом, всей партией, перешли к власти, «т. е. к известному только количеству людей из этой партии, из этого класса». Для сохранения единства и спайки, определявшейся классовой борьбой, нужна целая система, трудный и длительный процесс политического воспитания господствующего класса, который должен научиться «держать в руках свой государственный, партийный и профсоюзный аппараты, контролировать их и руководить ими». Раковский указывает, что ни один класс искусство управления не получает при рождении, но приобретает его только с помощью опыта, «учась на своих собственных ошибках». Беспрепятственно осуществлять свою диктатуру, свой классовый контроль рабочий класс сможет, если научится использовать предоставленные ему советской конституцией права. Раковский обращается к истории Англии, Франции, где в результате победы буржуазных революций «формально и фактически власть начинает переходить в руки постоянно уменьшающегося числа граждан», а «народные массы постепенно, сначала фактически, а потом формально, устранены из управления страной». Раковский обстоятельно анализирует разложение якобинцев из-за стремления к богатству, женитьбы на дворянках и, главное, из-за отрыва от масс, постепенной ликвидации выборного начала и замены его *назначенством* (подчеркнуто автором письма). Заменой выборных судей, комиссаров, председателей революционных комитетов и даже всего руководства Парижской коммуны чиновниками Робеспьер «только мог усилить бюрократизм и убить народ-

ную инициативу». Раковский подчеркивает, что падение Робеспьера нельзя объяснить одним назначеиством. Его ускорило и воздействие других обстоятельств (продовольственные затруднения, неурожайные годы, переход от дворянского к мелкобуржуазному землевладению, постоянный подъем цен на хлеб и мясо, нежелание якобинцев применять административные меры для пресечения жадности зажиточного крестьянства и спекуляции). От истории Раковский переходит к советской действительности.

За десятилетие советской власти, по мнению Раковского, «партия» и «массы» приобрели иное содержание, неузнаваемо изменились. Он ставит вопрос о необходимости тщательного изучения состава рабочего класса по труду, по участию в революционном движении, гражданской войне, по непрерывности работы на производстве, по связи с крестьянским хозяйством и т. д., указывает на необходимость проникновения в среду безработных, нищенских и полунищенских масс, а также живущих попрошайничеством, воровством, проституцией. Все это тяжелое наследие старого режима, «где может вбиться клин буржуазии».

И здесь Раковский делает интересное наблюдение. Он пишет, что при старом строе сознательная часть рабочего класса увлекала за собой и широкие слои населения, вплоть до полулюмпенов. Но так как положение этого элемента не улучшилось или почти не улучшилось, он стал враждебно относиться к советской власти, к промышленным рабочим, и особенно к советским, партийным и профсоюзным служащим.

Одновременно, указывается в письме, разительные перемены произошли в административных и хозяйственных органах, работники (функционеры) которых объективно и субъективно, физически и морально перестали быть частью того же рабочего класса, утратили лучшие качества пролетариата. Раковский бросает прямой упрек Молотову, который ставит знак равенства между диктатурой пролетариата и советским государством с его бюрократическими извращениями и насильниками, растратчиками и проходимцами.

Особое внимание Раковский уделяет партии, социальная структура которой разнообразнее, разношерстнее структуры рабочего класса. В годы интенсивной партийной жизни и активной революционной борьбы весь состав партии превращается в единый общий сплав. В годы

же советской власти образовалась новая социологическая категория — советская и партийная бюрократия, заслуживающая, по мнению Раковского, посвящения ей целого трактата.

Раковский отводит место и международному коммунистическому движению. Он обращается к своим замечаниям, высказанным в связи с проектом программы Коминтерна, опубликованным 27 мая 1928 г. в «Правде». Тогда он критиковал проект за то, что в нем «ни слова не сказано о том, что должна сделать партия для осуществления на деле пролетарской демократии», что «не внесен в них тот опыт, который накопился за десять лет пролетарской диктатуры». Теперь он ставит вопрос о «методах руководства, играющих такую колоссальную роль».

«Если я должен был бы писать проект программы для Коминтерна,— замечает Христиан Георгиевич,— то в этом отделе (переходный период) посвятил бы немало места развитию ленинской теории о государстве при диктатуре пролетвриата и о роли партии и партруководства в создании пролетарской демократия — таковой, какова она должна быть, а не сов-партбюрократией, каковая имеется».

Раковский отмечает, что о роли нашей партсоветской бюрократии в разложении партии и Советского государства, об этом крупнейшем социологическом явлении «сказано очень мало и в очень общих словах», а явление это можно понять, только рассматривая «его последствия в изменении идеологии партии и рабочего класса».

«Вы спрашиваете,— обращается он к Валентинову,— что случилось с активностью партии и нашего рабочего класса, куда исчезла их революционная инициатива, где делись идейные интересы, революционное мужество, плебейская гордость. Вы удивляетесь, почему столь много подлости, трусости, малодушия, карьеризма и многого другого, что я прибавил бы со своей стороны. Как получается, что люди с богатым революционным прошлым, несомненно честные, лично дававшие многократно примеры революционного самоотвержения, преврвтились в жалких чиновников».

И в заключение письма Раковский отвечает на поставленные вопросы: «...Всегда нужно было исходить из той предпосылки, что дело воспитания партии и рабочего класса — дело трудное и длительное, тем более что их мозг нужно чистить от всех тех засорений, которые туда внесла наша советская и партийная действительность и наша парт-советская бюрократия... В представлениях Ленина и во всех наших представлениях задача партий-

ного руководства заключалась именно в том, чтобы предохранить партию и рабочий класс от разлагающего действия привилегий, преимуществ и поблажек, присущих власти, от соприкосновения с остатками старого дворянства и мещанства, от развращающего влияния нэпа, от соблазнов буржуазных нравов и их идеологии». Партийное руководство, по мнению Раковского, не выполнило эту задачу. Не сумело оно создать новый, действительно рабоче-крестьянский аппарат, новые, действительно пролетарские профсоюзы и новый быт. Партийный аппарат обюрократился, провалился, вместо дела занимаясь статистическим шарлатанством, забрасыванием цифрами о бесконечных успехах аппарата. И это хвастовство «успехами» происходило тогда, когда в ЦК «лежали бесчисленные дела, свидетельствующие о страшнейшем разложении партийного и советского аппарата, об удушении всякого контроля масс, о страшнейшем зажиме, гонениях, терроре, играющем с жизнью и существованием партийцев и рабочих».

Раковский приходит к выводу, что дело не столько в личностях, а — и это главное — в изменении методов руководства. Первым условием на пути его совершенствования он считает сокращение его объема и функций. Для этого он предлагает три четверти партаппарата распустить, а задачи остальной четверти, в том числе и центральных органов, ограничить строжайшими рамками. В письме особо подчеркивается, что «члены партии должны войти в свои попранные права, получив надежные гарантии против того произвола, к которому нас приучила верхушка». Всякую реформу партии, исходящую от партийной бюрократии, Раковский считает утопией.

Письмо заканчивается оговоркой, что оно, быть может, носит односторонний характер, «но без этого предварительного анализа трудно будет понять происхождение тех роковых политических и экономических ошибок, которые сделало наше руководство и в деревенской политике, и в рабочем классе, и в вопросе об индустриализации, и в вопросе о партийном режиме, и, наконец, в вопросе о государственном управлении» *.

Письмо свидетельствовало о глубоком понимании Х. Г. Раковским всего, что происходило в стране, об иск-

* Публикация письма не прошла для Раковского безнаказанно. В 1929 г. из Саратова его выслали в Барнаул, а затем в Якутию.

реннем и страстном желании повлиять, пока не поздно, на ход дел в партии и в государстве, о его гражданском мужестве. Как человек честный, он писал прямо и искренне, что думал. Своим содержанием письмо было направлено против Сталина и его окружения, против того, что мы сегодня вкладываем в понятие «сталинизм».

Мудрый, опытный партийный и государственный деятель рано стал ощущать враждебное отношение к себе не только со стороны Сталина, но и со стороны его окружения. Однако он не мог равнодушно наблюдать, как шло разрушение ленинских принципов внутрипартийной демократии, как искажались его мысли об индустриализации страны, какое насилие, какие преступления были совершены при коллективизации крестьянских хозяйств, как упало сельскохозяйственное производство, как страна продовольственного изобилия превратилась в голодную, с карточной системой; как нарушались законы, как фабриковались и раздувались политические обвинения. Он понимал, что человек, подменивший роль руководителя партии и государства тиранической властью лукавого деспота, не простит ему выступлений ни на XII съезде, ни в дискуссиях перед XV съездом и во время его работы, не простит ему верности творческому марксизму-ленинизму.

В сентябре 1934 г. Раковский во главе советской делегации едет в Токио на международную конференцию Красного Креста. Он мог остаться за границей и оттуда разоблачать Сталина. Но он глубоко верил в справедливость, в победу добра над злом.

Однако ему не суждено было дожить до этого часа. 27 января 1937 г. его арестовали. После восьмимесячного заключения, со 2 по 13 марта 1938 г. состоялось судебное разбирательство по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока», Раковского объявили агентом английской и японской разведок и приговорили к 20 годам заключения с последующим поражением в политических правах на 5 лет.

Но и в тюрьме он остался непримиримым врагом сталинизма. По показаниям бывшего сотрудника НКВД Аронсона, Раковский в мае 1941 г. сказал ему, что напишет заявление «с описанием всех «тайн мадридского двора» — советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как у нас «стряпают» дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните... когда-нибудь и трупы заговорят» [27].

11 сентября 1941 г. по распоряжению НКВД Христиан Георгиевич Раковский был расстрелян. Расстрелян доблестный революционер, полвека самоотверженно боровшийся за национальное, социальное и экономическое раскрепощение человечества, за демократию, социализм, за партийную честность и принципиальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Из истории образования СССР//Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 191.

[2] Там же. С. 199.

[3] Там же. С. 208—209.

[4] Там же. С. 211.

[5] Там же. С. 211, 212, 213.

[6] См.: *Раковский Х. Г.* Союз Социалистических Советских Республик. Харьков, 1923. С. 4, 5, 6, 13, 15.

[7] См. там же. С. 22, 23, 26.

[8] Там же. С. 26.

[9] XII съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 576.

[10] Там же. С. 577.

[11] Там же. С. 579.

[12] См. там же. С. 579, 580.

[13] См. там же. С. 580, 581, 883, 884.

[14] См. там же. С. 582.

[15] См. там же. С. 649, 650, 651.

[16] См. там же. С. 656.

[17] ЦГАОР, УССР, ф. 2, оп. 2, д. 462, л. 95—96.

[18] ЦГАОР, УССР, ф. 2, оп. 2, д. 462, л. 100, 103, 105.

[19] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 111, л. 2 об. и л. 13 об.

[20] См.: Вопросы истории. 1989. № 12. С. 69.

[21] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 111, л. 4.

[22] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 111, л. 7.

[23] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 111, л. 8.

[24] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 111, лл. 9, 11—11 об.

[25] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 111, л. 10 об, 11.

[26] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 111, л. 11—11 об.

[27] Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 119.

И. П. Донков
Н. С. Полещук

СУДЬБА БОЛЬШЕВИКА

«Я с 1903 года не отходил от партии большевиков».

Н. Муралов. 1 января 1936 г.

«Он был бесстрашным маршалом революционной войны».
Л. Троцкий, председатель РВСР

В 1927 г. из партии был исключен человек, подписавший исторический приказ о победе Великого Октября в Москве. Спустя десять лет он был лишен жизни по огульным обвинениям сфальсифицированного судебного процесса, первого в трагически знаменитом 1937 г. 17 апреля 1986 г. полностью реабилитирован по гражданской линии, 23 марта 1990 г.— по партийной.

Сейчас доказано, что все политические процессы второй половины 30-х гг. были сфальсифицированы, построены на показаниях, добытых преступными методами, пытками и шантажом обвиняемых и членов их семей.

Многие годы велась упорная борьба за реабилитацию героя данного очерка. Биография Николая Ивановича Муралова показывает, сколь трагична, цельна и прекрасна была жизнь этого человека, верного однажды выбранному пути.

«ОТ УРАЛА ДО ДУНАЯ КОМАНДУЕТ СОЛДАТ МУРАЛОВ»

В непрерывном процессе исторического действия наибольшее внимание привлекают его динамические периоды, но буквально захватывают моменты, когда, кажется, можно руками пощупать разные грани разлома отвалившегося «вчера» и рождающегося «завтра». Такое ощущение испытываешь при чтении свидетельства бывшего царского «генерала для поручений» при штабе Московского военного округа Микучевского. 3 ноября 1917 г., после того как стихли бои на улицах Москвы, он отправился к месту своей службы — к штабу МВО на бывшей Пречистенской, а ныне Кропоткинской улице.

«...Спускаясь к Пречистенским воротам,— рассказывал генерал,— я встретился с группой в 7—8 человек военных и гражданских лиц. Мы обменялись приветствиями. Тут же один из встреченных обратился ко мне с вопросом: «Не знаю ли, где штаб и как туда попасть?» Я поделился неуспешным результатом своих поисков, но встреченные пошли вперед. Я повернулся за ними. По дороге разговорились. Выделявшийся мощной фигурой из среды встреченных в военной шинели солдата с унтер-офицерскими погонами в разговоре сказал мне, что он назначен революционным Советом «комиссаром Московской области» и направляется в штаб. Узнав это, я кратко информировал его, кто я (по должности командир ополченческих частей округа), и спросил его — не поможет ли он мне указать, где я могу найти нового командующего войсками. Встреченный с добродушной улыбкой ответил, что это он сам и есть. «Как так, ведь Вы сказали, что Вы комиссар?» — «Впредь наименование командующий войсками округа заменено наименованием комиссар области»,— было его ответом.

Подошли к подъездам, но через таковые проникнуть внутрь не удалось. Пошли к воротам. Прошли свободно на двор, а со двора по одному из черных ходов и внутрь здания. Во всем здании окна были завалены делами в виде баррикад с бойницами, трамплинами к таковым служили письменные столы, стулья, диваны, выломанные шкафные двери и наваленные кучи дел. В шкафах было пусто. Везде полнейший хаос... и никого живого.

Вся наша группа, пораженная этим зрелищем, как бы оцепенела, но это длилось недолго. Та же мощная фигура в солдатской шинели вывела всех к жизни: «Ну что же, в этой обстановке давайте создавать свой штаб, за работу».

Появилось два-три человека из служащих в штабе. Вмиг последовали назначения из лиц прибывшей группы на необходимые ответственные должности, а вслед за этим, с прибытием еще нескольких служащих, закипела работа. Через полчаса я получил мандат на право входа по неотложному делу в Московский Совет. Выходя, я уже с трудом проталкивался через массу явившихся по делам.

...Мощной фигурой в солдатской унтер-офицерской шинели (к слову, сильно потрепанной) был нынешний командующий войсками Московского военного округа, один из борцов Революции Николай Иванович Муралов» [1].

С этим назначением многие узнали, как вспоминал другой очевидец, что «от Урала до Дуная командует солдат Муралов» [2].

Теперь, когда имя его очищено от уголовных и политических обвинений, можно наконец в полный голос рассказать об этом удивительно чистом и мужественном человеке.

Николай Иванович Муралов был выходцем из большой семьи, давшей отечественной истории пятерых видных деятелей ленинской партии и советского государства. Все они родились и провели детство на берегу реки Миус, на хуторе Греческие Роты, под Таганрогом.

Глава семьи Иван Анастасьевич Муралов был обрусевшим греком, личностью во многом незаурядной. Образованный для своего времени человек, он в ходе севастопольской кампании вступил волонтером в армию и за личное мужество в боях был награжден Георгием 4-й степени, потом попал в плен и был интернирован в Англию. О его взглядах свидетельствует и то, что он не устрашился встретиться лично с А. И. Герценом и, вернувшись в Россию, регулярно читал «Колокол». Женитьба на неграмотной украинке — батрачке стала еще одним фактом пассионарности этой семьи, выступившей против традиций замкнутой греческой диаспоры. Из-за этого Ивану Анастасьевичу пришлось самостоятельно поднимать семью, которая с годами разрослась до одиннадцати человек детей.

Почти все дети, благодаря личным усилиям и взаимной поддержке, добились высшего или среднего образования. Вот как гордо, подводя итог своей жизни, сказал об этом в последнем слове на суде Николай Иванович: «Я вышел из бедной трудовой семьи и пробился своим горбом и к образованию, и к положению, и когда вступал в рабочие кружки в 1899 году и в партию в 1903 году. И в последующей своей деятельности я был сознательным, развитым, образованным человеком» [3].

Семнадцати лет Николаю удалось поступить в четырехгодичную сельскохозяйственную школу. Ослепший отец, беспокоясь о сыне, прививал ему навыки самообразования. Окончил школу Николай первым учеником по всем предметам, заслужив право «освобождения от телесных наказаний навсегда».

Став агрономом, Н. И. Муралов устроился управляющим подмосковного помещичьего имения и почти 20 лет проработал в этой должности у разных помещиков. Под такой удобной «крышей» была возможность активно вести революционную работу.

Первое увольнение молодого агронома связано с защитой чести и достоинства рабочих. А в 1898 г. из-за угрозы политического преследования Николаю пришлось скрываться в тихом городке на Северном Кавказе — Майкопе. Здесь, в кружке политкаторжанина А. Жулковского, он приобщился к марксистской литературе. А 1901 г.— последний год пребывания в Майкопе — стал временем его фактического вступления в РСДРП.

В 1902 г. Николай выехал в Москву, чтобы поступить в вуз, но был арестован во время мартовских сту-

денческих волнений, а после освобождения осел в Серпухове и Подольске, где собрались и другие члены семьи Мураловых. Когда в 1905 г. в Подольске был создан революционный комитет, Н. И. Муралов вошел в него.

В августе 1906 г., у себя дома в Греческих Ротах, братья Николай, Иван и Анастасий были арестованы. Выпущенный на поруки, Николай Иванович устроился на работу в селе Подмоклово Подольского уезда Тульской губернии управляющим имением помещика Рябова, одновременно поступил вольнослушателем в Петровскую сельскохозяйственную академию. Этот профессиональный революционер любил свою мирную профессию, его рабочий день начинался с 4-х часов утра. Он образцово поставил ведение сельского хозяйства в имении, особенно полеводство и животноводство, организовал Общество трезвости и две сельские школы. В то же время здесь действовало хорошо законспирированное революционное гнездо. В лекциях, которые читались рабочим, наряду с сельскохозяйственными вопросами остро будировались и вопросы политические. Кроме самого Н. И. Муралова, с лекциями выступали В. П. Ногин, В. П. Милютин, М. Н. Лядов, П. К. Штернберг. В имении скрывались И. Н. Смирнов, В. Г. Шумкин и другие большевики.

Охранка держала семью Мураловых под особым надзором. В донесении от 11 июля 1913 г. начальник Московского жандармского управления многозначительно подчеркивал: «Названные Мураловы в 1905, 1906, 1907 гг. принимали участие в освободительном движении и по... сведениям, относящимся к тому времени, состояли в организациях РСДРП» [4].

«ОТЛИЧНО, ТОЛКОВО, БЫСТРО, ТОЧНО РАБОТАЕТ МУРАЛОВ»

Летом 1915 г. в разгар мировой войны Муралов был мобилизован в армию. Служил во Владимире, а затем во второй Московской автороте, где встретил Февральскую революцию. Его энергия и революционная убежденность, незаурядный организаторский опыт создали ему авторитет и популярность в армии. С образованием Московского Совета солдатских депутатов в марте 1917 г. Муралов входит в его президиум и возглавляет большевистскую фракцию и агитационный отдел. Непрерывные поездки, общение с солдатами, митинговые сражения позволяют ему быть в гуще событий.

В июне 1917 г. в Петрограде состоялся I съезд Советов. По поручению Ленина по аграрному вопросу от фракции большевиков выступил Муралов. «Наши предложения были коротки и конкретны,— вспоминал позднее Николай Иванович,— немедленная конфискация помещичьих земель, национализация всей земли, всех лесов и недр земли. Наша резолюция, написанная собственноручно т. Лениным, умещалась на четвертушке бумаги» [5]. Но ленинские слова звали в бой...

Когда утром 25 октября стало известно о победе вооруженного восстания в Петрограде, был созван объединенный пленум двух московских Советов: Совета рабочих и крестьянских депутатов, Совета солдатских депутатов. Н. И. Муралов зачитал телеграмму о победе революции и доложил депутатам о состоянии московского гарнизона. В числе четырех большевиков он вошел в состав Военно-революционного комитета и Революционного штаба.

На его плечи в эти дни легло руководство всеми вооруженными силами революции. Он — среди участников переговоров с представителями старого режима, он подписывает важнейшие революционные документы тех исторических дней.

В опасный момент осады и обстрела Моссовета Муралов был в числе тех, кто остался в здании для охраны этого боевого центра, что закрепило за ним славу героя Октября. 2 ноября члены Московского ВРК Н. Муралов и Г. Усиевич подписали исторический приказ о победе революции в Москве [6], и в тот же день Николай Иванович был утвержден комиссаром Московского военного округа с правами командующего: 14 ноября 1917 г. этот приказ официально был подтвержден председателем СНК РСФСР В. И. Лениным [7].

Назначение «солдата» «командующим» вызвало ропот обывателей: «А этот солдат грамотный?» и подлинное ликование масс, распевавших частушку. «Нам не нужно генералов, у нас есть солдат Муралов». Это было признание. Начался период интенсивной деятельности на новом посту.

Исключительная трудоспособность и собранность, высокая организованность Н. И. Муралова, его преданность делу революции нашли самое широкое применение в это необыкновенное историческое время. Его известность росла не по дням, а по часам. По свидетельству Семена Ивановича Аралова, члена РВС Респуб-

лики, Владимир Ильич не раз говорил: «Отлично, толково, быстро, точно работает Муралов» [8].

Вот перечень мероприятий, в которых прииимали участие силы Московского военного округа во главе со своим командующим: реорганизация, перевоссоздание армии на новых, советских основах, вопросы формирования и обеспечения фронтов всем иеобходимым в начальиый период гражданской войны, руководство чисто оперативными действиями. Это и борьба с Украинской Радой и Калединым на Дону, германскими оккупантами и белочехами, это и органнзация связи с нефтяным Баку и отправка революцнонных рабочих в Доибасс, организация вывоза золотого запаса Республики в Казань и участие в подавлеиии левоэсеровского мятежа в Москве, правоэсеровского — в Ярославле. А ранее — вооруженная помощь в подавлении мятежа в Архангельске, организация борьбы с уголовным бандитизмом, терроризировавшим Москву, наведение революционного порядка в условиях военного положеиия в столице.

А когда возросла опасность со стороны Колчака, а затем Деиикина, Н. И. Муралов назначается члеиом Реввоенсоветов 3-й армии Восточного фронта, Восточного фронта и 12-й армии Юго-Западного фронта. Ленин держал с ним постоянную связь: запрашнвал сведения о состоянии армий, организации мирной работы в освобожденных районах, согласовывал решеиия ряда военных проблем. В боевых условиях Николай Иванович проявил личную храбрость, компетентность и надежность. За мужество и воинскую доблесть был иагражден в 1922 г. орденом Красного Знамени. Председатель Реввоенсовета страны Лев Троцкий так характеризовал Муралова: «Он был бесстрашным маршалом революционной войны, всегда ровным и простым, без позы. На походах вел неутомимую пропаганду делом: давал агрономические советы, косил хлеб и лечил между делом людей и коров. В самых трудных условиях от него излучались спокойствие, уверенность и теплота» [9].

С сентября 1920 по февраль 1921 г. Муралов был члеиом коллегии Наркомзема. В. И. Ленин высоко ценил профессиональные качества этого «человека, компетентного» в вопросах сельского хозяйства [10]. Накануне назначения 16 сентября 1920 г. он приинял Николая Ивановича в своем кабинете. Беседа продолжалась более трех часов. Потом Муралов расскажет об этом в «Крат-

ких воспоминаниях об Ильиче на работе в Народном Комиссариате Земледелия»[11]. А пока, готовясь к встрече, он запасся новейшими сводками не только по 12-й армии, но и всего фронта, а также программой своей работы в Наркомземе.

С марта 1921-го по май 1924 г. Н. И. Муралов вновь командующий войсками Московского военного округа. После смерти В. И. Ленина он входил в состав правительственной комиссии по организации его похорон. Был депутатом Моссовета, членом ВЦИК и ЦИК СССР...

Самостоятельный в суждениях и поступках человек, каким был Муралов, не мог найти свое место при новом «лидере» — Сталине. Память о недавно ушедшем «дорогом Ильиче» не умирала. Одна из современниц свидетельствует: «В 1924 году в дни смерти Ленина все мы были взволнованы этим событием. В день похорон я пришла к Мураловым под вечер. В полутемной столовой сидели Юлия, Иван Иванович, еще кто-то, и из угла в угол ходил Николай Иванович, негромко повторяя: «Что нас ждет? Это очень страшно...» Я опешила и сказала: «Что Вы, Николай Иванович, ведь все идет как нужно, ведь у Ленина достойный наследник!» Николай Иванович зло посмотрел на меня и сказал: «Не говори о том, чего не знаешь. Страшный человек. Что-то будет со страной! Что будет со всеми нами!»[12].

«ОБЫВАТЕЛЯМИ, ОБМАНЩИКАМИ НАС НЕ СДЕЛАЮТ НИ ЗАКИ МАЛЫЕ, НИ ЗАКИ БОЛЬШИЕ»

Болезнь Ленина, начало которой относится к концу 1921 г., в 1923-м резко обострилась, и стало ясно, что она носит необратимый характер. В циркулярах ЦК осторожно намекалось, что Ленин, возможно, не вернется к активной деятельности. Для нас сейчас понятно, что благодаря безусловному авторитету в партии Ленин объединял силы, которые без него оказались не в состоянии проявлять терпимость по отношению друг к другу. Что касается Муралова, то он не был ни идеологом, ни теоретиком, но был хорошим практиком и борцом, надежным партийцем, солдатом Революции, воспитанным на ленинских идеях. Благодаря таким представителям партии, как Муралов, которые держали «заставы» Октября, ее лидеры могли теоретизировать и искать те или иные пути развития государства. И Сталин, и Троц-

кий боролись за поддержку Муралова. Большевик с 1903 г., Муралов вплоть до последней болезни Ленина не участвовал ни в каких оппозиционных группировках и, казалось, вполне бы устраивал Сталина, который не раз пытался привлечь его на свою сторону. Но изменить своим принципам, стать слепым исполнителем чужой воли, и причем воли, как он понимал, злой, вероломной, Николай Иванович по своему характеру, конечно, не мог.

Когда тревога за положение дел в партии и стране заставила в 1923 г. большую группу партийных и советских работников составить заявление «46-ти», Н. И. Муралов его безоговорочно подписал. По существу, это первый документ, в котором поставлен вопрос о вреде набиравшей силу командно-административной, партийно-бюрократической системы. Надо сказать, что товарищи по партии не раз советовали Муралову отойти от оппозиции, поскольку она якобы «троцкистская», но он неизменно и категорически возражал: «Я поддерживаю старых большевиков, а не Троцкого. Сталин действует и поступает не по-ленински» [13].

Пресекая все попытки инакомыслия, страшась тех, кто работал с Лениным, исповедовал ленинские взгляды, Сталин в своих целях использовал власть, расставляя кадры по принципу личной преданности. Так, в мае 1924 г. командующий Московским военным округом Н. И. Муралов был заменен «человеком Сталина» — К. Е. Ворошиловым. Через год Ворошилов был уже Председателем Реввоенсовета, а Н. И. Муралов назначается командующим Северо-Кавказским военным округом.

В развернувшейся после смерти Ленина борьбе за альтернативные пути развития еще будут отдельные зигзаги. В 1925 г. Муралов на XIV съезде будет избран в члены ЦКК ВКП(б) и возвращен на работу в Москву «для особо важных поручений при РВС СССР». Формально вроде бы поднят в чинах, но фактически это означало почетную опалу: член постоянного Военного совета при РВС СССР, но... «с совещательным голосом», начальник Военно-морской инспекции, но... «по совместительству». Основной его работой становится членство в Коллегии Госплана РСФСР.

Внутрипартийная борьба набирала обороты. 1927 г. стал кульминационным по ее накалу и последствиям: на XV съезде ВКП(б) была отсечена от партии ее инакомыслящая часть, коммунисты, предлагавшие иной,

нежели сталинский, путь разрешения партийных и государственных проблем. Деформации во внутрипартийном режиме получили уже необратимый характер.

В первый день съезда делегаты от Украины доставили в зал заседания одиннадцатипудовый бюст Ленина и барельеф «железного непоколебимого Генерального секретаря т. Сталина» — оба из сахара. Представитель сталинградской делегации вручил открывавшему съезд А. И. Рыкову стальную метелку — для «выметания» оппозиции. Алексей Иванович торжественно передал ее Сталину... Нужны ли комментарии? В этом организованном спектакле обозначался роковой финал.

Н. И. Муралову дали слово от оппозиции. Он выступил с резкой критикой внутрипартийного режима, против его создателей и идеологов — Сталина и его ближайшего окружения, заявил об имевших место грубых нарушениях внутрипартийной демократии, норм партийной жизни. Честно и открыто ставя вопрос, отстаивая свою позицию, он говорил: «Когда я критикую... это значит, что я критикую свою партию, свои действия и критикую в интересах дела, а не ради подхалимства» [14].

К сожалению, мы нередко забываем воздать должное тем, кто первым поднял свой голос в защиту истины и поплатился за верность идеалам. К таким людям относится и Н. И. Муралов. Особое значение придавал он демократическим традициям в партийной жизни. «Съезды мы раньше собирали, предварительно обсуждая в обстановке, хотя военной и тяжкой, но в своей партийной среде, не стесняясь и критикуя наши высшие партийные организации, и, критикуя, даже не боялись критиковать и нашего вождя, т. Ленина» [15],— говорил Муралов. И сравнивал с действительностью: «Все вопросы, которые мы поднимали, обращались против нас в величайшие демагогические приемы и клевету. Дело доходило до того, что в конце концов дошло до сугубых, величайших, неслыханных в партии репрессий по отношению к преданным старым членам партии, революционерам... доказавшим свою преданность революции не клеветой, а делами».

В этом утверждении прежде всего и заключалась суть конфликта, раздиравшего партию,— недопустимые методы борьбы с инакомыслием в своей среде. Но съезд в целом этого не сознавал. Не только подготовленные сталинским аппаратом клакеры, но даже такие делегаты, как вскоре прозревший М. Рютин, П. Постышев и др.

бросали злые реплики, грубо перебивали, не давали говорить. Сквозь шум и выкрики Н. И. Муралов произнес слова, ставшие пророческими для судеб большинства присутствовавших: «Товарищи, если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей бабке, как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было?» [16]

В обстановке небывалой озлобленности, установившейся в зале, председательствующий Г. И. Петровский лишил Николая Ивановича слова. Он сошел с трибуны, но — непобежденный и несломленный. В конце съезда И. Т. Смилга от своего, а также от имени Н. И. Муралова, Х. Г. Раковского и К. Б. Радека зачитал заявление, в котором решительно отвергались обвинения в антисоветском характере их деятельности: «Мы обязались защищать наши взгляды в рамках партийного устава... Мы отклоняем наименование оппозиции «троцкистской», как основанное на попытках искусственно и произвольно связать величайшие вопросы нашей эпохи с давно ликвидированными дореволюционными разногласиями, к которым большинство из нас не было причастно... Партийный режим, приведший к нашему исключению, ведет неминуемо... к новым отсечениям. Только режим внутрипартийной демократии может обеспечить выработку правильной линии партии и укрепить связь ее с рабочим классом» [17].

В числе 75 человек, активных участников оппозиции, решением съезда Муралов был исключен из партии, а затем снят со всех постов. В начале 1928 г. его высылают в ссылку в г. Тара Омского округа, через год переводят в Новосибирск, где он работает уполномоченным Запсибсоюззернотреста, начальником сельхозотдела Кузбасстроя (до апреля 1936 г.).

Первое время ссыльные «оппозиционеры» имели возможность легально общаться между собой. Они использовали это для выработки документов, в которых излагали свое отношение к различным аспектам жизни страны и партии. Разгул сталинщины вызвал резкий протест исключенных за „левый" уклон оппозиционеров. Вот что писали в ЦК и ЦКК и членам ВКП(б) 12 апреля 1930 г. Х. Раковский, В. Каспарова, Н. Муралов и В. Косиор:

«В своем заявлении в ЦК и ЦКК от 4 октября прошлого года оппозиция большевиков-ленинцев предупреждала против чрезвычайных административных мер в деревне, потому что они влекут за собой

отрицательные политические последствия... ЦК дал директиву, которая сама по себе является грубейшим отклонением от социализма. Лозунг сплошной коллективизации — безразлично, назначается для этого срок 15 лет, как было сначала, или 1 год, как сделали потом,— является сам по себе величайшей экономической нелепостью. Мы — марксисты и мы знаем, что новые формы собственности могут создаваться на основе новых производственных отношений. Но этих новых производственных отношений еще нет...

Экономической нелепостью являлось также декретное упразднение кулачества как класса и упразднение нэпа... Сплошная коллективизация была предпринята в нарушение самых элементарных принципов марксизма, в пренебрежение элементарными предостережениями Ленина и в вопросе о коллективизации, и о середняке, и о нэпе»[18].

Авторы письма и их сторонники еще надеялись, что развитие событий приведет к пробуждению здравого смысла у сталинского руководства, что XVI съезд ВКП(б) пересмотрит политику партии. В своем обращении к его делегатам от имени «оппозиции большевиков-ленинцев», как они себя именовали, В. Аусем, К. Грюнштейн, В. Косиор, Н. Муралов, Х. Раковский и К. Цинцадзе писали: «Мы не переставали считать себя членами РКП(б), хотя и исключены из ее рядов. Мы продолжаем выполнять все ее решения по социалистическому строительству. Это мы можем делать лишь в тех узких рамках, которые позволяют нам местные условия 58 ст. УК... Обращаемся снова к съезду с просьбой о нашем восстановлении в правах членов партии. Такое восстановление является политической необходимостью, шагом к реальному идейному и организационному единству партии...» Никто из обращавшихся восстановлен в партии не был, более того, их свободному общению между собой был положен конец.

Изолированный от политической деятельности, от общения с друзьями и родными, находясь под постоянным надзором органов НКВД и лично Сталина, Н. И. Муралов сохранял мужество и веру в правоту своих взглядов. 6 июня 1928 г. из города Тара он пишет сосланному в Алма-Ату Л. Д. Троцкому:

«Мы хорошо, честно, четко написали XV съезду (за подписью 4-х), лучше не напишешь, нового ничего не скажешь. Разве послать всех по матери? Так это аргумент не наш, а углановых, ворошиловых и прочей братии... «Борьба идет не на жизнь, а на смерть»,— сказал Менжинский Смилге. Каменев и Зиновьев, слабонервные и «не совсем храбрые», сдрейфили и полезли в дверь свинарника, по полу которого, запачканному всяким «дрязгом» (термин Гоголя.— *Авт.*), «на брюхе поползли в партию» (буквальная фраза Зиновьева.—

Авт.). Как помните, мы с Вами отказались от столь непривлекательного, неэстетичного, негигиенического вхождения в революционную большевистскую партию, потому что наша партия была сооружением, совершенно не похожим на свинарники, поросятники, курятники и прочих зверей и животных скопища...

Ежели мы не можем сейчас «пойти к матросам» (не можем, это верно), то тем более не должны идти во ВЦИК. Писать же покаяние — умирать буду, а не напишу, четвертовать будут — не напишу. Один останусь — не напишу. Мы беспартийные формально. Мы честные работники, будем все, что нам поручат, делать четко, вкладывать свои, сравнительно и большие знания в большинство невежей (несчастье прямо и одна из причин нашего поражения) и в экономике, и в специальных вопросах советского хозяйства. Но обывателями, обманщиками нас не сделают ни занки малые, ни занки большие и незанки. Сего не будет, как не будет того, что Иртыш потечет от Ледовитого океана. Привет *Н. Муралов*»[19].

Убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. было воспринято Н. И. Мураловым совершенно однозначно. Его племянница рассказывает, что, прочитав в газетах материал по этому делу, Муралов воскликнул: «Это его рук дело, это сигнал к тому, чтобы начать Варфоломеевскую ночь!»[20] Он был уверен, что автор провокации — Сталин.

Недавно стал известен такой эпизод. Будучи в 1934 г. в Москве, в вестибюле Наркомтяжпрома Муралов вдруг услышал оклик: «Николай Иванович!» Обернулся, к нему бежал его тезка Николай Иванович Бухарин. Крепко пожал руку, с интересом начал расспрашивать, давно ли Муралов в Москве, не собирается ли подавать заявление Кобе и возвращаться в партию? В этом и было унижение его достоинства, как и достоинства многих других: недостаточно было, видишь ли, заявления съезду, партии, а требуется непременно самому, лично Сталину. Муралов ответил: «Не вижу необходимости». А встреча запомнилась. Учитывая, что многие в те дни боялись даже рядом оказаться с «некапитулировавшим оппозиционером», со стороны Бухарина этот порыв был мужественным поступком, свидетельством человеческого участия и обаяния[21].

К концу 1935 г. стало ясно, что на весы брошены уже судьбы и жизни не только свои, но и близких, даже детей (знаменитый указ о привлечении к уголовной ответственности, вплоть до расстрела, за политические «преступления» двенадцатилетних). Давно покаявшиеся и восстановленные в партии бывшие оппозиционеры принуждались вновь давать письменные заверения в отходе от своего «оппозиционного прошлого», клятвы верности «генеральной линии». У Муралова была семья,

двое детей. Под влиянием уговоров брата Александра и их общего друга старого большевика Р. И. Берзина Николай Иванович подал заявление в ЦК ВКП(б), на имя Сталина, с требуемым содержанием об отходе от оппозиционной деятельности. Оно подписано 9 декабря 1935 г. «Я долго молчал,— писал он.— Я избрал длительный и долгий путь, чтобы на деле доказать свою преданность партии. Это время я честно работал и своей работой желал и желаю, как честный солдат революции, искупить перед всем рабочим классом прежние ошибки» [22].

Через А. А. Жданова, которого знал по Нижнему Новгороду, А. И. Муралов попытался выяснить судьбу переданного в Секретариат ЦК заявления брата. Жданов, однако, строго спросил, почему в заявлении не содержится прямой просьбы о восстановлении в партии? Действительно, на это и надежды не было, поэтому подсказка «сверху» показалась положительным признаком, на который следовало сделать ответный шаг. Вновь при участии брата и Берзина Николай Иванович подписал 1 января 1936 г. на имя Сталина еще более краткое заявление. В нем есть такие слова: «Я с 1903 года не отходил от партии большевиков... Вне рядов партии я не могу оставаться дальше. Я снова желаю быть в рядах своей партии — партии Ленина—Сталина и отдать свои силы и энергию ей. Я надеюсь, что ЦК меня восстановит в рядах партии, о чем и прошу». Берзин взялся передать заявление лично в руки Сталина. И действительно передал. Но генсеком затевалась иная игра. Мощная фигура Муралова была очень заманчива в качестве «мальчика для битья» [23].

«ЕСЛИ БЫ Я ЗАПИРАЛСЯ, Я БЫЛ БЫ ЗНАМЕНЕМ ДЛЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ»

С тяжелым сердцем уезжал Муралов в Новосибирск. По утвержденной XV съездом ВКП(б) установке решение о восстановлении в партии могло быть принято лишь через шесть месяцев после подачи личного заявления. Как теперь стало известно, Сталин дал формальный ход заявлениям Муралова. По его указанию 7 января 1936 г. они были размножены и разосланы всем членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК, а также Ежову и Антипову. Однако никакого решения по ним принято не было.

Через три месяца 17 апреля 1936 г. Муралов был внезапно арестован...

«Мастер острых блюд», «великий вождь народов» решился на физическую расправу со своими политическими противниками, чтобы не только снять с себя ответственность за провалы своего руководства, но и навсегда покончить с инакомыслием в партии, с каким-либо желанием сопротивления. На скамье подсудимых оказались ближайшие соратники В. И. Ленина, известные деятели революционного движения, социалистического строительства. Бросив под ноги обывателям героев Октября, Сталин осуществил контрреволюционную, антисоветскую провокацию.

Понадобился ему и «генерал революции» Николай Муралов, хотя тот в течение почти десяти лет находился на скромной хозяйственной должности в Сибири. Но несломленный дух бунтаря не давал «хозяину» покоя. Мураловская прямота на XV съезде, его независимость и гордость задевали за живое. Доходили до Москвы и слухи о его симпатиях к Троцкому. А обид Сталин не прощал. Более полугода группа, возглавляемая начальником отдела УНКВД по Западно-Сибирскому краю С. П. Поповым, «готовила» для предстоящего кровавого спектакля бывших новосибирских «оппозиционеров»[24]. Сейчас средства фабрикации подобных дел широко известны: шантаж, насилие, пытки. До сих пор жива печальная легенда о том, что Муралову в ходе следствия даже «отпилили» ноги: настолько необычен был его внешний вид в дни судилища, накануне гибели[25]. А. Н. Яковлев, в течение ряда лет возглавлявший Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х гг., с горечью констатировал: «трагедия, постигшая тогда народ, поражает и масштабностью, и жестокостью, и особым цинизмом ее организаторов, равно как и непосредственных исполнителей»[26].

Даже сквозь переписанные протоколы допросов старых революционеров слышится их нечеловеческий крик. Вот, например, 30 октября 1937 г. Н. И. Муралову была устроена очная ставка с уже психически надломленными М. Богуславским, Я. Дробнисом, И. Ходорозе и А. Шестаковым. Они уговаривали его «признаться» в соучастии в «грязных, кровавых делах». От потока нелепых, абсурдных утверждений и уговоров типа: «не упрямься, отрекись от Троцкого, последуй моему примеру», голова

шла кругом, и Муралов так непосредственно восклицает (и это зафиксировано в протоколе): «Да у меня язык не поворачивается сказать, что я — террорист!» [27]

6 ноября 1936 г. органами НКВД был арестован шестнадцатилетний сын Муралова — Владимир, и тогда, с 5 декабря того же года, стали оформляться «признательные показания» Муралова. Но он четко ограничивается кругом уже задействованных имен. Однако на суде Муралов отверг ряд обвинений, в частности касающихся якобы подготовки покушения на Орджоникидзе.

29 января 1937 г. на открытом судебном заседании по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», состоявшемся в Октябрьском зале Дома союзов, с последним словом поднялся совершенно седой крупный человек, начавший свою краткую речь словами: «Я отказался от защиты, я отказался от защитника, потому что я привык защищаться годным оружием...» На вопрос, почему после восьми месяцев непризнания выдвинутых против него обвинений он вдруг стал давать «откровенные» показания, он заявил: «Если бы я запирался, я был бы знаменем для контрреволюционных элементов, еще имеющихся, к сожалению, на территории Советской республики. Я не хотел быть корнем, от которого росли бы ядовитые отпрыски. Я не хотел быть тем семенем, от которого росла бы не благодатная пшеница, а ядовитый плевел» [28]. Эти слова многое объясняют.

Суд приговорил большинство обвиняемых к смертной казни. В ночь на 1 февраля они были расстреляны, среди них — Н. И. Муралов. Так трагически оборвалась жизнь человека, которому выпала честь объявить приказ о победе революции в Москве. Подверглись репрессиям и его близкие: жена Анна Семеновна, сын и дочь. Володя Муралов умер в 1943 г. от дистрофии в лагере Дальстроя, дочь Галина Николаевна живет в Москве. В 1937 г. был расстрелян брат Николая Ивановича Александр Иванович Муралов — член партии с 1905 г., замнаркома земледелия СССР, в 1943 г. в лагере умерла сестра Юлия Ивановна, член партии с 1903 г. Все они реабилитированы посмертно.

Пережив гибель мужа и сына, перенеся все ужасы Колымы, Анна Семеновна Муралова верила в справедливость. Вновь и вновь обращалась она в высшие партийные органы с просьбой о реабилитации мужа. 15 августа 1957 г. в заявлении в Комиссию партий-

ного контроля на имя О. Г. Шатуновской она писала: «Я, простая советская женщина, хотя я и никогда не была в партии, ставлю ее авторитет выше всего и потому обращаюсь к ней, как к защитнице прав трудящегося человека»[29]. Но только через 33 года справедливость была достигнута. А. С. Муралова не дожила до этого дня. Но ее преданность мужу, его идеалам достойна преклонения.

Имя Николая Ивановича Муралова ныне возвращено истории, советскому народу. О нем уже пишутся статьи, книги, создаются кинофильмы... Правда восторжествовала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Красный воин. 1923. 7 ноября.
2 Заметки Е. П. Самсонова — адъютанта Н. И. Муралова (архив семьи Мураловых).
3 Процесс антисоветского троцкистского центра. Стенографический отчет. М., 1937. С. 241.
4 Справка ЦГАОР СССР от 30 февраля 1982 г. № 781.
5 Николай Муралов. М., 1990. С. 75.
6 См.: Московский ВРК. Октябрь—ноябрь 1917 г. М., 1968. С. 165.
7 См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 57.
8 Николай Муралов. С. 211.
9 Там же. С. 127.
10 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 224.
11 Великий вождь. М., 1924. С. 125—130.
12 Николай Муралов. С. 176.
13 Там же. С. 212.
14 XV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 342.
15 Там же. С. 340.
16 Там же. С. 342.
17 Там же. Т. 2. С. 1398, 1399.
18 Архив семьи Мураловых.
19 Архив семьи Мураловых.
20 Николай Муралов. С. 189.
21 Архив КГБ СССР. Из следственного дела Муралова.
22 Архив семьи Мураловых (копия).
23 Архив семьи Мураловых (копия).
24 Архив КГБ СССР. Из следственного дела Муралова.
25 Николай Муралов. С. 206.
26 Правда. 1990. 23 июня.
27 Архив КГБ СССР. Из следственного дела Муралова.
28 Процесс антисоветского троцкистского центра. С. 242—243.
29 Архив семьи Мураловых.

А. Ю. Ватлин

ГОРЯЧАЯ ОСЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО

(К вопросу о сталинизации Коминтерна)

Первый день осени 1928 г. был последним днем работы VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Закрывая его, «неформальный» лидер Коминтерна Н. И. Бухарин подчеркнул возросшее единство международного коммунистического движения, его готовность к революционному обновлению мира. «Наши партии закаляются под ударами исторического молота, наши партии становятся все более и более сплоченными. Наши партии становятся все более и более могучими факторами политической жизни... Мы никогда, ни на одну секунду не боимся никаких атак против нас, ибо мы знаем: мы окрепли гигантски за этот период, наше дело есть исторически прогрессивное, наш класс есть носитель величайшей исторической миссии, наш класс есть класс, которому суждено завоевать власть во всем мире» [1].

За пафосом этих слов не виделось отсутствия сплоченности на само́м «капитанском мостике», прежде всего в делегации ВКП(б). Начавшаяся в первой половине года борьба сталинского большинства в Центральном Комитете против группы Бухарина, Рыкова и Томского (их называли «оппозицией Ивановичей») не могла не отразиться на деятельности Коминтерна, где ВКП(б) как единственная победившая партия пролетариата играла первую скрипку. Еще до начала конгресса, 1—2 июня Бухарин писал Сталину: «Я тебе заявил, *что драться не буду и не хочу.* Я слишком хорошо знаю, что может означать драка, да еще в таких тяжких условиях, в каких находится вся наша страна и наша партия.

Я тебя прошу обдумать сейчас одно: *дай возможность спокойно провести конгресс; не делай лишних трещин здесь; не создавай атмосферы шушуканий...*

Кончим конгресс (и кит.), и я буду готов у й т и к у д а у г о д н о, без всяких драк, без всякого шума и без всякой борьбы» [2].

Однако для Сталина конгресс Коминтерна был слишком большим событием, чтобы не попытаться на нем

набрать очки в свою пользу. Не выступая открыто, а используя преданные кадры, прежде всего в руководстве германской компартии, Сталин сумел добиться фактического дезавуирования политических тезисов Исполкома Коминтерна, внесенных на конгресс Бухариным [3]. На полную мощь была запущена «атмосфера шушуканий». В кулуарах конгресса поговаривали о том, что дни Бухарина в руководстве Коминтерна сочтены и он-де первый кандидат в Алма-Ату (место ссылки Троцкого.— *А. В.*). Один из соратников Николая Ивановича, лидер американских коммунистов Джей Ловстон говорил впоследствии, что фактически параллельно шли два конгресса — формальный и коридорный, причем все нити руководства последним находились в руках Сталина.

Чувствуя себя в западне, Бухарин настоял в Политбюро ЦК ВКП(б) на передаче в сеньорен-конвент конгресса специального заявления о единстве политической линии руководства партии. На апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) он вспоминал: «...Если бы этого заявления не было, *то я не мог бы довести до конца конгресса...* Что же, вы хотите, чтобы я из-за каких-нибудь личных соображений просто не кончил бы конгресса? Бросил бы конгресс и, в конце концов, устроил бы мировой скандал? Этого надо было добиваться? У меня был единственный выход, тот, который я и сделал» [4].

Письмо в сеньорен-конвент не стало для Бухарина надежной индульгенцией. Конгресс закончился победой Сталина [5]. Ему удалось включить в его резолюцию тезис о «правом уклоне» как главной опасности именно в той редакции, которая позволяла незамедлительно начать изгнание сторонников Бухарина из аппарата Коминтерна. Кроме того, по настоянию Сталина в Политсекретариат Исполкома Коминтерна был введен В. М. Молотов — верный исполнитель воли вождя, которому в дальнейшем суждено будет сыграть значительную роль в сталинизации международного коммунистического движения [6].

Завершение работы конгресса несколько снизило накал противоборства в Политбюро ЦК ВКП(б). Однако Сталин был мастером стратегии малых шагов, очень метко описанной Томским: «Нас постепенно перекрашивали путем особой системы, каждый день по маленькому мазку — сегодня мазок, завтра мазок. Ага, сидят, терпят, давайте еще мазнем. И в результате подобной искусной работы нас превратили в «правых».

Бухарин чувствовал это, но уклоиялся от борьбы. Однако иа карту был поставлен не только его личный политический авторитет, но и судьба целой плеяды деятелей Коминтерна, названиых западногермаиским исследователем Г. Вебером представителями «демократического коммунизма» [7]. Это были люди, вышедшие в основиом из социал-демократического движеиия, учитывавшие политические традиции Европы и пытавшиеся сохранить в Комиитерие тот дух творческого разнообразия миеиий, который был присущ ему в первые годы деятельности.

Имеиио они стали главной мишеиью развертывавшейся борьбы с «правым уклоном». Их взгляды оказались несовместимы с жесткими административными методами руководства, которые насаждались в самом Коминтерне и его секциях приверженцами Сталииа. По сути дела, речь шла о будущем самого́ коммунистического движения. Бухарин так и не решился пойти иа открытый коифликт, хотя и солидаризировался с будущими «правыми» на коигрессе — сказалось преклонеиие перед моиолитным единством партии, а также печальный опыт «объединенной оппозиции» в ВКП(б), легко рассыпавшейся под нажимом сталииского аппарата. Его отсутствие во время политической схватки в Комиитерне осеиью 1928 г. стало одиим из факторов поражения «правых», этой прелюдии к борьбе с «правым уклоном» и в руководстве ВКП(б).

18 сентября в «Правде» (Бухарии еще оставался ее главным редактором) появилась передовица «Комии терн о борьбе с правыми уклонами», по сути дела разъясияющая направлеиие главного удара. Николай Иваиович получил эту статью иа просмотр перед самой публикацией от Фрумкина и Савельева, недавно введениых в редакцию газеты по иастоянию Сталиа. «Полезиая идея (борьбы с правыми уклонами), к сожалеиию, в даииой статье облечена в плоть и кровь таким образом, что статья вызывает решительные возражеиия» [8],— писал Бухарин в своем отзыве. Ои даже попытался предприиять обходиой маневр, предложив интерпретацию «правого уклона» как теиденции к бюрократическому перерождению некоторых звеньев аппарата, теряющих чутье к самым элемеитарным потребностям масс и сводящих политику к голому администрированию. Это ие помогло — статья появилась в первоначальной редакции.

Несомненно, что это был тот самый очередной «мазок» сталинского аппарата. В ответ Бухарин совершает не лучший шаг: вновь уклоняется от борьбы, отправляясь в длительный отпуск на Кавказ. А в это самое время одна из важнейших секций Коминтерна — германская — стала ареной острой политической конфронтации, позволившей в конечном счете «сталинцам» перейти в наступление. Речь идет о так называемой «афере Витторфа», которую сам Бухарин называл «делом Тельмана». Витторф, руководитель гамбургской организации КПГ и приятель председателя партии Эрнста Тельмана, в мае 1928 г. был уличен в растрате партийных средств. Это стало известно Тельману. Но он не довел информации о случившемся до членов ЦК КПГ, а будучи на VI конгрессе,— и до руководства Исполкома Коминтерна. Мотивируя свое молчание стремлением оградить партию от нападок буржуазной и социал-демократической прессы, Тельман оказал ей медвежью услугу. Сведения, просочившиеся в печать уже в августе, в первую очередь ударили по нему самому [9].

«Афера Витторфа» не только вскрыла единичный случай коррупции в партийном руководстве, но и показала его глубокие причины: затухание внутрипартийной демократии, созревание тенденции «назначенчества», насаждение лично преданных кадров, административных методов в партийном строительстве. Это был серьезный сигнал не только для руководства КПГ, но и для всего Коминтерна. Начал размываться образ коммуниста как кристально честного человека, беззаветно преданного идее и чуждого всем «буржуазным ценностям». Поскольку главную ответственность за сокрытие факта коррупции нес Тельман, заседание ЦК КПГ 26 сентября постановило лишить его полномочий председателя партии до выяснения обстоятельств дела в руководстве Коминтерна.

Было бы неверным видеть в этом решении лишь акт морального очищения партии. Не меньшую роль сыграла и острая внутрипартийная борьба в ЦК КПГ. «Правым», то есть «спартаковским» кадрам, наиболее реалистично оценивавшим ситуацию в стране, противостояло левое крыло во главе с Тельманом, сыгравшее значительную роль в «полевении» решений VI конгресса Коминтерна. Между ними находилась значительная группа «примиренцев» — партийных лидеров, выступающих за консолидацию течений, а не механическое отсечение

одного из них. «Правые» получили значительное подкрепление в лице Генриха Брандлера и Августа Тальгеймера, которые после неудачной попытки восстания германского пролетариата осенью 1923 г. были выведены из ЦК КПГ и находились в Москве. Лишь благодаря усилиям Бухарина и ряда секретарей Коминтерна удалось добиться их возвращения из «почетной ссылки» в Германию [10].

Расстановка сил в КПГ достаточно четко соответствовала ситуации в ВКП(б). Еще 11 июля 1928 г. при встрече с Л. Б. Каменевым Н. И. Бухарин подчеркивал: «Тельман — за Сталина» [11]. Сам Бухарин не скрывал своих симпатий к идейному лидеру «примиренцев» Артуру Эверту, резко выступившему на конгрессе против фракционной травли партийных кадров. В записях Бухарина, сделанных по ходу конгресса, можно найти такие слова: «отвести решительно всякие рассуждения (Ульбрихта и Ломинадзе) об антисоветском настроении и троцкизме Эверта. Осудить *такие* заезжательские методы расправы...» [12]. Теплые человеческие отношения связывали его и с Кларой Цеткин, которая неизменно выступала в защиту «правых», причем не только в КПГ. Бухарин высоко ценил теоретические познания А. Тальгеймера и Э. Мейера, также обвиняемых в «правом уклоне».

В таких условиях решение ЦК КПГ от 26 сентября, опубликованное в партийной прессе, по сути дела явилось пощечиной Сталину, делавшему ставку на Тельмана. В свое время он уже пытался найти опору в КПГ в лице Аркадия Маслова [13], правда неудачно, и потому имел все основания дорожить «своим» человеком. После консультаций со Сталиным в Берлин срочно вылетел соратник Э. Тельмана — Г. Реммеле и начал индивидуальную обработку членов ЦК. 30 сентября Президиум ИККИ постановил прекратить обсуждение вопросов, связанных с «аферой Витторфа», в местных организациях германской компартии [14], а днем позже создал собственную комиссию, куда вошли твердые «сталинцы». Ни для кого не было секретом, что за конкретным случаем растраты партийных средств стоит принципиальный вопрос о политическом курсе КПГ и всего Коминтерна.

Бухарин 2 октября направил в Москву телеграмму. В ней он предложил до созыва ИККИ обсудить ситуацию в Политбюро ЦК ВКП(б). Признав ошибкой публикацию решения ЦК КПГ от 26 сентября, он выступил против дезавуирования ЦК, равно как и против снятия Тель-

мана с партийных постов [15]. Эта позиция в полной мере соответствовала его курсу на консолидацию всех здоровых сил в партии, нашедшему свое отражение в решениях VI конгресса Коминтерна. Однако Бухарин не счел нужным лично вмешиваться в ход событий, и вопрос о положении в КПГ рассматривался в Политбюро ЦК ВКП(б) 4 октября без него. Итоги обсуждения были вынесены О. В. Куусиненом на заседание Президиума ИККИ 6 октября 1928 г. [16]. После острой дискуссии с В. Пиком и Г. Эберлейном точка зрения русских представителей, поддержанных В. Ульбрихтом, Г. Реммеле и Ф. Геккертом, одержала верх. «Дело Тельмана» было фактически вывернуто наизнанку: теперь уже главная ошибка заключалась не в сокрытии факта коррупции, а в дискредитации партийного руководителя, в попытке использования «аферы Витторфа» для изменения соотношения сил в ЦК КПГ в пользу «правых» и «примиренцев».

А. Эверт пробовал сослаться на решения VI конгресса Коминтерна, где «обеспечивалась гарантия известной критики, не выходящей за рамки основ партии и исключающей клеймение любой самостоятельной мысли и любого критического замечания как (антипартийного) уклона» [17]. Но действие разворачивалось отнюдь не по канонам внутрипартийной демократии — ИККИ оказался в роли исполнительного органа сталинского большинства в ЦК ВКП(б). И тем не менее последующие события показали, что в ИККИ еще остались силы, готовые противостоять сталинскому диктату.

Решение Президиума ИККИ от 6 октября восстанавливало Тельмана в правах председателя КПГ и требовало произвести «известные изменения в составе руководящих органов ЦК... чтобы создать гарантии против принятия решений, наносящих вред партии» [18]. По существу это означало «карт бланш» для реванша тех сил, которые ориентировались на Тельмана. То, что кампания исключений разворачивалась под идейным флагом борьбы с «правыми и примиренцами» («Правда» в передовой статье 9 октября назвала резолюцию 26 сентября открытой атакой «правых и примиренцев» на решения VI конгресса Коминтерна, ни больше ни меньше!), являлось лишь попыткой сохранить хорошую мину при плохой игре. Уже 6 октября 25 членов ЦК КПГ раскаялись в содеянном и на страницах газеты «Роте Фане» признали свою ошибку. Остальные были фактически постав-

лены перед выбором: подчиниться или уйти. Нельзя не согласиться, что «лихое» решение ЦК КПГ от 26 сентября в немалой степени способствовало нагнетанию атмосферы. Однако если уж говорить о нем, то речь шла фактически о попытке превентивного хирургического вмешательства для вскрытия нарыва, который давно уже назрел.

«Германские события» четко обозначили водораздел и в руководстве ВКП(б). Сталин пока оставался за кулисами, хотя никто не сомневался, что формулировки решения ИККИ от 6 октября в конечном счете продиктованы им. Сам Сталин, выступая 19 декабря того же года на Президиуме ИККИ, недвусмысленно заявил, что именно это решение знаменовало собой новую линию по отношению к правым и примиренцам в КПГ [19]. Бухарин отдавал себе отчет в том, что не в состоянии изменить соотношения сил, и после телеграммы 2 октября неделю ожидал ответа из Москвы. Однако все решилось без него. Бухарин, фактический руководитель Коминтерна, оказался не у дел!

7 октября терпение его лопнуло, и он направил Пятницкому и Молотову новую телеграмму: «Не получаю дальнейших материалов по делу Тельмана... Прошу дополнительно сообщить, почему Тельман скрыл это дело от руководства ИККИ во время конгресса. Правда ли, что это были русские деньги, правда ли, что Тельман знал о невинном кассире, исключенном из партии, и отрицал вначале свою осведомленность» [20]. Бухарин просил представителей русской делегации в ИККИ предоставить ему материалы комиссии по делу Тельмана. Ответ Пятницкого был лапидарен: «Решение принято, завтра о нем можно будет узнать из газет».

Вспоминая об этом деле на апрельском (1929 г.) Пленуме ВКП(б), Бухарин совершенно справедливо задавал себе вопрос: «Как можно в таких условиях вообще работать в руководстве Коминтерна?» Решение об отставке, которое назревало еще в начале июля, было принято им после конгресса. Именно «дело Тельмана» стало последней каплей, переполнившей чашу лояльности Бухарина. 14 сентября он последний раз перед отъездом на Кавказ появляется на заседании Политсекретариата ИККИ. Не желая объявлять об отставке публично и тем самым демонстрировать наличие «иного мнения» в партии, Бухарин фактически оставил принципиальные позиции коммуниста. Да, в тех условиях он не имел

шанса провести в ЦК решение об отставке Сталина (об этом он говорил 11 июля 1928 г. Каменеву), но он уже видел и всю бесчеловечность насаждавшегося Сталиным в партии режима. Во время беседы с Каменевым, запись которой сохранилась в архиве Троцкого, Бухарин забывает о том, что перед ним — вчерашний политический противник, и слова его скорее крик души, чем прощупывание почвы для блока: «Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать». И далее вновь: «Сталина ничего не интересует, кроме сохранения власти. Уступив нам, он сохранил ключ к руководству, а сохранив его, потом нас зарежет»[21].

В этих словах не только понимание гибельности для партии сталинского пути, но и страх перед «вождем», порождавший стремление вести борьбу с ним теми же методами закулисных интриг, путем выдвижения «своих людей» в качестве противников сталинской линии. Именно в открытом обращении ко всей партии летом — осенью 1928 г. состоял шанс на победу «оппозиции Ивановичей» — и этот шанс не был ими использован. Борьба пошла по сталинским правилам, а, как известно, тот, кто выбирает правила, имеет гораздо больше возможности для победы.

Узнав о решении Президиума ИККИ от 6 октября, Бухарин промолчал, но не промолчали его сторонники в аппарате Исполкома, а также ориентирующиеся на него кадры КПГ. Ситуация пока не вышла из шаткого равновесия. Вместе с Бухариным на Кавказе находился секретарь ИККИ швейцарец Жюль Эмбер-Дро, который 12 октября открыто заявил о своем несогласии с решением Президиума ИККИ. В его телеграмме подчеркивалось, что это означает отход от линии VI конгресса Коминтерна и «полную дискредитацию и уничтожение всякого авторитета партийного руководства перед рабочими массами в угоду весьма сомнительному восстановлению личного авторитета тов. Тельмана»[22].

Решение 6 октября стало катализатором внутрипартийного размежевания в германской компартии. Если тельмановское руководство восприняло его как «охранную грамоту» при проведении широких организационных перестановок, то «правые», увидев в нем отказ от курса на консолидацию различных течений в партии,

активизировали свою фракционную деятельность. Приезд в Германию Брандлера и Тальгеймера дал им лидеров, сохранивших авторитет среди рядовых членов КПГ. Набирала силу цепная реакция, которая неизбежно должна была привести к расколу партии. Фактически для Тельмана задача сводилась к тому, чтобы опередить «правых» и оформить их уход не как размежевание двух течений, а как исключение антипартийных элементов. Решающим толчком к началу этого процесса стало личное письмо Сталина Тельману от 15 октября, вполне определенно показавшее руководству германской компартии, кто стоит за спиной председателя КПГ.

12 октября ЦК КПГ направил в Исполком Коминтерна просьбу снять с постов и исключить из партии Тальгеймера и Хаузена (секретаря окружной парторганизации в Бреслау). В Москве колебались, пытаясь сдержать административный азарт в руководстве КПГ. По отношению к Тальгеймеру была предпринята попытка вторично заполучить его в Москву и изолировать от событий в Германии (он оставался членом ВКП(б). В телеграмме Политсекретариата ИККИ указывалось на то, что к исключениям высших партийных функционеров следует прибегать лишь после того, как против них будет проведена серьезная кампания в местной организации [23].

Этот совет имел немалый смысл: попытка представителей ЦК КПГ провести решение о снятии Хаузена на собрании партийных активистов в Бреслау закончилась полным провалом. Они были вынуждены покинуть его под улюлюканье присутствовавших. Но частичные поражения только усиливали потребность в «очищении партии от скверны». Решающие кадровые перестановки осуществил пленум ЦК КПГ 19—20 октября 1928 г. [24].

Руководству Коминтерна оставалось лишь регистрировать события и одобрять их постфактум. Только слепой мог бы не замечать того урона, который наносила кампания борьбы с «правыми и примиренцами» одной из крупнейших секций Коминтерна. Причем «примиренцам» вменялось в вину всего лишь терпимое отношение к иным мнениям в партийном руководстве, то есть фактически стремление сохранить тот дух внутрипартийной демократии, с которым рождалось коммунистическое движение. Соратники Тельмана не только занимали жесткие позиции во внутрипартийных вопросах (склонность к административному отсечению несогласных, акцент на железную партийную дисциплину), но и давали левац-

кие оценки политической ситуации в Германии, которые сыграют роковую роль в последующий период, когда главной станет фашистская опасность. Можно сказать, что внутрипартийные процессы в КПГ уверенно нагоняли аналогичные в ВКП(б), причем в борьбе с «правыми» Тельман и его сторонники даже оказались впереди.

Это не преминул отметить Сталин, выступая в Президиуме ИККИ 19 декабря 1928 г. «Правые в ВКП(б),— говорил он,— не представляют еще фракции, и они, бесспорно, лояльно выполняют решения ЦК ВКП(б). Правые в Германии, наоборот, уже имеют фракцию с фракционным центром во главе и систематически топчут ногами решения ЦК КПГ»[25]. Ситуация в германской компартии, таким образом, стала своего рода увертюрой к разгрому «правого уклона» в российской партии. Появление термина «примиренец» позволяло записывать в оппортунисты не только колеблющегося, но даже любого сомневающегося члена партии. Тем самым в ведущих секциях Коминтерна закладывались основы «сталинской» партии: не рассуждающей, абсолютно послушной вождю и готовой выполнить любую его волю. Лишь спустя многие годы во всем объеме выявятся масштабы той трагедии, которую несла с собой сталинизация Коммунистического Интернационала.

До сих пор этот процесс трактовался в исторических исследованиях как безропотное принятие коммунистами роли «верноподданных», однако события осени 1928 г. опровергают столь упрощенную трактовку. Максимальное сопротивление насаждению сталинского диктата в Коминтерне оказали именно иностранные коммунисты, ибо над ними не висел дамоклов меч исключения из ВКП(б) или даже перевода из аппарата Коминтерна на «низовку». Ж. Эмбер-Дро не только повторил в своем заявлении от 31 октября несогласие с решением Президиума ИККИ 6 октября (он подчеркивал: такой подход к вопросам внутрипартийной жизни способен лишь окончательно закрепить режим исключений из партии и поставить под угрозу как ее связь с широкими массами, так и решение назревших политических задач), но и информировал об этом швейцарскую компартию[26]. 12 и 17 ноября ЦК этой партии обсудил «дело Тельмана» и выразил несогласие с мнением ИККИ[27].

Более того, ЦК КПШ рассмотрел вопрос о стиле работы Исполкома Коминтерна в целом. При этом подчеркивалось господство аппаратных решений и отсутствие

живой связи этого международного органа с массами зарубежных компартий. В резолюции заседаний ЦК, в частности, указывалось, что «мероприятия ИККИ объективно часто приносили партиям вместо оздоровления обострение фракционной борьбы. Это в особенности относится к системе наказания и административной ликвидации оппозиционных товарищей, что затрудняло нормализацию партийной жизни и единую деятельность партии, направленную против врагов коммунизма»[28].

23 ноября руководители КПШ направили в ИККИ письмо, предлагавшее вернуться к линии VI конгресса Коминтерна на консолидацию всех партийных сил. В письме отмечалось, что по отношению к ряду товарищей в Коминтерне создаются «своего рода погромные настроения, при которых, разумеется, невозможно деловое сотрудничество». В качестве первого шага к восстановлению демократического механизма руководства Коминтерном швейцарские коммунисты предлагали провести пленум ИККИ по германскому вопросу.

Позиция представителей Политсекретариата — членов ВКП(б) также отличалась стремлением не допустить эскалации событий, хотя они и не могли противопоставить свою точку зрения курсу, одобренному Сталиным в начале октября. 2 ноября 1928 г., согласившись с решением ЦК КПГ о переводе дел двух наиболее активных «правых» в руководстве партии — Эриха Хаузена и Генриха Гальма — в Интернациональную контрольную комиссию и вызвав их в Москву, Политсекретариат ИККИ все же потребовал, чтобы до принятия решения по этому делу дальнейшие «организационные меры» в отношении инакомыслящих коммунистов были приостановлены[29].

В ходе рассмотрения Политсекретариатом ИККИ положения в германской компартии выяснилось, что отношение к происходящим в ней процессам неоднозначно. Так, серьезную озабоченность в Москве вызвали решения партконференции, прошедшей в начале ноября в Берлине. На заседании Политсекретариата 12 ноября Куусинен, например, сказал: «Когда читаешь резолюцию ЦК (КПГ.— *А. В.*), приходишь к выводу, что она специально так написана, чтобы никто из примиренцев не смог за нее голосовать. Вместо того, чтобы облегчить примиренцам переход на сторону большинства, его затрудняют»[30]. Руководитель Профинтерна С. А. Лозовский заявил, что в азарте борьбы с «примиренцами»

ЦК КПГ дает такие «левые» формулировки, что они рискуют отойти от решений VI конгресса Коминтерна. Во всех выступлениях подчеркивалась необходимость внутрипартийной консолидации, хотя и содержалась острая критика в адрес «правых» в КПГ.

Дальше всех в неприятии курса 6 октября пошел Эмбер-Дро. Он предложил направить всем членам германской компартии открытое письмо с разъяснением ревизии руководством КПГ решений VI конгресса [31]. Он напомнил о спорах Бухарина и германской делегации на конгрессе. Тогда, как известно, не без борьбы удалось утвердить компромиссное видение международной ситуации, причем Сталин выступил в поддержку левацких утверждений некоторых представителей КПГ о «гнилой, расшатывающейся стабилизации». На повестке дня стояло нечто большее, чем нюансы партийной тактики,— способность Коминтерна трезво осмыслить новые тенденции мирового развития, не вписывающиеся в доктрину «мировой революции». Теоретический анализ, проделанный Бухариным, привел его к отходу от ряда «апокалиптических представлений», но одновременно стал основой конфликта с теми деятелями компартий, которых устраивали не только идеологические шоры, но и вождистская узда. В этой связи можно отметить, что коминтерновский конфликт осени 1928 г. был не просто отголоском борьбы сталинского большинства в ЦК ВКП(б) с «правым уклоном», но и имел самостоятельное политическое значение. Для Сталина это было лишь фланговое сражение в борьбе с Бухариным, Рыковым и Томским, но в тот момент это был решающий фланг.

Весь ноябрь прошел в оживленном обмене телеграммами между Москвой и Берлином. Политсекретариат уступал все новым и новым требованиям тельмановского руководства об ужесточении мер против «правых и примиренцев». После того как Хаузен и Гальм были приглашены на разбор их личных дел в Москву, ЦК КПГ направило в ИККИ телеграмму с требованием их немедленного исключения без вызова в Исполком. В конечном счете был найден компромисс: Гальм и Хаузен получили ультиматум — до 23 ноября выехать в Москву, в противном случае их ждало немедленное исключение из партии [32]. И хотя поездка в Москву состоялась, раскол КПГ стал фактом. «Правые» начали издавать свой собственный печатный орган «Против течения». Новой партии не удалось получить массовой поддерж-

ки, однако теоретические анализы ее лидеров в период 1929—1933 гг. стали своего рода островком реализма между левачеством Коминтерна и капитулянтством вождей социал-демократии.

Развязка назревала со дня на день. Генеральной пробой сил накануне решающего взрыва стало заседание Политсекретариата ИККИ 28 ноября 1928 г. Новый представитель КПГ в Коминтерне В. Ульбрихт в своем докладе в ура-революционных тонах охарактеризовал экономический конфликт в Руре. В очередной раз заявлялось о начале наступления рабочего класса, о нарастании революционной волны и необходимости выхода рабочих из реформистских профсоюзов, о создании особых органов стачечной борьбы под контролем коммунистов [33]. Идеологической основой подобных заявлений были решения IX пленума ИККИ (февраль 1928 г.), провозгласившего тактику «класс против класса». В ее рамках предусматривался отказ от любых форм сотрудничества с некоммунистическими рабочими организациями, означавший, по существу, полную самоизоляцию коммунистов.

Доводы «правых» в КПГ об оборонительном характере стачечной борьбы, о необходимости сотрудничества с реформистскими профсоюзами и выдвижения лозунга рабочего контроля над производством действительно противоречили тому «полевению» Коминтерна, которое началось с осени 1927 г. при самом деятельном участии Бухарина. Не решаясь поставить вопрос о пересмотре всей политической линии Интернационала, они пытались ограничить ее сползание влево мелкими коррективами, ссылаясь при этом на компромиссные решения VI конгресса. Один из «правых», Э. Мейер, верно отметил парадоксальность ситуации: с одной стороны, мы, коммунисты, одерживаем победу за победой, с другой — оказываемся не в состоянии возглавить даже стачечную борьбу. Наиболее сильными позиции «примиренцев и правых» были в вопросе о внутрипартийном режиме: требование, чтобы партия проводила самостоятельный курс, а не действовала по указке Исполкома, чтобы во внутрипартийной борьбе идейные доводы не подменялись оргвыводами, чтобы партийное руководство вернулось к тесным связям с массами и отказалось от аппаратной замкнутости.

На заседании 28 ноября почти никто из выступавших не взял под защиту «правых» в КПГ. Одно только сомнение в правильности действий тельмановского руко-

водства по «чистке» в партии было достаточным основанием для обвинений в отходе от «генеральной линии». Кроме Э. Мейера на это решились Ж. Эмбер-Дро и представитель итальянской компартии в ИККИ А. Таска (Серра), впоследствии их поддержала Клара Цеткин. Выступая в защиту бухаринского анализа международной ситуации, данного на VI конгрессе Коминтерна, и против левацких лозунгов революционного наступления, они не могли не прийти к конфликту со Сталиным и его сторонниками в Коминтерне. Их поражение было предопределено расстановкой сил (и отсутствием Бухарина), но их борьба стала последним всплеском того «коммунистического плюрализма», который был характерен для начального этапа работы Коминтерна. В конечном счете их сопротивление опровергало тезис о безальтернативности движения к сталинизму в СССР, становления сталинского диктата в Коминтерне.

Эмбер-Дро заявил, например, что политическая линия «примиренцев» во главе с Эвертом гораздо ближе к линии VI конгресса, чем линия руководства КПГ. Для любого здравомыслящего политика не представляло особого труда разбить аргументы о полевении и наступлении рабочего класса в Германии под руководством коммунистов. Эмбер-Дро бросил сторонникам левацких взглядов: «Против Эверта боролись, потому что он напоминал о силе социал-демократии. И в этом отношении имеются своеобразные заявления товарищей, которые не хотят признать, что социал-демократия имеет сильное влияние на рабочий класс, которые по всякому поводу указывают, как дружно и твердо рабочий класс во всех боях идет за коммунистической партией. Но когда борьба заканчивается провалом, тогда говорят без всякого, что виноваты реформистские вожди»[34].

Мышление «категорическими императивами» развивалось в Коминтерне параллельно с набиравшей силу стабилизацией капитализма. Революционность превращалась из политического убеждения в абстрактный «символ веры», прочность которого гарантировалась административными мерами. Андерсеновская сказка оставляет нас в неизвестности относительно судьбы мальчика, крикнувшего: «А король-то голый!» Будем надеяться, что его искренность не была жестоко наказана. Гораздо труднее приходилось тем деятелям Коммунистического Интернационала и ВКП(б), которые решались выразить сомнения в правильности «генеральной линии»,

выдаваемой сталинским секретариатом. Пришивание политических ярлыков, проработки, исключения из рядов компартий, а со второй половины 30-х гг. и физические расправы — это лишь малая толика арсенала средств, применявшихся для обеспечения слепой верности вышестоящему функционеру. Рано или поздно перед исследователями встанет вопрос о формировании той колоссальной административно-командной машины, в которую был превращен Коминтерн, задуманный как добровольное объединение равноправных партий.

Наиболее развернутую картину внутрипартийного положения в КПГ дал в своей речи на заседании 28 ноября Серра. Он предостерегал, что проводимый тельмановским руководством курс ведет к сектантству и изоляции партии от масс. Единственное средство для выхода из критического положения, по его мнению,— это исправление методов борьбы большинства партии против своего правого крыла. Серра призвал к свободной дискуссии по кардинальным проблемам, к признанию недопустимости подмены идеологического преодоления ошибок методами исключений. Все это спустя несколько месяцев повторят и «правые» в ВКП(б). Актуальность этих принципов внутрипартийной жизни неоспорима и на сегодняшний день. Споры осенью 1928 г. в КПГ и Коминтерне были не столько спорами двух политических линий, сколько размежеванием двух моделей партийного строительства. И поражение группы «демократических коммунистов» отдало компартии во власть сталинских архитекторов.

Однако «правые» не хотели сдаваться без боя. В начале декабря напряжение борьбы возросло. В Москву прибыли Хаузен и Гальм, а также представитель «примиренцев» Герхардт. Готовилась включиться в политическую схватку и Клара Цеткин. Бухарин, хотя и порвал в ноябре свое заявление об отставке со всех постов, продолжал игнорировать работу Исполкома Коминтерна. По воспоминаниям его соратников, дело ограничилось лишь несколькими частными встречами с Эмбер-Дро [36]. Бухарин не пошел на разрыв и на совместном заседании Политбюро и делегации ВКП(б) в Коминтерне 7 декабря, где обсуждался германский вопрос. Добившись ряда тактических уступок (в частности, предлагался курс не на исключение, а на исправление «примиренцев»), он проиграл главное — Политбюро подтвердило генеральную линию на борьбу с правым уклоном.

Перенесение ее из Коминтерна в ВКП(б) было только вопросом времени.

С другой стороны, из Берлина нарастал поток телеграмм с требованиями одобрить все новые и новые организационные меры, на сей раз против «примиренцев». Так, за несколько дней до декабрьского заседания Президиума ИККИ Политсекретариат попросил ЦК КПГ не принимать никаких решений до оглашения Открытого письма ИККИ. О том, что все уже было предрешено, свидетельствует телеграмма В. Ульбрихта в ЦК КПГ, датированная 17 декабря, где он предлагал партийному руководству дождаться выводов ИККИ, «дабы избежать двойной работы» [38].

Уверенность тельмановского руководства в своих силах не была безосновательной: в течение декабря нарастало незримое давление Сталина на представителей ВКП(б) в Коминтерне, в результате чего они все больше переходили на «административные» позиции. На заседании Президиума ИККИ 19 декабря закулисные маневры сменило открытое противоборство — впервые после избрания на VI конгрессе Коминтерна в работе этого органа приняли участие Сталин и Молотов.

Хотя на повестке дня заседания стоял вопрос о «правом уклоне» в КПГ, ни для кого не было секретом, что направление огня перенесено на «примиренцев». Об этом свидетельствовало и решение Пленума ЦК КПГ, состоявшегося 13—14 декабря. На этом Пленуме «примиренцы» резко выступили против принятого курса на исключение «правых» из партии, и потому их собственное пребывание в ее рядах становилось проблематичным. Следует отметить, что вопрос о «правом уклоне» начинал приобретать международные масштабы. Аналогичная кампания разворачивалась в компартиях Чехословакии, США, Великобритании и Франции. Ссылаясь на этот факт и на письмо швейцарской компартии, Клара Цеткин высказалась 19 декабря за созыв экстренного пленума ИККИ. Но ее поддержал лишь Эмбер-Дро [39].

Выступления участников заседания Президиума ИККИ 19 декабря, заранее согласных с усилением гонений на инакомыслящих в КПГ, не отличались разнообразием. «Примиренцы» получили ярлык «пособников правых», стремящихся развалить партию и Коминтерн. Досталось и авторам письма швейцарской компартии. Например, Хитаров увидел в нем «элементы фракционности, вносимые в самую верхушку Коминтерна» [40].

Представители ВКП(б) Куусинен и Лозовский выступили с осуждением своей собственной позиции как слишком мягкой по отношению к «примиренцам». Лозовский даже заявил, что «афера Витторфа» вообще была раздута «правыми» лишь для того, чтобы вначале дискредитировать руководство КПГ, а затем и всего Коминтерна.

И все же заседание не пошло по заранее сработанному сценарию. Вначале Серра, а затем и Эмбер-Дро высказались против представленных проектов документов. «Я хочу обращения грешника, а не его смерти,— заявил Серра,— и в этом суть моего «примиренчества», по отношению как к правому, так и левому крылу»[41]. Позиция Серра и Эмбер-Дро была подкреплена в развернутом выступлении Клары Цеткин. Она подвергла критике левацкие оценки ситуации в Германии, равно как и дисциплинарные методы воздействия по отношению ко всем инакомыслящим в партии. Вместо «идеологического преодоления взглядов, характеризуемых как уклоны», сказала она, идет приклеивание политических ярлыков. Цеткин предложила аннулировать все дисциплинарные мероприятия ЦК КПГ: никаких исключений — наоборот, свобода дискуссии до съезда для всех мнений, для всех течений. Выступление ветерана германского рабочего и коммунистического движения, пламенной революционерки, человека с большим личным опытом и обаянием стало своего рода манифестом сторонников «демократического коммунизма», боровшихся против административного диктата над секциями Коминтерна — увы, манифеста, не опубликованного полностью и по сей день.

Вслед за Цеткин слово взял Сталин. И это имело символическое значение. Речь шла не просто о политических антиподах, а о столкновении противоположных человеческих качеств. Выступление Сталина было, по сути дела, квинтэссенцией иллюзий Коминтерна, превратившихся в тщательно оберегаемые догмы, ибо падение любой из них обратило бы в прах всю идеологическую систему. Для людей, связывавших деятельность компартий лишь с победой «мировой революции» через вооруженный захват власти, любые признания стабилизации капитализма были равносильны признанию своей ненужности. Собственная непогрешимость оказывалась выше интересов всего движения. Именно поэтому Сталин сосредоточил внимание на «обостряющемся и углубляю-

щемся кризисе мирового капитализма». Он, по сути дела, вел скрытую полемику с бухаринскими политэкономическими оценками, подправленными им самим накануне VI конгресса Коминтерна.

За откровенно грубыми формулировками Сталина по отношению к «правым» и «примиренцам» в КПГ просматривалась плохо скрытая боязнь того, что развитие событий в ВКП(б) может пойти по германскому сценарию (снятие Тельмана). Именно это порождало стремление уничтожить малейшие ростки инакомыслия любыми доступными методами. Пока еще метод аппаратных интриг не сменился методом физической расправы. Пока... Сталин недвусмысленно дал понять будущим «правым» в ВКП(б), какая судьба ждет их в случае неподчинения. «Речь идет о том,— говорил он,— что терпеть дальше такие «порядки», когда правые отравляют атмосферу социал-демократическим идейным хламом и ломают систематически элементарные основы партийной дисциплины, а примиренцы льют воду на мельницу правых,— это значит идти против Коминтерна и нарушать элементарные требования марксизма-ленинизма»[42].

Присвоив себе право высшего толкования истин «марксизма-ленинизма», Сталин не преминул воспользоваться им для установления полного контроля над Коминтерном. Все неугодные должны были уйти. Главный удар был нанесен по Эмбер-Дро. После того как тот вновь подчеркнул, что представленные проекты только разожгут фракционную борьбу во всем Интернационале, Сталин собственноручно написал резолюцию, осуждающую Эмбер-Дро. Заявление Сталина по этому поводу на заседании 19 декабря характеризовало не столько Эмбер-Дро, сколько политические методы самого Сталина: «Это (заявление Эмбер-Дро.— *А. В.*) есть трусливо-оппортунистическая декларация зарвавшегося журналиста, готового оболгать Коминтерн ради адвокатской защиты правых. Не лишне будет вспомнить, что господин Троцкий свой отход от ленинизма начал с таких именно деклараций против Коминтерна»[43].

Ярость Сталина объяснялась достаточно просто: Эмбер-Дро дал понять, что принимаемыми документами руководство КПГ поощряется за дискредитацию Бухарина на VI конгрессе. А Сталин очень не любил, когда кто-то проникал в тайны его аппаратной механики. Использование им жупела «троцкизма» было скорее отзвуком еще недавней борьбы с «объединенной оппо-

зицией», которая, кстати, трактовалась в документах ВКП(б) и Коминтерна как правый (социал-демократический) уклон. Очевидно, что к концу 20-х гг. произошла такая дискредитация традиционного деления на «правых» и «левых», что современный историк вынужден брать эти понятия в кавычки, чтобы подчеркнуть их мифологизированное значение. Исторической реальности больше соответствовало бы утверждение, что «разгром правого уклона в Коминтерне» был не чем иным, как утверждением левацкой политической линии и административного руководства. И если в 1935 г. VII конгресс Коминтерна сумел вывести коммунистическое движение из левацкого тупика, провозгласив курс на антифашистский народный фронт, то административный диктат продолжал нарастать, охватывая самые высшие эшелоны коминтерновского руководства. Сталин пережил Коминтерн, и в этом была трагедия последнего.

Однако вернемся в 1928 г. Решения Президиума ИККИ от 19 декабря, принятые против Эмбер-Дро, Серра и Клары Цеткин, более походили на обвинительный акт, чем на политический документ. Поддерживая исключения «правых» из КПГ, Президиум заявлял, что и «примиренчеству нет места в германской компартии», недвусмысленно одобряя следующую цель внутрипартийной борьбы [44]. Левацкие оценки ситуации в Германии (вроде тезиса Г. Неймана о «боях на прорыв» капиталистической стабилизации) надолго лишили КПГ политического реализма, столь необходимого ввиду нараставшей не по дням, а по часам фашистской угрозы. Легко предсказуемым результатом позиции Исполкома Коминтерна было образование оппозиционной коммунистической партии (КПГ(о) [45].

Выступая 28 декабря 1928 г. с оценкой решений Коминтерна, ее лидер Тальгеймер подчеркнул, что они означают «выбрасывание старых революционных вождей из компартии и Коминтерна», мешают развертыванию нового этапа мировой революции. «Объективно,— говорил он,— интересы первого и второго этапа мировой революции не противоречат друг другу. Противоречия в этой области носят субъективный характер. Они заключаются в неспособности современного русского руководства выйти за рамки того этапа мировой революции, который для него олицетворяется русской революцией» [46].

Догматичность мышления Сталина и его нетерпимость к любым проявлениям «несанкционированной»

самостоятельности, отхода от утвержденных свыше шаблонов в сочетании с колоссальной властью аппаратного руководства привели к тому, что к концу 1928 г. были фактически аннулированы все бухаринские идеи, зафиксированные в решениях VI конгресса Коминтерна. Последний номер журнала «Коммунистический Интернационал» за тот год в передовой статье, посвященной борьбе с «правым уклоном», дал это недвусмысленно понять: «Если примиренцы пытаются сейчас под флагом «концентрации» проводить свои атаки против внутрипартийного режима в германской компартии и ее ЦК, то они лишь доказывают этим, что ничего не поняли в тех событиях, которые произошли в течение нескольких последних месяцев» [47].

Реакция Бухарина на осенние события 1928 г. явно запоздала. Сталин имел преимущество в несколько темпов, и как солидный гроссмейстер, сумел реализовать его в материальный перевес. Лишь в конце января 1929 г. «правые» в ВКП(б) выступили с документом, в котором подвергли критике складывающееся единовластие в партии и Коминтерне [48]. Собирая материалы к нему, Бухарин обратился с запиской к Ж. Эмбер-Дро: «Правда ли, что Сталин на заседании Президиума сказал Вам: «Пошел к черту»?» [49]

Не осталась без последствий и особая позиция швейцарской компартии по «делу Тельмана». Под идеологической оболочкой «правого уклона» ей инкриминировалось выступление против руководства Коминтерна, «гнилое единство в сопротивлении его решениям». В апреле 1929 г., когда утверждалось соответствующее решение Президиума ИККИ, против него проголосовала только Клара Цеткин. Мотивируя свою позицию, она писала, что письмо ЦК КПШ в Президиум есть выражение права и обязанности каждой секции Коммунистического Интернационала высказать собственное мнение при решении всех важнейших вопросов и проявлять инициативу [50]. К сожалению, верх в Коминтерне начали одерживать иные правила политической жизни, и это понимали его лучшие представители.

В прощальном письме к Ж. Эмбер-Дро (который был отправлен «подальше от греха» и от сталинского гнева в Латинскую Америку), датированном 25 марта 1929 г., Клара Цеткин писала: «Я буду чувствовать себя совершенно одинокой и неуместной в этой организации, превратившейся из живого политического организма в мертвый

механизм, который с одной стороны проглатывает приказы на русском языке и с другой — выдает их на различных языках, механизм, превративший огромное всемирно-историческое значение и содержание русской революции в правила Пиквикского клуба. Можно было бы сойти с ума, если бы моя твердая убежденность в ходе истории, в силе революции не была столь непоколебима, что я и в этот час полуночной тьмы с надеждой, даже с оптимизмом смотрю в будущее»[51].

Свои выводы из событий сделал и Серра, также отправленный на «низовку», в один из секретариатов Исполкома Коминтерна, а затем выехавший из Советского Союза. 20 января 1929 г. он обратился с письмом в Секретариат Коммунистической партии Италии, где дал следующую оценку ситуации: «...Ответственность за все лежит на Сталине. Коминтерна не существует, Коммунистической партии СССР не существует. Сталин — «учитель и хозяин», который руководит всем. Находится ли он на высоте положения? По плечу ли ему такая огромная ответственность? Я отвечаю прямо: Сталин неизмеримо ниже. Посмотрите на все, что он совершил, — вы не найдете в этом ни одной его мысли. Он переваривает чужие идеи, которые крадет и потом представляет в схематической форме, производящей впечатление силы мысли, которой нет на самом деле. Для него идеи — пешки, которыми он пользуется, чтобы выиграть партию за партией...

Сталин занимается плагиатом, ибо он не может ничего другого; он интеллектуально посредствен и бесплоден; поэтому он втайне ненавидит интеллектуальное превосходство Троцкого, Бухарина и др., не может им его простить, использует их идеи от случая к случаю сообразно обстановке и, присвоив их, переходит в наступление против обворованных, потому что ему важны не принципы, а монополия власти. С такими-то политикой и методами Сталин представляет в России головной отряд контрреволюции; он ликвидатор (покуда у него развязаны руки) самого духа Октябрьской революции. Между Лениным и Сталиным пропасть не количественная, а качественная. Я считаю, что самое большее несчастье, которое могло постичь Советскую Россию после смерти Ленина,— это сосредоточение власти в руках Сталина; и русская партия, и все мы очень дорого заплатим за то, что не учли ясные указания Ленина на его счет. Сегодня у Сталина в кулаке не

только русская партия, но и весь Интернационал, и огромное несоответствие между подобной властью и способами ее осуществления приведет к катаклизмам, которые могут стать роковыми для революции. Таковой представляется мне ситуация, и я смотрю на все это с содроганием души и не могу с этим примириться...»[52]

Сталинский диктат задушил те ростки «демократического коммунизма», которые пробивались в секциях Коминтерна в 20-е годы и выражали общую преемственность традиций рабочего движения, его демократический и социально-эмансипаторский потенциал. События осени 1928 г. стали, безусловно, одной из самых темных страниц не только в истории КПГ, но и всего коммунистического движения. Однако в истории ничто не исчезает бесследно. И опыт сопротивления сталинизму должен стать одной из важных основ сплочения левых сил в интернациональном масштабе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. М.; Л., 1929. Вып. 5. С. 144—145.

[2] *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 299.

[3] Подробнее о ситуации на VI конгрессе Коминтерна см.: *Ватлин А. Ю.* Н. И. Бухарин и «левый поворот» Коминтерна//Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990. С. 201—222.

[4] *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. С. 300.

[5] См.: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. М., 1988. С. 356—357.

[6] *Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 22—23.

[7] *Weber H.* Zwischen kritischen und bürokratischen Kommunismus. Unbekannte Briefe von Clara Zetkin // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. XI. Bonn. 1971. S. 420.

[8] ЦПА ИМЛ, ф 329, оп. 1, д. 18, л. 1.

[9] См. об этом подробнее: *Weber H.* Die Wandlung des deutschen Kommunismus. Die Stalinisierung der KPD in der Weimarer Republik. Bd. 1. F. a. M. 1969. S. 199—217.

[10] *Bergmann Th.* «Gegen den Strom». Die Geschichte der Kommunistischen Partei — Opposition. Hamburg. 1987. S. 38—46.

[11] Trotsky Archives. T — 1897. Копия записи беседы Каменева и Бухарина любезно предоставлена автору С. Коэном.

[12] Цит. по: *Ватлин А. Ю.* Н. И. Бухарин и «левый поворот» Коминтерна // Бухарин: человек, политик, ученый. С. 220.

[13] *Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 12.

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 102, л. 280.
[15] Эту телеграмму Н. И. Бухарин приводил в своей речи на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б).
[16] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 102, л. 285—313.
[17] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 102, л. 315.
[18] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 102, л. 307.
[19] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 306.
[20] Из выступления Бухарина на апрельском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б).
[21] Trotsky Archives. T — 1897.
[22] Archives de Jules Humbert-Droz. III. Les Partis communistes et l'Internationale 1928—1932. Dordrecht. 1988, p. 84.
[23] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, д. 84, л. 24.
[24] *Weber H.* Die Wandlung des deutschen Kommunismus. S. 209—212.
[25] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 307.
[26] Archives de Jules Humbert-Droz. p. 85—86.
[27] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 121, л. 99.
[28] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 121, л. 100.
[29] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, д. 88, л. 1.
[30] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, д. 88, л. 124.
[31] Письмо Эмбер-Дро от 12 ноября 1928 г. // Archives de Jules Humbert-Droz. p. 85.
[32] *Bergmann Th.* «Gegen den Strom». S. 47—48.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 3—10.
[34] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 15.
[35] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 19—21.
[36] См. *Löwy A. G.* Die Weltgeschichte ist das Weltgericht. Bucharin: Vision des Kommunismus. Wien u. a. 1969. S. 365.
[37] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, д. 103, л. 68.
[38] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 3, д. 103, л. 66.
[39] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 35—36.
[40] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 46.
[41] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 44.
[42] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 302.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 71.
[44] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 105, л. 11, с. 81, 83.
[45] *Bergmann Th.* «Gegen den Strom». S. 47—48.
[46] *Thalheimer A.* Um was geht es? Berlin. 1929. S. 10.
[47] Коммунистический Интернационал. 1928. № 52. С. 12.
[48] *Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 4.
[49] *Imber-Droz J.* Memoari sekretara Kominterne. Kn. 2. Beograd. 1982. S. 172—173.
[50] ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 2, д. 121, л. 39.
[51] Archives de Jules Humbert-Droz. p. 165.
[52] Annali Feltrinelli. Vol. VIII. Milano. 1966. P. 67.

Б. А. Старков

«ПРАВО-ЛЕВЫЕ ФРАКЦИОНЕРЫ»

Становление режима личной власти Сталина в партии и государстве не было единовременным актом, как полагают отдельные публицисты, называя в качестве отправной точки 1929 г. Действительно, элементы вождизма, о которых говорил Л. Б. Каменев на XIV съезде партии, уже дали обильные всходы. Как в партии, так и в стране шло активное формирование авторитарного режима, начинали проявляться и элементы культа личности. В декабре 1929 г. генеральному секретарю ЦК ВКП(б) исполнилось 50 лет. К этому времени его авторитет был поднят на недосягаемую высоту. Сталина объявили гениальным теоретиком, верным учеником и продолжателем дела В. И. Ленина, вождем Всесоюзной коммунистической партии большевиков и Коминтерна. В славословии особенно усердствовало его ближайшее окружение Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, В. В. Куйбышев, М. И. Калинин, А. И. Микоян, А. С. Енукидзе, В. М. Молотов и другие.

После того как в феврале 1929 г. был выслан Троцкий, а в апреле на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) осуществлена политическая дискредитация Н. И. Бухарина и его сторонников, завершившаяся на ноябрьском (1929 г.) Пленуме фактически их устранением от участия в политическом руководстве партией и государством, у Сталина не оставалось больше единоличных соперников в борьбе за власть. Он как «твердокаменный марксист-ленинец» был признан не только в международном коммунистическом и рабочем движении. Таким же Сталина видели прежде всего враги социализма, враги молодой Советской республики. «Сталин — прагматически настроенный лидер, борющийся с утопическими настроениями в большевистской партии»,— писал о нем, например, П. Н. Милюков [1].

Еще более «лестная» характеристика содержалась в конфиденциальной переписке лидеров белой эмиграции. 10 марта 1929 г. бывший посол Временного правительства в США Б. А. Бахметьев писал Е. Д. Кусковой:

«Делать то, чего желает правый уклон,— это значит признать, что коммунистическая карта бита. Это значит вступить на путь ликвидации революции как таковой. Вы скажете: правоуклонцы этого не ощущают. Я скажу, вероятно, нет. Путь человеческой массовой психологии, как он развертывается в исторических событиях, в большинстве случаев развертывается в областях неосознанных и недодуманных до конца. Термидорианцы, которые положили конец терроризму, всего меньше думали покончить с господствующими якобинцами; наоборот, им казалось, что их путь единственный, которым можно спасти положение правящей революционной партии. Только отдельным, более чутко мыслящим и видящим вождям дано видеть глубже и лучше, и я не могу отказать Сталину в той способности предвидения и анализа, которой я не замечаю ни у Рыкова, ни у других подобных более мягких коммунистов... Для меня падение Сталина будет термидор.

У правого уклона нет вождей, чего и не требуется; нужно лишь, чтобы история покончила со Сталиным как с последним оплотом твердокаменности. Тогда власть останется в руках мягких максималистов — Рыкова и К^{0}, которые, подобно термидорианцам, будут пытаться нести дальше большевистское знамя, но фактически будут игрушкой жизненной стихии, уступая и колеблясь под давлением жизни... Послесталинский период власти слабых большевиков, как представляется, будет периодом, когда внутри русского тела будут нарастать и откристаллизовываться те группировки и бытовые отношения, которые в известный момент властно потребуют перемены правящей верхушки и создадут исторические силы и исторические личности, которым суждено будет внешне положить конец большевистскому периоду и открыть следующий» [2].

Так оценивал Сталина один из серьезных политических противников большевизма. Оценка его прежде всего касалась личности лидера советских коммунистов. В самом деле, к 1929 г. в партии и государстве в плане личного авторитета равных Сталину не было. Альтернативой ему могло быть только коллективное руководство. Однако была еще старая большевистская гвардия, которая делала революцию, отстояла ее завоевания в годы гражданской войны, а теперь отдавала все силы на поприще социалистического строительства. Эти революционеры пользовались реальным авторитетом в партии и государстве и занимали ведущее место в руководстве местными партийными и советскими организациями. Так, в 1930 г. к XVI съезду ВКП(б) из 1329 руководящих партийных работников (165 окружкомов) 1178, или 88,7 %, вступили в партию до 1920 г. [3]. Признавая большой личный авторитет Сталина, тем не менее именно лучшие представители старой гвардии выступили против явно ненормального положения в партии и государстве, которое сложилось в результате усиления личного диктата генсека. Без преодоления этого сопротивления становление культа Сталина было попросту невозможно.

Одним из тех, кто выступил в то время против режима личной власти, был председатель Совнаркома РСФСР, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), член ЦК ВКП(б), член ЦИК и ВЦИК нескольких созывов С. И. Сырцов.

Сергей Иванович Сырцов родился в 1893 г. в Екатеринославской губернии, в семье служащего. В конце 1913 г. он стал большевиком, а вскоре был избран членом Невского районного комитета и членом пропагандистской коллегии при Петербургском комитете РСДРП. В 1914 г. он был арестован и приговорен к 9 месяцам тюрьмы. После освобождения Сырцов продолжал работу организатора и пропагандиста, но был арестован вторично и сослан в село Манзурка Иркутской губернии, где находился до Февральской революции. После возвращения из ссылки в Петроград он вновь на партийной работе. В апреле 1917 г. по заданию ЦК РСДРП(б) Сырцов переехал в Ростов-на-Дону. Оттуда он был делегирован на VI съезд партии.

В октябрьские дни 1917 г. С. И. Сырцов избирается председателем Ростово-Нахичеванского Совета и Военно-революционного комитета, членом комитета РСДРП(б), затем членом Донского окружного бюро РСДРП(б). Он возглавлял Донской областной Военно-революционный комитет по борьбе с калединщиной. В марте — сентябре 1918 г. он — заместитель председателя Совнаркома Донской Советской республики, активно проводил политику расказачивания; с августа 1918 по сентябрь 1919-го ушел на фронт военкомом 12-й стрелковой дивизии. Во время боев с белыми был ранен. В январе 1919 г. его назначают начальником отдела гражданского управления при Реввоенсовете Южного фронта. В 1920—1921 гг. С. И. Сырцов — секретарь Одесского губкома партии, делегат IX и X съездов РКП(б), участник подавления Кронштадтского мятежа. В 1921 г. награжден орденом Красного Знамени. С этого же года С. И. Сырцов отзывается в распоряжение ЦК РКП(б), работал в аппарате ЦК сначала заведующим Учетно-распределительным, а с 1924 г. — Агитпропотделом ЦК РКП(б). Он был членом президиума Коммунистической Академии, редактором журнала Агитпропотдела ЦК ВКП(б) «Коммунистическая революция». В феврале 1926 г. его избрали секретарем Сибирского крайкома РКП(б).

С. И. Сырцов активно боролся за единство партии, выступал против троцкистско-зиновьевской оппозиции и так называемого правого уклона в ВКП(б). К концу 20-х годов он — один из авторитетных партийных работников, автор ряда теоретических статей с обоснованием экономической политики Коммунистической партии в середине 20-х гг. С его мнением особенно считались в армейских кругах.

Сергей Иванович хорошо знал Сталина по совместной работе в аппарате ЦК. Однако особенно памятным был приезд генсека в Сибирь зимой 1928 г. для обеспечения хлебозаготовок. Тогда весь партийный и советский актив Сибирского окружкома согласился с задачами, ко-

торые выдвинул генеральный секретарь ЦК ВКП(б). Они приняли и поддержали чрезвычайные меры, которые предлагались в качестве основных для обеспечения хлебозаготовок. Но будучи экономистом по образованию Сырцов разглядел гибельные последствия «чрезвычайщины» в сельском хозяйстве. Поэтому уже летом 1928 г. он предложил для обеспечения хлебозаготовок применять нечто среднее между продналогом и продразверсткой [4].

В мае 1929 г. на I сессии ВЦИК XIV созыва С. И. Сырцов избирается председателем Совнаркома РСФСР. Эту должность утвердил незадолго перед тем завершившийся Всероссийский съезд Советов. До этого она совпадала с должностью председателя Совнаркома СССР. Сообщая об избрании Сергея Ивановича, журнал «Огонек» писал: «Активное участие тов. Сырцова в советском строительстве и в работе партии и его огромный практический и политический опыт явились теми мотивами, которые определили его избрание на этот ответственный пост» [5]. 21 июня 1929 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Сырцов был утвержден кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

К этому времени по инициативе Сталина в экономической политике наметился поворот от нэпа к чрезвычайным мерам в индустриализации и коллективизации. Плановые показатели первой пятилетки волевыми решениями неоправданно завышались, шло усиленное подстегивание темпов социалистического строительства. Мог ли экономист С. И. Сырцов согласиться с таким положением вещей? Очевидно, нет. Слишком свежи были в памяти последствия «урало-сибирских методов хлебозаготовок»...

Первое открытое выступление Сырцова против сталинской экономической политики относится к концу 1929 г. На заседании Совнаркома РСФСР он подверг резкой критике неоправданно высокие темпы индустриализации, перегибы в осуществлении коллективизации сельского хозяйства. Его смелое выступление, казалось, не было направлено лично против Сталина и его ближайшего окружения. Но все-то знали, что инициатором практики «подстегивания» является генеральный секретарь ЦК.

Через некоторое время на заседании фракции ВКП(б) ВЦИК СССР С. И. Сырцов вновь критиковал экономическую политику сталинского руководства. 20 февраля 1930 г. он выступил с докладом на собрании партячейки Института Красной профессуры, где заявил, что «бумажные темпы» вырастали отнюдь не из одного револю-

циоиного эитузиазма. Зачастую эитузиазмом прикрывается казеиный оптимист, ие утруждающий себя заботами об устраиении иедостатков и предпочитающий на все смотреть сквозь розовые очки и втирать их другим... Ведь если долго возиться с крестьяиииом да убеждать его, да прорабатывать практические вопросы — тебя, глядишь, и обскачет соседиий район, не теряющий времеии иа эти пустяки. Так зачем же долго возиться с крестьяниином? Намекии ему насчет Соловков, иасчет того, что его со сиабжеиия сиимут, или заставь голосовать по прииципу: кто за коллективизацию — тот за Советскую власть, кто против коллективизации — тот против Советской власти. Мы иеправильио поимали бы задачи руководства, если бы теперь терпимо относились к перегибам, а потом иавалились бы иа иизовых работников и сделали бы их ответственными за все ошибки»[6]. Этот доклад был опубликоваи в журиале «Большевик».

Еще более острый характер носило выступление С. И. Сырцова иа XVI съезде партии. Безоговорочно поддерживая геиеральиую лииию социалистического строительства, критикуя «правых уклонистов» Углаиова, Рыкова, Томского, он одиовремеио призвал делегатов съезда обратить виимаиие иа иекоторые важиые аспекты экоиомической политики партии. Это касалось прежде всего вопроса о диспропорции между тяжелой и легкой промышлеииостью, между сельским хозяйством и промышлеииостью, между количеством и качеством. «Ухудшеиие качества промышлеииой продукции,— говорил председатель Совиаркома РСФСР,— за последнее время представляет то явление, которое должно приковать виимание и съезда и всех хозяйствеиных оргаиизаций всей страиы. Не приходится говорить о том, что ухудшеиие качества продукции в зиачительной мере снижает иародиохозяйствеииую эффективность громадных достижеиий в индустриализации, в какой-то мере вносит поправку к достигнутым темпам»[7].

С. И. Сырцов иазвал многие узкие места в экоиомике. И прежде всего иеэффективиое использование иового оборудоваиия; известный шаблон в оргаиизации социалистического соревнования. Особеиио острыми были вопросы о целесообразиости вкладываиия средств в строительство, которое в ближайшее время ие может быть завершеио, о иедостаточной иалаженииости работы плаиовых и хозяйствеиных оргаиов, о преиебрежеиии к плаиовой работе. «Параллелизм в составлении планов,—

подчеркивал он,— множественность инстанций, проверяющих и утверждающих планы, и прочее, разумеется, представляют собой чрезвычайно большое препятствие для осуществления тех колоссальных задач, которые стоят перед нами»[8].

Особую заботу и опасения председателя Совнаркома РСФСР вызывали усиление бюрократизма, ведомственности, очковтирательства. «Большим злом, которое партия еще не сумела преодолеть, где партия не сумела еще добиться значительных результатов, является то, что работа каждого руководителя, каждого учреждения в значительной мере отдается ведомственной борьбе, а не самой работе»,— говорил он.

С. И. Сырцов решительно высказался против начинающей процветать порочной практики некоторых советских учреждений — давать приглаженные цифры, приукрашивать недостатки и затушевывать трудности. Бывали случаи, когда замазывание действительного положения, неверная информация приводили партийное и советское руководство к неверным выводам.

Тревожное положение складывалось, по мнению Сырцова, в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. В результате неоправданных расходов на реконструкцию, перегибов и ошибок потери в животноводстве по РСФСР составили в ценностном выражении около трех миллиардов рублей. В связи с этим он поставил вопрос о необходимости «решительного, гибкого и быстрого восстановления сельскохозяйственной кооперации, там, где она разрушена»[9].

Это выступление вызвало неудовольствие Сталина. К работе председателя Совнаркома РСФСР стали проявлять повышенный интерес. К тому времени Сырцов уже столкнулся с методами сталинского руководства: многие вопросы решались келейно, внутри Политбюро существовали «тройки», «пятерки». Принципы коллегиальности постоянно нарушались. Сырцов пришел к выводу о необходимости перемещения Сталина с поста генерального секретаря ЦК ВКП(б). Он рассчитывал на поддержку некоторых членов ЦК, ЦКК и ряда местных партийных организаций. От их имени он решил поставить вопрос о восстановлении ленинских норм внутрипартийной и государственной жизни, об оздоровлении экономики на основе возвращения к принципам новой экономической политики. По сути, это было повторение ряда известных бухаринских положений, потому-то

впоследствии С. И. Сырцова обвинили и в правом уклоне.

Вокруг Сергея Ивановича объединилась группа единомышленников, которые составили координационный центр для осуществления задуманного. В его состав вошли бывшие партийные и советские работники Западной Сибири, находившиеся на работе в центральных партийных и советских органах и учреждениях. Среди них — В. А. Каврайский, И. С. Нусинов, А. И. Гальперин, А. Курс и другие.

Одной из ярких фигур координационного центра был Владимир Александрович Каврайский. Он родился 27 июля 1891 г. в Симбирске. В сентябре 1917 г. вступил в ряды большевистской партии, а после установления Советской власти был назначен комиссаром банка в Уфе.

Летом 1918 г. Владимир Александрович уходит на фронт, участвует в борьбе против белочехов. В январе 1919 г. он отзывается из армии и направляется во главе продотрядов в Самару, затем работает заместителем Уфимского губпродкомиссара. В 1920 г. его переводят в аппарат Наркомпрода в Москву, а вскоре назначают управделами Наркомзема РСФСР.

В январе 1921 г. В. А. Каврайский по партмобилизации уезжает на работу в Сибирь заместителем уполномоченного наркомфина по Сибири. В 1925 г. становится начальником Сибкрайстатуправления и членом Запсибкрайкома РКП(б). В 1927 г. — членом бюро Сибкрайкома и заведующим деревенским отделом Сибкрайкома. Владимир Александрович часто выезжал в деревни, участвовал в организации хлебозаготовок как уполномоченный Сибкрайкома. В январе 1928 г. во время пребывания в Сибири Сталина он неоднократно вызывался к нему для докладов и бесед о проведении коллективизации в Сибири. В эти годы Каврайский сблизился с секретарем Томского окружкома партии И. С. Нусиновым. Вместе с ним они написали книгу «Классовое расслоение в сибирской деревне» [10].

В 1930 г. В. А. Каврайский вновь переводится в Москву, на этот раз инструктором отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Он работал в секторе информации и одновременно преподавал политэкономию в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, был членом редколлегии журнала «Большевик».

С. И. Сырцова также поддержала группа В. В. Ломинадзе, в руководящее звено которой входили Л. А. Шацкин, Д. Л. Резник и другие.

Виссарион Виссарионович Ломинадзе (Бесо — так называли его окружающие.— *Б. С.*) был секретарем Закавказского краевого комитета партии. Он родился 6 июня 1897 г. в г. Кутаиси. В 1917 г. вступил в ряды большевиков. Тогда же возглавил Кутаисский партийный комитет. В 1918—1919 гг. он — председатель Тифлисского партийного комитета. В 1919—1920 гг.— на подпольной работе в Баку, член президиума ЦКК Коммунистической партии Азербайджана, председатель Бакинского комитета партии. С 1921-го по 1924 г.— секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии. С 1925-го по 1929 г.— Ломи-

надзе работает в международном молодежном движении. Он секретарь Коммунистического Интернационала Молодежи, член бюро ЦК ВЛКСМ. Делегат партийных съездов и конференций. На XVI съезде — член ЦК ВКП(б). В 1930 г. он был одним из наиболее авторитетных руководителей Закавказской краевой партийной организации.

Еще во время работы в Закавказской партийной организации В. Ломинадзе столкнулся с феодально-барским, по его словам, отношением к трудящимся, которое процветало в партаппарате Закавказья.

Летом 1930 г. в «Обращении Заккрайкома ВКП(б)», подготовленном по итогам XVI партийного съезда, прозвучала озабоченность положением дел в сельском хозяйстве Закавказья. В обращении, в частности, указывалось, что советские учреждения превращаются в механизм ограбления деревни. Районные и сельские советы вызывали особое беспокойство, так как находились в состоянии заброшенности, «сплошь и рядом существуют фактически в виде милицейско-налоговых пунктов». В. В. Ломинадзе считал, что все это результат политики, проводимой Сталиным и его окружением. Еще ранее в письме к Л. А. Шацкину он указывал, что они «никак не ограничатся одной деревней, а захватят более широкий плацдарм» [11].

Л. А. Шацкин был одним из соратников В. В. Ломинадзе. Бывший комсомольский работник, он в интересующий нас период был членом ЦКК. 18 июня 1929 г. «Комсомольская правда» опубликовала его статью «Долой партийного обывателя». Партийный обыватель, в понимании Шацкина, «не за страх, а за совесть предан революции, рабочему классу, партии. У него нет личной жизни, и он целиком отдается общественной работе. И все же такая добродетельная личность может стать и нередко становится партийным обывателем, даже имея за спиной партийный стаж, каторгу и фронты, если этой личности привит микроб идейной трусливости». Статья получила резко отрицательную оценку Политбюро ЦК ВКП(б). 25 июля оно осудило ее как направленную против партийных кадров и против «железной большевистской дисциплины».

«Шацкин зачислил в «болото» лучшую часть партийных кадров и подавляющее большинство партии»,— писали в августовском номере журнала «Большевик» новые сталинские «идеологи» Н. Ежов, Л. Мехлис и П. Поспелов. Его быстро отправили на работу в Саратов. Однако его авторитет в партии оставался еще достаточно высоким, и на XVI съезде ВКП(б) он вновь избирается членом ЦКК.

Осенью 1930 г. В. В. Ломинадзе вызвали в Москву для объяснения по поводу «Обращения». Тогда же произошли его встречи и беседы с С. И. Сырцовым, во время которых они обменялись мнениями о положении в партии и государстве. В результате оба пришли к одному

выводу, что Сталина надо перемещать с поста генерального секретаря ЦК ВКП(б).

Вопрос о пребывании Сталина на посту генсека Сырцов и Ломинадзе рассчитывали поставить на очередном пленуме ЦК и ЦКК в декабре 1930 г. Однако события пошли по другому руслу. Один из сторонников Ломинадзе выдал их планы, проинформировал Сталина о готовящемся выступлении. Сталин позвонил на квартиру И. С. Нусинова, где обычно собирались «фракционеры», и пригласил С. И. Сырцова на внеочередное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где между ними произошел следующий диалог:

— Какие вопросы вы решали на квартире Нусинова, товарищ Сырцов? — спросил Сталин.

— Проблемы повышения продуктивности крупного рогатого скота,— ответил С. И. Сырцов.

Тогда Сталин назвал доносчика. Сырцову ничего не оставалось, как тут же на заседании Политбюро выступить против руководства Сталина. Речь его, опиравшаяся на факты, носила вполне конкретный характер. Он говорил, что Политбюро окончательно превратилось в совещательный орган при генеральном секретаре ЦК, что все успехи социалистического строительства относительны, ибо продолжает процветать очковтирательство, что искусственное подстегивание темпов социалистического строительства привело к экономическому хаосу и в результате страна стоит на грани экономического кризиса. Всю ответственность за это Сырцов возложил на Сталина. Реакция членов Политбюро на выступление была различной: Сталин оставался невозмутимым; Орджоникидзе пытался остановить своего друга, бросив реплику: «Сергей, остановись! Что ты говоришь?!»; Л. М. Каганович потребовал тут же репрессировать Сырцова [12].

На этом же заседании было принято решение о передаче дела «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе, Шацкина и других» в Центральную Контрольную Комиссию. Расправа последовала незамедлительно. 22 октября 1930 г. В. А. Каврайского и И. С. Нусинова вызвали в приемную Сталина, а оттуда в ЦКК, где их исключили из партии «за антипартийную двурушническую фракционную работу» [13]. 23 октября 1930 г. это постановление было опубликовано в «Правде». Там же в статье «Решительная борьба на два фронта» разоблачались Нусинов — сын торговца и Каврайский — бывший дворянин, сын помещика. В статье, в частности, говори-

лось: «...Под влиянием трудностей, вызванных обострением классовой борьбы, натиска интервентов и наличия ряда непредвиденных... «узких мест» нашего народного хозяйства, отдельные члены партии ищут спасения на путях фракционной борьбы... игнорируя тот факт, что всякое колебание единства *партии*, всякое нарушение железной дисциплины партии — *преступление*, радующее наших классовых врагов».

26 октября 1930 г. от работы в ЦКК — РКИ был освобожден Л. А. Шацкин [14]. Его откомандировали в распоряжение ЦК ВКП(б). 1 ноября 1930 г. за двурушническую, антипартийную и фракционную работу были исключены из рядов ВКП(б) А. И. Гальперин и А. Курс [15].

Во время разбирательства в ЦКК Сырцов, Ломинадзе и Шацкин держались с большим достоинством. С. И. Сырцов обвинил Сталина в том, что тот не желает прислушиваться к голосу своих коллег, сказал, что он «тупоголовый человек, который ведет страну к гибели». В. В. Ломинадзе пытался доказать свою правоту относительно прогноза во внешнеполитической деятельности партии. И Сырцов, и Ломинадзе, и Шацкин оперировали большим фактическим материалом, ссылались на постановления Политбюро ЦК ВКП(б) и Совнаркома [16]. Однако, что бы ни говорили партийцы, их никто не слышал, все оборачивалось против них. Центральная Контрольная Комиссия к тому времени уже превратилась в послушное орудие укрепления личной власти Сталина в партии и государстве.

К работе по расследованию фракционной деятельности группы Сырцова — Ломинадзе подключились органы ОГПУ.

В середине ноября 1930 г. все материалы ЦКК по этому делу затребовал Сталин. 1 декабря ЦК и ЦКК ВКП(б) приняли совместное постановление «О фракционной работе Сырцова, Ломинадзе и др.», в котором их деятельность квалифицировалась как антипартийная, приведшая к возникновению в партии «левоправого блока» на основе общей политической платформы, совпадающей во всем основном с платформой правых оппортунистов» [17].

В постановлении отмечалось, что «эта платформа, навеянная паникой перед трудностями и желанием поспекулировать на них, требует по сути дела отказа от большевистских темпов строительства... Для оправдания своей оппортунистической платформы Сырцов, Ломинадзе и др.

прибегали к таким чисто меньшевистским, грубо клеветническим приемам борьбы с партийным и советским руководством, как объявление успехов нашего строительства «очковтирательством» (Сырцов), объявление Сталинградского тракторного завода «потемкинской деревней» (Сырцов), утверждение о том, что в советском аппарате Закавказья «царит барско-феодальное отношение к нуждам рабочих и крестьян» (Ломинадзе)».

Особо подчеркивалось, что обе группы «допускали в своей фракционной работе расконспирирование секретных решений партии», а также «как Сырцов, так и Ломинадзе и Шацкин проводили в своих отношениях к партийному руководству тактику двурушничества и обмана партии, а при опросе в ЦКК давали заведомо неправдивые показания». Постановление ЦК и ЦКК обвинило Сырцова, Ломинадзе, Шацкина и других в нарушении постановлений X съезда РКП(б) «О единстве партии», апрельского объединенного (1929 г.) Пленума ЦК и ЦКК «О мерах, могущих гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК», XV съезда «Об ответственности членов партии, отказывающихся отвечать на вопросы контрольных комиссий».

Решением ЦК и ЦКК Сырцов и Ломинадзе были исключены из членов ЦК ВКП(б), а Шацкин — из ЦКК ВКП (б). Сам этот факт был грубейшим нарушением Устава ВКП (б). В нем предусматривалось, что исключать из состава руководящих партийных органов может только соответствующий пленум партийного комитета, причем большинством, не менее двух третей голосов. Такого решения ни Пленум ЦК, ни Пленум ЦКК не принимали. Представители белоэмигрантских разведывательных служб и организаций информировали свое руководство, что «дело Сырцова вызвало серьезное недовольство в Красной Армии» [18] (среди тех, кто активно поддерживал С. И. Сырцова в армейской среде называлось имя В. К. Блюхера).

Возможно, этим и объяснялось столь либеральное вначале отношение к фракционерам.

Разъясняя коммунистам столицы, в чем суть «левоправого блока», Сталин бросил фразу: «пойдешь налево, все равно придешь направо, и наоборот, если пойдешь направо — все равно придешь налево». А в письме Этчину от 27 февраля 1931 г. «О корнях «левого» и правого уклона» он заявил, что «корень у них общий в том смысле, что они отражают давление чуждых нам классов.

Формы и средства борьбы с партией — различны в зависимости от различия тех социальных прослоек, которые они, т. е. уклоны представляют»[19].

Дальнейшая судьба руководителей «право-левого блока» сложилась трагически. С. И. Сырцов был освобожден от должности председателя Совнаркома РСФСР. Всегда хорошо владевший собой и обладавший большой смелостью, он при передаче дел был подавлен и даже заявил, что страдает психическим расстройством. Есть сведения, что он пытался покончить жизнь самоубийством. В декабре 1930 г. его несколько раз вызывали в ОГПУ, брали с него объяснения. Однако арестован он не был. Затем его отправили на хозяйственную работу за Урал. В 1935 г. Сталин даже поставил вопрос о его возвращении в Москву...

Новому назначению помешала неосторожно брошенная Сырцовым фраза, что-де «Сталин на костях Кирова мостит дорогу к власти». Это послужило предлогом для его обвинения в контрреволюционной пропаганде. С. И. Сырцов был арестован. В 1937 г. началось дознание по его делу, которое вел старший следователь — палач Л. В. Влодзимирский (в 1953 г. осужден и расстрелян по делу Л. П. Берии.— *Б. С.*). Однако все попытки выбить из С. И. Сырцова нужные показания «в террористическом заговоре против Сталина» ничего не дали. Сырцов не подписал ни одного из предъявленных ему обвинений и фактически ушел из жизни несломленным[20].

По свидетельству А. М. Лариной-Бухариной, обвинение о соучастии в терроре было предъявлено и жене Сырцова, которая позднее также была репрессирована.

Не менее трагичной была судьба В. В. Ломинадзе. С 1930-го по 1932 г. он работал начальником сектора в Наркомснабе. В 1932—1933 гг. был парторгом машиностроительного завода в Москве. А. С. Енукидзе и Г. К. Орджоникидзе по секрету сообщили ему, что Сталин сменил гнев на милость и готов простить его, если он покается. Весной 1934 г. В. В. Ломинадзе рассказывал писателю А. Авдеенко, как это происходило:

«Принял меня Сталин глубокой ночью, почти на рассвете. Часа два заставил ждать в приемной. Когда я вошел, он сидел за большим зеленым столом, в его торце и что-то писал. Не взглянул, не поднял головы. Я обозлился. Как можно так обращаться с человеком, унижать его?! Я стоял у порога и думал о том, что сейчас повернусь и уйду от него навсегда. Не успел. Он поднял голову,

сделал неопределенный жест: проходи, мол, чего стоишь. Я подошел, поздоровался. Он не ответил на приветствие даже кивком головы. Усмехнулся, жестко, высокомерно произнес: «С чем пришел, умник? Говори!» Я опять испытал соблазн уйти. Сдержался. «Чего же ты молчишь? Неужели за три года не выучил, что положено говорить в таких случаях?» И я заговорил. Стоял, прямо, в упор смотрел на него и говорил. В самом кратком виде повторил все, что говорил три года назад на Пленуме. Он швырнул в меня черной курительной трубкой, выругался по-грузински... С того дня я ждал кары, но... состоялось решение о назначении... на Магнитку. Серго выручил» [21].

В это время шла усиленная проработка всех, кто был хоть как-то связан с Сырцовым и Ломинадзе, особенно сотрудников аппарата Совнаркома РСФСР и аппарата Закавказского комитета партии. Все недостатки в работе последнего объявлялись вредительской деятельностью «лево-правых фракционеров». Снятия с работы, неожиданные перемещения объяснялись «выкорчевыванием оппортунизма». На IX съезде профсоюзов СССР в 1933 г. представитель республиканского совета профсоюзов Грузии заявлял: «Выкорчевывание наследия старого руководства ВЦСПС, после его смены, в условиях Грузии затруднялось тем обстоятельством, что во главе руководства в Закавказье был сначала антипартийный «праволевацкий блок» Сырцова — Ломинадзе, а потом руководство Картвелишвили, которое допустило ряд грубейших политических ошибок, особенно в области сельского хозяйства, что не могло не отразиться на профсоюзной работе» [22].

В. В. Ломинадзе, в то время секретарь Магнитогорского горкома партии, был делегатом XVII съезда ВКП(б). Более того, ему, очевидно, для «покаяния», предоставили слово. Анализ его выступления представляет определенный интерес, прежде всего для оценки взглядов, которые выражали «лево-правые фракционеры».

«Из того, что предшествовало «право-левацкому блоку»,— говорил Ломинадзе,— стоит упомянуть выступления «леваков» по вопросу о внутрипартийном режиме и по вопросу об организации бедноты. Мы боролись против партийного режима. Достаточно напомнить статью Шацкина «О партийном обывателе» и ряд наших выступлений в «Комсомольской правде». Нам было тесно в суровых рамках большевистской дисциплины» [23]. Типично левацким называл Ломинадзе требование создания самостоятельных организаций бедноты в период коллективизации. Одна из основных ошибок, «каялся» он, заключалась в том, что «левые» «не сумели понять всего значения и не сделали всех выводов из того гениально-простого, глубокого, ясного и богатого теоретическим содержанием тезиса товарища Сталина о том, что

само уинчтожеине классов происходнт в процессе самой ожесточеиной классовой борьбы.

Капнтуляитский характер иоснло иаше отрицанне роста материального н культурного уровня жнзни рабочих, капнтуляитством было требоваиие о сокращении фроита капитальиого строительства. «Левацкая» линия неизбежно переросла в правооппортунистическую линию. Отсюда и та легкость, с какой мы пришли к блоку с правой группой Сырцова. Снова и снова оправдались слова товарища Сталниа, который не раз предупреждал: «пойдешь налево, придешь иаправо...»

Отлнчнтельной чертой «право-левацкого» блока было то, что мы скрывали от партии свои взгляды, боролись исподтишка и стали иа путь обмана партин. Партия заклеймила это как двурушннчество... Двурушннчество не какая-лнбо лнчная черта, это особениость всякой оппозицнн в тот период, когда сила партии, ее сплоченность и влияние иеслыхаино выросли, когда разгромлены враждебные классы и те силы, которые боролись протнв партин. В этих условиях ни у какой оппозиции ие хватит сил выступить против партин с открытым забралом. «Право-левацкий» блок был разновидностью оппортунистической оппозиции на иовом этапе борьбы и так же, как всякая оппозиция, он мешал движению партии вперед, дезорганизовывал ее ряды. Он был разбит, разгромлеи партней с той же принципиальной непримиримостью, которая отличает борьбу партии протнв всяких отклонений от ленинской лиинии. Товарищ Сталин в борьбе с «право-левацким» блоком проявнл ту же суровую нетерпимость, которой отлнчался Леини в борьбе с оппозицней, иетерпнмость, которую ои — Сталнн — уиаследовал от Лениа. Оглядываясь иа весь путь, пройденный нашей оппозицией, вндншь, как необходнма была эта иепрнмиримость ие только для сохраиения единства партии, но также для сохраиеиия тех из оппозиционеров, которые могут еще вернуться в ряды бойцов партии. Я уже говорил, что оппозицноиерамн людн случайио ие стаиовятся. Нужно также сказать, что, раз попав в оппортуиистическое болото, люди не так просто н легко из иего выходят. Должен по лнчному опыту сказать, что преодоление оппозициоииости является трудным и мучительным процессом. И поэтому партня безусловио права, сохраняя бдительность и известное недоверне к людям, которые вчера еще боролнсь протнв партнн н дезорганнзовывалн ее ряды. Как и всякая оппозиция, «право-левацкий» блок выступил протнв руководства нашей партии, против вождя партии товарища Сталииа. В этом в первую очередь заключается величайший грех иашей оппозицнн»[24].

Из этого покаяния В. Ломинадзе становится очевидным, что выступление «лево-правого блока» было отнюдь не просто «разговорами узкого круга партийных функционеров», как полагают отдельные публицисты. Имело место сопротивление становлению режима личной власти Сталина в партии и государстве. И после съезда Ломинадзе поддерживал связи с бывшими комсомольскими работниками, вел с ними переписку. Однако в это время его деятельность находилась уже под контролем органов ОГПУ. После убийства С. М. Кирова многие бывшие комсомольские работники и соратники Ломинад-

зе по Коммунистическому Интернационалу Молодежи — Хитаров, Шацкин, Чемоданов были арестованы. Вызвали в Челябинск и Ломинадзе. Но не доехал: в дороге застрелился...

Вот как рассказал об этом шофер В. В. Ломинадзе писателю А. Авдеенко в 1936 г.:

«Это случилось сразу, как мы выехали иа Верхнеуральский большак. Хорошо, резво ехали. Ветер со снежком дул слева. Поземка. Но мы оба в тулупах, чувствовали себя в тепле и уюте. И вдруг я услышал резкий, похожий иа выстрел пугача хлопок. Прозвучал справа, по ходу машины, оттуда, где переднее колесо. Остановился, повернул голову в стороиу товарища Ломиидзе и сказал с досадой: «Лопиула камера!» А он: «Нет, это ие камера лопиула, а я пульнул себе в грудь...» Сказал и замолчал. Я тоже молчу. Смерть как перепугался. Не зиаю, что делать: вперед или иазад ехать или стоять иа месте. Товарищ Ломииадзе иабрался сил и сказал: «Дамский выстрел... Давай, Петр, поворачивай иазад. Домой...» Я мигом развернулся и полетел в Магнитку, ие в горком партии поехал, а прямо в Березки, к Нине Алексаидровне и Серго... Не смогли спасти товарища Ломинадзе. Вечиая ему память. Вот был человек...» На вопрос писателя, где его похоронили, шофер ответил: «За Магнит-горой. На общем кладбище. Гроб сделали по специальиому заказу. И могила не трехаршииная,— большим, крупиым человеком был тоаарищ Ломииадзе, более чем за два метра вымахал. Памятиик поставили железный. За одиу ночь сварганили в прокатном цехе. И ограду железную сварили. Все честь по чести. По-людски. Только иедолго могилв была могилой. Ночью по чьему-то указанию сломали ограду, памятник, погрузили на машину, увезли. Могилу с землей сровияли, засыпали снегом...» [25]

После этого в Магнитогорске начались репрессии, которые коснулись прежде всего партийного и советского аппарата [26].

Кто мог так мстить Ломинадзе даже после смерти? Только один человек — Сталин. «Сталин недоверчив и подозрителен. Несмотря на это — или, вернее, именно благодаря этому, он с безграничным доверием относится ко всему, что кого-либо компрометирует и, таким образом, укрепляет его природную подозрительность»,— писал о Сталине Ф. Ф. Раскольников [27]. Появление и разгром «лево-правых фракционеров» можно с уверенностью отнести за счет именно этих качеств Сталина. Постановление ЦК и ЦКК от 1 декабря 1930 г. с такими резкими оценками и формулировками было всецело его заслугой.

Не менее трагичной была судьба других участников «право-левацкого блока». 10 января 1935 г. был арестован Л. А. Шацкин. Его обвинили в принадлежности к «объединенному троцкистско-зиновьевскому центру». Еще

раньше он был исключен из партии «за двурушничество», сокрытие от партии своего участия «в работе антипартийных контрреволюционных группировок». После ареста он некоторое время содержался в Суздальском политизоляторе, а затем был этапирован в Москву. Следствие вел подручный Ежова Гендин, который сам составил «признание» арестованного в терроризме, включив в него разговоры Шацкина и Ломинадзе, которых вообще никогда не было.

22 октября 1936 г. Л. А. Шацкин написал заявление на имя Сталина, в котором сообщал, что ему предъявлено тягчайшее обвинение в причастности к террористическому заговору, в чем он неповинен. «...Я все же считаю,— писал Л. А. Шацкин,— что следствие должно тщательно и объективно проверить имеющиеся, по словам следствия, соответствующие показания. Фактически следствие лишило меня элементарных возможностей опровержения ложных показаний. Лейтмотив следствия: «Мы вас заставим признаться в терроре, а опровергать будете на том свете». Далее Шацкин писал о методах шантажа, угроз и насилия, которые применили к нему следователи. Он особо подчеркивал, что такие методы «человека могут довести до такого состояния, при котором могут возникнуть ложные показания. Важнее... допросов: следователь требует подписания признаний именем партии и в интересах партии» [28]. Л. А. Шацкин дважды приговаривался к смерти. Есть данные, что он покончил самоубийством в тюрьме 1 октября 1940 г. В марте 1963 г. он был полностью реабилитирован, а в июне того же года восстановлен в партии.

Еще в конце октября 1930 г. были неожиданно арестованы Нусинов и Каврайский, но в конце того же года они были освобождены. В. А. Каврайский выехал с семьей в Алма-Ату, где работал сначала старшим научным сотрудником Института социалистической реконструкции сельского хозяйства и преподавателем в Казахском университете. С 1932 г. был членом коллегии Казнаркомзема, а с 1934 г.— заместителем начальника Казнархозучета. В этот период он неоднократно обращался в ЦК ВКП(б) с просьбой о восстановлении в партии, но ни разу не получил ответа. Он был арестован в ночь со 2 на 3 февраля 1937 г., а в середине октября — расстрелян. Вместе с ним арестовали его жену — Серафиму Андреевну. Как жене врага народа ей дали 8 лет. В 1958 г. решением Военной коллегии Верховного суда

Союза ССР В. А. Каврайский был реабилитирован [29].

Выступление коммунистов-ленинцев было ограничено рамками Политбюро ЦК ВКП(б). Ни Сырцову, ни Ломинадзе не удалось добиться широкой апелляции к членам ЦК и ЦКК, и тем более к широким партийным массам. Все они были связаны ложным представлением о партийной дисциплине и единстве партии. В этом заключалась одна из сторон деформации политической культуры руководства, с которой партия пришла в 30-е годы. Для разгрома «фракционеров» Сталин использовал контрольные органы партии — ЦКК во главе с Г. К. Орджоникидзе,— которые таким образом «держали экзамен» на верность вождю. Постепенно они полностью сосредоточили свою деятельность на искоренении инакомыслия в рядах ВКП(б). Эти же цели преследовало и последующее изменение в руководстве ЦКК, в характере и направлении ее работы. В итоге в 1934 г. это привело к ликвидации Центральной Контрольной Комиссии.

В борьбе против «право-левацкого блока» Сталин использовал органы государственной безопасности ОГПУ. По указанию Сталина произошли перестановки в составе руководства этих органов. Ряд представителей старой партийной гвардии, занимавших ключевые посты, были переведены на другую работу. Так, заместитель председателя ОГПУ профессиональный революционер М. А. Трилиссер был неожиданно назначен заместителем наркома РКИ РСФСР. Сталин мотивировал это необходимостью усилить работу Рабоче-крестьянской инспекции. А в ОГПУ фактически все нити сосредоточиваются в руках Г. Г. Ягоды, который в соответствии с указаниями Сталина превращает органы государственной безопасности в личную гвардию генсека.

Разгром «право-левых фракционеров» проходил в обстановке усиления борьбы с «контрреволюционными вредителями». В 1930 г. состоялся судебный процесс по делу «Промпартии». На скамье подсудимых оказались представители старой буржуазной инженерно-технической интеллигенции. Большинство из них находилось в то время на ответственной работе в Госплане и ВСНХ. Их обвинили не только во вредительской деятельности, но и в подготовке контрреволюционного переворота, интервенции, в связях с буржуазно-помещичьей контрреволюцией за рубежом. В марте 1931 г. прошел процесс «Союзного бюро меньшевиков». В ходе его были осуждены также специалисты, в основном экономисты централь-

ных учреждений и ведомств. Сегодня известно, что все процессы были фальсифицированы. Обвинения и доказательства вины изобретали и стряпали следственные работники ОГПУ. Однако в то время эти обычно громкие кампании нагнетали, усугубляли напряженность в стране, которая и без того была острой в связи с авантюристической экономической политикой сталинского руководства. Все ее провалы списывались либо на вредителей из числа буржуазных специалистов, либо на «право-левых фракционеров».

В ночь с 21 на 22 января 1931 г. были арестованы бывшие оппозиционеры по всем городам и местам ссылки. Репрессивный аппарат усилил внимание к деятельности бывших членов «левой» оппозиции. Одновременно с этим усилилась проработка бывших «правых».

Одновременно Сталин начал наступление на общественные науки: политэкономию, философию, историю. Главный удар был нанесен в первую очередь по кадрам, которые группировались вокруг журналов, занимавшихся разработкой основных проблем советского обществоведения. 25 января 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма». В нем резко и безапелляционно утверждалось, что журнал «не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма», не стал боевым органом марксизма-ленинизма» [30]. Особенно критиковались философы Деборин, Карев, Стэн. После публикации постановления началась их проработка, итогом которой были политические обвинения, а затем репрессии.

Еще более острый политический характер носило письмо Сталина в журнал «Пролетарская революция», под названием «О некоторых вопросах истории большевизма». Используя в качестве предлога для письма публикацию узкоспециальной спорной статьи Слуцкого, Сталин обрушил на головы историков потоки брани и серьезных политических обвинений. Он заявил о недопустимости дискуссий по вопросам истории партии, которые являются «аксиомами большевизма». «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их *делам*, прежде всего, а не только по их декларациям?» [31],— риторически вопрошал он. Редакция журнала «Пролетарская революция» обвинялась в гнилом либерализме

по отношению к троцкистам и троцкистско-мыслящим людям. Троцкизм — по определению Сталина — есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР. Сталин доказывал, что подпольная работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР. Он писал, что «либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор» [32].

После этого обращения вождя стали обычными соответствующие проработки историков. Они завершались, как правило, высылкой из Москвы и других крупных городов, последующими политическими обвинениями и репрессиями.

Советскому обществоведению был нанесен, по существу, смертельный удар. Началась гигантская по своим масштабам фальсификация марксизма-ленинизма, итогом которой стал выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» — энциклопедии культа личности Сталина. К этому времени была полностью завершена перестройка работы Коммунистической Академии, средств массовой информации и пропаганды, партийной и советской печати. Отныне все они полностью были подчинены задаче обеспечения режима личной власти Сталина. Он становился «теоретиком», а обществоведы — комментаторами отдельных его высказываний. Роль теоретических знаний в выработке практической политики Коммунистической партии, по существу, сводилась на нет. В этом также одна из составных деформации культуры политического руководства.

Разгром «право-левацкого блока» был серьезным поражением одной из попыток воспрепятствовать насаждению антидемократического, антиленинского режима личной власти.

Однако и в тех сложнейших политических условиях старая партийная гвардия не была до конца сломлена, ее лучшие представители продолжали бороться за идеалы ленинизма, пытались отстоять и возродить ленинскую концепцию социализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Последние новости. Париж. 1929. 23 декабря.

[2] Цит. по: *Щетинов Ю. А.* Угасание русского либерализма. Вестник Московского Университета. История. 1988. № 2—3.

[3] См.: XVI съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 82.

[4] См.: Вопросы истории КПСС. 1988. № 8. С. 27.

[5] См.: Огонек. 1929. 9 июня. № 22. С. 7.

[6] См.: Социалистическая индустрия. 1988. 8 нояб.

[7] XVI съезд ВКП(б). С. 223.

[8] Там же. С. 223, 224, 225.

[9] Там же. С. 225.

[10] См.: Вечерний Новосибирск. 1989. 1 апр.

[11] Письмо В. В. Ломинадзе Л. А. Шацкину (Семейный архив С. В. Ломинадзе).

[12] См. подробно: Диалог. Л., 1988. № 22. С. 17.

[13] Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы Президиума ЦКК.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Коллекция ЦГАОР СССР (Подготовительные материалы к заседанию ЦК и ЦКК ВКП(б).

[17] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1941. Ч. 2. С. 821.

[18] Коллекция ЦГАОР СССР (РОВС. Сведения о Советской России).

[19] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 44.

[20] См.: Нева. 1988. № 10. С. 153.

[21] Знамя. 1989. № 3. С. 36—37.

[22] IX съезд профсоюзов СССР: Стенографический отчет. М., 1933. С. 253.

[23] XVII съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 118.

[24] Там же. С. 119.

[25] Знамя. 1989. № 3. С. 53.

[26] См. там же. С. 53—54.

[27] См.: *Раскольников Ф. Ф.* За стенами Кремля // Неделя. 1988. № 33.

[28] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 87.

[29] Материалы к биографии В. А. Каврайского. Архив автора.

[30] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1984. Т. 5. С. 264.

[31] *Сталин И. В.* Соч. Т. 13. С. 96.

[32] Там же. С. 99—100.

Б. А. Старков

ДЕЛО РЮТИНА

Самое крупное выступление против режима личной власти Сталина относится к лету — осени 1932 г. Осведомленные круги Москвы были полны разговоров об этом, а иностранные дипломаты и разведчики информировали о случившемся свои правительства. Среди посягнувших на авторитет Сталина называли бывших руководителей Московской партийной организации, преподавателей Института Красной профессуры, представителей известной «школы» Н. И. Бухарина. В рассказах об этом содержались самые нелепые и фантастические сведения: будто бы некая группа лиц пыталась захватить Кремль, арестовать и убить Сталина, восстановить власть капиталистов и кулаков [1].

В партийных документах, в опубликованном в «Правде» постановлении Президиума ЦКК ВКП(б), повторенном потом в журнале «Партийная жизнь», эта группа именовалась как «контрреволюционная группа Рютина, Иванова, Галкина и др.». В следственных материалах ЦКК и ОГПУ значилась «контрреволюционная, антисоветская группа «Союз марксистов-ленинцев». Периодическая печать глухо сообщала «о ликвидации контрреволюционной банды». Четких объяснений не последовало, что также не было случайностью. Если выступление группы Сырцова — Ломинадзе — Шацкина, как уже подчеркивалось, ограничилось лишь рамками Политбюро ЦК ВКП(б), то на этот раз была попытка обращения непосредственно к широким партийным массам, ко всем членам партии.

В начале 30-х гг. в экономике страны уже начали сказываться последствия «чрезвычайщины». В результате сталинской индустриализации и коллективизации резко упала реальная заработная плата рабочих. На Дону, Кубани, Украине и Северном Кавказе разразился голод. Усиливалось недовольство города и деревни, что отражалось и на положении внутри партии. Все больше нарастало брожение среди рядовых членов партии, низового партийного актива. Фактически страна находилась на грани экономического и политического кризиса. Не случайно впоследствии, во времена «большого террора», именно

10 Заказ 459

1932 г. будет фигурировать на судебных процессах «врагов народа» как год «фактического объединения всех контрреволюционных сил из бывших оппозиционных группировок от троцкистов до бухаринцев» [2].

Центральной фигурой сопротивления сталинизму в это время стал видный деятель большевистской партии, активный участник гражданской войны и социалистического строительства Мартемьян Никитич Рютин. Долгое время его имя было выброшено из истории Коммунистической партии и советского общества, а характеристика его деятельности сопровождалась обычно эпитетами «контрреволюционная», «антисоветская». Постижение исторической истины стало возможным только в результате работы Комиссии Политбюро ЦК КПСС. Постановлением от 4 августа 1988 г. было восстановлено честное имя бесстрашного большевика. Перелистаем и мы страницы его политической биографии.

Мартемьян Никитич Рютин родился 13 февраля 1890 г. в семье крестьянина Никиты Павловича Рютина, деревенского плотника, в деревне Верхнее Рютино в 300 километрах севернее Иркутска. Эти места были определены царским правительством для ссылки, и поэтому первыми учителями Мартемьяна Никитича были политические ссыльные Виноградов и Перепелицын. Под их руководством он научился читать и писать, а затем, когда в соседнем селе открылась начальная школа, стал в ней лучшим учеником. В 13 лет он ушел на заработки в Иркутск, где работал сначала на кондитерской фабрике Карматских, а затем «мальчиком» в молочной лавке.

Трудно сказать, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы не случайная встреча с ссыльным социал-демократом Б. В. Марковниым. Он помог Рютину поступить учиться в Иркутскую учительскую семинарию. Начало учебы в семинарии совпало с первой русской революцией. По Сибири прокатилась волна революционных выступлений. Вместе с другими семинаристами М. Н. Рютин часто бывал на митингах, но политического смысла происходящих событий еще не понимал. После окончания семинарии он работал учителем в Шивере, где познакомился с марксистской литературой, работами В. И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, К. Каутского. В 1912 г., не имея формальной связи с партией, он создает марксистский кружок, в котором изучаются публикации в «Правде», «Просвещении», других периодических изданиях. Встречи с большевиками Постышевым, Вельманом, Гребневым и Петуховой, полемика по острым политическим вопросам в значительной степени определили политические взгляды М. Н. Рютина. В октябре 1914 г. он вступил в большевистскую партию.

В годы первой мировой войны М. Н. Рютин был мобилизован в армию и после окончания Иркутской школы прапорщиков был определен для прохождения службы в составе 618 Томской дружины в Харбине.

В марте 1917 г. прапорщик Рютин вышел перед строем и объявил солдатам о том, что в России произошла революция и самодержавие пало. Тогда же его избрали в состав Харбинского

Совета рабочнх и солдатских депутатов от воинскнх частей Харбинского гарннзона. С первых же дней он повел решительную борьбу протнв соглашательской политики меньшевиков и эсеров. Она особенно обострнлась весной—летом 1917 г., когда через Харбнн стали следовать группы возвращавшихся политнческих эмнгрантов. В мае представители меньшевнков н эсеров внеслн в Харбинский Совет предложенне: «Прибывших эмигрантов с большевистскими ндеями не отправлять в Россию, иначе они занесут заразу идей в сердце Россин н начнется анархня»[3]. Однако прннципиальная познция М. Н. Рютина и его сторонников позволила добиться принятия другого решения.

В конце нюля 1917 г. М. Н. Рютин выступил с требованнем о решительном органнзационном размежевании с меньшевиками. Был сформирован Харбннский комитет РСДРП(б), в состав которого вошлн Рютнн, Янгузов, Славнн, Летунов и другне.

26 октября 1917 г. в Харбнне прошла мощная демонстрацня рабочнх и солдат гарннзона под лозунгом «Вся власть Советам!». К этому времени уже поступили первые сведения о событиях в Петрограде, но многое пока оставалось неясным. Председатель Харбинского Совета М. Н. Рютин предложнл поддержать большевнков и взять всю полноту власти в свои руки[4].

Внутри Совета не было еднннства по вопросу захвата властн. Поэтому Рютин обратнлся за советом к Ленину. Тот телеграфировал: «Власть возьмнте. Первым делом устраните Хорвата, вазначьте своего комиссара дорогн, устраннте старых консулов в Харбнне, Куачен-дзы, Хайларе»[5].

Однако силы контрреволюцни на Дальнем Востоке н в Сибирн были значительно сильнее, чем в центре. Во главе контрреволюционного заговора стоялн бывший управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват и американскнй консул Мозер. Главной ударной снлой контрреволюцни стали белокитайские частн. 27 ноября 1917 г. китайскне властн предъявили ультиматум Совету о высылке из Харбина революционно настроенных 618 и 559 пеших воинскнх дружин, а также персонально большевиков Рютина и Славина. На заседании Совета ультиматум квалифицнровался как начало наступления контрреволюции. Однако требованию пришлось подчиниться. «Мы уходим отсюда не побежденнымн, а с поднятымн знаменамн ннтернацноналнзма, с прнзывом еще крепче сомкнуть свои ряды в борьбе со всеми врагами трудового народа»,— такими словами закончнл свое последнее выступление на заседании Харбинского Совета его председатель[6].

Весной и летом 1918 г. положение осложннлось. На Дальнем Востоке и в Снбири началась иностранная военная ннтервенцня, активнзировалась внутренняя контрреволюция, вспыхивали кулацкие мятежн. К лету 1918 г. большевистские организации Сибнрн вынуждены были перейти на нелегальное положение, партизанскне методы борьбы. М. Н. Рютин стал однмм нз наиболее прославленных партизанских командиров в Прибайкалье. Колчаковская контрразведка вела за ним настоящую охоту.

После освобождення Новониколаевска Красной Армией М. Н. Рютин работал в политотделе 5-й Армии и вместе с ее частями вернулся в Иркутск. В марте 1920 г. его выбрают председателем президиума Иркутского губкома партнн, затем делегатом X съезда РКП(б). В числе других военных делегатов он принимал участне в штурме фортов мятежного Кронштадта. В 1922 г. Мартемьян Никитнч был откомандирован в распоряжение Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) н несколько позднее избран секретарем Дагестанского обкома партнн. Там он быстро становится одним из самых популярных партийных

работников. О. Я. Карклин, проверяющий по поручению ЦК работу Дагестанской партийной организации, писал в ЦК РКП(б): «С кем бы я ни говорил о Рютине, все отзываются о нем очень хорошо». Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) даже приняло специальное решение добиваться от ЦК РКП(б) возвращения Рютина, отозванного в феврале 1924 г. в распоряжение ЦК. В 1925 г. он избирается секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы.

В то время это был, пожалуй, самый трудный участок в столичной партийной организации, положение которой было очень непростым в связи с выступлением Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева против линии большинства ЦК. На XIV съезде РКП(б) М. Н. Рютин еще был настроен непримиримо по отношению к «новой оппозиции». Как и многие профессиональные революционеры, делегаты съезда, он видел в основе их позиции личные амбиции, борьбу за политическую власть в партии и государстве. Поэтому с такой силой звучали его слова об особой опасности фракционности. «К содокладу,— говорил он,— мы должны отнестись, несомненно, с величайшим вниманием и с величайшей серьезностью. Содоклад делает член Политбюро Центрального Комитета нашей партии, содоклад делает председатель Коммунистического Интернационала, к голосу которого, естественно, должны прислушиваться не только члены нашей Российской Коммунистической партии большевиков, но и члены других коммунистических партий, объединяемых в Коммунистическом Интернационале. Мы имеем здесь, по существу, оформленную фракцию... Да, да, мы на съезде имеем оформленную фракцию, и мы имели содоклад тов. Зиновьева, который склонен был противопоставить и в той или иной мере противопоставлял свою линию и, очевидно, линию тех товарищей, которые особую позицию пытаются занять на съезде, линии Центрального Комитета нашей партии» [7].

Внутрипартийная борьба еще больше обострилась в 1926—1927 гг. после возникновения троцкистско-зиновьевского блока. Его лидеры пытались расколоть партийные организации, апеллировали к беспартийным массам Москвы и Ленинграда. Шла борьба за политическое лидерство, за власть, отнимающая лучшие интеллектуальные силы от решения насущных задач строительства социализма.

Секретарь Краснопресненского райкома партии М. Н. Рютин — один из активных борцов против троцкизма в Московской партийной организации. Позднее Троцкий, оценивая его роль во внутрипартийной борьбе

того периода, назовет его «завагитпропотделом у Угланова», «паровым катком прошедшим по партийным организациям столицы»[8]. Что же, основания для такого сравнения были. Превосходный оратор, талантливый публицист, М. Н. Рютин, как правило, появлялся в наиболее «горячих точках» борьбы с оппозиционерами: будь то завод «Авиаприбор» или Новодевичье кладбище, где оппозиция пыталась устроить политическую демонстрацию на похоронах известного советского дипломата А. А. Иоффе — сторонника Троцкого. Последний эпизод описан одним из современников: «На похоронах Иоффе оппозиция выступила вполне организованно, шла отдельной группой, пела революционные песни. На похоронах было много народу, более 5000 человек. На кладбище не хотели всех пускать, но кордоны милиции были прорваны. От Совнаркома и НКИД выступали Лежава и Карахан, которых фактически никто не слушал. Троцкий выступил от оппозиции, его после выступления качали. После этого от ЦК и МК с блестящей речью выступил секретарь райкома партии М. Н. Рютин. Его речь быстро привлекла к себе внимание, произвела сильное впечатление и превзошла выступление Троцкого»[9].

Обстановка накалилась к осени 1927 г., когда Троцкий и его сторонники уже совершенно определенно встали на путь создания своей партии. Был сформирован и функционировал так называемый «Московский центр», имевший представителей в каждой районной организации и специальную «военную организацию» по работе в РККА. Предпринимались попытки распространения агитационно-пропагандистской литературы. Рютин в числе других руководителей Московской партийной организации приложил много сил для того, чтобы сорвать троцкистско-зиновьевские демонстрации в Москве 7—8 ноября 1927 г. После этого оппозиционеры «окрестили» его главой «углановских хулиганов».

3 декабря на квартире Бакаева в Москве Л. Д. Троцкий на собрании членов блока прямо поставил вопрос об организационном отделении от РКП(б). Г. Е. Зиновьев и его сторонники выступили против и демонстративно покинули заседание. Блок распался. Итоги борьбы с оппозицией подвел XV съезд ВКП(б). Выступая на съезде, М. Н. Рютин резко критиковал организационные и идеологические установки оппозиционеров. Особое внимание он обратил на сделанное от имени всей оппозиции заявление Каменева о том, что у оппозиции нет програм-

мных расхождений с партией. Приведя в качестве примера основные положения платформы оппозиционеров, Рютин обосновал требование о полной безоговорочной капитуляции, не только организационной, но и идейной. «Напуганные трудностями и в то же время скучающие об этих самых трудностях, восхваляющие буржуазные свободы и в то же время фальшиво говорящие об укреплении пролетарской диктатуры, шедшие в одну дверь, попавшие в другую, загнанные логикой фракционной борьбы в тупик, они стоят перед выбором: или полная капитуляция перед партией, или переход в лагерь контрреволюции. Таковы сейчас наши оппозиционные герои. Партия не остановится перед оппозицией. Партия перешагнет через голову оппозиции, и оппозиция будет отброшена в мусорную яму истории»,— закончил свое выступление М. Н. Рютин. На XV съезде ВКП(б) он был избран кандидатом в члены ЦК партии [10].

Помогала ли эта сторона деятельности М. Н. Рютина становлению режима личной власти Сталина в партии и государстве? Объективно — да. Выступая против оппозиционеров, громя идейно и организационно инакомыслящих, он, как и другие партийные работники, в значительной степени способствовал деформации в области политического руководства, одной из существенных сторон которой была нетерпимость к инакомыслию. В выступлениях М. Н. Рютина мы не нашли славословий в адрес И. В. Сталина. Однако тем не менее субъективная честность, высокая партийность коммуниста Рютина, его бескомпромиссность в политической борьбе середины 20-х гг. объективно укрепляли позицию Сталина в партии и государстве. Эти же качества характера выдвинули Рютина в число наиболее авторитетных руководителей не только Московской партийной организации, но и всей партии. Документы свидетельствуют о том, что он часто присутствовал на заседаниях Политбюро.

Он много учился, упорно занимался самообразованием. Анализ пометок и замечаний, сделанных М. Н. Рютиным на страницах книг из его частично сохранившейся библиотеки, позволяет сделать вывод о том, что он особенно интересовался вопросами экономики, философии и истории революционного движения [11].

Особые отношения у Мартемьяна Никитича сложились с преподавателями из Института Красной профессуры, участниками так называемой «школы» Н. И. Бухарина — Д. П. Марецким, Я. Э. Стэном, А. Н. Слепковым и другими. На его квартире разгорались дискуссии по философским, экономическим вопросам, и хозяин неизменно поражал гостей своей эрудицией. Профессор ЛФЭИ им. Н. А. Вознесенского А. С. Нарнский, принимавший участие в то время в под-

готовке народнохозяйственного плана Краснопресненского района на 1928—1929 гг., вспоминает, как его поразило глубокое знание Рютиным специфических вопросов бухгалтерского учета. Он хорошо разбирался в сложных международных отношениях, в деятельности Коминтерна. Примером этого может служить его выступление на XII партийной конференции в прениях по докладу Н. И. Бухарина «О международном положении». Рютин блестяще дополнил положения доклада о процессе стабилизации капитализма и поставил вопрос об изменении тактики Коминтерна.

В семье было трое детей. Дочь Люба и два сына — Виссарион и Василий. Отец был для них учителем, старшим товарищем. Вся семья фактически жила его заботами. Позднее дети разделили участь отца.

Ситуация резко изменилась буквально через несколько месяцев после XV съезда ВКП(б). Группа Н. И. Бухарина выступила против чрезвычайщины в экономике, справедливо полагая, что она приведет к дисбалансу в промышленности и сельском хозяйстве, с одной стороны, с другой — к чрезвычайным мерам в политике.

Обстановка особенно накалилась к лету 1928 г., и Сталин вынужден был даже пойти на временные уступки. Однако, вскоре перейдя в наступление на группу Н. И. Бухарина, он попытался заручиться поддержкой руководства Московской партийной организации. Для этого в сентябре—октябре 1928 г. он встретился с секретарями, членами бюро МК, членами МКК, первыми секретарями райкомов партии. Беседуя с каждым в отдельности по 2—3 часа, генсек пытался склонить партийных активистов Москвы на свою сторону. Однако у наиболее авторитетных партийных лидеров Москвы — Угланова, Мороза, Мандельштама, Рютина, Пенькова его беспринципное предложение встретило отпор. По воспоминаниям Л. М. Рютиной, «отец пришел домой после встречи со Сталиным раздраженным, взволнованным и несколько раз повторил одну и ту же фразу: «Откуда он взялся? Действительно, этот повар будет готовить очень острые блюда» [12].

Стало ясно, что Московская партийная организация, и прежде всего ее руководители, не поддерживает генсека. Тогда Сталин обратился к другим методам. Началось шельмование руководства МК и рабочих парторганизаций. Неожиданно пошли разговоры о правой опасности, об отрицательных сторонах нэпа. Интересно, что терминология и аргументация обвинений были близки к каменевским выступлениям 1925 г.

8 октября 1928 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б)

при обсуждении резолюции по докладу Краснопресненского райкома неожиданно выступил Сталин:

«У меня вопрос к Рютину. Я читал резолюции активов всех районов по Москве, во всех районах, кроме Пресненского, дана определенная политическая установка относительно течения нейтралитета. Вопрос о примиренчестве в отношении к уклонам от ленинской линии. А Пресненский райком промолчал, обошел этот вопрос в резолюции актива. Почему, т. Рютин, чем это объяснить?»

Рютин: «Я буквально за полчаса до районного актива набросал резолюции. Никто принципиальных поправок не внес. В резолюции подчеркнута борьба с троцкизмом и с оппортунизмом. Я ни в какой мере не могу быть сторонником примиренческого отношения к правому или левому уклону. Если т. Сталин считает, что это не случайно — в моем распоряжении нет доказательств, которые говорили бы, что это случайно. Т. Сталин может говорить, что это не случайно, это право т. Сталина».

Сталин: «Все районные секретари догадались поднять этот пункт на обсуждение своих активов, а т. Рютин почему-то забыл об этом. Как это понять? Давайте говорить начистоту. Вы не ведете борьбу с примиренчеством, не отстаиваете линию ЦК. Может быть, вы человек смелый, но очень трудно поверить, чтобы ваша политическая ошибка была случайностью».

11 октября в споре по вопросу о самокритике, выступая против отстранения некоторых товарищей от руководства, М. Н. Рютин бросил такую фразу: «Что Вы ставите вопрос о тов. Сталине? Мы знаем, что у тов. Сталина есть свои недостатки, о которых говорил тов. Ленин».

15 октября группа членов Краснопресненского райкома обратилась с заявлением в Московский комитет партии о том, что секретарь райкома Рютин ведет примиренческую политику по отношению к правым уклонистам. «На последнем заседании бюро РК от 11 октября 1928 г. при обсуждении вопроса о самокритике Рютин и другие члены бюро вели недопустимую, безобразную линию, направленную против ЦК и линии партии»,— говорилось в этом заявлении. В нем прямо указывалось, что эти и другие факты свидетельствуют о том, что совершенно ненормальная обстановка сложилась в районной партийной организации в связи с неправильным руководством со стороны секретаря райкома Рютина [13].

Реакция последовала незамедлительно. 16 октября состоялось объединенное заседание Секретариата ЦК и МК ВКП(б) с участием председателя ЦКК Г. К. Орджоникидзе и членов президиума МКК. Специально рассматривалось положение в Московской партийной организации, и особенно вопрос о Рютине. Было принято

решение об освобождении его от обязанностей секретаря Краснопресненского райкома партии.

18 октября Политбюро ЦК утвердило текст Обращения ко всем членам Московской партийной организации. В этом Обращении, по сути дела, пересматривались решения XV съезда партии. Главное содержание социалистической реконструкции сводилось к проведению быстрыми темпами индустриализации и социалистической перестройки сельского хозяйства. Руководители Московской партийной организации обвинялись в примиренческом отношении к правому уклону.

Сталин потребовал созыва шестого внеочередного пленума МК и МКК ВКП(б). Он состоялся 18—19 октября 1928 г. В его работе участвовало 352 человека. Кроме членов и кандидатов в члены МК и МКК были приглашены партийные активисты Москвы, работники аппарата ЦК ВКП(б). В прениях выступило 36 человек. В докладе первого секретаря МК Н. А. Угланова была сделана попытка оценить деятельность тех, кто своими действиями взбудоражил Московскую партийную организацию. Однако Сталин и его сторонники хорошо подготовились к борьбе: большинство выступивших обвинили руководство МК в противопоставлении Московской партийной организации Центральному Комитету партии. В резкой форме критиковались те, кто еще год назад вел бескомпромиссную борьбу против троцкистско-зиновьевского блока.

19 октября на пленуме с докладом «О правой опасности в ВКП(б)» выступил И. В. Сталин. Опасность правого уклона он свел к недооценке сил врагов социализма, силы капитализма. Правый уклон, по его мнению, «не видит опасности восстановления капитализма, не понимает механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата и потому... идет на уступки капитализму... требуя облегчения для капиталистических элементов деревни и города, требуя отодвигания на задний план вопроса о колхозах и совхозах, требуя ограничения монополии внешней торговли и т. д. и т. п.»[14]

В докладе не называлось ни одного имени, он был безымянным. Это было в стиле генсека — переложить ответственность на низовой аппарат. В составе ЦК, по его выражению, были только самые незначительные элементы примиренческого отношения к правой опасности. «Ну, а как в Политбюро? Есть ли в Политбюро какие-либо уклоны? В Политбюро нет у нас ни правых,

ни «левых», ни примиренцев с ними. Это надо сказать здесь со всей категоричностью. Пора бросить сплетни, распространяемые недоброжелателями партии и всякого рода оппозиционерами, о наличии правого уклона или примиренческого отношения к нему в Политбюро нашего ЦК»[15],— говорил Сталин. Пройдет немногим более трех месяцев, и он назовет Бухарина, Рыкова, Томского фактически главарями правого уклона, а статья Бухарина «Заметки экономиста» будет объявлена антипартийной эклектической статьей, рассчитанной на замедление темпа развития индустрии и изменение нашей политики в деревне в духе известного письма Фрумкина[16].

Руководители Московской партийной организации Угланов, Рютин, Яковлев, Сафронов, Мороз, Михайлов, Мандельштам выступили на пленуме с признанием своих ошибок. М. Н. Рютин попытался объяснить свою позицию: «Споры в ЦК вызывали у нас, у многих членов бюро Московского комитета, беспокойство за сплоченность руководящего органа ЦК. И я стал на ту точку зрения, что низовые партийные организации, районные должны будут соответствующим образом воздействовать на руководящих товарищей, чтобы в их рядах были устранены разногласия, трения, которые возникли. Теперь приходится признать, что наш опыт показал, что буфер не только тогда, когда он возникнет в среде самих спорящих, но и тогда, когда этот буфер возникает со стороны, он не оправдывает своей роли. Это создало некоторую отчужденность, некоторую замкнутость Московской организации или, точнее, руководящей группы Московской организации от Центрального Комитета»[17].

22 октября 1928 г. пленум Краснопресненского райкома партии и РКК подтвердил снятие М. Н. Рютина с поста секретаря райкома за примиренческое отношение к правому уклону. От политического руководства были отстранены и те честные партийцы, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с «новой оппозицией», троцкистско-зиновьевским блоком. В результате Н. И. Бухарин был лишен поддержки и опоры в столичной партийной организации. Когда он вернулся из Кисловодска, все уже было позади, состоялись новые назначения. А вскоре, в первой половине 1929 г., после высылки Л. Д. Троцкого ему был надежно приклеен ярлык главы так называемого правого уклона в ВКП(б). К этому же времени относится и разгром Коммунистической

Академии, Иститута Красиой профессуры. Его проводил по указаиию Сталина Л. З. Мехлис. Бывшне руководители Московской партийиой организации были перемещеиы на такие посты, откуда оии уже не могли активно влиять на определеиие политической лииии и прииятие политических решений. Фактически от политического руководства партией и государством был устраиен целый слой иаиболее авторитетиых работииков. Это стало еще одним шагом на пути укреплеиия режима личной власти Сталииа.

М. Н. Рютии был иазиачен заместителем редактора газеты «Красиая звезда». Правда, он пока оставался каидидатом в члеиы ЦК ВКП(б), членом президнума ВСНХ. В 1929 г. его иаправили уполиомочениым ЦК ВКП(б) по осуществлеиию коллективизацин в Восточную Сибирь. Так после долгого перерыва Рютин снова оказался в родных местах, ио увидеииое там потрясло его. Он убедился, что практика осуществлеиия коллективизации привела к разрушеиию сельскохозяйствеииого производства, поиял, иасколько произвольио иа местах меиялся критерий оцеикн хозяйства. Так, середияка, который в годы гражданской войиы боролся с Колчаком, теперь объявляли кулаком и врагом Советской власти, экспроприировали. М. Н. Рютин увидел и другое: что перегибы в колхозиом движеиии ведут к росту недовольства крестьянства, деревия стоит иа грани граждаиской войиы, что эти перегибы отиюдь не случайиость и не ошибки местного руководства — все поощрялось и иаправлялось сверху, лично И. В. Сталииым и секретарем ЦК ВКП(б) Л. М. Кагаиовичем. Мартемьяи Никитич много беседовал с партнйиыми и советскими работиикамн, встречался с крестьяиами. По свидетельству совремеиников, ои принимал участие в деревеисккх сходах, в маевке на одиом нз островов Ангары [18].

Вернувшись в Москву, ои подготовил н иаправил в Политбюро ЦК ВКП(б) подробиое письмо о иедостатках и перегибах в колхозном движенин. В ием обосновывалась мысль, что, по сути дела, идет свертывание нэпа, отказ от решениий XV съезда ВКП(б) по работе в деревне. Письмо вызвало резко отрнцательиую реакцию Сталииа, но еще в большей степеин — Л. М. Кагаиовича, который бросил фразу: «Опять этот левша лезет не в свое дело». Одиако есть все основания полагать, что через несколько месяцев многие из положенний,

высказанных Рютиным, были использованы Сталиным в статье «Головокружение от успехов», а затем и в письме ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Вскоре Сталин еще раз «поставил на место» Рютина-теоретика.

В январе 1930 г. «Красная звезда» опубликовала статью М. Н. Рютина «Ликвидация кулачества, как класса». В ней автор, опираясь на решение XV съезда ВКП(б) «О работе в деревне», указывал, что переход к политике ликвидации кулачества как класса является логическим продолжением и прямо вытекает из политики вытеснения капиталистических элементов. Через номер в той же газете была опубликована статья И. В. Сталина «К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса». Он отмечал, что статья Рютина безусловно правильная, но при этом обращал внимание на две неточности в формулировках.

Первое замечание сводилось к формулировке: «Вытеснение капиталистических элементов города и деревни». Сталин весьма произвольно толковал ее как политику ограничения капитализма. Вторая неточность, по мнению Сталина, заключалась в неправильном понимании Рютиным политики ликвидации кулачества как класса. Сталин писал, что «...нынешняя политика партии в деревне есть не *продолжение* старой политики, а *поворот от* старой политики *ограничения* (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике *ликвидации* кулачества, как класса» [19]. Сталинские поправки сводили фактически на нет решения XV съезда о работе в деревне. По данным информотдела ЦК ВКП(б), эта статья привлекла внимание руководителей партийных организаций к борьбе с кулаками. В том же номере «Красной звезды» было опубликовано письмо Рютина, который признал правильность замечаний Сталина. Таким образом, Сталин дезавуировал Рютина.

В марте 1930 г. М. Н. Рютин назначается председателем Управления фотокинопромышленности ВСНХ СССР.

26 июня в Большом театре состоялось открытие XVI съезда ВКП(б). Мартемьян Никитич готовился выступать на нем по хозяйственному вопросу. Но уже во время съезда к нему неожиданно подошел Каганович и сказал: «Мы решили выставить вашу кандидатуру в ЦК» и предложил выступить по политическим вопро-

сам. Рютин понял, что стоит за этим предложением. Кроме выступлений Рыкова и Томского Сталину нужно было еще одно покаяние, еще одно осуждение правого уклона. Признание его заслуг из уст уже опального, но еще достаточно авторитетного оппонента. Рютин этого делать не стал. По его выражению, он увильнул от этого дела, хотя пообещал Кагановичу написать статью.

В сентябре в ЦК ВКП(б) поступило заявление члена партии с 1917 г. А. С. Немова о том, что, будучи на отдыхе в Ессентуках, Рютин вел разговоры антипартийного характера. Короткое содержание заявления сводилось к следующему: Рютин-де говорил, что политика правящего ядра в партии во главе со Сталиным губительна для страны и к весне 1931 г. наступит полнейшее ее банкротство. Эта политика в отношении пролетариата и крестьянства уже привела к резкому ухудшению экономического положения. По словам Рютина, Сталин проводит фактически троцкистскую экономическую политику. По вопросу о роли Генерального секретаря ЦК ВКП(б) Рютин якобы сказал: никаких генеральных секретарей больше не будет. Мы будем настаивать, чтобы руководство было коллективным. Ибо если будет Генеральный секретарь, то нет гарантии, что не повторятся те же комбинации и фокусы, которые проводятся Сталиным. Членов Политбюро придется чаще менять, чтобы они не засиживались, ибо в основном нынешний состав Политбюро оторван от масс.

Заявление Немова было передано в ЦКК. 21 сентября Рютин по предложению секретаря партколлегии ЦКК Ем. Ярославского и председателя партколлегии М. Ф. Шкирятова написал обстоятельную объяснительную записку по поводу обвинений, которые выдвигались Немовым. Он заявил, что сказанное Немовым на 99 процентов — самая гнусная ложь. Отрицая специальные встречи с ним, Рютин по пунктам опроверг основные положения заявления. Он писал: «Не слишком ли наивным болтуном (если бы я был правым) изображает меня Немов? Тут что-то не вяжется. Или, может быть, мы оба вели правые разговоры? Но тогда Немов не подал бы заявления. Это тоже абсурд». Он также высказал предположение, что это — попытка троцкистов свести с ним счеты. Однако аргументы Рютина не были приняты во внимание.

23 сентября на заседании Президиума ЦКК под пред-

седательством Павлуновского в составе Ярославского, Шкирятова, Сольца, Постышева, Трилиссера, Енукидзе и Назаровой слушалось дело Рютина. Присутствовал и заявитель — А. С. Немов. В выступлениях Ярославского, Шкирятова, Енукидзе основная вина Рютина усматривалась в критике Сталина. Тогда же Президиум ЦКК принял решение: «За предательско-двурушническое поведение и за попытку подпольной пропаганды правоуклонистских взглядов, признанных XVI съездом несовместимыми с пребыванием в партии, исключить М. Рютина из рядов ВКП(б)».

5 октября Политбюро ЦК ВКП(б) под руководством В. М. Молотова приняло аналогичное постановление. Исключенный из партии и снятый со всех постов, М. Н. Рютин работал экономистом в «Союзсельэлектро».

В ноябре того же года он был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации и пропаганде. Разведывательные службы белоэмигрантских организаций доносили своему руководству, что арест Рютина связан с его близостью к С. И. Сырцову и его окружению [20]. Однако, как выяснилось, оснований для ареста и осуждения Рютина не было. 17 января 1931 г. коллегия ОГПУ признала обвинения в его адрес недоказанными. М. Н. Рютин был освобожден. Но при этом его предупредили, что он будет непременно репрессирован, если не прекратит своих антипартийных действий [21]. Что в данном случае имелось в виду? Основанием для этого могли быть только те разговоры, которые он вел, выражая свое отношение к расправе, называя ее подлинного автора — Сталина.

К этому времени экономическая политика сталинского руководства все больше и больше доказывала свою несостоятельность. По существу, сбывалось предсказание Н. И. Бухарина о том, что чрезвычайные меры в экономике обернутся «чрезвычайщиной» в политике.

Подавлялись силой выступления крестьян, были организованы и прошли процессы над «вредителями»: «Шахтинское дело», процессы «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии». Требовался еще хотя бы один политический процесс. Однако посадить на скамью подсудимых пусть даже оппозиционеров, но все-таки старых заслуженных членов партии пока не решались. 1—9 марта состоялся судебный процесс по делу так называемого «Союзного бюро меньшевиков». Из 16 человек, проходивших по этому делу, только один Иков был дей-

ствительно связан с меньшевистскими организациями за границей. Это был последний из так называемых «запугивающих» процессов конца 20-х — начала 30-х гг. Именно здесь была отработана механика проведения будущих московских процессов, когда на скамье подсудимых оказалась старая большевистская гвардия, которая уже тогда, на рубеже 30-х гг., столкнулась со сталинщиной и выступила против нее.

К началу 30-х гг. в жизни партии произошли большие изменения. Исчезли внутрипартийные дискуссии, появилась нетерпимость к инакомыслию, резко сократилась роль теоретического предвидения в политике. Все это было выражением того, что мы теперь называем режимом личной власти Сталина. Органы ОГПУ в руках вождя превратились в орудие укрепления его личной власти. Главная задача, которая им определялась на этом этапе генсеком,— борьба с оппозицией в партии и государстве. В статье «Докатились», написанной Сталиным еще в 1928—1929 гг., говорилось: «*Подрывная* работа троцкистской организации требует со стороны органов Советской власти беспощадной борьбы против этой антисоветской организации. Этим объясняются те мероприятия ОГПУ, которые оно предприняло в последнее время для ликвидации этой антисоветской организации (аресты и высылки)» [22]. С наступлением 30-х гг. возможности открыто выражать свои взгляды фактически уже не было.

Среди старой большевистской гвардии была прослойка партийцев, которые не занимали видных руководящих постов в партийном и советском аппарате. Честные люди, они продолжали делать свое дело, но не могли мириться с наступлением на внутрипартийную демократию и пытались вернуть в партию ленинские традиции. Среди них особое место занимал потомственный питерский пролетарий, профессиональный революционер В. Н. Каюров, работавший в те годы заведующим секцией Центрархива. Он был одним из руководителей петроградских большевиков в дни февральской революции. Его хорошо знал В. И. Ленин. По свидетельству Н. К. Крупской, уже тяжело больной Ильич после публикации статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин» особо справлялся, читал ли ее В. Н. Каюров. Другим был М. С. Иванов, член партии с 1906 г., в то время — руководитель группы наркомата Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР.

Весной 1932 г. они вместе с М. Н. Рютиным составили ядро организации, получившей позднее иазвание «союз марксистов-ленинцев». Первоначально ими задумывалось изложить свои взгляды в письме в Цеитральный Комитет, но, поскольку время дискуссий уже прошло, такое обращение могло быть чревато серьезными последствиями. Поэтому они решили обратиться ко всем члеиам партии.

В иачале марта Рютин написал теоретическую работу «Сталии и кризис пролетарской диктатуры». В ней, в частности, говорилось: «Кризис партии охватил все стороны партийной жизни. Он находит свое выражение прежде всего в теории... В партии господствует невероятиый теоретический разброд и страх не только перед постановкой какой-либо новой теоретической проблемы, но и мало-мальски самостоятельной мысли». Эта работа стала практически платформой будущей организации. По предложению В. Н. Каюрова было решено на основе этой платформы подготовить манифест-обращение ко всем члеиам партии. Рютин составил текст этого документа. В его редактироваиии приняли участие В. Н. Каюров, М. С. Иванов, А. В. Каюров. Организационное оформление союза состоялось 21 августа 1932 г. в деревне Головино под Москвой, в доме члена ВКП(б) П. А. Сильченко.

На этом заседании обсуждался доклад Рютина «Кризис в партии и пролетарская диктатура», были приняты в качестве основы платформа и обращение к членам партии, подготовленные Мартемьяном Никитичем. Был избран комитет союза, в который вошли М. С. Иванов (секретарь), В. Н. Каюров, П. А. Галкин, В. И. Демидов, П. П. Федоров. Комитету было поручено окончательное редактирование принятых документов. М. Н. Рютии в состав комитета не вошел, так как формально не был членом партии, к тому же находился под наблюдением ОГПУ.

Второе заседание проходило на квартире М. С. Иванова. На нем был окончательно утвержден текст обращеиия и принято решение о распространении программиых документов при помощи личных контактов и рассылки их почтой [23].

«Союз марксистов-лениицев» ие ставил перед собой задач, отличных от интересов рабочего класса и крестьянства, партийных масс. В программных документах, наоборот, подчеркивалось, что союз «является частью

ВКП(б)... будет лишь наиболее последовательно и решительно выражать и защищать эти интересы. Он не противопоставляет себя партии, а противопоставляет лишь Сталину и его клике».

Что конкретно предлагала рютинская платформа?

В области внутрипартийных отношений:

1. Ликвидацию диктатуры Сталина и его клики;

2. Немедленный слом всей головки партийного аппарата. Назначение новых выборов партийных органов на основе подлинной внутрипартийной демократии и создание твердых организационных гарантий против узурпации прав партии аппаратом;

3. Немедленный чрезвычайный съезд партии;

4. Решительное и немедленное возвращение партии по всем вопросам на почву ленинских принципов.

В государственной области:

1. Немедленные новые выборы Советов и решительное действительное устранение назначенчества;

2. Смену судебного аппарата. Введение строгой революционной законности;

3. Смену и решительную чистку аппарата ГПУ.

В области индустриализации:

1. Немедленное прекращение антиленинских методов индустриализации и игры в ленинизм за счет ограбления рабочего класса и крестьян в деревне, за счет прямых и косвенных, откровенных и замаскированных налогов и штрафов. Проведение индустриализации на основе действительного и неуклонного роста благосостояния масс;

2. Приведение вложений в капитальное строительство в соответствие с общим состоянием всех наличных ресурсов страны.

В платформе определялись также задачи сельского хозяйства, торговли, финансов и социально-экономической политики.

Члены партии призывались не ждать начала борьбы сверху, начинать ее снизу. М. Н. Рютин считал, что эту борьбу за ленинизм не могут возглавлять бывшие лидеры троцкистско-зиновьевской оппозиции, вожди правого уклона. «Надо рассчитывать на свои силы. Выдвинутся новые вожди, новые организаторы масс... она потребует гигантских усилий, даже после свержения диктатуры Сталина потребуются многие, многие годы для исправления положения». Можно считать, что политические и теоретические взгляды М. Н. Рютина в отдельных случаях носили спорный, дискуссионный характер, но нигде и никогда в его высказываниях не содержалось призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти. Не было в документах и призывов к контрреволюционным действиям, террору, саботажу, диверсиям.

Обращение «Ко всем членам ВКП(б)» во многом повторяло основные мысли и идеи платформы, но отличалось от нее прямым призывом к практическим дей-

ствиям, чтобы изменить существующее положение. Написанное от имени всесоюзной конференции «союза марксистов-ленинцев» обращение констатировало факт, что, опираясь на мощный партийный аппарат, «Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти».

Рютин подверг резкой критике сталинскую практику социалистического строительства. «Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляция, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городе»,— говорилось в обращении.

М. Н. Рютин указывал, что промышленность работает с половинной нагрузкой, качество продукции в результате погони за темпами чрезвычайно низкое, что личная заинтересованность в ведении сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях. «Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране... В перспективе — угроза сильнейшего голода на будущий год».

Серьезный кризис переживала внутренняя торговля в условиях обесценивания червонца и повышения цен. На почве бестоварья росла спекуляция, планирование превратилось в очковтирательство и обман, экономика страны все больше дезорганизовывалась. Рютин показывал, как экономический кризис неизбежно ведет к политическому: «Восстания крестьян с участием в них членов партии и комсомола непрерывной волной разливаются в последние годы по всему Советскому Союзу. Забастовки рабочих, несмотря на свирепый террор, аресты, увольнения и провокации, вспыхивают то там, то здесь».

Особое место в рютинских документах уделялось положению в партии. С тревогой в них констатировалось, что Сталин и его окружение извращают и фальсифицируют учение Маркса и Ленина. «Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, а коллективное руководство — системой доверенных людей.

Центральный Комитет стал совещательным органом при «непогрешимом» диктаторе, а областные комитеты — бесправными придатками при секретарях обласкомов.

Политбюро, Президиум ЦКК, секретари областных комитетов в результате происшедших изменений в жизни партии и «18 брюмера Сталина» превратились в банду беспринципных изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин в неограниченного и несменяемого диктатора... Всякая живая большевистская партийная мысль угрозой исключения из партии, снятием с работы и лишением всех средств к существованию задушена; все подлинно ленинское загнано в подполье; подлинный ленинизм становится в значительной мере запрещенным, нелегальным учением».

В обращении «Ко всем членам ВКП(б)» достаточно убедительно проводилась мысль о перерождении партийного аппарата, который «в ходе развития внутрипартийной борьбы и отсечения одной руководящей группы за другой вырос в самодовлеющую силу, стоящую над партией и господствующую над ней, насилующую ее сознание и волю. На партийную работу вместо наиболее убежденных, наиболее честных, принципиальных, готовых твердо отстаивать перед кем угодно свою точку зрения членов партии чаще всего выдвигаются люди бесчестные, хитрые, беспринципные, готовые по приказу начальства десятки раз менять свои убеждения, карьеристы, льстецы и холуи».

Рютин обращает внимание членов партии на состояние Советов и профсоюзов, которые, по сути дела, перестали выполнять свои функции: «Советы доведены за последнее время до роли убогих придатков партийного аппарата, из органов близких и родных массам, превра-

щены в бездушную бюрократическую машину. Профсоюзы из школы коммунизма, где рабочие должны воспитываться в духе сознательного отношения к социалистическому производству и в то же время получать защиту от бюрократических извращений рабочего государства, превращены в подсобный орган нажима на рабочих и расправы с инакомыслящими.

Печать, могучее средство коммунистического воспитания и оружие ленинизма, в руках Сталина и его клики стала чудовищной фабрикой лжи, надувательства и терроризирования масс». Кризис ВКП(б), констатирует автор обращения, привел к кризису Коминтерна. «Коминтерн из штаба мировой революции низведен до роли простой канцелярии Сталина по делам компартий, канцелярии, где сидят трусливые чиновники, послушно выполняющие волю своего начальника».

Особенно резкие характеристики были направлены в адрес Сталина и его окружения. «По своему объективному содержанию роль Сталина — это роль Азефа ВКП(б), пролетарской диктатуры и социалистического правительства»,— такой вывод делал М. Н. Рютин.

«Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики». «Ложью и клеветой, расстрелами и арестами, пушками и пулеметами, всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и стране, ибо они смотрят на них как на свою вотчину». «Опасения Ленина в отношении Сталина — о его нелояльности, нечестности и недобросовестности, о неумении пользоваться властью — целиком и полностью оправдались: Сталин и его клика губят дело коммунизма, и с руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее».

«Союз марксистов-ленинцев» предлагал также программу по оздоровлению партии и государства. Главным условием достижения этого союз считал возвращение к ленинизму. «Партийные и рабочие массы обязаны спасти дело большевизма, они обязаны свою судьбу взять в свои собственные руки. Сталин и его клика не уходят и не могут добровольно уйти со своих мест, поэтому они должны быть устранены силой». В первую очередь ставилась задача «непримиримо бороться против сталинских методов и темпов индустриализации на основе невиданного разорения, обнищания и голода

всей страны, ибо такая индустриализация не является подлинно социалистической и не может вести к построению социалистнческого общества».

Союз призывал к всемерному содействию действительно добровольной коллективизации, однако здесь в первую очередь предлагалось «решительно бороться против насильственной сталинской коллективнзации, так как она в корне противоречит программе партии и Коминтерна и на практике потерпела полное банкротство». Особо указывалось на необходимость активно выступать против «разжигания классовой борьбы и гражданской войны в условиях пролетарской диктатуры, ибо такое разжигание подрывает и дезорганизует рабочее государство и социалистическое строительство».

В обращении также подчеркивалось, что в свете переживаемых событий «старые внутрипартийные группировки безнадежно устарели и теряют свое значение, история поставила перед нами вопрос не о тех или иных ошибках или оттенках в понимании отдельных вопросов ленинизма, а о самом существовании большевистской партии и рабочего государства. Основной водораздел партин проходит в настоящее время не по линии «за Троцкого или против», «за Бухарина или против», а за продолжение сталинского руководства и неизбежную гибель ленинской партии и Советской власти или за ликвидацию сталинщины, спасение ВКП(б) и пролетарской диктатуры»[24]. Именно эти слова впоследствии сыграли роковую роль в судьбе М. Н. Рютина.

Таким образом, документы, подготовленные Рютиным, поднимали очень острые принципиальные вопросы об изменении взаимоотношений государственных и партийных органов, о демократизации всех сторон жизни советского общества. Подчеркнем еще раз, в них не было даже намека на организацию террора, захват власти н, уж более того, реставрацию власти помещиков и кулаков, в чем впоследствии обвиняли Рютина и «союз марксистов-леннинцев». А вот требование устранить Сталина от полнтического руководства было. Так, в работе «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» при общем объеме до 167 страниц этому вопросу было отведено около 50. Они были написаны очень эмоционально и производили сильное впечатление на читателя. Сталин представал в них как злой гений русской революции, и поэтому «каждый член партии, кому дороги завоевания Октября и дело социализма, должен быть органи-

зующим центром для объединения вокруг себя преданных, честных, надежных товарищей» для самоотверженной борьбы против репрессий и изменника делу ленинизма [25].

Анализ документов «союза марксистов-ленинцев» позволяет сделать вывод о том, что прежде всего они были направлены против режима личной власти Сталина. Они не призывали к свержению, подрыву, ослаблению Советской власти, к контрреволюционным выступлениям. Следствием так и не было доказано, что члены союза имели связи с антисоветскими организациями. Поэтому его квалификация как антисоветской, антипартийной, контрреволюционной организации вряд ли может быть принята. Другое дело, что резкая антисталинская направленность документов, обращение к «партийным низам» вызвали серьезные опасения со стороны самого Сталина и его окружения. Но об этом несколько позже.

С обращением почти сразу же ознакомилась группа профессоров из Института Красной профессуры: А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, П. Г. Петровский, Я. Э. Стэн и другие. Через Я. Э. Стэна оно стало известно Г. Е. Зиновьеву и Л. Б. Каменеву. Они даже внесли в текст ряд поправок. О его содержании знали В. А. Тер-Ваганян, А. Ю. Айхенвальд, А. Д. Зайцев, С. И. Кавтарадзе, П. С. Виноградская, С. В. Мрачковский, М. Е. Равич-Черкасский, С. П. Медведев, М. А. Палатников и другие. Этот круг постоянно расширялся. Срабатывал принцип «прочитал, передай другому».

Документы союза распространялись в Москве, Харькове, Белоруссии, их читали работники Коминтерна. Известно, например, что к ним с одобрением отнеслись некоторые руководители Коммунистической партии Польши [26].

14 сентября 1932 г. в ЦК ВКП(б) поступило заявление от членов партии Н. К. Кузьмина и Н. А. Стороженко. В нем сообщалось, что они получили от А. В. Каюрова обращение «Ко всем членам ВКП(б)». На основании этого заявления и агентурно-оперативных сведений, поступивших в ОГПУ, 15 сентября была арестована большая группа членов «союза марксистов-ленинцев». Среди них — М. С. Иванов, В. Н. Каюров, А. В. Каюров, В. В. Демидов. Основная группа была арестована 22—23 сентября. М. Н. Рютина арестовали в Ессентуках 22 сентября. На первом же допросе в ОГПУ, который

проводил заместитель председателя ОГПУ В. А. Балицкий, 24 сентября М. Н. Рютин заявил, что к решению начать борьбу против Сталина он пришел еще в мае 1928 г. А 28 сентября на очередном допросе он сделал следующее заявление: «Никаких вдохновителей за мной не стояло и не стоит. Я сам был вдохновителем организации, я стоял во главе ее. Я один целиком писал и платформу, и Обращение» [27].

27 сентября Президиум ЦКК принял решение об исключении из партии 14 активных участников «союза марксистов-ленинцев». В постановлении Президиума ЦКК предлагалось ОГПУ выявить всех членов контрреволюционной группы Рютина и закулисных вдохновителей и отнестись к этим белогвардейским преступникам, не желающим раскаяться до конца, со всей строгостью революционного закона и сообщить всю правду о группе и ее вдохновителях.

Допрашивал Рютина начальник СПО ОГПУ Г. А. Молчанов. Следствие не могло поверить, что автором документов мог быть один М. Н. Рютин. Очевидно, поэтому к делу были приобщены и читавшие обращение. 26 сентября был арестован профессор Ростовского педагогического института А. Н. Слепков, а 27-го ученый секретарь Академии наук СССР Д. П. Марецкий. Усилиями «романистов» из ОГПУ рождалась версия о грандиозном контрреволюционном заговоре.

2 октября 1932 г. состоялось заседание специально созванного Объединенного Пленума ЦК и Президиума ЦКК. И. В. Сталин проинформировал о деле Рютина и предложил следующий текст резолюции:

«1. Одобрить постановление ЦКК об исключении из партии членов контрреволюционной группы Рютина — Слепкова, именовавших себя «союзом марксистов-ленинцев».

2. Пленум ЦК и Президиум ЦКК поручают Политбюро и Президиуму ЦКК принять самые решительные меры для полной ликвидации деятельности белогвардейской контрреволюционной группы Рютина—Слепкова, их вдохновителей, их укрывателей.

3. Пленум ЦК ВКП(б) и Президиум ЦКК считают необходимым немедленное исключение из партии всех, знавших о существовании этой контрреволюционной группы, в особенности читавших ее контрреволюционные документы и не сообщивших об этом в ЦКК и ЦК ВКП(б), как укрывателей врагов партии и рабочего класса.

И. Сталин» [28].

В свою очередь участники пленума проинформировали о деле Рютина узкий круг коммунистов. Один из

блестящих организаторов советской военной разведки, В. Кривицкий, вспоминал, как секретарь партийной ячейки контрразведки попросил его посетить секретное заседание, на котором «наш начальник генерал Берзин (он имел тогда звание комкора.— *Б. С.*) должен был сделать сообщение по делу Рютина. Секретарь проинформировал меня, что не все члены ячейки приглашены на заседание, так как дело было сугубо секретным» [29].

9 октября Президиум ЦКК под председательством Я. Э. Рудзутака рассмотрел вопрос «О контрреволюционной группе Рютина—Иванова—Галкина и др.». Докладывал его секретарь ЦКК Е. Ярославский. Все участники «союза марксистов-ленинцев» квалифицировались как «враги коммунизма и Советской власти, как предатели партии и рабочего класса, пытавшиеся создать подпольным путем под обманным флагом марксизма-ленинизма буржуазную кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества».

Особым пунктом постановления предлагалось: «Коллегии ОГПУ по отношению ко всем организаторам и участникам контрреволюционной группы принять соответствующие меры судебно-административного характера, относясь к ним со всей строгостью революционной законности» [30]. Е. Ярославскому и М. Шкирятову поручалось согласовать текст постановления с секретариатом ЦК ВКП(б) (то есть со Сталиным.— *Б. С.*), а также разработать вопрос «о порядке разъяснения настоящего постановления». Это делалось специально, не так просто было убедить столичный партактив, что Рютин и его сторонники, которых хорошо помнили в Московской партийной организации, вдруг стали контрреволюционерами.

24 активных участника союза были исключены из рядов ВКП(б). В том числе как организаторы контрреволюционной группы — П. А. Галкин, М. С. Иванов, П. М. Замятин, П. П. Федоров, В. И. Демидов, В. Н. Каюров; за распространение и содействие контрреволюционной группе — А. В. Каюров, А. Н. Слепков, Д. П. Марецкий, М. И. Мебель, Г. Е. Рохкин, Б. М. Пташной, С. В. Токарев, Н. П. Каюрова, К. А. Замятина-Черных; знавшие о существовании контрреволюционной группы и скрывшие это от партии — Н. И. Колоколов, В. Б. Горелов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев. Исключены с пра-

вом восстановления через год Я. Э. Стэн (действительно в 1934 г. он был восстановлен в партии.— *Б. С.*), П. Г. Петровский, Н. А. Угланов, М. Е. Равич-Черкасский.

Многие из исключенных, в частности Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, были виновны только в том, что читали обращение. 11 октября коллегия ОГПУ в составе В. Р. Менжинского, Г. Г. Ягоды, В. А. Балицкого в присутствии помощника прокурора по ОГПУ Прусса во внесудебном порядке вынесла приговор в отношении лиц, проходивших по делу «союза марксистов-ленинцев», и их пособников.

Однако этим дело не кончилось. Неожиданно 15 октября в 3 часа ночи начальник СПО ОГПУ Г. А. Молчанов дал распоряжение следователю М. М. Ланцевицкому и секретарю СПО ОГПУ В. А. Кучерову произвести раскопки в доме П. А. Сильченко с целью изъятия подлинника рютинской платформы. В 1961 г. В. А. Кучеров давал объяснения в Комитете партийного контроля, что все это было произведено на основании признаний Сильченко, полученных следователем Ланцевицким. Среди найденных самых разнообразных бумаг в распоряжении сотрудников ОГПУ оказалась и машинописная копия работы «Сталин и кризис пролетарской диктатуры». В нее, как впоследствии выяснилось, были включены фрагменты из «антисоветских» писаний. Так что ходившие по Москве слухи, что «платформа» не что иное, как «сочинение романистов» из ОГПУ, были не без оснований [31].

«Дело» получило широкий резонанс, так как отражало настроения определенной прослойки партийных «низов» и руководителей среднего звена. Если ранее Каменев и Зиновьев обвинялись в стремлении, по их же выражению, «ухватиться за руль в партии и государстве», Бухарин был дискредитирован перед партийной массой как «беспринципный политикан», пошедший на союз с Каменевым, выступление Сырцова фактически не имело какой-либо поддержки партийных «низов», то с Рютиным было сложнее, так как он выражал мнение широких демократических слоев в партии. Сам М. Н. Рютин не стремился занять высокие партийные и государственные должности, боролся только за идею, только за истину, только за ленинизм и социализм. В этом была его наибольшая опасность для режима личной власти Сталина. Для дискредитации Рютина Ста-

лиину нужны были признаиия самого Рютина, и оии были получеиы.

Факты свидетельствуют о том, что на допросах Мартемьян Никитич призиал свое авторство «платформы» и подписал все показаиия, которые от иего требовали, в том числе и «покаяиие» в содеяиином. В ходе следствия к иему были применеиы все меры физического и моральиого воздействия. Коллегия ОГПУ приговорила его к расстрелу. Л. М. Рютииа вспомииает, что уже после выиесеиия смертиого приговора оиа с матерью была иа свидании у отца. Оио происходило в кабииете следователя, который вел его дело, при этом присутствовал какой-то высокопоставлеииый чии из ОГПУ. «За эти две иедели,— рассказала дочь Рютииа,— он поседел. Отец отвериулся к окну, вздохиул и несколько раз повторил: «Вас не троиут. Я подписал все, что ои требовал»[32]. Ясно, что речь шла о Сталиие.

До этого случая в отношеиии заслужеииых деятелей партии смертиая казиь ие примеиялась. Сталин выиес вопрос о судьбе Рютина на Политбюро. Обсуждеиие его было острым. Самым сильиым аргумеитом Сталина стали сводки ОГПУ о росте террористических иастроений среди рабочей, крестьяиской, и особенно студенческой молодежи. К этому времени действительио иаблюдался ие только рост таких иастроений, ио и случаев иидивидуального террора против представителей Советкой власти и партийиых работииков иа местах. С 1928 г. эти сводки поступали только к Сталииу, ои категорически запретил Ягоде иифомировать остальиых члеиов Политбюро о действительном иакале классовой борьбы. На этом заседании Сталии доказывал, что политически будет иеверно и нелогично сурово наказывать исполиителей, а пощадить того, чья политическая проповедь остается теоретическим обосиоваиием подобной политики. Он говорил, что не надо размениваться иа мелочи, а ударить по самой головке, ибо платформа Рютина является не чем ииым, как обосиоваиием убрать его, то есть Сталииа[33].

Однако члены Политбюро иашли в себе мужество ие согласиться со Сталииым. Резко и иаиболее опредлелеиио против выиесения смертного приговора Рютииу высказался С. М. Киров, которого поддержали Г. К. Орджоникидзе и В. В. Куйбышев. При голосоваиии Л. М. Каганович и В. М. Молотов воздержались. Сталин потерпел поражеиие, но ои был достаточно осторожеи, чтобы до-

водить дело до острого конфликта. Жизнь Рютину была сохранена, а смертный приговор был заменен 10 годами тюремного заключения. Однако и тут был свой расчет. Дело в том, что статья, по которой Рютин был осужден, гласила: «высшая мера наказания или с заменой на 10 лет тюремного заключения». Сталин сделал первую попытку перейти к открытому террору против старой партийной гвардии.

В декабре 1932 г. состоялось совещание представителей республиканских, краевых и областных коллегий ОГПУ, в работе которого принимали участие от ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович и от ЦКК Я. Э. Рудзутак. По указанию И. В. Сталина на совещании специально обсуждался вопрос об ужесточении репрессий против остатков оппозиционных группировок в ВКП(б). В частности, всем руководителям исправительно-трудовых учреждений предлагалось усилить и без того уже достаточно строгий режим содержания бывших оппозиционеров в политизоляторах и местах ссылок. На этом же совещании впервые была высказана мысль о существовании внутри партии и государства широкого контрреволюционного заговора.

Особую роль в создании фантасмагории рютинского заговора сыграли Зиновьев и Каменев. Известно, что Зиновьев сделал ряд поправок и добавлений к программным документам «союза марксистов-ленинцев». Однако позднее на допросах в ЦКК он от всего написанного им отрекся и многое из того приписал М. Н. Рютину. Еще дальше в этом направлении пошел Каменев. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) он сказал, что выступления оппозиций открыли брешь в монолитной крепости большевизма, через которую полились волны мелкобуржуазной и буржуазной контрреволюции. Первую он связывал с деятельностью Троцкого, вторую с деятельностью правого уклона, и прежде всего Бухарина, третьей, по его выражению, была «...идеология совершенно оголтелого кулачья... идеология рютинцев, такая же куцая, как куц тот обрез, которым кулацкие последыши стреляли в коммунистов, проводивших коллективизацию. С этой идеологией, которой мы, хотя бы пассивно, помогали, с этой идеологией бороться теоретическим путем, путем идейного разоблачения было бы странно. Тут требовались другие, более материальные орудия воздействия, и они были применены и к самим членам этой группы, и к ее пособникам, и к ее укрыва-

телям, и совершенно правильно и справедливо применены были и ко мне»[34].

Дело Рютина приобрело своеобразный политический резонанс в работе органов государственной безопасности и контрольных органов партии, которые получили «сверху» ориентировку на усиленный поиск, разоблачение и пресечение деятельности оппозиционных групп. Примером этого может послужить так называемое Мозырское дело, которое проходило в органах партийного контроля и государственной безопасности Белоруссии сразу же после того, как в Москве были арестованы и осуждены Рютин, Иванов, Галкин, Каюров и другие участники «союза марксистов-ленинцев». Это дело находилось под особым контролем полномочного представителя ОГПУ в Белоруссии Л. Заковского, Центральной Контрольной Комиссии Белоруссии и ЦКК ВКП(б).

В материалах партследствия и уголовного дела говорилось, что в Мозырской партийной организации была выявлена антипартийная контрреволюционная группировка, которая оформилась на основе контрреволюционных взглядов Рютина, Иванова, Галкина. Группа состояла из бывших партийных и советских работников хозяйственных органов. В нее входили В. Б. Готлиб, И. П. Зеленко, З. И. Комиссарчик, И. В. Шумский, И. М. Малкин и другие. В материалах следствия отмечалось, что «под видом вечеров с выпивкой участники группы на своих встречах высказывали антипартийные, контрреволюционные взгляды и установки, обсуждали политику партии в области индустриализации, реконструкции сельского хозяйства и другие вопросы политики. В результате обсуждения приходили к выводам, что политика неправильная и ее необходимо изменить»[35].

Никакого оформления в виде документов, платформ и обращений эти взгляды не получили. Однако следственные материалы представили целую программу этой организации: «В области экономики: чтобы облегчить экономическую политику, надо шире проводить концессионную политику, сократить объемы капитального строительства. Коллективизацию необходимо приостановить и бросить все силы на укрепление созданных колхозов и совхозов. В области партийного руководства: Сталин не является лидером партии и скоро со своей политикой останется один». На допросах в ГПУ члены группы дали показания, что особо поднимался вопрос о вовлечении в нее партийных работников и ответственных работников ГПУ. Зарождение ее относили к весне 1932 г., а уже в августе она целиком приняла контрреволюционные установки, идейно родственные группе Рютина—Иванова—Галкина.

В материалах партийного расследования, которое проводили работники ЦКК ВКП(б), указывалось, что Готлиб, Зеленко и Шумский в своих признаниях «не вскрыли роль контрреволюционной организованной группировки». Тогда за дело взялись специалисты из ГПУ под непосредственным руководством Заковского. В оперативной сводке по агентурно-следственному делу «О контрреволюционной группировке в г. Мозыре», направленной в ЦК КП(б)Б и ОГПУ СССР, указывалось, что дополнительным расследованием установлено наличие такой контрреволюционной группировки, инициатором которой был Готлиб. Далее следовали признания, полученные дополнительно. В заключение делался вывод о наличии в Мозыре контрреволюционной группы рютинского направления, инициаторами которой называли ответственных партийных работников ЦК Белоруссии, ранее работавших в Мозыре, и Готлиба[36].

Все это понадобилось Заковскому, с одной стороны, для того,

чтобы скомпрометировать ответственных партийных работников, и с другой — доказать свою расторопность перед вышестоящим руководством. 11 декабря 1932 г. решением Президиума и Партколлегии ЦКК КП(б)Б 9 членов этой группы были исключены из партии, а 12 декабря коллегия ГПУ Белоруссии под председательством Заковского вынесла в отношении их суровые приговоры[37]. В дальнейшем судьба этих людей сложилась трагически. Они стали первыми жертвами в годы «большого террора». После этого дела Заковский сделал карьеру, его служебное рвение было отмечено. Он стал одним из заместителей Ежова и был репрессирован в 1939 г.

М. Н. Рютин находился сначала в заключении в Верхне-Уральском политизоляторе, а затем в мае 1933 г. был переведен в Суздальскую тюрьму. Даже там он, заключенный одиночной камеры № 22, продолжал свою неравную борьбу. Кроме того, он занимается воспитанием и образованием своих детей: более 150 писем было отправлено им семье. Много сил отдает и самообразованию. Он готовился к будущей борьбе. Без борьбы за идеалы ленинизма он себя уже не мыслил. Сохранилось свидетельство, как М. Н. Рютин отказался выходить на прогулку вместе с меньшевиками. Он остро реагирует на события политической жизни, дает характеристики политическим деятелям, деятелям культуры, острая политическая интуиция позволила ему сделать ряд блестящих прогнозов относительно развития событий в СССР... Между тем Сталин перешел к физическому уничтожению старой партийной гвардии. Летом 1936 г. контрольные органы партии под председательством секретаря ЦК ВКП(б) Н. И. Ежова проверяли работу органов НКВД. Один из серьезных недостатков работы ГУГБ НКВД СССР, по мнению проверяющих, заключался «в чересчур либеральном отношении к находящимся в заключении оппозиционерам». Нарком внутренних дел, генеральный комиссар государственной безопасности Г. Г. Ягода уже не устраивал И. В. Сталина. После первого московского процесса над Каменевым и Зиновьевым в партии и государстве, особенно среди старых большевиков, мало кто верил, что они стали террористами. Сталин видел в этом серьезную недоработку Ягоды.

В октябре 1936 г. новый нарком внутренних дел Ежов распорядился о проведении доследования по делу Рютина. Фактически это было новое следствие. М. Н. Рютин был арестован прямо в одиночной камере суздальского политизолятора. При аресте он оказал сопротивление. Тогда к нему применили силу, надели наручники и под

спецконвоем, в спецвагоне доставнлн, по распоряжению Люшкова, одного из заместителей начальиика отдела ГУГБ НКВД СССР, во внутреинюю тюрьму НКВД. Тот же Молчанов, который допрашивал Рютина в 1932 г., и его подручный Берман предъявилн ему новое обвннение в терроре. Но Рютни н здесь продолжал бороться.

4 иоября 1936 г. он обратился с заявлением в Презндиум ЦИК СССР, в котором решительно протестовал против предъявленных ему обвннений. «Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду. Ннкогда террорнстическнх взглядов н настроений ие нмел н ие имею. Нигде, никогда, ннкому, никакого сочувствия террору ие высказывал н относнлся к иему всегда враждебно. Новое «толкованне» отдельных цитат из «документов» как террорнстическнх — является явно прнстрастным н тенденцнозным»,— писал он. М. Н. Рютнн обращал вннмание, что ии Политбюро, которое знакомнлось с его делом, нн коллегия ОГПУ, вынесшая прнговор, ин Презндиум ЦИК, контролирующий работу нсполннтельных органов, не нашли ннкриминируемого ему теперь обвинения в терроре. «Будучн глубочайше убежден в своей невнновностн в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвннение абсолютно незаконным, произвольным н прнстрастиым, продиктованным исключнтельно озлобленнем н жаждой новой, на этот раз кровавой расправы надо мной, я, естественио, категорически отказался и отказываюсь от дачи всяких показаний по предъявленному мне обвнненню. Я не намерен и не буду на себя говорить неправду, чего бы мне это нн стоило».

В конце заявления, обращаясь с просьбой защнтнть от произвола следствня, М. Н. Рютин писал: «Я, само собой разумеется, ие страшусь смертн, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее прнготовит. Я заранее заявляю, что я не буду проснть даже о помнловаиии, ибо я не могу каяться и проснть прощення нлн какого-либо смягчеиня наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен. Но я не могу и ие намерен спокойно терпеть творнмых иадо мной беззакоинй н прошу меия защитнть от иих.

В случае неполучеиня этой защиты я еще раз вынужден буду пытаться защнтить себя тогда темн способами, которые в такнх случаях едннствеино остаются у беззащнтного, бесправного, связанного по рукам н ногам, наглухо закупоренного от внешнего мнра н невинно преследуемого заключеиного» [38].

Какие средства оставались в распоряжении М. Н. Рютина? Голодовка? Он объявлял ее. Самоубийство? Его бдительно охраняли. Уже вовсю готовились последующие московские процессы. Нужны были показания о терроре, антисоветской контрреволюционной деятельности. Но М. Н. Рютин таких показаний не дал. Еще одна попытка Сталина поставить его на колени не удалась. Показания против него давали другие. Среди них — К. Б. Радек, Я. Э. Стэн.

Итак, ничто не могло сломить большевика Рютина. Лжесвидетельствовать, давать ложные показания он категорически отказался. Кстати, заметим, что в это время и Н. И. Бухарину было предъявлено обвинение ни много ни мало как в соавторстве рютинско-слепковской контрреволюционной платформы. На февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г. Н. И. Бухарин с негодованием отверг эти обвинения. Но 1 июня 1937 г. в заявлении на имя Ежова, а затем в показаниях на допросе 2 июня он согласился, что «рютинская платформа» отражала его взгляды, как и взгляды его единомышленников, что теоретики «бухаринской школы» взяли платформу в основу своих разработок решения конкретных социально-экономических проблем, стоящих перед страной. 28 июня Бухарин показывал, что к положительной оценке рютинской платформы присоединились Угланов, Рудзутак, Шотман, Антипов, Ломов, Лежава, Уншлихт и другие [39]. Было ли так на самом деле? Думается, что автор статьи о деле Рютина А. Ваксберг, допускающий такое объединение, ошибается. Эти показания были выбиты из Н. И. Бухарина для дискредитации других арестованных членов партии. Во время судебного процесса по делу «право-троцкистского блока» 6 марта 1938 г. Н. И. Бухарин заявит следующее: «Переход к тактике насильственного ниспровержения в общем, я датирую моментом, когда была зафиксирована, так называемая, рютинская платформа. Она была названа рютинской в конспиративных целях для перестраховки от провала» [40]. То, чего следователям не удалось добиться от Рютина, было получено от Н. И. Бухарина.

9 января 1937 г. состоялось предварительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, которое приняло решение судить М. Н. Рютина в закрытом заседании с применением чрезвычайного закона от 1 декабря 1934 г. 10 января состоялся судебный процесс, который, судя по протокольной записи, продолжался всего 40 ми-

нут. На вопрос, признает ли он себя виновным, Рютин заявил, что ответа «дать не желает и вообще отказывается от дачи каких-либо показаний по существу предъявленных ему обвинений» [41]. Что им двигало? Сознание того, что все уже предрешено, или что-то другое? Мы никогда не узнаем... В справке, полученной его дочерью только в августе 1988 г., значится дата смерти 10 января 1937 г.

Трагически сложилась судьба его семьи. Жена и два сына (оба были работниками конструкторского бюро А. Н. Туполева.— *Б. С.*) были репрессированы. В живых случайно осталась одна дочь. Разделяли ли дети убеждения отца? Вопрос непростой. Но на него можно ответить утвердительно. Его дети, к тому времени достаточно взрослые, были воспитаны на лучших демократических традициях революционеров, в духе преданности идеалам социализма. 22 ноября 1932 г., когда отец был уже обвинен в контрреволюционной деятельности, сын Мартемьяна Никитича — Виссарион подарил своему другу, молодому рабочему Александру Гуляеву, свою фотографию. Сам факт ничего вроде бы не значащий, если бы не надпись, сделанная на обороте. Вот ее текст: «Передавая фотографию, пожимаю руку. Если тебя или меня жизнь, а жизнь это борьба, стечение массы случайностей, поставит в тяжелое положение, мы будем помнить, что друзья познаются в несчастье. Тебе, энергичному пролетарию, общительному и демократическому юноше, твоему независимому характеру не хватает знания. Познай опыт борьбы рабочих с буржуазией, лживо провозглашающей вечность капитализма. С винтовкой в одной руке и наукой в другой обрушивайся на захватывающих монополию на звание пролетарских революционеров. Низвергай клеветников, тюремщиков и мерзавцев, прячущих нищету и дальнейшее обнищание народа, прикрываясь при этом маской вождей, выражающих волю народа» [42]. Не правда ли, в ней звучали знакомые нотки, слова, выражения, которые были так присущи блестящему публицисту М. Н. Рютину.

Дело Рютина, его трагическая судьба как бы аккумулировали в себе судьбу и трагедию старой большевистской гвардии. Утверждение режима личной власти Сталина было практически невозможно без уничтожения этого тонкого слоя профессиональных революционеров. Острейшая политическая борьба по вопросам социалистического строительства, которая осложнялась личным соперничеством, ставила многих из них перед выбором:

Сталин или Троцкий, Зиновьев, Каменев. Они сделали свой выбор и поддержали Сталина, более того — способствовали росту его реального авторитета в партии и государстве. Когда же столкнулись в реальности с его претензиями на авторитарность, его нелояльностью, грубостью, наглостью, повели себя по-разному. Многие продолжали утверждать режим личной власти Сталина, многие уходили от активной партийной и государственной деятельности, но были и такие, кто не стал мириться с новоявленным диктатором и выступил организатором сопротивления. К сожалению, они не смогли получить поддержки широких народных масс, всей партии. Слишком неравны были силы, слишком ограниченны были их возможности, слишком большой и хорошо отлаженный репрессивный и пропагандистский аппарат, на службе у которого были недавние друзья и товарищи по партии, противостоял им. В этом была подлинная трагедия старой большевистской гвардии, и это особенно ярко проявилось в деле Мартемьяна Никитича Рютина.

Дело по обвинению Мартемьяна Никитича Рютина было пересмотрено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР 8 июня 1988 г. и пленумом Верховного суда СССР 13 июня. 4 августа 1988 г. Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40 и начала 50-х годов, утвердила решение пленума Верховного суда об отмене приговоров в отношении М. Н. Рютина и прекращении дела за отсутствием состава преступления. Справедливость была восстановлена. 16 декабря 1988 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС осуществил партийную реабилитацию М. Н. Рютина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦГАОР СССР, ф. 6075, Аргунов А. А., оп. 1, д. 17. Сведения о Советском Союзе, л. 74, 75.

[2] *Вышинский А. Я.* Судебные речи. М., 1948. С. 487.

[3] *Соломеник В.* Борьба за Советскую власть на КВЖД. Кн. 3, Владивосток, 1925. С. 55.

[4] См. там же. С. 56.

[5] Там же. С. 57—58.

[6] Там же. С. 60—61.

[7] XIV съезд РКП (б): Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 154.

[8] *Троцкий Л.* Портреты революционеров. Нью-Йорк, 1988. С. 196.

[9] Письмо из России // Социалистический вестник. 1930. № 1.
[10] XV съезд ВКП (б): Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 327.
[11] Воспоминаиия Л. М. Рютииой.
[12] Там же.
[13] Цит. по: *Ваганов Ф. М.* Правый уклон в ВКП(б) и его разгром. М., 1977. С. 188.
[14] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 231.
[15] Там же. С. 236.
[16] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 1—107.
[17] Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 110.
[18] См.: *Пруцков Г. Ф.* М. Рютии. Я иа колеии ие встаиу!//Восточиосибирская правда. 1988. 7 нояб.
[19] *Сталин И. В.* Соч. Т. 12. С. 183.
[20] См.: Коллекция ЦГАОР СССР. Подготовительные материалы к заседаниям Президиума ЦКК, а также *Ваксберг А.* Прочитав, передай другому//Юиость. 1988. № 11. С. 22—23.
[21] См. там же.
[22] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 316—317.
[23] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 103—105.
[24] *Рютин М. Н.* Сталин и кризис пролетарской диктатуры. Машииописиая копия.
[25] *Рютин М. Н.* Ко всем членам партии // Юность. 1988. № 11. С. 22—26.
[26] См.: *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12. С. 43.
[27] Архив Л. М. Рютииой. Из протокола допроса М. Н. Рютина 28 сентября 1932 г.
[28] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 107.
[29] Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы Кривицкого В. Г.
[30] Коллекция ЦГАОР СССР. Протоколы заседаний Президиума ЦКК.
[31] Подлииник документа так до сих пор и не найден. Очевидио, он все-таки был уничтожен. Н. И. Ежов пытался позднее в 1937 году приписать авторство Н. И. Бухарину.
[32] Воспоминаиия Л. М. Рютииой.
[33] Коллекция ЦГАОР СССР. Сведения о Советском Союзе.
[34] XVII съезд ВКП(б): Стеиографический отчет. М., 1934. С. 518.
[35] Коллекция ЦГАОР СССР. О существовании контрреволюциоииой группировки в г. Мозыре.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 112—115.
[39] См.: Судебный отчет по делу аитисоветского «право-троцкистского блока». М., 1938.
[40] Там же. С. 188.
[41] Литературиая газета. 1988. 29 июия.
[42] Архив автора. Надпись иа обороте фотографии В. М. Рютииа.

Л. П. Петровский

ПОСЛЕДНИЙ РОТ ФРОНТ

Недалеко от Белорусского вокзала в Москве, на Грузинском валу, в доме № 26, на четвертом этаже в квартире № 195 в августе 1932 г. состоялось совещание. В одной из комнат хозяина квартиры Мартемьяна Рютина в поздние ночные часы шло жаркое обсуждение проектов двух документов. Его собеседниками были три представителя так называемой «бухаринской школы», которых Сталин считал «полураскаявшимися». С середины 20-х годов они хорошо знали Рютина, поддерживали с ним теплые дружеские отношения. Дружескими они стали в конце двадцатых, когда их объединила борьба за ленинский кооперативный план, против его извращений Сталиным и его ближайшими сатрапами. Мартемьян Рютин, хозяин квартиры,— один из редакторов «Красной Звезды», Петр Петровский — главный редактор «Ленинградской правды», Дмитрий Марецкий — первый заместитель главного редактора «Правды», Александр Слепков — самый первый редактор «Комсомольской правды». У каждого была своя биография. Одинаковым в ней был рубеж 1928 г.— начало борьбы со сталинизмом. Их связывали и притягивали друг к другу интересы, преданность, страсть, горение идеями Маркса и Ленина.

А. Слепков, Д. Марецкий, П. Петровский были признанными лидерами бухаринской школы. К Рютину они пришли совсем поздно, соблюдая предосторожности, ибо каждый из них, как и хозяин квартиры, давно был под негласным надзором. Пришли тогда, когда убедились, что нет «хвоста», и именно в то время, когда бдительность агентов НКВД, как было установлено Рютиным, обычно ослабевала. Необходимость встречи диктовалась тяжелейшей обстановкой внутри страны и в партии, а также на международной арене и среди партий Коминтерна.

Террористическая машина Сталина все мощнее набирала свои обороты. Провалы в развитии экономики объяснялись вредительством, диверсиями, саботажем и шпионской деятельностью. Уже прошли полностью сфальсифицированные процессы: «Шахтинское дело» (1928 г.),

«Дело националистов» (1929 г.), «Промпартия» (1930 г.), «Союз меньшевиков» и «Трудовая крестьянская партия» (1931 г.), «Военные заговорщики — преподаватели академий и училищ Красной Армии» (1930—1932 гг.). Но это была «прелюдия» к тем, которые вскоре прокатятся по стране и вызовут волны массовых репрессий, охвативших народ и партию.

В 1932 г. на страну обрушился массовый голод, искусственно организованный Сталиным,— одно из его самых чудовищных преступлений. А 7 августа 1932 г. по его же указанию было принято постановление ЦИК и СНК СССР об охране социалистической собственности, утвердившее смертную казнь. За колосок пшеницы, за горсть проса, за початок кукурузы — тюрьма, ссылка, расстрел. Смерть за отказ вступить в колхоз или совхоз, смерть за несдачу всего съестного государству, смерть даже тогда, когда у тебя больные малолетние дети и ты вынужден оставить для них пропитание, чтобы спасти от голода и болезней. Крестьяне, лишенные всего, пытались спастись от голодной смерти в городах, но их не пускали заградительные отряды. Малейшее неповиновение на почве голода или притеснений вело к расстрелу или тюремному заключению. Печать, сдавленная сталинскими тисками, безмолвствовала. По всей стране погибло тогда от голода несколько миллионов человек. На митингах и собраниях у людей не хватало смелости высказать горькую правду, ибо тут же следовали арест, осуждение, тюрьма, ссылка, расстрел.

Поэтому-то в августе 1932 г. и собрались на квартире Мартемьяна Рютина четверо отважных. В ту ночь работа шла по-военному быстро. Каждый из присутствовавших прошел школу Октябрьской революции и гражданской войны.

Петр Петровский сидел в ту ночь напротив Мартемьяна Рютина. Широкоплечий, среднего роста, в черной куртке и сатиновой косоворотке, он быстро, будто чеканил, «выкладывал» короткие и четкие фразы. Сегодня он чувствовал себя так же, как в 1917 г., когда защищал идеи Октябрьской революции.

В Коммунистическую партию Петр Петровский вступил в 1916 г. в Петрограде. Он — один из организаторов Петроградского союза молодежи, участник штурма Зимнего дворца, защитник колыбели революции от немецкого нашествия. В 1918 г. он на главном — Восточном — фронте Республики. Комиссар штаба, председатель ЧК

при политотделе штаба, секретарь РВС штаба 4 армии, военполитком 22-й дивизии, которой до отъезда в Академию Генштаба командовал легендарный В. И. Чапаев. Одним из первых Петр Петровский ворвался в пылающий Уральск, где стояли основные части Уральской белоказачьей армии.

Потом была страница в его биографии, которой хватило бы на несколько жизней. 30-тысячная армия генерала Толстова плотным кольцом окружила Уральск, штурмуя его день и ночь, простреливая его насквозь из орудий. В этот период 80-дневной обороны Петр Петровский в центре сражений. Он председатель горкома и ревкома, главный редактор «Яицкой правды», которая не только была основана им, но и продолжала выходить в осажденном городе-крепости.

«МОСКВА. СОВНАРКОМ. ЦК РКП(б).
НАРКОМАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
РОСТА 29 апреля 1919 года

Уральск держится. Члены партии и рабочие организовались в боевую дружину. Настроение частей бодрое...

ПРЕДРЕВКОМА ПЕТРОВСКИЙ»[1]

Все плотнее сжималось вражеское кольцо, таяли ряды гарнизона, иссякали запасы снарядов и патронов, продовольствия и медикаментов, свирепствовали тиф и малярия. Но город держался. В самый критический момент, после 50 дней обороны, из Москвы пришла телеграмма, которая была тут же опубликована в «Яицкой правде», зачитывалась на митингах, собраниях, распространялась в окопах.

«Вне всякой очереди

САМАРА
И ПО МЕСТУ НАХОЖДЕНИЯ ШТАБЮЖГРУППЫ
КОМАНДЮЖГРУППЫ ФРУНЗЕ — МИХАЙЛОВУ
ЧЛЕНУ РЕВВОЕНСОВЕТА ЭЛИАВЕ

Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом

ПРЕДСОВОБОРОНЫ ЛЕНИН»[2]

Потом были еще 30 дней обороны до подхода частей 25-й дивизии во главе с Чапаевым и Фурмановым, снявшей осаду Уральска. А Петр Петровский делал революцию дальше: он секретарь губкома в Уральске, затем в Твери, комиссар 6-й Орловской стрелковой дивизии.

Той самой, которая в 1941 г. будет героически защищать Брестскую крепость. В 1922—1925 гг. он член ЦК РКСМ и Исполкома КИМа, одно время секретарь ЦК и МК комсомола, председатель советской делегации в Исполкоме КИМа, член Исполкома Коминтерна. Была и нелегальная работа за рубежом, баррикады Гамбурга, бои за мировой Октябрь рядом с Эрнстом Тельманом. Потом Ленинград, работа под руководством С. М. Кирова. Петровский — завагитпропом ЛГК партии, главный редактор «Ленинградской правды» и ответственный редактор общественно-политического и литературно-художественного журнала «Звезда» в 1926—1928 гг. К 1928 г. он делегат VIII, X, XI, XII, XIII, XIV, XV съездов партии и V конгресса Коминтерна. Была у Петра Петровского к этому времени своя биография, свой вклад в дело защиты Октябрьской революции.

Апрель 1928 года положил начало схваткам Петровского со Сталиным. «Ленинградская правда» напечатала передовую об итогах Объединенного апрельского Пленума ЦК и ЦКК, где Петр Григорьевич выступал против перегибов и извращений в деревне, сурово осудив «экстраординарные» меры. Сталин, как известно, такого не прощал... В мае Сталин выступил в Москве перед студентами Института Красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета с речью, в которой утверждал, что крестьянство — последний эксплуататорский класс. В «Правде» речь опубликовали полностью, а в Ленинграде произошла странная история. Из статьи генсека пропал абзац, где он с помощью ленинской цитаты, искажая факты, пытался провести свою линию. Редактор «Ленинградской правды» был в отъезде, но его позиция Сталину была известна. Естественно, что по возвращении редактора последовал «разнос», ему вменялось в вину «сокращение» статьи генерального секретаря ЦК.

Третье столкновение было в конце июня. В редакцию «Ленинградской правды» передали статью «Зерновые фабрики», подписанную «М-ов». Намекали, что под этим псевдонимом следует иметь в виду Молотова. Содержание статьи и предшествовавшие ей «приемы» взорвали Петра Петровского. Коли уж его обвиняли в «сокращениях», он отжал из статьи «всю воду», оставив в ней лишь основную суть, затем передал ее редактору «Красной газеты» Чагину. Вечерний выпуск «Красной газеты» вышел со статьей «Зерновые фабрики». А на другой день «Ленинградская правда» помещает с продолжением в сле-

дующем номере статью-ответ за подписью Петра Петровского [3]. Она названа — «Смелое открытие» (Опровергла ли действительность ленинский кооперативный план?)». Не случайно первые слова заголовка были взяты в кавычки и не случайно в конце его стоял знак вопроса. Петр Петровский с гневом страстного публициста обрушился на статью «М-ова», отвечал на поставленный вопрос.

В июле состоялся Пленум ЦК партии. Петр Григорьевич выступал на Пленуме дважды: по вопросам Коминтерна, как член его Исполкома, и сельского хозяйства. Коснувшись, в частности, проблемы единого фронта в Европе, Петр Петровский особо подчеркнул значение правильного взаимоотношения компартий, разумной тактики на Востоке. Речь его неоднократно прерывалась Сталиным и Мануильским, но в конце концов логика оратора, его горячность, убежденность привели к тому, что Сталин даже бросил реплику: «Правильно!» Петр Григорьевич ратовал за то, чтобы привлечь к активной работе бывших лидеров оппозиции, ибо она уже не существует, и особенно за добровольное объединение крестьян в колхозы.

После Пленума Сталин поспешил в Ленинград. Он помнил, что после апрельского Пленума туда выезжал по желанию коммунистов города Николай Иванович Бухарин. На этот раз он сделал все, чтобы этого не допустить. Прямо с перрона Сталин неожиданно направился к машине Петровского, который освоил вождение машины еще в гражданскую войну и к услугам «казенного шофера» почти никогда не прибегал. Сталин пожелал остаться в машине вдвоем, без охраны, и как только она тронулась с места, начался деловой разговор. Ехали к Смольному. Сталин поинтересовался, что делает Киров, потом стал расспрашивать об успехах ленинградцев в промышленности, о Волховской ГЭС и вдруг неожиданно бросил:

— Ты что написал, сукин сын?!

Далее последовала нецензурная брань. От такого поворота беседы Петр Григорьевич остановил машину, вышел из нее, оставив дверцу открытой, сказал:

— Чей я сын, знаешь. О чем речь, о какой статье?

Сидя в глубине машины, Сталин испытующе смотрел на Петра Григорьевича. Тот, конечно, понимал, что речь могла идти об одной из его статей в «Ленинградской правде». В том числе и о новой, но о ней Сталин узнает

только через три-четыре часа после беседы в Смольном. Между тем генсек резко произнес:

— Не надо лезть в проблемы сельского хозяйства. Ленинград должен заниматься промышленностью.

Потом Сталин сменил гнев на милость, даже извинился, дал понять, что инцидент исчерпан. Петр Григорьевич сел за руль. Машина снова понеслась к Смольному. Встречавшие Сталина сотрудники обкома, охрана, ехавшие в других машинах, наблюдали смену настроений собеседников, уловили обрывки резких фраз, остановившись неподалеку во время перепалки между вождем и главным редактором «Ленинградской правды».

Потом была встреча с Кировым. Во время беседы помощник генсека Товстуха протянул Сталину свежий номер «Ленинградской правды», указав на передовую, что-то прокомментировал. А теперь прочитаем строки из сохранившегося дневника заместителя главного редактора «Ленинградской правды» Алексея Кириллова, погибшего в сибирской ссылке в 1936 г.:

«Июльский Пленум ЦК. На собрании партактива Ленинграда отчет о Пленуме делает Сталин. Я, как всегда, на своем месте, т. е. за столиком, рядом со стенографисткой. Впервые вижу Сталина. Почти такой, как на портретах. Только... почему-то ниже ростом (когда я позже стоял рядом с ним, показалось, что он чуть ниже меня). Коренастый и крепкий. Говорит с изрядным грузинским акцентом. Говорит без ораторских приемов, спокойно, страшно «назидательно». Говорит, как рубит. «Во-первых, она неправильна потому...» Это его ответ на вопрос, заданный после доклада: «Правильна ли сегодняшняя передовая «Ленинградской правды»?» Эту статью, написанную Петром Петровским (тогдашним редактором), Сталин распушил до основания. Она отражала взгляды правой оппозиции, тогда еще наружу не вышедшей. Сталин же сказал: «В Политбюро ЦК по всем вопросам единство...» — Вы спрашиваете, что в ней правильного?.. Правильно в ней то, что она призывает нас к борьбе за выполнение решений ЦК. Что ж! С паршивой овцы хоть шерсти клок!» [4]

Сталин настоял тогда на решении обкома о новой передовой по итогам Пленума, которая и была опубликована через день. Что же так потрясло генсека? О чем писал Петр Петровский? В чем статья совпадала со взглядами «правых»?

«Привлекая крестьянские средства,— писал Петровский,— к строительству социалистической индустрии, мы решительно выступаем против политики эксплуатации и разорения мелкого крестьянского хозяйства. Мы решительно отвергаем такую перекачку средств из мелкокрестьянского сектора в социалистический сектор нашего хозяйства, которая истощает и разрушает мелкое крестьянское хозяйство.

Мы решительно отметаем детище троцкистской оппозиции — теорию безвозмездной дани, выколачиваемой из мелкого сельского хозяйства в пользу индустрии методами эксплуатации. В противовес этой троцкистской ереси партия проводит и будет проводить ленинскую политику подъема мелкого крестьянского хозяйства в целях его социалистической переделки методами НЭПа, методами ленинского кооперативного плана»[5].

Сталин понял, что это огонь по его политике «военно-феодальной эксплуатации» крестьянства и провозглашенной им «дани» с деревни. Всю ночь просидел он в квартире Кирова, правя свое выступление перед активом об итогах Пленума, по всей вероятности, тогда же была решена участь Петровского.

Американский исследователь Стивен Коэн в своей книге о Бухарине пишет: «После того как Петровский подверг критике речь генсека о «дани» на крестьян, его в дисциплинарном порядке перевели с должности редактора «Ленинградской правды» в крошечную провинциальную газету»[6]. Именно с этого шага начинается «очищение прессы», которое провел Сталин в 1928—1932 гг. Главный редактор «Ленинградской правды» — первая жертва этой политики. Этот же факт зафиксирован и представителем итальянской компартии в Коминтерне Анжело Таска. В его записках, опубликованных в 1966 г. Институтом Джаньчжакомо Фальтренелли в Милане, приводятся слова Бухарина по поводу данного обстоятельства. Он, пишет итальянский коммунист, говорил: «Сталин, который на XIV съезде выступил против колониальной теории Преображенского, на июльском Пленуме выдвинул тезис о дани с крестьянства и военно-феодальном порабощении крестьянства. Петровский, который является очень живым человеком, выступил в «Ленинградской правде» против этой теории и был сразу же переброшен в Саратов редактором одного журнала, тираж которого всего одна тысяча экземпляров»[7].

Нельзя не сказать, что Киров довольно долго препятствовал освобождению Петра Петровского с поста главного редактора. Он дважды ходил к Сталину на следующий же день. Говорил о таланте Петра Григорьевича, просил оставить в Ленинграде. Но Сталин был неумолим, сумрачен и разгневан. Правда, уехал, не отдав последнего решительного наказа. Пройдет еще три месяца, прежде чем он осуществит задуманную месть.

Между тем Николай Иванович Бухарин и его ближайшие друзья, в том числе и представители «бухарин-

ской школы», понимали, что Сталин все круче поворачивает руль истории и сворачивает нэп. Надо было противопоставить этому наступлению свою программу действий. На квартире Бухарина в Москве родилась идея создания программы, которая бы защищала ленинский план построения социализма. Идеи, которые лягут в основу «Заметок экономиста», обсуждали коллективно. Внес свою лепту и Петр Григорьевич. Потом решили, что завершит «Заметки» Бухарин на Кавказе, куда с ним выехал для помощи заведующий экономическим отделом «Правды» Александр Зайцев, который станет одним из лучших друзей Петра Петровского.

К концу сентября 1928 г. «Заметки экономиста» были отшлифованы. Рукопись срочно доставили в Москву, а Бухарин остался на юге. В редакции «Правды» Дмитрий Марецкий заручился поддержкой Марии Ильиничны Ульяновой, в то время ответственного секретаря газеты. Поздним вечером, не информируя Сталина и других членов Политбюро, стоявших на его позиции, «Заметки экономиста» отправили в набор. Тогда же Марецкий вручил текст «Заметок» Петру Петровскому, который срочно ночным поездом выехал в Ленинград. 30 сентября 1928 г. вышла со статьей «Заметки экономиста» «Правда», а 2 и 3 октября их опубликовала «Ленинградская правда».

Сталин тут же созвал Политбюро, которое вынесло решение о своем несогласии с политической линией «Заметок экономиста» и указало редакции на недопустимость в дальнейшем подобных действий без ведома Политбюро ЦК. В то время большинство Политбюро еще не решилось начать окончательный разгром «Правды». Это произойдет через год, когда начнется глобальная атака на «правых». В отношении же Петра Петровского вопрос был ясен. Его снятие с поста главного редактора «Ленинградской правды» было неминуемо. Кирову, который все еще пытался защищать Петра Григорьевича, Сталин резко бросил по телефону: «Петровский был главным редактором газеты «Ленинградская правда», теперь будет редактором журнала «Клоп»!» Прервав разговор с Миронычем, он бросил трубку.

Одновременно Сталин решил вопрос об изменении руководства журнала «Звезда», ответственным редактором которого с конца 1926 г. был Петр Петровский *.

* Вокруг «Звезды» в те годы сплотился большой круг талантливых писателей и поэтов, литературных критиков и публицистов.

Сатирический журнал «Клоп» предполагалось издавать в Москве. Говорили, что идея его создания принадлежала Маяковскому, но первоначально Сталин упорствовал. Теперь он будто бы согласился. Петровский, сдав дела в «Ленинградской правде» и в «Звезде», выехал в Москву. В подробности своей новой работы он не входил, говорил, что с работой не справится.

— Какой из меня юморист? Это по плечу Ильфу и Петрову. Кольцов был бы полезен. А как на это посмотрит Маяковский, ведь это его идея создать такой журнал? — жаловался он друзьям.

Время шло. Петровский протестовал, просил другого назначения. Неожиданно его вызвали в ЦК и выдали направление в Саратов. Позже ему расскажут, что после телефонного разговора со Сталиным Киров направил в центр телеграмму: «Вопрос о редакторе «Ленинградской правды» терпит до Пленума»[8]. В ответ ему телеграфировал Молотов, явно с одобрения генсека: «Освободить с 15 октября». Уже в Саратове Петровский узнал, как проходил объединенный апрельский (1929 г.) Пленум ЦК и ЦКК, где разгорелась дискуссия по поводу его отстранения от поста главного редактора «Ленинградской правды». На Пленуме, узнал Петр Григорьевич, третий секретарь Ленинградского обкома, член партии с 1905 г. Федор Угаров и член ЦКК Дав Розит не только резко возразили генсеку, но прямо бросили обвинение: «Петровский снят с поста главного редактора «Ленинградской правды» только за критику Сталина». Все это генсек припомнит им позже. А пока сразу же после Пленума критика против представителей «бухаринской школы» началась с новой силой.

«Эта беспринципная травля зашла в тупик. Люди ничего вытянуть против нас не могут, кроме повторения старых троцкистских побасенок,— писал Петровский своему отцу * в Харьков.— Слыхал я

В журнале печатали свои произведения Вениамин Каверин, Ольга Форш, Мариэтта Шагинян, Юрий Тынянов, Алексей Толстой, Анна Караваева, Леонид Леонов, Борис Пильняк, Константин Федин, Борис Житков, Николай Тихонов, Михаил Светлов, Иосиф Уткин, Всеволод Рождественский, Борис Корнилов, Осип Мандельштам.

* Отец П. Г. Петровского — известный большевик, член партии с 1897 г. Григорий Иванович Петровский (1878—1958) — возглавлял тогда Всеукраинский ЦИК. Со всех сторон он был окружен сталинскими «политкомиссарами». В 1938 г. он был снят со всех постов и переведен под «домашний арест». После XX съезда КПСС он был одним из первых, кто поставил вопрос перед Предсовмина Г. М. Маленковым о создании авторитетной комиссии по реабилитации сталинских жертв, многое сделал лично для ускорения этого процесса.

о пленуме, что мое имя там поминают в числе прочих «либералов». Кроме того передавали интересное объяснение, почему меня сняли с «Лен. правды». Якобы за то, что я «сократил» Ленина. Не знаю, правда ли это? Но если этн слухи соответствуют действительности, то такое объяснение является лживым от начала до конца. Действительно, в газете из речи Сталина была выброшена цитата из Ленина, но тогда, когда я в редакции не был, был в отъезде. Это все знают, в том числе Киров, который это дело расследовал специально. И если это так, то я берусь доказать документально (т. к. у меня сохранились все документы по этому делу), что люди, выбросившие это место из речи Сталина, сейчас находятся на руководящей работе в «Лен. правде» [9].

Особенно оголтело Сталин и его окружение выступили накануне ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б). «Правда», а вслед за ней другие средства массовой информации начали буквально травлю Бухарина, Рыкова, Томского и представителей «школы Бухарина». Петр Петровский, Дмитрий Марецкий и Александр Слепков (последние двое в тот период были вместе с Николаем Бухариным и Марией Ильиничной Ульяновой выведены из состава редколлегии «Правды») все дни проводили на квартире Бухарина, помогая ему подготовить материалы к Пленуму. Получив сведения от ОГПУ, что Петр Петровский покинул Саратов и находится в Москве, да еще помогает Бухарину, Сталин распорядился, чтобы пресса «открыла огонь», особенно по «саратовскому изгнаннику». Кроме того он потребовал от Нижневолжского крайкома принятия более кардинальных мер к помощнику «любимца партии».

15 ноября 1929 г. «Правда» публикует статью под заголовком «Борьбу с правыми банкротами доведем до конца». В ней, в частности, говорилось: «Правая оппозиция, как двуликий Янус, с одной стороны, демонстрирует свое фракционное лицо, с другой стороны, пытается изобразить дело так, будто бы у нее нет сейчас разногласий с линией партии. Только на днях в Саратове ячейка типографии вскрыла фракционную работу т. Петровского, одного из молодых, но не в меру горячих сторонников тов. Бухарина...»

В тот же день в «Правде» была напечатана еще одна статья, которая называлась «Фракционная деятельность тов. П. Петровского».

«Тов. Петровский,— говорилось в ней,— один из учеников и горячих последователей т. Бухарина. Вместе со Слепковым, Марецким, Зайцевым и Айхенвальдом он боролся в последнее время против генеральной линии партии.

Особенную активность в этом направлении Петровский проявил в Саратове, где он работал до последнего времени... На партийной чистке Петровский открыто защищал лидеров правых:

— Бухарин — не оппортунист. У Бухарина ничего и нигде не говорится о врастании кулака в социализм. Бухарин ведет правильную линию. Партия единодушно осудила поведение Бухарина. Петровский защищает Бухарина. Где же логика?.. Петровский упорно занимался фракционной работой. Как выяснилось, он проводил пропаганду правых взглядов среди отдельных рабочих и среди молодежи. В докладе на одном из комсомольских собраний вместо разоблачения правых он открыто защищал последних. В одной из бесед убеждал, что выступления Слепкова и Зайцева правильны и, напротив, «Правда» клевещет на них...»[10]

В статье сообщалось, что Петровский якобы «бежал из Саратова», скрывается, видимо, в Москве, помогая Бухарину, который не может без него обойтись. А 16 ноября «Поволжская правда» в Саратове напечатала статью «Чему учит дело Петровского». В ней приводились факты его активной деятельности, а также мнение председателя комиссии по чистке партии в Саратове, старого большевика Скляревского, который, проверив работу Петра Григорьевича, заявил: «Из того, как работает Петровский, видно, что он выдержанный большевик, работает хорошо». В «Правде» эта позиция 18 ноября была названа ошибочной, а деятельность Петровского — «оппортунистической». Тогда же вновь ставился вопрос о его исчезновении. Органы ОГПУ в Москве и Саратове безуспешно пытались напасть на его след. Причиной нелегального отъезда Петровского из Саратова была, по всей вероятности, политическая ситуация, сложившаяся в Москве.

В одном из писем к отцу он писал:

«Получаю кое-какие сведения из Москвы. Вижу, что положение в Москве складывается неладное, а это доставляет много беспокойства. Вранья, лжи и клеветы уже на первых стадиях предостаточно. Уже на первых стадиях начинают не с низких нот, а с невыносимого визга. Этот визг только озлобляет, когда видишь всю нечистоплотность приемов, которые применяются... Уверен в правоте той политики, которая подвергается обстрелу. Нельзя так вести партию с завязанными глазами. Нельзя так нагло обманывать партию. Ведь что такое новый закон о сельскохозяйственном налоге? Ведь это же известно, в результате какой отчаянной борьбы необходимость его издания была признана»[11].

Сталинское окружение бесновалось. От Бухарина, Рыкова и Томского требовали отказа от их политической платформы. Ноябрьский (1929 г.) Пленум охарактеризовал позицию «правых» «как главную опасность в партии». Бухарин был выведен из Политбюро, снят с поста

редактора «Правды», отстранен от руководства Коминтерном. Вскоре последовало освобождение Рыкова с поста председателя Совнаркома и Томского — с поста председателя ВЦСПС.

25 ноября 1929 г. под градом непрекращающейся травли Бухарин, Рыков, Томский выступили с заявлением «Наши взгляды, изложенные в известных документах, были ошибочны». К ним присоединился Федор Угаров. Во второй половине ноября подобные заявления подали и представители «бухаринской школы»: Слепков, Марецкий, Айхенвальд, Куликов, Матвеев и другие. А следы Петра Петровского органам ОГПУ найти все не удается. Не помогали и новые выпады в его адрес в «Правде» и «Поволжской правде». Газеты обвиняли его в чудовищной клевете, с которой он якобы обрушился на партию и ленинизм, и тем самым шагнул дальше всех своих товарищей по оппозиции [12]. Наконец в первых числах декабря Петровский появился в Саратове, где сдал короткое, но четкое заявление в «Поволжскую правду». Оно было выдержано в «духе времени». Но Петр Григорьевич сумел так составить его, что желающие могли понять, на какой же все-таки позиции стояли «правые».

Почти все представители «бухаринской школы» были исключены из партии, но решили борьбы не прекращать. Потом, после арестов в 1932—1933 гг. они расскажут об этом. «В нашей группе не все одинаково виноваты,— напишет Александр Слепков в ЦКК ВКП(б),—... ряд лиц (я, Петровский, Марецкий) были, так сказать, коренниками» [13]. Они не будут скрывать, что боролись. «Инициатива создания организации правых,— ответит на следствии Петр Григорьевич,— принадлежала «тройке», в состав которой входили: я — Петровский, Марецкий и Слепков... Организация начала формироваться в 1928 году. Наиболее систематический характер работа организации приняла в 1930, 1931, и особенно в 1932 году. Идейной базой нашей организации являлись теоретические работы т. Бухарина, особенно «Заметки экономиста»... Руководящее ядро нашей организации ориентировалось на товарищей Бухарина, Рыкова, Томского, мы также высоко ценили Каменева и Сокольникова. Мы считали возможным восстановление Политбюро в старом составе без Троцкого» [14].

Но все это будет потом. А сейчас, на исходе 1929 г., добившись восстановления в партии, Петровский пытается противостоять сталинизму. В 1929—1932 гг. он ди-

ректор сельхозиститута, руководнтель штаба колхозиоагроиомического похода Нижиеволжского края, заместитель редактора журиала «Социалистическое зериовое хозяйство», член редколлегии ряда политическнх и экономических журналов. Он организует работу иад учебииками «Агрочас в школах лнкбеза» и «Колхозио-агроиомическая грамота», читает в трех саратовских ииститутах сельскохозяйственного профиля цикл лекций по вопросам колхозного строительства, аграриой политике, кооперацин н полнтэкономии. «Наш красиый профессор» — иазывали его студенты. Не раз его вндели вместе с Ннколаем Вавиловым н Ннколаем Тулайковым ведущим беседы иа самые актуальные темы развития сельского хозяйства. Это даст повод в 1937 г. обвиинить его и в том, что ои иаиес «самый величайший урои, проводя вредительство в сельском хозяйстве, что препятствовал изучению в вузах «курса яровнзации по методу Лысеико»[15]. В те годы в Саратове пернодически ставится вопрос об исключеиии его из партии. То за защиту Бухарниа в 1931 г. в связи с тем, что «Поволжская правда» назвала его «врагом народа», то за курс лекций, в которых содержался материал, призывающий к демократизации в партии и страие, то за труды по сельскому хозяйству. Особеиио иабросились на «Колхозио-агрономическую грамоту».

Еще при ее подготовке иеожидаиио раздался звоиок из ОГПУ. Речь шла о статье Петра Григорьевнча, открывающей учебник.

— Необходимо виестн в первые разделы изменеиия. По указаиию центра вы должиы осветить процессы «Промпартии», деятельность контрреволюциоииой группы Чаяиова, Кондратьевв и других местных саратовских коитрреволюционеров в иауке, «правый» и «левый» уклои. Без этого книга ие выйдет в свет,— раздался в трубке глуховвтоповелительный голос.

— Рукопись одобрена в крвйкоме. Я ие намереи вносить изменения, которые не одобрит Нижиеволжский крайком. К тому же я против подобиых дополиеиий,— отвечал Петр Григорьевич.

— Не желаете виести поправки, тогда их виесут без вашего согласия,— сказали на другом коице провода.

Петр Грнгорьевич попроснл, чтобы исправления, если оии будут виесеиы, ие касались ивписаииого им текста. И тот же голос снова произиес:

— Вы окончили заочные курсы автотракториого дела. Советуем поехать в колхоз, поработать на полях, говорят, это у вас неплохо получается. Примите участие в хлебозаготовках, а выход в свет книги обеспечим без вашего учвстия.

Переговоры закончилнсь безрезультатио. Кига вышла с «дополиеннями». Но кое-что удалось отстоять, в том

числе раздел «Ленинский кооперативный план». И все же, несмотря на предусмотрительные искажения, со стороны местных властей последовала бешеная реакция, которая обрушилась на автора и составителей сборника. Одна из погромных статей носила название «Политически вредные «Азбуки» агрограмоты».

«Сущность контрреволюционной борьбы Кондратьева, Чаянова, Макарова и других,— говорилось в статье,— в книге не раскрывается и искажается... Сущность уклонов от генеральной линии партии освещается примиренчески... Авторы... говорят о том, что кулак разгромлен и экономически и политически, чем демобилизуют массы в борьбе с кулаком... Авторы книги много говорят о добровольности вступления в колхозы и совершенно не указывают на важность решительной борьбы с правооппортунистическими самотечными настроениями, не подчеркивают необходимости активнейшей вербовки в колхозы бедняцко-середняцких масс деревни» [16].

Под «активнейшей вербовкой» имелись в виду административно-командные методы принудительного вовлечения крестьян в колхозы. В заключение статьи делался вывод: «Книга приносит политический вред, и ее необходимо изъять из обращения» [17].

Между тем по стране в миллионах экземпляров распространялись брошюры Сталина «Головокружение от успехов» и «Год великого перелома», одновременно изымались крайне необходимые учебные пособия, в которых освещались вопросы колхозного и совхозного строительства, кооперации, а также вопросы, связанные с культурой земледелия. В сталинских работах давалась установка на создание «крупных зерновых фабрик в 40—50 тысяч гектаров». Но эта политика в условиях тогдашней недостаточной материально-технической базы и острой нехватки квалифицированных кадров привела к полному провалу. Протоколы партийных собраний Поволжья полны заявлениями-протестами. «Товарищ Сталин сказал,— говорится, например, в одном из них,— чтоб коллективизировать в пять-шесть лет. На деле же пригоняют полк солдат и загоняют в колхозы».

Падение урожаев, уничтожение скота, вспышки крестьянских волнений, массовые недовольства и протесты. В работе «Головокружение от успехов» Сталин попытался свалить всю вину за создавшееся положение в организации колхозов с партруководства страны на местных партийных работников. В этих условиях Петр Петровский, Александр Слепков и Дмитрий Марецкий пришли к выводу о необходимости продолжить борьбу за возвращение к ленинским нормам партийной жизни, к закон-

ности и первому этапу нэпа. «Бухаринская школа» вновь активизируется. Представители ее ставят вопрос о новой программе действий, которая бы вывела страну из кризиса.

Они встречаются с Бухариным в Москве и на Кавказе и получают его согласие. Николай Иванович также понимает необходимость новых программных документов. Ими стали подготовленные в августе — сентябре 1932 г. обращение «Ко всем членам ВКП(б)» и «Программа перестройки». Последняя известна в истории как «Рютинская платформа», но рождалась она при активном участии членов «бухаринской школы». Недаром при аресте группы Мартемьяна Рютина в конце сентября 1932 г. одновременно были арестованы и три лидера этой «школы» — Петр Петровский, Александр Слепков и Дмитрий Марецкий *. 9 октября Президиум ЦКК исключил из партии 24 члена «союза марксистов-ленинцев» и причастных к его деятельности лиц, а ОГПУ осудило их к различным срокам тюремного наказания и ссылки.

Ищейки ОГПУ искали в разных городах страны тексты «Манифеста» и «Программы», собирали и другую информацию. Попутно они убедились, что «теоретический центр» из представителей «школы» не ограничился «причастностью» к «рютинскому делу». Выяснилось, что тогда же, в конце августа и в начале сентября 1932 г., «правые» провели свою «конференцию», где рассмотрели экономическое положение страны, состояние дел в Коминтерне, обсудили вопросы международного положения, одобрили в общих чертах «Манифест» и «Программу». Из показаний арестованных стало известно, что выступавшие на конференции Петровский, Слепков, Марецкий почти дословно излагали текст «Рютинской платформы». На ее основе и предполагалось объединить все здоровые силы партии для устранения Сталина и его ближайших подручных, изменить политику, демократизировать страну и партию. На международном фронте ставилась задача возвращения к ленинскому единому фронту в борьбе

* Из следственных материалов явствует, что так называемая «Рютинская платформа» — программа коллективного творчества. В советской прессе подробности создания «Манифеста-обращения» и «Программы перестройки» появились только в 1988 г. Л. Разгон в статье «Наконец!» пишет: «...Рютин идет на шаг, не имевший прецедентов. С помощью «полураскаявшихся» учеников Бухарина: Слепкова, Марецкого, Петровского — тех, кого называли «бухаринской школой», он составляет записку, получившую затем название «Программа группы Рютина» (Московские новости. 1988. № 26. 26 июня).

протнв фашнзма. Это было нменно в то время, когда Сталнн все более решительно прнзывал к разгрому соцналфашизма, как он «окрестнл» социалнстнческне партни Западной Европы. До захвата же Гитлером властн, который шел к ней, в том чнсле н нспользуя распри среди коммуннстов и социалистов, оставалось всего три-четыре месяца. На повестке дня былн судьба страны, Европы н всего мнра.

Именно в тех условнях появнлись бессмертные строкн:

«Партия и пролетарская диктатура Сталииым и его кликой заведеиы в иевидаиный тупик и переживают смертельно опасиый кризис. С помощью обмана и клеветы, с помощью иевероятных иасилий н террора, под флагом борьбы за чистоту прииципов большевизма и едииства партии, опираясь иа цеитрализоваииый мощиый партийный аппарат, Сталин за последиие пять лет отсек и устраиил от руководства все самые лучшие, подлиииые большевистские кадры партии, устаиовил в ВКП(б) и всей страие свою личиую диктатуру, порвал с лениинизмом, стал иа путь самого иеобуздаииого авантюризма и дикого личиого произвола...» [18]

Арестованные были брошены в застенкн н сосланы. Но агенты ОГПУ, собрав новые сведения, дали Сталнну повод к новым репрессням: прнвлеченных по «рютннскому делу», принадлежавшнх к лндерам «бухарннской школы» вместе с другнмн участнnками конференцин «правых» подверглн новым арестам. Петр Петровскнй был арестован вторнчно в ссылке под Актюбннском в феврале 1933 г.

По одному нз показаннй удалось установнть участннков конференции. Средн них былн Айхенвальд, Астров * (Москва), А. Слепков (Ростов), С. Петровская н А. Астрова, Марецкий (Ленннград), Гасперская, работавшая в ИККИ, Кузьмнн (Западная Снбнрь), Александров (Москва), Левина (Средняя Волга), Петровский (Нижняя Волга), Жиров (Москва), Г. Шалахова [19].

В первый день слушался доклад Александрова об экономнческом положении страны, основанный на секретных данных ЦСУ. Заседания проходнлн на квартнре Астрова на Беговой улнце в доме № 22. Второе заседанне было на даче Марецкого, более узкнм кругом. Прнсутствовалн, в основном, лндеры «школы». Онн выслушали информацню Борнса Идельсона о пленуме Исполкома Комнntерна. Третье заседание — в районе Черемушек, где решался вопрос об органнзации шнрокого антнсталннско-

* В Самиздате Астров, вскоре после конференции ставший агеитом НКВД, будет разоблачеи в 60-е годы, официальио — в иаши дии (см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 84).

го фронта. Кроме «правых» на нем присутствовали Стэн и Горелов.

Софья Петровская — жена Петра Григорьевича, родная сестра первого редактора «Пионерской правды» Веры Лядовой. После первого ареста мужа она разделила с ним ссылку. По второму приговору ОГПУ Петровский был заключен в Суздальский политизолятор. Брат Александра Слепкова, известный биолог Василий Слепков, оказавшийся там же, во время допросов 1937 г. показал: «...Нас рассадили по камерам, но в одной прогулке оказались следующие правые: Рютин, Петровский, Айхенвальд, я — Слепков, Сапожников, Виноградов, Худяков и Слесарев. Позднее в эту же прогулку был включен и Медведев... В изоляторе правые держались обособленно, своей «кучкой». Первое время, около 2-х недель, внутри камер и на прогулках шел детальный разбор проведенного следствия по нашему делу, каждый рассказывал о том, в чем он обвинялся, какие ему предъявлялись материалы, какие показания он сам давал и т. п.»[20].

Узники Суздальского политизолятора установили между собой связь, а также сумели наладить ее с лидерами «правых» и с теми, кто был в других тюрьмах. Они сумели обсудить и «тактику» своих обращений, дальнейшего поведения. В письме Петра Петровского в ЦКК партии из Суздальского политизолятора содержится наиболее аргументированная характеристика взглядов членов «бухаринской школы»:

«Центральным пунктом,— писал он,— который вызывал во мне правооппортунистические колебания и приводил к борьбе против партруководства, была экономическая политика партии. Ее проведение представлялось мне постепенным сползанием на троцкистские рельсы. Экономическая политика партии представлялась мне политикой, ведущей к ослаблению диктатуры пролетариата и ставящей последнюю перед тягчайшими осложнениями. В моей оппозиционной оценке генеральная линия партии неизбежно приводила к нарушению хозяйственного равновесия, дезорганизации экономических связей города и деревни и выражалась в малой производительности затрат огромных масс труда и средств, для решения задач, которые, как мне казалось, могли быть осуществлены более экономно и с меньшим напряжением. Неизбежными следствиями этой политики мне представлялись падение производительности труда, повышение себестоимости продукции, падение реальной зарплаты, продовольственные затруднения, товарный голод, инфляция и т. д.»[21].

Он пишет о подспудных процессах, угрожающих влиянию партии и гегемонии пролетариата, а также о том, что «широкие массы начинают обнаруживать неудовлет-

воренность и разочарование в итогах революции». Вместе с тем он признает и «гигантские успехи индустриального строительства», но они ему представляются значительно обесцененными, ибо «темпы строительства, «согласованные» с экономическими возможностями страны, и размерами капитальных вложений, спорно «увязанные» с нуждами текущего производства, могли быть более эффективными как качественно, так и в конечном счете и по своему количественному размаху» [22].

Петр Григорьевич признает, что считал вполне возможным разрешение оптимальных методов поиска и урегулирование спорных вопросов социалистического строительства на «путях внутрипартийной дискуссии» [23]. Он-то считал, но Сталин и его окружение не давали возможности для таковой.

Приход Гитлера к власти в Германии и его внешнеполитическая агрессия заставили Сталина несколько иначе взглянуть на обстановку в стране. Был проведен XVII съезд ВКП(б) — «съезд победителей». На нем было решено клеймить «правых» и «Рютина и К^0». Но на трибуну допустили и некоторых из крупных «правых» и «левых», которые должны были публично покаяться. Только после этого в середине 1934 г. Сталин решил освободить нескольких учеников «бухаринской школы», в том числе и Петра Петровского. Тот выезжает в Москву и после более семисот дней тюрем и ссылки с трудом добивается приема на работу в Объединенное госиздательство (ОГИЗ), которым руководит Михаил Томский.

Приближалось 1 декабря 1934 г. Накануне убийства Кирова, 30 ноября на Петра Петровского было совершено покушение *. Вечером на Рождественском бульваре в Москве, где он прогуливался с полуторагодовалым сыном, двое неизвестных напали на Петра Григорьевича и стали наносить удары железными шестигранными палками. Сбив одного из нападающих с ног, прикрыв одной рукой от ударов сына, которого держал на руках, Петр Петровский влетел в подъезд дома, где проживала родственница жены, и скрылся в ее квартире. Слежка за ним, которая по прибытии его в Москву усилилась, приобрела после этого случая буквально тотальный характер. Его все время стараются держать в поле зрения наиболее опытные агенты ОГПУ.

* Впервые информация о покушении опубликована в журнале «Вопросы истории». 1989. № 6. С. 111.

23 февраля 1937 г. он был арестован в третий раз. Последовали пытки, тяжелые истязания. Пытали и его друзей, выколачивая из них показания: «Петровский среди правых был одним из первых, заговоривших об убийстве Сталина», «Под руководством Петровского проведен комплекс вредительских мероприятий», «Петровский был последователен в вопросах использования крестьянских восстаний для достижения конечных политических целей правых»...

Протокол о последнем аресте был подписан Ежовым, допросы вел и знаменитый садист Глебов-Юфа, «техническое оформление» протоколов делал Яков Аронсон. Военная Коллегия вынесла приговор — 15 лет тюремного заключения и еще пять поражения в правах.

8 сентября 1941 г. той же инстанцией был вынесен еще один — последний — приговор Петру Петровскому. За его спиной были Лубянская, Лефортовская, Бутырская, Владимирская, Таганская, Суздальская тюрьмы и казематы Соловецких островов. Его вывели во двор, на сей раз Орловского централа, когда наступил вечер, вместе с группой узников. Среди них были представители Коминтерна. Его вызвали первым. Спешили, но расстреливали по одному — для верности. Он вышел твердой походкой, подошел к стене, повернулся в сторону, где замер взвод с взведенными ружьями. Он стоял, ветер рвал на нем нижнюю белую одежду. Верхнюю отдал, прощаясь, оставшимся сокамерникам. Неожиданно он вскинул вверх правую руку, сжатую в кулак.

— Для меня не было ничего священнее любви к своей Родине, к рабочему классу и его партии! — крикнул он.

Все, кто ждал расстрела, вскинули вверх руки, сжатые в кулак, и на разных языках раздалось: «Рот фронт», «Рот фронт», «Рот фронт»...

17 октября 1989 г. на заседании Комиссии Политбюро ЦК КПСС была заслушана информация КПК при ЦК КПСС о реабилитации в партийном отношении лиц, проходящих по делу так называемой «Антипартийной контрреволюционной группы правых Слепкова и других («бухаринская школа»)». Участники группы не скрывали, что боролись с тоталитарным режимом, отбросившим подлинный марксизм-ленинизм, изменившим ленинскому курсу, социалистическому строительству и обрушившим массовые репрессии на партию и народ. «Добиться изменения партийной политики,— отвечал в свое время Петр Петровский на вопрос о целях и задачах этой организа-

ции,— путем смены партруководства и прихода к власти Бухарина, Рыкова, Томского, Каменева, Сокольникова и Угланова, могущих, по нашему мнению, осуществить нашу программу, как-то: 1) Возврат к первому этапу нэпа — восстановление торговой смычки города с деревней и 2) восстановление внутрипартийной демократии» [24].

Долго еще партия и народ будут ждать этого поворота. Но дело этих борцов со сталинизмом не пропало.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Петровский Л. П.* Петр Петровский. Алма-Ата. 1974. С. 46.

2 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 351.

3 Ленинградская правда. 1928. 28, 30 июня.

4 Наш современник. 1988. № 11. С. 115.

5 Ленинградская правда. 1928. 13 июля.

6 *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С. 359.

7 Annali Feltrinelli. Vol. VIII. Milano, 1966. P. 898.

8 Из Политбюро ЦК партии С. М. Кирову был направлен текст с порицанием: «Почему обком не принимает меры к оздоровлению руководства «Ленинградской правды» (ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 11, д. 30, л. 156).

9 Письмо П. Г. Петровского отцу от 6 мая 1929 г. (личный архив автора).

10 Правда. 1929. 15 нояб.

11 Письмо П. Г. Петровского отцу до или 7 марта 1929 г. (личный архив автора).

12 См.: Правда. 1929. 18 нояб., Поволжская правда. 1929. 13 ноября.

13 Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 45.

14 Показания П. Г. Петровского от 24 февраля 1933 г. (см. ЦА КГБ СССР. Архивно-следственное дело «Антипарт. к/р группы правых Слепкова и др. («бухаринская школа») — 1933».

15 ЦА КГБ СССР. Архивно-следственное дело П. Г. Петровского за 1937 г.

16 Нижневолжский колхозник. 1931. № 5—6. С. 45.

17 Там же.

18 Юность. 1988. № 11. С. 22.

19 ЦА КГБ СССР. Архивно-следственное дело «Антипарт. к/р группы правых Слепкова и др. («бухаринская школа») — 1933».

20 ЦА КГБ СССР. Архивно-следственное дело П. Г. Петровского за 1937 г.

21 Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 42.

22 Там же.

23 Там же.

24 ЦА КГБ СССР. Архивно-следственное дело «Антипарт. к/р группы правых Слепкова и др. («бухаринская школа») — 1933».

Г. Н. Жаворонков,
В. И. Парийский

СКАЗАВШИЙ БУДЕТ УСЛЫШАН

1937-й... Это был год, казалось бы, навсегда исчезающих имен и год рождения имен новых, о которых мы узнаем только через много десятилетий.

Это был год и трагического июньского Пленума ЦК ВКП(б), на котором была предпринята последняя отчаянная попытка остановить сталинские репрессии против народа, против партии. На пленуме с резким осуждением методов, применяемых НКВД, выступил нарком здравоохранения Григорий Каминский. Вопреки разумной логике он как бы добровольно и вполне сознательно шагнул на эшафот.

Несомненно, сотрудникам НКВД, ведущим следствие, были непонятны причины самоубийственного поступка: «Зачем? Кто услышит?»

Они были уверены — никто. Неслышащая, онемевшая страна без слез отречется от тех, кто был в первых рядах Октября 1917 г.

Для Григория Каминского следующие один за другим бесконечные дни допросов станут страшным и долгим прощанием с жизнью, но не прощанием с истиной.

Он не был из тех, кто считал, что революцию можно делать в белых перчатках. Он не был из тех, кто идеализировал революцию, не позволяя и не прощая ей ошибок и промахов. Но он принадлежал к той когорте ленинцев, которая не путала революцию с бессмысленными преступлениями во имя собственной вождистской идеи.

К сожалению, теперь биографию Григория Каминского приходится восстанавливать по разрозненным документам, по свидетельствам очевидцев, по скудным семейным архивам.

Рассказывает Светлана Григорьевна Каминская:

«Когда папу арестовали, мне шел одиннадцатый год. Кончилось счастливое детство, дальше почти два десятилетия сгущался сплошной мрак. Я грезила и наяву, и во сне, воскрешая малейшие подроб-

---

Авторы выражают глубокую благодарность И. Соболю и Гр. Каминскому (внуку) за предоставление материалов, использованных при подготовке статьи.

ности нашей прежней жизни, и потому хорошо помню все, что было до того рокового дня.

Пока папа работал в кооперации, мы жили на Басманной, в маленьком флигеле, и у меня осталось такое впечатление, что у нас постоянно кто-то еще находился. В семье воспитывался папин младший брат, мамина сестра, часто ко всем приходили друзья, оставались ночевать, в общем, это была какая-то большая веселая коммуна, лишенная бытовых, меркантильных интересов.

Папу всегда помню в хорошем настроении, веселым, энергичным, расположенным к людям. Он увлекался и всех увлекал музыкой, литературой, спортом. И меня очень рано научил плавать, бегать на коньках, ходить на лыжах.

Был он необыкновенно демократичен. Те, с кем сближался по работе, оставались его друзьями на всю жизнь. Его окружали гимназические товарищи, сокурсники, соратники по гражданской войне. Большая дружба связывала его с Кировым и Орджоникидзе. Когда у него родился сын, он, еще раньше это решив, назвал его в честь обоих уже трагически погибших друзей Сергеем.

Несмотря на свою всегдашнюю занятость, папа старался уделять мне побольше времени. Приносил книги, часто читал по вечерам вслух. Каждое воскресенье мы ездили на катки или ходили на лыжах по лесу. Он только всегда беспокоился, говорил, что у меня нет чувства края.

У него была огромная библиотека, которую он начал собирать еще в гимназические годы. Полки и шкафы с книгами стали, пожалуй, единственными украшениями в квартире, потому что вся остальная мебель была казенная, безликая от прикрепленных бирок.

Он очень любил кино и иногда по выходным водил нас с мамой на два фильма в разных кинотеатрах.

Когда отменили запрет на елки, отец приволок чуть ли не целую ель, сам украсил ее, ко мне пришел почти весь класс, был очень веселый праздник. Встречали мы новый, 1937 год...»

Сопоставляя различные сохранившиеся в памяти очевидцев тех трагических дней версии, мы пытаемся теперь восстановить последовательность происходивших событий.

Рассказывает Екатерина Гордеевна Карманова, в 1937 г. заместитель наркома здравоохранения СССР:

«В день выступления на Пленуме ЦК Григорий Наумович тщательно привел в порядок все дела. Подписал скопившиеся документы, отдал распоряжение, как решать вопросы на предстоящей коллегии, если его не будет. Очистил от бумаг сейф и ящики письменного стола. Я встревожилась, спросила, не готовится ли он к переходу на другую работу. «Нет,— сказал он,— я делаю это на всякий случай...»

Рассказывает Давид Григорьевич Оппенгейм, в 1937 г. ректор 1-го Московского медицинского института:

«С новым наркомом здравоохранения Г. Н. Каминским у меня с самого начала сложились хорошие деловые и даже дружеские взаимо-

отношения. Григорий Наумович живо интересовался делами института, оказывал ему большую помощь. Личное участие принимал он в восстановлении и открытии санитарно-гигиенического корпуса. Не знаю, уместно ли вспоминать, но и забыть не могу, как после торжественной части мы устроили танцы и Григорий Наумович до двух часов ночи вальсировал с преподавателями и студентками...

Но уже с лета 1936 года волна террора стала захлестывать и медицину. Только в нашем институте к середине следующего года было арестовано, по неполным данным, 5 профессоров и 17 студентов различных курсов с обвинениями от подготовки терактов до ведения антисоветской агитации. Многих студентов на институтских собраниях понуждали отрекаться от репрессированных родственников. Все чаще я заставал Григория Наумовича в подавленном, угнетенном состоянии.

Помню, с каким-то делом я пришел в Наркомздрав в Рахмановском переулке. В приемной мне сказали, что Каминский на пленуме ЦК, но в перерыве между заседаниями может прийти и чтобы я подождал.

Григорий Наумович приехал уже после обеда, был очень взволнован. Всегдашний румянец с него сошел: лицо было мертвенно бледным. Мы только начали разговор, как за Каминским зашли два человека, и все вместе они куда-то заторопились.

Больше Григория Наумовича я не видел. А вскоре арестовали и меня».

Двадцать пятое июня 1937 г. Третий день работы Пленума ЦК ВКП(б). Слово берет кандидат в члены ЦК Григорий Наумович Каминский.

Его выступление не было сиюминутным эмоциональным порывом, случайной, непродуманной акцией.

Пока неизвестно, сохранилась ли в партийных архивах стенограмма выступления Каминского, но основной смысл его речи остался в памяти современников. Его не смогли стереть десятилетия тюрем, лагерей, годы замалчивания. О речи Каминского перешептывались в глухих застенках, ее обсуждали, вернувшись из заключения, реабилитированные коммунисты.

Григорий Каминский сразу же выразил недоверие аппарату Ежова и потребовал создания особой партийной комиссии для расследования положения дел в НКВД. Каминский заявил, что он никогда не поверит в виновность тех, кого знал многие годы по совместной работе. По его словам, он не понимает, что, собственно, происходит в партии. Как могло случиться, что столько врагов проникло в ее ряды? Почему люди, совершившие революцию, двадцать лет беззаветно служащие делу социализма, вдруг в массовом порядке стали продаваться различным разведкам? Он не может найти этому разумное объяснение, а доводы Ежова лишь усиливают недоверие.

Каминский не мог не знать и о готовящейся расправе над группой Бухарина, полагая, вероятно, что это не что иное, как кровавая политическая месть. Нельзя сказать, что он полностью разделял политические позиции Бухарина. Но все же многие бухаринские предложения по экономике были ему близки...

Семь лет назад, в январе 1930 г. Каминский возглавил только что созданный отдел агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б).

Видя, как гибнет кооперация, зная, что происходит в деревне, и понимая безуспешность попыток сопротивления «бешеным темпам» коллективизации, он основное внимание сосредоточивает на работе промышленности.

О внутреннем несогласии с проводимой политикой свидетельствует и его выступление на XVI съезде партии. По сценарию полагалось со всей яростью заклеймить «правых капитулянтов», чьи паникерские предостережения уже якобы опрокинуты жизнью. Солдат партии, Каминский, подчиняясь партийной дисциплине, не мог еще позволить себе отойти от сценария. Но его критика оппозиционеров, особенно в сравнении со многими другими выступлениями, весьма и весьма сдержанна. Он так ни разу и не назвал фамилии Бухарина...

А сегодня на Пленуме, обращаясь лично к Лаврентию Берии, Каминский обвиняет его в разгроме и уничтожении высшего руководства Закавказских республик. Он выразил сомнение в самоубийстве первого секретаря ЦК Компартии Армении Агаси Ханджяна, позволил себе не поверить в причину скоропалительной смерти от неизвестной болезни председателя ЦИК Абхазии Нестора Лакобы.

Всех этих людей Каминский знал очень близко. С 1920 г. он работал первым секретарем ЦК Коммунистической партии Азербайджана. В то время Берия был заместителем Багирова, председателя Азербайджанской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Кавбюро ЦК РКП(б) возглавлял Серго Орджоникидзе, с которым у Каминского было полное взаимопонимание. А вот отношения с подчиненными ему Багировым и Берией сразу же стали враждебными.

Григорий Наумович одним из первых почувствовал удушающую силу репрессивных органов, выходящих из-под контроля партии. Будучи секретарем ЦК КП(б)

республики, он почему-то последним узнавал об арестах, о спровоцированных межнациональных конфликтах, о неожиданных кадровых перемещениях. Все это преподносилось в виде непонятных для него национальных особенностей, специфики местного уклада.

Он очень скоро ощутил на себе противостояние «теневого правительства» Багирова — Берии и предпринял уже тогда опасную акцию по подчинению «органов» партийному контролю, по защите людей, арестованных по произволу.

Сведения из архива писательницы Александры Бенциановны Ложечко. После XX съезда КПСС она работала над биографией Г. Н. Каминского, искала и находила чудом сохранившиеся уникальные документы о его жизни и деятельности.

Оказалось, что дело Григория Камииского иачато ие в 1937 году, а в 1921. Багнров и Берия апеллнровали к Сталииу, обвнияя первого секретаря ЦК Компартни Азербайджаиа в развале партийиой работы, в травле местных коммуиистов.

Кавказское бюро ЦК РКП(б) разбнрало этн обвииеиия в присутствии Сталина и Орджоиикидзе. Сталии поддержал обвинителей. Однако Орджоннкидзе убедил члеиов бюро в иевииовиости Камииского, иазвав Берню интригаиом и провокатором. Честь Камииского была спасеиа. Начатое персоиальиое дело закрыто. Для партии, но не для Лаврентня Берин.

Вряд ли Орджоникидзе и Каминский поняли тогда, кто истинный организатор сорванной провокации, а кто исполнитель, взявший на себя роль послушного статиста, а потом молчаливого виновника.

Ни председатель Кавбюро, ни секретарь Компартии Азербайджана не могли предположить, что проигравшего Берию ждет не заслуженное наказание, а воистину вертикальный служебный взлет. Очень скоро он возглавит НКВД Грузии, потом ЦК ее партии, а потом окажется во главе коммунистов всего Закавказья.

Своим выступлением на июньском Пленуме ЦК Григорий Каминский попытается остановить стремительное возвышение одной из самых порочных и преступных фигур сталинского режима — Лаврентия Берии. Он предупредит партию об опасном прошлом и еще более опасном будущем этого человека.

Пророческое предупреждение Г. Каминского трагически сбудется. После его гибели уже никто не попытается встать на пути Л. Берии.

Рассказывает Светлана Григорьевна Каминская:

«Хорошо помню тот июньский день, когда папа уехал на пленум. Накануне вечером он вернулся на дачу в Барвихе крайне взволнованным и сразу же заперся с мамой. Не ужинал, а обычно и завтрак, и ужин мы старались проводить все вместе. Ночью я часто просыпалась и слышала то разговор, то мамин плач. Утром мама даже не смогла выйти. А папа сказал мне: «Пойдем-ка погуляем...» Я обрадовалась, ведь обычно он сразу же уезжал на работу, а гулять я с ним очень любила. Папа был внешне необыкновенно красив, высок, широкоплеч, статен. Рядом с ним я шла всегда с чувством гордости. Казалось, что все мне завидуют.

Мы спустились в сад. Шли молча, взявшись за руки, и я тоже притихла. Потом он направился к машине...

После я поражалась воле мамы, которая смогла его достаточно спокойно, без какой-либо истерики проводить, хотя находилась она в крайней степени отчаяния... Уже к вечеру она сказала, что папа предупредил: если он не позвонит и не приедет, ждать его не надо. И добавила, что папа теперь, наверное, никогда не вернется.

В Москве мы жили в том доме, который сейчас называют «Домом на набережной». До сих пор вспоминаю с ужасом обыски на даче и в квартире. Все разгромлено, разбросано, выпотрошено... Забрали рукописи папы, письма, фотографии из альбомов. У нас фактически ничего из архива не осталось. Взяли и нарисованный мной для школы план сада. Очень этот план заинтересовал энкаведешников. А два гипсовых папиных бюста работы Веры Мухиной они разбили вдребезги...

На следующий день комендант велел, чтобы мы освободили квартиру».

Речь на июньском Пленуме ЦК была не первым выступлением Каминского против политики Сталина. Наибольшее его беспокойство вызывало состояние аграрного сектора экономики страны. Как бывший председатель Колхозцентра, Каминский не мог не знать истинного положения дел на местах. Не мог не убедиться в коварной раздвоенности политической линии Сталина. С одной стороны, генсек грозно осуждал «головокружение от успехов», с другой — тайно поощрял перегибщиков, внедрявших в деревне методы «сверхвоенного» коммунизма.

Возглавляя с самого начала нэпа сельскохозяйственную кооперацию, руководя ее большевистской фракцией, Каминский боролся за правильную политику цен, развитие рынка, налаживание товарно-денежных отношений... И вот все это начинает постепенно, но неуклонно разрушаться. Еще вчера казавшаяся реальностью мечта о быстром преобразовании нищих крестьянских наделов в плодородную счастливую ниву оборачивалась массовыми репрессиями, привела к неслыханному для России «гладу и мору».

Сомнения в возможности победы сторонников экономического пути развития социализма над радетелями бюрократического появились у него еще в 1927 г.

...Одним из последних в повестке дня XV съезда ВКП(б) стоял вопрос «О работе в деревне». Докладчик В. Молотов выступал с требованием ускоренной коллективизации. По регламенту на вечернем заседании 17 декабря 1927 г. прения окончились. Молотов уже подготовился к заключительному слову, после которого должна быть принята резолюция.

Но в последний момент, опасаясь, что мнения выступавших о производственной кооперации могут повлиять на поворот стрелки компаса от ленинского курса, Каминский настойчиво просит дать ему слово. Хотя бы в порядке исключения. Председательствующий ставит предложение на голосование. Делегаты поддерживают Каминского.

— Товарищи,— начал он,— самое узкое место в нашем сельском хозяйстве — чрезвычайно слабая товарность. Вы знаете, что общая товарность крестьянского хозяйства достигает сейчас примерно всего лишь 80 процентов довоенной... Не буду утомлять ваше внимание цифровыми данными. Укажу лишь для примера, что в течение всего лишь двух сезонов с 1925 по 1927 годы мы пять раз изменяли цены на лен... Крестьянин ответил тем, что сократил в наиболее товарных районах свои льняные посевы... Это привело к тому, что мы вынуждены были почти на 50 дней приостановить работу текстильных льняных фабрик и на 50 процентов сократить наш льняной экспорт.

Каминский предупреждает, что если закупочные цены будут и дальше снижаться, то крестьянство перейдет к натуральным формам хозяйствования. И тогда особенно тяжелое положение сложится с продовольствием в промышленных центрах.

Касаясь вопроса о колхозном строительстве, Каминский, по сути дела, вступил в полемику с докладчиком.

— Ни в коем случае нельзя ставить вопрос таким образом, что путь, по которому мы шли до сих пор, не главный и основной путь, а что главный и основной путь только колхозы... Ничего не может быть вреднее для дела проведения в жизнь кооперативного плана Ленина, как такого рода идеи.

Лимит времени исчерпан, но не все главное высказано. Каминский продолжает.

— Мне говорят — кончай, но я не могу не остановиться еще на одном очень важном для нашей работы вопросе... В отсутствии нужной хозяйственной инициативы и самостоятельности наших кооперативных организаций в значительной мере повинна установившаяся практика регулирования, преобладание в этой практике методов административного порядка над методами организационно-экономическими.

Через шестьдесят лет эта «установившаяся практика», которая вызывает тревогу Каминского, будет названа «административно-командной системой».

И еще на одну почти до наших дней дожившую «практику» — противостояния слова и дела — указывает Каминский.

— Подлинная хозяйственная активность может возникнуть только при соответствующем стимулировании. Мы имеем в этом направлении прекрасные, исчерпывающие постановления, решения и директивы... Но эти решения для нас до сих пор остаются пропавшими грамотами. В жизнь они не проводятся. Между тем, пожалуй, ничего большего нельзя и пожелать, как только осуществление того, что в этих решениях написано.

Дальновидное предупреждение. Но такой же «пропавшей грамотой» через два года станут и взвешенные, реалистические решения XV съезда.

Не все делегаты успеют доехать домой, как вслед им по сельской части страны «карфагеном пойдет» заготовительская чрезвычайка. А в городах вскоре будут введены продовольственные карточки.

Положение ухудшается, «кавалеристы» усиливают натиск на «товарников», крестьянство же отвечает сокращением запашки и производства продукции.

В кризисный 1928 г. Каминский предпринял не одну отчаянную попытку оказать влияние на исправление политического курса.

В июне на первом Всесоюзном съезде сельскохозяйственных коллективов он предупреждает:

— Тот, кто отделяет вопросы организации и работы колхозов даже в нынешней стадии развития от общего вопроса кооперирования и коллективизации, тот делает величайшую ошибку. Наше колхозное движение есть не что иное, как завершение общего кооперативного плана, который является планом социалистической перестройки земледелия.

В июле на второй сессии Союза союзов сельскохо-

зяйственной кооперации председатель этого Союза Каминский уже бьет в набат:

— У нас проявляется такая безрукость, такое неумение провести кооперативный план Ленина, такое неумение использовать все те возможности, которые имеются в нашем государстве... Приходится сражаться ни с кем другим, как это ни странно, как с советской властью... Последние меры, которые были связаны с хлебозаготовками, привели к тому, что сейчас получилось довольно странное положение в смысле командования. Командовать сейчас легче, чем раньше. И часто на местах это командование принимает анекдотические формы.

Предостерегающий голос человека, поставленного во главе кооперативного движения по рекомендации Ленина, также не был услышан. Пробивается он к нам только сейчас.

Еще в декабре 1928 г. председатель Колхозцентра РСФСР Каминский надеется спасти дело, спасти крестьян от раскрестьянивания, от «военно-феодального закрепощения»:

— Наше руководство, наша работа в направлении организации колхозов страдает прежде всего тем маленьким недостатком, который в колхозном движении может стать его смертью и гибелью. Это бюрократические приемы, схематическое понижение методов работы, полный отрыв от живой связи с местами и полное неумение понять одну главную задачу, что колхозное движение не может отрываться от кооперативной базы.

А в апреле 1929 г. на XVI партконференции он уже понимает, что угроза нависла не только над делом, но и над миллионами людей:

«*Каминский.* ...Что делать с кулаком, находящимся в селе?.. Может быть и такое решение вопроса: тракторная колонна обрабатывает и кулацкие земли, не принимая кулака в колхоз.

Варейкис. Непонятно что-то.

Каминский. Почему непонятно? Речь может идти о том, чтобы этих кулаков не переселять, а в сплошном массиве их земли обрабатывать...

Калинин. Каминский, а ты не махнул ли очень далеко?

Каминский. Нет, Михаил Иванович, исходя из опыта нашей работы, иначе мы не можем ставить вопрос, потому что это означало бы при той страшно обостренной борьбе, на основе которой создаются колхозы, вести такого рода политику, которая будет непонятна основным бедняцким и середняцким массам населения».

Но все более круто нагнетался в стране режим деспотизма. Под бравурные марши хоронили ленинскую эко-

номическую политику. Голод и террор шли ей на смену. Раболепие вытесняло гражданскую смелость. Однако молчали еще не все.

Из письма академика И. П. Павлова наркому здравоохранения РСФСР Г. Н. Каминскому от 10 августа 1934 года:

«Думаете ли Вы достаточно о том, что многолетний террор и безудержное своеволие власти превращают нашу и без того довольно азиатскую натуру в позорно рабскую? Я видел и вижу постоянно много чрезвычайных примеров этого. А много ли можно сделать хорошего с рабами? — Пирамиды, да; но не общее истинное человеческое счастье».

Каминский требовал досконального расследования обстоятельств гибели Серго Орджоникидзе, обосновывая необходимость этого тем давлением, которое оказывалось на него как на наркома здравоохранения СССР, чтобы он подписал фиктивное медицинское заключение о смерти Серго в результате паралича сердца.

На глазах Каминского вокруг Серго образовывался вакуум. Он уже не мог защитить не только партию, но предельно близких людей: родственников, красных директоров заводов и строек, с кем от первых колышков начинал индустриализацию страны.

Он не смог защитить даже себя...

Стреляя в свое сердце, Серго думал, что стреляет в Сталина. Он промахнулся. И эта пуля пролетела мимо.

Рассказывает Иван Ильич Муковоз, в 1937 году главный врач центральной лечебной комиссии при ЦК КП(б) Украины:

«С Гришей Каминским мы были в приятельских отношениях еще с первых послереволюционных лет. Ему даже довелось однажды в 1920 году представить меня для краткой беседы с Владимиром Ильичем Лениным.

Потом нас разбросало в разные стороны, и до его назначения наркомом здравоохранения виделись мы редко, урывками.

Летом 1937 года Григорий Наумович вызвал меня телеграммой из Харькова в Москву. Я готовился к большой нахлобучке за перерасход денег, отпущенных на строительство и расширение правительственных лечебно-медицинских учреждений на Украине. Утром, прямо с поезда придя в Наркомздрав, узнал, что Каминский на пленуме ЦК. Я подумал, что могу воспользоваться своим пропуском

для прохода в высшие учреждения, и действительно мне выдали разовый гостевой билет. Я прошел в боковую ложу, где уже сидели несколько человек.

Председательствовал на заседании Сталин. За трибуной стоял нарком внутренних дел Ежов. Он сообщал, сколько партийцев за последнее время выявлено в качестве врагов народа и арестовано, называл фамилии и должности осужденных органами НКВД. После его выступления все участники пленума подавленно молчали.

— Кто хочет сказать, спросить? — обратился председательствующий к залу.

В ответ — гробовая тишина.

— Может быть, кто-то хочет высказаться? — вторично предложил Сталин.

И опять мертвая тишина.

Вдруг со своего места во втором или третьем ряду поднялся Каминский.

— Разрешите?.. Я хочу сказать, что мне непонятно, почему членов ЦК, членов правительства сотрудники НКВД арестовывают в нарушение Устава партии. Кроме того я хочу заявить, что многих из перечисленных здесь «врагов народа» я знаю как честных коммунистов, преданных делу социализма.

Сталин гневно перебил:

— А вы, случайно, не друзья с этими врагами?

— Они мне вовсе не друзья.

— Ну тогда, значит, и вы одного с ними поля ягода!

После еще нескольких реплик Сталин, взвинченный до предела, объявил перерыв.

Не заходя в наркомат, я бросился на вокзал и к вечеру уехал домой. А на следующий день за мной пришли...»

Рассказывает Афанасий Гаврилович Крымов, в 1937 г. сотрудник восточного отдела Исполкома Коминтерна:

«В тюрьмах и лагерях мне приходилось встречаться с немногими еще оставшимися в живых участниками июньского пленума ЦК. Бывший сотрудник НКВД Тумбала, сам уже подследственный, рассказывая о выступлении Каминского, называл его не иначе как «провокационным». В одной камере со мной были секретарь Воронежского обкома партии и один из помощников Постышева. Они говорили, что кроме Каминского выступили против сталинской репрессивной политики члены ЦК Пятницкий, Хатаевич, Чудов, Любченко, Шеболдаев, всего человек 12—15.

В перерыве между заседаниями заместитель наркома внутренних дел Фриновский ходил по коридору, курил и папиросой указывал: этого взять, вот этого...

На следующий день Ежов доложил, что все выступившие накануне являются членами разоблаченной контрреволюционной организации. А Сталин добавил, что лично он склонен кое в чем сомневаться, но жизнь сейчас такова, что открываются самые неожиданные и невероятные вещи. И потому НКВД поручено в этом деле тщательно разобраться.

Потом всех арестованных, конечно, расстреляли. Шеболдаев будет убит без приговора. А сын Любченко, с которым я был в Норильском

лагере, рассказал, что его отец, вернувшись домой, в тот же день застрелил жену и себя.

Своим выступлением эти люди, не будучи поддержанными, подписали себе смертный приговор».

Рассказывает Мария Исааковна Лускина, в 1937 г. инструктор Московского горкома партии:

«4 июля 1937 года состоялся актив городской парторганизации, на котором первый секретарь МГК ВКП(б) Н. С. Хрущев доложил об итогах июньского Пленума ЦК. Он приводил многочисленные факты о разоблачении втершихся в доверие партии вредителей, изменников и двурушников. А в конце Никита Сергеевич сообщил, что Пленум вывел Г. Н. Каминского из состава кандидатов в члены ЦК как врага народа».

Григорий Каминский на Пленуме прощался со многими теми, кого уже не было в живых. Прощался и с живыми, с товарищами по партии, с семьей, с детьми, которым поручил сказать то, что не было услышано в июне тридцать седьмого.

Рассказывает Светлана Григорьевна Каминская:

«Мы долго метались по московским тюрьмам, искали, где папа. Только в начале зимы нам позвонили и сказали, что можно передать теплые вещи. А вскоре мы узнали, что папа приговорен к десяти годам без права переписки. Мы тогда и не предполагали, что это значит: уже казнен...

Мама все время ждала, что за ней тоже придут, хотя тогда существовало неписаное правило не арестовывать женщин с грудными детьми. Я уходила в школу, с трудом с ней расставаясь. Она это знала и приходила с Сережей на руках к концу уроков — увидев ее, я немного успокаивалась. А дома — мы жили уже в коммунальной квартире с длинным коридором — мама ночами металась по этому коридору, зажав голову руками. Она не могла себе представить, что будет с сыном, которому всего несколько месяцев... Я очень боялась за нее, старалась не оставлять одну, так и ходила везде по пятам.

За ней пришли 2 марта, поздно вечером. В это время у нас была мамина подруга, она держала на руках Сереженьку, вместе с ним ушла на кухню и тем спасла его от детприемника. Когда маму уводили, я вцепилась в нее, а человек в плаще буквально отдирал мои руки от маминого платья и кричал: «Да уберите же этого ребенка!»

Потом мы, уже с бабушкой, ходили узнавать про маму и примерно месяца через два нам сказали, что ей дали 8 лет лагерей как жене «врага народа». Кто-то нас научил, как ее разыскать: посылать по лагерям посылки, и откуда назад посылка не вернется, там, значит, мама и отбывает срок. Так мы узнали, что она в Темниковских лагерях, а потом ее этапировали на север, в Ухтлаг.

Тогда же были арестованы и погибли два папиных брата. Их мать до самой смерти ходила каждый день к Кремлю в Александровский сад. С трудом удавалось ее оттуда уводить. Она вырывалась,

говорила, что вот-вот должен выйти Иосиф Виссарионович и тогда она ему пожалуется, что у нее трех сыновей посадили, и он ее пожалеет и их выпустит...»

Ни один из следователей так и не поймет самоубийственного поступка Григория Каминского. Им и не дано было понять это. Они думали, что так, как есть, будет всегда. Что правда бессмысленна, если она не угодна вождям. У них не было за плечами ни революционного прошлого Каминского, ни его ленинской убежденности в чистоте идеи, ни его мужества, неподвластного чувству самосохранения. Но у всех у них не было и его будущего. Они примитивно верили, что их подвалы — земные чистилища перед адом, из которого нет возврата в бытие. Они никогда не предполагали, что не дети и внуки Каминского, а их дети и внуки будут стыдиться своей родословной, что проклятию и забвению будут преданы их биографии, их имена.

В опубликованных воспоминаниях ветеранов партии звучат пока до конца не выясненные, глухие свидетельства о неслучайности и нестихийности той последней акции сопротивления, предпринятой на июньском Пленуме. Недавно скончавшийся большевик А. Темкин, сидевший в одной тюремной камере с О. Пятницким, успел сообщить его рассказ о настроении группы коммунистов, требовавших смещения Сталина с поста генсека. Перед Пленумом состоялось несколько совещаний — «чашек чая»,— на которых присутствовал и Каминский.

После XX съезда партии Г. И. Петровский, один из ближайших сподвижников Ленина, чудом избежавший бериевских застенков, рассказывал, что сам слышал, как «врач Каминский» говорил: «Сталин руководить партией и страной не может, он тяжело болен, его надо лечить».

Однако сколь ни были осторожны бывшие подпольщики, об их «тайных вечерях» информацию получали на самом верху. Именно потому не все из участников совещаний осмелились выступить с открытым забралом. И несмотря на это — кто-то все же решился.

Мгновенная ответная реакция Сталина и Ежова, аресты во время Пленума объяснимы только чьим-то предательством и подготовленностью НКВД к выступлениям.

Все эти люди не раз и не два блестяще выполняли конспиративные операции против царской охранки, но они оказались не готовыми к борьбе с преступными

авантюристами в рядах собственной партии. Выяснилось, что они попросту безоружны перед не знающим жалости и пощады карательным аппаратом Сталина. Это именно они: «тончайший слой» наиболее преданных коммунизму большевиков проголосовали на XVII съезде ВКП(б) против избрания Сталина в состав ЦК. Но и этот выстрел из Октября оказался промахом. Он не убил, но испугал вождя. Сфальсифицировав результаты голосования, Сталин ответил огнем по площадям: в ближайшие годы две трети делегатов съезда будут арестованы и многие из них казнены.

Зная отношение Каминского к Сталину и к проводимой им политике, безошибочно можно предположить, что в числе тех, кто отказал генсеку в доверии, был и Григорий Каминский.

Да, он был беспомощным перед Сталиным, владеющим чудовищным аппаратом репрессий. Но время очищающей правды расставило все по своим местам, и теперь Сталин удивительно бессилен перед Каминским.

Тогда, несмотря на мужественное сопротивление, террора остановить не удалось. Но его не удалось бы остановить и после 1953 года, не удалось бы развенчать и осудить культ личности на XX съезде КПСС, не будь у Н. С. Хрущева, участника того июньского Пленума ЦК, в памяти этих, казалось бы, одиночных голосов.

Рассказывает Светлана Григорьевна Каминская:

«После войны мы вернулись в Москву и с лета 47-го, когда кончился папин срок, я стала ходить в Главную военную прокуратуру. Мне сказали там, что надо подать заявление. Назначали, а потом переносили сроки ответа. Сидели мы, а приходило много людей, в полутемном коридоре. Нас по одному вызывали в крохотную каморку и там какой-то военный с портфелем быстро говорил каждый раз одно и то же: «Дело пересматривается. Ждите».

Примерно в конце 1954 года, узнав, что Н. С. Хрущев неоднократно и очень тепло отзывается о Грише Каминском и о его смелом выступлении на пленуме, я написала письмо в Кремль. И вот однажды, когда я в очередной раз пришла в прокуратуру, меня провели по парадной лестнице наверх, в большой светлый кабинет. Человек в генеральской форме встал из-за стола и пошел навстречу. Он пожал мне руку и поздравил с реабилитацией отца.

Через некоторое время меня вызвали в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС, где П. Т. Комаров сказал мне, что я могу гордиться своим отцом. Г. Н. Каминский выступил после Ежова, который потребовал предоставления органам внутренних дел чрезвычайных полномочий, назвал безумием разгул репрессий и указал на

необходимость подчинить органы внутренних дел органам партии.
Уже вместе с вернувшейся из ссылки мамой мы узнали, что в дни работы XX съезда КПСС отец восстановлен в партии».

Теперь нам достоверно известно, что по иезуитскому замыслу палачи намеревались над Каминским еще и глумливо надругаться: он должен был сыграть фарсовую роль на готовящемся судебном процессе по делу «право-троцкистского блока». В течение мучительно долгих семи месяцев его жестоко пытали, пока и сами истязатели, и их вдохновители не убедились, что волю этого человека им не сломить. Так и не выбив из Каминского ни согласия на соучастие, ни нужных показаний, его дело незадолго до начала «бухаринского процесса» направили в Военную коллегию Верховного суда СССР.

9 февраля 1938 года суд в составе Ульриха, Зарянова и Кандыбина, рассмотрев материалы предварительного следствия, признал Г. Н. Каминского виновным в том, что он с 1929 года являлся одним из руководящих участников «антисоветской диверсионно-террористической организации правых», был организатором и руководителем контрреволюционной группы правых, действовавшей в системе здравоохранения, а также проводил широкую диверсионно-вредительскую деятельность.

Судьбовершительная «тройка» не обратила, конечно, никакого внимания ни на то, что в сфабрикованном деле не оказалось ни единого доказательства преступной деятельности Каминского, ни на то, что сам он виновным признать себя категорически отказался.

Смертный приговор, не подлежащий обжалованию, был приведен в исполнение на следующий день.

В тюрьме, незадолго до суда, Григорию Наумовичу Каминскому исполнилось 42 года...

Его имя в качестве обвиняемого на открытом процессе над «правыми» названо так и не будет.

Но имя его в качестве обвинителя громко прозвучит на другом, разоблачающем преступления сталинщины процессе.

Из доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС:

«В организации различных грязных и позорных дел гнусную роль играл махровый враг нашей партии, агент иностранной разведки Берия, втершийся в доверие к Сталину. Как этот провокатор смог

добиться такого положения в партии и государстве, что стал первым заместителем Председателя Совета Министров Советского Союза и членом Политбюро ЦК? Теперь установлено, что этот мерзавец шел вверх по государственной лестнице через множество трупов на каждой ступеньке.

Были ли сигналы о том, что Берия враждебный партии человек? Да, были. Еще в 1937 году, на Пленуме ЦК бывший нарком здравоохранения Каминский говорил, что Берия работал в муссаватистской разведке. Не успел закончиться Пленум ЦК, как Каминский был арестован и затем расстрелян. Проверил ли Сталин заявление Каминского? Нет, потому что Сталин верил Берии, и этого было для него достаточно. А если Сталин верил, то никто не мог уже сказать что-либо противоречащее его мнению; кто бы вздумал возразить, того постигла бы такая же судьба, как и Каминского».

Едва ли кто пожелает упрекнуть нас в неточности или сознательном искажении информации, если сообщение об этом историческом событии мы сформулируем так: на XX съезде КПСС с разоблачением культа личности Сталина вместе с Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым выступили народный комиссар здравоохранения Каминский, члены ЦК Пятницкий, Хатаевич, Криницкий, зампред СНК СССР Лебедь, председатель СНК Украины Любченко... И не только они. Как недавно стало известно, их и тогда же исключенных из партии и из ЦК Шеболдаева, Жукова, Кабакова, Лобова, Разумова, Румянцева, Струппе, Чудова, Полонского, Павлуновского судили всех вместе и расстреляли в один день. Это была лишь часть большевиков, пытавшихся сделать все, чтобы 1937-й не вошел в нашу историю как год разгула беззакония и кровавых репрессий. Но их тогда не услышали...

Б. А. Старков

АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ СТАРОЙ ПАРТИЙНОЙ ГВАРДИИ

XVII съезд ВКП(б) закрепил становление режима личной власти Сталина в партии и государстве. Сопротивление старой партийной гвардии было сломлено. Однако Сталин и его окружение в ходе работы съезда и при выборах ЦК ВКП(б) получили серьезные уроки. Было совершенно очевидно, что оппозиция продолжает существовать и рано или поздно выступит против сталинизма.

1 декабря 1934 г. в Смольном был убит С. М. Киров. До сих пор в деле об убийстве Кирова много неясного. Юристы на вопрос римского права — кому это выгодно? — отвечают однозначно: убийство Кирова было выгодно только Сталину [1]. Часть историков считает этот факт трагической случайностью, а убийцу Л. Николаева психически неуравновешенным человеком, маньяком-одиночкой [2]. Так или иначе, представляется более правильным говорить о трагических последствиях этого события.

Убийство Кирова позволило Сталину и его окружению получить желанный повод для развязывания массовых репрессий как против реальной оппозиции, так и всех потенциальных выступлений против режима. Уже 1 декабря 1934 г. было принято постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». В нем, в частности, говорилось: «Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Ввести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дел в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и выдачи ходатайств о помиловании не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора»[3].

10 декабря 1934 г. соответствующее постановление принял ВЦИК и СНК РСФСР. Оно было окончательно утверждено 2-й сессией ВЦИК XVI созыва 9 февраля 1936 г. С этого времени в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР была внесена дополнительная XXXIII глава «О расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти»[4]. 14 сентября 1937 г. такой же порядок вводился по рассмотрению дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. Все это было юридическим обоснованием «большого террора».

К этому времени органы государственной безопасности всецело находились под личным контролем И. В. Сталина. По его прямому распоряжению начальник отдела ГУГБ НКВД СССР Г. А. Молчанов дал указание своим сотрудникам вести «разработку» членов партии за неосторожные разговоры. «Мы точно знали, кто и где ведет антисоветские разговоры, плохо отзывается о Сталине. На каждого вели формуляры»,— вспоминал ответственный работник НКВД тех лет Попов[5]. Физическое уничтожение представителей старой большевистской гвардии началось руками Ягоды, Реденса, Агранова, Заковского и других.

В сентябре 1936 г. новым наркомом внутренних дел назначается Н. И. Ежов *. Его приход к руководству

* Н. И. Ежов родился в 1895 г. в Петербурге в семье рабочего. С 14 лет начал работать на петербургских заводах, участник первой мировой войны. В марте 1917 г. вступил в ряды большевистской партии. В своих анкетах Ежов указывал, что принимал активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. Последнее действительно так: до 1921 г. он находился в рядах Красной Армии, был военным комиссаром школы курсантов и ряда красноармейских частей. С 1922 г. Ежов на партийной работе: был секретарем Семипалатинского губкома, Казахского крайкома партии, а с 1927 г. переводится в аппарат ЦК ВКП(б). В 1929—1930 гг. работал заместителем наркома земледелия СССР. С 1930-го по 1934 г. — заведующий учетно-распределительным отделом и отделом кадров ЦК ВКП(б). В 1934 г. на XVII съезде Н. И. Ежов был избран членом ЦК ВКП(б) и членом Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). С того же времени он — член Оргбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя КПК и заведующий Промышленным отделом ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1935 г. Н. И. Ежов избирается секретарем ЦК ВКП(б), председателем Комиссии партийного контроля, на VII конгрессе Коминтерна — членом его Исполкома. По личному поручению Сталина он осуществлял наблюдение за ходом следствия об убийстве Кирова, а затем за следствием и подготовкой

органами государственной безопасности ознаменовался усилением репрессий в отношении старой партийной гвардии. Чистке подвергся прежде всего сам аппарат органов. Было репрессировано более 20 тыс. чекистов, заменены, а затем репрессированы работники административных органов суда и прокуратуры. Аппарат этих органов, по убеждению Ежова, был засорен вредителями, шпионами и диверсантами.

Выступая как-то на собрании партийного актива ГУГБ НКВД, Ежов сделал следующее заявление: «Руководящие кадры НКВД потеряли доверие товарища Сталина. Работники из Оргбюро и ЦК железной метлой выметут ставленников Ягоды. Молчанов, Горб, Гай, Волович, Паукер — все они были немецкими шпионами. Волович, помощник Паукера, специально назначил одного инженера, немецкого шпиона, заведующим тайной правительственной телефонной станцией. Таким образом, врагу стало известно, какие переговоры вели между собой Сталин и Молотов. Ягода преследовал политику Фуше. Да, товарищи, все должны твердо усвоить, что и Феликс Эдмундович Дзержинский имел свои колебания в 1925—1926 гг. И он проводил иногда колеблющуюся политику. Нужна чистка, чистка и еще раз чистка» [6]. Смысл его выступления сводился к тому, что если можно сомневаться в Дзержинском, то разве нельзя сомневаться в репутации старых чекистов.

В первую очередь карательный меч настиг тех, кто работал с Дзержинским и Менжинским, то есть старых партийцев. Я. Х. Петерс был объявлен английским шпионом на том лишь основании, что его первая жена была англичанкой. Для дискредитации И. С. Уншлихта начальник ГУГБ М. П. Фриновский использовал записку Ф. Э. Дзержинского, датированную 1910 г., по обвинению его в провокаторстве. В 1910 г. партийный суд оправдал Уншлихта, однако в 1937-м именно она послужила основанием для репрессий против всех членов семьи Уншлихта. Г. И. Бокий был обвинен в моральном и бытовом разложении и также расстрелян вместе со своими сотрудниками.

На смену старой большевистской гвардии приходили

процесса Каменева и Зиновьева. Н. И. Ежов отличался большой личной преданностью И. В. Сталину и, не имея высоких морально-политических качеств, действовал в полном соответствии с его инструкциями и указаниями.

люди без высоких морально-политических принципов, так необходимых на работе в этих органах. За короткое время аппарат органов внутренних дел был увеличен более чем в 4 раза. «Ежов требовал от меня подбирать таких следователей, которые были бы полностью связаны с нами или за которыми были бы какие-либо грехи, и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках... По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные. Знало ли руководство Наркомата, то есть я и Ежов? Знали и поощряли. Как реагировали? Я, честно, никак, а Ежов даже это поощрял»,— говорил на суде один из его заместителей, М. П. Фриновский [7]. Кстати, Ежов рассматривал органы государственной безопасности как некую тесно спаянную и замкнутую касту, безоговорочно выполняющую его указания. Такая кадровая политика и обеспечила выполнение задач.

«Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневался в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убежден в виновности такого лица еще до его допроса и потому на допросе стремился любым путем добиться от этого лица признательных показаний»,— рассказал привлеченный к уголовной ответственности в начале 50-х гг. следователь центрального аппарата НКВД Шнейдеман [8].

Органы государственной безопасности все больше и больше превращались в бесконтрольную силу, фактически подменяя деятельность советских и партийных органов и учреждений. В такой ситуации любое несогласие с действиями Сталина, любая иная точка зрения автоматически объявлялась контрреволюционной.

В течение 1937 г. в среднем 4—5 раз менялось руководство республиканских, краевых и областных партийных и советских органов. В январе, выступая на торжественно-траурном заседании, посвященном 13-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина, А. А. Жданов заявил: «1937 год войдет в историю выполнения ленинских заветов и предначертаний, как год разгрома врагов народа» [9].

Казалось, что в такой обстановке любая открытая критика сталинского курса была невозможна. Однако именно тогда прозвучали голоса лучших представителей

старой партийной гвардии, которые нашли в себе мужество выступить против сталинских репрессий, разглядев в них смертельную опасность для Коммунистической партии и Советского государства, всех завоеваний социалистической революции.

Это случилось на Пленуме ЦК ВКП(б), который проходил с 23 по 29 июня 1937 г. В официальном информационном сообщении о его работе, опубликованном в «Правде», говорилось следующее: «На днях закончился очередной Пленум ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и одобрил его.

Далее Пленум рассмотрел вопросы:

а) об улучшении семян зерновых культур,

б) о введении правильных севооборотов и

в) о мерах улучшения работы МТС» [10].

Однако в повестке дня Пленума, как теперь стало известно, было и несколько других вопросов. Они были вызваны тем, что к этому времени начал давать показания Н. И. Бухарин. Теперь уже Сталин настаивал на физическом уничтожении всех членов «правой оппозиции», и прежде всего Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. Докладывал по этому вопросу Н. И. Ежов. Основное внимание он акцентировал на раскрытии органами госбезопасности широко разветвленного заговора бывших военных, партийных и советских работников. В связи с тем что срок чрезвычайных полномочий, данный органам НКВД год тому назад, истек, он просил санкции Пленума ЦК на продолжение их на неопределенный срок, для того чтобы органы могли бы до конца выкорчевать «гнезда» шпионов, диверсантов и вредителей из партийного, советского и хозяйственного аппарата. Н. И. Ежов обосновывал это тем, что в стране якобы существует законспирированное контрреволюционное подполье, а прошедший процесс военно-троцкистских заговорщиков и полученные признания вождей право-троцкистского блока позволяют сделать вывод, что страна стоит на грани новой гражданской войны и только органы государственной безопасности под мудрым руководством товарища Сталина способны ее предотвратить.

Взявший после этого слово Сталин предложил поддержать просьбу Ежова, а членам ЦК высказаться по этому вопросу. Неожиданно для всех диссонансом прозвучало выступление кандидата в члены ЦК ВКП(б) наркома здравоохранения СССР Г. Н. Каминского,

который высказался против этого предложения. Более того, он привел факты грубейших нарушений государственной законности со стороны органов госбезопасности, а также выразил серьезные претензии к руководству Закавказской краевой партийной организации во главе с Л. П. Берией.

Еще больший резонанс имело выступление заведующего политико-административным отделом ЦК ВКП(б) И. А. Пятницкого *, который заявил, что он против смертной казни Бухарина, Рыкова и других вождей так называемого правого уклона. За фракционную деятельность, по словам Пятницкого, достаточно исключить из партии и этим ограничить их влияние, отстранить от политической деятельности, но использовать их опыт в народном хозяйстве. Пятницкий был категорически против предоставления органам НКВД чрезвычайных полномочий на неопределенный срок и характеризовал Н. И. Ежова как бездушного и жестокого человека. Он обвинил его в фабрикации контрреволюционных дел и применении недозволенных методов дознания, настаивал на усилении контроля партии прежде всего над карательными органами и особенно предлагал компетентной комиссии разобраться в деятельности Н. И. Ежова. Выступления Каминского и Пятницкого были настолько неожиданными, что Сталин немедленно объявил перерыв, во время которого экстренно собрал некоторых членов Политбюро, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

* И. А. Пятницкий (Таршис) родился в 1882 г. в г. Вилькомире (иыие Укмерге) в семье столяра. С 16 лет вступил в революциоииое движеиие. После побега в 1902 г. из зиаменитой Лукьяиовской тюрьмы в Киеве ои оквзался за граиицей и стал одиим из агеитов «Искры». Ои отвечал за техиику, т. е. за переброску людей и литературы в Россию и обратно. Оказываясь иелегальио, по заданию партии, иа родиие, Пятиицкий практически всегда попадал в руки охраики, что ие было случайиостью, так как ои иаходился под иеусыпиым иаблюдеиием провокаторов Бряндииского, Житомирского, Малниовского. Обычио ему удавалось вырввться из рук полиции, ио тем ие меиее Февральскую революцию ои встретил в еиисейской ссылке. В октябрьские дии Пятницкий был одиим из руководителей Боевого пвртийного центра в Москве. Во миогом благодаря его энергии и решительиости социалистическая революция в Москве одержала победу. В 1918 г. имеиио ему было даио ответствеииое звдаиие ЦК поствввить под коитроль большевиков враждебный Викжель. С этой задачей ои блестяще справился и стал председателем иового профсоюза железиодорожииков.

С апреля 1921 г. И. А. Пятиицкий иаходился иа ответствеииой рвботе в Коминтерие. Ои иикогда ие примыкал ии к каким оппозицням, всегдв поддерживал и проводил лииию большиинства. «Я служу

По его поручению Молотов, Каганович и Ворошилов попытались уговорить Пятницкого отказаться от своих слов. Ворошилов напирал на то, что Сталин продолжает ему верить как человеку и большевику и ценит его как непревзойденного организатора. Стоит взять свое заявление назад, и все забудется, о нем никогда не будут вспоминать. Пятницкий не согласился. Тогда Молотов напомнил ему о семье, молодой жене и двух сыновьях, и посоветовал подумать об их судьбе. Но Пятницкий ответил, что хорошо представляет свою судьбу, но отказаться от заявления ему не позволяет совесть коммуниста. Он подчеркнул, что его выступление на Пленуме вполне осмысленное действие, а отнюдь не случайность. Что во имя чистоты и единства партии он готов пожертвовать своей жизнью и жизнью своих близких, если в этом будет необходимость. О результатах беседы с Пятницким было доложено Сталину. Работа Пленума возобновилась только на следующий день.

На очередном заседании выступил Н. И. Ежов. Он заявил, что НКВД располагает неопровержимыми уликами о том, что Пятницкий в годы реакции был агентом охранки. Как опытный провокатор он и теперь продолжает внедрять троцкистскую агентуру в Коминтерн. Ежов призвал Пленум выразить Пятницкому политическое недоверие. По предложению Сталина Пятницкому дали две недели для того, чтобы он смог объясниться с членами ЦК. 25 июня он был удален с дальнейших заседаний Пленума. 29 июня Сталин проинформировал членов ЦК о компрометирующих данных, поступивших на Козицкого, Чудова и Павлуновского, и предложил вывести их из состава ЦК. Пленум проголосовал «за». Затем Сталин сказал: «Что касается Пятницкого, проверка идет. Она должна быть на днях закончена, идут передопросы, очные ставки» [12].

рабочему классу, а не личностям»,— не без гордости заявил он однажды своей жене [11]. В 1935 г. Пятницкий был назначен заведующим только что созданным политико-административным отделом ЦК ВКП(б). Теперь он вплотную занялся работой административных и государственных органов и учреждений. Можно только предполагать, с чем пришлось столкнуться профессиональному революционеру. Он, отдавший всю жизнь борьбе за идеалы социализма, увидел, к чему может привести сталинская практика. У него сложились натянутые отношения с секретарями ЦК ВКП(б) Н. И. Ежовым, Л. М. Кагановичем, а также с Г. М. Маленковым, которым он непосредственно подчинялся по работе. Для Сталина и его окружения Пятницкий был представителем старой партийной гвардии, именно поэтому его судьба была предрешена.

Фактически И. А. Пятницкий находился под домашним арестом, он каждый день звонил Ежову, требуя очной ставки с людьми, которые оклеветали его. Однако Ежов не торопился, попросту не был готов: шла усиленная обработка ответственных работников Коминтерна: Абрамова, Мельникова, Черномордика, Бела Куна, Кнорина. Ежов несколько раз назначал с ними свидания и отменял их. Наконец 3 июля в 9 часов вечера Пятницкий был вызван в НКВД, откуда он вернулся только в 3 часа утра. В дневнике жены записано, что с очной ставки пришел совершенно измученный несчастный человек. И сказал только: «Очень скверно, Юля» [13].

И. А. Пятницкий был арестован 7 июля 1937 г. лично Н. И. Ежовым. Следователь НКВД А. И. Ланфанг, который вел его дело, и не стремился доказать невиновность старого большевика. Он методично вызывал его на допросы для того, чтобы... избивать. Начальник Лефортовской тюрьмы впоследствии показывал, что Пятницкий подвергся 220 часам допросов с применением физических мер воздействия. Несмотря ни на что, он и в тюрьме продолжал вести борьбу за честь партии. 23 января 1938 г. Пятницкий пишет письмо в Политбюро ЦК ВКП(б).

Вот его текст:

«Я сижу в тюрьме уже шесть с половиной месяцев. Я жил надеждой, что следствие разберется в моей абсолютной невиновности. Теперь, очевидно, все пропало. Меня берет ужас. Я еще и еще заявляю, что ни в чем не виновен перед партией и Советской властью. Я был и остаюсь преданным сторонником и защитником Советской власти. Я всегда был готов, да и теперь готов положить жизнь свою за наше Социалистическое Отечество.

Но я не могу, не хочу, да и не должен сидеть в советской тюрьме и судиться за право-троцкистскую контрреволюцию, к которой я никогда не принадлежал, а боролся с ней.

О. Пятницкий» [14].

Однако это письмо не попало по назначению. Следователь Ланфанг хранил его дома. Оно было обнаружено при обыске у генерал-лейтенанта государственной безопасности Ланфанга во время его ареста в 1957 г.

За жизнь И. А. Пятницкого пытались бороться. Его жена пробовала добиться встречи с Вышинским, Ежовым, Крупской, Зеликсон-Бобровской. Однако ее попытки не увенчались успехом. А в 1938 г. она сама была арестована и в 1940-м погибла в лагере. В 1937 г. был арестован и старший сын Пятницкого — Игорь.

Не все верили в виновность Пятницкого. Н. К. Крупская, например, даже потребовала провести очные ставки членов Политбюро с людьми, давшими показания против него. Об одной из них рассказал своему сокамернику М. Менделееву в мае 1938 г. бывший генеральный консул в Харбине Б. Н. Мельников: «Меня провезли в Кремль, ввели в помещение и, усадив у одной из дверей, велели подождать.

Минут через 15—20 меня ввели в обширную комнату. Я огляделся. За большим столом сидел Сталин, недалеко от стола — человек 10—12. Узнал я Молотова, Ворошилова, Кагановича и поодаль — Н. К. Крупскую.

Я услышал голос Сталина: «Товарищ Крупская утверждает, что она не верит и не допускает, чтобы Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов вам доложит и фактами убедит вас». Ежов встал, вынул лист бумаги из портфеля и, оглядев сидящих в комнате, обратился ко мне: «Гражданин Мельников!..» Он начал задавать известные мне вопросы. Я отвечал согласно инструкции. И вдруг услышал резкий, возмущенный голос Н. К. Крупской:

— Он лжет! Он фашист, он негодяй!— И бросила в комнату: — Вячеслав Михайлович! Климент Ефремович! Лазарь Моисеевич! Вы ведь хорошо знаете Пятницкого. Он ведь честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин.

Крупская заметалась, искала глазами сочувствующих. Ответом ей было гнетущее молчание... Молчание прервал голос Сталина:

— Товарищ Крупская не доверяет показаниям Мельникова. Что ж, проверим еще» [15].

На очной ставке с Бела Куном Пятницкому инкриминировалось, что при подборе кадров в братских партиях он в каждую направлял по провокатору, что в переводы марксистско-ленинской литературы на иностранные языки по его заданию вносились троцкистские формулировки и, наконец, что он незаконно присвоил 10 тыс. рублей от какого-то издательства.

В конечном итоге Пятницкий был обвинен в том, что якобы по заданию Троцкого внедрял троцкистскую агентуру в Коминтерн, а также в присвоении 10 тыс. рублей, шпионаже в пользу Японии и подготовке террористического акта против Л. М. Кагановича [16].

Дела И. А. Пятницкого, В. Г. Кнорина, Я. Э. Рудзутака, Я. А. Яковлева, В. И. Межлаука, М. Л. Рухимовича, В. П. Затонского, Э. К. Прэмнэка, И. С. Уншлихта

рассматривались выездной сессией Воениной коллегии Верховиого суда СССР иепосредствеиио в Лефортовской тюрьме 29 июля 1938 г. Судебиое заседаиие Коллегии по рассмотрению дела И. А. Пятиицкого длилось для подобиой ситуации неимоверно долго — целых 20 минут. Председательствовал Ульрих. Пятиицкий и здесь себя виновным ие признал. Приговор — высшая мера наказания — был приведеи в исполнение в иочь с 29 на 30 июля 1938 г. [17]

И все-таки в деле Каминского и Пятницкого есть свои «белые пятна». Это прежде всего вопрос о так называемой «чашке чая». Упоминание об этом содержится в воспоминаииях А. С. Темкина, продиктованных 13 апреля 1963 г. И. И. Пятницкому: «Тов. Пятницкий, говоря о Сталине, рассказывал, что в партии имеются настроения устранить Сталина от руководства партией. Перед июньским пленумом 1937 года состоялось совещание — «чашка чая», как он мне сказал,— с участием его, Каминского и Филатова (эти имеиа я помню). О чем они говорили, он мие не рассказывал, Сталин узнал об этой «чашке чая» (как говорил тов. Пятницкий) от ее участников. Он называл Филатова» [18].

В документах, которые уже много лет собирает сын Пятницкого Игорь Иосифович, есть упоминание о том, что во время и сразу после окончания работы июньского пленума были арестованы некоторые члены ЦК ВКП(б). Аресты проводил иачальник ГУГБ НКВД М. П. Фриновский. Имеются и некоторые другие свидетельства.

Интересно, что сведения об аресте Пятницкого и реакции иа него содержатся и в материалах зарубежиых эмигрантских организаций. Например, в сводке Российского общевоинского союза (РОВС) о положении в ВКП(б), относящейся к лету 1937 г., говорится следующее: «Провокация Ежова против Пятницкого преследует одиу цель — компрометацию видного большевика, слишком много зиавшего из тайн Кремля — Комиитерна. Долгое время ои был «главным поваром» иа кухне Коминтерна и мировой революции. Его устранение было непременным условием установления более тесных контактов Сталина и Гитлера. Долгое время Пятиицкий держал в своих руках все связи и всю агеитуру международиого большевизма. Его падеиие и арест озиачают закат деятельности Коминтерна. Теперь Сталин приступает к своей имперской политике, сделав своим союзником Гитлера» [19].

В письме одного из руководителей белоэмигрантских

организаций в Праге полковника Гегельшвили генералу фон Лампе, написанном в 1943 г., есть такая фраза по поводу роспуска Коминтерна: «Мы с Вами торпедировали этот дредноут «Мировая революция» уже в 1937 году, когда был арестован глава его технического бюро Пятницкий» [20].

Приведенные отрывки дают основание полагать, что к провокации против И. А. Пятницкого имела отношение и гитлеровская разведка. Так это или нет, пока достоверно не установлено. Исключить причастность белоэмигрантских кругов к этому делу тоже нельзя, хотя бы потому, что фактически на протяжении 20—30-х гг. они вели целенаправленную борьбу против Коминтерна. Достаточно сказать, что такие организации, как РОВС, Международная антибольшевистская лига «Обера», были в значительной степени ориентированы на борьбу с международным коммунизмом. Однако тема эта еще ждет специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Курицын В.* 1937 год: история и практика культа. Возвращение к правде. М., 1988. Т. 1. С. 39.

[2] См.: *Кирилина А. А.* Выстрелы в Смольном//Родииа. 1988. № 1. С. 71—75.

[3] Собраиия закоиов СССР. 1934. № 74. Ст. 459.

[4] См.: История закоиодательства СССР и РСФСР по уголовиому процессу и оргаиизации суда и прокуратуры//Сбориик документов. М., 1955. С. 553.

[5] См.: *Кирилина А. А.* Выстрелы в Смольиом//Родииа. 1988. № 1. С. 73.-

[6] Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы В. Г. Кривицкого.

[7] Цит. по: Правда. 1988. 29 апр.

[8] Там же.

[9] Партийио-политическая работа в РККА. 1938. № 3. С. 73.

[10] КПСС в резолюциях и решеииях съездов, коифереиций и плеиумов ЦК. Изд. 2-е. М., 1985. Т. 6. С. 392.

[11] *Пятницкая Ю.* Диевиик жеиы большевика. Вепсои, Вериои, 1987. С. 33.

[12] Архив В. И. Пятиицкого. Об июиьском (1937 г.) Плеиуме ЦК ВКП(б).

[13] *Пятницкая Ю.* Диевиик жеиы большевика. С. 21.

[14] Архив И. И. и В. И. Пятиицких.

[15] Архив И. И. и В. И. Пятиицких. Запись воспомииаиий М. Меиделеева.

[16] *Пятницкая Ю.* Диевиик жеиы большевика. С. 166.

[17] Архив В. И. Пятиицкого.

[18] См.: *Жаворонков Г.* И едииожды ие солгавший//Страиицы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 601—602.

[19] Коллекция ЦГАОР СССР. РОВС. О положеиии в ВКП(б).

[20] ЦГАОР СССР, ф. 5796, оп. 1, д. 21, л. 58.

И. П. Рашковец

ПРОТИВ ПРОИЗВОЛА *

Репрессии периода культа личности, как известно, достигли своего апогея в 1937—1938 гг. Сегодня, обращаясь к тем событиям, мы хорошо понимаем, что время необратимо. И все-таки вновь и вновь возвращаемся к тридцатым прежде всего потому, что именно те годы ознаменовались наибольшими безвозвратными потерями лучших сынов и дочерей двух послереволюционных поколений.

Мне довелось работать в группе юристов по реабилитации незаконно осужденных. Работа эта оказалась чрезвычайно трудной и сложной, особенно на первых порах. В результате ее многие реабилитационные материалы прозвучали в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Но речь сейчас не об этом. Главное, полагаю, состоит в том, что нам удалось в какой-то мере ответить на один из волнующих вопросов: а как вели себя те, кому по долгу службы следовало возводить препоны на путях к беззакониям? Были ли среди прокуроров и судей только вышинские и ульрихи? Были ли те, кто проявил мужество и стойкость, оказавшись в сложной ситуации?

Ответ будет однозначным: были! В Главной военной прокуратуре (ГВП) имеются данные о том, что в 30-е гг. подверглись репрессиям две трети военно-прокурорских работников. Из них более 80 открыто выступили против беззаконий, доступными им средствами боролись с произволом. Став впоследствии жертвами, некоторые из них и в тюремных застенках не изменили своим убеждениям, отказываясь подписывать сфабрикованные следователями протоколы допросов. Многие пытались донести правду о творившихся в НКВД безобразиях до Центрального Комитета партии или по крайней мере до суда. Об одном из них хочу рассказать подробнее.

* Статья представляет собой расширенный и доработанный вариант публикации в журнале «Социалистическая законность». 1989. № 1.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Военюрист Павел Станиславович Войтеко на должность военного прокурора Черноморского флота был назначен в октябре 1933 г. Прибыв в Севастополь, представился командованию флота, с которым у него сразу же установились деловые взаимоотношения. Член большевистской партии с дореволюционным стажем, активный участник гражданской войны, имевший опыт не только прокурорской, но и партийно-политической работы, он быстро нашел общий язык с членами военного совета, офицерами штаба и политуправления.

Павел Станиславович старался как можно подробнее ознакомиться с оперативной обстановкой на кораблях и базах, не задевая при этом самолюбия флотских чекистов. Помнил, что в его последней, в целом положительной аттестации отмечен один-единственный «недостаток»: будучи заместителем военного прокурора Балтфлота, «излишне обострял отношения с особым отделом Балтийского флота». Наслышанные о бескомпромиссности нового прокурора, «особисты» отнеслись к нему настороженно. Но со временем, казалось, отношения наладились — прокуратура и особый отдел решали все вопросы, исходя из интересов службы, руководствуясь законом и соответствующими уставными положениями. Дела у прокурора, по оценке руководства, шли вполне удовлетворительно. В 1936 г. ему присваивается воинское звание бригвоенюриста.

Однако вскоре эта «гармония» с особым отделом начала давать сбои. Проявляя партийную и профессиональную принципиальность, Войтеко не допускал нарушений законности в следственной практике, не давал санкций на аресты людей, если не имелось достаточных к тому оснований, прекращал необоснованно возбужденные дела. А случаи подобного рода встречались все чаще.

В сентябре 1936 г., например, особым отделом Черноморского флота был арестован краснофлотец М. Богдан по обвинению в антисоветской деятельности. Он якобы неодобрительно высказывался о методах коллективизации и военного строительства в стране. Однако доказательств, подтверждавших хотя бы один факт враждебной деятельности краснофлотца, в деле не было. Поэтому прокурор флота отказался утвердить обвинительное заключение.

В мае 1937 г. Войтеко отказал в даче санкции на арест бывшего работника Ялтинской типографии Деревягина, который согласно версии следователя был завербован «еще до 1932 г. неким Прокудиным для совершения террористического акта над вождем народа товарищем Сталиным».

Этот случай, кстати, через полтора года будет фигурировать в протоколе допроса самого Войтеко уже после его ареста. Процитируем небольшой отрывок из него:

«*Вопрос:* ...Деревягин не случайно прибыл в Крым, где находился его сообщник Прокудин, и не случайно стремился пробраться на флот. Из-за этого он должен был быть немедленно изъят, что и сделали с санкции прокурора Крыма, и впоследствии расстреляли. А для вас, видите ли, нет оснований для ареста. Не изворачивайтесь, а рассказывайте действительную причину вашего такого поведения.

Ответ: Может быть, Деревягин и был социально опасным преступником, но для ареста в мае 1937 года особый отдел ЧФ не представил мне достаточных оснований.

Вопрос: Но ведь Деревягин был арестован на основании тех же документов с санкции прокурора Крыма. А почему вы пытались смазать дело Богдана, бывшего одногодичника, краснофлотца?

Ответ: Я просто не мог его смазать, так как прекращено оно не мной, а моим заместителем.

Вопрос: Врете! Есть и другие дела. Вы пытались смягчить дело Байрачного, вину которого вы свели к уставной недисциплинированности.

Ответ: Я за собой вины не признаю в этом деле. Я не нашел попытки к измене Родине со стороны Байрачного...»

Подобных фактов были десятки. Естественно, что принципиальная позиция «законника-прокурора» расходилась с указаниями Ежова, требовавшего усилить работу по искоренению врагов народа, проникших во все поры советского общества.

С этой поры противостояние прокуратуры и особого отдела становится открытым, враждебным. Об этом Войтеко сообщает в парткомиссию флота, докладывает Главному военному прокурору.

«К сожалению,— пишет он о работе особого отдела флота,— не всегда и не все товарищи правильно и самокритично воспринимают прокурорские указания, в отместку возводят необоснованные обвинения против меня. В подтверждение можно привести хотя бы то, что процент переквалифицированных дел по особому отделу ЧФ доходил до 60 процентов, не меньше было зарегистрировано мною необоснованных арестов. А ведь всякий необоснованный арест — это еще большее зло для социалистической революции, чем несвоевременное выявление врага».

Самым страшным было то, что некоторые донесения Войтеко в конечном счете оказывались в руках тех, чьи

незаконные действия он «высвечивал». Это бесило их и толкало на поиск «доказательств» антисоветской деятельности самого прокурора. Все чаще указания «ретивого законника» просто-напросто игнорировались с молчаливого согласия прокурора Крыма и наркома внутренних дел Крымской АССР.

Представляется примечательным образчиком, характеризующим обстановку того времени, донесение заместителя начальника особого отдела ЧФ Исакова на имя местного представителя наркомвнудела:

«...В прошлом под давлением Войтеко среди работников особого отдела ЧФ культивировалось бесхребетно-либеральное отношение к арестованным, категорически было запрещено допрашивать после 12 часов ночи. Вместо выработки у следователей упорства, напористости при допросах насаждалось елейно-добродушное, беззубое отношение к арестованному... В этом же направлении стронулся и тюремный режим. Совершенно естественно, мы не могли мириться с таким положением вещей и вопреки требованиям прокурора Войтеко поломали эту вредную систему. Кроме уже отмеченной практики Войтеко, выражающейся в либеральном отношении к арестованным, мы располагаем данными, дающими основание считать, что такой стиль работы не случаен и что Войтеко не заслуживает политического доверия...»

Над Павлом Станиславовичем сгущались тучи. Равно как сгущались они и над руководством Черноморского флота. После завершения открытого судебного процесса над участниками так называемой «антисоветской троцкистской военной организации» начались аресты и среди командного состава флота.

Однако Войтеко, судя по имеющимся в его архивно-уголовном деле документам, сдаваться не помышлял. Будучи уверенным в своей правоте, но практически бессильным в борьбе с беззакониями, допускавшимися работниками особого отдела флота и управления госбезопасности Крымской автономной республики, Павел Станиславович обращается за поддержкой к Главному военному прокурору Н. Розовскому.

В одном из донесений он указывает, что начальник УГБ Крыма Павлов не разрешает прокурорам посещать внутренние тюрьмы Крыма, чтобы «не разводить... среди арестованных демократизм». Павлов также заявлял, что прокурор вправе «знакомиться с материалами следствия только по делам, идущим на рассмотрение троек при облуправлениях НКВД об уголовных рецидивистах». Другие дела, таким образом, должны были оставаться вне прокурорского надзора.

Войтеко приводит многочисленные факты грубого нарушения законности, допускаемые при расследовании дел в отношении арестованных по подозрению в совершении контрреволюционной деятельности. Так, бежавшему из подвала Симферопольской тюрьмы офицеру Синюхину удалось попасть на прием к прокурору и рассказать, что в результате пыток и «конвейерных» допросов он вынужден был подписать ложные показания о своем вредительстве в квартирно-эксплуатационном отделе флота.

В отношении офицера А. А. Успенского, сообщает Войтеко в Главную военную прокуратуру, «применялись угрозы расстрела без суда и следствия, доведения до смерти сидением на табурете... в котором защемлялись ягодицы. Все это и угрозы арестовать семью поставили перед ним дилемму: или умереть на следствии без возможности реабилитации, или пойти на все требования следствия, с тем чтобы на суде вскрыть истинное положение дел.

Прошу принять меры» *.

Нельзя сказать, что на докладные и письма Войтеко в ГВП не реагировали. На одних были наложены резолюции о необходимости «проверить», «разобраться». Другие направлялись в НКВД для информации. Кроме того, в Севастополь выезжала начальник отдела ГВП военюрист 1-го ранга С. Я. Ульянова, которая знакомилась с работой прокурора на месте. И хотя в первоначальном документе она написала, что для ареста Войтеко оснований недостаточно, в дальнейшем этот вывод фактически трансформировался в обвинительный акт против него.

«Несомненно,— писала Ульянова 2 июля 1937 г. на нмя Вышнн-ского,— что чья-то преступная рука иасаждала троцкистские кадры в Черноморском флоте, но совершенно иепонятно, почему военному прокурору Войтеко хочется, чтобы ответственность за назначение... руководящих работников троцкистов и зиновьевцев нес Мустафии одни, а не вместе с командующим Флотом Кожановым и начальником ПУ Флота Гугиным...» А дальше — прямой выстрел в прокурора: «Считаю, что Войтеко занимает недостаточно объективную позицию как в части расследования дел (идет их перечисление.— *И. Р.*), так и в части выявления ряда еще не привлеченных участников контрреволюционного военного заговора... Я полагала бы целесообразным надзор за следствием возложить на другого прокурора».

* Синюхнн н Успеиский, иесмотря на предпринимавшиеся прокурором меры, были репрессированы. В 1956 г. оба реабилитированы посмертно

Резолюция Вышинского последовала незамедлительно, упоминавшиеся дела по его рекомендации были истребованы в НКВД Центра. А вскоре арестовали Г. И. Гугина (30 августа), И. К. Кожанова (5 октября), ряд других флотских должностных лиц.

Спросить Ульянову, чем она руководствовалась, «стряпая» такое донесение, не пришлось — давно умерла. Скорее всего сработал принцип перестраховки: сама-то она уцелела в те смутные годы, даже получила очередное повышение в чине.

БОРЬБА ОКАЗАЛАСЬ НЕРАВНОЙ

9 февраля 1938 г. начальник отдела ГУГБ НКВД комиссар госбезопасности 3 ранга Николаев просит Генерального прокурора СССР санкционировать арест Войтеко, который якобы «культивировал либеральное отношение к арестованным, тормозил ведение следствия, запрещал допрашивать арестованных после 12 часов ночи». И прочее, и прочее.

Но не так-то просто это сделать: все-таки прокурор флота, член партии с дореволюционным стажем, номенклатура ЦК. Да и основания для ареста хлипкие. Поэтому сначала, как говорится, «для порядка», 25 июля 1938 г. Войтеко освобождается от занимаемой должности, заметим — без убедительной мотивации. 14 августа Павел Станиславович обжаловал это решение в письме Вышинскому, а сам срочно выехал в Москву. В жалобе утверждалось, что такую шутку с ним сыграли «благодаря кляузам и нечестности некоторых севастопольских работников особого отдела и... личных происков товарища Розовского».

Какой разговор состоялся в Москве между Войтеко и Розовским, мы не знаем. Известно лишь, что ту злополучную жалобу последний прочел 20 августа, а через два дня вручил непокорному прокурору направление на освидетельствование Гарнизонной врачебной комиссии Москвы — «ввиду увольнения его из РККА».

Этим событиям предшествовала еще одна докладная на имя Вышинского, теперь уже от начальника управления НКВД СССР комбрига Федорова. В ней сообщалось, что в отношении Войтеко получены дополнительные данные от бывшего начальника политуправления флота П. М. Фельдмана. Тот на допросах показал, что прокурор флота оставался «неразоблаченным участником

антисоветского заговора и имел тесную связь с врагами народа Кожановым и Гугиным». В заключение Федоров просил «ускорить вопрос об аресте Войтеко» (цитируется по докладной.— *И. Р.*).

В полночь с 25 на 26 августа 1938 г. в номер гостиницы по Староконюшенному переулку, 33, где остановился Войтеко, вошли сотрудники НКВД Ковалев и Калганов, предъявили ордер № 1077 на арест и обыск. Он был датирован 25 августа, подписан неизвестно кем (сказали — самим Ежовым), без указания мотивов ареста и без санкции прокурора! Можно лишь догадываться, как реагировал на эти вопиющие процессуальные нарушения военный прокурор. Но, увы! Его судьба была уже предрешена.

Во время обыска у арестованного были изъяты пистолет, партбилет, удостоверение личности, медаль «XX лет РККА», 629 рублей, китель, белье, туалетные принадлежности.

Здесь же собственноручно заполненная анкета: выходец из батраков. Член ВКП(б) с 1 сентября 1917 года, из партии не исключался. Семья в составе: жена Дора Ивановна, сын Станислав 18 лет, мать жены Яценко Анисья Демьяновна — проживает в Севастополе по ул. Советской, 32, кв. 5...

В сентябре 1956 г. мне было поручено проверить обоснованность ареста и осуждения П. С. Войтеко. Листаю дело, вчитываюсь в приобщенные к нему документы. И с первых же страниц — грубейшие нарушения закона, предписаний «сталинской» Конституции. Но это уже не удивляло — подобное было не случайностью, а правилом. Поразило другое: так называемые собственноручные «признательные» показания — на семидесяти девяти листах! С трудом расшифровываю нечитаемые, «пляшущие» каракули. Нелогичность, а порой и абсурдность написанного, «подтверждающего» показания ранее арестованных на флоте «врагов народа». Что это? Фантазия больного человека? Подделка? Из протоколов судебных заседаний узнаю, что этот бред был сотворен под диктовку следователей после трехсуточных истязаний, «стоек» и психологического давления.

Однако вскоре, преодолев шоковое состояние, Войтеко категорически отказался от написанного. Сидя в тюремных застенках, он еще и еще раз собирался с силами и опроверг клевету и наветы. Не будем утруждать читателя цитированием протоколов допроса Войтеко, они при-

мерно одинаковы: в вопросах следователей неизменное требование признания вины в совершении контрреволюционных преступлений; в ответах: нет, нет и нет. Но большинство таких протоколов, как теперь известно, либо не оформлялось, либо не приобщалось к делу. Требовалось признание. А если его нет, протокол — ненужная макулатура.

Понадобился почти год, чтобы «слепить» обвинительное заключение: «Следствием установлено, что Войтеко являлся участником антисоветского военного заговора, проводил враждебную работу по сохранению заговорщических кадров РККА, смазывал судебные дела по контрреволюционным преступлениям...»

Направив дело Войтеко в Военную коллегию (ВК) Верховного суда СССР, следователь особого отдела ГУГБ НКВД СССР старший лейтенант госбезопасности Рожавский наконец-то вздохнул с облегчением. Означенный высокий суд обычно сбоев не давал. Но тут произошло непредвиденное. Выслушав подсудимого, рассказавшего о пытках и других грубейших нарушениях законности со стороны органов следствия и заявившего, что все материалы его дела сфальсифицированы, суд 8 августа 1939 г. вынес определение о направлении дела на доследование (в конце 39-го такое уже случалось).

НЕПРАВЫЙ СУД

«Направить на доследование...» Таким правом суд наделен. В том случае, скажем, когда по каким-то причинам органы следствия упустили важные — для объективного и законного решения участи подсудимого — обстоятельства, не приобщили необходимые вещественные доказательства и документы, не допросили свидетелей, показания которых имеют для дела существенное значение. А что доследовать в деле Войтеко? Разве что вновь поставить человека на «конвейер» и тем самым добиться признания? Ни следователи, ни методы их работы в данном случае не поменялись. И снова ночные допросы, угрозы, стойки, избиения...

Не помогла и жалоба, с которой Войтеко вновь обратился к Генеральному прокурору СССР:

«В связи с тем, что перед судом ВК я рассказал о всех грубонезаконных действиях следователей центрального особого отдела НКВД,— пишет он,— личная и ведомственная озлобленность этих работников намного возросла. Поэтому в целях гарантии объективно-

сти прошу поставить перед наркомом Внутренних дел СССР вопрос о передаче моего дела для доследования особо уполномоченному при наркомате и чтобы на 1—2 допросах присутствовал бы Ваш представитель...

Живу единственной надеждой, что подлинная большевистская справедливость преодолеет личную злобу людей и ведомственную амбицию работников НКВД, думающих «раз арестован — значит, надо во что бы то ни стало обвинить»... Жду Ваших честных большевистских решений».

Но то был глас вопиющего в пустыне... Чем объяснить такое отношение к жертвам произвола? Где был прокурорский надзор, четко провозглашенный, кстати сказать, и Конституцией СССР 1936 г.? В какой-то мере, пожалуй, объяснили это Ежов и его заместитель Фриновский, показания которых в суде привела «Правда» от 29 апреля 1988 г. в статье «Заговор» в Красной Армии».

«По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные. Знало ли руководство наркомата, то есть я и Ежов? Знали и поощряли»,— это слова из «исповеди» Фриновского. А вот что показал Ежов: «Порядок рассмотрения дел был до крайности упрощен... Прокуратура СССР не могла, конечно, не замечать всех этих извращений». Беспринципное поведение прокуратуры и лично Вышинского бывший нарком внутренних дел объяснял «боязнью поссориться с НКВД и показать себя менее «революционным» в смысле проведения репрессий».

Прокурор Войтеко не убоялся «ссоры» с НКВД. Он выполнял свои прокурорские обязанности в соответствии с законом и партийной совестью. И это в то время, когда вокруг уже шла «охота на ведьм».

Порочная практика НКВД в борьбе с «врагами народа» родилась не в одночасье. Выяснение ее истоков — задача не из легких, и мы надеемся, что эта работа дождется своих исследователей. В настоящем же очерке хотелось бы подчеркнуть, что Войтеко не был единственным восставшим против беззаконий.

Такие крупные, но по известным причинам забытые военные юристы, как Николай Николаевич Кузьмин, Петр Ильич Павловский, Михаил Маркович Ланда, Сергей Николаевич Орловский, уже в конце 20-х — начале 30-х гг. заметили тенденцию отдельных работников ОГПУ к ужесточению подходов, а в ряде случаев и к необоснованным арестам военнослужащих по подозрению в проведении антисоветской деятельности. Проявляя професси-

ональную принципиальность и бескомпромиссность, эти прокуроры непоколебимо стояли на позициях строжайшего соблюдения революционной законности и пресекали малейшие беззакония. Такие же требования предъявлялись ими и к подчиненным военным прокурорам. Все это, по нашему мнению, в определенной мере сдерживало волну репрессий в Красной Армии. Однако к 1937 г. положение резко изменилось. Малочисленные военные прокуроры, не встречая необходимой поддержки со стороны своего руководства, практически были лишены возможности должным образом противостоять мощному репрессивному аппарату НКВД.

Возглавлявшие в разное время органы военной прокуратуры Кузьмин, Павловский, Ланда сами были репрессированы. Работники из ведомства Ежова не могли простить этим людям их приверженности к букве и духу закона, их партийной принципиальности в оценке работы тех, кто практически утратил традиции чекистов Ф. Э. Дзержинского. Из числа бывших Главных военных прокуроров этой участи избежал лишь С. Орловский, да и то потому, что умер в 1935 г.

Но добрые дела их не пропали даром — многие прокуроры военных округов и флотов, рискуя жизнью и карьерой, продолжали добросовестно выполнять свои функции, оказывая сопротивление разворачивавшемуся на местах произволу. Некоторые из них уже названы в публикациях Б. А. Викторова, Б. С. Попова, Л. М. Заики, В. А. Бобренева *. Наш долг — дополнить этот перечень другими именами, ставшими известными сегодня.

Николай Николаевич Кузьмин, активный участник гражданской войны, кавалер двух орденов Красного Знамени, член РВС 6-й армии, затем командующий 12-й армией, человек большой эрудиции и разносторонних способностей. Возглавив в 1924 и 1925 годах органы военной прокуратуры, он внес значительный вклад в их становление, разработку методов их деятельности по осуществлению надзора за законностью в войсках. Позже Кузьмин работал начальником управления высших учебных заведений РККА, затем в политорганах. И всюду он

---

* См.: *Викторов Б. А.* Без грифа «секретно» (записки военного прокурора). М., 1990; *Заика Л. М.* Дело прокурора Суслова//Военно-исторический журнал. 1989. № 8, 9; *Попов Б. С., Оппоков В. Г.* Бериевщина//Военно-исторический журнал. 1989. № 5, 7; 1990. № 1; *Заика Л. М., Бобренев В. А.* Заговор против законности//Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 14—16 и др.

неизменно уделял внимание органам военной прокуратуры. После ареста в 1937 г. все это, как говорится, ему «зачлось». 28 октября на судебном заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР Кузьмин виновным себя не признал. Показания, данные на следствии в результате мер физического воздействия, не подтвердил. В последнем слове заявил, что всегда был верен партии. Участие в тюремном заговоре категорически отрицал. Ни одного бесспорного доказательства его виновности в антисоветской деятельности при проверке в деле не оказалось. Несмотря на это, суду потребовалось всего лишь 10 минут, чтобы приговорить Кузьмина к расстрелу. Председательствовал по этому делу хорошо знавший подсудимого по совместной работе корвоенюрист Л. Я. Плавник (!). Реабилитирован Кузьмин посмертно в марте 1957 г.

Помощник Главного военного прокурора Лев Матвеевич Субоцкий, возглавлявший отдел по надзору за следствием в органах НКВД, проявлял принципиальный подход к даче санкций на аресты. 26 сентября 1937 г. был сам арестован как участник «военно-террористического заговора, ставившего своей целью свержение Советской власти». Ему также инкриминировали то, что в кругу своих сослуживцев он рассказывал о голоде на Украине и Северном Кавказе. На следствии и в суде Лев Матвеевич виновным себя не признал. Первоначально его приговорили к 15 годам ИТЛ. 8 апреля 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР его действия переквалифицировала на ст. 58—10, ч. I УК РСФСР (антисоветская агитация), определив меры наказания в виде 6 лет лишения свободы с поражением в политических правах сроком на 3 года.

Военные прокуроры Харьковского военного округа Константин Иванович Романовский и Забайкальского военного округа Григорий Григорьевич Суслов были арестованы по обвинению в проведении «подрывной деятельности» (каждый — в своем округе), заключавшейся в отказе давать санкции на аресты и в прекращении уголовных дел в отношении «врагов народа». Оба были приговорены к высшей мере наказания. Реабилитированы посмертно в 1956 г.

Но вернемся к П. С. Войтеко, дело которого находилось на доследовании.

Потребовалось полгода усиленной «работы» с непокорным прокурором флота, прежде чем состоялся новый суд, на который его, по словам бывшего тогда секретарем судебного заседания военюриста 3 ранга Бычкова, скорее принесли, чем привели.

Это второе заседание Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось 28 февраля 1940 г. в составе председательствующего бригвоенюриста Кандыбина и членов бригвоенюристов Суслина и Детистова. Ему предшествовало определение той же коллегии: «Предать суду Войтеко Павла Станиславовича... Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты, без вызова свидетелей...» Вот какое оно, правосудие! Полтора года мытарили бывшего прокурора, выбивая «нужные» следствию показания, и нате: келейное рассмотрение, ни защитника, ни свидетелей, ни даже прокурора, обязанного по закону во всех случаях стоять на страже интересов государства и всех советских граждан. Какой силой воли надо обладать подсудимому, чтобы и в этих условиях встать на ноги и вновь заявить:

«Виновным себя не признаю. Собственноручные показания (имеются в виду те, полуторагодичной давности.— *И. Р.*) дал после избиения и под диктовку следователя... Я не в силах был больше оказывать сопротивление следователям...»

По существу предъявленного обвинения он пояснил, что никаких установок от Кожанова и Гугина на «смазывание» дел антисоветского порядка, и в частности о троцкистах, не получал; ни о каких преступных действиях этих лиц не знал; особый отдел тоже не имел материалов или иных разработок на них. О нарушениях социалистической законности следователями особого отдела писал в Центр и в ГВП...

В последнем слове Войтеко сказал, что должностные проступки в его работе, возможно, и были, но «уголовных преступлений, а тем более антисоветских, я не совершал и врагом народа не был. Прошу суд меня оправдать, так как я ни в чем не виноват».

Приговор был четким, кратким и окончательным — обжалованию не подлежал. Войтеко Павел Станиславович был признан виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения. При определении меры наказания весы богини правосудия не понадобились. Высококомпетентные судьи определили ее на глазок: лишение свободы в ИТЛ сроком на 15 лет с поражением в политических

правах на пять лет и конфискацией имущества, а также с лишением воинского звания бригвоенюриста...

Судьба командующего Черноморским флотом И. К. Кожанова оборвалась в годы репрессий трагично. Герой гражданской войны, выросший от матроса до флотоводца, Иван Кожанов ни во время следствия, ни в суде не сломался и виновным себя не признал. Показания Гугина, Разгона и других «свидетелей» о существовании на флоте антисоветской группы заговорщиков категорически отверг, назвав их «наглейшей клеветой». Однако по приговору Военной коллегии был расстрелян. Член военного совета Г. И. Гугин не выдержал пыток инквизиторов, «признал», что в военный заговор был вовлечен Гамарником и Кожановым. За что и был расстрелян. В 1956 г. они оба реабилитированы.

ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Результаты расследования обоснованности осуждения П. С. Войтеко были изложены мной 21 сентября 1956 г. в заключении по вновь открывшимся обстоятельствам. После утверждения руководством его направили на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР.

Согласившись с доводами заключения и признав, что «Войтеко был осужден по сфальсифицированным материалам», Военная коллегия своим определением от 13 июля 1957 г. приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 февраля 1940 г. в отношении Войтеко Павла Станиславовича отменила и дело за отсутствием в действиях осужденного состава преступления прекратила...

Жена Войтеко Дора Ивановна договорилась с мужем, что тот по приезде в Москву 25 августа 1938 г. сразу же позвонит в Севастополь. Но проходили дни, а вестей не было. Обеспокоенная судьбой Павла Станиславовича, Дора Ивановна телеграфирует Розовскому, Вышинскому. Не получив и от них ответа, поняла, что произошло самое худшее. Спасая восемнадцатилетнего сына Войтеко — Станислава, она срочно отправляет его «к родственникам». Самой же долго ждать не пришлось: 31 октября 1938 г. Дора Ивановна Войтеко была репрессирована Особым совещанием как член семьи изменника Родины. Многочисленные запросы о местонахождении

Доры Ивановны результатов не дали. 8 августа 1957 г. я вынес постановление о прекращении этого дела.

Долго не удавалось узнать и о судьбе Станислава Павловича Войтеко. Однако в мае 1958 г. он сам обратился в ГВП по поводу судьбы его отца. Мы встретились в приемной. Подробности разговора сейчас забылись. Но хорошо помню тот момент, когда закончил рассказ о стойкости его отца и последующей реабилитации. Станислав резко поднялся со стула и как-то врастяжку, срывающимся голосом произнес: «Я так и знал — отец мой был и до конца дней своих остался честным человеком. Как жаль, что не дожил он до этого радостного дня». Позвонив в Военную коллегию Верховного суда СССР, я сообщил, что нашелся сын бывшего прокурора флота Войтеко, который подъедет за получением справки о реабилитации отца. Затем объяснил Станиславу, как проехать с Кировской на улицу Воровского. На этом мы простились...

Работая над очерком, я возобновил поиск родных Войтеко. В конце концов удалось найти адрес Станислава Павловича. Но сам он, к сожалению, умер в 1970 г. Откликнулись его жена Маргарита Васильевна и дочери Татьяна и Наталья. Из их писем и воспоминаний выяснились некоторые детали трагедии.

У меня нет сомнений, что Павел Станиславович, обращаясь с жалобой в Москву, предвидел трагическую развязку. Об этом отчасти свидетельствует письмо к сыну, датированное 22 июля 1938 г. Сквозь скупые строки этого своеобразного завещания ощущается не только отцовская любовь, но и тревога за его будущее. Не имея возможности напрямую рассказать ему о своих предчувствиях (ведь письмо могло попасть совсем другому адресату), отец призывает его быть патриотом, прилежно учиться, заниматься спортом. И заканчивает письмо словами: «Прости меня за «нотацию», но, может быть, кое-что будет на пользу...»

Внучки Павла Станиславовича рассказали, что их отец «всегда считал арест деда трагической ошибкой», что с благодарностью вспоминал он и о мачехе Доре Ивановне, которая практически спасла ему жизнь. Поначалу он немало помыкался, скрываясь от встречи с официальными властями. Потом соединился с матерью — первой женой Войтеко Марией Яковлевной.

Они поведали о нелегкой жизни и замечательных человеческих качествах Станислава Павловича, над которым висело клеймо сына врага народа: «Трудно себе представить, каких сил стоило отцу сохранить в душе чувства справедливости, доброты, порядочности. Мы пи-

шем об этом не потому, что он был для нас самым дорогим и близким человеком. Окружавшие Станислава Павловича люди относились к нему с большим уважением, ценили его исключительную доброту, чувство такта, интеллигентность...

Сколько выдержки требовалось ему в те тяжелые времена, когда он был лишен возможности получить образование, специальность, о которой мечтал. Ведь ему было отказано в возможности поступить даже в текстильный институт в Ленинграде после войны... Видимо, стремление быть достойным своего отца помогало ему в самые тяжелые минуты. И, поверьте, это не громкие слова».

Что верно, то верно — это не громкие слова, но, пожалуй, душевная боль, передавшаяся от сына невинно репрессированного человека к его внукам.

И сколько же их было — незаслуженно обиженных, приниженных, а порой и надорванных, искалеченных душ! Нам, занимавшимся первой широкой реабилитацией в 50-х годах, приходилось немало встречаться и с детьми, и с уже ставшими взрослыми внуками осужденных. И всегда, несмотря на выражение нам искренней благодарности за реабилитацию, что одновременно означало и восстановление справедливости, нас невольно одолевало чувство досады, что эти жизненные трагедии не были предотвращены раньше, в самом их зародыше.

И еще одно чрезвычайно важное наблюдение: подавляющее большинство репрессированных, оставшихся в живых к моменту реабилитации (речь, конечно же, идет не об уголовных преступниках!), не утратили своего человеческого достоинства, не озлобились, а сохранили веру в грядущую справедливость.

Не могу забыть рассказ бывшего следователя УНКВД Тихина, который был репрессирован в 1938 г. как пособник «врагов народа», не желавший разоблачать их, как того требовала обстановка. Воспроизвожу по памяти это необычное дело:

«Меня направили в органы НКВД по рекомендации коммунистов завода,— рассказывал о себе Тихин в 1957 г.— Но как я ни старался оправдать столь высокое доверие, допрашиваемые мной арестованные, как правило, убеждали меня в своей невиновности. Уровень разоблачения «врагов народа» у меня был самым низким.

На одном из очередных совещаний начальник отдела Шапиро обратил на это внимание, назвав меня слюнтяем и кем-то еще в этом роде. Тут же объявил, что руководство недовольно нашей «вялой» работой и требует значительно увеличить ее показатели. Он призвал активизировать следствие, повысить результативность. Выступившие «передовики», поддерживая его призыв, брали повышенные обязательства. Особенно понравилось руководству выступление Анны М., предложившей не только повысить оперативность разоблачения врагов, но взять и дополнительные обязательства — «встречный план».

Подводя итоги совещания, начальник отдела похвалил ее, сказав примерно так: Анна не жалеет сил и разоблачает скрытых врагов, как хороший кондитер печет пироги. И тут же посоветовал мне поучиться у нее. Однажды, прервав около полуночи безрезультатный допрос своего подследственного, я пошел к своей «наставнице». И вдруг — что это? Из кабинета доносится хриплый лай! Приоткрываю дверь и вижу: на шкафу сидит босой подследственный и из последних сил лает на лампочку, а М. ножкой от стула периодически бьет его по сухожилиям, приговаривая: «Ну что, вражина, будешь говорить правду?» Пораженный увиденным, я сразу же пошел к начальнику и заявил, что попал в органы по ошибке и прошу отпустить меня. Ну а дальше, как вы уже знаете, меня отправили в места не столь отдаленные».

Мне нередко задают вопрос, а было ли возмездие «передовикам производства» из числа ежовско-бериевской команды? Ответить однозначно, пожалуй, не удастся.

Об участи Ягоды, Ежова, Берии, Абакумова, Кобулова и их ближайших сообщников хорошо известно. За фальсификацию следственных материалов были приговорены к высшей мере наказания Гоглидзе, Рюмин, Шварцман и прочие чины из ведомства госбезопасности СССР.

Занимаясь реабилитацией, мы также выявляли тех, кто особенно усердствовал во время репрессий, проявлял жестокость, пользовался незаконными методами следствия из карьеристских побуждений или иной личной заинтересованности. Прокуроры отделов по спецделам обменивались между собой такими материалами, составляли справки, которые служили основанием для привлечения к ответственности — партийной, дисциплинарной, а если не истекли сроки давности, то и уголовной — наиболее ярых исполнителей.

В печати уже сообщалось, какую убийственную роль в фальсификации дела так называемого военного заговора сыграли следователи Радзиviловский, Шнейдеман, Ушиминский (он же — Ушаков). В фабрикации материалов в отношении академика Н. Вавилова отличился прославившийся своими «бойцовскими» качествами Хват, а по делу Бубнова — следователь Родос. Особую «славу» завоевал в тюремных застенках некий Мусатов (по кличке Боксер), следователь с четырехклассным образованием, но с прямо-таки свинцовыми кулаками. В 50-е годы к уголовной ответственности были привлечены также следователи Генкин, Кулешов, Марусов, Мильштейн, Родованский и другие. Как правило, в суде эти «специалисты», признавая очевидные факты незакон-

ных действий, ссылались на приказы и указания своих высоких патронов.

Мне пришлось допрашивать бывшего начальника следственной части Прокуратуры СССР Л. Шейнина, участвовавшего в фабрикации группового дела в отношении крупного хозяйственного руководителя Ленинграда Ведриха и пятнадцати его подчиненных. Он ссылался на указания тогда уже покойного Вышинского. А председательствовавший в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР генерал И. Никитченко переложил вину на Ульриха, тоже покойного. Можно только предполагать (догадываться), сколько жутких тайн унесли с собой в могилу эти руководители правоохранительных органов...

* * *

Внучки Павла Станиславовича Войтеко полагают, что дед умер в 1944-м или в 1945 г. не то в Ульяновской, не то в Саратовской области. В материалах же архивного дела никаких данных о смерти Войтеко нет, после осуждения следы теряются где-то на путях к Воркуте или Магадану. Установить доподлинно, где именно он умер и захоронен, невозможно. Таков удел большинства погибших в заключении.

Б. А. Старков

ПЕРЕД ПИСЬМОМ РАСКОЛЬНИКОВА

Во второй половине 1937 г. репрессии против советских и партийных работников достигли своего апогея. Летом было объявлено о раскрытии «военно-фашистского заговора» во главе с М. Н. Тухачевским. В армии начались массовые аресты. В этих условиях сопротивление сталинизму внутри страны было сведено до минимума. Но именно в это время в зарубежной печати появилось несколько открытых писем, адресованных международной общественности, рабочему классу, лично И. В. Сталину. Их авторами были большевики, которые по характеру своей работы находились за границей. Спасаясь от репрессий, они вынуждены были стать невозвращенцами. Среди них были дипломаты, такие, как А. Г. Бармин, Ф. Ф. Раскольников, профессиональные разведчики И. Рейсс и В. Кривицкий.

В тот страшный период в истории нашей страны под различными предлогами полпреды и атташе, консулы и рядовые сотрудники аппарата всевозможных представительств СССР за рубежом отзывались на родину, где их, как правило, арестовывали и репрессировали. Эта участь постигла многих известных советских дипломатов. В том числе Л. М. Карахана, Н. Н. Крестинского, К. К. Юренева, А. Я. Аросева и др. Их обвинили в измене, контрреволюционной и вредительской деятельности. С 1939 по 1941 г. фактически под домашним арестом находился бывший нарком иностранных дел М. М. Литвинов. Внезапный вызов в СССР для многих означал смертный приговор.

Тех, кто отказывался вернуться и оставался за границей, ожидала нелегкая судьба. Принимая решение не возвращаться на родину, они заведомо навешивали на себя ярлык «предателей и изменников». Конечно, можно было промолчать, спрятаться, вести частный образ жизни, но они нередко выбирали другое: на весь мир объявляли о том, что происходит в действительности в Советской стране. Именно среди этих людей, искренне преданных идеалам социализма, возникла еще одна форма сопротивления сталинизму: апелляция

к международному рабочему и коммунистическому движению.

Одним из первых в открытую борьбу со сталинизмом вступил А. Г. Бармин, поверенный в делах СССР в Афинах, член партии с 1919 г., активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. Летом 1937 г. его неожиданно вызвали в СССР. Первое время он под различными предлогами отказывался выезжать, а уже осенью был вынужден перейти на положение невозвращенца[1].

В отличие от других «невозвращенцев», А. Г. Бармин не стал сотрудничать с белоэмигрантскими организациями, а обратился с открытым письмом к международному рабочему классу. Это письмо было опубликовано в декабрьском номере «Бюллетеня оппозиции», который издавался в Париже.

«Покидая службу,— писал А. Г. Бармин,— порученную мне Советским правительством, я считаю своим долгом довести об этом до вашего сведения и во имя гуманности возвысить голос протеста против преступлений, число которых растет с каждым днем. Первый секретарь полпредства в Афинах с декабря 1935 года, поверенный в делах СССР в Афинах с марта 1937 года, я в течение 19 лет находился на советской службе, в течение 19 лет был членом ВКП(б), активно борясь за Советскую власть, и отдал все силы рабочему государству.

Поступив добровольцем в Красную Армию в 1919 году, я шесть месяцев спустя был назначен сперва политическим комиссаром батальона, затем полка, окончил школу командного состава и занимал командные должности. После наступления на Варшаву Реввоенсовет 16-й армии направил меня в Академию Генерального штаба. В 1923 г. по окончании Академии, я перешел в запас в должности командира бригады. С 1923 по 1925 годы был генеральным консулом СССР в Персии. В течение десяти лет работал в системе Наркомвнешторга и был с 1925 по 1931 год главным директором импорта из Франции и Италии. В 1932 году — официальным агентом СССР в Бельгии, членом правительственной делегации СССР в Польше в 1933 году, председателем треста по экспорту автомобильной и авиационной промышленности в 1934—1935 годах. Таковы вкратце мои должности до назначения в Грецию. На каких бы постах я ни находился, я думал лишь о том, чтобы сознательно и преданно служить моей стране и социализму.

Московские процессы вызвали во мне чувство ужаса и отвращения. Я не мог примириться с казнью старых вождей революции, несмотря на расточаемые ими признания. Признания эти лишь увеличивали мое душевное смятение и в то же время укрепили мои последние иллюзии. Моя искренняя преданность рабочему классу, советскому народу мешала поверить в то, что правители страны способны на такие преступления. Заставили меня вначале совершить насилие над собой и покориться фактам. Но события последних месяцев (которые я провел во Франции в отпуску) лишили меня последних иллюзий. Громкие процессы подготовили массовое истребление коммунисти-

ских кадров, то есть членов партии, которые боролись в подполье, руководили революцией и гражданской войной и обеспечивали победу первого рабочего государства и кого теперь забрасывают грязью, отдают на расправу палачам. Мне стало ясно, что в СССР устанавливается реакционная диктатура.

Один за другим исчезли, быть может уже убиты, мои руководители и товарищи, все старые большевики, бывший посол и заместитель наркома по иностранным делам — Крестинский; председатель общества культурных связей с заграницей — Аросев; заместитель наркома и посол в Анкаре — Карахан, который, по-видимому, уже расстрелян; посол — Юренев, один из руководящих политических комиссаров Красной Армии в 1918—1919 годах; Элиава — заместитель наркома внешней торговли; мои друзья и товарищи, с которыми я рука об руку боролся в течение последних 20 лет, руководители отделов Наркоминдела — Цукерман и Фехнер; послы СССР—Асмус (Гельсингфорс), Подольский (Ковно), Островский (Бухарест), друг и ставленник Ворошилова; генералы — Геккерт, Шмидт и Савицкий — герои гражданской войны и мои товарищи по Академии; послы — Давтян, Богомолов, Розенберг, Бродовский, лично мне менее известны, но в честности и преданности которых я глубоко убежден.

Я обращаюсь к общественному мнению с самым настоятельным и отчаянным призывом встать в защиту тех из них, которые, может быть, еще живы. Я горячо протестую против лживых и подлых обвинений. Я думаю, что моих товарищей, оставшихся на постах в странах Европы, Азии или Америки, ждет та же участь, та же дилемма: вернуться в СССР, что означало бы верную гибель, или, оставшись за границей, идти на риск быть убитым заграничными агентами ГПУ, которые до недавнего времени ходили за мной по пятам.

Дальнейшее пребывание на службе у сталинского правительства означало бы для меня худшую деморализацию, и сделало меня соучастником преступлений, которые изо дня в день совершаются над моим народом. Это было бы с моей стороны предательством дела социализма, которому я посвятил всю свою жизнь.

Я следую голосу моей совести, порывая с этим правительством. Я отдаю себе отчет в опасностях, связанных с этим шагом. Я подписываю себе смертный приговор и ставлю себя под удар наемных убийц. Все это ни в малейшей степени не может повлиять на линию моего поведения. Отправляя свою отставку в Наркоминдел, я отказываюсь от дипломатической неприкосновенности. Я отныне превращаюсь в простого политического эмигранта и ставлю себя под защиту законов и общественного мнения оказавшей мне гостеприимство страны. Я действую в уверенности, что больше, чем когда бы то ни было, остаюсь верен идеям, которым служил всю жизнь. Да поможет мой голос общественному мнению понять, что этот режим отрекся от социализма и всякой гуманности.

1 декабря 1937 года. *Александр Бармин (Графф)»* [2]

А. Г. Бармина тут же обвинили в измене, предательстве интересов рабочего класса и назвали троцкистом. Отвечая на вопросы по поводу разрыва со сталинским режимом, он говорил: «Я не был раньше, не являюсь и сейчас троцкистом, но я уже указывал в своем письме от 1 декабря, что не изменю идеям, которым служил всю жизнь, делу Ленина и Октябрьской революции, делу социализма» [3].

В дальнейшем А. Г. Бармин проживал в Париже, фактически вел частный образ жизни. В 1938 г. с ним встречался Ф. Ф. Раскольников.

В это же время на положение невозвращенца перешел, отказавшись вернуться в СССР, один из руководителей советской военной разведки в Западной Европе В. Г. Кривицкий. Его настоящее имя — Самуил Гинзбург. Он родился 28 июня 1899 г. в городе Подволочиске на Западной Украине. В рабочем движении стал принимать участие с 13 лет, а в годы революции и гражданской войны работал на Украине в тылу белогвардейских и оккупационных войск. В 1919 г. вступил в большевистскую партию и взял себе партийный псевдоним Вальтер Кривицкий.

В 1920 г. он был послан в тыл польской армии для организации разведки, диверсионных акций и партизанского движения. После окончания этой миссии он был направлен на специальные курсы Генерального штаба РККА и в дальнейшем связал свою судьбу с военной разведкой. В начале 1923 г. В. Кривицкий засылается в Германию, где работает в Руре в условиях французской оккупации, а также в Саксонии и Силезии. Его усилиями из надежных агентов была создана основа будущей разведывательной сети. После поражения германской революции он вернулся в СССР и занимал ряд ответственных должностей в Разведуправлении РККА. В 1925 г. он был вновь командирован в Германию.

В 20-е годы кроме Германии Вальтер Кривицкий тайно ездил во Францию, Голландию, Швейцарию, Италию, Австрию. Многие из его помощников и сотрудников были настоящими коммунистами. Однако были и такие, кто работал за деньги. Так, чертежи новой итальянской подводной лодки ему продал высокопоставленный фашист, а у эсэсовцев в Берлине в начале 30-х годов он получил ключ к японским дипломатическим шифрам.

В 1926 г. приказом главкома С. С. Каменева Кривицкий был награжден именным золотым оружием с надписью: «Стойкому защитнику пролетарской революции от Реввоенсовета Советского Союза». В феврале 1931 г. за образцовое выполнение правительственных заданий он в числе пяти руководителей советской военной разведки был награжден орденом Красного Знамени [4]. Ему было присвоено очередное воинское звание — комдив. В 1933 г. Кривицкий назначается директором Института военной промышленности. Однако поработать в этой должности

ему пришлось недолго. Международная обстановка резко обострилась в связи с приходом к власти Гитлера, и в 1934 г. он был откомандирован сначала в Австрию, а позднее опять в Германию. В 1935 г. под его руководством была проведена одна из самых блестящих операций советской военной разведки по получению документальных материалов о строго секретных переговорах нацистской Германии и милитаристской Японии. Это был триумф советской военной разведки. Вальтер Кривицкий был представлен к награждению орденом Ленина.

К этому времени он уже утвердился в качестве главы советской военной разведки в Западной Европе. У него был свой офис в Париже, его агенты работали практически во всех странах Европы. Он сам под именем австрийца Мартина Лесснера проживал с семьей в Гааге. По долгу службы ему приходилось довольно часто выезжать на Родину. Но каждая такая поездка приносила разочарование, все больше убеждая его в том, что Сталин встал на путь единоличной власти и пытается удержаться при помощи террора.

В декабре 1936 г. Кривицкий получил неожиданное указание заморозить всю разведывательную сеть в Германии. И это в то время, когда Гитлер прямо заявил о борьбе с мировым коммунизмом! Когда Кривицкий обратился за разъяснением причин столь нелепого распоряжения к руководителю Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности А. А. Слуцкому, то в ответ услышал, что это делается по указанию свыше, то есть самого Сталина.

Тогда же от агентов в Германии он узнает, что Сталин через своего доверенного Д. Канделаки (советский торговый представитель в Германии.— *Б. С.*) ведет в обход Наркоминдел переговоры с официальными представителями гитлеровской Германии. Как поступить в таком случае? В. Кривицкий стоял перед сложной проблемой. Но несмотря на сомнения он продолжал служить социализму, тем идеям, которые составили основу его мировоззрения.

События сложились так, что в начале 1937 г. В. Кривицкий был вызван в Москву. Здесь в течение нескольких месяцев ему пришлось посвящать в тонкости своей профессии нового наркома внутренних дел Н. И. Ежова. Одновременно на его глазах разворачивались необоснованные репрессии комсостава Красной Армии. Будучи

тесно связанным с руководителями советской военной разведки в Германии, Кривицкий ясно представлял, что так называемые «фашистские заговорщики» не имели ничего общего с деятельностью спецслужб нацистской Германии. В конце мая 1937 г. он вернулся в Гаагу и приступил к исполнению своих обязанностей. Все свидетельствовало о доверии к нему со стороны сталинского руководства. 29 мая он встретился со своим заместителем И. Рейссом, который много лет работал в советской разведке, был искренне предан идеалам коммунизма и социалистической революции. Судьба этого человека трагически переплелась с судьбой Вальтера Кривицкого.

Игнатий Рейсс, псевдоним «Людвиг», родился 1 января 1899 г. в Польше, в бедной еврейской семье. С 1920 г. он находился на нелегальной работе в буржуазной Польше, был арестован и приговорен к пяти годам тюрьмы, но освобожден под залог. В 1923—1926 гг. Рейсс работал в Румынии, Австрии, в 1927—1928 гг.— в Москве, в Центральной Европе. В 1929—1932 гг. учился в Москве, работал в центральном аппарате, затем снова был командирован за границу. В 1928 г. за заслуги перед революцией Рейсс был награжден орденом Боевого Красного Знамени [5].

Весной 1937 г., получив информацию о том, что происходит в Советском Союзе, Рейсс пришел к выводу, что политика Сталина все в большей степени перерождается в фашизм. Он обратился за разъяснением к своему начальнику В. Кривицкому (который в свое время давал ему рекомендацию для вступления в большевистскую партию). Между ними произошел очень долгий и откровенный разговор. «Я использовал весь запас аргументов,— вспоминал впоследствии Кривицкий.— И вновь остановился на старой теме: «Мы не должны уклоняться от борьбы. Советский Союз был все еще единственной надеждой рабочих мира,— настаивал я.— Сталин может ошибаться. Сталины придут и уйдут, а Советский Союз останется. Наш долг — оставаться на посту». Однако все это не убедило Рейсса. Он был убежден, что Сталин ведет страну к катастрофе, и говорил о крушении иллюзий» [6].

Вернувшись в Париж, 17 июня 1937 г. Игнатий Рейсс через сотрудницу советского торгового представительства во Франции Лидию Грозовскую передал в адрес ЦК партии письмо следующего содержания:

«В ЦК ВКП(б).

Письмо, которое я адресую вам сегодня, мне следовало написать давно. В тот день, когда шестнадцать человек (имеются в виду 16 осужденных по процессу Зиновьева — Каменева.— *Б. С.*) были убиты в подвалах Лубянки по приказу «отца народов». Я тогда молчал. Я не поднял голос протеста и при последующих убийствах и за это несу большую ответственность. Велика моя вина, но я постараюсь искупить ее быстро и облегчить свою совесть. До сих пор я был с вами. Отныне — ни шага дальше. Наши пути разошлись! Тот, кто хранит молчание в этот час, становится пособником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма.

С двадцатилетнего возраста я веду борьбу за социализм. Я не хочу теперь, на пороге пятого десятка, жить милостями Ежова. У меня за плечами 16 лет нелегальной работы — это немало, но у меня еще достаточно сил, чтобы начать все сначала. А дело именно в том, чтобы начать все сначала, в том, чтобы спасти социализм. Борьба началась уже давно — я хочу в ней найти свое место. Шум, поднятый вокруг полярных летчиков, должен заглушить крики и стоны истязаемых в подвалах Лубянки, в Свободной, Минске, Киеве, Ленинграде и Тифлисе. Этому не бывать! Слово, слово правды, все еще сильнее самого сильного самолетного мотора с любым количеством лошадиных сил. Верно, что летчикам-рекордсменам легче добиться расположения американских леди и отравленной спортом молодежи обоих континентов, чем завоевать мировое общественное мнение и потрясти мировую совесть! Но не надо себя обманывать, правда проложит себе дорогу. День суда ближе, гораздо ближе, чем думают господа из Кремля. Близок день суда международного социализма над всеми преступлениями последних лет. Ничто не будет забыто, ничто не будет прощено. История строится нами, и гениальный вождь, «отец народов», «солнце социализма» должен будет дать ответ за все свои дела.

Процесс этот состоится публично, со свидетелями, многими свидетелями, живыми и мертвыми. Все они еще раз заговорят, но на сей раз скажут правду, всю правду. Они явятся все — невинно убитые и оклеветанные,— и международное рабочее движение их реабилитирует, всех этих Каменевых и Мураловых, Дробнисов и Серебряковых, Мдивани и Окуджав, Раковских и Нинов, всех этих «шпионов и диверсантов», «агентов гестапо и саботажников». Чтобы Советский Союз и вместе с ним все международное рабочее движение не стали окончательной жертвой контрреволюции и фашизма, рабочее движение должно изжить своих Сталиных и сталинизм. Эта смесь худшего беспринципного оппортунизма с кровью и ложью грозит отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего революционного движения.

...Нет, я больше не могу. Я возвращаю себе свободу. Назад, к Ленину, к его учению и делу. Я хочу предоставить свои силы делу Ленина, я хочу бороться, и только наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз — от сталинизма. Вперед, к новым боям за пролетарскую революцию, за организацию четвертого Интернационала!

17 июля 1937 года *«Людвиг» (Игнатий Рейсс)*

В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за заслуги перед пролетарской революцией. При сем возвращаю вам его. Носить его одновременно с палачами лучших представителей русского рабочего класса — ниже моего достоинства. В «Известиях» за последние четырнадцать дней были приведены имена награжденных орденами; функции их стыдливо не были упомянуты: они состоят в приведении приговоров в исполнение» [7].

Заявление Рейсса было расценено как государственная измена. Для его ликвидации Ежов направил за границу заместителя начальника иностранного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР Сергея Шпигельгласса, который отличался особой храбростью. На проведение этой акции была выделена сумма в 300 тысяч долларов. При встрече с Кривицким Шпигельгласс прямо заявил, что тот несет ответственность за поступок Рейсса. «Вы знаете, что отвечаете за Рейсса. Вы рекомендовали его в Коммунистическую партию и предложили взять его в нашу организацию» [8],— сказал он. С этого момента карьера замечательного советского военного разведчика Вальтера Кривицкого навсегда закончилась. Сам он впоследствии в своих мемуарах объяснял это так: «Я понял, что я не отвечаю новым требованиям новой сталинской эры, что во мне нет способностей, которыми обладают подобные Шпигельглассу и Ежову, и что я не выдержу необходимого в данное время испытания, которому сейчас должны подвергаться те, кто хотел служить Сталину. Я давал клятву служить Советскому Союзу, а не Сталину-диктатору» [9].

4 сентября 1937 г. недалеко от Лозанны Людвиг (И. Рейсс) был найден мертвым. Швейцарская полиция напала на след убийц. Ими оказались сотрудники иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР. Кривицкий ясно отдавал себе отчет в том, что ни Ежов, ни Сталин не простят ему дела Рейсса. Поэтому он принял решение перейти на положение невозвращенца. В начале октября он переехал во Францию, где в ноябре 1937 г. встретился с Львом Седовым, сыном Л. Д. Троцкого. Седов издавал в Париже «Бюллетень оппозиции». По свидетельству Кривицкого, тот произвел на него весьма приятное впечатление: «Он был еще очень молод, но исключительно даровит; очаровательный человек, хорошо информированный и деятельный». В разговоре с Л. Седовым Кривицкий заявил, что не причисляет себя к какой-нибудь политической группировке и в ближайшее время намерен жить в качестве частного лица. «Разумеется, я целиком стою на почве Октябрьской революции, которая была и остается исходным пунктом моего политического развития,— сказал он в интервью.— Если я захотел встретиться и ближе познакомиться с Вами, то не потому, что я считаю себя троцкистом — это вытекает из вышесказанного, а потому, что Троцкий в моем сознании и

убеждении неразрывно связан с Октябрьской революцией».

На вопрос: «Что Вы думаете о московских антитроцкистских процессах?» В. Кривицкий ответил:

«Я знаю и имею основания утверждать, что московские процессы — ложь с начала до конца. Это маневр, который должен облегчить окончательную ликвидацию революционного интернационализма, большевизма, учения Ленина и всего дела Октябрьской революции.

Вы спрашиваете, как подготавлнваются «дела» к расправе? Ограничусь пока одним примером. Несколько месяцев тому назад был арестован Уншлихт. Арест Уншлихта взволновал меня, н я решил поговорить о его «деле» с весьма ответственным работником ГПУ — Ш. (Речь ндет о зам. начальннка нностранного отдела ГПУ * Шпигельглассе.— Прим. ред.) Ш. рассказал мне, что в начале нюля его вызвал к себе Фриновский, зам. Ежова, передал ему какую-то бумагу и сказал: «Вы должны перевести содержание этой бумаги и только Вы должны знать об этом (перевести с польского на русский)».

— Каково же было содержание этой бумагн? — спросил я.

Ш. ответил, что это было заявление, написанное лично Дзержинским, кажется в 1910 году, в котором Дзержннский утверждал, что Уншлнхт состоит на службе в царской охранке.

Я возразил: ведь известно, что это дело было тогда же разобрано и было доказано, что Дзержинский ошибся, что Дзержинский взял свое заявленне назад и признал свою ошибку, что Ленин назначал Уншлихта заместителем Дзержинского в ВЧК, что в течение многих лет Дзержннскнй дружно работал с Уншлихтом и т. д.

Шпигельгласс мне на это ничего не сказал, да и ничего ответнть не мог. А Уншлнхт теперь сиднт, а может, уже н расстрелян по этому «делу».

Что касается борьбы с троцкизмом, то скажу Вам только одно. Впечатление такое, что Сталнн нн о чем другом не думает, что для него не существует другнх вопросов. В СССР лн, за границей лн, когда возникает какой-нибудь вопрос, дело и прочее — к нему подходят прежде всего под углом зрения борьбы с троцкизмом. Хорошо ли, плохо ли человек ведет работу — неважно. Важно — борется лн он с троцкнстами. Делаешь доклад по серьезнейшему вопросу, видншь, что тебя почти не слушают. Под конец же спрашивают: а по части троцкистов как у тебя обстоит дело?»

Отвечая на вопрос о числе политических арестованных в СССР за последний период, В. Кривицкий со ссылкой на очень авторитетный источник (возможно, самого Ежова.— *Б. С.*) определил это число по состоянию на май 1937 г. в 300 000 человек. С этого времени число арестованных значительно возросло, может быть достигло полумиллиона. На вопрос относительно работы оппозиции в СССР Кривицкий ответил так: «За последнее

* ГПУ к этому временн не существовало, его функции выполняло Главное управление государственной безопасности НКВД СССР.

время — не знаю. В 1935 г., когда я был в Москве, на заводах и в университетах была распространена листовка троцкистского характера» [10].

5 декабря 1937 г. В. Кривицкий передал Л. Седову текст открытого письма в международную печать, которое было опубликовано в «Бюллетене оппозиции», а также в ряде социалистических газет. Вот его текст:

«18 лет я предано служил Коммунистической партии и Советской власти в твердой уверенности, что служу делу Октябрьской революции, рабочего класса. Член ВКП(б) с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор института Военной промышленности, я в течение двух последних лет выполнял специальные миссии Советского правительства за границей. Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие, я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и почетным оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой Советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше через тайные — процессы прошли в качестве «шпионов и агентов гестапо» такие выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И. Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и др., лучшие экономисты, ученые, Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысяча других — перечислить всех здесь нет никакой возможности. Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и пооктябрьского поколений, те, кто в огне гражданской войны, в голоде и холоде строил Советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших вождей Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их, как и все свои жертвы, в измене. В действительности именно сталинская политика подрывает военную мощь Советского Союза, его обороноспособность, советскую экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов — которые еще станут известны (например, при допросе Смирнова и Мрачковского), кажущихся невероятными на Западе, Сталин и Ежов вымогают у своих жертв «признания» и инспирируют позорные процессы. Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывают мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы, и понимать, что погибают невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувства отвращения и негодования, убедить себя в том, что несмотря на это нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились мне — я должен это признать,— чтобы решиться на разрыв с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых «шпионов» и «агентов гестапо», в действительности преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются нынеш-

ними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю, я имею тому доказательства — что голова моя оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не остановятся ни перед чем, чтобы убить меня и тем заставить замолчать, что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам.

Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой общественности.

5 декабря 1937 года *В. Кривицкий (Вальтер)»* [11]

Первое время Вальтер Кривицкий вместе с семьей жил во Франции. Когда в СССР проходил судебный процесс по делу право-троцкистского антисоветского блока, в марте 1938 г. к нему обратились редактор «Фигаро» Борис Суварин (бывший член ФКП) и Гастон Берже, депутат Национального собрания Франции, один из самых активных инициаторов франко-советского договора (он был зятем Л. Б. Красина). По их просьбе Кривицкий в серии статей раскрыл «механику признаний на московских процессах». Статьи были опубликованы во французской периодике, а также в американской, норвежской и шведской печати, а часть из них — в журнале российских меньшевиков «Социалистический вестник». В этих публикациях Кривицкий пытался объяснить западноевропейскому читателю, что же на самом деле происходит в Москве. Вскоре после их появления на него было организовано покушение, и Кривицкий принял решение перебраться в США [12].

Официально, как и Бармин, Вальтер Кривицкий был объявлен предателем. Однако, в отличие от Беседовского, Люшкова, Бутенко, других невозвращенцев, он не называл советской агентуры за рубежом и никаких государственных и военных тайн не выдавал.

Оказавшись в Америке, Кривицкий при посредничестве Айзека Дон Левина приступил к публикации серии статей для журнала «Сатердей Ивнинг Пост» под общим названием «Я был агентом Сталина». Сенсацией прозвучало его утверждение, что Сталин начал искать контакты с Гитлером еще в 1934 г. В это невозможно было поверить. И поэтому левая печать моментально обвинила его в клевете и продажничестве. Только при посредстве известного адвоката Уолдмена удалось добиться отмены приказа о депортации. Однако властям США было поставлено условие, что Кривицкий выступит перед Комиссией палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. В октябре 1939 г. он выдержал это испытание [13].

К тому времени Кривицкий уже знал, что родственники его жены, проживавшие в Ленинграде, репрессированы за родство с врагами народа. Два ее брата были расстреляны. В начале 1941 г. он получил информацию от своих бывших коллег, что сотрудники заграничного оперативного центра НКВД вышли на его след. Кривицкий принял все меры предосторожности. От адвоката Уолдмена Кривицкий знал, что очередное слушание его в комиссии назначено на 10 февраля. Именно в этот день в половине десятого утра его тело нашли в отеле «Бельвью» с простреленной головой [14].

Смерть Вальтера Кривицкого до сих пор остается загадкой. Одни — в частности, его вдова, а также Александр Керенский и вдова Льва Троцкого — объявили это политическим убийством. Другие — например, полицейские, руководившие следствием,— склонялись к самоубийству [15]. Ответа на этот вопрос не содержится и в статье «Кто убил Вальтера Кривицкого», опубликованной в «Литературной газете» 24 января 1990 г.

Для нас важно и другое. Обращение группы представителей большевистской гвардии с апелляцией к международному рабочему движению, мировому общественному мнению стало также одной из форм сопротивления сталинизму. Впереди еще было блестящее обличительное выступление Федора Раскольникова. Трагическая судьба этих людей, настоящих героев антисталинского сопротивления, во многом сходна с судьбой их единомышленников, оставшихся в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об этом много писали в то время в буржуазной и эмигрантской прессе.

[2] См.: Бюллетень оппозиции. 1937. № 61. С. 7—8.

[3] Там же. С. 11.

[4] Коллекция ЦГАОР СССР. Дело о награждении В. Г. Кривицкого.

[5] Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы В. Г. Кривицкого.

[6] Там же.

[7] См.: Собеседник. 1989. № 31. С. 12.

[8] Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы В. Г. Кривицкого.

[9] Там же.

[10] Бюллетень оппозиции. 1937. № 61. С. 9—10.

[11] Там же. С. 5—6.

[12] Коллекция ЦГАОР СССР. Материалы В. Г. Кривицкого.

[13] См.: Литературная газета. 1990. 24 янв.

[14] См. там же.

[15] См.: *Филби К.* Моя тайная Война. М., 1980. С. 105; *Медведев Р.* О Сталине и сталинизме//Знамя. 1989. № 3. С. 148.

В. Д. Поликарпов

ФЕДОР РАСКОЛЬНИКОВ: СУДЬБА БОЛЬШЕ ЖИЗНИ

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ

Какой бы существенный сдвиг ни произошел в духовной жизни народа за последнее время, но и в атмосфере перестройки обращение к недавнему «отцу народов» прозвучало неожиданно: «Предатель социализма и революции, главный вредитель, подлинный враг народа, организатор голода и судебных подлогов!» Такого, в полный голос сказанного, страна еще не слышала. Эти слова Раскольникова в тайно читаемых списках с Открытого письма Сталину были известны ограниченному кругу людей главным образом со времен хрущевской «оттепели», но уже после нее не один читатель и распространитель письма был выловлен и за неосторожность поплатился изгнанием с работы, тюрьмой, лагерями. Расправы эти чинились не в какие-то иные годы, не в 30-е например, а уже через двадцать лет после смерти тирана и через десятилетие после прикончившего «оттепель» октябрьского переворота 1964 г.

Даже в 1987 г., когда были приоткрыты клапаны гласности, для обнародования оценок «вождя» и «корифея» и его режима, высказанных Раскольниковым, требовалась немалая смелость. И по тому, что и теперь, после происшедшего идеологического сдвига, не все еще простили этот «выпад» «Огоньку», можно судить, сколь велик был риск. По этому можно судить еще и о том, на какой тонкой ниточке, прямо-таки на волоске — на чьем-то риске — висела тогда гласность. Все это говорится к тому, чтобы можно было представить, какую роль сыграл в нынешней перестройке — и в переломе именно в идеологической области — оказавшийся снова вместе с нами почти через полвека после ухода из жизни герой революции и борец против сталинизма Федор Раскольников.

В драме перестройки уже сыграно два акта: первый, ознаменовавший собой год 70-летия Октября и обозначивший решительный поворот в общественном сознании страны, после которого вряд ли возможно возвра-

щение в этой области назад; и второй — этот, по меткому определению Татьяны Ивановой, «удивительный год, стоящий десятилетий», по хронологии пролегший между первым съездом народных депутатов СССР (лето 1989 г.) и XXVIII партийным съездом (лето 1990 г.), когда к необратимому сдвигу, продемонстрированному в первом акте, прибавились перемены в политической жизни, поставившие предел монопольной власти, воспринимавшейся обществом как беспредельная, бесконтрольная, часто непонятная, не поддающаяся осмыслению, могучая, далекая, недосягаемая, непостижимая [1].

И во втором акте на авансцене политики — снова Федор Раскольников. К этому времени на страницах советских изданий появился наконец полный текст Открытого письма Сталину. Это была, в ряду других, легализация той давней мысли передовых людей России, а потом Советской страны, которая при всех режимах преследовалась в любом виде — в устном, письменном — и не могла быть раньше допущена в печать. Теперь эта мысль — в устах Раскольникова — обретала программную действенность в борьбе за демократизацию государства. «Что сделали вы с конституцией, Сталин? — мог прочитать каждый теперь в открытой печати.— Испугавшись свободы выборов, как «прыжка в неизвестность», угрожавшего вашей личной власти, вы растоптали конституцию, как клочок бумаги, выборы превратили в жалкий фарс голосования за одну-единственную кандидатуру, а сессии Верховного Совета наполнили акафистами и овациями в честь самого себя. В промежутках между сессиями вы бесшумно уничтожаете «зафинтивших» депутатов, насмехаясь над их неприкосновенностью и напоминая, что хозяин земли советской не Верховный Совет, а вы. Вы сделали все, чтобы дискредитировать советскую демократию, как дискредитировали социализм» [2].

Ф. Ф. Раскольников родился в январе 1892 года в Петербурге в семье священника. О своих ранних годах он впоследствии писал в автобиографии: «Еще в 1905—1906 гг. в 5 и 6 классах реального училища я дважды принимал участие в забастовках, причем один раз был даже избран в состав ученической делегации и ходил к директору училища с требованием улучшения быта, за что едва не был исключен из училища. Революция 1905 г. впервые пробудила во мне политический интерес и сочувствие к революционному движению, но так как мне было

тогда всего 13 лет, то в разногласиях отдельных партий я совершенно не разбирался, а по настроению называл себя вообще социалистом... Политические переживания во время революции 1905 г. и острое сознание социальной несправедливости стихийно влекли меня к социализму. Эти настроения тем более находили во мне горячий сочувственный отклик, что материальные условия жизни нашей семьи были довольно тяжелыми»[3].

Так входил Федор Раскольников в революцию. В 1910 г. он, студент политехнического института, вступает в социал-демократическую партию, и это определило его дальнейшую судьбу. Он работает в большевистских газетах «Звезда», «Правда», «Голос правды», выдвигается в руководящее ядро кронштадтских революционных организаций. Активно участвует в событиях 1917 г. в Кронштадте и Петрограде, а затем в организации Красного Флота.

На берегу Камы в селе Гольяны стоит пережившая все перипетии бурной судьбы Раскольникова стела — это память о том, как осенней ночью в октябре 1918 г., командуя отрядом из трех миноносцев Волжской флотилии, он увел из белогвардейского плена «баржу смерти» и тем спас от неминуемой, казалось, гибели содержавшихся на ней несколько сотен сарапульских красногвардейцев и советских работников.

Жизнь Раскольникова богата разнообразными событиями, славными делами и невзгодами. Их хватило бы на несколько более размеренных жизней. В его «послужном списке» — деятельность в качестве одного из первых советских полпредов в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. Не только как революционер, политический деятель и дипломат, он был известен и как литератор — автор публицистических работ, пьес, воспоминаний. В них целая галерея политических фигур 20—30-х гг.

Некоторые из его записок увидели свет только в 1988 г. Почему? Это можно понять, прочитав, например, «Политический портрет Сталина», написанный им более полувека тому назад. Из него, между прочим, можно почерпнуть такие сведения, которые как бы предварят восприятие образа Сталина, нарисованного Раскольниковым в его открытых письмах 1939 г.

Вот несколько штрихов из характеристики Сталина, ценных уже тем, что это писалось «с натуры»:

«Сталин недоверчив и подозрителен. Несмотря на это или, вернее, именно благодаря этому он с безграничным доверием относится ко всему, что кого-либо компрометирует и, таким образом, укрепляет

его природную подозрительность. На этой струнке с успехом играют окружающие его интриганы, когда им нужно кого-либо дискредитировать в его глазах.

Основное психологическое свойство Сталина, которое дало ему решительный перевес, как сила делает льва царем пустыни,— это необычайная, сверхчеловеческая сила воли. Он всегда знает, чего хочет, и с неуклонной, неумолимой методичностью, постепенно добивается своей цели...

Сталин не нуждается в советниках, ему нужны только исполнители. Поэтому он требует от ближайших помощников полного подчинения, повиновения, покорности, безропотной, рабской дисциплины. Он не любит людей, имеющих свое мнение, и со свойственной ему грубостью отталкивает их от себя. Он малообразован...

Сталин лишен гибкости государственного человека. У него психология Зелим-хана, кавказского разбойника, дорвавшегося до единоличной власти. Презирая людей, он считает себя полновластным хозяином над их жизнью и смертью...

...На фоне других, более выдающихся современников он никогда не блистал умом. Зато он необычайно хитер. Можно сказать, что весь его ум ушел в хитрость, которая у всех ограниченных людей вообще заменяет ум. В искусстве «перехитрить» никто не может соревноваться со Сталиным. При этом он коварен, вероломен и мстителен. Слово «дружба» для него пустой звук».

И еще: «Меня удивляло, что вожди Советского Союза так оторвались от народа. Они отгородились от внешнего мира каменной стеной Кремля. Они варятся в собственном соку, живут в призрачном, иллюзорном мире, ощущают биение пульса страны лишь по односторонним сводкам Наркомвнудела... Они живут более изолированно, чем любой монарх, и в свой тесно замкнутый кружок никого посторонних не допускают» [4].

Новые материалы из литературного наследства Раскольникова, как и его открытые письма 1939 г., послужат теперь средством более глубокого осмысления нашего исторического прошлого.

КАК ЕГО СДЕЛАЛИ «ВРАГОМ НАРОДА»

17 июля 1939 г. Верховный суд Союза ССР, признав, что «Раскольников Федор Федорович, бывший полпред СССР в Болгарии, самовольно оставил место своей службы и отказался вернуться в пределы СССР, т. е. совершил преступление, предусмотренное Законом от 21 ноября 1929 года «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказавшихся вернуться в Союз ССР», объявил его вне закона [5].

В ответ на это Раскольников 26 июля опубликовал в зарубежной печати открытое заявление «Как меня сделали «врагом народа», в котором опротестовал приговор

как вынесенный на основании фальшивого обвинения. Он рассказал, как на протяжении 1936—1937 гг. Наркоминдел неоднократно вызывал его из Софии в Москву, якобы для переговоров о новом назначении то в Мексику, то в Чехословакию, то в Грецию, то в Турцию. Чувствуя «явно несерьезный характер» этих предложений (как иначе было воспринимать их, если, например, с Мексикой у СССР тогда не было даже дипломатических отношений?), Раскольников отказывался от них, заявляя, что он «удовлетворен своим пребыванием в Болгарии». Наконец Наркоминдел потребовал его немедленного приезда в Москву, обещая неопределенное «более ответственное» назначение.

Раскольников не знал тогда некоторых обстоятельств, установленных Верховным судом СССР лишь в 1963 г. при проверке его уголовного дела. Оказалось, что в 1937-м и в начале 1938 г. органами следствия были получены от некоторых арестованных «ложные показания о принадлежности Раскольникова к антисоветской троцкистской организации», в связи с чем за ним было установлено «наблюдение, которое он замечал». В переписке по поводу его вызовов в Москву Литвинов дал ему знать, «что о его приезде всегда спрашивают в Кремле».

«1 апреля 1938 года,— сообщал Раскольников в открытом заявлении,— я выехал из Софии в Москву, о чем в тот же день по телеграфу уведомил Народный комиссариат иностранных дел... Вся советская колония в Болгарии провожала меня на вокзале». Но до Москвы Раскольников не доехал. В том же заявлении он объяснил причину изменения маршрута своей поездки: «5 апреля 1938 года, когда я еще не успел доехать до советской границы, в Москве потеряли терпение и во время моего пребывания в пути скандально уволили меня с поста полпреда СССР в Болгарии, о чем я, к своему удивлению, узнал из иностранных газет. При этом не был соблюден минимум приличия: меня даже не назвали товарищем. Я — человек политически грамотный и понимаю, что это значит, когда кого-либо снимают в пожарном порядке и сообщают об этом по радио на весь мир.

После этого мне стало ясно, что по переезде границы я буду немедленно арестован.

Мне стало ясно, что я, как многие старые большевики, оказался без вины виноватым, а все предложения ответственных постов, от Мексики до Анкары, были западней, средством заманить меня в Москву.

Такими бесчестными способами, недостойными государства, заманили многих дипломатов...

Поездка в Москву после постановления 5 апреля 1938 года, уволившего меня со службы как преступника, виновность которого доказана и не вызывает сомнений, была бы чистым безумием, равносильным самоубийству... Я предпочитаю жить на хлебе и воде на свободе, чем безвинно томиться и погибнуть в тюрьме, не имея возможности оправдаться в возводимых чудовищных обвинениях».

Не вызваны ли эти опасения излишней мнительностью? Кажется, нет. Возможно, Раскольников даже преуменьшал опасность. В протесте Верховного суда от 26 июня 1963 г. по приговору 1939 г. говорится: «О том, насколько реальна была угроза расправы над Раскольниковым, свидетельствует то, что через два дня после выезда Раскольникова из Софии, т. е. когда не было еще решения об освобождении его от должности и когда не было точных данных ни о месте пребывания его, ни о дальнейших намерениях, Наркоматом внутренних дел СССР было дано указание своим агентам о розыске и «ликвидации» Раскольникова».

В том же протесте читаем: «Находясь за границей, в отношении Советского Союза Раскольников вел себя лояльно. В письмах к Сталину и Литвинову он объяснял причины, по которым продолжал оставаться за границей, писал о своей преданности партии и Родине, просил предоставить ему там работу по линии НКИД и отложить возвращение его в СССР.

В беседах с Литвиновым и полпредом СССР во Франции Раскольников не отказывался от возвращения на Родину и заверял, что он сделает это, как только к нему будет восстановлено доверие.

Собранные в ходе проверки материалы свидетельствуют о том, что не было оснований не только для применения к Раскольникову репрессивных мер, но и для выражения ему недоверия» [6].

О том, что произошло потом, стало известно опять же из открытого заявления Раскольникова. «С тех пор,— пишет он,— никаких новых требований о возвращении мне предъявлено не было. Мое обращение в парижское полномочное представительство с просьбой о продлении паспорта осталось без ответа.

Сейчас (заявление датировано 22 июля 1939 г.— *В. П.*) я узнал из газет о состоявшейся 17 июля комедии

заочного суда. Принудив уехать из Софии, меня объявили «дезертиром». По произволу уволив со службы, объявили, что я отказался вернуться в СССР, игнорируя мое документальное заявление Сталину, что я никогда не отказывался и не отказываюсь вернуться в СССР.

Мою лояльность объявили «переходом в лагерь врагов народа». В ответ на просьбу о продлении паспорта меня объявили вне закона.

Это постановление бросает яркий свет на методы сталинской юстиции, на инсценировку пресловутых процессов, наглядно показывая, как фабрикуются бесчисленные «враги народа» и какие основания достаточны Верховному суду, чтобы приговорить к высшей мере наказания».

Раскольников заканчивал свое заявление словами, проникнутыми глубоким чувством достоинства гражданина Страны Советов: «Объявление меня вне закона продиктовано слепой яростью на человека, который отказался безропотно сложить голову на плахе и осмелился защищать свою жизнь, свободу и честь.

Я протестую против такого издевательства над правосудием и требую гласного пересмотра дела с предоставлением мне возможности защищаться» [7].

Возможности защищаться в суде он не получил.

Сопоставим заявление Раскольникова с данными Верховного суда — из того же протеста от 26 июня 1963 г.: «В ходе проводившейся проверки ни уголовного дела на Раскольникова, ни судебного производства не найдено, а приговор оказался подшитым в наряде Верховного суда СССР с разной перепиской. В этом приговоре нет указания об участии судебного секретаря, нет и других данных, предусмотренных ст. 334 УПК РСФСР. После снятия копии с приговора дата его составления была изменена.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что уголовное дело на Раскольникова в Верховный суд СССР не поступало и в судебном заседании не рассматривалось, поэтому приговор в отношении Раскольникова следует признать незаконным» [8].

Тут, оказывается, и инсценировки не было.

В конце августа 1939 г., находясь в Ницце (юг Франции), Ф. Ф. Раскольников заболел и в тяжелом состоянии был помещен на излечение в частную клинику. 12 сентября скончался. Прах его покоится в фамильном склепе одной из французских семей в городе Ницце.

Целую четверть века на славном имени революционера, дипломата, литератора, политического деятеля висело проклятие клеветы. В Открытом письме Сталину, написанном незадолго до смерти, Раскольников, самозабвенно веривший в моральные силы своего народа, высказал надежду, что недалеко то время, когда режим произвола и беззакония, насажденный Сталиным, будет разоблачен и восторжествует справедливость, за которую отдали жизни поколения революционеров. Такое время пришло. Оно ознаменовано в жизни Советской страны XX и XXII съездами партии. 10 июля 1963 г. решением пленума Верховного суда СССР приговор 1939 г. по «делу» Раскольникова был отменен «за отсутствием в его действиях состава преступления».

ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ

Лишь спустя двадцать пять лет стало известно, что все, что касалось обвинений против Раскольникова, основывалось на злостных вымыслах. В декабре 1963 г. из статьи В. С. Зайцева «Герой Октября и гражданской войны» в «Вопросах истории КПСС» мы узнали и об Открытом письме Раскольникова Сталину от 17 августа 1939 г. Оно свидетельствовало о том, что в партии и при сталинском режиме были здоровые силы, которые не мирились с произволом. Правда, и по прошествии еще многих лет эти силы олицетворялись одинокой фигурой Раскольникова.

ЦК КПСС в 1956 г. в специальном постановлении разъяснял, что при жизни Сталина выступить против него открыто и отстранить его от руководства было нельзя: каждый решившийся на это «не получил бы поддержки в народе», был бы заклеймен как выступивший «против дела строительства социализма» и понес кару за «подрыв единства партии и всего государства» [9]. Репрессии, посредством которых Сталин «очищал» партию от любых своих противников — подлинных и мнимых, внушали людям мистический страх и диктовали многим линию рабского поведения. Б. Л. Ванников, при Сталине — нарком вооружения, в посмертно опубликованных записках признал, что люди его ранга (и он сам в их числе) не противились расправам со своими подчиненными, «даже если не были уверены в справедливости обвинения»,— «кто из малодушия, а кто из карьеристских соображений» [10].

Другие, осознав весь трагизм положения, но чувствуя бессилие вести борьбу и изменить что-либо, замыкались в себе, а то и кончали жизнь самоубийством, как Н. А. Скрыпник, В. В. Ломинадзе, Г. К. Орджоникидзе, Я. Б. Гамарник, М. П. Томский, или, отваживаясь выступить в защиту оклеветанных товарищей по партии, пополняли собой ряды жертв. Ошельмованные, очерненные, они уходили из жизни под улюлюканье ежовских, бериевских и иных приспешников, облыжно отделявших их от «дела социализма», они вычеркивались из памяти народа так, что невозможно найти и мест их последнего упокоения.

На таком затемненном историческом фоне фигура Федора Раскольникова, осмелившегося бросить вызов сталинизму, не считаясь с последствиями такого шага для себя лично, стала поистине легендарной. Раскольников своими письмами, своей судьбой дал толчок к осмыслению действительного процесса идейной борьбы в партии и обществе, опошленного Сталиным и его сатрапами.

Встают из забытья яркие фигуры борцов Сопротивления: Мартемьян Рютин, еще в 1932 г. заявивший: «Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется» и предложивший выход из этого положения: «С руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее»[11]; Христиан Раковский, еще в 1928 г. в письме Г. Валентинову бивший тревогу «о страшнейшем разложении партийного и советского аппарата, об удушении всякого контроля масс, о страшнейшем зажиме, гонениях, терроре», об «идейном убожестве и развращающем влиянии» тогдашнего партийного аппарата «на партийную рабочую массу»[12]. Когорта, объединившаяся вокруг «Заявления 46-ти», уже в октябре 1923 г. указала на «неправильность руководства, парализующую и разлагающую партию», вследствие чего «свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло», а «секретарская иерархия» «все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии»[13].

В ряду героев и мучеников Сопротивления сталинскому произволу вместе с Х. Г. Раковским, М. Н. Рютиным, Ф. Ф. Раскольниковым стоят Н. И. Бухарин, С. И. Сырцов, В. В. Ломинадзе, А. П. Смирнов, Н. Б. Эйсмонт,

В. Н. Толмачев, И. А. Пятницкий, Г. Я. Сокольников и другие. Во исправление допущенной партией роковой ошибки, в чем повинны были и они сами, центральным пунктом программы своей борьбы они ставили выполнение Политического завещания Ленина.

Уроки борьбы старой партийной гвардии — ключ для решения задач перестройки в области идеологии и исторического сознания. И теперь все больше возрастает актуальность анализа негативных явлений, предпринятого Раскольниковым полвека назад. Он сумел тогда осознать происходящую дискредитацию идеи социализма, о чем заговорить в полный голос оказалось возможным только в условиях, создавшихся после мартовского и апрельского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС.

Давно ли, в самом деле, признана противоестественность выставления на выборах в представительные органы «одной-единственной», как писал Раскольников, кандидатуры? В прорвавшихся ныне на страницы журналов произведениях советской литературы приводятся такие новые данные из истории коллективизации, что они могут казаться откровением, открытием и чуть ли не сенсацией; да именно как нездоровая сенсация и клеймятся теми, кто силится и теперь вернуть подобные темы под запрет. А ведь сенсацией это можно считать в том случае, если не знать (или не хотеть знать), что почти полвека назад Раскольников бросил в лицо Сталину: «Вы отняли у колхозных крестьян всякий стимул к работе. Чтобы заставить их работать на колхозных полях, вы под видом борьбы с «разбазариванием колхозной земли» разоряете сегодняшнюю базу материальной жизни крестьянина — их приусадебные участки. Организатор голода, грубостью и жестокостью неразборчивых методов, всегда отличающих вашу тактику, вы сделали все, чтобы дискредитировать ленинскую идею коллективизации».

И в условиях происходящей ныне перестройки потребовалось немалое мужество честных историков, чтобы правдиво сказать о клеветнических обвинениях по адресу политических деятелей, в течение ряда лет составлявших ближайшее окружение Ленина, и об очернении внутрипартийной борьбы, позорно сведенной в «Кратком курсе» к детективщине и уголовщине. Исповедующие этот «курс» не замедлили броситься в атаку, используя давно испытанное средство — «обратить внимание на странную, порочную позицию» в оценке ни много ни мало как «генерального ленинского курса партии на

построение социализма», требуя «не драматизировать» даже 20-летний период застоя, а самое главное — не характеризовать его «мрачными красками»[14].

Как же не оценить мужественный анализ положения и прямоту обвинений, брошенных Сталину полвека назад: «С помощью грязных подлогов вы инсценировали судебные процессы, превосходящие вздорностью обвинения знакомые вам по семинарским учебникам средневековые процессы ведьм». И теперь, когда раскрыты давние фальсификации сталинской «юстиции», с новой силой звучат разоблачения, высказанные Раскольниковым в 1939 году: «Вы сами знаете, что Пятаков не летал в Осло, Максим Горький умер естественной смертью и Троцкий не сбрасывал поезда под откос. Зная, что все — ложь, вы шепчете своим приближенным: клевещите, клевещите, от клеветы всегда что-нибудь остается».

От XXII съезда КПСС получила мощный импульс борьба за реабилитацию жертв сталинского террора. Тем самым признавалась справедливость того счета, который был предъявлен Сталину более чем за 20 лет до того от имени старой революционной гвардии, которую он целенаправленно уничтожал.

«Вы оболгали, обесчестили и расстреляли,— писал Раскольников,— многолетних соратников Ленина: Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова и др., невиновность которых вам была хорошо известна. Перед смертью вы заставили их каяться в преступлениях, которых они никогда не совершали, и мазать себя грязью с ног до головы... Где старая гвардия? Ее нет в живых.

Вы расстреляли ее, Сталин! Вы растлили и загадили души ваших соратников. Вы заставили идущих за вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних соратников и друзей».

Тогда, в первое десятилетие после смерти Сталина, восстановление справедливости в отношении жертв сталинизма не было доведено до конца, а во второй половине 60-х годов и вовсе приостановлено. Юридическая реабилитация была заторможена брежневским неосталинистским руководством, начавшим поход против решений XX и XXII съездов, за политическую реабилитацию Сталина.

Процесс реабилитации жертв сталинизма удалось возобновить только в 1987—1988 гг. на волне перестройки, провозглашенной политическим руководством страны

в апреле 1985 г. Крупным результатом этой работы был пересмотр «московских» процессов 30-х годов, построенных на грубых нарушениях законов. Осужденные по этим процессам, на что указывал, кстати, и Раскольников, не совершали приписанных им преступлений против народа и государства.

Ныне ни для кого уже не секрет застой и догматизм в гуманитарных науках, искусстве. Письмо Раскольникова помогает вскрыть истоки этих явлений. Урок, который дает он нам,— это беспощадное обнажение образовавшегося зла, без скидок на те «объективные» причины, которые часто преднамеренно используются для его оправдания.

«Лицемерно провозглашая интеллигенцию «солью земли»,— писал Раскольников,— вы лишили минимума внутренней свободы труд писателя, ученого, живописца. Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается, чахнет и вымирает... Вы душите советское искусство, требуя от него придворного лизоблюдства, но оно предпочитает молчать, чтобы не петь вам «осанну». Вы насаждаете псевдоискусство, которое с надоедливым однообразием воспевает вашу пресловутую, набившую оскомину «гениальность». Бездарные графоманы славословят вас, как полубога, рожденного от луны и солнца, а вы, как восточный деспот, наслаждаетесь фимиамом грубой лести. Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично вам неугодных писателей. Где Борис Пильняк? Где Сергей Третьяков? Где Александр Аросев? Где Михаил Кольцов?.. Где Галина Серебрякова, виновная в том, что она была женой Сокольникова? Вы арестовали их, Сталин!»

Еще недавно в нашей печати было «новостью», что при Сталине отбывали заключение по вздорным обвинениям С. П. Королев, Д. С. Лихачев и другие деятели культуры, науки и техники. Но не устаревают разоблачения, сделанные Раскольниковым в те времена, когда все это творилось.

«Вы лишили советских ученых,— писал он автору лозунга «Кадры решают все»,— особенно в области гуманитарных наук, минимума свободы научной мысли, без которой творческая работа исследователя становится невозможной... Выдающихся русских ученых с мировым именем академиков Ипатьева и Чичибабина вы на весь мир провозгласили «невозвращенцами», наивно думая их обесславить, но опозорили только себя, доведя до сведения всей страны и мирового общественчого мнения по-

стыдный для вашего режима факт, что лучшие ученые бегут из вашего рая... Вы истребляете талантливых русских учеиых.

Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев? Вы не пощадили даже его. Вы арестовали Туполева, Сталин!

Нет области, нет уголка, где можно спокойно заниматься любимым делом. Директор театра, замечательный режиссер, выдающийся деятель искусства Всеволод Мейерхольд не занимался политикой. Но вы арестовали и Мейерхольда, Сталии».

Вспомиим, открытое письмо Сталнну Раскольииков иаписал 17 августа 1939 года, за две недели до нападения фашистской Германии иа Польшу, которым началась вторая мировая война. В это время Сталин пребывал в плену иллюзий о возможиости предотвращения военного конфликта с Германией, от которых он так и ие освободился ни в 1939, ни в 1940 и 1941 годах.

Раскольииков уже тогда расценивал обстановку как «грозный час военной опасности, когда острие фашизма направлено против Советского Союза». В военных действиях, которые уже вели Германия и Япония в Западной Европе и Китае, он видел «лишь подготовку плацдарма для будущей иитервеиции против СССР», считая, что «главный объект гермаио-японской агрессии — наша родина».

Если Раскольников писал это еще прежде, чем Гитлер напал иа Польшу, то, после того как это случилось, с фактическим началом второй мировой войны обстановка в Европе и перспективы войны должны были проясниться еще больше. Но к этому времени Сталнн успел свою веру в Гитлера подкрепить подписанием с ним 23 августа 1939 г. пакта о ненападении. В возбужденной начавшейся войной атмосфере он оказал Гитлеру еще одиу неоцеиимую услугу, сняв с него вину за разжигание военного пожара в Европе и перевалив ее на Англию и Францию.

В опубликованиом в «Дружбе народов» (№ 3, 1988 г.) письме Илье Эренбургу, написанном еще в 1965 г., журналист-международник Эрнст Генри, указывая на некоторые манипуляции Сталина, связанные с его слепой верой в слово Гитлера перед Великой Отечественной вoйиой, делал вывод, что «Сталин иеспособен был к настоящему глубокому анализу» обстановкн, что это был «потерявший голову политик, хитрец, которого перехитри-

ли, игрок, которого переиграли». Далее Э. Генри дает такое объяснение «феномену» Сталина: «Не было государственного ума. Не было величия. Была довольно ограниченная хитрость и сила, опиравшаяся на самодержавную власть над огромными человеческими ресурсами. Была авантюристическая игра ва-банк, объяснявшаяся не преданностью идее коммунизма, а невероятным самомнением, сладострастной похотью к личной власти за счет идей...»

Письмо Раскольникова предвосхищает ту характеристику Сталина, которую обобщил Эрнст Генри четверть века спустя. Это был результат глубокого анализа происходившего в стране и за ее пределами в чутком сердце ее верного сына, наполненном острой болью за судьбы Родины.

С особой остротой перед лицом нараставшей угрозы воспринимал Раскольников подрыв Сталиным обороноспособности страны путем истребления наиболее ценных кадров.

«Зная, что при нашей бедности кадрами особенно ценен каждый культурный и опытный дипломат,— писал он Сталину,— вы заманили в Москву и уничтожили одного за другим почти всех советских полпредов. Вы разрушили дотла весь аппарат Народного комиссариата иностранных дел».

Не меньшую боль вызывало у него положение в армии и на флоте: «Накануне войны вы разрушаете Красную Армию, любовь и гордость страны, оплот ее мощи. Вы обезглавили Красную Армию и Красный Флот. Вы убили самых талантливых полководцев, воспитанных на опыте мировой и гражданской войны, во главе с блестящим маршалом Тухачевским. Вы истребили героев гражданской войны, которые преобразовали Красную Армию по последнему слову военной техники и сделали ее непобедимой. В момент величайшей военной опасности вы продолжаете истреблять Красную Армию и ее руководителей, средний командный состав и младших командиров. Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? Вы арестовали их, Сталин. Для успокоения взволнованных умов вы обманываете страну, что ослабленная арестами и казнями Красная Армия стала еще сильнее... Вы лицемерно воскрешаете культ исторических русских героев Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова, надеясь, что в будущей войне они помогут вам больше, чем казненные маршалы и генералы...»

Своему письму Раскольников предпослал эпиграф — две строчки из «Горя от ума»: «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи». Может возникнуть вопрос: не сгущает ли он краски для оправдания этого обещания? Но вот перед нами подсчеты, сделанные генерал-лейтенантом А. И. Тодорским: сталинские репрессии вырубили из пяти маршалов трех (А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, В. К. Блюхер); из пяти командармов 1-го ранга — трех; из 10 командармов 2-го ранга — всех; из 57 комкоров — 50; из 186 комдивов — 154; из 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга — всех, из 28 корпусных комиссаров — 25; из 64 дивизионных комиссаров — 58; из 456 полковников — 401.

Это сведения о командирах и политработниках, первыми удостоенных персональных воинских званий в ноябре 1935 года. А. И. Тодорский не касался здесь последующих присвоений этих званий, не суммировал потери от репрессий за какой-то период — выяснял лишь масштаб потерь в тогдашнем первом эшелоне военных кадров, «вынесших на своих плечах в чисто военном смысле гражданскую войну».

Если же взять хотя бы такой короткий отрезок времени, как 16 месяцев — с мая 1937 по сентябрь 1938 года, то окажется, что репрессиям подверглись командующие войсками, члены военных советов и начальники политуправлений всех военных округов, все командиры дивизий и бригад, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около половины командиров полков и около трети комиссаров полков, многие преподаватели высших и средних военных учебных заведений.

Известный итог «чистки в Красной Армии в 1937—1938 годах» огласил Ворошилов на заседании Главного военного совета при наркоме обороны в конце ноября 1938 г.: «Мы вычистили более сорока тысяч человек... Из 108 членов Военного совета старого состава осталось лишь 10 человек» [15]. Образовавшийся в Красной Армии вследствие массовых репрессий острый недостаток в опытных командирах стал одной из существенных причин наших неудач в первый период войны.

Свое письмо Раскольников заканчивал словами:

«Ваша безумная вакханалия не может продолжаться долго.

Бесконечен список ваших преступлений! Бесконечен свиток имен ваших жертв! Нет возможности все перечислить. Рано или поздно советский народ посадит вас

на скамью подсудимых, как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов».

Достоянием гласности теперь стали факты сталинских злоупотреблений властью. Но нам еще предстоит глубоко исследовать причины и условия насаждения культа Сталина, исторический опыт борьбы против него. Письма Раскольникова служат примером и своего рода источником для такого исследования.

Ему трудно было решиться на открытое осуждение сталинизма, в чем он признался в письме от 17 августа 1939 г. Тем не менее он нашел в себе силы, чтобы превозмочь боль и опасность и сказать правду, о которой мало кто решался говорить.

Представить реальную, а не воображаемую опасность в таком положении нам поможет судьба другого «невозвращенца» того же времени — Александра Орлова. Человек, которому не откажешь в мужестве, прошедший школу гражданской войны, командуя партизанскими отрядами в тылу белых, и получивший тогда же опыт контрразведывательной работы, Орлов после гражданской войны был направлен помощником прокурора в Верховный суд, а с 1924 года, занимая руководящие должности в центральном аппарате ОГПУ — НКВД, общался с высшими чинами этого ведомства и с самим Сталиным. Он «записывал указания, устно даваемые Сталиным руководителям НКВД на кремлевских совещаниях; его указания следователям, как сломить сопротивление сподвижников Ленина и вырвать у них ложные признания; личные переговоры Сталина с некоторыми из его жертв и слова, произнесенные этими обреченными в стенах Лубянки».

Орлов рассказывает, что Сталин, по мере того как рос список его злодеяний и увеличивалось число его соучастников из аппарата НКВД, все больше опасался, как бы они в будущем не оказались свидетелями обвинения против него. «Весной 1937 года были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД и все следователи, которые по его прямому указанию вырывали ложные признания у основателей большевистской партии и вождей Октябрьской революции...» В сентябре 1936 г. Политбюро направило Орлова в Испанию — советником республиканского правительства — для организации контрразведки и партизанской войны в тылу врага. Туда до него дошли известия об уничтожении его бывших

друзей и коллег. «Казалось,— пишет Орлов,— вот-вот наступит моя очередь».

Обнаружив явные признаки «охоты» за собой агентуры НКВД, а затем получив от Ежова вызов «в Бельгию, в Антверпен» для получения «важного задания», Орлов телеграфировал ответ: «Прибуду в Антверпен в назначенный день». Он простился с коллегами, которые понимали, что его «ждет западня», и уехал в Париж, оттуда — в Канаду и наконец — в США. Из Канады он послал письмо Сталину (копию — Ежову), но совсем другого свойства, чем Раскольников. «Я предупредил его,— писал потом Орлов,— что, если он посмеет выместить зло на наших матерях (матери и теще Орлова.— *В. П.*), я опубликую все, что мне известно о нем. Чтобы показать, что это не пустая угроза, я составил и приложил к письму перечень его преступлений... Я вступил в игру, опасную для себя и нашей семьи (с ним были жена и дочь.— *В. П.*)».

Орлов порвал таким образом со службой Сталину в июле 1938 г. «Охота за мной началась тотчас же и продолжалась четырнадцать лет»,— вспоминал он. Запутывать следы и уходить «от полчищ тайных агентов» ему помогало «уменье предвидеть и опознавать их уловки». Орлову удалось пережить Сталина на целых двадцать лет. Только после смерти Сталина, в 1954 г. он смог выпустить в Америке книгу своих воспоминаний под названием «Тайная история сталинских преступлений». Предисловие к книге, датированное июнем 1953 г., он закончил предостережением: «Смерть Сталина не означала, что я мог больше не опасаться за свою жизнь. Кремль по-прежнему ревниво оберегает свои тайны и сделает все, что в его власти, чтобы разделаться со мной,— хотя бы в назидание тем, кто испытывает соблазн последовать моему примеру» [16].

Не у всех достало гражданского мужества перестать молчать даже и после того, как культ Сталина был осужден партией. Благодушная характеристика «отца народов» возводилась иными «организаторами» науки в незыблемую догму. Несмотря, поучали они, на нанесенный культом личности ущерб делу социалистического строительства «в отдельных сферах жизни общества», ни он сам, ни его последствия «не изменили и не могли изменить его характера». А уж отсюда выводилось: «нельзя признать ни теоретически, ни фактически правильным, когда в некоторых наших научных или художественных публикациях жизнь изображается только под

углом зрения явлений культа личности и тем самым заслоняется героическая борьба советских людей, построивших социализм». Так, стращая, декретировал в «Правде» 8 октября 1965 г. зав. отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезников. Приспособленческая же «научная» мысль угодливо развивала эту идею: к сожалению-де, в развенчании партией и народом этого глубоко чуждого марксизму явления сказались «чуждые марксизму субъективистские влияния, нашедшие отражение также в некоторых трудах историков. Получил распространение ошибочный немарксистский термин «период культа личности» [17].

Анализ этого действительно глубоко чуждого марксизму явления, сделанный Раскольниковым, конечно, принципиально расходился с такого рода «идейными» установками. Насаждением их, сдерживанием критики чуждых марксизму явлений как раз и был достигнут не то что застой, но и откат вспять в общественных науках.

ПОСЛЕ «ОТТЕПЕЛИ»

«Как вам известно, я никогда не был троцкистом,— заявлял Раскольников в своем Открытом письме Сталину.— Напротив, я идейно боролся со всеми оппозициями в печати и на широких собраниях».

Это было написано в 1939 году. Теперь, когда все более открывается подлинный, во многом остававшийся тайным смысл противоборства Сталин — Троцкий и всех перипетий личной борьбы между ними, долго камуфлировавшейся то под «внутрипартийную идейную борьбу», то под «борьбу партии за осуществление курса на построение социализма в СССР, за выбор правильных решений» [18], приведенные слова Раскольникова могут вызвать недоумение. В самом деле, зачем нужно было Раскольникову открещиваться от троцкизма, лидер которого на протяжении многих лет вел непримиримую борьбу со Сталиным, борьбу, в которую с известным, может быть, запозданием включался Раскольников? Но ни лукавства, ни инстинктивного желания задобрить «Кобу», ни попытки превентивного самооправдания перед возможным обвинением в приверженности троцкизму в словах Раскольникова усмотреть нельзя. Да и само такое обвинение было навешено на него только четверть века спустя брежневскими аппаратчиками.

Когда неосталинистам потребовалось реанимировать Сталина, поперек пути встали некоторые рассекреченные факты, реабилитированные лица и среди них Раскольников со своим письмом. До его реабилитации оно как бы не существовало, потому что исходило от «врага народа», и если было напечатано, то во вражеских газетах, надежно погребенных в спецхранах. Тем не менее письмо «заговорило». Как уже упоминалось выше, впервые о нем рассказал историк В. С. Зайцев. Свою статью о Раскольникове он закончил сообщением о том, что незадолго до своей смерти Раскольников написал Открытое письмо Сталину, в котором «разоблачал его произвол и беззаконие, дискредитацию им советской демократии и социализма. Он обвинил Сталина в массовых репрессиях против ни в чем не повинных людей... Ф. Ф. Раскольникова возмущала фальсификация истории большевизма, допущенная в «Кратком курсе», написанном под руководством Сталина...» [19].

Однако тогдашняя «оттепель» не пошла столь далеко, чтобы допустить обнародование письма в полном его объеме: XX съезд, говоря словами Ю. Ф. Карякина, «конечно, означал колоссальный прорыв, но и колоссальную самоограниченность» [20]. При всей ограниченности этот прорыв все же не давал покоя приверженцам и «наследникам» сталинизма. Наконец они вышли на рубеж, с которого можно было начинать поворот назад от хрущевской «оттепели»: октябрьский Пленум ЦК КПСС 1964 года. Лишь на первых порах этот, по существу, политический переворот был затуманен славословием о борьбе с хрущевским «волюнтаризмом» и «субъективизмом», но постепенно его подлинный смысл — реставрация сталинизма в более или менее ослабленной и допустимой после «оттепели» форме — стал раскрываться: не прошло и года, как руководством правящей партии были проведены две репрессивные акции, означавшие запрет на критику Сталина и подготовлявшие фактическую его реабилитацию.

В книге «1941. 22 июня» историк А. М. Некрич описал трагические обстоятельства начала Великой Отечественной войны, пагубную роль сталинского руководства в организации обороны страны в предвоенное время и просчеты Сталина в оценке обстановки в самый канун нападения войск германского фашизма на Советский Союз.

Книга вызвала резкое раздражение в верхних эшелонах власти. Секретариат ЦК и Комитет партийного контроля устроили судилище над автором, директором издательства и теми, кто положительно отозвался о книге при обсуждении ее 16 февраля 1966 г. в Институте марксизма-ленинизма. Некрича исключили из партии, от него потребовали публичного покаяния, признания своих «ошибок». Он был лишен возможности печататься, работать по специальности. Историк, сам участник Отечественной войны, Некрич оказался в политической изоляции и вынужден был эмигрировать.

На идеологических совещаниях всех уровней некоторые ученые и партийные функционеры, недавно еще твердившие о вреде культа личности и наставлявшие обществоведов на ум по материалам двух последних съездов партии и постановлению ЦК от 30 июня 1956 г., теперь клеймили А. М. Некрича именно за то, что он с «антипартийных позиций» стал чернить, нет, не Сталина, а ни больше ни меньше как «героический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне». Таким образом преподносился урок в назидание всем тем, кто впредь посмел бы следовать недавним «установкам».

Нужно было нейтрализовать и действие распространившегося после реабилитации Раскольникова его Открытого письма Сталину, а для этого прежде всего снова дискредитировать самого Раскольникова. Начало этому положил С. П. Трапезников, выступив в сентябре 1965 г. на совещании заведующих кафедрами общественных наук московских вузов. Говоря о непорядках в области идеологии, он специально остановился на оценке Раскольникова: «В идейном отношении он всегда был активным троцкистом. Будучи полномочным представителем Советской страны, он отказался вернуться на Родину, совершив тяжкий проступок, а именно предательство. Письмо, в котором он мотивировал отказ вернуться в СССР, он отправил в один из самых грязных органов белогвардейцев — в парижский журнал «Новая Россия», издаваемый перед войной под редакцией небезызвестного вам Керенского и сотрудничавшего с ним Милюкова, где это письмо было использовано широко в антисоветских целях накануне войны. Сбратавшись с белогвардейцами, фашистской мразью, этот отщепенец стал оплевывать все, что было добыто и утверждено потом и кровью советских людей, очернять великое знамя ленинизма и восхвалять троцкизм. Только безответствен-

ные люди могли дезертирство Раскольиикова, его бегство из Советского Союза расценивать как подвиг».

Вот оии, символы времеии: когда партийиый чииовиик, прислуживающий высшему эшелоиу власти, может по своему произволу попирать решеиия партийиых съездов, Цеитральиого Комитета, ие говоря уж о высшем оргаие правосудия страиы. Только иаивиые люди могли подумать, что против такого произвола можио было иайти управу, восстаиовить справедливость. Оспаривать обвииеиие в троцкизме зиачило по тому времеии навлечь на себя кару как иа защитиика троцкизма или «троцкистского коитрабаидиста», как любил выражаться «корифей всех иаук».

Трем историкам * показалось, что их обращеиие в высший коитрольиый оргаи партии будет более весомым, если его подкрепят своими подписями ветераиы революции и граждаиской войны, хорошо зиавшие Раскольиикова по службе, борьбе и партийиому товариществу. Присоедиииться к заявлеиию в КПК вызвались три члеиа партии с 1917 года и все три отбывшие сталинские лагеря: В. Т. Сухоруков, комиссар дивизии в 1918—1919 гг., а в 1935—1937 гг.— воеииый атташе СССР в Болгарии (тот самый, которого упомииает Раскольииков в письме Сталииу); А. П. Шапильский, в 1917 г.— члеи исполкома Кроиштадтского Совета и морской секции Петроградского Совета; Л. Е. Берлии — зам. иачальиика политотдела Волжско-Каспийской флотилии в 1918—1920 гг.

«Прнблнжается 50-летне Советской властн,— так заканчивалось заявленне в КПК прн ЦК КПСС,— борьбе за которую н деятельностн на пользу которой Раскольников отдал всю свою сознательную жизнь. А тов. Трапезннков позволяет себе бездоказательно черннть одного из героев Октября и гражданской войны.

Ннкто не отказывает ему в праве нметь собственное мнение, но, еслн это мненне навязывается другнм людям, оно должно быть подкреплено точнымн н бесспорнымн даннымн. А дело показывает, что тов. Трапезннков не имеет такнх данных. Распространенне же подобных оценок тем более вредно, что инициатор их занимает пост, который пользуется уважением у каждого советского человека. Исходящне от ответственного работннка аппарата ЦК мнення прннимаются на веру н становятся чуть ли не руководством в ндеологнческой работе, вводя в заблужденне советских людей.

---

* Канндндаты нсторнческнх наук В. Д. Полнкарпов (редактор отдела «Военно-нсторнческого журнала»), З. В. Гребельскнй (доцент кафедры нсторнн партнн Бронетанковой академнн), доктор нсторических наук Р. Н. Мордвннов (начальннк Исторнческого отделения Главного штаба Военно-Морского Флота).

Если тов. Трапезников считает решение ЦК КПСС о полной реабилитации Ф. Ф. Раскольникова необоснованным и располагает для доказательства этого данными, он должен, в соответствии с Уставом партии, апеллировать в ЦК партии. Только в том случае, если его мнение будет принято ЦК КПСС, он может позволить себе публично выступать с изложением своей точки зрения. Но мы не представляем себе возможности для члена партии, а тем более ответственного работника аппарата ЦК, выступать с заявлениями, противоречащими решению ЦК о реабилитации Раскольникова и тем самым дискредитирующими такое решение.

Мы считаем необходимым снять с Ф. Ф. Раскольникова то позорное пятно, которое наложено на него в результате выступлений тов. Трапезникова. Поэтому просим обязать тов. Трапезникова публично признать свою ошибку и устранить препятствия к правильной оценке Раскольникова в устной и печатной пропаганде, которые возникли после выступлений тов. Трапезникова.

В ином случае мы считали бы необходимым, чтобы тов. Трапезников с фактами и документами в руках публично или в печати доказал свои обвинения с предоставлением нам возможности делового спора с ним».

Из истории партии и из опыта партийной жизни каждому из подписавших это заявление было ведомо, как сурово карала партия нарушителей уставных норм, моральных устоев, а тем более ослушников партийных решений, да еще каких! — принятых высшими органами, съездами. Но нам предстояло убедиться, что принцип демократического централизма распространяется не на всех коммунистов, что многих партийных функционеров — прежде всего «руководящих» из аппарата ЦК — он вовсе не касался.

В октябре, декабре 1965 года, в январе 1966 трижды все по тому же вопросу пришлось обращаться в КПК и к тогдашнему главному идеологу партии секретарю ЦК П. Н. Демичеву. И каждый раз меня, чья подпись стояла под заявлением первой, приглашали — вовсе не в КПК — в аппарат Трапезникова, а там инструктор (каждый раз новый) «разъяснял», что в подобных обращениях можно усмотреть нарушение партийной дисциплины (подрыв авторитета руководящего лица), а между тем особых причин для беспокойства нет, так как Трапезников не ставил вопроса о пересмотре решений о реабилитации Раскольникова, и ЦК не давал указаний об изменении его оценки, вытекавшей из решений.

Наряду с такими заверениями инструкторы знакомили с материалами, которыми располагает отдел науки в отношении Раскольникова. Это было злое письмо из Киева: один историк партии возмущался начавшейся популяризацией отпетого «троцкиста» и «врага народа» Расколь-

никова. Главной уликой были печатавшиеся в 1923 году в «Пролетарской революции» воспоминания Раскольникова о пребывании во время керенщины в Крестах, где находился в заключении и Троцкий. Раскольников описывал встречи с ним в тюрьме, давал ему честную положительную, даже теплую характеристику и, что самое «страшное», рассказывал, с каким огромным уважением относился Троцкий к Ленину да еще «ставил его выше всех современников, с которыми ему приходилось встречаться в России и за границей». И тут же Раскольников сообщал, что с первых же публичных выступлений Троцкого по возвращении его в 1917 году в Россию «мы все, старые ленинцы, почувствовали, что он — наш» [21], а это уже никак не согласовывалось с контрсвидетельством Максима Горького, которому Ленин будто бы говорил о Троцком: «А все-таки не наш! С нами, а — не наш». Не дай бог было тогда оспаривать достоверность этих слов, приписанных Ленину «основоположником соцреализма» в 1931 году [22].

Однако обвинения Раскольникова в троцкизме, предъявленные ему Трапезниковым, были опровергнуты в нашем заявлении в КПК.

«Был ли Раскольников «всегда активным троцкистом», как утверждает тов. Трапезников?» — говорилось в заявлении и приводились фактические данные, выявлявшие необоснованность такого обвинения: «...Обратимся к свидетельству, скрепленному подписью И. В. Сталина. Это справка, помещенная в 1-м томе «Истории гражданской войны в СССР», который вышел в 1936 году под редакцией И. Сталина (а также С. М. Кирова, А. А. Жданова и других): «Раскольников Ф. Ф. (р. 1892) — большевик, член партии с 1910 г. В период войны — офицер морского флота. После Февральской революции — заместитель председателя Кронштадтского Совета, руководитель большевистской организации в Кронштадте. После Октябрьской революции — руководитель Каспийского флота, очистившего Каспийское море от белогвардейцев и англичан. В настоящее время — полпред СССР в Болгарии» (с. 543). Здесь ни звука нет о каком-нибудь троцкизме Раскольникова, хотя в справках о других лицах в том же именном указателе обязательно отмечалось их участие в оппозициях. Более того, Ф. Ф. Раскольников являлся одним из составителей этого тома, вышедшего под редакцией Сталина. При всей предвзятости краткого курса истории партии по отношению к лицам, опороченным к 1938 году, здесь мы также не находим ни единого упоминания Раскольникова как «активного троцкиста». И если мы просмотрим все стенографические отчеты съездов партии, в особенности же XV съезда, на котором была особенно острая борьба с троцкизмом, то нигде не обнаружим участия Раскольникова в оппозиции.

На самом деле Раскольников активно боролся против Троцкого. Об этом говорят хотя бы такие факты. В 1924 году в журнале «Красная новь» была помещена полемически острая статья Ф. Рас-

кольникова по поводу «Уроков Октября» Троцкого. Подвергнув резкой критике взгляды Троцкого, Раскольников закончил статью словами:

«В статьях и речах т. Троцкого, относящихся к 1917 году, можно без труда найти немало специфических элементов троцкизма, противоречащих основным положениям ленинизма. Но Троцкий 1917 года был все же неизмеримо ближе к Ленину, чем Троцкий сегодняшнего дня. В настоящий момент во всех выступлениях т. Троцкого мы наблюдаем новый рецидив троцкизма как своеобразного, антимарксистского и антиленинского идеологического уклона.

Этот мелкобуржуазный уклон находит свое законченное выражение как в дискуссии по внутрипартийным вопросам, так и в оценке международного положения (гипертрофированное представление об американском империализме, берущем «на паек» всю Европу, неверное определение фашизма и т. д.), в оценке перспектив мировой революции, отрицании близости революции на Западе, поддержке правого крыла Коминтерна и, наконец, в импрессионистском толковании событий пролетарского Октября. Тов. Троцкий становится на скользкий путь, предпринимая ревизию теоретических основ ленинизма. И партия, как хранительница ортодоксальной мысли Ильича, должна оказать ему самый решительный идейный отпор» (Красная новь. № 7—8, 1924 г. С. 401).

В 1927 году брошюру «Итоги VII расширенного пленума Исполкома Коминтерна» (издана в Ленинграде) Раскольников закончил так: «VII расширенный пленум ИККИ, единодушно заклеймивший образ действий и теоретические устои оппозиционного блока, показал, что он стоит на правильном ленинском пути, что Коминтерн высоко держит знамя, врученное ему покойным тов. Лениным. Авторитетная поддержка Коммунистического Интернационала должна еще более ободрить десятки и сотни тысяч членов ВКП, стоящих на платформе партийного большинства, и внушить им непоколебимую уверенность, что никакие троцкистские наскоки и оппозиционные вывихи не заставят нашу партию свернуть с ортодоксально-ленинского пути, по которому ее ведет славный, боевой, ленинский ЦК» (с. 59 брошюры).

Из этого видно,— с чувством полной уверенности в убедительности доводов заканчивали мы опровержение,— чего стоят утверждения тов. Трапезникова о том, что Раскольников «был всегда активным троцкистом».

Убедительность опровержения, возможно, была бы еще большей, если бы можно было тогда привести то подтверждение борьбы Раскольникова против Троцкого и троцкизма, которое дано было самим Троцким в 1927 г. в его письме в Истпарт ЦК ВКП(б), озаглавленном: «О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии». Но это письмо было запрятано за семью печатями в тайниках Центрального партийного архива и никогда у нас не публиковалось. И хотя Троцкий опубликовал его в своей книге «Сталинская школа фальсификаций» (Берлин, 1932), интересно было бы посмотреть на того историка, который тогда, в 1965—1966 гг., рискнул бы употребить в полемике

аргументы, почерпнутые из «антисоветского» издания, да еще аж самого Троцкого!

В том письме, в 1927 г., Троцкий, между прочим, писал: «Тов. Раскольников немало исписал за последнее время бумаги для противопоставления моей линии линии Ленина в 1917 году. Приводить соответственные цитаты было бы слишком скучно, тем более, что они ничем не отличаются от других такого же рода фальсификаций». Но чтобы дать наглядное представление об извращении его позиции в сочинениях того же Раскольникова, посвященных борьбе со «всеми оппозициями», Троцкий цитировал те свидетельства Раскольникова из его воспоминаний, печатавшихся в 1923 г. в «Пролетарской революции», в которых говорилось об огромном уважении Троцкого к Ленину, об общности их позиций, что позволяло «старым ленинцам» уже тогда, в 1917 г., почувствовать, «что он — наш». Троцкий писал: «Раскольников по работе встречался со мной в летние месяцы 1917 года очень часто, возил меня в Кронштадт, обращался не раз за советами, много разговаривал со мной в тюрьме и пр.

Его воспоминания представляют собою в этом смысле ценное свидетельское показание, тогда как его позднейшие «поправки» — не что иное, как продукт фальсификаторской работы, выполненной по наряду»[23].

Как бы там ни было, но стало очевидным, что с нищенским запасом аргументов аппарату Трапезникова не удается переубедить своих оппонентов в оценке политического лица Раскольникова. В спорах, проходивших в кабинетах на Старой площади, инструкторы оказывались совершенно беспомощными. В конце концов очередной инструктор сообщил, что вопрос об оценке деятельности Раскольникова оказался очень запутанным и у «руководства» «есть мнение» провести научное обсуждение его в Институте марксизма-ленинизма, в редакции шеститомной «Истории КПСС». Тем самым вопрос, то и дело поднимавшийся в обращениях в КПК и Секретариат ЦК, на какое-то время «закрывался». Но и никакого обсуждения — с участием «сторон» — на самом деле проводить никто не собирался, а усиление «идеологического обеспечения» происходившего после октябрьского Пленума ЦК 1964 г. поворота и вовсе сняло его с повестки дня. Дискредитация Раскольникова органически вплеталась в эту кампанию.

Продолжалась начатая еще осенью 1965 г. травля ленинградского историка А. П. Константинова, которого

зав. отделом пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС Зазерский обвинил на страницах «Правды» в том, что в своей брошюре «Ф. Ф. Ильин — Раскольников» он употребил «одни розовые краски» и в то же время там «старательно обходятся все ошибки». Константинов был изгнан из ленинградского Института истории партии, где он работал заместителем директора. В феврале 1966 г. в софроновском «Огоньке» появились записки некоего «молодого дипломата», укрывшегося за псевдонимом «Л. Тарасов», который однажды, как он вспоминает, в мае 1939 г., встречался в кабинете полпреда СССР во Франции Я. З. Сурица с Раскольниковым, и тот давал сомнительного свойства объяснения своему пребыванию во Франции. И тут же, по праву «мемуариста», лично, видите ли, знавшего Раскольникова, он дает оценку его «поступка», мысль о котором его «долго преследовала». Мысль же была такова: «Не знаю, что ожидало Раскольникова на родине. Прав ли он был в своих опасениях? Но твердо знаю, что опубликование им так называемого открытого письма Сталину в ярой антисоветской белогвардейской газете, которая ни на минуту не прекращала призывов к свержению Советской власти и потоплению в крови завоеваний и идей Октябрьской революции,— чудовищный, недопустимый для коммуниста и советского человека факт, независимо от того, в какие условия поставила его жизнь!» [24]

То и дело сыпались обвинения на печать. Выступая на совещании пропагандистов и работников культуры в Доме союзов, зав. отделом пропаганды и агитации Московского горкома КПСС Иванькович заявлял, что наша печать дезориентировала советскую общественность, допустив популяризацию Раскольникова. Трапезников снова и снова в выступлениях перед учеными Москвы (4 мая) и в Ленинграде (в июне) продолжал клеймить Раскольникова как изменника Родины, не считаясь с фактом его реабилитации. Эмиссары ГлавПУ Советской Армии и Военно-Морского Флота то и дело требовали от редакции «Военно-исторического журнала» не увлекаться публикацией материалов-«поминальников» о реабилитированных, потому что такие материалы «чернят эпоху первых пятилеток». Воениздату было запрещено выпускать в свет подготовленный и уже находившийся в верстке сборник воспоминаний «Флагманы» (о павших жертвами культа Сталина командующих красными флотами и флотилиями, в том числе и о Раскольникове), сохра-

нился только след его в виде единственного экземпляра верстки да упоминание о предстоявшем выпуске его в примечании к опубликованному в «Военно-историческом журнале» очерку из того сборника о флагмане 1-го ранга К. И. Душенове [25].

В июле 1966 г. в Политиздате был подписан в печать «Революционно-исторический календарь-справочник» на 1967 г. Не будем здесь говорить о том, каких трудов стоило в тех условиях прорваться через препятствия к включению в него статьи к 75-летию со дня рождения Раскольникова (с обязательством ничего не писать о его выступлениях в зарубежной печати и вообще о его борьбе против культа Сталина). Идя на такую уступку, мы по наивности полагали, что хоть таким путем будет восстановлена легальность имени Раскольникова. Не тут-то было. 24 ноября 1966 г. на совещании директоров издательств в Отделе пропаганды ЦК зав. сектором издательств И. И. Чхиквишвили объявил опубликование статьи в календаре-справочнике ошибкой Политиздата и сделал имя Раскольникова запретным для печати. Специальный уполномоченный провел в издательстве собрание сотрудников с разъяснением политического значения допущенной «ошибки». Намерение изъять книгу из обращения не состоялось: тираж в короткое время был реализован. Раскольников снова попал в проскрипционные списки, спущенные Главлиту, и только через 20 лет его удалось оттуда вывести.

«За ленинскую партийность в освещении истории КПСС» — таким громким призывом была озаглавлена статья в ведущем теоретическом и политическом журнале ЦК КПСС. В ней подводился известный итог борениям на идеологическом фронте в первые три-четыре года после октябрьского (1964 г.) поворота вспять от решений XX и XXII съездов КПСС. Авторы статьи констатировали то выявленное ими положение, которое надлежало исправить: «К сожалению, некоторые наши историки вместо всестороннего изучения опыта партии, диалектики ее развития концентрируют все свое внимание на ошибках и недостатках, выпячивают и раздувают их. При этом забывают даже упомянуть, что это были ошибки в практической работе по осуществлению правильной, научно обоснованной генеральной линии партии». Осуждались попытки «пересмотреть и искусственно заострить проблемы, давно решенные партией». Так, например, культ личности Сталина партия осудила, свое отношение

к нему «с исчерпывающей ясностью» изложила в постановлеиии ЦК от 30 июия 1956 г. «Одиако,— сигиализировали В. Голиков, С. Мурашов, И. Чхиквишвили, Н. Шатагин и С. Шаумяи,— отдельиые авторы вместо подлинио партийиой критики ошибок и недостатков, связаиных с культом личности, чернят героическую историю иашего государства и ленииской партии в период строительства социализма, изображают эти годы как сплошиую цепь ошибок и иеудач».

Особо предостерегали авторы статьи от попыток в какой-то мере реабилитировать тех или иных «оппортунистов», «уклоиистов», «ревизиоиистов», иаставляли оценивать деятелей партии и государства по их позиции «иа крутых поворотах истории», памятуя, что среди иих «были и попутчики, случайиые люди, впоследствии отошедшие от партии, измеиившие ее идеалам». В этой статье был даи и окоичательиый ответ на обращения в КПК и ЦК по «делу» Раскольникова: «Никак иельзя, как это делают некоторые историки, отиосить к числу истиииых леииицев тех, кто на деле выступал против леииизма, участвовал в фракциоиной борьбе в переломиые моменты развития революции и строительства социализма, иапример таких, как Ф. Ф. Раскольииков, который перебежал в стан врагов и клеветал иа партию и Советское государство»[26].

Со страниц директивиого по тому времеии журиала, да еще из уст аппаратиых идеологов ошибки и недостатки «в области истории КПСС и других исторических наук» объявлялись «совершенно нетерпимыми в условиях острой идеологической борьбы», «все работиики общественных иаук» призывались быть «воииствующими борцами за марксизм-леиинизм» (естествеиио, в предписываемом его истолковаиии), «иепримиримыми к врагам социализма и коммуиизма»[27]. Здесь уже ие было каких-либо заклииаиий хотя бы о допустимости дискуссий, творческих искаиий, зато были продемоистрированы образцы иепримиримости по отиошению к тем историкам, которые посмели критиковать работы Сталина (письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» 1931 г., статью «Год великого перелома», выступление иа конфереиции аграриков-марксистов в декабре 1929 г.), кто сделал попытки пересмотра «давно решениых партией» проблем, «провереииых жизиью», «давно утвердившихся» представлеиий (о моиополии партии иа власть, о перегибах и ошибках при проведеиии коллективизации

и раскулачивания, о политике индустриализации, о советско-германском договоре о ненападении и т. д.). В этой агрессивной идеологической диспозиции предписывался набор непреложных истин, которые обязаны были пропагандировать обществоведы: возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве, героизм советского народа в борьбе за социалистическую индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию, укрепление дружбы народов, борьба партии против антиленинских групп и течений и т. д.

Не следует ли из всего этого, что в новой посмертной истории Раскольникова спрессовалась целая полоса нашей жизни, начатая октябрьским поворотом 1964 г. и получившая до цинизма откровенное идеологическое оформление в февральском номере «Коммуниста» за 1969 г.? Ведь оказывается, во время «оттепели» был «субъективистский, волюнтаристский подход к оценке прошлого и к решению задач коммунистического строительства», а пленум этот «волюнтаризм» в оценке прошлого осудил и тем оказал «исключительно благотворное влияние на научную разработку истории партии» [28]. В ярлыке «волюнтаризм» наследники сталинизма увидели средство, помогающее дезавуировать решения XX и XXII съездов, касающиеся культа Сталина. Выбитые из привычной колеи, они до сих пор твердят, что те решения «были пропитаны волюнтаризмом Хрущева», что перестройка, начатая после XX съезда партии, была «охаиванием всего того, что мы достигли во главе со Сталиным». Это говорилось как раз в ответ на реабилитацию в общественном сознании Раскольникова. Вспоминая о сталинских репрессиях, тот же автор, отставной подполковник С. Каракозов, считал «необходимым подчеркнуть, что проводившаяся в СССР чистка общества накануне войны была правильной и необходимой» [29].

Раскольников, выделенный из всех реабилитированных революционеров, оказался в центре недоброго внимания Трапезникова и его единомышленников не случайно. Его открытые письма разоблачали сталинизм по всем направлениям, затронутым в статье пяти историков партии, явившейся, в сущности, наставлением для действий в защиту сталинизма от той критики, которая была развернута в этих письмах. Причем эта критика вышла из-под пера прославленного героя революции

и гражданской войны, талантливого литератора, трагически исчезнувшего в пучине террора. Она привлекала своей смелостью, убедительностью, эмоциональной окраской и представляла собой прямо-таки программу борьбы против сталинизма, предвосхищавшую его разоблачение XX и XXII съездами партии.

В условиях, когда стараниями сталинско-брежневских администраторов от идеологии была уже приглушена, свернута критика Сталина и в немилость попали решения XX и XXII съездов, письмо Раскольникова — произведение большой публицистической силы — воспринималось как вестник возмездия сталинским палачам, зажигало сердца, порождало взрывной эффект. Этим оно и было опасно.

Перед идеологической службой встала задача — погасить этот пламень. Начавшийся сыск и расправы за чтение и распространение письма продолжались и в 70-е годы. Троцкизм же был ширмой, лжемаскировкой, укрывавшей настоящую цель идеологического похода — решения неугодных съездов: в открытую нападать на них значило бы раскрывать карты, бросать тень на собственную партийную дисциплинированность. Тем не менее отбивать атаки Трапезникова на Раскольникова как на полпреда этих съездов нам приходилось теми аргументами, которые по тому времени представлялись единственно возможными.

Но все же: как совместить в литературном наследстве Раскольникова восторженное почитание Троцкого в 1917 и в 1923 г. с выступлениями другого рода в 1924 и следующих годах?

Нужно посмотреть, что лежало в промежутке между этими выступлениями. С одной стороны, это «заявление 46-ти», «Новый курс» и «Уроки Октября» Троцкого, с другой — XIII партконференция (январь 1924 г.) и XIII партсъезд (май 1924 г.). Сейчас, может быть, легко судить о том, как на том этапе была подавлена оппозиция, подметившая опасные тенденции в деятельности партаппарата, уже тогда подававшего признаки перерождения. Теперь-то известно, как развивались эти процессы в 20—30-х годах и куда они нас завели. Мы узнали, к тому же очень недавно, те документы (например, «заявление 46-ти»), которые долгое время запрещено было предавать гласности.

А вот этого член партии, не причастный к правящей верхушке и не состоявший в оппозиции, в руках, скорее

всего, не держал. Однако для него были законом партийные решения, тем более конференций и съездов. И он обязан был эти решения и вытекающие из них установки пропагандировать и проводить в жизнь. Нечего и говорить, как верны были не только принципу демократического централизма, но и сложившимся в тяжких условиях борьбы нравственным нормам люди старой партийной гвардии. В последующем же все силы коммунистов сосредоточивались на верности генеральной линии, да еще «ленинской», за которую ее выдавали.

Раскольников был человеком партии, воспитанным на ее традициях. Естественно, партийные решения, плоды коллективного разума партии, он принимал как должное, с полным доверием, не подозревая каких-либо закулисных игр. Борясь с оппозицией, тем самым помогал, конечно, Сталину и его аппарату укреплять их позиции. Точно так же, как, например, такой высокоидейный большевик, как М. Н. Рютин. В 1927 г. он страстно бичует оппозицию, которая, по его словам, «кричит насчет того, что у нас, видите ли, в партии несносный режим», он требует создания в партии «осадного положения» против троцкистской оппозиции, указывает, что надо разоружить ее «не только организационно, но надо разоружить ее теоретически, надо разоружить идейно, надо разбить вдребезги все принципиальные основы этой троцкистской оппозиции», и обещает, что она «будет отброшена в мусорную яму истории» [30]. Пройдет всего 3—4 года, и Рютин бросится в отчаянно смелую, бескомпромиссную схватку с тем самым бюрократическим аппаратом (и его «квинтэссенцией», как назвал Троцкий Сталина), который он совсем недавно спасал от оппозиции, и сложит в борьбе с ним голову. Значит, наступило прозрение, и почетное место в памяти народа займет не защитник аппарата Рютин, а Рютин — герой сопротивления сталинизму.

Мы можем проследить, как то же самое прозрение наступило и углублялось у Раскольникова. «Он до страдания возмущался,— вспоминает его жена,— беспощадной жестокостью насильственной коллективизации» [31].

Раскулачивание и ссылка «неизвестно куда» деда жены. Слежка, установленная за ним самим в полпредстве. Изъятие из обращения по распоряжению Главлита его книги «Кронштадт и Питер в 1917 году». Сначала громкие процессы 1930—1931 гг.— «врачей-бактериологов», 48-ми работников пищевой промышленности. Арес-

ты близких людей, сотрудников полпредства. Наглое поведение агентов ГПУ в полпредстве. И дальше — процессы, процессы, казни. Вряд ли прибавилось бы для него что-нибудь принципиально новое, узнай он о документах, касающихся его лично, и о тайных распоряжениях против него.

Этот разный Раскольников — Раскольников 1924-го или 1937 г.— и Раскольников 1938—1939 гг., как это запечатлено в его выступлениях в печати,— это все же один Раскольников, переживший эволюцию в своих воззрениях, но это была эволюция не приспособления к той или иной конъюнктуре, а эволюция, вызванная болью и страданиями за свой народ, ввергнутый тоталитарным режимом в пучину бед и невзгод.

Возвратимся и к вопросу о том, как понимать заверение Раскольникова в Открытом письме Сталину о его расхождениях с Троцким по принципиальным вопросам и о его постоянной борьбе со всеми оппозициями. Это была честная борьба, в которой, может быть, оппоненты в чем-то и заблуждались, но не переносили несогласия друг с другом на личные отношения, тем более не предъявляли уголовных обвинений. И в том же письме Раскольников взял Троцкого под защиту от наветов, которые навешал на него Сталин. Вот что там сказано: «Принципиально расходясь с Троцким, я считаю его честным революционером».

Этот пример говорит, кстати, и о том, на каких разных моральных позициях стояли Раскольников и его позднейший «оппонент» неосталинистской формации. Расходясь с Троцким во взглядах, открыто выступая с критикой их, Раскольников не опускался до низких приемов полемики, не поддавался на выдумки о том, что тот вступил в «сговор с Гитлером или Гессом». В непризнании этих выдумок Трапезников, видимо, и усматривал «троцкизм» Раскольникова: ведь сам-то он нагнетал инспирации, будто после того как «троцкистско-бухаринские главари» «снюхались», империалистическая буржуазия, обретя в них «своих фактических союзников», «предвкушала [их] близкую победу», но они наткнулись на «стальные локти» «революционеров-профессионалов» [32]. Ну чем не «вбивание кола в трепещущее тело буржуазии», как издевался Ленин над приемами полемики, когда «сила аргументов заменяется силой крепких и звонких фраз» [33]. Трапезников считал, что такими способами разоблачения «посиневших от

страха» врагов социализма достигается «триумф марксизма-ленинизма». Поэтому и свою книгу «На крутых поворотах истории», вышедшую в 1972 г. вторым изданием, он снабдил подзаголовком «Из уроков борьбы за научный социализм против ревизионистских течений».

Вот с каких позиций велось шельмование Раскольникова в сталинско-брежневскую эпоху!

После всего сказанного встает, естественно, еще один вопрос: насколько безупречна была наша позиция в защите Раскольникова от наветов Трапезникова, навесившего на него клеймо «троцкиста»? Мы же противопоставили этому борьбу Раскольникова с троцкизмом и, по его словам, «со всеми оппозициями». По существу, тем самым встали на позицию Раскольникова, основанную на решениях XIII партконференции и XIII партсъезда. А он, как видно из Открытого письма Сталину, до конца жизни оставался в плену этой позиции.

Но теперь уже произошел величайший сдвиг в общественном сознании — пересмотр не только его идеологических устоев, но и переосмысление той идейной борьбы в партии и обществе, которая шла в условиях сталинизма и «застоя». Мы получили возможность знакомиться с материалами оппозиций и право критического взгляда на решения партконференций и съездов. То, за что сталинские сторонники громили оппозицию и прежде всего Троцкого,— вспомним пресловутые «шесть ошибок» в изложении Сталина на XIII партконференции [34] — сейчас мы ставим в заслугу оппозиции.

Возможно ли было такое 25 лет тому назад, когда набирал силу брежневский «поворот»? В ответ на этот вопрос приведем факт, что уже в условиях перестройки, при частично изменившемся составе Политбюро идейная борьба продолжалась в прежней плоскости. Это было продемонстрировано в октябре — ноябре 1987 г. подчеркиванием заслуг Бухарина, Дзержинского и других лидеров партии «в идейном разгроме троцкизма», в прославлении сложившейся при Сталине «концепции индустриализации и коллективизации» — в полном противоречии с признанием преступности сталинского режима. Тенденции «не поступаться принципами» отстаивались некоторыми идеологическими руководителями партии.

Вероятно, многие люди старшего поколения, в том числе и историки, защищавшие Раскольникова от

нападок Трапезникова в 1965—1966 гг., пережили драматический перелом в сознании, подобный тому, о каком рассказал как-то А. Н. Яковлев. «Как вы воспитывались при Сталине? — спросили его корреспонденты «Комсомольской правды».— Каким тогда вы были?» «Не отпускало,— ответил Александр Николаевич,— какое-то ощущение придавленности, страха, но и веры, убежденности, что так оно и должно быть... но тогда я действительно верил! И — психологически — для меня именно память о безмерной вере и рождает сегодня горькое чувство обманутости... 56-й год сыграл свою роль» [35].

Раскольников, так же как и Раковский, Рютин и другие представители правящей партии, выросшие в горниле революционной борьбы, пережившие затем полосу становления и деформации партийного руководства массами, не избежал ошибок и заблуждений, которыми воспользовались лица, преследовавшие групповые интересы и во имя их пренебрегавшие нравственными нормами...

Прозрение пришло к Раскольникову лишь тогда, когда сталинизм открыто выступил против партии и народа. Это и должно быть тем главным уроком нашей истории, который запечатлен в идейном наследстве борцов сопротивления сталинизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Книжное обозрение. 1990. № 28.

[2] *Раскольников Ф.* О времени и о себе: воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 542—543.

[3] Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции//Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Стб. 188.

[4] *Раскольников Ф.* О времени и о себе: воспоминания, письма, документы. С. 488, 522—524.

[5] Там же. С. 10.

[6] Там же. С. 10—13.

[7] Там же. С. 538—541.

[8] Там же. С. 11.

[9] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. М., 1986. Т. 9. С. 120, 121.

[10] Знамя. 1988. № 1. С. 152.

[11] Юность. 1988. № 11. С. 24, 26.

[12] *Троцкий Л.* Портреты революционеров. Бенсон-Вермонт, 1988. С. 364—365.

[13] Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190.

[14] Московские новости. 1987. 10 мая; Советская культура. 1987. 4 июля; Ветер времени. М., 1989. С. 305.

[15] Правда. 1988. 20 июня.

[16] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. Пер. с англ. Нью-Йорк—Париж—Иерусалим. 1983. С. 9—16.

[17] Правда. 1966. 30 янв.

[18] *Васецкий Н.* Ликвидация: Сталин, Троцкий, Зиновьев. Фрагменты политических судеб. М., 1989. С. 8.

[19] Вопросы истории КПСС. 1963. № 12. С. 93, 94.

[20] Комсомольская правда. 1990. 22 июля.

[21] *Раскольников Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 г. Изд. 2-е. М., 1990. С. 289—296.

[22] См.: Воспоминания о В. И. Ленине. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 2. С. 266; Политическое образование. 1989. № 2. С. 61.

[23] *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Репринт. изд. М., 1990. С. 18—21.

[24] Огонек. 1966. № 8. С. 24.

[25] Военно-исторический журнал. 1965. № 7. С. 56.

[26] Коммунист. 1969. № 3. С. 74—75.

[27] Там же. С. 82.

[28] Там же. С. 71.

[29] Огонек. 1987. № 33. С. 6.

[30] Пятнадцатый съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 325—327.

[31] Детектив и политика. М., 1989. Вып. 3. С. 211.

[32] *Трапезников С. П.* На крутых поворотах истории. Изд. 2-е. М., 1972. С. 40—41. Досадное недоразумение: автором названной книги М. П. Капустин счел академика В. А. Трапезникова, ученого в области электромашиностроения, автоматики и процессов управления (см. Капустин М. Конец утопии? М., 1990. С. 375, 445).

[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 115—116.

[34] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 6. С. 13—23.

[35] Комсомольская правда. 1990. 5 июня.

Б. А. Викторов

ВОССТАВШИЕ ЧЕКИСТЫ

1954 год. Мы приступили к пересмотру дел. «Мы» — это сотрудники Главной военной прокуратуры. Те из военных прокуроров, кто в прошлом не имел никакого отношения к делам спецподсудности, а теперь были призваны разобраться с делами, которые, как утверждали обратившиеся к нам, были искусственно созданы...

Да,— настаивали они,— созданы, и не только тогда, когда во главе НКВД стоял Берия, но и еще раньше, при Ежове и Ягоде.

С подобной просьбой обратилась к нам супруга Феликса Эдмундовича Дзержинского — Софья Сигизмундовна Дзержинская. В своем письме она вела речь о двух руководящих работниках НКВД Артуре Христиановиче Артузове и Романе Александровиче Пиляре, чекистах первого призыва, расстрелянных в 1938 г. Ежовым, в виновности которых она глубоко сомневалась.

Она вспоминала, что была свидетельницей такого вот разговора между ее мужем и Вячеславом Рудольфовичем Менжинским:

— Я вижу,— сказал тогда Дзержинский,— Артузов с большим мастерством водит за нос таких матерых конспираторов, как Савинков. Я согласен и с планом дальнейших мероприятий, цель которых заставить Бориса Савинкова приехать в Советский Союз.

— Артузов — один из ваших учеников,— ответил Менжинский.— Подобные комбинации, насколько мне не изменяет память, вы проводили еще в восемнадцатом при разоблачении Локкарта. Артузов, ученик ваш, действительно талантливый, да и его заместители Пиляр и Пузицкий тоже под стать ему, умные контрразведчики...

Софья Сигизмундовна ссылалась также на письмо Дзержинского в ЦКК, в котором тот утверждал, что: «тов. Артузов (Фраучи) честнейший товарищ, и я ему не могу не верить как себе». Подлинник этого письма хранится в партархиве при ЦК КПСС.

Что ж, прекрасный отзыв получен нами от весьма беспристрастного и объективного человека...

Но... Как нам быть?.. Что предпринять?.. Ведь в

деле есть протокол допроса Артузова. Под ннм его подпись, кажется не вызывающая сомнення в подлинностн, н запись показанні, правда учиненная рукой следователя Аленцева.

Вот выдержка из этого протокола:

Вопрос: Мы располагаем данными о том, что вы сейчас нам не говорите всей правды...

Ответ: Признаю, что не все, мне очень трудно признаться. В 1913 году я был завербован в Санкт-Петербурге «Интелеис-Серансом». В 1919 году через своего родного брата был завербован французской разведкой. В 1925 году по предложению Штейбрюка стал работать на немецкую разведку. А с 1933 года я являюсь агентом польской разведки...

Правда, ннкакой конкретнкн ни в протоколе, нн во всем деле нет. Так, остается нензвестным: кто завербовал, при каких обстоятельствах, какого характера былн задания и как нх Артузов выполнял. Но, как говорят нногда юрнсты, «факт остается фактом». В деле есть прнзнанне, скрепленное подписью допрашнваемого, на этом основан и приговор Военной коллегин. Чем все это можно опровергнуть?.. Познакомимся поближе с однм нз первых чекнстов нашего государства. Вот анкета арестованного, лнст 1 архивно-следственного дела:

«Артузов (Фраучи) — (вторая фамилия подчеркнута красным карандашом.— *Б. В.*) — Артур Христианович, 1891 года рождения. Сын швейцарского эмигранта, мать латышка. *Национальность* — считаю себя русским. Уроженец Тверской губернии. *Социальное происхождение* — из семьи кустаря-сыровара. До революции отец арендовал землю и имел до 10 батраков (последние слова также подчеркнуты тем же карандашом.— *Б. В.*). Член ВКП(б) с июня 1918 года (стаж зачтен с декабря 1917 года). *Образование* — высшее техническое. Петроградский политехнический институт. *Семейное положение* — женат. Первая жена Лидия Дмитриевна Слугина, член ВКП(б) с 1918 года. В Красной Армии с момента организации. С января 1919 года служба в ВЧК—ОГПУ—НКВД. *Участие в революционном движении* — в 1907—1908 гг. принимал участие в работе на складе большевистской литературы. *Занимаемая должность до ареста* — Начальник Центрального Управления НКВД СССР. *Правительственные награды* — орден Красного Знамени за работу в ОГПУ, два знака «Почетного работника ВЧК», один за № 6».

Вот он какой, осужденный за нзмену Родине чекист Артузов. 13 мая 1937 г. он был арестован по личному указанию Ежова. За что? В этом нам предстояло еще разобраться. Пока же видим, что Артузову предложнли объяснnть, в какнх отношениях он состонт с М. С. Кед-

ровым * и когда и почему изменил свою фамилию? Артузов написал объяснение. Оно оказалось в его личном деле. Мы познакомились с ним.

«В 1903—1908 годах,— писал Артузов,— мой отец арендовал участок земли в Боровичском уезде Новгородской губернии. Отец мой никогда не был социалистом, но им сочувствовал и помогал. Во время первой революции в доме отца скрывались от ареста большевики (Н. И. Подвойский, М. С. Кедров, Н. С. Ангарский и другие). Сестры моей матери были революционерки — Дидрикиль Ольга Августовна была замужем за революционером Михаилом Сергеевичем Кедровым. Вторая сестра моей матери — Нина Августовна — за Николаем Ильичом Подвойским. Отсюда я стал знать своего дядю Михаила Сергеевича Кедрова. Еще в дни столыпинской реформы он был редактором в издательстве «Зерно», где печаталась большевистская литература. По его поручению я занимался ее распространением. Дяде своему я обязан всем. Он меня просвещал. Когда его в 1918 году направили на Северо-Архангельский фронт на борьбу с интервентами, он взял меня с собой. По его рекомендации я был принят в партию. До 1918 года я носил фамилию Фраучи. А потом по указанию своего руководителя Кедрова переменил на «Артузов». Ведь я зовусь Артуром... Михаил Сергеевич Кедров познакомил меня с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, под руководством которого я работал».

А. Х. Артузов обвинялся в принадлежности к антисоветской организации правых, действующей в НКВД и возглавляемой Г. Г. Ягодой. Конкретно ему вменялось в вину сокрытие сведений о заговорщической деятельности маршала М. Н. Тухачевского, который, кстати сказать, был арестован одновременно с Артузовым.

Артузов объяснил, что он не мог состоять в сговоре с Ягодой, хотя бы потому, что этого не допускали их отношения: еще при жизни Менжинского Ягода составил на Артузова крайне отрицательную характеристику, Артузов ее обжаловал... Он просит, чтобы его рапорт был разыскан и приобщен к делу. Следователи не пожелали этого сделать.

Наш коллега, майор Корнев, занимавшийся проверкой дела, нашел в архиве этот рапорт. 31 декабря 1931 г. Артузов писал Менжинскому: «В Ваших словах я узнал черты моей характеристики, составленной Генрихом Григорьевичем (Ягодой.— *Б. В.*). Если бы я не был уверен, что Вы ее (характеристику.— *Б. В.*) не разделяете, я уже давно сделал бы все от меня зависящее, чтобы уйти из ГПУ».

* Кедров Михаил Сергеевич, один из старейших членов партии большевиков. Был членом Коллегии ВЧК, соратником Дзержинского.

Артузов не один раз выступал с критикой в адрес Ягоды. А об одном из разговоров с ним он доложил:

«В разговоре со мной Ягода высказался так: За таким аппаратом, как наш, не пропадешь: орлы — сделают все в нужную минуту. Ни в одной стране министр внутренних дел не сможет произвести дворцового переворота, а мы и это сумеем, если потребуется, потому что у нас не только полиция, но и войска. Военные и оглянуться не успели бы, как все было бы уже сделано».

Сообщая об этом разговоре, Артузов отметил такое обстоятельство: «Завершая беседу со мной, Ягода как бы в напутствие и, видимо, чтобы как-то сгладить содержание сказанного, произнес такие слова: «Об этом забудьте, я к примеру, теоретически говорю».

Но говорил Ягода совсем не «теоретически»... То, что он вынашивал такие планы и вербовал соучастников из числа сотрудников НКВД (у него сорвалось это в отношении Артузова), было правдой. Но руководствовался он сугубо личными, карьеристскими мотивами, а не теми, которые фигурировали в судебном процессе над ним и Бухариным.

А как же обстояло дело с информацией о Тухачевском? На этот вопрос следователя Артузов ответил, что в тридцатые годы он действительно знакомился с информацией из Германии о том, что в Красной Армии будто бы есть контрреволюционная организация и возглавляет ее генерал Тургаев.

Артузов пояснил, что под этой фамилией ездил в 1931 г. в Германию Тухачевский.

Далее он показал: «Это была «голая» информация, не содержащая никакой конкретики. Тем не менее я лично доложил о ней Ягоде. Тот заявил так: «Это несерьезный материал» — и приказал сдать его в архив... Я был с этим согласен».

Артузов, когда давал эти показания, не мог знать, что «несерьезный материал» уже пущен в ход как вполне серьезный. Ежов поднял его из архива и превратил в доказательство виновности и Тухачевского, и Артузова.

Артур Христианович принадлежал к числу тех коммунистов-ленинцев, настоящих чекистов, которые ревностно оберегали заложенные еще В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским традиции в работе ВЧК—ОГПУ и неукоснительно следовали им во всем своем поведении, во всей практической работе.

Как же он повел себя с приходом к руководству органами государственной безопасности Ежова?.. Вскоре после назначения последнего на пост наркома состоялся

партийный актив Наркомата. На нем выступал и Артур Христиаиович. Судя по стеиограмме, он сказал следующее:

«Мы превращаемся в то, чего больше всего боялся иаш первый чекист Феликс Дзержинский и протнв чего он неустанно предупреждал: будьте всегда сыиами нашей партии, пославшей нас иа ответственный н почетный участок борьбы, бойтесь превратиться в простых техников аппарата внутреннего ведомства со всеми чиновными иедостатками, ставящими иас на одну доску с презренными охраиками капиталистов. Помните, что, став иа этот путь, вы погубите ЧК. Партия будет права, если в этом случае разгонит нас... Бойтесь всякой лжи со стороны работников-чекистов, ие терпите карьеристов, ие останавливающихся для достижения своих авантюрных целей ни перед чем, не допускайте замазывания ошибок и иедостатков в работе». И Артузов привел в своем выступлении ряд конкретных фактов. А закончил призывом: «Необходимо изменить взгляд иа нашу партийную организацию как иа послушный и чиновный придаток иаркомата... Надо отрешиться от боязни высказаться за прекращение дела, провалившегося и несостоятельного, только потому, чтобы не подвести начальника, для которого иеприятно признать ошибку. Пусть лучше пострадает невинная жертва, чем честь отдела, ангажированшегося в данном деле перед высоким начальством. При всех условиях спокойнее спрятаться за широкую спину иачальства...»

Можно представить себе, как отнесся к сказанному присутствовавший на активе Ежов. Через три дня Артузов был арестован, объявлен врагом народа. Чтобы доказать это, Ежову были нужны не простые следователи, а садисты, люди, у которых иет ничего порядочного за душой, способные ради карьеры на любую подлость.

В руки имеино таких следователей и попал Артузов, как попадали и многие другие необоснованно арестованные, в коице коицов признававшие себя виновными в самых невероятных выдуманных преступлениях.

За четырнадцать дней пребывания Артузова под стражей следователем не было составлено ии одного протокола допроса. Да что напишешь?.. Сначала нужно «воздействовать», чтобы заговорил.

А теперь представьте себе на минутку: следователь Аленцев — всего лишь лейтенант. Перед ним один из известнейших чекистов. Он знал Дзержинского, работал под его руководством. Кто такой Аленцев рядом с ним? Поэтому надо было прежде всего внушить себе, что перед тобой сидит не комиссар государственной безопасности, а «никто», этакий номер, под которым значится в тюрьме всякий арестованный; на обложке «дела» нет никаких упоминаний о высоких званиях, нет на одежде никаких орденов и знаков отличия. Усвоив все это, следователь не церемонился.

В процессе проверки дела Артузова мы обнаружили в архиве письмо начальника тюрьмы от 17 мая 1937 г. (т. е. на 4-й день ареста Артузова), препровождавшее записку Артузова на имя следователя, написанную кровью на тюремной квитанции. Начиналась она так:

«Гражданину следователю. Привожу доказательства, что я не шпион. Если бы я был шпионом, то...»

Дальше приводились факты, которые нет необходимости пересказывать.

В конце концов и Артузов, этот прославленный контрразведчик, вынужден был поставить подпись под показаниями, написанными следователем, что он был агентом сразу четырех иностранных разведок... Может быть, назвал бы и еще одну... Только последний протокол его допроса завершен такой записью следователя: «Я прошу сейчас прервать допрос, дать мне возможность восстановить в памяти все факты моей шпионской деятельности».

Больше Артузова не допрашивали. Следователь составил обвинительное заключение, и дело пошло в Военную коллегию Верховного суда СССР. Какой был приговор — понятно. Пламенное сердце одного из славных чекистов перестало биться... А это ведь был, по оценке Ф. Э. Дзержинского, один из самых талантливых советских контрразведчиков. С его именем связано разоблачение целого ряда заговоров против Советской власти: «заговор послов» во главе с Локкартом, безуспешная попытка организации нового заговора агентом английской разведки Сиднеем Джорджем Рейли (настоящее имя этого агента Самуил Розенблюм.— *Б. В.*), происки отъявленного террориста — белогвардейца Бориса Савинкова и еще, и еще...

Занимаясь делом Артузова, мы неоднократно встречали фамилию его ближайшего помощника по службе, также талантливого контрразведчика, Пиляра, судьба которого нас заинтересовала.

И так совпало... Пришло к нам письмо от гражданки Барановой Татьяны Алексеевны. Она писала, что в 1937 г. как жена осужденного чекиста Р. А. Пиляра была сослана в Оренбургскую область. «Прошло уже девятнадцать лет, я ничего не знаю о судьбе мужа, хотя много, много раз за это время обращалась в самые различные организации... Вправе я знать правду о моем муже».

Как же это письмо было похоже на многие другие! Какое было жестокое время! Годами самые близкие люди не могли получить вразумительного ответа на мучившие их вопросы: «Где? За что?»

«Дело» Пиляра начиналось справкой: «Пиляр Роман Александрович, 1897 года рождения. Происходит из семьи помещика буржуазной Литвы фон Пильхау. Родители проживают за границей. С 1914 по 1919 год состоял в партии РСДРП-интернационалистов. Сидел в тюрьме у белополяков. В 1920 году прибыл в СССР. Освобожден по ходатайству Советского правительства. В том же 1920 году поступил на службу в ВЧК. Имеет правительственные награды. Проходил службу в ОГПУ. Поддерживает связи с заграницей». Слова «поддерживает связи с заграницей» подчеркнуты. И тем же красным карандашом начертано: «Арестовать. Ежов».

В личном деле Пиляра мы нашли его объяснение, что он действительно происходит из семьи помещика, но считает необходимым уточнить и записать «мелкопоместного». С тех пор как Роман Александрович примкнул к революционному движению, связи с родителями, по их инициативе, были прерваны. Он предполагал, что проживали они, видимо, в Литве, если были живы. Изредка он писал в Литву письма бытового содержания Марии Пеледа. «Ей я обязан жизнью,— писал в своем объяснении Пиляр.— Письма от нее не сохранились. Хранить их не имел привычки».

За что он был награжден правительственными наградами? В его личном деле оказалась выписка из постановления Президиума ЦИК СССР от 5 апреля 1924 года: «Наградить орденом Красного Знамени товарищей... Менжинского... Артузова... Пиляра... Сыроежкина». И предельно краткая преамбула: «За успешное выполнение заданий ОГПУ».

После проверки получили расшифровку, оказалось, что это задание — разоблачение преступной деятельности опаснейшего врага Советской власти — террориста Савинкова.

Заманить Бориса Савинкова в Советскую Россию было поручено командиру Красной Армии Сыроежкину, так как он был удивительно похож на одного офицера царской армии, эсера, кулацкого сынка, отца которого знал Савинков. Сыроежкину нужно было выучить новую биографию, всю родословную до «седьмого колена», затем уйти в Польшу, стать «перебежчиком», добиться

встречи с Борисом Викторовичем и склонить его к поездке в Россию.

Как все это Сыроежкину удалось — целая история. Особый рассказ... Одно можно сказать, потребовались сообразительность и немалое мужество. Закончилась эта история так. Сыроежкин и Савинков ночью нелегально, но благополучно, с фальшивыми паспортами пересекли советскую границу. На крестьянской подводе въехали в Минск. Приехали прямо на «конспиративную квартиру эсеров». Их ждали... В комнате был накрыт стол с угощением. Собралась компания... И вдруг — открывается дверь. В полной форме входит полномочный представитель коллегии ОГПУ по Белоруссии товарищ Пиляр и объявляет:

— Именем Союза Советских Социалистических Республик вы, Борис Викторович Савинков, арестованы!

Не поверил сначала Савинков. Расценил это как спектакль, проверку.

Свидетели этого события потом рассказывали: «Подчеркнуто небрежный тон и слова, с которыми Савинков обратился к чекистам: «Чисто сделано. Разрешите продолжать завтрак?», не смогли скрыть его замешательства и растерянности». Еще бы! Неуловимый Савинков, старый подпольщик и конспиратор, не раз ускользавший от шпиков царской охранки, вынужден был безоговорочно капитулировать перед советской разведкой, которой удалось арестовать его в результате блестяще разработанной и проведенной операции.

Весь этот план по пресечению деятельности Савинкова был разработан Артузовым и Пиляром, одобрен Дзержинским и осуществлен под его непосредственным руководством и с участием Менжинского. Об этом нам рассказала во всех подробностях Софья Сигизмундовна Дзержинская.

За что же арестовали Артузова и Пиляра, почетных чекистов, сделавших так много в борьбе с врагами Советского государства?

Мы уже в какой-то степени знаем ответ: решил красный карандаш. Его следы под определенными словами и фразами на документах говорили о многом. Обладателем красного карандаша был Ежов. Больше никто в аппарате НКВД таким карандашом пользоваться не мог, и все это знали *.

---

* Традиция пользоваться таким карандашом перешла от Ежова к Берии и Абакумову.

А что это значило для следователя, объяснять не нужно...

В чем обвинялся Артузов, мы уже рассказали. Теперь о Пиляре.

Основное обвинение, конечно,— шпионаж...

Как трудно было в это поверить. Контрразведчик, человек, на протяжении многих лет отдававший свои профессиональные знания, здоровье борьбе с агентурой иностранных разведок, вдруг сам помогает им. Случай редчайший. Но исключить его так просто нельзя... Всякое может иногда случиться.

Мы стали разбираться. Наткнулись на показания Нины Васильевны Пономаревой — просто Ниночки, как все ее тогда называли. Ведь ей в 1937 г. было всего 19 лет. Она работала секретарем в приемной Пиляра. Информация, полученная из показаний Пономаревой, небольшая, но есть над чем подумать, предположить можно всякое.

«Как-то месяца три тому назад,— рассказывала Ниночка Пономарева,— я перед уходом с работы решила проверить кабинет начальника. Романа Александровича к концу работы не оказалось на месте. Он уехал куда-то по делам и там задержался. Прежде всего в таких случаях я проверяла, закрыт ли сейф... И вдруг оказалось, что он не закрыт... Этого никогда раньше не бывало... Роман Александрович был очень щепетильным человеком, тщательно контролировал сам себя, а здесь вдруг допустил оплошность... Я закрыла сейф, вынула ключ, но потом, не знаю, как и объяснить, видимо, просто девичье любопытство взяло верх. Я открыла и посмотрела внутрь сейфа... Как-то сразу бросились мне в глаза письма, их было несколько... Я успела лишь заметить, что они адресовались Роману Александровичу до востребования, что они были от женщины и из-за границы... Я затрудняюсь сейчас назвать город и фамилию этой женщины...»

Но этим еще показание Пономаревой не заканчивалось. Ей был задан вопрос: при обысках в служебном кабинете и на квартире Пиляра ни одного такого письма не обнаружено. Насколько правдивы ваши показания об этих письмах? На этот вопрос последовал ответ:

«Я еще раз утверждаю, что письма эти хранились в сейфе, я лично их видела... Я могу предполагать, что, когда утром на следующий день мною был передан Пиляру забытый им в сейфе ключ, он был крайне поражен случившимся и, хотя он ничего не сказал тогда мне, но я без слов догадалась, что Роман Александрович был убежден в том, что эти письма я смотрела, читала и он, видимо, решил их уничтожить, не надеясь на то, что я нигде и никогда не раскрою этой тайны из его личной жизни».

В показаниях самого Пиляра содержится также краткое упоминание о письмах из-за границы: «Да, я получал письма из Литвы от женщины, которой я очень обязан. Могу сказать — жизнью... Писем этих у меня уже нет, но они носят исключительно личный характер».

Кто она, эта женщина?

Мы вспомнили, что в личном деле Пиляра, в его объяснении, как он попал на службу в ВЧК, упоминалась фамилия одной женщины. Значит, нужно постараться ее найти. А для этого поехать в Литву и самим порыться в архивах. Может быть, удастся найти людей, лично знавших Пиляра,— ведь он участник революции в Литве.

Заняться таким розыском было поручено капитану юстиции Корневу. До окончания Военно-юридической академии он был строевым офицером-разведчиком. Во фронтовой характеристике Корнева подчеркивалась его способность вести разведку «вслепую». По мере того как капитан Корнев углублялся в поиск, рылся в архивах, находил тех, кто знал Пиляра, получал от них письменные свидетельства, все более отчетливо вырисовывался облик коммуниста-революционера с необычной и трагической судьбой...

Вот что стало известно в результате поиска. Семнадцатилетний гимназист Ромуальд фон Пильхау вступает в члены РСДРП-интернационалистов. Энергичный, беспредельно преданный идеям социализма, он вступает на путь опасной и трудной нелегальной борьбы. В 1918 г. он становится коммунистом. В октябре того же года на первом подпольном съезде Коммунистической партии Литвы его, ставшего теперь Пиляром, коммунисты-подпольщики избирают членом и секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы. В новогоднюю ночь 1919 г. белополяки внезапно напали на Виленский рабочий Совет. Стойко оборонялись рабочие-дружинники, борьба продолжалась более суток. К исходу второго января стало ясно: враг превосходит в силе, у дружинников на исходе боеприпасы. Было решено небольшими группами выбираться из здания Совета, перейти на нелегальное положение.

Участник обороны и один из руководителей Совета Вержбицкий предложил одной группе перебраться в квартиру его брата — он жил с семьей в подвале соседнего дома, революционером не был, значит, находился вне подозрений. На какое-то время его квартира могла

послужить убежищем. Так и поступили. Вместе с Вержбицким перебрались еще четверо: Пиляр, Шимелевич, Ляуданский, Асс. Но ищейки врага не дремали. Им удалось обнаружить это убежище группы руководителей Совета и Компартии Литвы. Белополяки окружили дом, стали ломиться в подвальную квартиру. Положение оказалось весьма тяжелым: другого выхода из этого дома не было. Революционеры решили погибнуть, но не сдаваться. И свое решение привели в исполнение. Когда легионеры ворвались в квартиру, то увидели окровавленные тела пяти революционеров. Легионеры учинили расправу над братом Вержбицкого, а трупы бросили в сарай...

Совершенно случайно Пиляр остался жив. Потом он вспомнил, что, когда спускал курок, кто-то из товарищей, падая на долю секунды раньше, задел его руку. Пуля прошла мимо сердца и попала в легкое. Ночью он очнулся, выбрался из сарая, дополз до квартиры Вержбицкого. Там были друзья, товарищи, навестившие жену Вержбицкого, чтобы выразить сожаление, оказать ей поддержку и помощь. Они перенесли тяжело раненного Пиляра на квартиру к медицинской сестре — хорошей знакомой революционера Науйокайтиса Казиса. Началась упорная борьба за жизнь Ромуальда Пиляра. Между тем по городу прошли слухи, что похоронили не всех. Они дошли и до охранки. Всем ищейкам был дан приказ: «Найти во что бы то ни стало, живым или мертвым».

Подпольный комитет принял решение — поручить коммунистке Марии Пеледа-Норвидена поехать к матери Пиляра и получить ее согласие принять тяжело больного сына к себе домой. И встреча эта состоялась. Мать Пиляра решительно заявила: «Я сейчас же позову людей, вас задержат и доставят в полицию».

— Ну и что из этого выйдет?— спросила Мария,— задержат, а дальше что?.. Все равно не скажу, где ваш сын.

Твердый ответ заставил мать Пиляра задуматься. Она встала, прошлась по комнате, открыла дверь и сказала: «Можете идти... И передайте вашему, как он там у вас называется, комитету, кажется,— у нас нет сына Ромуальда».

Роман Александрович Пиляр не без душевной боли воспринял это сообщение. С тех пор оборвались всякие родственные связи у него с родителями. Женщины-ком-

мунистки с большим риском для себя выходили Ромуальда (они продолжали так его называть), вернули его к активной революционной деятельности.

Ищейки белополяков выследили Пиляра. Он был арестован и водворен в Виленскую тюрьму. Как мы уже знаем, благодаря усилиям Советского правительства в 1920 г. Роман Александрович был освобожден из тюрьмы и приехал в Советскую Россию. Здесь его приняли на работу в ВЧК, где он оставался вплоть до своего ареста. Служил он безупречно. Будучи заместителем Артузова, Пиляр принимал самое непосредственное участие в задержании английского шпиона Рейли, Савинкова, ряда агентов английской и польской разведок, систематически забрасываемых в СССР.

Со шпионажем как будто разобрались. Все стало ясно. Но Пиляру было предъявлено еще одно обвинение. Оно тесно переплетается, имеет одни и те же корни с обвинениями, которые мы обнаружили в деле Артузова.

Во время прихода Ежова к руководству органами Пиляр работал начальником Саратовского областного управления НКВД. Однажды Ежов вызвал его к себе. Между ними состоялся разговор, о котором Пиляр поведал жене Татьяне Алексеевне. Мы приводим этот разговор с ее слов.

Ежов спросил Романа Александровича:

— Почему так нерешительно вы действуете с арестами врагов народа?

— Кого надо, того и арестовали.

— Но ведь это единицы, да и такие люди, которые не представляют особой опасности. Вот возьмите, прочтите этот список.

Пиляр посмотрел, вернул:

— На этих людей, насколько я осведомлен, нет никаких данных об их враждебной деятельности.

Татьяна Алексеевна рассказывала: «Муж взял, да осмелился. Это на него похоже. Это у него в характере. Он и выпалил наркому:

— Как можно арестовывать людей, да тем более коммунистов, занимающих ответственные должности в партийном и советском аппарате, в Красной Армии, без законных оснований?

— Каких?— побагровел Ежов.

— Законных.

— Возьмите этот список. Через три дня я проверю.

На этом разговор закончился. А через неделю мужа арестовали. Он так и не выполнил указание наркома».

У нас, проверяющих эти дела, возник резонный вопрос: как же можно было называть Артузова, Пиляра, да и других честных чекистов «врагами народа». Ока-

зывается можно, нужно только захотеть. Расчет верный на негласность следствия, на изоляцию арестованных от партийных коллективов, на оторванность от связи с внешним миром. Ежову нужно было «доказать», что до его прихода враждебной деятельностью в НКВД занимался не только Ягода, но и ряд начальников управлений и отделов. Артузов и Пиляр для такого обвинения подходили еще и по своему социальному происхождению.

К обвинению Р. А. Пиляра в шпионаже добавилось и обвинение в подготовке террористического акта против наркома внутренних дел Ежова. Пиляр стал не только «шпионом», но еще и «террористом». Дело его подпало под Закон от 1 декабря 1934 года об ответственности за террор. Закон предельно строгий, неумолимый. Виновного ожидает лишь одно наказание, и никакого помилования.

Откуда появилось такое обвинение?

Читаем протокол допроса гражданина Фомина — водителя служебной машины Пиляра. В нем, в частности, написано: «После назначения Ежова наркомвнуделом, в одну из поездок с Пиляром в обком ВКП(б) я спросил Пиляра: «Почему так долго не дают звание Ежову?» Пиляр с большой злобой ответил: «Скоро дадут». И тут же добавил: «Ему хорошо бы дать не звание, а по голове за его отношение к старым чекистам».

Правда звание Ежов «за активную борьбу с контрреволюцией» вскоре получил, но получил и по «шапке». Откровенно говоря, им «пожертвовали».

По результатам проверки дел Артузова и Пиляра Главная военная прокуратура внесла предложение об их посмертной реабилитации.

Военная коллегия Верховного суда СССР с нашим предложением согласилась...

Мы рассказали о судьбе лишь двух чекистов, попытавшихся выступить против беззакония. А их было немало.

Назову еще имена... И будет это далеко не исчерпывающий список: М. С. Кедров, Я. Х. Петерс, М. И. Лацис, Т. Д. Дерибас, О. О. Штейнбрюк, Н. А. Капустин, Ф. П. Фокин, А. П. Медников и т. д. У каждого из них своя судьба. И каждый достоин отдельного рассказа о нем. Но их много. Историк Д. Волкогонов пишет, что «только в самих органах НКВД — более 20 тысяч честных людей пало жертвами этой вакханалии беззакония». Возможно, и столько... В «Мемориале памяти» им должно быть обязательно отведено место.

Л. Е. Колодный

ПОЭТ ПРОТИВ ВОЖДЯ *

В русской литературе не раз случались драматические противостояния между поэтом и царем, достаточно вспомнить историю отношений Пушкина и Николая Первого, начавшихся с того, что император соизволил стать личным цензором первого стихотворца, учредил за ним полицейский надзор, не разрешил выезд за границу и так далее.

Тот же император, однако, позволил издавать журнал, взяв с поэта слово, что он не будет драться на дуэли, прислал смертельно раненному лейб-врача, обеспечил многодетную семью покойного...

При всей очевидности этих фактов поколения литературоведов, пытаясь разобраться в причине дуэли Пушкина, сурово клеймят императора, некоторые договариваются до того, что чуть ли не рука Николая вложила пистолет в руку Дантеса. Ищут некий заговор во главе с монархом и когда исследуют другой роковой поединок у подножия Машука, где не заезжий иностранец, а соотечественник, друг-приятель, не промахнулся, стреляя в сердце поэта.

Живший после Пушкина и Лермонтова спустя век Мандельштам хорошо знал историю их взаимоотношений с высшей властью, как она, эта власть, воздействовала на судьбы поэтов. Знал ли, какая кара постигнет его, если выступит против того, кто, не имея титула монарха, единолично правил страной после Ленина?

В январские дни 1924 г. Мандельштам, пройдя мимо гроба Ленина, в газетном репортаже назвал умершего «лицом самой России». В стихах позднее — «спелой грозой».

Какой грозой обернется для него Сталин, если заклеймить прославляемого везде вождя «душегубом и мужикоборцем», пальцы его сравнить с червями, а глаза, улыбающиеся всем с портретов, фотографий, раз-

* Статья опубликована в «Московской правде». 1990. 26, 28 августа.

множаемых миллионными тиражами, назвать таракаиьими?

«В 1932—1933 годах Осип Эмильевич Мандельштам жил в Москве иа Тверском бульваре, 25, то есть в доме Герцеиа, на первом этаже первого от ворот флигеля,— пишет литературовед Эмма Герштейн, приходившая ие раз в это жилище поэта. Далее замечает:— С тех пор, как он поселился в доме Герцена, у него часто бывал Сергей Антонович Клычков, живший в том же доме, в левом флигеле». Клычков — талантливый поэт и замечательиый романист, в молодости — друг Сергея Есеиина...

В том же доме в те самые годы жил на Тверском бульваре другой сосед — Андрей Платоиов, писавший романы в стол... В просторной городской усадьбе располагались редакции журналов, литературные объединения, штабы писательских организаций, в том числе той «пролетарской», самой тогда приближеиной к верхам, где секретарствовал иабиравший высоту Александр Фадеев.

В этом доме хорошо зиали о негласном приговоре (передаииом Фадееву), который вынес «Бедняцкой хронике» и ее автору («...сволочь!») лично товарищ Сталин, после чего иачалась яростиая травля в печати Аидрея Платоиова. Знали отношение верховной власти к Есенину, чье имя с 1926 г. предавалось забвению.

С середииы 20-х годов возиикло и крепло противостояние между Сталиным и теми писателями, которых в наше время называют великими, совестью русской литературы: Булгаковым, Ахматовой, Платоновым...

Противоборство Маидельштама и власти по всем линиям началось раио...

«Первая встреча О. М.,— пишет Надежда Маидельштам,— с новым государством — это посещеиие Дзержинского и следователя, когда ои хлопотал в 1922 г. об арестованном брате».

... Первая встреча поэта и нового государства состоялась раиее, в дни его стаиовления. По примеру Алексаидра Блока, услышав музыку революции, Осип Мандельштам пошел служить большевикам.

В Москву после революции приехал в марте 1918 г. в правительственном поезде, который доставил в новую столицу сотрудииков иародных комиссариатов, то есть министерств.

«По приезде в Москву,— как свидетельствует Надежда Маидельштам в издаииых за границей «Вос-

помнаниях»,— ...ему пришлось пожить несколько дней у Горбунова в самом Кремле», не уточняя, как само собой разумевшееся, кто такой Горбунов.

Николай Петрович Горбунов, согласно энциклопедии, с ноября 1917 г.— секретарь Совета Народных Комиссаров, то есть правительства, и личный секретарь В. И. Ленина.

Проснувшись в Кремле на следующий день после приезда в квартире секретаря главы правительства, поэт отправился на завтрак в столовую, где прислуживавший прежний дворцовый лакей, накрывая на стол, предупредил, что вот-вот выйдет откушать кофий сами товарищ Троцкий, народный комиссар...

По логике некоторых современных авторов, в тот момент Осип Эмильевич должен был бы броситься в объятия Льва Давидовича, воспользовавшись таким случаем. Однако произошло обратное: поэт поспешил уйти, хотя понимал, что столоваться ему негде.

Не состоялась стыковка и с другим наркомом, Чичериным, намеревавшимся взять поэта на службу в наркомат по иностранным делам. Нарком предложил в качестве пробного задания написать проект правительственной телеграммы на французском языке, что не составляло особого труда для знающего язык соискателя должности. Но и в тот день ретировался из наркомата, не попрощавшись...

Почему?

«Он всегда как-то по-мальчишески убегал от всякой власти»— объясняет эти поступки автор «Воспоминаний». Несколько месяцев служил в наркомате народного просвещения. Об этом есть свидетельство председателя ВЧК...

Недавно, читая «Красную книгу» ВЧК, показания Ф. Э. Дзержинского в связи с убийством Яковом Блюмкиным посла Германии в дни июля 1918 г., я обратил внимание на трижды упоминавшуюся в этом документе фамилию Мандельштама.

«За несколько дней, может быть за неделю, до покушения, я получил от Раскольникова и Мандельштама (в Петрограде работает у Луначарского) сведения, что этот тип (т. е. Блюмкин.— *Л. К.*) в разговорах позволяет себе говорить такие вещи: «Жизнь людей в моих руках, подпишу бумажку — через два часа нет человеческой жизни. Вот у меня сидит гражданин Пусловский, поэт, большая культурная ценность, подпишу

ему смертный приговор», но, если собеседнику нужна эта жизнь, он ее «оставит» и т. д. Когда Мандельштам, возмущенный, запротестовал, Блюмкин стал ему угрожать...»

Рассказав далее о посещении германского посольства, где узнал, что убийцей оказался сотрудник ВЧК Яков Блюмкин, глава чекистов замечает:

«Мне все сразу стало ясно. Фигура Блюмкина ввиду разоблачения его Раскольниковым и Мандельштамом сразу выяснилась как провокатора».

О каком Мандельштаме идет речь? Может быть, об однофамильце? Нет, как свидетельствует Надежда Мандельштам, то был Осип Эмильевич.

...В «Кафе поэтов», где встречались тогда почти все рифмующие, известные и неизвестные авторы, Осип Мандельштам познакомился с Яковом Блюмкиным, молодым, буйного нрава литератором, подкреплявшим доводы в спорах наганом, который нередко выхватывал из кобуры. Этому самому Блюмкину, боевику партии левых эсеров, по ее рекомендации, ВЧК, как явствует из показаний Дзержинского, поручила организацию отдела советской контрразведки, чем оный занимался активно, вербуя приглянувшихся ему людей. Подходящим агентом показался контрразведчику Мандельштам, долго живший в разных странах Европы, хорошо знавший языки. Чтобы у слушателя не оставалось сомнений в его возможностях, Блюмкин демонстрировал в кафе документы, ордера на аресты и прочие бумаги, стоившие тогда жизни, бахвалился могуществом своей организации.

Мандельштам пришел в ужас от услышанного, выхватил и порвал бумаги. Не теряя времени, направился к Ларисе Рейснер, знакомой молодой писательнице, жене Федора Раскольникова, одного из героев Октября, заместителя наркома по морским делам.

Вот его-то и убедил Мандельштам, что Блюмкину нужно срочно укоротить руки. После чего состоялась встреча на Лубянке с Дзержинским, всерьез принявшим информацию. Последовали «оргвыводы»: с руководящей должности Яков Блюмкин был с треском снят, но из органов не уволен, что позволило ему в конечном счете убить посла.

После такого поворота событий Мандельштаму лучше было не попадаться на глаза разгневанному террористу. Он возвращается в Петроград, где продолжает служить

в наркомате, а в начале 1919 г. начинает странствия по городам и весям, направляясь на юг, ближе к теплу и природному изобилию. Колесит по Украине, Крыму, Кавказу. Его однажды арестовали во врангелевском Крыму, когда же оттуда выбрался морем на Кавказ, последовал арест в Тифлисе...

Вернулся в Москву... В 1922 г. на Лубянку угодил брат Александр. Ему грозила суровая кара. Поэт добился приема у самого молодого руководителя партии, Николая Ивановича Бухарина, чей кабинет находился в «Метрополе», превращенном в офис и жилой дом для руководящих работников.

Николай Иванович, воспользовавшись утвердившимся к тому времени «телефонным правом», позвонил в ГПУ, на Лубянку, Феликсу Эдмундовичу, замолвив слово, посоветовал отдать арестованного на поруки хлопотавшему за него брату, Осипу.

Дзержинский принял Мандельштама и, очевидно, вспомнил, что они уже встречались... Сняв телефонную трубку, отдал распоряжение выпустить на свободу Александра Мандельштама. Но следователь не подчинился... Пришлось Осипу явиться на Лубянку с поклоном к вооруженному следователю. Тот встретил не один, с двумя телохранителями, начал убеждать, что в интересах просителя не добиваться освобождения брата. Пришлось снова прибегнуть к заступничеству Бухарина...

С того времени познал автор «Камня», как он говорил, «гепеушное презрение к людям».

По другой линии — литературной — начались неприятности на следующий год.

Как считает биограф поэта Надежда Мандельштам, «его литературное положение определилось уже к 1923 г., когда его имя было вычеркнуто из списков сотрудников всех журналов, а потому вертелись вокруг него стукачи уже в двадцатых годах».

Мандельштам знал, что каждое его сочинение просвечивается рентгеном не только редактуры, цензуры, но и ОГПУ. Тем не менее написал осенью 1933 г. шестнадцать стихотворных строк памфлета, направленного лично против диктатора.

Эти строки читал родственникам, друзьям, знакомым, порой не радовавшимся такой откровенности.

Кто донес? Пока неясно.

Известно, собственноручно стихи записаны автором в мае 1934 г., в кабинете следователя. Ему требовалось

не только признание, но и вещественное доказательство — рукописный текст. Так появился автограф, у которого счастливая судьба.

У следователя имелся первый вариант стихотворения, где в третьей и четвертой строках значилось:

> Только слышно кремлевского горца —
> Душегуба и мужикоборца.

Стихи сохранились в деле, не брошенном в костер, когда в Москве в октябрьские дни 1941-го жгли архивы наркоматов, спешно эвакуировавшихся на Волгу. По просьбе комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама в архиве недавно произвели поиск, закончившийся не только находкой автографа (заслуга научного сотрудника В. М. Маркелова), но и его публикацией.

> Мы живем, под собою не чуя страны,
> Наши речи за десять шагов не слышны,
> А где хватит на полразговорца,
> Там припомнят кремлевского горца.
> Его толстые пальцы, как черви, жирны,
> А слова, как пудовые гири, верны,
> Тараканьи смеются глазища,
> И сияют его голенища.
> А вокруг него сброд тонкошеих
> вождей,
> Он играет услугами полулюдей.
> Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
> Он один лишь бабачит и тычет.
> Как подкову дарит за указом указ —
> Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь,
> кому в глаз.
> Что ни казнь у него, то малина
> И широкая грудь осетина.
> *О. Мандельштам.*

За автором самоубийственных строк явились ночью трое с понятыми.

Нечаянным свидетелем ареста оказалась Анна Андреевна Ахматова. Дело было в Москве, на Арбате, на улице Фурманова, как с 1926 г. называется Нащокинский переулок, на углу с Сивцевым Вражком, где выстроили в начале тридцатых годов кооперативный дом. Его жильцами стали, в частности, Михаил Булгаков с женой Еленой Сергеевной. Впервые в жизни получил квартиру Осип Мандельштам. По тем временам то был хороший вариант: дом в центре, с удобствами, телефоном. Квартира отдельная, хотя и с недоделками.

«Трииадцатого мая 1934 г. его арестовали,— пишет Аииа Аидреевиа...— Ордер иа арест был подписаи самим Ягодой. Обыск продолжался всю ночь. Искали стихи. Мы все сидели в одной комиате. Было очень тихо. За стеиой у Кирсанова играла гавайская гитара. Следователь при этом иашел «Волка» и показал Осипу Эмильевичу. Ои молча кивиул головой. Прощаясь, поцеловал меия. Его увели в семь часов утра, было совсем светло. Надя пошла к брату, я к старым друзьям... Вериувшись домой вместе, убрали квартиру, сели завтракать. Опять стук, опять обыск...»

Найдеииый «Волк» — стихотвореиие, начииающееся словами «За гремучую доблесть грядущих веков...». Одиако искали ие «Волка»...

Что было дальше? Аииа Аидреевна отвечает: «Пастернак, у которого я была в тот деиь, пошел просить за Мандельштама к Бухарииу, я к Еиукидзе в Кремль. Этим мы ускорили и, вероятио, смягчили развязку...

Через пятнадцать дней раио утром Наде позвоиили и предложили, если она хочет, с мужем быть вечером иа Казаиском вокзале. Все было коичено. Х. и я пошли собирать деиьги на отъезд. Давали миого. Елеиа Сергеевиа заплакала и сунула мие в руку, ие считая, кучу денег.

На вокзал мы поехали вдвоем. Заехали на Лубянку за документами. (Так Аииа Аидреевиа узиала, где находится место, куда ей самой вскоре придется иаведываться миого раз...) Осипа очеиь долго ие везли. Мой поезд (с Леиинградского вокзала) уходил, и я ие дождалась... Очеиь плохо, что я его ие дождалась и ои меия ие видел, потому что от этого в Чердыии ему стало казаться, что я иепремеино погибла».

За стихотвореиие Маидельштама сослали на три года в глухой городок на Каме под охраиой трех коивойиых, утешавших ссыльиого, опасавшегося, что его везут иа казнь: «У иас за песни ие расстреливают». Первоиачально была идея отправить иа канал, дать в руки лопату, чтобы перевоспитать. Но потом порешили отказаться от этой затеи, понимая, что такого испытаиия он ие выдержит.

На Лубяике пытали иочиыми допросами, ярким светом ламп, жаждой — кормили солеиым, пить ие давали. За попытку протестовать иадели смирительиую рубашку, отправили в карцер, тем самым иаиесли тяжелую психическую травму.

«Никто не сомневался,— пишет Надежда Мандельштам,— что за эти стихи он поплатится жизнью». Предвидя свой исход, Осип Эмильевич упросил сапожника в подошве сделать тайник, упрятал там бритвенные лезвия. Таким образом пронес их тайком в камеру, где, не выдержав издевательств, сделал первую попытку покончить с собой. До конца замысел не довел, порезав вены на обеих руках, в запястьях.

...Много лет спустя, когда стало известно о сталинских преступлениях, следователь, занимавшийся реабилитацией, говорил писателю Вениамину Каверину:

— Для меня многое ясно, неясно, правда, почему Мандельштам был так мягко по тем временам наказан.

— Я высказал предположение, что Сталин, привыкший к восхвалениям, был, вероятно, ошеломлен прямотой Мандельштама. Что, кстати, и подтверждает его телефонный разговор с Пастернаком, но,— добавил Каверин,— это только мое предположение.

Действительно, такой поэтической пощечины Сталин тогда ни от кого не получал. Автор антологии «Русская муза XX века» Евгений Евтушенко утверждает: «Мандельштам был первым русским поэтом, написавшим стихи против начинавшегося в тридцатые годы культа личности Сталина, за что и поплатился».

Нужно только уточнить, что этот пресловутый культ начинался не в тридцатые, а в двадцатые годы. Если действительно подобные антисталинские стихи первые, тем более удивляет мягкий приговор суда.

Есть несколько причин такой «мягкости». Во-первых, летом 1934 г. до выстрела в Смольном, по сигналу которого начался «большой террор», постепенно набиравший силу и достигший кульминации в 1937—1938 гг., за поэтическое инакомыслие обычно отправляли в ссылку или в лагеря. Наверное, не избежал бы Мандельштам лагеря, если бы за него не заступился считавшийся тогда среди живых талантливейшим Борис Пастернак. Но главным образом — Николай Иванович Бухарин, тогда уже не член Политбюро, но все еще член ЦК партии, редактор «Известий», с которым вождь продолжал поддерживать отношения, некогда самые дружеские.

Знакомство Мандельштама и Бухарина, начавшееся в «Метрополе» в 1922 г., не прервалось, а крепло и длилось до самого ареста. При ночном обыске в Нащокинском переулке нашли и унесли на Лубянку записки Николая Ивановича, связанные с намечавшимися визи-

тами к нему поэта. Встречи происходили, по-видимому, много раз. Если Сталин был злым гением Мандельштама, то Бухарин — добрым, и многое, самое важное, сделал для гонимого и отверженного.

Пик в издательской деятельности поэта относится к 1928 г. Тогда вышли три книги — стихов, прозы и критики. Такое явное чудо никакими общественными процессами объяснить невозможно: ужесточалась цензура, травились инакомыслящие, столь «неактуальный» поэт, как Мандельштам, казалось бы, вообще перестал иметь шансы на книгу. А выходят сразу три!

Все потому, что, пользуясь правом главного идеолога, Бухарин, понимая, какой силы талант Мандельштама, делал для него исключения из правил, властью своей преодолевал преграды, которые сам же вместе с соратниками возводил.

«Всеми просветами своей жизни,— пишет Н. Я. Мандельштам в «Воспоминаниях»,— Ося обязан Бухарину, книга стихов 28-го года никогда бы не вышла без активного вмешательства Николая Ивановича, который привлек на свою стороиу еще и Кирова. Путешествие в Армению, квартира, пайки, договоры на последующие издания, не осуществленные, но хотя бы оплаченные, что очень существенно, так как О. М. брали измором, не допуская ни к какой работе,— все это дело рук Бухарина...»

Кирову звонил в Ленинград: там долго не печатали «Стихотворения», наиболее полное прижизненное издание. Выхлопотал Николай Иванович опальному и персональную пенсию, проведя решение через правительство — Совет Народных Комиссаров СССР.

К заступничеству этого вождя Мандельштам прибегал и когда речь шла о незнакомых людях. Так, узнав случайно, что пяти старикам, банковским служащим, грозит по какому-то поводу расстрел, не успокоился, пока смертную казнь не отменили...

«Мы, большевики,— сказал Бухарин, имея в виду расстрелы, так возмущавшие поэта,— относимся к этому просто, каждый из нас знает, что и с ним это может случиться».

Всем своим существом протестовал поэт против такой простоты. Из всего написанного современниками особенно выделял есенинскую строку:

...не расстреливал несчастных
по темницам.

Поэта не особенно печалило временное отсутствие газа и ванны в его последней квартире.

Квартира тиха, как бумага —
Пустая без всяких затей,
И слышно, как булькает влага,
По трубам внутри батарей...

Печалило другое: как нестерпимую физическую боль ощущал все нарастающий гнет, посещая издательства, журналы, где что-то пытался напечатать, заработать.

Некий просвет наступил после разгона организации пролетарских писателей, неистовых стражей русской литературы. Журнал «Звезда» поместил «Путешествие в Армению». Прошли публичные вечера (с большим успехом) в Ленинграде и Москве. Ему дали в столице аудиторию Политехнического музея...

...В том же стихотворении, датируемом ноябрем 1933 г., читаем:

... А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать —
А я как дурак — на гребенке
Обязан кому-то играть.
Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей.
Пайковые книги читаю,
Пеньковые речи ловлю
И грозное баюшки-баю
Кулацкому паю пою...

Городской житель, тончайший лирик, эрудит, полиглот, казалось бы, такой далекий от масс, переживших индустриализацию и коллективизацию, не имевший ни одного родственника у станка или в деревне, мучился той же болью, что и народ, не желая приравнивать перо к штыку, колоть кулаков, врагов народа.

Он раньше многих, если не первый среди великих современников — поэтов, увидел пропасть, куда катилась держава.

Давно почва ушла у него из-под ног, жил «не чуя страны». В новую квартиру непрошеным гостем вошел и навсегда поселился страх.

И вместо ключа Иппокрены
Давнишнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.

В отличие от современииков никогда ие обольщался все громче заявлявшим о себе вождем. Если Пастернак по просьбе Н. И. Бухарина иаписал в иачале тридцатых годов стихи, воспевающие Сталииа, положив в осиоваиие поэтического моиумеита вождю краеугольиый камеиь, то Маидельштам уже тогда полиостью осозиал, что за человек правил в Кремле.

Задолго до ареста поиял: будущего у него иет.

«Я очеиь запомиила одии из иаших тогдашиих разговоров о поэзии,— пишет А. А. Ахматова.— Осип Эмильевич, который очеиь болезненно переносил то, что сейчас называют культом личиости, сказал мие: «Стихи сейчас должиы быть граждаискими...

И прочел ей стихи о Сталиие, за которые заплатил жизнью.

Когда в мае 1934 г. Осип Маидельштам оказался иа Лубяике, то Борис Пастернак постучался за помощью в те же двери — к Николаю Иваиовичу, к иему же явилась жеиа арестоваииого. За какие имеиио стихи арестовали — Бухарии точио ие зиал, да и у просителей полиой ясиости ие было. Бухарии написал ходатайство, обратившись к бывшему лучшему другу — Сталииу. Поскольку в то время одной его просьбы уже недоставало, Бухарии сослался также иа Пастернака.

После чего состоялся телефоииый разговор с Пастериаком.

Сталин, в юности писавший стихи иа русском языке, хотел удостовериться, действительно ли Маидельштам — большой поэт и его следует пощадить. Выговорив Пастериаку, что тот слабо борется за друга, и услышав в ответ, что Маидельштам ие совсем друг, вождь далее спросил:

— Но ведь ои же мастер? Мастер?

Пастернак: Да дело ие в этом.

Сталин: А в чем же?

Пастернак: Хотелось бы встретиться с вами. Поговорить.

Сталин: О чем?

Пастернак: О жизни и смерти.

Вождь бросил трубку, но утвердительиый ответ на вопрос о мастерстве получил, если ие до коица от Пастернака, то от других литературных консультаитов, иедостатка в которых тогда не испытывал.

Пастериак поимал, что стихи о Сталине, которые ои ие приият, слушая в авторском исполиеиии на Твер-

ском бульваре, лишь эпизод трагедии, которая иадвигается на страиу, иарод, писателей в частиости. Поэтому хотел как-то повлиять иа вождя, смягчить, возможио, его сердце.

Так пытались делать поэты в другие эпохи, повлиять иа самодержцев, в том числе Пушкии, призывавший Николая Первого проявить милость к осуждеииым декабристам.

Отдав Маидельштама судьям иа Лубяике, Сталии, одиако, предопределил сравиительио «мягкий» приговор формулой: «Изолировать, ио сохраиить». О ией узиала иа свидании в тюрьме от следователя и доиесла до иас жеиа поэта.

«Изолировали» иа три года в Чердыиь, до особого распоряжеиия, поиимая, что иикуда Осип Эмильевич ие деиется вместе с вериой подругой Надеждой Яковлевной, последовавшей за иим добровольио в ссылку.

Не учли, что «сохраиять» себя страдающий Маидельштам, помрачившийся иа Лубяике в уме, ие захочет.

С пристаии жена отвезла мужа в больиицу, где его поместили в палату иа втором этаже.

Отсюда ои под утро выпрыгиул из окиа, к счастью упав иа вспахаииую для клумбы землю. Вторая попытка покоичить жизиь самоубийством также оказалась иеудачиой. Но руку повредил иавсегда.

Вот тогда Надежда Маидельштам в отчаяиии дала в Москву телеграммы. Когда, оказавшись вскоре в столице, оиа зашла в «Известия» и попыталась пройти в кабииет главного редактора, ей пришлось пережить тяжелую сцеиу, заветиая дверь перед ией ие открылась.

«Какие страшиые телеграммы вы присылали из Чердыии,— с упреком сказала секретарша и скрылась в кабииет для доклада. Вышла оттуда чуть ие плача.— Николай Иваиович ие хочет вас видеть, какие-то стихи...» Больше я его ие видела,— заключает Надежда Яковлевиа.— Ягода прочел ему иаизусть стихи про Сталииа, и ои, испугавшись, отступился».

Прииять в кабииете официальио ие решился, сам доживал последиие годы...

Одиако помог.

Из Чердыии было разрешеио без коивоя проследовать в Вороиеж, где и пролетели три года ссылки. Там, иа родиие Кольцова и Платоиова, опальиый поэт в 1934—1937 гг. сочииил стихи, которые отиосятся к вер-

шинам не только его творчества, но и русской поэзии, куда удалось подняться в XX веке немногим.

Когда-нибудь литературоведы издадут антологию стихотворений о Сталине с примечаниями, при каких обстоятельствах они появились на свет. Пастернак написал их в период короткого потепления 1934 г. в надежде, что Сталин прекратит террор. Ахматова сочинила их в послевоенные годы, когда сын сидел в лагере и ей пообещали, что таким путем она добьется его освобождения. Мандельштам написал хвалебные стихи о Сталине в 1937 г., когда пришел конец ссылке, надеясь, очевидно, таким путем доказать, что и он не враг народа. Он пытался зарифмовать с огромными усилиями то, что, не уставая, твердила пропаганда: о сталинской клятве, побегах Сталина из ссылки, о том, что Сталин — это Ленин сегодня...

И шестикратно я в сознанье берегу,
Свидетель медленный труда, борьбы
и жатвы,
Его огромный путь — через тайгу
И ленинский Октябрь —
до выполненной клятвы...

Другой стих заканчивается строчками:

И промелькнет пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить разум и жизнь Сталин.

Последняя строка этих стихов за рубежом, в трехтомнике, и в журнальной недавней публикации дана в иной редакции:

Будет губить разум и жизнь Сталин.

Образ душегуба был и в первом варианте самоубийственных стихов о Сталине, замененный позднее на другой — кремлевского горца...

... Ему на год вернули относительную свободу. Без права жительства в Москве и многих других городах. Тем не менее свободнее всего он чувствовал себя на скамейке Тверского бульвара, где видели его сидящим с женой.

Домой приходили таясь. Но как было утаиться от всевидящего глаза, если во второй комнате когда-то его отдельной кооперативной квартиры жил незаконно прописанный постоянный соглядатай, он же писатель Ко-

стырев, сообщавший куда следует о нарушении паспортного режима соседом.

«В мае 1937 г. Мандельштамы вернулись в Москву, к «себе» в Нащокинский. Я в это время гостила у Ардовых в том же доме. Осип был уже больным, много лежал. Прочел мне все свои новые стихи, но переписывать не давал никому...

Уже год как, все нарастая, бушевал террор. Одна из двух комнат Мандельштама была занята человеком, который писал на них ложные доносы, и скоро им стало нельзя даже показываться в этой квартире. Разрешения остаться в столице Осип не получил. Х. сказал ему: «Вы слишком нервный». Работы не было. Они приезжали из Калинина и сидели на бульваре».

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

После воронежской ссылки наслаждаться природой оставалось год... Можно было селиться только за сто первым километром от столицы. Там жил у хороших людей — рабочих, владевших деревянным домом, сдававших от нужды комнату... Читая газеты из Москвы, где все больше места занимали портреты Сталина, отчеты о судах над врагами народа, Мандельштам ужасался, что никто из его соратников даже пальцем не шевельнул, чтобы помешать вождю захватить власть. Наоборот, все помогали ему загонять в угол очередную жертву.

Прочитав известие об аресте Станислава Косиора, который незадолго до этого сам в газете клеймил врагов, сказал:

— Сталину не нужно рубить головы, они слетают сами, как одуванчики.

Наезжая нелегально в Москву, глядя с высоты пятого этажа на город, раздумывал, а не броситься ли еще раз из окна вниз головой... Ему помогали друзья, чем могли. Часть последнего лета прожил на деньги, которые дали писатели Катаев, Петров, актер Михоэлс. Однажды, выйдя, как всегда, ни с чем из Союза писателей, нашел в кармане кем-то незаметно вложенные 300 рублей. Возможно, то было «дело рук» Суркова, тогда еще молодого, далекого от власти поэта.

Посещая кабинеты Союза писателей, вел себя так, будто не был лишен прав,— шумел, требовал, настаивал.

В начале марта получил путевку сроком на два месяца в санаторий, где лечили нервные болезни, брал ее в руки как пропуск в жизнь, появилась последняя надежда... Ему сказали, что путевка — «общественный ремонт здоровья». Он поверил...

В том же марте в Москве начался процесс над тем, кто спасал жизнь Мандельштаму, писал письмо Сталину, ходатайствовал за него.

Письмо Бухарина попало на Лубянку, в надежные руки. Они дотянулись второй раз до поэта, когда никто больше из близких вождю людей не стал бы за него просить, никто из руководства Союза писателей также бы не заступился. Есть подозрение, что как раз в этом «союзе» дали добро на арест. Во всяком случае адрес уехавшего из Москвы за сто первый километр могли сообщить органам только там, где выдавали путевку.

Второй арест последовал, как и первый, в мае, спустя четыре года после того, как увели его на рассвете...

Последним московским жилищем стала Бутырская тюрьма, как звали ее в старину — Бутырский замок, не без некоторых удобств для заключенных сооруженный по проекту Матвея Казакова в «просвещенный век» Екатерины II, стремившейся придать европейские формы даже таким казенным домам.

Сюда доставили с Лубянки, где сняли отпечатки пальцев, сделали последние прижизненные фотографии зэка Мандельштама в профиль и фас. Эти фотографии под пятизначным номером 93145 поместили в папку личного дела с пометкой «Срок хранения — постоянно».

Таким образом, остались два поясных портрета хорошего качества. Как предписывалось правилами съемки, заключенный глядел пристально, не моргая, в объектив. На нас смотрит человек обреченный.

На обложке дела — даты. 3 мая 1938 г. — день ареста. 4 августа — день перевода в Бутырку. За два дня до этого Особое совещание, как назывался суд скорый и неправый, слушало дело о Мандельштаме Осипе Эмильевиче, 1891 г. рождения, сыне купца, эсере. Постановили: «Мандельштама Осипа Эмильевича за к/р (то есть «за контрреволюционную деятельность».— *Л. К.*) заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет, считая срок с 30 апреля 1938 года», с момента подписания ордера на арест.

После заочного слушания дела арестованный узнал о своей участи, в чем расписался: «Постановление ОСО читал. О. Э. Мандельштам».

Пять лет лагерей в 1938 г. — наказание сравнительно мягкое. Судьи поступили так вторично, исходя из все той же формулы вождя: «Изолировать, но сохранить». Но никогда Осип Мандельштам к партии эсеров не принадлежал, как и к любой другой.

С чего судьи взяли, что арестованный — эсер? По-видимому, им было известно, что печатался он в выходившей в Москве газете «Знамя труда». Ее издавала партия социалистов-революционеров, тогда еще не объявленная вне закона.

Из лагеря писал брату в Москву, что его этап выехал 9 сентября, приехал 12 октября. Эта же дата подтверждается анкетой в личном деле с пометкой «Срок хранения — постоянно».

По документам, 27 декабря 1938 г. поэт-страдалец умер от паралича сердца. Надежда Яковлевна у бывших узников собрала свидетельства, из которых явствовало, что муж ее прожил в лагере недолго. Сознание его вторично, как в ссылке в Чердыни, помутилось. Воля к жизни угасла. Ему казалось, что его хотят отравить...

Человек, видевший его в день кончины, работал в 1988 г. массажистом института физкультуры в Ленинграде. Он сказал:

«Я стал его руки складывать, а они мягкие, они сложились крестом. Руки были мягкие!

Но его унесли».

Почти у самой границы Москвы, на западной окраине, есть старое бывшее сельское кладбище, оказавшееся в черте города. У стен церкви захоронена Надежда Яковлевна, до конца исполнившая долг, сохранившая наследие мужа, память о нем. Замечательный по полноте, научному аппарату трехтомник стихотворений и прозы (а также дополнительный том) вышел двумя изданиями за границей. Там же сначала появились исследования московских литературоведов, книги воспоминаний жены поэта, которые можно отнести к образцам лучшей мемуарной прозы. К столетию со дня рождения Осипа Мандельштама выйдет в Москве наиболее полное издание его сочинений. Ни один из великих поэтов не возвращается к народу так поздно, с таким трудом.

...Рядом с крестом над могилой Н. Я. Мандельштам почитателями поэта поставлен камень с надписью: «Светлой памяти Осипа Эмильевича Мандельштама». Он похоронен где-то в Приморье, на кладбище бывшего лагеря «Вторая речка».

И. П. Рашковец

ПОЧЕМУ ПРОВАЛИЛСЯ «МОЛОДЕЖНЫЙ ПРОЦЕСС»

Чем дальше отодвигается от нас страшное время сталинских репрессий, тем больше обостряется потребность в их всестороннем изучении и анализе. И это, думаю, закономерно. Без глубокого осмысления прошлого — если даже отдельные этапы его были предосудительно позорными — строить светлое будущее трудно, а то и невозможно. Познание ошибок обязывает нас искать пути их преодоления, разрабатывать гарантии против их повторения. Не сбросив шоры застаревших предрассудков, нельзя уверенно смотреть в грядущее.

Что же касается людей, оказавшихся в водовороте поистине вселенского произвола, то о них следует писать и писать. В противном случае история наша недосчитается одной из глав, объясняющих целый этап пробуксовки на путях строительства новой жизни.

Активная реабилитация невинных жертв молоха репрессий 30-х годов практически началась в 1954 г. Этому предшествовали два потрясших страну события: смерть «великого кормчего» и расстрел одной из самых зловещих фигур сталинского окружения — Лаврентия Берии. Именно тогда автор этих строк был назначен в Главную военную прокуратуру (ГВП) на должность прокурора управления по делам спецподсудности. Мне и моим коллегам довелось увидеть, а точнее, ощутить своим нутром всю глубину трагедии, постигшей советских людей в 30-е и последующие годы. Чтобы восстановить справедливость, следовало выработать новые, надежные приемы углубленной проверки жалоб и архивных уголовных дел в отношении репрессированных, «разобрать» огромные завалы наветов, фальсификаций и самооговоров.

Уже через год в Главной военной прокуратуре дополнительно формируются спецотделы, в большинстве своем из выпускников Военно-юридической академии (нужны были юристы, «не отягощенные ошибками прошлого»). Кураторами этих отделов назначаются грамотные, высокопрофессиональные прокуроры Б. А. Вик-

торов, И. М. Максимов, Д. П. Терехов и др. Общее руководство «реабилитационной» работой осуществляли Главные военные прокуроры Е. И. Варской и А. Г. Горный.

Сегодня мы хорошо осведомлены о том, каких чудовищных размеров достигло уничтожение советских людей, официально нареченное борьбой с врагами народа. А тогда?.. Тогда все доказательства, положенные в основу обвинений, надо было осмысливать заново и тщательно перепроверять, установить факты необоснованных доносов, шантажа и провокаций, допросить оставшихся в живых людей, истребовать чудом сохранившиеся достоверные характеристики и документы.

И пусть читатель не сочтет тривиальностью, если скажу, что только здесь мне по-настоящему стал понятен смысл изречения: «Сколько людей — столько и судеб». Особенно остро я это ощутил, расследуя дела «по вновь открывшимся обстоятельствам» в отношении осужденных руководящих комсомольских работников. В безбрежном половодье массовых «признаний» арестованных по обвинению в принадлежности к антисоветским организациям — негодующие слова протеста против дикого произвола чаще всего вырывались из уст молодых. Это не только удивляло, но и восхищало.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ИЗБРАННИЦЫ НАРОДА

При подготовке этого очерка перечитал немало публикаций, заново перелистал десятки архивных дел, беседовал с теми, кто участвовал в работе по реабилитации. Убедился, к великому сожалению, что из репрессированных комсомольских вожаков в живых остались единицы. Среди них — Валентина Федоровна Пикина. Та самая молодая, задорная ленинградская комсомолка Валя Пикина, которая на X съезде ВЛКСМ была избрана секретарем ЦК, а в декабре 1937 г.— депутатом Верховного Совета СССР. Сегодня о ней слагаются легенды. И не без основания. Оказавшись волею судеб в самом пекле беспрецедентных событий, связанных, по сути, с уничтожением комсомольского актива, Валя не сломалась, не пошла на предательство.

Даже в тюремных застенках Лубянки и Лефортова, несмотря на пытки, она не только отказалась подписать сфальсифицированные следствием протоколы, но и

делала все возможное для того, чтобы сорвать готовившийся открытый судебный процесс и предотвратить глобальную расправу над своими товарищами, кого по праву называли цветом комсомола.

Встречи и беседы с Валентиной Федоровной заставили еще раз переосмыслить события полувековой давности. Интересная собеседница, на удивление добрая и энергичная, она сохранила в памяти массу неординарных ситуаций и фактов той смутной поры, имена и точные характеристики товарищей по совместной работе или учебе. И не просто запомнила, а сумела выстроить их в логически обусловленный порядок, благодаря чему удалось докопаться до корней интересующих нас событий.

Но сначала о самой Пикиной, об истоках ее жизнеутверждающей натуры.

Валя росла и воспитывалась в семье петроградских рабочих. Ее отец — Федор Иванович, партиец со стажем, работал в типографии. Он много читал и старался привить любовь к книге своим детям (у Вали было еще два младших брата). Мать — Александра Васильевна тоже хорошо знала литературу, любила театр. Участница революционных событий 1905 г., она до замужества работала на фабрике «Светоч». После Октябрьской революции дважды избиралась членом Ленсовета.

— В нашей семье, сколько я помню,— рассказывала Валентина Федоровна,— всегда были доверительные отношения, без особых сантиментов и мелочной опеки. Отец держал себя с детьми как бы на равных и буквально культивировал авторитет матери. А она, деловая, жизнерадостная, успевала и все переделать по дому, и контролировать нашу учебу, и хотя бы изредка посещать театр. Когда удавалось выкроить время, и нас, детей, брали на просмотр новых постановок и кинофильмов. Лучшим подарком в семье считалась книга.

И еще: в доме тогда много говорили о революции, о Ленине, вслух читали и комментировали большевистские воззвания, декреты молодой Советской республики. А в городе, я бы сказала, царила необычная духовная приподнятость, люди жили надеждой на лучшее завтра.

Это было удивительное, по-своему счастливое время беспокойных дел. Время исканий и свершений. Одновременно росли активность и самосознание масс, множились отряды устремленных в будущее молодых людей. Они были готовы к преодолению любых трудностей во имя новой, светлой жизни на земле...

В такой обстановке формировалась жизненная позиция Валентины Пикиной. Главным смыслом ее стало

служение народу. В 14 лет, окончив реальное училище, она начала работать на таможне, а через год перешла на завод «Севкабель». Труд рабочей Валя успешно совмещала с учебой в комвузе. Много времени отводила комсомольской деятельности: сначала в качестве заместителя секретаря заводского комитета, затем — заведующей отделом труда и образования Василеостровского райкома ВЛКСМ. В 1930 г. она вступила в партию, но комсомольской работы не оставила, заведовала отделом кадров в Ленобкоме комсомола. Ей довелось не раз участвовать в совещаниях у С. М. Кирова, где обсуждались проблемы фабрично-заводского обучения молодежи. Об этом Валентина Федоровна вспоминает с особой теплотой. После X съезда комсомола она переехала в Москву, так как была избрана секретарем Центрального Комитета ВЛКСМ. Здесь Валентина сразу же с головой окунулась в работу. Генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ был в то время Александр Косарев, которого она знала еще по Ленинграду. Недюжинные организаторские способности комсомольского вожака были общеизвестны.

— В Александре Васильевиче меня восхищало сочетание добропорядочности, демократичности и деловитости,— вспоминала Валентина Федоровна.— Он призывал нас не только овладевать суммой знаний, добытых человечеством, но и вырабатывать в себе волю, инициативность, безукоризненную честность. Нашу работу пронизывали энергия, кипение. Энтузиазм, скажу вам, был неподдельным, в отношениях преобладали доброжелательность и искренность. Мне казалось, что подобный настрой был присущ тогда большинству советских людей. И вдруг такое: тотальное разоблачение враждебных происков во всех сферах нашей жизни, во всех, казалось бы, вчера еще спаянных, сработавшихся коллективах! В отношениях единомышленников нередко возникала труднообъяснимая напряженность. Незримо, исподволь вползали в душу недоверие, подозрительность. Вскоре мы узнали и об арестах среди комсомольских работников.

ТРЕВОЖНОЕ НАЧАЛО, ИЛИ ИСТОКИ

Действительно, в июле 1937 г., не поставив в известность даже членов Бюро ЦК ВЛКСМ, «воронки» НКВД «бесшумно» увезли на Лубянку секретарей ЦК Дмитрия Лукьянова и Евгения Файнберга, вслед за ними — заведующего орготделом Льва Герцовича. После этого в аппарате Цекамола, казалось, наступило затишье. Изучение архивных документов свидетельствует, что аресты комсомольских вожаков первоначально были осуществле-

ны главным образом на периферии — как бы спонтанно, «попутно» с арестами руководящих партийных и советских работников областей и республик. Коснулось это прежде всего Украины, Поволжья, Сибири, Ленинграда, северо-западных регионов страны. В июне — июле, например, в мясорубку репрессий угодили первые секретари Дальневосточного крайкома Павел Листовский, Саратовского обкома — Михаил Назаров, ЦК ЛКСМУ — Сергей Андреев. Несколько позже такая же участь постигла бывших первых секретарей обкомов: Ленинградского — Алексея Савельева, Ивановского — Зину Адмиральскую, Московского — Василия Чемоданова, который к моменту ареста уже работал ответственным секретарем КИМа. Да разве в одной публикации всех перечтешь!

Вели себя эти люди на следствии и в суде по-разному; неоднозначно сложилась и их судьба: одни были расстреляны, другие отправлены в лагеря НКВД. Но прямых показаний с выходом на Косарева и членов Бюро ЦК ВЛКСМ пока не было. Пока...

Первой «ласточкой», громко и тревожно постучавшей в дверь Центрального Комитета комсомола 21 июля 1937 г., стал вызов к Сталину комсомольского генсека Александра Косарева, секретарей ЦК Валентины Пикиной и Павла Горшенина.

Пригласив вошедших сесть, вождь сразу же начал с упрека: в комсомоле орудуют враги, а руководство ЦК ВЛКСМ благодушествует, не помогает органам разоблачать их. Оглядев взволнованные лица присутствующих, Сталин предложил Ежову рассказать, как в комсомольских организациях идет борьба с врагами народа. Нарком докладывал стоя:

— Недавно в Саратове арестован первый секретарь обкома комсомола Назаров. Он признался, что был участником контрреволюционной организации. Назвал соучастников...

Среди них не было фамилий находившихся на этом совещании. Теперь мы знаем, что незадолго до ареста Михаил Назаров был переведен в обком партии, но это не спасло его от сфальсифицированного обвинения в «развале комсомольской работы в районах» и других антисоветских деяниях.

— Тяжелый то был разговор,— с горькой усмешкой вспомниает Валентина Федоровна.— Косарев, как бы оправдываясь, попытался объяснить, что комсомол не имеет ннкаких «компроматов» на своих работннков, а НКВД арестовывает людей, не ставя об этом ЦК в нз-

вестность. Я тогда дерзнула усомниться в виновности Назарова, сказала, что хорошо знаю Михаила: выросли мы с ним в одной Василеостровской комсомольской организации Ленинграда. Недавно была в Саратове на пленуме обкома комсомола, осталось исключительно благоприятное впечатление... Но Сталин напоследок, казалось с досадой, отчитал нас за политическую слепоту и резюмировал: «Вам надо пересмотреть позиции и возглавить борьбу с врагами народа». Из Кремля мы уходили подавленные. Но руки не опустили. Старались работать еще энергичнее, активнее. Однако разглядеть врагов народа в своих рядах нам по-прежнему не удавалось. В душе между тем назревал какой-то разлад, незаметно закрадывался червячок сомнения в правильности действий НКВД.

В докладе на V пленуме ЦК ВЛКСМ Пикина резко выступила против ошибок, допущенных комсомольскими организациями при исключении из комсомола, против формально-бюрократического отношения к апелляциям исключенных из ВЛКСМ, предложила меры по устранению этих недостатков. Выступление было одобрено пленумом и опубликовано отдельной брошюрой. Но после ареста в нем же «усматривались» попытки защитить врагов, исключавшихся из комсомола.

Июльский вызов к вождю Валентина Федоровна считает сегодня началом подготовки открытого процесса по так называемому комсомольскому делу. Похоже, как она выразилась, что и на это «у Сталина существовала какая-то дьявольская очередь».

Однако анализ имеющихся документов и архивных дел, сопоставление ныне известных фактов и обстоятельств дают основание утверждать, что условия для организации еще одного кровавого судилища к тому времени не назрели. И о нем пока не заходила даже речь. Ведь только-только, буквально в течение полугода, в стране прошли два больших неординарных открытых судебных процесса — по разоблачению так называемого антисоветского троцкистского центра и «заговора» в Красной Армии. И уже готовился третий, не менее громкий,— осудивший участников «правотроцкистского блока».

Главный палач репрессивного ведомства Ежов, вступивший в должность наркома в конце 36-го, на той дистанции, как видно, выдохся. Набрать второе дыхание ему уже не довелось — финишная прямая оборвалась. К августу — сентябрю 1938 г. на беговую дорожку, изрядно утрамбованную предшественниками, вышел Берия. С новыми силами. С новыми замыслами. Хотя и... со старыми приемами. Ему-то и предстояло детально разработать и осуществить идею молодежного открытого

процесса. Эта задумка импонировала новоиспеченному наркомвнуделу не только своей оригинальностью и масштабностью, но еще и тем, что с комсомольским генсеком у него были личные счеты. Прямодушный, начисто лишенный лукавства Косарев имел неосторожность в 1936 г. за ужином с Багировым отрицательно высказаться в адрес руководства Закавказья. А тот, естественно, проинформировал об этом своего друга Лаврентия — бывшего первым секретарем Закавказского крайкома партии. Такое Берия не прощал. И лишь, до поры до времени затаившись, выжидал удобного момента для расправы.

ИСПЫТАНИЕ НЕПОКОЛЕБИМОСТЬЮ УБЕЖДЕНИЙ

Такой момент, как теперь мы знаем, наступит лишь к концу 1938 г. А пока Александру Косареву, секретарям ЦК предстояло пережить августовский (1937 г.) пленум Центрального Комитета ВЛКСМ, о результатах которого в передовой «Правды» писалось, что «оголтелые враги народа... пользуясь идиотской болезнью политической слепоты ряда руководящих работников из Бюро ЦК ВЛКСМ, и в первую очередь т. Косарева, делали свое подлое, грязное дело». Им ставилась в вину потеря большевистской бдительности и то, что они проглядели «особые методы подрывной работы врагов народа в комсомоле». Тогда же в целях укрепления руководящего ядра ЦК были избраны секретарями Серафим Богачев (из Москвы), Сергей Уткин (из Ленинграда), Константин Белобородов (из Горького).

Одновременно на местах продолжались аресты комсомольских лидеров, о чем руководство Цекамола попрежнему узнавало «постфактум». Не было известно и о том, как вели себя арестованные в тюремных застенках.

А между тем для поддержания постоянного ритма «жертвенных маховиков» исполнители репрессивного аппарата изобрели немало способов фабрикации дел: выколачивание пытками, иезуитское нашептывание, что это-де необходимо в интересах партии и народа, посулы сохранить семью. Весьма метко, по-моему, Н. Потапов («Правда», 31 марта 1989 г.) назвал семью ахиллесовой пятой «врагов народа». Многие, казалось бы сильные люди, попадались на эти, по сути, негодные обещания не тро-

гать родных. Негодные потому, что они практическн не выполнялнсь.

В чем же пснхологнческие причнны духовной капитуляцнн, толкавшне арестованных «действовать» по сценариям, сработанным опрнчннкамн, как правило, неубеднтельно, вчерне, наспех?

Пкнна объясняет этот феномен однозначно:

— Снaчала человека ошарашнвали виезапность ареста и «силовой» прнем, вызывавшне нередко стрессовое состояние. Ну а дальше все зависело от волевых и пснхологических качеств самого арестоваиного: сильиый, убежденный, еслн его н выиуднли подпнсать иа первом этапе какую-то фальшнвку, затем отрекался от нее и боролся с костоломамн уже до конца. Не обладавший бойцовскими качествамн и, не дай бог, проинкшийся жалостью к самому себе, плыл, как загнпнотизнрованиый, «по течению», указаниому следователямн. Встречалнсь, к сожалению, и такне, кто в иадежде спастнсь подпнсывал любую клевету иа других. Но это единнцы.

С этнм мненнем Валентнны Федоровны трудно не согласиться. Перелистывая сегодня дела репресснрованных, убеждаешься, что от данных на следствнн «прнзнательных» показанний многне отказывались в суде нли сразу же после «выхода» нз шока. А «твердокаменные» находнлн в себе снлы не пойтн на «компромнсс» с палачами на протяжении всего следствня.

Изучая в 1955 г. матерналы уголовного дела Алексея Павловича Савельева, я был буквально потрясен. Арестованый Ленииградским УНКВД в ноябре 1937 г., он перенес столько изуверскнх способов «выбнвання» показанний, что в нтоге был парализован, потерял сознание. Более трех месяцев пролежал в тюремной больиице, выдюжил. Встав на костылн, учнлся заново ходнть. Но н после этого не сломался, ие подпнсал нн одной сфальснфнцнрованиой строкн. Отверг начнсто все клеветннческие показания, «уличавшие» его в прннадлежностн к «правой организацин, подрывающей дело коммуннстического воспнтаиия молодежи». Не прнзнал себя внновным и иа выездиом заседанни Военной коллегни Верховного суда СССР в Леиннграде. Савельев был прнговореи к 10 годам нсправтрудлагерей на основанни прнобщенных к делу выписок нз показаний «разоружнвшнхся», как тогда говорнлн, врагов иарода — его коллег по комсомольской работе. Хотя у тех, мы знаем, подобные показання были «вырваиы» силой.

Не смнрился Алексей Павлович и в Норильске, о чем свидетельствуют его жалобы иа нмя Сталнна. Вот одиа из инх, датнрованиая 30 августа 1939 г.:

«Не являясь внновиым н категорнческн отвергая иа следствни всю ложь, клевету, возводнмую на меня, твердо решнв лучше умереть, чем отступнть хотя бы на шаг от правды, я был снстематнческн, иеоднократно нзбиваем следователями Готлнбом, Федотовым, Драинцыным и другнмн. С 19 декабря 1937 года по 4 февраля 1938 года я выстоял свыше 500 часов на так называемой «стойке», подвергался

мучительным моральным и нравственным издевательствам и был доведен до такого состояния, что после 38 допросов, шедших непрерывно, на носилках был увезен в больницу».

Уже после реабилитации, в 1955 г. Савельев рассказывал мне, что осознавал опасность таких жалоб, но шел на это, считая, что Сталин не знает всей потрясающей глубины произвола, творящегося на местах. «Наивно,— говорил он с иронией,— но факт: надеялся, что хоть одна из подобных жалоб дойдет до вождя».

Удивительный, непостижимый человек Савельев: после реабилитации он в пятидесятилетнем возрасте оканчивает истфак университета (приняли в порядке исключения). «Хотя и поздно, но все-таки осуществил свою юношескую мечту». Трагедию сталинизма видит в комплексе — историческая обстановка плюс личностные качества вождя: «Для миллионов он был непререкаемым вождем партии, осуществившей революцию и возглавившей строительство коммунистического общества. Этим и пользовался Сталин. А режим и власть его во многом держались на приспособленцах и равнодушных людях». Деятели из ближайшего окружения типа Берии — Кагановича, по его мнению, были не просто активными проводниками линии вождя, но и главными инициаторами наиболее подлых, античеловечных «мероприятий» по истреблению цвета российского народа и его культуры.

И еще. Алексей Павлович рассказал, что среди обвинительных формулировок следствия основной была: «за связь с врагом народа Вайшлей». Требование дать с ним очную ставку не удовлетворили. Почему?

Бывший первый секретарь Ленинградского обкома и горкома комсомола Иосиф Станиславович Вайшля к моменту ареста 1 ноября 1937 г. работал секретарем Иркутского обкома ВКП(б). Этапировав его в Ленинград, хозяева «Большого дома» на Литейном встретили «гостя» так, что чуть ли не с ходу он «собственноручно» написал заявление на имя начальника УНКВД Заковского, признавая себя участником «антисоветской группы правых», в которую был завербован в 1935 г. Чудовым. Неделей позже Иосиф Станиславович категорически отверг это обвинение. Но следователи не могли посрамить свое искусство выколачивания показаний и подготовили текст нового протокола допроса с перечислением «завербованных» им комсомольских работников: Швецова, Тамми, Авербуха, Криволапова... («На этом,— как записано в протоколе,— допрос прерывается».) Пытаюсь разобраться, что же произошло дальше. «Ясность» вносит докладная лейтенанта госбезопасности Гармаша от 11 декабря. В ней несколько строк, констатирующих, что 28 ноября, вернувшись в камеру с допроса в шесть утра, арестованный Вайшля покончил с собой: повесился на куске одеяла, прикрепленного к паровой трубе. Так ли это было и почему Гармашу потребовалось две недели на подготовку столь лаконичной докладной, остается на совести хозяев «Большого дома». «Мертвые сраму не имут» — говаривали древние.

Многое прояснили оставшиеся чудом в живых А. Тамми, С. Уткин, с которыми мне довелось беседовать в период реабилитации. Александр Карлович Тамми рассказал, что особенно лютовали следователи Федотов и Готлиб, работавшие под началом капитана госбезопасности Карпова и майора Шапиро. Добиваясь нужных показаний, они били жертву резиновыми жгутами, пряжкой ремня, сапогами. Сломленный на первых порах, Тамми подписал фальшивку, заготовленную ими. Но затем отказался от вынужденных показаний. Вторично сломить его не удалось. Обвинительное заключение, построенное на выписках из «признательных» показаний других арестованных, утвердили майор

госбезопасности Хатеневер и прокурор Рогинский. В суде он также виновным себя не признал.

— Судить меня,— горько шутил Тамми,— удостоили Ульриха вместе с генералами Алексеевым и Колпаковым. Дали срок. Может, потому, что рассказал им о фальсификации?

Почти аналогично сложилась и судьба Сергея Алексеевича Уткина. Только в лагерь он был отправлен в июне 1939 г. не судом, а Особым совещанием. А реабилитирован 1 декабря 1954 г...

Обстановка в комсомольских организациях с каждым днем осложнялась. Таяли ряды единомышленников-активистов. Косарев нервничал, недоумевал: откуда у нас столько врагов? Пытаясь разобраться с положением дел на местах, отправлял в командировки работников аппарата, выезжал сам. Вернувшись с Украины после проверки работы двух областных комсомольских организаций, он 3 октября 1937 г. пишет записку на имя Сталина. В ней Косарев резко обвиняет тех руководителей, которые огульно, без разбора и надлежащей проверки, исключают из рядов комсомола честных людей. Резюмирует, что такая «самостраховка выгодна только врагам нашей партии». Вызов был смелый и дерзкий. И это ему впоследствии зачтется.

А тут еще Мишакова — инструктор ЦК ВЛКСМ. В обстановке, требовавшей мужества и трезвой принципиальности, она встала на путь инсинуаций, соучастия в беззакониях. Прибыв в Чувашию на областную конференцию комсомольской организации, этот «полпред Центра» развернула там активную борьбу с «врагами народа». Самоуправно отменив конференцию, она добилась исключения из комсомола секретарей обкома Самыкина и Терентьева. Обвинила партийные органы в отсутствии бдительности и пассивности. Естественно, оттуда пошли в Москву обоснованные жалобы.

Косарев, по словам Пикиной, буквально негодовал. 8 марта 1938 г. он собрал Бюро ЦК ВЛКСМ, решением которого Мишакова была отстранена от должности инструктора. В постановлении Бюро отмечалось, что она «допустила грубейшие ошибки, в силу чего люди честные, преданные партии зачислялись в разряд политически сомнительных, а то и пособников врагов народа».

Но справедливый шаг, предпринятый Косаревым и членами Бюро, вскоре обернется против них же самих. «О, времена! О, нравы!» — воскликнули бы древние. Но то — древние... И какое, собственно, до них дело Ольге Мишаковой. Затаив животную злобу, она через семь месяцев напишет самому Иосифу Виссарионовичу жало-

бу — донос на «косаревскую банду» — и вскоре будет вознесена на пьедестал почета как героиня, пострадавшая за «разоблачение врагов народа в Чувашии».

«ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ» ФАРИСЕЕВ

Если прибегнуть к военной терминологии, то наступательная операция под кодовым названием «Комсомол» начала стремительно развиваться во второй половине 1938 г. Наряду с активизацией на периферии, аресты все чаще стали проводиться и в аппарате ЦК комсомола. Все более «грозные» передовые статьи, обличавшие его руководство в недостаточно активном «очищении комсомола от враждебных элементов», появлялись в центральной прессе. Очередными жертвами органов НКВД стали секретари ЦК Константин Белобородов, Петр Вершков, Павел Горшенин, заведующий отделом Виктор Сорокин, управделами Давид Розин.

Именно это время, по моему убеждению, и стало началом непосредственной подготовки открытого право-троцкистского молодежного процесса. В картотеке Пикиной и моих записях насчитывается до двух десятков комсомольских вожаков, которых бериевская команда готовила к выступлению в предполагаемом судилище. Среди них и сама Валентина Федоровна.

Есть тому и прямое свидетельство — протокол допроса и письмо-«исповедь» бывшего следователя с Лубянки А. С. Козлова, адресованное Главному военному прокурору Е. И. Варскому 16 декабря 1955 г.

Автор «исповеди» рассказывает: в октябре 1938 г. нарком Берия созвал секретное совещание группы работников следственной части НКВД, на котором доверительно заявил, что Центральный Комитет ВКП(б) располагает фактами существования в комсомоле антисоветской право-троцкистской организации, возглавляемой Косаревым и другими секретарями ЦК ВЛКСМ. При этом, по словам наркома, Косарев ведет себя как диктатор, терроризировал таких преданных коммунистов, как Ольга Мишакова и Николай Михайлов, которые сигнализировали в ЦК партии о неблагополучии в комсомоле.

Тут же Берия объявил, что в ближайшие дни будут арестованы наиболее активные участники контрреволюционной организации. Поэтому специально выделенным для осуществления этой акции следователям надо «не жалеть ни сил, ни времени, чтобы выявить террористи-

ческие замыслы, вредительские действия и преступные связи ее участников, с тем чтобы до XVIII съезда партии организовать открытый судебный процесс над ними».

Берия заявил также, что общее руководство следствием он берет на себя, а непосредственно эту работу будут организовывать и осуществлять товарищи Кобулов, Родос, Шварцман и Макаров с группой подчиненных им следователей. В заключение он призвал участников совещания «не церемониться в обращении с арестованными, которым следует сразу же дать понять, что они находятся в НКВД».

Палач и фарисей зря слов на ветер не бросал. Вскоре действительно начались массовые аресты комсомольских работников, причем документы на них нередко оформлялись задним числом и без санкции прокурора. Даты в ордерах на арест и обыски фальсифицировались.

«Для арестованных же,— пишет А. С. Козлов,— действительно были созданы невыносимо тяжелые условия. Допросы их были продолжительными, изнуряющими. Очень часто применялся метод «конвейера», когда на смену уставшему следователю приходил отдохнувший, а арестованные изнурялись лишением сна, «стойками», подвергались оскорблениям».

Пожалуй, надо сразу оговориться, что само наименование очередного открытого процесса (если бы он состоялся) могло претерпеть какие-то изменения. Идеологи сталинизма, вне сомнения, нашли бы для него и емкое, бьющее в самое сердце название, и надлежащее классовое обоснование. Но суть, главная цель столь глобального политического «мероприятия» ясна: еще раз громогласно заявить народу, что контрреволюционная гидра вездесуща, ее ядовитые щупальцы проникли во все поры общества, в том числе и в душу — казалось бы, наиболее сплоченной и благонадежной организации — Ленинского комсомола, считавшегося верным помощником партии.

РОКОВОЙ ПЛЕНУМ

Нет сомнения, что расправа над комсомолом в период массовых репрессий была одной из драматических страниц нашей истории. Но, чтобы развернуть подобную стратегическую операцию, требовалось предпослать ей громкую политическую акцию. Так родилась идея о проведении VII пленума ЦК ВЛКСМ, созванного по указанию

Сталина 19 ноября 1938 г. Пленум заслушал и обсудил доклад Шкирятова о результатах разбора заявления Мишаковой и о положении дел в ЦК ВЛКСМ. Казалось, вопрос не столь уж необычный, но его обсуждение продолжалось почти четыре дня. И все это в присутствии Сталина и его верных соратников Жданова, Кагановича, Молотова, Маленкова, Андреева.

Завершился пленум снятием с постов секретарей ЦК А. В. Косарева, С. Я. Богачева, В. Ф. Пикиной и выводом из состава ЦК П. А. Вершкова. За что? По сообщению «Правды» от 23 ноября, «...за бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишаковой)». Первым секретарем ЦК был фактически назначен Н. Михайлов, секретарем О. Мишакова.

— То была потрясающая, беспрецедеитиая расправа с руководством ЦК комсомола,— рассказывала В. Ф. Пикииа.— Кстати, за иесколько дией до плеиума меня пригласил секретарь ЦК партии Аидреев, курировавший комсомол. Вскоре навестила Мишакова, а затем и Михайлов, ответствеииый редактор «Комсомольской правды». Прямо или косвеиио оии советовали мие отмежеваться от Косарева. Чувствовала, что все это иеспроста, но весь трагизм подобиой «обработки» поияла лишь во время плеиума, тои которому сразу же задали присутствовавшие там члены Политбюро и докладчик. Шкирятов с ходу заявил, что Косарев «совершил крупиую политическую ошибку», а Бюро Цекамола «хотело убить в Мишаковой все сталииское, большевистское...» Сталии еще больше накалил обстаиовку словами: «Два года вредительство ликвидируется, а ошибок все еще миого. Нет ли тут системы?» Это придало «смелости» выступавшим, в большинстве своем постаравшимся как можио «острее» заклеймить Косарева и его «окружение».

Стенограмма VII пленума не публиковалась, поэтому детально проанализировать его ход трудно. Однако в 50-е годы, в период проверки обоснованности осуждения комсомольских работников, мне довелось ознакомиться с некоторыми материалами этого пленума. Нетрудно было представить атмосферу, царившую в зале: во время выступления работников, подвергшихся критике, присутствовавшие партийные руководители буквально сбивали их репликами, порою грубыми и унизительными. Многие из выступавших в прениях вскоре адаптировались и пошли по заданному курсу: старались во что бы то ни стало отыскать недостатки и «провалы» в работе членов Бюро и секретарей ЦК, заклеймить «презренных врагов народа».

Любопытная деталь. Для пущей убедительности и накала страстей Жданов зачитал на пленуме протокол допроса арестованного к тому времени Павла Горшенина. В нем утверждалось, что в антисоветскую организацию завербовал его Косарев, который, в частности, давал ему «вредительские установки на распыление мелкокалиберных патронов» (путем их передачи в деревню.—*И. Р.*). Назывались десятки фамилий «участников» антисоветской организации, перечислялись их враждебные деяния... Теперь мы знаем, что Горшенин подписал фабрикацию следователей под пытками. А тогда эти обвинения воспринимались всерьез.

Пикина вспоминала, что Косарев вскакивал с места, выкрикивал, что это бред, клевета, требовал немедленной проверки фактов. Но его обрывали, не давали говорить...

Будущий первый секретарь ЦК комсомола Н. Михайлов с видом человека «стороннего», но объективного в оценках изрек: «Косарев как политический деятель обанкротился». В 1955 г. он, уже министр культуры СССР, пригласил к себе вернувшуюся из ссылки Валентину Федоровну, предлагал помощь в трудоустройстве. Философствовал: «Вы оказались дальновиднее и умнее других. А я вот как-то недооценил, не понял ту обстановку». От его услуг Пикина отказалась...

На пленуме диссонансом прозвучали лишь выступления Пикиной и Богачева. Они признавали, что в работе ЦК комсомола были, конечно, ошибки и промахи — имели место случаи нарушения коллегиальности в принятии решений, не всегда оказывалась должная помощь вновь назначенным комсомольским работникам на местах, и т. д. По их мнению, негативные явления в работе комсомольского аппарата порождались не только субъективными, но и объективными причинами: трудностями организационного порядка, частой сменяемостью кадров (следствие арестов), перегрузкой в работе. В ЦК ВЛКСМ, например, из семи секретарей осталось только трое, значительно поредели его ряды... Пикина отважилась даже упрекнуть партийное руководство в недостаточной помощи комсомолу, предложила расширить состав Бюро, «влить» в него новых людей (Косарев, кстати, уже ставил этот вопрос перед «верхами», но безуспешно). Их почти не слушали, перебивали. Маленков смотрел на них с нескрываемым сарказмом. Жданов назвал выступление Пикиной оппортунистическим.

Из зала заседаний комсомольцы вышли опустошенные и подавленные. Понимали, что этим вряд ли закончится столь гнусная «эпопея». Вместе с тем не покидали вопросы: за что, почему, как дальше жить, что делать? Их перебивала мысль, что произошла какая-то роковая ошибка, и в Политбюро обязательно спохватятся, разберутся...

Однако ведомство Берии занимали совсем другие заботы: надо было одновременно и четко провести аресты. А потом сломать арестованных, заставить их давать нужные показания. Александр Косарев и Серафим Богачев были арестованы в ночь на 28 ноября, несколькими днями позже взяли председателя центральной ревизионной комиссии ЦК ВЛКСМ Виктора Козлова и первого секретаря Московского обкома ВЛКСМ Владимира Александрова, сменившего на этом посту Богачева. Нет нужды перечислять других. Скажем лишь, что из 93 участников VII пленума этой участи не избежали 77 человек, более половины из них впоследствии были расстреляны.

Валентина Пикина была также арестована в ночь на 28 ноября. За нею пришла некая Аршатская, лейтенант госбезопасности. А «молодцы» поджидали во дворе. Читаю ордер, оформленный задним числом и без санкции прокурора, другие документы из дела Пикиной и думаю, не о ней ли «Сказание о правде» поэта Сергея Острового:

И страшным вестником
разлуки
Топтун маячил у ворот...
Сначала ей связали руки.
Потом забили кляпом рот.
Потом в тюрьме ее пытали.
Ну отрекись же.
Ну солги.
И звезды черные светали.
И снова темень.
И ни зги...

Не всем оказалось по силам пройти через кошмарный конвейер истязаний и унижений. Валентина Федоровна не только прошла все это, но и выстояла, выдюжила.

«ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО НЕСОВМЕСТИМЫ»

На Лубянке Аршатская утром повела Пикину на допрос к Берии. Тот сидел, развалившись на диване. Рыхлый, с отвислым животом, в белой, расстегнутой рубашке. Совсем не похож на чопорного и властного, которого Валя видела в президиуме и на портретах.

— Первая мысль, пришедшая мне в голову при виде Берии,— рассказывала Валентина Федоровна,— какой же это антипод Дзержинского. Полное пренебрежение и безразличие во всем его поведении. Ни такта, ни благородства. Сразу же спросил, почему я встала на защиту Уткина и Адмиральской. Ответила, что знаю их как честных и преданных товарищей. Смерив взглядом с ног до головы, каким-то полинялым голосом произнес: «На пленуме вы вели себя неправильно. Зря защищаете Косарева. У нас есть данные, что он состоит в контрреволюционной организации и завербован иностранной разведкой. Сейчас вы должны проанализировать его поведение и на молодежном процессе дать правдивые показания. Дать правильную политическую оценку нежеланию Косарева выполнять решение партии о борьбе с врагами народа в комсомоле». Я ответила, что ложных показаний давать не могу и не буду. Минуту помолчав, Берия вновь внимательно посмотрел на меня и уже отрывисто произнес: «У вас есть родные, сын... Еще раз хорошенько подумайте». Перед моим уводом добавил: «Вашими следователями будут Шварцман, Родос, Аршатская».

На второй день ее вызвал Кобулов. Высокий, холеный, он говорил спокойно. Сначала вразумлял: не запирайся, дай «правдивые» показания о банде Косарева, иначе применим жесткие меры, переведем в Лефортовскую — там нянчиться не будут. Затем высказал самую страшную угрозу — арестуем отца, мать, ребенка отдадим в детдом. Их судьба в твоих руках, в твоих показаниях. Стерпел даже дерзкий ответ: «Врагом народа я не была, о контрреволюционной деятельности Косарева и его соратников ничего не знаю, никаких показаний об этом вы от меня не получите».

Почему стерпел? Видно, надеялся, что эта молодая женщина свою строптивость скоро растеряет, сдастся. Уж больно нужны были ее показания на запланированном открытом судебном процессе.

Во внутренней тюрьме на Лубянке Валю поместили в одиночку. С ходу начались «конвейерные» допросы — по 30—50 часов подряд стоя на ногах. Ее морили голодом, оскорбляли. А протоколы допросов не оформлялись: ждали, пока начнет давать «признательные» показания. Но их все не было. Попытались воздействовать на «непокорную»

с помощью провокатора. Назвалась Лизой Райф. Пытаясь войти в доверие к арестованной, угощала ее печеньем, бахвалилась, что располагает якобы «компроматом» на самого Поскребышева как на немецкого агента. Валя сразу же поняла, кто эта залетная птица, пристыдила. Райф тут же ретировалась.

Вскоре Пикина была переведена в Лефортовскую тюрьму. Здесь вновь состоялась «встреча» с грозным начальником следственной части Кобуловым. Теперь-то он показал свои волчьи зубы. Разговор был коротким. Убедившись, что арестованная так ничего и не поняла, он подал знак, по которому в кабинет вошли двое молодых мужчин спортивного телосложения с резиновыми дубинками. И тут же молча начали жестоко избивать. Старались, не жалея сил. Прекратили экзекуцию, лишь когда на плечах и груди через блузу проступили кровавые пятна. Как дошла до камеры, Валя не помнила. Но кем-то злобно брошенное вслед: «Так будет каждый раз, пока не расколешься!» врезалось в память на всю жизнь. Однако тщетно изощрялись палачи: били, шантажировали, помещали в одиночки — «Нет, нет и нет!»

Ничто не могло сломить мужественную женщину. Не была она ни врагом народа, ни предателем. Не станет и лжесвидетелем. Угроза смертью, благополучием семьи? Не будем лукавить — невыносимо тяжело и... страшно. И все же. Как ни грозен этот паллиатив, но человеческие силы, опирающиеся на веру в правоту и сознание своей невиновности, способны преодолеть его гнусную природу.

— В тяжелые, казалось, безысходные минуты тюремных унижений и пыток,— вспоминает Валентина Федоровна,— я старалась сосредоточиться, собраться. Думала: «Главное, не впасть в панику, не дать вползти в сознание развращающей душу жалости к самой себе, не расслабиться». Это, представьте себе, укрепляло волю, помогало.

Слушая Валентину Федоровну, я думал: «Надо же, судьбе было угодно взвалить на плечи одного человека такую трагическую и вместе с тем героическую жизнь. Героическую — потому что мученик, если он несет свой крест во имя благородной цели, тем самым уже творит благо, совершает подвиг».

Ну, а те, кому во что бы то ни стало надо было выбить из жертвы «нужные» показания? Шварцман и Аршатская после реабилитации Пикиной просили у нее прощения «за все». А в 39-м ее поведение удивляло и бесило их. Удивляло, что арестованная ни разу не попросила

снисхождения или хотя бы разрешения купить что-нибудь съестное в тюремном буфете. И самое поразительное: никто ни разу не увидел ее слез — даже во время побоев и изнурительных конвейерных стоек. Единственное, что она постоянно требовала — очных ставок с Белобородовым, Герцовичем, Горшениным, Розиным, на чьи показания ссылались следователи, обвиняя ее в антисоветской деятельности.

Но пойти на это ни Родос, ни Шварцман, ни Аршатская не могли. Хватит, обожглись уже на том, что очные ставки с Белобородовым, Вершковым и Горшениным дали Косареву, который превратил это процессуальное действие чуть ли не в «митинг», обвиняя своих вчерашних коллег в клевете и позорном малодушии. Пришлось принимать дополнительные усилия, чтобы вновь укрепить «заколебавшихся» в целесообразности своих «признательных» показаний.

«Родос и Шварцман,— утверждал в своей «исповеди» А. С. Козлов,— умели это делать сверхпрофессионально. Первым был сломлен Вершков, которого Родос превратил буквально в «ягненка» и получил от него «развернутые показания о существовании большой антисоветской организации в комсомоле»... Затем Родос со Шварцманом и Макаровым выбили показания у Косарева — уже после допроса его самим Берия».

Обрести в лице Пикиной свидетеля, послушно изобличающего в контрреволюционной деятельности своих товарищей, даже таким «опытным профессионалам» не удалось. Пришлось строить обвинительное заключение на выписках из показаний тех, с кем ей отказали в проведении очных ставок.

ПОСРАМЛЕНИЕ ФЕМИДЫ

Очередная выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР от 4 мая 1939 г. рассмотрела дело Пикиной в одной из камер Лефортовской тюрьмы. «Непокоренная» воспряла духом: наконец-то можно рассказать все как есть. И кому? Как раз тем, на кого сталинская Конституция возложила благородную миссию осуществлять правосудие. Торопилась, говорила, проглатывая отдельные слова,— боялась, чтобы не прервали на полуслове.

— Я сразу же заявила суду,— рассказывала Валентина Федоровна,— что ни в чем себя виновной не признала и не признаю. Что

Берия, Кобулов, Шварцман, Родос и другие работники НКВД провоцировали меня на дачу ложных показаний. Применяли недозволенные методы воздействия: угрожали, шантажировали, били, допрашивали непрерывно по двое и более суток, лишая сна и пищи. В результате такой системы допросов опухали ноги, ныли суставы, нестерпимо болела голова. Мое требование провести очные ставки с теми, кто якобы давал на меня показания об участии в контрреволюционной деятельности, не удовлетворяли. И, вообще, все, что здесь делается,— это грубейшее нарушение советских законов, очевидное истребление комсомольских кадров.

Это уже было слишком! Выслушивать такое от подсудимой, объявленной (согласно обвинительному заключению) активной участницей антисоветской молодежной организации, непривычно, да и опасно даже для столь высокопоставленных судей. Но как в этом случае поступить? Казалось бы, по закону — оправдать Пикину. В деле ведь нет неопровержимых доказательств ее виновности, что будет зафиксировано и в протоколе судебного заседания, и в определении той же Военной коллегии, хотя делалось это скорее для очистки собственной совести, а не во благо установления объективной истины. Однако вынести оправдательный приговор у Высокого Суда мужества не хватило. Где выход? Вернуть дело на доследование. На том и порешили. Пусть мучаются те, кто подсунул суду полуфабрикат, даже не добившись признания подследственной! А самой жертве, устыдившись ее пристального — с мольбой и укором — взгляда, холеные служители Фемиды, слукавив, объявили, что слушание по делу откладывается. «Пусть хоть день-другой бедолага потешится надеждой». А там...

Но доследовать практически нечего. Косарев от вырванных у него каленым железом показаний о вербовке Пикиной категорически отрекся; Белобородов знал Пикину мало, поэтому назвал ее лишь со слов других; Горшенин менял показания и 30 ноября утверждал, что «об участии Пикиной в правотроцкистской организации ему известно не было». В феврале 39-го они были казнены. Наветы Герцовича и Розина на поверку оказались «явно неконкретными», клеветническими. Да и сами эти «свидетели» к тому времени были препровождены в места не столь отдаленные. Серафим Богачев долго путался и «договорился» до того, что среди работников Цекамола считал Пикину «наиболее самостоятельной и честной коммунисткой».

Посоветовавшись, молодцы из кобуловской команды, как говорится для порядка, все же провели еще несколь-

ко акций: инсценировали прнготовленне к расстрелу Пнкнной, провели ее по «одниочкам», стенкн которых былн забрызганы кровью, допросили с пристрастием. Но оиа вновь и вновь повторяла: «На своих показаииях я настанваю: никогда в аитисоветской организации не состояла, вражеской работой ие занималась и не замечала ее за другимн. Показаиия арестованных на меня счнтаю клеветой». Пoияли: возиться дальше с этой «строптивой бабой» бесполезно, да н недосуг — руководство не одобряло топтання на месте, надо было повышать результатнвность в работе, давать «вал». Благо, для подобных этому случаев имелась надежная «палочка-выручалочка» — Особое совещанне, которое действовало без сбоев, ие в пример судам. Поволыиив еще месяц, дело Пикнной передалн надзнраюшим военным прокурорам.

Ну и что с того, что прокурор В. Постннков, к прнмеру, перечнслил в своем заключенни от 11 июня 1939 г. кучу допущеиных следствнем процессуальных иарушений — нх уже не нсправнть. Да и зачем? Материалы передаются более практнчному бригвоенюристу А. Блаубергу, который не утруждает себя мелочным разбором иедочетов следствия, а пишет исключнтельно кратко, «поделовому»:

«Пикнна виновной себя не признала. Изоблнчается прямымн (? — *И. Р.*) показаниямн Косарева (осужден), Белобородова (осуждён), косвеииыми — Герцовнча, Богачева, Горшеннна (осуждеиы!). Полагал бы: дело направить иа рассмотрение Особого совещаиия при НКВД СССР». Нниже, как и полагается, подпнсь н дата — 31 июля 1939 г. И тут же, сбоку, карандашная пометка: «15.8. Ос. сов. 8 лет ИТЛ».

А дальше по давно устаиовившейся схеме: этап — Потьма — Темииковский женлаг (с его серыми, наскоро построеииыми иа степиом ветродуе бараками, обнесенными для вериости колючей проволокой).

Ни у судей, ни у прокуроров, как вндим, недостало смелости (а может, совестн) принять решение о прекращении сфабрнкованного дела, хотя закон такое право им предоставлял. Посрамленне богннн правосудия продолжалось.

ПРОВАЛ

Нн Берня, ии Кобулов такого ие предвиделн: тщательно разработанный план открытого судебиого процесса над вожаками комсомола срывался.

Эти планы, читаем в «исповеди» А. С. Козлова, «рушились потому, что большинство арестованных либо давали очеиь слабые показания, либо, дав таковые, отказывались от них. Последних часто вызывали на допрос к Родосу и Шварцману, которые иногда «восстаиавливали» показания, но уверенности в том, что эти арестованные будут подтверждать их в суде, не было». Не помогло и «стягивание арестованных комсомольских работников из Леиинграда, Украины, других мест, куда Косарев... выезжал в служебные командировки».

Просматриваю свои записи и убеждаюсь в правоте выводов того, кто сам в то смутное для страны время работал под началом Кобулова. Действительио, многие, подписав на первых порах себе и другим «приговор», затем «бунтовали» — отказывались от прежних показаний, писали жалобы о незакониых методах... Немало было и таких, кто вообще не встал перед палачами на колени, не унизил себя признаиием вииы в том, чего не совершал. Хочется назвать некоторые имена. Это заведующий отделом ЦК ВЛКСМ Виктор Сорокин. Его отозвали из командировки (5 ноября 1938 г.) и «сняли» прямо с поезда при подъезде к Москве. Владимир Александров, Виктор Козлов: оба были арестованы после трагического VII Пленума. Роман Владимиров — бывший секретарь Ленобкома, работавший к моменту ареста секретарем Петрозаводского горкома партии. Все они впоследствии были репрессированы Особым совещанием, а в 50-е годы реабилитированы. Мужественно вели себя Адмиральская, Савельев, Уткин, Тамми. Список этот далеко не исчерпывающий. Еще миогие герои, оказавшие сопротивление, ждут своих исследователей. Другие, подписав заготовленную следователем «мешанииу», ожидали суда, надеясь там рассказать всю правду. Опираться на таких в открытом процессе конечно же было рискованио.

Чем объяснить загадочный феномен, когда десятки, сотни арестованных, находясь в изоляции и ничего не зная о судьбе своих товарищей, а зиачит и не сговариваясь, практически ведут себя одииаково? Вероятно, тем, что на свободе они делали одно и то же справедливое дело. Тысячу раз был прав Хосе Марти, сказав: «Справедливое дело, даже запрятаниое в глубинах пещеры, сильнее армии». Так и эти заведомо невиновные жертвы репрессий поступали по совести, отстаивая свое человеческое достоинство. А те, кого удавалось сломить,

оглушив внезапностью вероломных приемов, придя в себя, опровергали все наносное, вырванное пытками. Но были и такие — их, знаем, было тоже немало,— кто в тех условиях поступал иначе. Не будем строго их судить — человеческие силы небеспредельны. Любая жертва произвола заслуживает лишь всяческой помощи и сочувствия...

Итак, судилище над цветом молодежи того времени не состоялось, его авторы потерпели фиаско. Поняв это, они переключают репрессивный конвейер на перемалывание жертв поодиночке. Принимается решение срочно завершать расследование, и дела в отношении признавших себя виновными направлять, как правило, в Военную коллегию. Остальных пропускать через Особое совещание, «двойки», «тройки»: сюда обвиняемых не вызывали, достаточно было иметь лишь их тени, символы: «ф. и. о.», статьи УК и заранее определенные сроки лишения свободы. Обвинители, по сути, спасовали перед моральной силой оклеветанных и беззащитных, но преисполненных решимости хоть как-то донести правду до власть имущих. Парадокс? Да. Но факт.

ОБРАЩЕНИЕ К СТАЛИНУ

Находясь в тюрьме и отбывая наказание в Темлаге, Пикина практически ничего не знала ни о своих товарищах, ни о судьбе оставшейся в Ленинграде семьи. Возвратившись из ссылки после реабилитации в 1954 г., застанет она дома только мать и уже взрослого сына. Отец умер в блокадном Ленинграде, братья погибли на фронте, защищая Родину от немецко-фашистских захватчиков.

Родители Вали, обеспокоенные ее судьбой, не знали покоя ни днем ни ночью. И конечно же не верили, что их дочь в чем-то преступила закон. Надеялись, что произошла роковая ошибка и не сегодня завтра она будет исправлена, дочь выпустят на свободу. Они ходили по инстанциям, обращались с жалобами к Вышинскому. Писали Калинину и самому «товарищу Сталину».

Просили, заклинали разобраться и восстановить справедливость: «Мы не можем поверить в ее виновность... Ее бесчестно оклеветали, и она незаслуженно страдает». И последний, по мнению любого здравомыслящего человека, убедительный аргумент: ведь Вале было оказано большое доверие — она была избрана депутатом Верховного Совета СССР.

Не ведали супруги Пнкнны, что до высокнх инстанций нх жалобы просто-напросто не доходили, а из прокуратуры н суда лншь нзредка поступали трафаретные ответы: «Осуждена обоснованно».

Зачитываю Валентнне Федоровне отрывкн нз жалоб ее роднтелей (раньше этот эпизод нз ее горькой «эпопеи» не был нзвестен). У самого ком в горле. У иее увлажняются глаза, подергнваются губы: «Милые мон, добрые папа и мама, земиой вам поклон за все, что делали для меня н в светлые днн, и в черную годииу. Сердцем, всем существом своим я чувствовала, догадывалась о вашем неизбывном горе. И уже по пути в лагерь искала решение, как поступнть, чтобы рассказать правительству о творнвшемся беззаконни, разорвать псхологическне каидалы, добиться справедливого решення». Именно в те тяжелые днн сиачала, правда, смутно сталн вызревать контуры решеиия — обратнться с письмом к Сталину, используя свой депутатскнй мандат. И неважио, что его вместе со знаком н другнмн документамн иезакоино нзъялн при аресте: народ ее не отзывал н депутатскнх полномочнй ие лишал!

В лагере эта мысль буквально преследовала Пнкнну. Но как, когда, в какой форме осуществнть задуманное — вот был вопрос, который не покидал ее н во время работы, н на вечерней прогулке вдоль серых унылых бараков, н особенно в ночные часы, когда все засыпалн на своих жесткнх дощатых нарах. А она часами лежала с открытымн глазамн, вспомннала пережитое н думала. Думала о том, что нельзя расхолажнваться, расслабляться, так как это равнозначно духовной смертн. Надо мобнлнзоваться, собраться с силамн и действовать, держаться во что бы то нн стало «в форме», но главное — действовать! Пробовала советоваться со знакомымн — женами репресснрованиых «врагов народа» (таких оказалось в лагере несколько человек). Как-то украдкой поговорила с Людмнлой Елькнной, женой бывшего секретаря Московского обкома ВКП(б) Угарова А. И. (с ннм, будучн членом Комнссии законодательных предположеиий Совета Национальностей Верховного Совета СССР, Пикииа иеоднократно встречалась н работала в Кремле). И что же? Мужественная Мнля, участннца гражданской войны, только пристально посмотрела на нее и, оглядевшись вокруг, не подслушивает лн кто, вымолвила: «Рнсковать? Тебе мало восьмн лет? Нет, нет, нз этого ннчего не выйдет».

— Долго и тщательно я все взвешивала, прикидывала,— рассказывала Валентина Федоровна.— В конечном счете решила на свой страх и риск: двум смертям не бывать... обращусь к председателю СНК И. В. Сталину. И не как заключенная, а как депутат высшего органа власти, избранного в полном соответствии с Конституцией.

«Докладную» на имя «вождя народов» «зэковка» Пикина писала 9 мая 1941 г., таясь от посторонних глаз, в полутемном уголке лагерной бани. В который раз я перечитываю текст этого рукописного послания, умещенного в тесные строки на аккуратно обрезанном — по размеру стандартного — листе оберточной бумаги, и вновь и вновь поражаюсь смелости его автора. И главное — в нем нет даже намека на снисхождение или милость к себе, ни одной просьбы... Лишь краткая констатация фактов чудовищных беззаконий, с которыми пришлось ей столкнуться за два с половиной года пребывания в тюремных застенках и опутанном колючей проволокой лагере. А дальше — обличение тех, кто должен, обязан был стоять на страже законов, но занимался шантажом и фабрикацией несуществующих преступлений.

Вчитаемся в эти строки и представим себе время, в которое они писались, и тогда станет понятным риск, какому подвергала себя заключенная Валентина Пикина: «Органами НКВД, и в частности Особым совещанием, допущены ошибки, в результате чего много честных, преданных людей Партии и Родине пострадали... Враги народа, пробравшиеся в органы НКВД, приложили свою руку с целью перебить большевистские кадры и вызвать искусственное недовольство Советской властью. Карьеристы и перестраховщики проявили свою «инициативу» — одни для повышения в чинах, другие — для наживы себе политического капитала.

Особое совещание... осуждало совершенно невинных людей, допуская огульные осуждения, забывая, что за каждым приговором стоит живой человек...»

Одна лишь мысль об этом считалась столь крамольной, что могла стоить жизни, а Пикина еще и дерзнула упрекать и поучать самого Сталина: «Я прекрасно понимаю, что при больших исторических мероприятиях возможны отдельные перегибы, но вы всегда учили и учите, что человек — это есть самый ценный капитал в нашей стране. Я ни на одну минуту не забываю, что классовая борьба в период строительства коммунистического общества не потухает... Это, однако, не значит, что люди, ставшие в свое время жертвами этих ошибок и перегибов, если

они честные, преданные своей Родине и Партии, не должны быть реабилитированы и возвращены к полноценной жизни... Для исправления этих ошибок необходимо ваше личное вмешательство путем ли дачи указаний органам НКВД и Прокуратуре или путем создания специальной комиссии, которая бы вплотную занялась этим вопросом».

Народный депутат, член Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей Верховного Совета СССР, как видим, не просто констатирует прискорбные факты беззаконий. Она проявляет государственный подход к оценке случившегося и вносит конструктивные предложения, предвосхитив, кстати сказать, меры, предпринятые лишь полтора десятка лет спустя.

В надежде на то, что должные меры будут все-таки приняты, указала она и свой адрес: «Мордовская АССР, поселок Явас, п/я 241а, Темниковский лагерь НКВД. 9 мая 1941 г. Пикина В. Ф.»

Да, поистине родилась в сорочке эта женщина: докладная каким-то чудом не попала адресату, хотя и была передана в Кремлевскую приемную. Обязанности курьера в данном рискованном мероприятии выполняла мама Валентины Федоровны, приехавшая после долгих хлопот на свидание к дочери в лагерь. Тогда и был увезен в Москву «ценный груз», зашитый между стелькой и подошвой лакированной туфли.

Но злополучная «докладная» не осталась без последствий. Она была приобщена к делу и явилась «сигналом» для лагерного начальства пристальнее присмотреться к возмутительнице спокойствия. Нет сомнения, что московские доброжелатели, спасая мордовских коллег от неминуемого наказания за отсутствие бдительности, не доложили письмо не только адресату, но и своему шефу Берии.

СУД НОВЫЙ И ТОЖЕ НЕПРАВЫЙ

О войне «зэковки» Темлага услышали на второй день после ее начала. Это ошеломляющее известие как-то даже оттеснило на задний план личные трагедии. Обсуждали, чем они, горемыки, могут помочь Родине, фронту. Пикина считала: единственно, что способны сделать эти изможденные, одетые в лохмотья женщины,— «еще больше напрячься, повысить производительность в пошиве теплой одежды для сражающихся воинов».

Однако самой ей в этом деле участвовать не пришлось — 24 июня за нею явились незнакомые охранники

и без особых объяснений увезли в 3-й отдел НКВД Мордовии. Там ей предъявили обвинение в контрреволюционной агитации среди заключенных, в клевете на руководителей партии и правительства и на жизнь в СССР.

Местные чекисты оказались оперативными: допросив с десяток товарок Валентины Федоровны, уже к середине августа того же 41-го направили материалы дела в Верховный суд автономной республики. 23 августа был вынесен приговор: Пикину Валентину Федоровну признать виновной в полном объеме предъявленного обвинения и на основании ст. 58—10, ч. I УК РСФСР приговорить к 10 годам лишения свободы в ИТЛ с последующим поражением в правах сроком на 3 года. Прежнего решения как будто и не существовало, отбытые в заключении два с половиной года остались незачтенными. Но лагерь определили другой, теперь уже штрафной, основное назначение которого — лесоповал, тяжелейшая физическая работа. Трудилась до изнеможения по десять — двенадцать часов наравне с мужчинами. И баланду ела тоже наравне с ними.

— Что конкретно показывали против меня товарки в том суде,— говорит Пикина,— я запамятовала. Уж больно обширный и динамичный калейдоскоп событий выпал на мою долю. А может, тех показаний вовсе и не было?

Зачитываю, по ее просьбе, выдержки из протокола судебного заседания: «Пикина заявляла, что тяжело стало жить и дышать на воле. Сталин воспользовался смертью Ленина и захватил власть в свои руки... А Берия шпион...», «Говорила, что в лагерях много содержится невинных людей и что сама она явилась жертвой вражеской руки. Сожалела о якобы неправильном аресте Косарева». И многое другое в том же роде, давшее основание прокурору в протесте от 15 октября 1954 г. на предмет реабилитации Пикиной сделать однозначный вывод: «Эти высказывания подсудимой, как теперь установлено, оказались справедливыми и не могут рассматриваться как антисоветская агитация».

* * *

28 октября 1954 г. Валентина Федоровна получила сообщение из ГВП о том, что решение Особого совещания и приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Мордовской АССР по ее делам, как необоснованные, отменены и она полностью реабилитирована. Клеймо врага народа было снято. Для нее начиналась новая, можно сказать, третья жизнь...

Д. И. Полякова

ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ...

Он еще на свободе. Еще не отщепенец, не враг народа, не член террористической организации, покушавшейся на жизнь особы, приближенной к Его Величеству Единственному Вождю.

VIII съезд комсомола провожает Николая Чаплина, генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, на партийную работу. Переходной мостик к ней — курсы марксизма-ленинизма при Центральном Комитете ВКП(б).

По логике вещей, надо бы радоваться. Это действительно подарок судьбы — получить в такое горячее время возможность учиться. Правда, недолго, зато всерьез, не урывками. Наконец неразлучный с Чаплиным томик истории Великой французской революции — предмет добродушных подтруниваний друзей — перекочует из кармана френча на некое подобие письменного стола. Но на душе кошки скребут.

Почему Сталин отпустил его именно сейчас? «Ты рвался на учебу,— пожалуйста, мы не препятствуем.— Странная полуулыбка растворилась в табачном дыму.— Кого рекомендуешь вместо себя?» Хозяин делает вид, будто мнение Чаплина для него что-нибудь значит, хотя руководящие комсомольские кадры — давно прерогатива «большого» ЦК, а стало быть, его, Сталина, собственная. Николай предложил Косарева. Сталин согласно-одобрительно кивнул, однако предпочел Мильчакова.

Но почему все же сейчас, в мае 28-го? Угрозы «вызревания новых уклонов и оппозиций» в юношеской организации, вроде бы, нет. Комсомол на подъеме. Он только что удостоен первой (высшей по тому времени.— *Д. П.*) награды государства — ордена Красного Знамени. Чаплин принял ее на съезде из рук заместителя председателя Реввоенсовета СССР И. С. Уншлихта.

Почему, например, не в январе — феврале 25-го, когда Николай сам ставил вопрос об уходе с союзной работы? Перед этим нелегким шагом он мысленно произвел ревизию своих сил и возможностей. Как-никак скоро двадцать три. Не слишком ли задержался в юношеском движении? «Стаж» ведь — с пятнадцати лет. А много ли

удалось? Кое-что из задуманного успел, но сколько не получилось!.. Нынче и сверху и снизу наотмашь бьют из-за несостоявшегося единства на молодежном капитанском мостике. Что ж, верно, Центральный Комитет комсомола далеко не монолит. Сторонники Троцкого, Зиновьева, приверженцы официального курса. И что ни бюро, ни секретариат — то схватка. Находить общий язык стало невероятно трудно. А все это — лишь отражение борьбы внутри «большевистской головки».

Между тем Сталин, в отличие от Николая, не считал чересполосицу взглядов и мнений в комсомольском ЦК такой уж непоправимо драматичной. Наверное полагал, что клубок противоречий, которые прихотливыми нитями тянутся в «главный комсомольский штаб» от конфликтующих партийных вождей, не слишком замысловат и поддается распутыванию. Не перевелись же в Цекамоле дальнозоркие парни, ратующие за то, чтобы прекратить наконец толочь воду в комсомольской ступе и перенести спорные проблемы «на разрешение ЦК РКП(б)». На них и следует опереться в наведении мостов. И Чаплину нечего капитулировать.

Иосиф Виссарионович не без удовольствия задерживал в своей цепкой памяти острый эпизод XIII съезда РКП(б), когда только что прозвучавшие разъяснения Троцкого об его истинных намерениях в партдискуссии 23-го года были вытащены за ушко да на солнышко и в одночасье развенчаны.

Всеобщим вниманием завладел тогда Николай Чаплин, вожак юношества. Увалень Чаплин (прозвища — Добрыня Никитич, Иван Поддубный, смоленский медведь). Лобастый, богатырского роста, с могучим разворотом плеч он, гремя сапогами, заспешил к трибуне и сразу же пробасил свои сомнения в искренности Троцкого. Напрасно, мол, тот уверяет делегатов, будто бы поднял вопрос о двух поколениях в партии не с умыслом вбить между ними клин, а с целью «помочь молодежи выбиться на широкую дорогу к большевизму». «*По-моему,*— доказывал он,— *это путь в сторону от большевизма.* Перед нами труднейшая обстановка нэпа, когда подрастающее поколение рабочего класса — пооктябрьские кадры нашей партии — находится под ее влиянием, когда нэп грозит мелкобуржуазным обволакиванием, при том условии, когда молодежь еще недостаточно усвоила традиции нашей партии... и в этот момент приходят и говорят: старики перерождаются, а вы — барометр...»[1]

Именно данный эпизод (спустя пять лет Николай вспомнит о нем с горечью и раскаянием) плюс солидная лепта РКСМ в изобильном урожае «ленинского призыва» сработают, подобно лакмусовой бумажке. Сталин убедится, что лидер комсомола заслуживает доверия старой гвардии.

Вот отчего, констатируя (25 февраля 1925 г.) «ненормальное положение... в ЦК РЛКСМ, при котором создается угроза для партийного руководства союзной работой и для дальнейшего сохранения единства союза», Политбюро Центрального Комитета РКП(б) решит «отклонить просьбу т. Чаплина об отставке, обязав его остаться на посту генерального секретаря ЦК РЛКСМ» [2].

Надо же, как бы невзначай передернули карту ловкачи. Отказывался от обязанностей первого (и вообще просил отпустить с комсомольской работы), а получил — генерального. Аналогия прозрачна до неприличия: две кровнородственные организации — старшая и младшая; в партии — генсек и в комсомоле положено быть генсеку. Символ политического доверия. Моральное поощрение. И одновременно аванс. Оправдывай, дескать, обласканный партией выдвиженец, и без нашей команды не рыпайся.

Да, у Хозяина были свои резоны. Но каков Чаплин? Не прошло и двух месяцев, как показал зубы. 6 апреля 1925 г. Сталин выступил с речью «О комсомольском активе в деревне» на заседании Оргбюро Центрального Комитета РКП(б). Нажимая на практические аспекты роли «приводного ремня», говорил о том, что союз молодежи должен взять себе в помощники многочисленный отряд крестьянского юношества, политически воспитать его, сделать проводником пролетарской политики на селе, превратить «в цемент, связывающий пролетариат с трудовыми массами крестьянства» [3]. Назвал восемь основных условий «правильного подхода к этой задаче». Николая удивило, что все они сводились к единственному: обеспечить деревенский актив популярными брошюрами, книгами, справочниками инструктивного толка. Словно им надлежало служить путеводителями по святым местам большевистской Мекки — разъяснять молодежи основы коммунизма, сущность пролетарской диктатуры, декреты Советской власти «в пользу бедноты», смысл союза рабочего класса и крестьянства, вопросы советского и культурного строительства, комсомольской работы в деревне, значение разных видов кооперации и сельскохозяйствен-

ного налога. Делать акцент, естественно, следовало на том, «как жили крестьяне раньше, при царе и помещике, как живут они теперь и как они будут жить при условии укрепления смычки и насаждения социализма» .

Цекамол быстро наладил выпуск библиотечки через свое издательство «Молодая гвардия», но от речи вождя у Чаплина остался неприятный осадок. Во-первых, этой литературе — по существу прикладного характера — придавалось некое самодовлеющее значение, будто от нее, и только от нее, зависел успех воспитания. Во-вторых, можно ли было согласиться с требованием заучивать тексты брошюр наизусть. Сталин повторил свое указание дважды — «знать назубок».

И вспомнилось 2 октября 1920 г. Они, делегаты III съезда РКСМ, фронтовики, продотрядовцы, чоновцы, разгоряченные не лозунгами — реальностью классовой борьбы, успевшие за годы гражданской и возмужать, и ожесточиться, как бы остановлены на всем скаку. Ленин предлагает им сосредоточиться на совершенно новой задаче — учиться коммунизму. Само сочетание слов для них непривычно и не сразу дается сознанию. Владимир Ильич поясняет: не выхолощенному и готовенькому. Не по рецептам коммунистических учебников, брошюр и трудов. Не методом зубрежки. Механическое заучивание революционных формул может дать лишь «коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб...» [5]

Невольное сопоставление — не в пользу Сталина. Подсовывая человеку подпорки в виде пособий-шпаргалок, принуждая зубрить их содержимое, нельзя ожидать от него самостоятельных решений и смелых инициатив. Это будет формовка людей-автоматов, а не людей-творцов. Осторожнее, Чаплин, довольно. Ты переступил черту. Не хочет же, в самом деле, вернейший ученик Ленина видеть перед собой Панургово стадо вместо свободных личностей. (Николай не догадывался, что, зайдя в воображаемом споре с Кормчим столь далеко, он почти приблизился к истине. Гигантская мастерская по производству человеко-колесиков и человеко-винтиков для социалистической стройки скоро начнет работать на полную катушку.) Но, что особенно настораживает, генсек ни словом не обмолвился насчет ленинских мыслей о воспитании, образовании, организации юношества, даже не упомянул «Задачи союзов молодежи». Что же, пускай это будет на совести генсека. А серию

для юных активистов деревни откроют именно «Заветы Ленина молодежи».

Вскоре секретарь Центрального Комитета комсомола Александр Мильчаков докладывал Оргбюро ЦК партии о выполнении поручения.

Из записок А. И. Мильчакова

«На заседании присутствовал Сталин, председательствовал Молотов. После разговора со Сталиным Молотов уводит меня в угол комнаты и говорит:

— Вся библиотечка составлена хорошо. Только в первой книжке уберите название «Заветы Ленина молодежи». При чем тут «Заветы», что значит «Заветы»? У комсомола есть партия, ее Центральный Комитет. Зачем речь Ленина, произнесенную в двадцатом году, преподносить как «заветы», словно она какое-то «завещание» молодежи. Ленин никаких завещаний комсомолу не оставлял...

— Позвольте, товарищ Молотов, речь Ленина на III съезде РКСМ ...мы рассматриваем как заветы Ильича молодежи, потому что она носит перспективный, программный характер.

— Кто это мы? — сухо осведомляется Молотов.

— Мы — бюро Цекамола.

— Я вам передаю пожелание Сталина.

— Сейчас мы посоветуемся.

— С кем?

— С Чаплиным.

— Пожалуйста. И внесите предложение о замене заглавия «Заветы Ленина» словами «О задачах союзов молодежи»...

Разговор с Чаплиным был недолгим. «Если хотят изменить данное нами наименование ленинской книжки, пусть это делают сами».

Мы с Чаплиным поняли неприязненное отношение Сталина к словам «заветы», «завещание» [6].

Без согласия руководителя комсомола Сталин и Молотов в то время на изменение заглавия брошюры не пошли. Это понятно: рассказ Мильчакова относится к апрелю 1925 г.; позже, как известно, Хозяин из-за таких мелочей не церемонился. Николаю он этого, разумеется, не простил. Придет пора — рассчитается. И не только за брошюру.

В декабре того же года генсек сделал новую зарубку в памяти по поводу «неблагодарного» Чаплина. Члены Президиума XIV съезда ВКП(б) не зря навострили уши, услышав, что комсомольское движение должно, оказывается, «развиваться под руководством всей партии, под руководством ее ЦК, а не являться монополией отдельных вождей, которые используют комсомол в интересах своей внутренней борьбы в ЦК» [7]. По понятным причинам насторожился и сам Иосиф Виссарионович: круто берет генеральный секретарь Цекамола. Сегодня стрелы его несогласия летят в Троцкого и Зиновьева, но завтра

они могут изменить направление... Потому что за ними — принцип, а не просто персональные претензии.

Расставаться, однако, с Чаплиным рановато. Он еще пригодится. Пока что у Сталина — ситуативный альянс, но впереди — предрешенный и инсценированный разрыв с Бухариным. Немало усилий потребуется, в свою очередь, чтобы вывести «на чистую воду» и устранить с политической арены Каменева и Зиновьева. Поэтому своевременная поддержка «подсобной», «примыкающей к партии организации», «инструмента в ее руках» чего-нибудь стоит.

Увы, Николай все меньше оправдывал ожидания Хозяина относительно своего соответствия на роль пособника в подобного рода делах. Вот как развивались события года.

13 апреля в докладе «О работах апрельского Объединенного пленума ЦК и ЦКК» на собрании актива Московской организации ВКП(б) Сталин произнес панегирик... самокритике, посвятив ей специальный раздел. Дескать, без нее партия была бы не в состоянии развиваться, прогрессировать, «вскрывать наши язвы», освобождаться от недостатков. Под одобрительный смех зала генсек вдоволь поиздевался над «лакированными» (его словечко) коммунистами, которые, желая пожить спокойно, отмахиваются от самокритики, изгоняют ее и, значит, «не имеют ничего общего с духом нашей партии, с духом большевизма». «...Чтобы двигаться вперед и улучшать отношения между массами и вождями,— подчеркивал он,— надо держать все время открытым клапан самокритики, надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей» [8]. Сталин как бы развязывал руки тем, кто готов был бросить камень в только что поверженную «правую оппозицию».

А 22 апреля «Комсомольская правда» вышла с «Притчей о бедных Иосифах». В ней рассказывалось о рабочем пареньке из механических мастерских, подручном слесаря, который мечтал стать художником (у него действительно была тяга к живописи) и рвался с этой целью на специализированный рабфак. Не тут-то было. Судьбой юноши ничтоже сумняшеся распорядился секретарь комсомольской ячейки, обладавший какой-то странной, собирательной внешностью: «усы под Бухарина, волосы под Маркса», «руку вытянул, как Калинин», «голос Буден-

ного». Это синтетическое существо повелело — в армию. За молодого рабочего замолвил доброе слово товарищ: мол, надо талантливым людям дорогу давать, использовать их по способностям. Разгневанный возражением администратор от комсомола резко отчитал заступника: «Так ты политику высших органов критиковать!»

Выходит, бедные Иосифы — это те, кто дерзает выделяться из общей массы, кто смеет думать не в лад с начальством?

Публикация стала причиной психологического дискомфорта в руководящей сфере, вызвала рой недоуменных вопросов. Как прикажете понимать? Коль скоро газета устроила баню бюрократу, не позволяющему «крыть» даже крохотного низового «вождя» в лице... самого себя, она поступила правильно. Это здоровая критика в интересах порядка, в свете указаний товарища Сталина. Если бы... Но бдительный гражданин Страны Советов — а наверху его реакцию смоделировали заранее — должен, конечно, испытывать смятение чувств, спотыкаясь от заголовка до финальной точки. Ибо зачем, например, для разговора на столь серьезную тему избран жанр фельетона? Ради примитивного зубоскальства? И при чем тут священное во всех отношениях имя «Иосиф»? Только ли оттого, что — притча? Нет, без политического подвоха здесь явно не обошлось. Вот и фамилии других известных народу деятелей (в том числе «главного уклониста» Бухарина), раз они завязаны в один сюжетный узел с Иосифом, явно неспроста.

Искомый подвох, естественно, легко был найден. И в строках, и между строк. (Тем более, что он действительно в фельетоне был — ребята из «Комсомолки» играли с огнем.) Оргвыводы властно стучались в дверь: зарвавшихся юнцов из Цекамола и его печатного органа надлежало публично (и чувствительно) одернуть. Ситуация, правда, несколько щекотливая. Лично Хозяину заниматься этим в настоящий момент не пристало. Всего девять дней, как он открыл семафор самокритике, и надо выглядеть последовательным в глазах народа. Зато «всероссийскому старосте» — а он всегда на подхвате — дело вполне с руки. «...Сейчас партия выкинула великолепный лозунг самокритики. Великолепный лозунг!.. Но я хотел бы, товарищи, предупредить вас, что самокритика не делается для самокритики. Когда критику ведут комсомольцы, так каждый комсомолец должен насторожиться, оглядываться...» [9] — увещевал молодых М. И. Кали-

нни. Словом, «что позволено Юпнтеру, не позволено быку». Чаплнну же было сурово сказано, что распустил молодежные издания и должен понести ответственность.

Историня с «Притчей о бедных Иоснфах» на этом не закончилась. 26 июня 1928 г. «Правда» напечатала статью И. В. Сталина «Против опошления лозунга самокритики» (не удержался-таки генсек). Среди опошлителей значнлась и «Комсомолка» [10].

Однако промыванне мозгов центральной и местной прессе состоялось уже после ухода Николая с комсомольской работы.

Как ни тяжело было теперь Чаплину, он все-такн осознал, что курсы, пусть и краткосрочные,— редчайшнй, просто фантастнческий шанс хоть на мнг высвободнться нз-под «железной пяты» Хозянна.

В летние каннкулы 1929 г. он завербовался помощнником кочегара на судно, совершавшее рейс вокруг Европы. Блажь, прнхоть? Какая в этом была необходимость? За кордоном Николай не впервые. Выезжал в составе русской делегации в Исполкоме КИМа. Специально для этих командировок (чтобы не чувствовать себя статистом) решил выучить хотя бы один иностранный язык. Выбрал французский, поскольку с детства увлекался историей Францин. Но бюро ЦК РЛКСМ рассуднло нначе. По его постановлению «Об нзучении языков работниками КИМа» (август 1924 г.) французский «достался» Мильчакову, английскнй — Муратбаеву и Вартаняну, а Чаплнну, Гессену и Файвнловичу предстояло осванвать немецкнй [11]. Ннколай об этом не сожалел. Позже он все-таки изучил и французский.

А в плаванне вокруг Европы отправился с мыслью пообщаться с людьми разных стран на обычном жнтейском уровне — без обязательных речей и прочего офнциоза. Это была давняя ндея, «подогретая» знакомством Чаплина с Эрнстом Тельманом. Ннколай сопережнвал волнению, с которым тот говорил, что рабочий класс Германии не сломлен, он только вынужденно отступил и впереди у него — борьба... Неисправнмый романтик, Чаплин по-прежнему лелеял в душе мечту о мнровой революции.

Ну что же, пообщаться удалось на славу. Встреч было много — и все спонтанные, ннкакого наигрыша. Во время стоянки корабля в Гамбурге вполне сносно нзъяснялся с моряками, докерами, жителями припортовой окранны. Но что касается мировой революции... Кажется, в этом рейсе Николай наконец расстался с прекрас-

ной иллюзией. Во всяком случае, в беседах с друзьями в Тифлисе, куда решением Политбюро он после курсов был направлен вторым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), эта тема уже не всплывала.

Кавказское назначение принял радостно. Это земля, где был счастлив в юности, где жилось светло и работалось интересно. А ведь помчался туда в первый раз в 1923 г. буквально по сигналу «SOS». Ребята из Закрайкома РКСМ забросали Цекамол просьбами о помощи. По их собственному признанию, растерялись, спасовали перед «возросшей активностью чуждого социализму многоликого юношеского движения, которое усиленно вербует молодежь в свои ряды».

Действительно, юношеских объединений разной направленности было в регионе пруд пруди. В Грузии тон задавали «молодые марксисты», тяготевшие к меньшевикам, и спортивное общество (так оно себя рекламировало) «Шевардени» («Сокол»), в Армении верховодили проворные отряды «американских скаутов». Они идейно противостояли комсомольским организациям, заметно превосходя их в численности, имели связь с заграницей, помещали в тамошней прессе свои документы (последнее было за чертой официально дозволенного).

Комсомол же и в центре, и на местах, копируя партию, изначально не слишком жаловал (а потом и вовсе на дух не принимал) альтернативные юношеские формирования. Поэтому, когда в ЦК РКСМ поступил отчет о работе Заккрайкома комсомола (1922 г.), картина молодежного движения выглядела взрывоопасной. Адекватно представлялась она и в Центральном Комитете. Петр Смородин, тогдашний секретарь Цекамола, отправил кавказцам сурово-назидательное письмо: «ЦК считает ненормальным существование некоммунистических и контрреволюционных спортивных организаций, значительно превышающих в количественном отношении организации РКСМ» [12]. Строгую констатацию Москвы приняли к сведению, они и сами так полагали, но... где же выход?

Выход бюро Цекамола увидело в Чаплине, приняв решение командировать его на Кавказ. «За» голосовали и профессиональные, и человеческие качества Николая: способность с редкой проницательностью оценивать ситуацию, находить верную тональность в личных контактах на любом уровне и, как это ни странно звучит в рассказе о двадцатилетнем парне, солидный опыт.

Да, опыт организаторской и пропагандистской работы был у него немалый. В 1918-м создал ячейку учащихся-коммунистов в 8-й советской школе Смоленска. (Вскоре она в полном составе — 35 юношей и девушек — влилась в городской Союз рабочей молодежи «III Интернационал».)

С 16 лет Коля в РКСМ, с 17 — в партии. Не успел оглянуться, как бурная комсомольская жизнь захватила всего. В июне 1919-го стал председателем Смоленского уездно-городского комитета РКСМ, в апреле 1920-го — товарищем председателя губкомола.

Вскоре ЦК РКСМ перебросил Николая в Тюмень. Он избирается в состав губкома, возглавляет политико-просветительный отдел, становится секретарем.

Потом снова был родной Смоленск, а дальше — Урал. В Екатеринбургском губкоме РКСМ Чаплин руководит отделом политпросвета, налаживает пропаганду не только политических, но и агротехнических и зоотехнических знаний. Обратная связь? Она существует — все чаще приходят в губернский центр телеграммы: «Екатеринбург, ул. Пушкина, 10. Губкомол. Чаплину. Запишите меня в комсомол» или «Ячейка создана и работает. Комсомольцы» [13].

С Урала Николай едет делегатом на IV съезд РКСМ, где его избирают в Центральный Комитет комсомола.

И вот — первый секретарь Заккрайкома РКСМ. Ему здорово повезло с партийным руководством. Закавказский комитет РКП(б) возглавляет Г. К. Орджоникидзе, ЦК Компартии Азербайджана и Бакинскую парторганизацию — С. М. Киров. Чаплинскую самостоятельность они не стреноживают, авторитетом собственной личности не давят. Нет у них занудной привычки иных партприкрепленных поминутно пичкать советами, читать впрок наставления или распекать за малейшую неудачу. Хотя, несомненно, к почерку нового комсомольского вожака оба присматривались с нескрываемым интересом.

А почерк Николая сложился раньше: не позволять себе «думать басом» (по Салтыкову-Щедрину), не разговаривать с людьми через стол президиума, не отгораживаться от них стенами кабинета. Не существовало, наверное, завода, поселка, нефтепромысла, где бы он прошел мимо сложностей труда и учебы, отмахнулся от неурядиц быта [14].

В специфических условиях Кавказа (пестрота этнического состава, запущенность национального вопроса, противоречия политической ситуации) Чаплин верно определит главный вектор в работе с юношеством — воспитание дружеских чувств и контактов между сыновьями и дочерьми разных народов. Если он подолгу задерживался в горных селениях Аджаристана и Абхазии, в крайкоме шутили: «Коля раскуривает трубку мира». Было бы и впрямь чудом — взять да и помирить тех, кто враждовал по вековому закону кровной (кровавой) мести. Только это не дается уговорами. А вот кружки и пункты ликбеза, школы фабзавуча, рабфаки, клубы искусств — реальные ступеньки к человеческому содружеству.

Ну а как же с некоммунистическими юношескими организациями, из-за которых сыр-бор? Медленно, со скрипом сдвигалась с мертвой точки и эта проблема. Пленум Закавказского крайкома РКП(б) обязал центральные комитеты Грузии и Армении, ЗКК РКСМ провести коренную реорганизацию антиподных комсомолу объединений молодежи, сказав твердое «нет» национал-шовинизму и

антисоветизму в юношеской среде. Заккрайком РКСМ поставил перед комсомольским активом региона задачу — добиваться социалистического влияния на подрастающее поколение в соответствии с формулой партии: «Экономическое отступление закончено, политическая борьба продолжается».

Не забудем: наступление на разного рода «измы» велось в координатах приоритетов того времени, и Чаплин тоже действовал сообразно большевистским принципам. «Спорт должен быть подчинен классовому воспитанию, классовой борьбе. За это мы боремся, под этим лозунгом мы похороним наших классовых врагов, создадим свой красный спорт и используем в революционных целях освобожденный скаутинг» [15] — так говорил Николай, имея в виду традиционный метод (изобретенный вовсе не комсомолом) — «разлагать оппозиционные организации изнутри». И разлагали. «Шевардени», «молодых марксистов», «американских скаутов».

Тем не менее и собственный авторитет РКСМ, который в глазах юношества, безусловно, вырос (по хорошим делам судили), перевешивал чашу симпатий в свою сторону. В Политическом отчете Заккрайкома партии II съезду коммунистических организаций Закавказья (март 1923 г.) заслуженно отмечался перелом настроений молодежи разных национальностей в пользу комсомола.

Словом, Кавказ начала 20-х — в общем полоса удач в судьбе Чаплина. Иное дело — Кавказ 1930 г. И не потому, что задачи партийной работы — посложнее и помасштабнее. Поддерживают морально, помогают освоиться «старики»: Миха Цхакая, Шалва Элиава и Орджоникидзе (в коротеньких письмах с подписью «твой Серго» и московским штемпелем на конвертах). Николай Павлович близко сошелся с 33-летним секретарем крайкома партии Рухуллой Ахундовым — одним из первых азербайджанских переводчиков Маркса, Энгельса, Ленина, авторитетным ученым-обществоведом. И все же верно сказано: в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Впрочем, уместно ли ссылаться на фатальные закономерности, коль скоро причина очевидна: работать просто не дали.

В крайкоме ВКП(б) первым секретарем — Виссарион Ломинадзе. По комсомольской юности, по КИМу — Бесо Ломинадзе. Он раньше Чаплина оказался на партийной работе и, стало быть, раньше его многое понял. И как измываются над экономикой страны, и как пе-

кутся о советском народе, и как выкручивают руки партии. Подобное прозрение произошло и с Лазарем Шацкиным (он возглавлял Цекамол до Петра Смородина). О критических выступлениях Ломинадзе и Шацкина в печати кое-кто из здешних партийцев поговаривал шепотком и с оглядкой.

Однажды Бесо уехал в Москву и больше не вернулся. Зато в крайком примчался Орджоникидзе. Чернее тучи. Срочно собрал пленум. Не поднимая глаз, отбарабанил по бумаге постановление ЦК ВКП(б) о «право-левом» уклоне». (Фигурировали фамилии «заправил» — Сырцов, Ломинадзе, Шацкин.) Закончил читать в жуткой тишине, как-то бочком проскользнул мимо поникшего Чаплина из президиума в боковую дверь — и был таков. Вот тебе и «твой Серго».

Из отчета ЦК ВЛКСМ «Борьба за линию партии — борьба за социализм»
(доклад А. В. Косарева).
17 января 1931 года.

«В среде «право-левацкого блока» мы имеем... бывших комсомольских работников. Прекрасный и способный комсомольский работник Чаплин был партией выдвинут на весьма крупную партийную работу — вторым секретарем закавказской краевой партийной организации.

Когда партия оказывает человеку такое огромное доверие, он должен сам превозмочь себя, но это доверие оправдать. Что же получилось с Чаплиным? **Чаплин, зная о настроениях Ломинадзе, не принял должных мер, не сообщил о них партии, не боролся с ними** (подчеркнуто нами.— *Д. П.*). Больше того, он способствовал работе «право-левацкого блока» [16].

Последняя фраза, должно быть, подразумевала, что, когда Бесо отлучался из Тбилиси, Николай, оставаясь на хозяйстве, прикрывал его.

Об этой заочной проработке на IX съезде ВЛКСМ Чаплин узнал в алмаатинской командировке. Характерна его реакция в письме к жене Розалии Исааковне:

«Говорят, меня **из почетных** разжаловали [17]. Это свинство, для этого у них нет никаких оснований. Ну, черт с ними, с моими бывшими приятелями. Ежели это политически треба,— пускай» [18].

Чего здесь больше — обиды или новоявленной толстовщины? Пожалуй, суть в чем-то ином, третьем. Чувствуется, что Николаю больно, он возмущен, но изо всех сил держится, сам себя подбадривает. Главное — если для большой политики нужно сцепить зубы, он готов наступить на горло своей обиде.

Тем более что ему известны и идеологический фон разоблачительной кампании вокруг «право-левацкого

блока», и другие слова старого друга Сашки Косарева на том же съезде. Они объясняют многое: «отношения борцов скрепляются единой политической точкой зрения в вопросах борьбы за революцию, за ее дальнейшее расширение»[19]. В сущности, на этих же большевистских дрожжах непримиримости к инакомыслию вырос и Чаплин.

Отныне он меченый. Обязан признавать то, чего нет, но что инкриминировано свыше. В регистрационном бланке члена ВКП(б), отвечая на вопрос «участвовал ли в оппозициях и антипартийных группировках?», написал: «В период работы секретарем ЗКК ВКП(б) в 1930 г. имел оппортунистические левацкие ошибки». В графе «имеет ли партвзыскания?» — опять вынужденное самоедство: «Выговор за оппортунистические, левацкие ошибки, январь 1931 г., постановление Президиума ЦКК ВКП(б)»[20]. Почерк ровный, спокойный, внятный[21].

А Сталин все-таки спровоцировал Николая на срыв. Битый час заставил торчать в приемной и, не подав руки, с порога окатил ледяным душем:

— Ты перед Политбюро в неоплатном долгу, Чаплин. У нас имеется на тебя... материал. К сожалению, там многовато страниц. Но партия дерется за коммуниста до конца. Мы хотим дать тебе шанс.
Николай сорвался:

— Если у вас есть на меня компромат,— берите под стражу без всяких шансов.

— А ты, Николай, не изменился. Бунтуешь, как мальчишка. На рожон лезешь. Жизнь тебя, вижу, не обломала.— И опять двусмысленная полуулыбка — то ли тень одобрения, то ли угрозы мелькнула на крапленом оспой лице.

Что да, то да: все Чаплины были неробкого десятка. В Николае это, наверное, от отца, священника не по собственной воле, смолоду тяготившегося своим саном и доставлявшего немало хлопот церковной администрации. В 1906-м, в годовщину Кровавого воскресенья, он дерзнул осудить с амвона расправу царизма над мирной демонстрацией петербургских рабочих и целый год отбывал наказание в монастыре.

Положение неверующего служителя веры угнетало и мучило Павла Павловича. В первую мировую делал попытки сложить с себя постылое бремя, но жалкая участь попа-расстриги, не способного прокормить пятерых детей, все-таки удержала его от последнего шага (сумел снять рясу лишь после февраля 1917 г.).

Сегодня, в пору повального заигрывания с религией (речь, естественно, не о фактах искреннего возвраще-

ния людей под «сень божию», а о некой «перестроечной» имитации веры), трудно понять подобное. Между тем это было.

Каждая выходка попа-смутьяна вызывала у начальства — и духовного, и мирского — понятное недовольство. Павла Павловича гоняли с места на место, выбирая для острастки самые убогие, заброшенные приходы Смоленской епархии. Только, бывало, распакуют Чаплины — Павел Павлович и Вера Ивановна, земская учительница — нехитрый домашний скарб и мало-помалу начнут обживаться, как снова — вязать узлы и трогаться в путь. Недаром так разнообразна и география рождений их детей: Александр и Мария — село Песочня, Сергей — деревня Мигновичи, Николай — Рогнедино, Виктор — Сусловичи *.

Во мнении верноподданного обывателя образ жизни Чаплиных выглядел странным и вызывающим. Лампада под киотом в красном углу поповской избы высвечивала не лик божий, смиренный и благостный, а мечущие молнии очи вероотступника Льва Толстого, преданного синодом анафеме, но бесконечно почитаемого в этой семье. Религиозных обрядов здесь не соблюдали. Детям стремились дать светское образование. Заядлыми читателями отечественной и зарубежной литературы были все — от мала до велика. Даже в годы жестоких материальных лишений родители не переставали заботиться о пище нравственной: выписывали книжные новинки, журналы, альманахи, культивируя в домочадцах пиетет знания.

«Лица необщим выражением», совестливостью, порядочностью притягивали Чаплины к себе. Не зря, наверное, Николай впоследствии обозначит социальное положение своих родителей не словом «служащие» (хотя вариант такого ответа предусматривался структурой анкетного вопроса), а — «интеллигенты». Подразумевал, видимо, особое качество жизни в отцовском доме.

После революции Вера Ивановна и сестра Маша одними из первых в здешних краях вступили в союз учителей-интернационалистов. А старший брат Александр стал в 1918-м заместителем наркома просвещения Северо-Западной области...

Николаю Чаплину уже двадцать восемь. Позади недели, месяцы, годы работы по принципу «куда бы тебя

* Все эти деревни и села относились тогда к Смоленской губернии, сейчас Рогнедино — Брянской области.

ни послала партия». Но Великий Вождь волен в мгновение ока перечеркнуть любые старания. «Ты политический банкрот, Чаплин. Скажи спасибо, что мы еще доверяем тебе хозяйственные посты». «Хозяйственные» — означало ссылку в Центросоюз. До Николая здесь побывали Каменев и Зиновьев. Надо полагать, данная организация — нечто вроде КПЗ — камеры предварительного заключения. У Чаплина даже мурашки по коже от предчувствия. «Руководящие посты» — член президиума, председатель Всекопита *.

Только это — фасад, а за ним — разбейся, но накорми страну, несмотря на пустые погреба крестьян и массовый голод. Окажи скорую помощь остро нуждающимся и не забудь про остальных. Сумей «переиграть» частного торговца и перекупщика, вытеснить спекулянта, оседлавшего черный рынок и взвинтившего цены. Твоя задача — наладить бесперебойные заготовку, закупку, отправку сельскохозяйственного сырья и продуктов питания во все республики.

Разрывается безответный телефон в чаплинском рабочем кабинете: в столице Николай бывает редко. В тонкости кооперативного дела вникает на местах, вгрызаясь в него так, будто это его призвание. Сдвиги пока лишь брезжат. Они неравны усилиям. И порой Чаплину кажется — конец, выдохся, нервишки соскочили со всех крючков. Потом спохватывается: стоп, ведь «товарищу Сталину» только того и нужно, чтобы ты провалился. Да и провалиться-то немудрено: на хлебодарной испокон веков Украине младенцы застывают у высохшей материнской груди, взрослое население сплошь подкошено бескормицей, а в государственных закромах (недоступных для Золушки-кооперации) гноится отборное зерно.

Почти три года отдано Всекопиту. Николай благодарен им за два открытия.

Первое. К своему удивлению, обнаружил, что кулак эпохи «великого перелома» — и не кулак вовсе. Он не похож на того деревенского буржуя, который в гражданскую кроваво шалил с обрезом и топором в прифронтовой полосе.

Второе открытие. Не мотайся Чаплин «от Москвы до самых до окраин», возможно, и не узнал бы, **кто** автор голода. И повторял бы, как попугай, что всему виной неурожай, плюс вредительство, плюс разгильдяйство.

* Всесоюзная кооперация общественного питания.

А постигнув механизм и масштабы «стихийного бедст вия», помноженного на «саботаж», Николай содрогнулся И уже не первоначальное (с обиды, сгоряча) — доказать, что справится, что не подведет, поднимало его чуть свет, а люди, его соотечественники, которые попали в еще бо́льшую, чем он, беду.

Форсированная индустриализация требовала постоянного притока рабочей силы. Чтобы огромная масса людей в ускоренном темпе раскручивала махови́к пятилеток, ее надлежало кормить. В этой связи в 1931 г. были приняты сразу два постановления — ЦК ВКП(б) (август) и Совета Труда и Обороны (ноябрь). Первое — «О мерах улучшения общественного питания», второе — о необходимости строить фабрики-кухни и рабочие столовые в промышленных городах. Оба решения напрямую касались Всекопита, и Чаплин сразу же взял их на прицел. Центросоюзовским ветеранам запомнилось, как он внушал на оперативках: хорошая столовая, где кормят вкусно и дешево, поднимает настроение и вместе с ним производительность труда, плохая — источник раздражения и недовольства, то есть тормоз в работе [22].

Николай без проволочек утверждает сроки ввода в действие каждого объекта питания, назначает ответственных, встречается со специалистами из проектно-монтажного треста, различных НИИ, стремится устранить малейшие помехи на пути очередного заказа. Карта над его письменным столом пламенеет флажками — символами досрочно сданных в эксплуатацию крупных столовых и фабрик-кухонь: Волхов, Ижевск, Нижний Новгород, Сормово, Сталинград.

Тракторный на Волге. Ударная комсомольская стройка, 60 процентов рабочих — молодежь. Но бытовые условия — ужасны: густонаселенные бараки, антисанитария (при этом куска мыла в киоске не купишь), питание скудное, а на пустой желудок не очень-то настроишь. Хотя бы горячими завтраками и обедами поддержать ребят.

В помощь косаревской бригаде в составе цекамольцев и газетчиков из «Комсомолки», которая прибыла в Сталинград для ликвидации прорыва (трактором-первенцем наверх отрапортовали, а конвейерный выпуск не дается), Чаплин направляет специальный отряд строителей, кулинаров, выделяет автомашины, инвентарь и оборудование для заводской фабрики-кухни. К концу года удалось в шесть раз поднять «питающие мощности» предприятия.

А всего на финише пятилетки в столовых страны ежедневно питалось около трех четвертей рабочих важнейших отраслей индустрии [23]. Николай даже получил шутливое прозвище — «повар всея Руси».

И загодя обдуманно заготовленная ловушка опять не захлопнулась. Хозяин вынужден был оценить достоинства работника, когда, казалось, все ополчилось против него. Для пользы дела он нашел применению чаплинской энергии еще один горячий участок — политотдел Мурманской (позже Кировской) железной дороги.

«Поздравляю, товарищ начальник политотдела. Поступаешь в распоряжение Ленинградского обкома партии»,— это было последнее напутствие Сталина. Больше они не встречались. Иосиф Виссарионович передал Николая с рук на руки Лазарю Моисеевичу Кагановичу.

Подавленным появился Чаплин в Смольном у Кирова. Его тяжелое состояние ощущаешь даже из пропущенного через густые редакторские и цензорские фильтры (как полагалось прежде) рассказа-воспоминания.

«Он [Киров] с улыбкой обратился ко мне:

— Здравствуй, Чаплин! Приехал? Ну как, выйдет у тебя?

— Приехал,— говорю я,— но не знаю, как у меня «выйдет». Это дело для меня новое.

— Ну брось! Должно выйти,— ободряюще сказал Мироныч» [24]. И в ответ на поспешное заверение Николая, что по пустякам беспокоить не будет, энергично возразил:

— Звони, когда нужно. Я здесь сижу для того, чтобы вы меня беспокоили [25].

Чаплина изберут членом Ленинградского, Карельского обкомов ВКП(б), и он не раз наведается к Миронычу и домой, и в Смольный. А пока едет «принимать хозяйство» на Кольском полуострове.

Из письма жене Р. И. Липской.
16 августа 1933 года

«...Мурманский порт — удивительно прекрасная гавань, созданная самой природой. Был в Хибиногорске — в этом новом городе, выстроенном со сказочной быстротой, за какие-нибудь два года. Ознакомился с добычей и обогащением апатитовой руды, получением концентрата, который идет на удобрения для наших социалистических полей. Так его и называют — «камень плодородия». Самое характерное, что меня поразило,— это горячка строительства, которая захватила Кольский полуостров. Север — уже не тот. Здесь поднимаются новые города, электростанции, химкомбинаты, разрабатываются недра земли. Заезжал в Медвежью гору... Был в Повенце на Беломорском канале. Проехали семь шлюзов. Исключительно интересное сооружение. Работы на самой дороге — непочатый край...» [26]

Николай Павлович, естественно, умолчал, что и на Беломорканале, и на Мурманской дороге львиная доля рабочей силы — заключенные или поднадзорные.

Надсмотрщика с нагайкой из него не получилось. Не могло получиться. Политработника в сталинском понимании — тоже. Разве по правилам Системы допустимо закрывать глаза на вопиющий поступок заведующей библиотекой станции Масельская Пименовой, которая «решила списать как ненужные брошюры тов. Жданова об ошибках Саратовской парторганизации, речь тов. Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев и т. д.»? [27] Чаплину это обязательно припомнят, но пока он не знает, что уже на крючке у НКВД, и трудится. Главным образом там, где лихорадит. «За образцовую работу по подъему железнодорожного транспорта и перевыполнение плана железнодорожных перевозок 1935 года» Президиум ЦИК СССР наградил его орденом Ленина (4 апреля 1936 г.).

Однако финальные месяцы на Кольском — не ровня стартовым. Объемы заданий постоянно (и не пропорционально возможностям) возрастают. Нагрузки на людей гипертрофически увеличиваются. Снабжение, напротив, все хуже и хуже: техника, промтовары, продукты питания — сплошной дефицит. Чаплин раздражает Центр просьбами-предупреждениями: так дальше нельзя. Пресса, совсем недавно столь щедрая на цветистые похвалы в его адрес, стала несколько сдержаннее, потом совсем охладела и наконец разразилась бранью.

Николай Павлович нет-нет да и замечал слежку, но не представлял, какой длинный шлейф уже тянулся за ним.

«С. секретно

**Уполномоченному КПК при ЦК ВКП(б)
по Ленинградской области тов. Рубенову.**

14 ноября 1936 г.

Промышленно-транспортный отдел Ленобкома ВКП(б), по указанию тов. Щербакова, направляет вам копию докладной записки «О проверке состояния работы Кировской железной дороги» и выписку с выступлениями ряда лиц на закрытом партийном собрании Управления Кировской жел. дор. о начальнике политотдела дороги тов. Чаплине.

Зам. зав. промышленно-транспортным
отделом Ленобкома ВКП(б) Багаев» [28].

«Совершенно секретные» бумаги курсировали и последовательно (от инстанции к инстанции — выше и выше), и параллельно, и перекрестно — по каким-то та-

инственным, понятным лишь для посвященных законам Системы. Рапорты, докладные записки, отчеты, справки — бесконечные вариации одного и того же всемогущего жанра — Доноса. Часть их осела в архивах.

Что касается Чаплина, «факты» накапливались и выстраивались против него.

«Проверкой работы политотдела Кировской железной дороги установлена засоренность партийного аппарата (политотделы, парторги), плохое изучение и знание людей, отсутствие решительной борьбы с выкорчевыванием троцкистско-зиновьевских подонков».

(Оставим стиль на совести авторов и поясним читателю: «засоренность» означала наличие родственников в соседних Латвии, Литве, Эстонии, а также неподходящее социальное происхождение самих работников — сын бывшего лесопромышленника, лесоторговца, купца.)

«Особенно плохо подбирались люди в политотделы отделений. В Кандалакшском политотделе работало 12 человек из троцкистско-зиновьевской банды... Всем этим людям давались лучшие характеристики... Усыплялась бдительность парторганизации. Начальник политотдела дороги тов. Чаплин и начальник п/о «Кандалакша» Павлов дают такую оценку оппозиционеру Журавлеву: «хороший организатор, дисциплинированный большевик, умеющий организовывать коммунистов», и ни слова в этой характеристике, что он был в оппозиции. Такую же дали характеристику другому активному зиновьевцу Лесину: «один из лучших инструкторов... отклонения от генеральной линии партии за тов. Лесиным не замечалось».

...Коммунисты плохо знают конкретную борьбу партии против троцкизма. Член партии с 1925 г. Кирищук в депо «Волховстрой», занимающийся в кружке истории партии, на вопрос «в борьбе с какими врагами закалилась наша партия» ответил: «в борьбе с капитализмом и буржуазией».

Радиоузлы находятся в руках беспартийных, непроверенных людей» и т. д. [29]

Заключительная часть докладной записки посвящена самому начальнику политотдела. Скрупулезно зафиксированы дни, недели, даты, когда на квартире Чаплина бывали «враги народа» (имярек) разного калибра. Николай Павлович обвинялся в беспринципном, примиренческом отношении к контрреволюционным элементам и пособничестве им.

Но весь этот склад политической взрывчатки ждал своего бикфордова шнура. Как ни странно, транспортная эпопея Чаплина на этом не кончилась. Последовало назначение начальником Юго-Восточной железной дороги (Воронеж).

Воронежская пора его жизни полна сгустившейся тревоги и недобрых предчувствий. Они не просто навеяны — выверены событиями последних лет. Розалия Исааковна вспоминала, что с работы Николай приходил напряженный, оттаивал с трудом, улыбался вымученно и невпопад. Опасаясь расспросов, на которые ответить мог лишь уклончивым «все хорошо», спешил окунуться в бесхитростные заботы ребятни. Будто старался развести руками беду, притаившуюся у порога. Все чаще тянуло почитать Есенина. Он был теперь в опале, почти что запрещен. Со Всесоюзного съезда писателей пошло гулять обидное — «идеолог кулачества». Ох уж эта наша советская страсть непременно пришивать ярлыки. Да крепко-накрепко: не то что одежду — кожу прихватываем. Чаплин от Есенина никогда не отрекался. «Трерядницу», «Голубень», «Преображение» знал наизусть. Только сейчас, под стать настроению, в голову лезли совсем другие строки поэта.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всаднкки
Сеют копытлнвый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое саднтся,
Приподняв свой цилиндр
И откннув небрежно сюртук.

Бывало, так и не поборов бессонницу, Николай повторял эти слова почти без голоса, одними губами. С некоторых пор у него появился собственный черный человек. Лазарь Моисеевич Каганович. Нарком путей сообщения. Член Политбюро, секретарь ЦК. Он вездесущ. Настигает и в рабочем кабинете, и в бесконечных служебных разъездах, и дома. Не успеет прорезаться телефонный звонок из Москвы, как Чаплин ощущает нехватку воздуха. Будто над ним нависла и давит мрачная, набухшая удушливой влагой туча. Вот она разверзлась и хлещет его по лицу, по затылку свинцовыми струями. Вколачивает обвинения в том, что он «жулик и вор, так бесстыдно и нагло обокравший кого-то». Это Каганович, пуская в ход слухи, подозрения и наветы, распекает подчиненного. «Выбивает» из него списки «транспортных бракоделов, саботажников, шпионов, диверсантов». Николай сопротивляется: «Лазарь Моисеевич, у меня есть все основания считать, что намеренное вредительство исключено. Ошибки, недоделки, головотяпство — сколько

угодно. Дорога жутко запущенная, в техническом отношении, можно сказать,— позавчерашняя, о чем я неоднократно докладывал». Нарком не любит строптивых. Не скрывает раздражения. Значит, партийно-административных плеток не миновать. Но как-то, быть может, разнообразия ради Каганович решил скаламбурить: «Ты, Чаплин, кажется, первым генеральным был в комсомоле. Гнилая же от тебя пошла генерация. Вы, комсомольцы, не резерв партии, а резервуар вражеской агентуры. Я убежден, мороки энкеведистам с вами надолго хватит».

Да, теперь многими его товарищами по комсомолу усиленно интересуется НКВД. И пощады не жди. Там нет Сольца, сурово-совестливого Сольца, который хотел знать одну только правду и ничего, кроме правды, а не расставлял силки на добычу, как эти псевдочекисты. Сольцу Николай признался в 30-м, что был связан с «леваками» *. Письменно засвидетельствовал, что в 1929-м, учась на курсах марксизма-ленинизма, «неоднократно с ними встречался и беседовал по политическим вопросам». «Больше того,— не скрывал Николай,— мои «левацкие» настроения того времени были официально выражены в моем письме в ЦК ВКП(б), в котором я протестовал против снятия Кострова с поста редактора «Комсомольской правды» **.

Эхо разносов «железного наркома» выплескивалось на страницы ведомственной газеты «Гудок», в свою очередь не стеснявшейся в выражениях. Чаплин работал на ЮВЖД всего три месяца, а орган Народного комиссариата путей сообщения ничтоже сумняшеся клеймил его за роль «постороннего наблюдателя», спокойно созерцающего «вражеские махинации на дороге», который «политически неправильно ориентирует командиров, по существу... отвлекает внимание от разоблачения недобитого японо-немецко-троцкистского охвостья» [30].

* В результате дополнительного расследования по делу Н. П. Чаплина в 1955 г. выяснилось: «Участие Чаплина Н. в левацкой группе Ломинадзе действительно имело место в 1928—1930 гг. Этот факт был расследован и разрешен органами партийного контроля. По решению Президиума ЦКК ВКП(б) от 3 января 1931 г. Чаплину объявлен строгий выговор за то, что он разделял ошибочные взгляды Ломинадзе по вопросам зарплаты, советского аппарата и внутрипартийной демократии и, будучи в 1930 г. одним из секретарей Закавказского крайкома ВКП(б), поддерживал его в практической деятельности» (из Персонального дела Н. П. Чаплина, хранящегося в ЦПА ИМЛ).

** Из Персонального дела Н. П. Чаплина, хранящегося в ЦПА ИМЛ.

Николай знал цену такого рода инкриминациям. Не новичок на транспорте, он быстро разобрался в истинных причинах срыва графиков и крушения поездов. Хромало на обе ноги, требовало оперативного вмешательства техническое оснащение дороги. Выдохлись и стояли от непомерных перегрузок отжившие свой век механизмы. Говорить о производственных мощностях можно было лишь с большой натяжкой. Это, скорее, сплошная производственная немощь. Процент «больных паровозов» продолжает расти. Никудышный ремонт и как следствие — угрожающее число отцепок в пути.

А кадры? Ими, пожалуй, не слишком здесь дорожат. Штрафы, аресты, трибуналы. Удивительно ли, что на ЮВЖД хронический дефицит инженеров и просто квалифицированных рабочих. Латаешь кадровые дыры на одном участке, а они тем временем возникают на другом. Да и морально-психологическая обстановка... чем дальше, тем хуже.

Чаплину становилось каждый раз не по себе, когда замечал отчаяние в глазах путейцев. Сколько он перевидал их еще на Кольском — больных, обмороженных, черных от копоти и мазута, снующих вдоль насыпей с ломами и кувалдами. В массовках кинохроники они (вернее, те, кто их изображал) выглядели победно. «Сильные люди,— возвещал дикторский текст,— тянут стальную магистраль». Жилы они из себя тянули на самом деле.

В докладных Центру Николай не сглаживал острые углы, но и не драматизировал неудачи. Предлагал возможные выходы из «рельсового тупика». Но его не слышали, не желали услышать. Легче было списать организационно-хозяйственные провалы на «вражеские диверсии», «политическую близорукость и вредный антипартийный тон» начальника дороги.

Как все же не похож Каганович на Н. К. Крупскую, А. В. Луначарского, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, с которыми Чаплину посчастливилось сотрудничать в комсомольские годы. Помнится, он, секретарь Цекамола, делегат XIV съезда ВКП(б), напряженно следит за коллизией на трибуне. Ему тоже предстоит выступать в прениях. Наверное, естественно, что Н. И. Бухарин, М. Н. Рютин, П. П. Постышев (это их право) порицают Г. Е. Зиновьева за особое, отличное от партии мнение. За содоклад от ленинградской делегации — в противовес Политическому отчету Центрального Комитета ВКП(б),

с которым выступил И. В. Сталин. Но вот Надежда Константиновна решительно не согласна присоединяться к бичующим. Ей органически не по душе, когда принципиальное выяснение вопроса подменяется организационной склокой:

«В прежние времена наша партия складывалась в борьбе с меньшевизмом и эсерством, в спорах с ними у членов партии складывалось убеждение, что именно большевистская линия — наиболее правильная линия. Теперь, товарищи, мы живем в других условиях. Нам нужно как-то иначе вырабатывать коллективное мнение партии. Большинство товарищей работает в очень разных условиях и разных областях работы, и поэтому они видят действительность с несколько разных точек зрения. Надо как-то дать возможность этим точкам зрения выявиться. Это необходимо не только для отдельных членов партии, это необходимо для правильного нащупывания партийной линии... Я думаю, что тут совершенно неправильно раздавались выкрики по адресу тов. Зиновьева, что это позор, что член Политбюро высказывает особую точку зрения. Мы, большевики, выросли в такой традиции, что съезд — высшая инстанция, и что съезду каждый должен сказать по совести, что волновало и мучило его последнее время» [31].

Тогда, в декабре 1925 года, Николай не осознавал до конца, что Крупская взывала к лучшему, что было в старой ленинской гвардии. Не случайно напомнила о большевистской традиции — не превращать идейно-теоретическое разномыслие в ледяное противостояние сторон. Теперь ясно понимал: Надежда Константиновна предостерегала от коммунистической междоусобицы. Она верно разглядела ее истоки и последствия. Но Крупской, увы, сейчас нет. Нет и Мироныча, и Анатолия Васильевича, и Серго. Есть Лазарь Каганович, и это — реальность...

В последний месяц телефонные выволочки участились. Однажды нарком позвонил в разгар дорожной профсоюзной конференции. Настаивал на немедленном выезде Чаплина в Москву. Николай под разными предлогами отказывался. Сослался, в частности, на то, что председательствует на конференции.

— Мне лично уйму вопросов задали. Неудобно както все бросить и укатить.

— Нашелся незаменимый. У тебя что — замов нет? — грубо оборвал Каганович. И, неожиданно сменив гнев на милость, с насмешливо-вкрадчивой интонацией добавил: — Не бойся, не задержу. Москвой полюбуешься, вдохнешь столичного кислорода — и поворачивай оглобли в свой медвежий угол.

Так. Издевается уже в открытую. Никаких надежд не оставляет. Черный человек требует мою душу...

Объяснил жене, что Лазарь зря пороть горячку не станет: «Может, донос на меня, а может, окончательно не устраиваю, своего кого-нибудь посадить на мое место решил. Ты, главное, в Воронеже не задерживайся. Собирай детей — и следом за мной. Пока я возглавляю дорогу, тебя отправят в Москву нормально. А там, если меня арестуют, Александр и Маша вас приютят».

Роза все-таки опоздала. Приехала в Москву, когда Николай уже был арестован, а Кагановичский (опять роковое совпадение!) райком ВКП(б) Воронежа в спешном порядке исключил его из партии.

Из рассказа Марии Павловны Чаплиной, записанного в 1983 г.

«С неделю, наверное, Каганович мытарил брата. Вызывал к себе, главным образом, по ночам (привычку бодрствовать, когда простые смертные спят, позаимствовал у вождя.— *Д. П.*). Вымогал списки врагов народа. Николай упорствовал: таких, мол, на ЮВЖД нет. Но посыльных за ним не присылали. Обычно звонили из приемной Кагановича и говорили, куда ехать.

А тут вдруг около часу ночи появились трое. Спросили Николая. Он поочередно ночевал то у меня, то у старшего брата Александра. Сегодня мы все засиделись допоздна, никак не могли расстаться, наглядеться друг на друга, и всего несколько минут, как Саша с Колей ушли. Так мы с мужем и ответили нашим гостям непрошеным. С нами простились подчеркнуто вежливо. Я не могла унять сердце. Оно металось под самым горлом, дышать мешало. Чуяло — это конец.

Назавтра Александр ни свет ни заря был у нас. С лица спал, глаза красные, воспаленные. Оказывается, только они с Николаем домой добрались (Коля едва успел стянуть сапоги), как те самые постучали в дверь.

— Кто здесь Чаплин Николай Павлович? У товарища Кагановича срочное совещание.

— Я Чаплин. Какое уж там совещание, раз вы втроем — на одного... Николай взялся за лацкан пиджака, хотел снять орден Ленина. Чтобы не пропал где-нибудь в застенках НКВД.

— Не надо, оставьте. Мы едем в Кремль. Там награды не отбирают. Через часок-другой вернетесь.

Коля смолчал. Обнял Александра (остальные домочадцы спали). Братья присели, как перед дальней дорогой. «Поцелуй своих, Машу и не дай пропасть Розе с детьми»,— шепнул на прощанье.

Больше мы Николая не видели».

Жена Чаплина обивала пороги «казенных домов». Кое-где выслушивали. Кое-где обрывали на полуслове. Кое-где подавали призрачную надежду. Кое-где беспомощно пожимали плечами. И абсолютно везде — она это нервами ощущала — старались быстрее от нее избавиться. Подобных посетителей в Москве 1937 года было не счесть.

Пока обещали свидание на Лубянке и почему-то оттягивали его, выяснилось, что Николая перевезли в Ленинград, в Кресты. Рванулась туда и опять опоздала: ей отстраненно-холодно сообщили, что Чаплина нет в живых. «Знающие люди» в Большом доме на Литейном (так ленинградцы изначально называют НКВД (КГБ) настойчиво рекомендовали возвращаться к детям и сидеть тихо, не возбуждая никаких ходатайств. Роза не помнила, как добралась до Москвы, как обняла ребят, пригретых в семье Марии Павловны Чаплиной и Георгия Арсеньевича Владимировича. Но до самой смерти надеялась, что в Питере ее обманули: не мог Николай Чаплин, сильный, могучий человек, так скоро уйти из жизни. Она ждала его. Ждала и после повестки о посмертной реабилитации.

А в Ленинграде упрямо искала правду Вера Михайловна Чаплина, жена Сергея, младшего брата Николая. Вступившись за поруганную честь Чаплиных, эта отважная женщина рассылала заявления-протесты в адрес февральского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б), президиума XVIII съезда партии, обращалась к Сталину, Молотову, Швернику, писала Верховному прокурору страны и Военному прокурору Ленинградской области, руководству Министерства внутренних дел СССР и МВД ЛО. Ее исключили из партии, неоднократно увольняли с работы, оставляя с детьми без средств к существованию. Вера Михайловна не отступала. Ей удалось пробиться к начальнику Управления НКВД Ленинградской области Гоглидзе и даже в секретариат Берии, где она тщетно добивалась справедливости, взывала к человечности. Только после XX съезда КПСС поняла, что пыталась сделать правозащитниками (ирония судьбы!) самих авторов беззакония и насилия, матерых палачей.

4 марта 1955 г. Вера Михайловна дала показания в Военной прокуратуре Ленинградского округа.

Из показаний В. М. Чаплиной

«Я могла судить и судила о Сергее Чаплине не только как его жена и друг, но и как человек, бок о бок с ним работавший за кордоном в 1933—36 годах и в органах УНКВД ЛО с 1936 года по день его ареста (1 июля 1937 г.— *Д. П.*)... Из бесконечного количества наблюдений и фактов, которые неотразимо свидетельствуют о его безграничной и бескорыстной преданности партии и Родине, я приведу здесь только один пример. В бытность нашу с мужем на работе за кордоном понадобилось переправить в крайне рискованных условиях исключительной важности и секретности документы. Возник вопрос, кому можно доверить это ответственное дело с полной уверен-

ностью в том, что если будет надо, то исполнитель этого безоговорочно принесет себя в жертву, но не испортит операции.

Сергей Чаплин назвал тогда мое имя, не считаясь с тем, что я была его женой и матерью двух его маленьких детей. Кандидатура была принята, операция выполнена».

Они поженились в 26-м. Вера близко знала семьи братьев мужа — Николая и Виктора. Сережу и Витю взяли сразу после ареста Николая. Всех обвинили в принадлежности к контрреволюционной организации, которую якобы возглавлял Николай Чаплин. Цель ее — ни больше ни меньше как покушение на Л. М. Кагановича. В этой террористической акции Сергею, разведчику высшего класса, отводили роль боевика — исполнителя бандитского замысла своего брата.

«...Я знала очень близко брата мужа Николая Чаплина... Это был человек, не допускавший никаких компромиссов со своей совестью... Стоило только заглянуть в любую квартиру, где жил Николай, чтобы убедиться в том, что этот человек никогда не использовал своего служебного положения и никогда в своей жизни не руководствовался какими бы то ни было корыстными устремлениями.

По складу своего характера, по своим большевистским убеждениям Николай Чаплин не мог быть и никогда не был врагом партии, никогда не изменял своей Советской Родине...

После осуждения моего мужа ОСО ко мне пришел мужчина среднего роста, с очень выразительными глазами. Он сказал мне — я не спрашивала, кто он такой,— что сидел длительное время вместе с Сергеем Чаплиным. Он был поражен теми пытками, которые пришлось перенести моему мужу. Он глубоко убедился в благородстве этого человека и просил меня приложить все силы для его реабилитации. Этот человек заходил по просьбе моего мужа.

Второй человек был армянин, высокого роста, с умным и благородным лицом. Он назвал себя профессором химических наук. Он, видимо, знал Николая по Закавказью. Имени своего он также не назвал. Кто ему дал мой адрес, я не знаю, только он заявил, что иначе поступить не мог. Он должен рассказать родным, в каком положении ему пришлось видеть Николая Чаплина. А единственным родственником Николая в Ленинграде в тот момент была я, которая оказывала ему и всем братьям постоянную помощь деньгами в тюрьме.

У Николая Чаплина были отбиты все внутренности. Он не в силах был двигаться, потерял рассудок и бредил. Он много и бессвязно говорил, повторяя все время: «Партия, партия, партия...»

...Нам не дано узнать, о чем была, к кому устремлялась последняя мысль Николая Павловича перед смертью. Перед убийством. Кого вспоминал он и чье лицо, быть может, старался удержать в угасающей памяти. Ведь у него на воле оставалась семья.

Нам не дано знать, каким был день заката — 22 сентября 1938 г. Нам не дано многое. Но лишь на одно мы просто не имеем права — представить его на коленях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] XIII съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963. С. 215.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 488, л. 8, 9.
[3] См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 7. С. 78.
[4] См. там же. С. 83.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 302.
[6] *Мильчаков А.* Писать все-таки надо//Смена. 1988. № 12. С. 14.
[7] XIV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 377.
[8] *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. С. 31—32.
[9] VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ: Стенографический отчет. М., 1928. С. 443.
[10] См. подробнее: *Яковлева Т.* Тарас Костров//Помним о вас. М., 1989. С. 29.
[11] ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 13, л. 105.
[12] ЦА ВЛКСМ, ф. 1, оп. 3, д. 3, л. 247.
[13] *Москвичев А. Н., Соколов Я. Д.* Николай Чаплин. Тула, 1969. С. 27.
[14] См. подробно: *Полякова Д. И., Кремнев-Хазанов А. М.* ...Вступаю в новую полосу революционной работы. (Документальный очерк о Николае Чаплине.)//Позывные истории. М., 1985. Вып. 8. С. 215—222.
[15] *Чаплин Н.* На помин их буржуазной души//Красные всходы. 1923. № 1(4). С. 87.
[16] IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ: Стенографический отчет. М., 1931. С. 38.
[17] На VIII съезде ВЛКСМ Н. Чаплин был избран «почетным комсомольцем», а на IX это решение было отменено.
[18] Архив К. Н. Чаплиной.
[19] IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ: Стенографический отчет. С. 38.
[20] Партархив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС (далее — ЛПА), ф. 1728, оп. 1, д. 814, регистрационный бланк.
[21] Кстати, в 1930 г. Н. П. Чаплин — член ЦКК. Кандидатом в члены ЦК ВКП(б) избирался на XIII, XIV, XV и XVI съездах партии.
[22] См.: *Аксельрод В. С.* Как мы учились торговать. М., 1982. С. 84—85.
[23] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971. Т. 4. Кн. 2. С. 217—218.
[24] Наш Мироныч. Л., 1969. С. 352.
[25] *Чаплин Н.* На транспорте//Товарищ Киров. М., 1935. С. 353.
[26] Архив К. Н. Чаплиной.
[27] ЛПА, ф. 1728, оп. 1, д. 814, л. 8.
[28] ЛПА, ф. 1728, оп. 1, д. 814, л. 1.
[29] ЛПА, ф. 1728, оп. 1, д. 814, л. 2, 4, 6, 9.
[30] Гудок. 1937. 3 июня.
[31] XIV съезд ВКП(б): Стенографический отчет. С. 158—159.

О. Ф. Сувениров

ЗА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ВОИНОВ РККА

(Из истории сопротивления личного состава Красной Армии произволу органов НКВД в 1937—1941 гг.)

Вопрос о противодействии репрессиям сталинщины особенно важен применительно к многим тысячам опозоренных и уничтоженных в 1937—1941 гг. от имени Советской власти командиров и политработников РККА, составлявших красу и гордость нашего народа, прошедших огни и воды гражданской войны, не раз бесстрашно смотревших в лицо смерти. Теперь-то мы знаем, что все обвинения их во вредительстве, в заговорщичестве, в шпионаже были ядовитым плодом злонамеренной лжи, подлой умышленной фальсификацией, состряпанной тогдашним руководством НКВД по прямому указанию главного палача советского народа — Сталина. Так неужели же и герои гражданской войны покорно смирились с этой гнусной клеветой, с вопиющим беззаконием и не делали никаких попыток, чтобы хоть как-то пресечь или хотя бы ослабить это «царюющее зло»?

Любые, даже самые незначительные попытки противостоять беззаконию были тогда невероятно сложны. В условиях режима деспотизма, опирающегося на тотальное насилие, была крайне затруднена не только открытая, демократическая, политическая борьба против курса государственного терроризма, не только крайне ограничена способность личности противостоять совершающемуся против нее произволу, но даже хоть сколь-либо критическое отношение практически было невозможно. Оно немедленно доходило до «всеслышащих» ушей. Беспощадная моральная и физическая расправа следовала незамедлительно.

Возможность борьбы с беззаконием и произволом НКВД против военных кадров серьезно затруднялась обстановкой глубокой секретности, тщательно разработанной системой сокрытия фактов «изъятия» командиров и политработников. Официально в открытой печати было объявлено в июне 1937 г. лишь о «вскрытом орга-

нами НКВД» «военном заговоре в РККА» и о приговоре Специального судебного присутствия Верховного суда СССР восьми высшим командирам РККА во главе с маршалом М. Н. Тухачевским.

Конечно, в той части, соединении, где служил арестованный командир, политработник, красноармеец, об этом факте знали. Но в целом основная масса личного состава РККА находилась в неведении об истинном размахе всеармейской трагедии 1937—1938 гг. Да что говорить о тогдашнем времени, если и сейчас, по прошествии более полувека, все еще не знаем достаточно точных, научно проверенных данных о ней...

Уже к середине 30-х гг. в стране в целом, в ВКП(б) в особенности, а следовательно, и в РККА царила самая настоящая истерия всеобщей подозрительности, все более нараставшая кампания по вылавливанию якобы всепроникающих «врагов народа» — «бухаринско-троцкистских диверсантов и шпионов» — и еще более многочисленных «двурушников». Безраздельно господствовала усиленно насаждаемая официальная идеология беспощадной расправы со всеми инакомыслящими.

Все это не могло не порождать и порождало у подавляющего большинства воинов РККА чувство страха, полной беспомощности человеческой личности перед мощной разветвленной всемогущей системой карательных органов во главе со всесильными особыми отделами Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Ведь всякое не то что порицание, но даже самое робкое сомнение или недостаточно убедительно и восторженно выраженное одобрение «очистительной» деятельности особых отделов квалифицировалось как контрреволюционная антисоветская вылазка, как «клевета на НКВД» (мол, органы не ошибаются) и беспощадно каралось. Положение в РККА усугублялось тем, что здесь всякое бесчинство особых отделов в конечном счете оформлялось приказами командования и малейшее несогласие с ними сразу же трактовалось как выступление против существующей системы подчиненности, то есть как одно из опаснейших воинских преступлений.

Казалось бы, все должны были в ужасе замереть в обстановке леденящего душу разгула деспотизма. Но исследование недоступных ранее документов показывает, что даже в беспрецедентно жестоких условиях сталинщины немало командиров, политработников, красноармейцев находили в себе силы для борьбы за свои честь

и достоинство, за то, чтобы разоблачить беззаконие и произвол, сохранить себя в рядах Советских Вооруженных Сил для будущей все реальнее надвигающейся вооруженной схватки с фашизмом.

Первыми на этот трудный бой вышли люди, сами ставшие жертвой беззакония. Большинство из них в то время еще не смогло подняться до осознания подлой преступности чинимых НКВД злодеяний, под влиянием мощной официальной пропаганды морально оправдывали расправу с искусственно фабрикуемыми «заговорщиками» и другими «врагами народа», продолжали наивно верить в «великого» Сталина, в его непричастность к творимым злодеяниям, его «неосведомленность» в них. По свидетельству капитана Д. Н. Нешина, одного из невинно пострадавших в те годы, по ночам из «тюрподов» (тюремных подвалов) доносились крики истязуемых советских воинов: «Сталин, заступись!»[1] Но все это не может ни в малейшей степени уменьшить нашего глубочайшего уважения к тем, кто стал жертвой произвола.

Как выявить случаи сопротивления в армии сейчас, спустя более полстолетия? Как они фиксировались в то время? О размахе сопротивления можно косвенно судить по учтенным особыми отделами военных округов фактам «контрреволюционных вылазок» в 1937 г.: в Белорусском — 251 факт, в Харьковском — 260, в Ленинградском — 776, а в Киевском военном округе — 846 подобных случаев[2]. Это только за один год и только то, что особистам удалось «засечь» и зафиксировать. Об истинном масштабе этого явления свидетельствует и то, что всего за 40 дней (с 1 декабря 1940 по 10 января 1941 г.) среди личного состава лишь одной 17-й армии особыми отделами было зарегистрировано 396 случаев «отрицательных проявлений»[3].

С противодействием репрессивной политике власти столкнулись уже в первые месяцы 1937 г. Очень характерные события развернулись весной на линкоре «Парижская коммуна» на Черноморском флоте. Во время выборов партбюро военком корабля Бакулин предложил отвести кандидатуру политрука Эйдельвайна, обвинив его в «связях с чуждым элементом». Никаких фактов, естественно, приведено не было. Но большинство коммунистов поверило военкому без доказательств. Однако 10 апреля 1937 г. четыре члена партии — Гасилин, Каневский, Поляков и Рыжнков — обратились в партбюро

линкора с заявлением, в котором взяли политрука под защиту, обвинив Бакулина в клевете. Копию своего заявления они послали во флотскую газету «Красный черноморец», и та 11 апреля опубликовала его под рубрикой «Полностью соблюдать внутрипартийную демократию». Публикацию газета сопроводила комментарием «От редакции», в котором поддержала заявление и даже выразила надежду, что парторганизация линкора обеспечит права членов партии при выборах и полную внутрипартийную демократию, поскольку выпад Бакулина разоблачен как клевета, как месть за критику.

На следующий же день «Красный черноморец» напечатал принятое единогласно решение партбюро линкора об объявлении члену ВКП(б) Бакулину строгого выговора «за антипартийное выступление на отчетно-выборном собрании парторганизации с необоснованным, клеветническим обвинением тов. Эйдельвайна, с целью опорочить его перед собранием...» Здесь же была помещена информация о том, что начальником политуправления Черноморского флота армейским комиссаром 2 ранга Г. И. Гугиным перед политуправлением РККА поставлен вопрос об отстранении Бакулина от занимаемой должности. Обо всем этом корреспондент «Правды» Н. Токарев подготовил статью «Клевета в ответ на критику», которая заканчивалась утверждением: «Большевики флота не потерпят бакулинских нравов на кораблях». Были набраны гранки.

Но тут в дело вмешался редактор «Правды» Л. З. Мехлис. 14 апреля он обратился к Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову, Ежову и Ворошилову: «В редакцию поступило сообщение крымского корреспондента «Правды», побывавшего в Севастополе. Мы его корреспонденцию печатать в «Правде» не намерены. Факты, о которых пишет корреспондент, а равно и то, что все это размалевывается на страницах «Красного черноморца», заставляют бить тревогу. Вряд ли целесообразно такие вопросы и в такой форме обсуждать на страницах местных красноармейских газет». Уже 16 апреля начальник политического управления РККА Я. Б. Гамарник докладывал Сталину:

«Факты, сообщенные Вам тов. Мехлисом, и материалы, помещенные в газете «Красный черноморец», мы рассматривали с тов. Ворошиловым. Командируем в Севастополь помполита начальника Морских Сил т. Ильина с группой политработников для расследования этих дел и исправления допущенных ошибок. В Севастополь уже

послана комиссия Генерального штаба для проверки работы штаба Черноморского флота. После этих обследований тов. тов. Кожанов (флагман флота 2 ранга, в то время командующий Черноморским флотом.— *О. С.*) и Гугин будут вызваны в Москву» [4].

Аналогичный случай произошел в том же году и в одном из танкотехнических училищ. В начале февраля руководитель группы партпросвещения капитан Хализов неосторожно сказал на занятии, что, мол, «раньше Сталина не было слышно». Сразу же последовал донос, и сержант госбезопасности Фирсов обратился к военкому училища бригадному комиссару Гапонову с предложением применить репрессии по отношению к капитану Хализову. Комиссар Гапонов оказался настоящим комиссаром и возмутился: «Ну что же тут контрреволюционного? У вас все — контрреволюционное и антисоветское» [5]. Дело как будто «замяли». Однако в феврале 1939 г. капитан Хализов был осужден, а на бригадного комиссара Гапонова представлен «меморандум»: «являясь комиссаром танкотехнического училища, оказывал сопротивление Особому отделу в деле очищения училища от социально-чуждого элемента» [6]. В деле имеется помета: «Гапонов снят и уволен из РККА» [7].

Сигнал к усилению репрессий в армии дал расстрел видных советских военачальников М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, И. Э. Якира, А. И. Корка, Р. П. Эйдемана, Б. М. Фельдмана, В. М. Примакова, В. К. Путны 12 июня 1937 г. Еще до суда над ними по указанию Сталина в воинских частях были проведены собрания и митинги, на которых принимались «единодушные» резолюции с требованием смертной казни «изменникам». Но не везде это мероприятие проходило гладко. Так, в одной из частей после митинга младший командир Демидов подошел к политруку и заявил, что он при голосовании резолюции воздержался, потому что считает, что человечество не должно поощрять убийство, что окончательное определение степени виновности любого человека может вынести только суд и что он не вправе до суда считать кого-либо виновным, а тем более голосовать за применение к нему смертной казни. Об этом событии, как о чрезвычайном происшествии, немедленно полетело донесение в политуправление РККА, и к вечеру этого же дня командир отделения Демидов был арестован сотрудниками особого отдела [8].

Положение в армии продолжало стремительно ухудшаться. В условиях усиленно насаждаемой сверху все-

общей подозрительности, призывов к беспощадной расправе с «троцкистско-бухаринскими шпионами», «двурушниками», «военными заговорщиками» трудно было противостоять истерии репрессий. И все же находились такие коммунисты в парторганизации РККА, которые пытались самоотверженно бороться не только за свою честь, но и «за други своя». Нелегко это было. Даже член Политбюро ЦК ВКП(б) нарком обороны Ворошилов «жаловался», что, «отстаивая» иногда отдельных лиц от увольнения из армии или от ареста, он всегда боится: «Сейчас можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом...» [9] И поэтому Ворошилов обычно угодливо соглашался со всеми предложениями НКВД насчет «изъятия» тех или иных командиров и политработников. Однако такое поведение не было правилом для всех начальников.

Так, в начале 1937 г. на партконференции Белорусского военного округа, где подвергся разгромной критике командующий войсками И. П. Уборевич, командир И. С. Конев «в одиночном числе выступил в его защиту и стал его восхвалять, как хорошего человека и члена партии» [10]. Эти слова взяты из доноса. По нему и другим доносам, составлявшимся в те годы, можно судить об истинном благородстве ряда поступков будущего маршала. В начале 1938 г. командир дислоцировавшегося в Монгольской Народной Республике Особого корпуса комкор Конев и военком комдив Коровников «дали нагоняй» командиру и военкому полка «за огульное охаиванье людей», а 8 января 1938 г. Конев приказал начальнику финчасти выдать жене арестованного «участника заговора» А. П. Прокофьева * 700 тугриков. Конев назначил на должность командира авиаполка майора Коськина, высказывавшего сожаление об аресте начальника ВВС Я. И. Алксниса [11]. Такие элементарно человеческие движения души расценивались как страшный криминал. И только чудом Коневу удалось тогда уцелеть.

Против всевластия и произвола органов НКВД неоднократно выступал командующий Особой Дальневосточной армией В. К. Блюхер. Он осмелился даже писать в центр о неправомерных действиях первого заместителя

* Корпусной комиссар А. П. Прокофьев — член Военного совета при наркоме обороны СССР. Расстрелян в 1939 г. Реабилитирован посмертно.

наркома внутренних дел М. П. Фриновского. Всякая такая попытка отвергалась с порога. 28 июля 1938 г. Фриновский из Хабаровска телеграфировал наркому внутренних дел Н. И. Ежову: «На выдвинутые Блюхером обвинения лично против меня не считаю нужным реагировать, так как они лишены каких бы то ни было оснований» [12]. Документы свидетельствуют, что именно решительные выступления против произвола НКВД стали одной из причин «ликвидации» Блюхера. По настоянию Мехлиса и Фриновского он вскоре после окончания боев у Хасана был привезен в Москву, арестован, «произведен» в японские шпионы и без всякого суда зверски забит до смерти 9 ноября 1938 г. в Лефортовской тюрьме.

Свое несогласие с репрессиями, недоверие к обвинениям НКВД в адрес отдельных лиц открыто высказывало немало военнослужащих. Как правило, вслед за этим немедленно следовала расправа, обвинение в троцкистской пропаганде, и потому такие выступления требовали большого мужества. Ведь «всевидящее око» фиксировало даже отдельные реплики коммунистов. На партсобрании Генерального штаба при разборе персонального дела начальника военно-исторического отдела комбрига К. И. Соколова-Страхова, обвинявшегося в том, что он «враг народа», заместитель начальника 1-го отдела, член партии с 1919 г. В. Д. Иванов бросил с места: «Это неправда, это еще надо доказать». Особый отдел немедленно направил Мехлису «спецсообщение». В данном случае, правда, дело обошлось — В. Д. Иванов уцелел и дослужился до звания генерала армии. Но это было исключение, которое лишь подтверждало правило!

Обычно исход бывал другим. 21 июня 1937 г. Ворошилову из НКВД был прислан «меморандум» на бывшего начальника политуправления Харьковского военного округа корпусного комиссара Н. А. Савко. «После того, как Туровский * был арестован, Савко выступил на партийном собрании штаба ХВО, где брал под защиту Туровского, заявляя, что арест его — недоразумение» — говорилось в «доносе». Резолюция на документе гласит: «Арестуйте! КВ. 1/VII.37» [13].

Техник-интендант 2 ранга В. И. Шмелев из Дальневосточного края как-то бросил фразу: «Сейчас в СССР

* Речь идет о члене Военного совета при НКО комкоре С. А. Туровском. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован посмертно.

идут массовые аресты, и много людей пострадало невинно». Немедленно от командования поступило спецсообщение с выводом: «Шмелев подлежит аресту»[14]. 30 марта 1939 г. начальник Химуправления РККА, коммунист комкор М. О. Степанов заявил на партактиве: «Посмотрите, что делают с кадрами, 40—45 процентов начхимов округов арестованы, 60—65 процентов начхимов корпусов и дивизий тоже арестованы. Из химакадемии сейчас всех забирают... Мы сейчас настолько слабы и деморализованы, что воевать совершенно не можем»[15]. Не прошло и полгода, как Ворошилову поступило представление от начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комбрига Н. Н. Федорова: «Степанов Максим Осипович подлежит увольнению из РККА и аресту»[16].

Самой массовой формой протеста военнослужащих против надуманных обвинений и произвола органов НКВД были многочисленные письменные обращения, заявления, жалобы в адрес Сталина, Калинина, Молотова и особенно Ворошилова как наркома обороны. Достаточно сказать, что в 1937—1939 гг. в приемную НКО, по некоторым данным, поступало в среднем 1827 писем в день (отметим для сравнения, что сейчас, когда Советские Вооруженные Силы по своей численности примерно в два с половиной раза больше, чем в 1937—1938 гг., приемная Министерства обороны получает ежедневно писем в три раза меньше, чем тогда). Только на имя Ворошилова поступило в 1938 г.—208 276, в 1939-м — 360 109, в 1940 г. (по 8 мая, то есть лишь за четыре месяца) — 166 497 писем. Кроме того, 260—300 писем в месяц поступало на его имя как депутата Верховного Совета СССР.

Среди этих корреспонденций значительную долю составляли письма арестованных. Естественно, что в первую очередь они всячески пытались доказать свою личную невиновность. Но немалое число репрессированных, стоя буквально на краю могилы, стремилось убедить руководство страны, что произошло перерождение органов НКВД. Таких материалов выявлены десятки. Приведем лишь некоторые примеры. Из Гомельской тюрьмы Ворошилову прислал письмо бывший полковник А. Ф. Куприянов. В прошлом батрак, пастух, он сумел в 1924 г. окончить нормальную военную школу, командовал полком, но в августе 1938 г. был арестован.

«Сделали из меня искусственного врага...— писал Куприянов.— Меня били, держали 12 дней на стуле с поднятыми ногами и с заложенными назад руками, по пяти суток не давали спать, по трое суток не кормили, раздевали наголо и держали в холодной комнате, морили в карцере, пускали дым в глаза, плевали в лицо, приставляли дуло револьвера к виску, обещали арестовать жену, запугивали расстрелом... Я твердо верил и верю, что люди, стремящиеся сделать врагом честного человека фашистскими методами допроса, являются сами врагами, ибо они нарушают советский закон. От подписанной лжи я отказался в декабре, решил хоть без суда буду застреленным, но пусть не мучит позор клеветы. Было новое переследствие, но оно мало отличалось от первого следствия... ведь новое следствие вели те же люди, и они всеми силами стремились оправдать незаконный арест» [17].

15 мая 1939 г. к Ворошилову обратилась группа командиров — его товарищей по гражданской войне (Суров, Девятый, Чипуль и другие): «Климент Ефремович. Вы проверьте ведение дел на командиров РККА. Вы убедитесь, что материалы берут только от арестованных путем насилия, угроз, превращая человека в тряпку, заставляют писать одного арестов[анн]ого на другого и этим самым предъявляют обвинение, говоря, что кто попал в органы НКВД не должен вернуться обратно. К сему товарищи по гражданской войне» [18].

Бывший командир батальона 12 мехбригады Е. Г. Кулик 20 декабря 1939 г. в 15-й раз обращался к «родному товарищу Ворошилову». Прежде батрак помещичьих экономий, он «с 18 лет нес свою голову за завоевание Советской власти». Он пишет наркому, как еще в мае 1939 г. начальник Особого отдела НКВД Киевского Особого военного округа в присутствии следователя Корнилова сообщил ему: «Получены Ваши заявления на имя тт. Сталина и Ворошилова (с резолюцией т. Берия), но ничего сделать не могу, на Вас два прямых показания. В тюрьме много сидит невиновных командиров, которым придется пострадать». А начальник отделения Окорочков на следствии заявил: «Для Вас ордера, а для нас ордена». «Вот от кого,— пишет далее Кулик,— зависит жизнь честного, преданного своей партии и родине коммуниста — командира РККА. Так разве могут такие шкурники, перестраховщики, политические тупицы сказать правду? Нет. Они и сейчас обманывают партию и правительство, потому что они к этому причастны — виноваты» [19].

Бывший корпусной комиссар А. М. Битте писал Ворошилову 3 октября 1939 г.: «С тех пор как стало возможным писать, обращаюсь к Вам второй раз. Будучи арестован в январе 1938 года, я бесконтрольно передан в руки озверелых садистов: начальника Особого отдела

СКВО Соколова, начальников отделений — Сагайдак, Недрыга, Бийск и др. ...В течение 21 месяца заключения ищу элементарной человеческой защиты от неслыханного произвола. Прошу прокурора выслушать меня об антисоветских методах ведения следствия, о вопиющем обмане Советской власти и партии органами, кои призваны защищать Советское государство от покушения на его интересы, но пока без результата»[20]. Бывший военный комиссар 72 стрелковой дивизии, коммунист с 1917 г. бригадный комиссар Я. Я. Кремер в жалобе на имя Ворошилова 22 сентября 1939 г. утверждал:

«Самое тяжелое, как мне кажется, заключается в том, что этим мерзавцам удалось подорвать доверие к человеку. И тем не менее я решил обратиться к Вам:

1. Было бы непростительно не использовать решительно всех возможностей для того, чтобы восстановить себе имя честного гражданина СССР и члена Коммунистической партии, поскольку никаких преступлений ни перед партией, ни перед Советской властью я никогда не совершал.

2. Было бы преступлением не исчерпать всех средств к тому, чтобы помочь партии и Советской власти в разоблачении клеветников и перестраховщиков, стремящихся перебить партийные и советские кадры.

3. И наконец, было бы с моей стороны величайшим недомыслием полагать, что Вы безучастно отнесетесь к арестованным командирам и политработникам РККА, свалив их огульно в одну кучу, под одну рубрику врагов народа»[21].

На своей собственной судьбе арестованные командиры и политработники все больше убеждались, что это было не просто ошибочное преследование невиновных, а совершенно сознательная расправа со всеми, кто когда-либо протестовал, сейчас протестует или в будущем может протестовать против царящих в стране беззакония и произвола, умышленная акция на моральное и физическое уничтожение либо уже выявившихся, либо даже потенциальных борцов против деспотизма сталинщины. И хотя подавляющее большинство невинно репрессированных еще не поднималось до мысли о неискупимой личной виновности Сталина и всех его ближайших приспешников, настойчивая, самоотверженная, связанная с риском для жизни борьба многих заключенных командиров и политработников за свои права, за разоблачение зверств НКВД была борьбой за спасение чести и достоинства воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Почти единственное в условиях сталинской тюрьмы средство борьбы против беззакония — имевшуюся далеко не всегда возможность обращения по команде с письмен-

ными жалобами многие использовали максимально. Бывший корпусной комиссар М. Ф. Березкин 22 сентября 1939 г. пишет на имя Ворошилова свое заявление-жалобу № 19 [22], а бывший дивизионный комиссар Л. И. Бочаров уже к 23 декабря 1939 г. написал не менее 24 заявлений и жалоб [23].

Одной из форм борьбы за свои права было требование «советского суда». Увы! Элементарное право всякого гражданина в гражданском обществе — требовать открытого судебного разбирательства по поводу предъявленных ему обвинений во второй половине 30-х годов XX века при режиме сталинщины зачастую оставалось недостижимой мечтой. Но тем не менее надежда на «справедливый сталинский суд» нередко была последней надеждой в изверившемся сердце невинных узников. 20 сентября 1939 г. бывший майор В. Е. Тихоницкий, находившийся в одной из тюрем Киевского Особого округа, объявил голодовку и обратился к Ворошилову:

«Категорическн заявляю, что для меня лучше смерть, чем быть осужденным н, будучн невнновным, носнть позорное клеймо «врага иарода». Я невнновный и пощады не прошу. Граждаиин иародный комнссар обороиы!

Я обращаюсь к Вам, а в Вашем лнце к Партии н Советской властн н прошу Вас, прнмнте меры к возвращенню моего дела нз Особого совещання на доследованне... Я суда не нзбегаю, пусть меня судят в Военном трибунале.

Голодаю я уже 11 суток и силы мои с каждым днем тают н органнзм мой может страшную, вынужденную голодовку не выдержать. Но что бы со мной нн случилось, я Вам, граждании Народный комиссар обороны, заявляю, что Красная Армия 20 лет меня воспнтывала в честиостн и преданностн Партии н Советской власти н я эту честность н предаиность Партни н Советской власти буду защнщать до последней мннуты своей жнзни» [24].

Уже упоминавшийся дивизионный комиссар Л. И. Бочаров писал в одной из своих жалоб Ворошилову, что «на суде я решил умереть, но сказать правду, что я и сделал, заявив, что все мое дело выбитая липа и фабрикация» [25].

Многочисленные заявления репрессированных свидетельствуют, что очень многие из них подписывали заведомо ложные показания на самих себя, «признавались» в участии в «военном заговоре», не только для того, чтобы хоть на короткое время избавиться от нечеловеческих мучений и зверских пыток, применяемых к ним в застенках НКВД по официальному разрешению, дважды (в 1937 и 1939 годах) объявленному от имени ЦК ВКП(б) самим «другом, вождем и учителем человечества»,

но и в надежде скорее предстать перед судом, который «во всем разберется». В этих целях заключенные нередко давали малообразованным следователям заведомо нелепые «признательные показания», надеясь на суде доказать их полную абсурдность. Комкор С. Н. Богомягков в январе 1940 г. писал Ворошилову: «Показания я дал явно ложные, например, я показал, что руководил вредительской постройкой укрепленных районов на Дальнем Востоке. Между тем укрепленные районы на Дальнем Востоке были закончены постройкой за два года (до) моего прибытия на Дальний Восток» [26]. И все же комкор оказался в Хабаровской тюрьме.

Служивший в РККА с 1927 г. Ландсберг, подозреваемый в шпионаже, поскольку он с 1922 по 1927 г. учился в Пражском университете, «признался», что его вербовщиком был Палацкий (чешский ученый и политический деятель, умерший в 1876 г.), а его «сообщниками» Гец фон Берлихинген (представитель немецкого рыцарства, умерший в 1562 г.), Гавличек-Боровский (чешский писатель, умер в 1856 г.). И хотя, как показала прокурорская проверка в апреле 1941 г., в деле Ландсберга никаких других данных кроме его поистине фантастических личных показаний не было, тройкой НКВД Ленинградской области он тем не менее был приговорен к расстрелу [27].

Столь же печальной была участь и многих других «сознавшихся» заключенных. Их просто не допускали до суда, а штамповали приговор во внесудебных органах. Но, если дело и доходило до суда, ни о какой законности здесь тогда и речи не было. Судили по закону от 1 декабря 1934 г. закрытым порядком, без участия сторон. Заявления подсудимых о вынужденности их «признательных» показаний, о применении к ним пыток отводились такими судами как «не имеющие отношения к делу». Отказ обвиняемых от ранее данных ими показаний не принимался во внимание. На окончательное решение судьбы каждого человека уходило не более 15—20 минут.

Однако на многочисленность случаев категорического отказа от прежних показаинй власти тогда все-таки обратнлн вннмание. Председатель военной коллегнн Верховного суда СССР Ульрих сообщал в марте 1939 г. Сталину: «С 21 февраля по 14 марта 1939 года военной коллегией Верховного суда СССР в закрытых судебных заседаниях в Москве были рассмотрены дела в отношении 436 человек. Осужденных к расстрелу — 413. Приговоры на основании

Закона от 1 декабря 1934 года приведены в исполнение. ...Некоторые подсудимые на суде от своих показаний, данных на предварительном следствии, отказались, но были полностью изобличены другими материалами дела»[28].

Действительно, на суде, едва оправившись от пыток, многие командиры и политработники категорически отказывались от вырванных у них обманом и насилием «признательных» показаний. Только из тех документов, которые автору удалось получить, явствует, что от «признательных» показаний, выбитых из них ранее, отказались старший лейтенант С. Б. Торговский, капитаны А. А. Андреев и Герой Советского Союза П. М. Арман, Д. И. Нешин, майор Е. Г. Кулик, полковники Г. И. Адугин, В. М. Голубев, А. Ф. Куприянов, А. И. Лизюков (5 августа 1941 г. удостоен звания Героя Советского Союза), комбриг И. П. Кит-Войтенко, комдивы В. Н. Чернышев, К. П. Ушаков, В. А. Юшкевич, дивизионный комиссар Л. И. Бочаров, флагман 1 ранга К. И. Душенов, комкоры С. Н. Богомягков, М. П. Магер, С. А. Пугачев, командарм 2 ранга М. К. Левандовский, командарм 1 ранга И. Ф. Федько и другие.

Такой отказ также был способом борьбы против произвола, он требовал решимости и готовности перенести новые унижения и истязания. Вот лишь одна история тех жутких лет. Комбриг Максим Петрович Магер, член ВКП(б), с 1915 г., был выдвинут (на место арестованного) членом Военного совета Ленинградского военного округа. Ему сразу же присвоили воинское звание комкора, а 10 сентября 1938 г. арестовали как «изобличенного» двадцатью показаниями участника «антисоветского военного заговора». 12 сентября Магер написал заявление, в котором «признал» свое участие в заговоре. Но менее чем через две недели — 25 сентября он пишет новое заявление с отказом от прежних показаний, утверждая, что участником заговора никогда не был и оклеветал себя и других. Буквально на следующий день Магер вновь пишет «признательное» заявление, осуждая свой вчерашний отказ, вновь «признает» свою причастность к заговору и называет 37 человек как его «участников». В январе 1939 г. он опять отказался от своих «признательных» показаний, заявил, что давал их вынужденно. В январе 1940 г. Магер был освобожден, в марте даже восстановлен в партии. Но 9 июля начальник особого отдела ГУГБ НКВД СССР старший майор госбезопасности Бочков сообщает Ворошилову, что Магер

«неправильно освобожден» и необходимо дело доследовать [29]. Далее следы комкора Магера теряются.

Самой крайней формой протеста необоснованно обвиненных командиров и политработников против беззакония было самоубийство. Не желая поддерживать произвол, опасаясь под пытками оговорить невиновных, убедившись в своей беспомощности и обреченности, покончили с собой члены Военного совета при наркоме обороны СССР армейский комиссар 1 ранга Я. Б. Гамарник, армейский комиссар 2 ранга А. С. Гришин, комкоры И. И. Гарькавый, А. Я. Лапин и С. А. Меженинов. Повесился в камере начальник политуправления Сибирского военного округа дивизионный комиссар Г. Ф. Невраев. Заместитель командующего войсками Киевского Особого военного округа комкор Е. И. Горячев *, обвиненный на партсобрании в «связях» с «врагами народа» И. П. Уборевичем, Д. Ф. Сердичем и другими, не желая подвергаться репрессиям, оставил Сталину письмо (пока не выявлено) и покончил с собою. После «обличительной» статьи в «Красной звезде» стрелялся военком Военной академии имени М. В. Фрунзе бригадный комиссар С. Т. Соломко; после обвинения в сочувствии троцкизму, якобы проявленном 12—15 лет тому назад,— начальник Строительно-квартирного управления РККА комдив Левензон и др. В целом по РККА в 1937 г. зарегистрировано 782 случая самоубийства и покушения на самоубийство, а в 1938 г. (без ВМФ) — 832 подобных случая. Среди самоубийц коммунисты и комсомольцы в 1937 г. составили 24,5 а в 1938-м — 30 % [30].

Большинству арестованных военнослужащих так и не удалось тогда добиться справедливости. Однако массовые протесты против репрессий были одной из причин, заставивших сталинское руководство несколько поумерить произвол. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что претензии особых отделов на бесконтрольность в РККА вызывали растущее недовольство со стороны политработников и командиров.

11 июня 1940 г. командующий войсками Белорусского Особого военного округа генерал-полковник Д. Г. Павлов проводил заседание Военного совета 11 армии. По установившемуся фактически порядку, без всяких законных на то оснований, сотрудники особых

* В июне 1937 г. Е. И. Горячев был членом Специального присутствия Верховного суда СССР, осудившего Тухачевского и других.

отделов, не являясь членами Военного совета, непременно присутствовали на его заседаниях. На этот раз генерал Павлов не только не пригласил, но даже не допустил присутствия начальника Особого отдела 11 армии капитана госбезопасности Кокшаева на заседании Военного совета. Кокшаев немедленно пожаловался начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Бочкову, а тот — начальнику Политуправления РККА Мехлису с предложением «дать соответствующие указания тов. Павлову» [31]. Летом 1940 г. командование ряда частей Московского военного округа (39-й танковой бригады — командир Герой Советского Союза комбриг Д. Д. Лелюшенко и военком полковой комиссар Соловьев, Подольского стрелково-пулеметного училища, склада № 62) обратилось в Военный совет округа с официальными докладами о незаконных действиях и ложной информации работников особых отделов НКВД. 29 июля 1940 г. все эти донесения член Военного совета МВО А. И. Запорожец направил Мехлису со следующей сопроводительной: «При этом докладываю, что жалобы на неправильные действия и особенно ложную информацию работников Особого отдела НКВД не ограничиваются вышеприведенными донесениями, а имеют массовый характер» [32].

Подобные протесты заставили в начале 1941 г. вместо Особого отдела ГУГБ НКВД СССР организовать 3-е управление Наркомата обороны с соответствующими отделами в военных округах. Им было поручено пресекать подрывные действия разведок империалистических государств, а также других антисоветских, контрреволюционных проявлений в армии. Но теперь эти органы уже не стояли (как было прежде, когда они находились в штате другого наркомата) над армией, а стали хотя и весьма своеобразной, но все же одной из клеточек армейского организма.

Не пропали даром и протесты военнослужащих против произвола. Убежден, что именно под их влиянием центральное военное руководство вынуждено было в августе 1938 г. создать при Управлении по начсоставу РККА специальную комиссию для разбора жалоб уволенных командиров. Всего комиссией было рассмотрено около 30 тыс. жалоб, ходатайств, заявлений. В результате ее работы к началу 1940 г. было восстановлено в РККА из уволенных в 1937 г. 4661, из уволенных в 1938 г. — 6333 и из уволенных в 1939 г. — 184 человека. Кроме того, 2416 человекам была заменена статья

увольнения на более благоприятную[33]. Работа комиссии продолжалась и далее, и на 1 мая 1940 г. в ряды Красной Армии были возвращены 12 461 человек уволенных командиров и политработников. Однако многих Красная Армия потеряла навсегда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Центральный Государственный архив Советской Армии (далее ЦГАСА), ф. 9, оп. 29, д. 410, л. 292.

[2] ЦГАСА, ф. 9, оп. 36, д. 834, л. 69.

[3] ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 95, л. 379.

[4] ЦГАСА, ф. 9, оп. 29, д. 323, л. 76.

[5] ЦГАСА, ф. 9, оп. 41, д. 15, л. 199.

[6] ЦГАСА, ф. 9, оп. 41, д. 15, л. 208.

[7] ЦГАСА, ф. 9, оп. 41, д. 15, л. 200.

[8] ЦГАСА, ф. 9, оп. 29, д. 340, л. 446.

[9] Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: В 2 кн. Изд. 2-е, М., 1990. Кн. 1. С. 438.

[10] ЦГАСА, ф. 9, оп. 29, д. 405, л. 7.

[11] ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 54, л. 48.

[12] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1090, л. 16.

[13] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 975, л. 220. Автограф.

[14] ЦГАСА, ф. 9, оп. 29, д. 361, л. 242—243.

[15] ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 83, л. 378, 380.

[16] ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 97, л. 381.

[17] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1193, л. 23—24.

[18] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1254, л. 308.

[19] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1255, л. 170.

[20] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1254, л. 205.

[21] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1253, л. 183—184.

[22] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1254, л. 20.

[23] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1253, л. 24, 212, 234.

[24] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1253, л. 140—141.

[25] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1253, л. 212.

[26] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1255, л. 8.

[27] ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 97, л. 85—86.

[28] Цит. по: *Волкогонов Д. А.* Указ. соч. С. 570, 571.

[29] ЦГАСА, ф. 9, оп. 36, д. 2238, л. 24—27.

[30] ЦГАСА, ф. 9, оп. 29, д. 433, л. 204.

[31] ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 88, л. 93.

[32] ЦГАСА, ф. 9, оп. 39, д. 92, л. 265.

[33] См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 189.

А. В. Афанасьев

ПОБЕДИТЕЛЬ *

Так уж получилось, что в самом конце 1988 года я встретился в Париже с тем, с кем искал встречи попеременно то в Ленинграде, то в Москве. Я знал: известный советский писатель Даниил Александрович Гранин интересуется так называемым «ленинградским делом», да и вообще судьбой репрессированных ленинградцев... И вот удача: Даниил Александрович в составе той же группы и мы летим в Париж, в ЮНЕСКО, на празднование 40-летия подписания Декларации прав человека.

Картинка, на первый взгляд, диковатая: с одной стороны, Париж, права человека, с другой — тема репрессий, мрачные подвалы Лубянки, о которых мы говорим с Граниным на первом этаже ЮНЕСКО, в перерыве между заседаниями, где речь, вообще-то, совсем о другом — о том, например, как помочь гражданам заморской французской провинции, Новой Каледонии.

Так и говорим, о Маленкове и Сталине, о Кузнецове и Хрущеве — на фоне открытых дверей в зал, где супруга президента Франции Даниэль Миттеран беседует с участниками форума, на фоне Андрея Сахарова и Леха Валенсы — на телеэкране дающих первые по приезде интервью иностранным журналистам...

А потом я подумал: так, в принципе, и должно быть. Есть в этом пронзительная справедливость: к обсуждаемой теме прав человека мой герой имеет самое прямое отношение.

Естественно, дошла в разговоре очередь и до него. Зная характер Гранина, не задаю вопроса в лоб: вдруг у Даниила Александровича другое о нем мнение?

Но вот...

— Вы знаете,— говорит Гранин.— Я действительно занимался этой темой. Я даже встречался с Маленковым. По его словам, он искренне верил, что репрессированные по «ленинградскому делу» — враги народа. Он рассказывал, как ходил на допросы. А там такие страшные

* Очерк представляет собой расширенный и доработанный вариант публикации в «Комсомольской правде». 1988. 15 января.

пытки «врагам» устраивали, не выдерживали люди... Трудно об этом говорить. Но во всем этом есть светлое пятно, я бы сказал, светлая личность — Кузнецов Алексей Александрович...

А теперь перенесемся мысленно из Парижа в Москву, передвинув стрелку истории на сорок лет назад. И послушаем, что рассказывает об Алексее Александровиче его секретарь Г. В. Дьяконов, ныне пенсионер, проживающий в Москве:

«Сразу после войны руководящие органы ЦК были значительно обновлены. Секретарем и начальником Управления кадров ЦК был утвержден первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Кузнецов, заведующим Организационно-партийным отделом Патоличев — первый секретарь Челябинского обкома партии, а через два месяца его утвердили секретарем ЦК, а Маленкова этим же решением освободили от секретаря ЦК ВКП(б) и утвердили замом Председателя Совета Министров СССР по сельскому хозяйству.

Как легко и поучительно было работать с А. А. Кузнецовым, я описывать не собираюсь, ибо об этом написано много в книге В. Н. Базовского и Н. Д. Шумилова «Самое дорогое», вышедшей сравнительно недавно вторым изданием. Расскажу лишь несколько эпизодов.

Во-первых, А. А. широко открыл двери в свой кабинет работникам аппарата ЦК. Чего не было при Маленкове.

Во-вторых, он дал зеленый свет к себе для всех приезжих с мест партийных и других работников.

В-третьих, он сам приглашал к себе на беседу почти всех заместителей министров по кадрам союзных и министерств РСФСР.

В-четвертых, в 1946—47 годах меньше чем за год работы на посту секретаря ЦК успел провести два совещания всех ответственных работников Управления кадров ЦК о недостатках и опыте работы с кадрами на местах в центральных аппаратах министерств и ведомств.

В-пятых, и это, пожалуй, самое важное, А. А. в 1947-м или 48 году, точно уже не помню, провел в клубе МВД большое совещание министров, председателей комитетов, начальников и зам. начальников Управления по кадрам республиканских, краевых, областных, крупных городов и районов города Москвы органов госбезопасности.

В докладе (А. А. писал его сам), который после перепечатки я с ним считывал, он отмечал, что с подбором кадров в органах КГБ не все благополучно.

Процитировал Сталина всего один раз — и именно то место, где говорилось о причинах массовых репрессий перед войной. Фактами и примерами Алексей Александрович показал, что там, где первые секретари ЦК компартии, крайкомов и обкомов ВКП(б) оказались недостаточно политически зрелыми и волевыми людьми, органы КГБ вышли из-под контроля партии и не руководятся ею, а наоборот. Он предлагал органы сделать тем, чем они были при Ф. Э. Дзержинском.

И в-шестых, последнее по счету, но не по важности, что сработало, по-моему, против А. А. Кузнецова. Решило его судьбу. Это разбор

письма на имя Сталина летом 1948 года капитана Советской Армии из Ленинграда, кажется Быстрова. Он писал, что был в группе Абакумова по получению репараций с Германии в 1946—47 годах. Автор указывал город, из которого, как он утверждал, по приказу Абакумова была вывезена к последнему на квартиру в Москве целая машина драгоценностей из ювелирного магазина.

Это письмо с резолюцией Сталина: «Т. Жданову, т. Кузнецову. Проверить и доложить. *Ст.*» проходило через мои руки. Абакумов в то время уже руководил госбезопасностью. Жданов собирался ехать отдыхать на юг. Письмо это он читал. (С юга его перевезли на Валдай, где в августе 1948 года он загадочно умер.)

Кузнецов поручил своему заму по Управлению кадров ЦК Никитину, который курировал и госбезопасность, вызвать капитана, автора письма в ЦК. С капитаном беседовали Кузнецов и Никитин, а на следующий день пригласили и Абакумова. Сделали как бы очную ставку. Беседовали вчетвером...

Спустя несколько лет я спросил в столовой Никитина: «Куда делось это письмо? Оно обратно через мои руки не проходило». Он ответил мне: «Про письмо я ничего не знаю, а вот автора его уже давно нет в живых. Об этом я хорошо знаю».

После похорон Жданова мы в секретариате А. А. Кузнецова сразу поняли, что что-то должно произойти и с Алексеем Александровичем. Маленков был возвращен в ЦК и вновь утвержден секретарем, звонков от Поскребышева не поступало, на заседания Политбюро Кузнецова не приглашали, заседания Секретариата ЦК вновь стал вести Маленков. Встречаясь с ним (Кузнецовым), на его приветствия Маленков не отвечал и т. д.

Думаю, что Маленков, затаив злобу на Кузнецова и Вознесенского, состыковался с Берией и Абакумовым. Они решили убрать Кузнецова и Вознесенского, которых Сталин, насколько я знаю, прочил одно время вместо себя на первые роли (посты) в государстве. Убрать только их двоих — это было бы не понятно партии и народу. Поэтому, видимо, и задумали и состряпали целое политическое, так называемое «ленинградское дело».

Эта троица (Маленков, Берия, Абакумов) преподнесла «ленинградское дело» как противопоставление Ленинграда Москве, как попытку создать в стране вторую столицу, как, наконец, «бонапартизм», возглавляемый А. Кузнецовым и Н. Вознесенским. То есть стали на путь давно и хорошо укатанной историей дороги.

Не зря же Сталин, как рассказывают, на полях сценария фильма «Иван Грозный» написал: надо бы повырезать еще 12 боярышек, тогда бы на Руси не было «смутного времени»... Такими масштабами и категориями мыслил наш «гений», который посадил и выслал жен ближайших своих соратников Екатерину Калинину, Полину Молотову (Жемчужину), держал, как говорят, в черном теле Н. К. Крупскую, ликвидировал в 1935 г. Ленинские премии, установленные ЦК и правительством, перебил десятки, а может быть, и сотни тысяч: партийных, военных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных кадров. Ввел Сталинские премии при живом Сталине и т. д. и т. п.

Сталин дважды или трижды посылал в Ленинград Маленкова, Булганина и других, чтобы они тщательно разобрались. Может быть, он действительно сомневался в том, что ему напевали, не знаю. Но машина уже была запущена, и остановить ее тому, кто мог бы, не хотелось. Дело расширялось, росло как снежный ком. Не зря же в Ленинград первым секретарем обкома партии направили Андрианова, который с большим рвением, беспощадно искоренял «крамолу».

Достаточно сказать, что только по нескольким судебным процессам летом 1950 г., по моим данным, было расстреляно 11 человек. А сколько погибло в тюрьмах и лагерях. Сколько было выслано в Сибирь и Казахстан! Одна царская Владимирская тюрьма унесла десятки жизней ленинградцев, героев блокадного Ленинграда, в основном выходцев из рабочих семей. Там погиб и помощник А. А. Кузнецова Ведерников...

Все секретари райкомов партии области и города, председатели райисполкомов города и области и их заместители дважды обновлялись. И лишь третий состав, третья их смена закрепилась, так же как и среди руководителей большинства предприятий города и области.

В день свадьбы Серго Микояна и старшей дочери А. А. Кузнецова Аллы 15 февраля 1949 года было заседание Политбюро ЦК.

Решался вопрос и о Кузнецове. Его на заседание не пригласили. Ведерников в это время лежал в больнице. Поэтому решения ПБ и Секретариата ЦК получал я. Часа в три ночи «фельд» приносит пакет из ПБ. Я распечатываю его, читаю и перечитываю несколько раз коротенькое решение Политбюро об освобождении А. А. Кузнецова от обязанностей секретаря ЦК ВКП(б) и начальника Управления кадрами ЦК.

Он — безработный.

Как вспоминается сейчас, в решении отмечалось, что Кузнецов стремился противопоставлять Ленинград Москве, создать вторую столицу, и далее через запятую говорилось: надо иметь в виду, что *с этого начинали все предшествующие ленинградские оппозиции* (подчеркнуто мною.— *А. А.*). Я был ошеломлен, прочтя такое. Придя в себя, понес эту выписку Кузнецову.

Алексей Александрович, прочитав выписку несколько раз, стал бледный, как снег. Наконец вслух сказал: «Теперь все ясно». Что это означало, можно только догадываться. Потом он положил выписку в сейф. Выходя из кабинета, сказал: «Поеду на дачу в Кунцево. Надо, хоть и поздно, поздравить молодых с законным браком...»

Праздник не отменили. Был накрыт большой нарядный стол. Алексей Александрович приехал на дачу как ни в чем не бывало. Выглядел он обычно: весел, энергичен, подтянут.

Трагедии не чувствовалось.

Трагедии не чувствовалось и на следующий день, когда гости уехали и жена Алексея Александровича, Зинаида Дмитриевна, собрала детей и тихо сказала: «Ребятки, папу сняли. Все, конечно, разъяснится...»

Трагедии детям не дали почувствовать и все последующие шесть месяцев.

Алексей Александрович стал много читать. Представлял ли он, что уже происходило там, в Ленинграде? По его глазам было заметно: он что-то взвешивал, сопоставлял, продумывал. Внешне он оставался уверенным, собранным. А может быть, своим видом хотел показать тем, кто его в эти дни наблюдал: Кузнецов уверен, не боится и, стало быть, никакой вины за собой перед народом и партией не чувствует.

21 февраля (назавтра после дня рождения Алексея Александровича) фактически второй человек в партии Георгий Максимилианович Маленков прибыл в Ленинград. 22-го он выступил на объединенном пленуме обкома и горкома с сообщением об антипартийных действиях члена ЦК тов. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК тт. Родионова М. И. (Председатель Совмина РСФСР) и Попкова П. С. (первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)).

25 февраля прямо из президиума партконференции бывший ленинградец первый секретарь Ярославского обкома Иосиф Михайлович Турко был отозван в распоряжение ЦК... Маленков вышел из-за стола, встретил Турко, заложив руки за спину: «Не хитрите с Центральным Комитетом партии. Скажите, группа у вас была?»

В марте сняли еще одного ленинградца, академика Николая Алексеевича Вознесенского. Его вывели из состава Политбюро, освободили от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР и председателя Госплана СССР.

Шесть месяцев, с 15 февраля до 13 августа,— как шесть часов. Шесть часов рассказа дочери Кузнецова, Галины Алексеевны.

Через некоторое время Алексея Александровича вызвали в ЦК. Это было в марте... Нет, наверное, позже. 8 марта в их девчачью школу (тогда обучали раздельно) разрешили пригласить ребят. Галя собралась на вечер. Мама осторожно спросила: «Может, не надо?» Галя удивилась: «Почему?»

Г. В. Дьяконов: «Алексей Александрович дважды писал Сталину письмо. Пытался до него дозвониться, но все напрасно. Как-то я спросил Ведерникова, а почему А. А. не попросит тов. Суслова позвонить Сталину и попросить того о приеме им Кузнецова? Ведерников мне ответил: «Это не тот человек, который будет ввязываться в это дело».

Вскоре Берия с Маленковым совершили второе коварство. Насколько я знаю, они добились от Сталина принятия решения Политбюро ЦК о создании бюро ЦК ВКП(б) по Дальнему Востоку со штабом в Хабаровске и утверждении Кузнецова председателем этого бюро.

Кузнецов стал подбирать людей в аппарат бюро. Зав. отделом пропаганды и агитации он уговорил поехать с ним Н. Д. Казьмина, работавшего директором ВПШ при ЦК ВКП(б). Меня А. А. уговаривал поехать с ними зав. секретариатом бюро и его помощником. Я купил два большущих черных чемодана для белья. Они у меня и до сих пор стоят в темной комнате.

Но в начале марта 1949 года решение о создании Дальбюро ЦК

отменяется. А. А. Кузнецова направляют как генерал-лейтенанта на военные курсы «Выстрел», в Перхушково под Москвой»...

Трагедию семье давали почувствовать постепенно. «Папу направили в Перхушково. Папа пришел радостный, принялся собирать вещи: «Сбылась моя мечта. Я буду учиться!»

Семья приезжала к нему на такси. Запомнилось: «поместили папу на втором этаже в узкой, как камера, комнате с железной кроватью». Запомнилось: «там в это время обучались почему-то в основном пожилые генералы. Они очень хвалили Алексея Александровича за проведение сложнейшей игры.

Только потом, говорит Галина Алексеевна, выяснилось: почти все обучавшиеся были арестованы».

21 июля министр МГБ Абакумов (правая рука Берии) сообщил Сталину, что снятый еще в феврале с должности второго секретаря Ленинградского горкома Яков Федорович Капустин — не кто иной, как английский шпион. Основание? Еще в 30-х гг. Капустин, будучи старшим мастером на Кировском заводе, ездил в Англию, изучал производство паровых турбин.

10 августа Галя приехала в Перхушково на такси за отцом: обучение в Перхушкове завершилось. «Папа, не скрывая радости, говорил: «Ребятки, я оправдал ваши надежды! Я не получил ни одной «четверки»!» Показывал с удовольствием выданную ему амуницию». Значит, не игра? Следовательно, все всерьез? Выходит, все должно действительно разъясниться?

Адам Осипович Каршеник, член ВКП(б) с 1904 года, давший Алексею Кузнецову рекомендацию в партию, выделял в его характере постоянное стремление к ясности. Лишь спустя годы, сквозь призму трагической судьбы видишь: из этого качества прорастет, как из зерна, его сила, а значит, и его гибель...

К середине августа, вероятно, завершилось не только обучение в Перхушкове. 13-го, взяв младших детей, Алексей Александрович пошел гулять по Москве. Выглядело это, как описывал позднее дядя Сима (брат З. Д. Кузнецовой — С. Д. Вонюв.— *А. А.*), так: впереди идет смеется Кузнецов с детьми. В нескольких шагах, ненавязчиво — кто-то из двоих охранников.

Домой вернулись к обеду. Алексей Александрович пошел мыть руки. А Зинаида Дмитриевна негромко сказала: «Ленюшка, тебе звонил...» (и она назвала фамилию

человека, работавшего в ту пору в КПК). Алексей Александрович вышел из ванной заметно бледным. Быстро собрался. В прихожей поцеловал жену и детей. Улыбаясь, помахал рукой с улицы. Вот и все, кажется?

Ожидали его возвращения, накрывали на стол. «Мама повторяла, как заклинание: «Ничего, ничего, ребятки. Все разъяснится». К вечеру под окнами остановилась странная машина. Было светло. И потому увидели: из машины вышли энергичные мужчины в черных костюмах и черных шляпах.

Гале бросилось тогда в глаза: одна из двух женщин, работавших у них в доме, подавальщица, поспешно, стараясь, чтобы никто не заметил, закрывает дверь к черному ходу. За дверью уже стоял солдат с винтовкой.

И вот уже позвонили им. И вот уже распахнули их дверь. Первый (значит, самый важный?) с порога вопрос:

— Где письмо?!

Г. В. Дьяконов: «Алексей Александрович был вызван в середине августа 1949 года в ЦК и арестован в кабинете Маленкова полковником Захаровым — старшим (группа охраны Маленкова) и заточен поначалу в бомбоубежище аппарата ЦК, в котором мы отсиживались в войну во время налетов фашистской авиации на Москву. Я узнал об этом, вернувшись из отпуска, из дома отдыха МК ВКП(б) в Звенигороде. А уехал я в Звенигород 20 июня. Сколько его там держали одного — неделю, две или месяцы — и как пытали, я не знаю.

Об этом уже позже, после XX съезда партии, подробно рассказал на общем партийном собрании аппарата ЦК в Кремле, в зале заседаний Верховных Советов СССР и РСФСР, заведующий общим отделом ЦК Малин Владимир Никифорович. На собрании было более 2-х тысяч человек. Так что секрета из этого после пятьдесят шестого года никто не делал. Вот почему я так подробно об этом рассказываю»...

Мы сидим с Галиной Алексеевной за большим обеденным столом, покрытым белой скатертью. Это, конечно, другой стол. И совсем другая квартира...

Алексей Александрович был последним ребенком в семье Александра Ивановича Кузнецова (сначала лоцмана, потом рабочего лесопильного завода, позже шахтера). Учился он в родном городе Боровичи в церковноприходской школе, в городском начальном училище, после революции — в средней школе.

Учился, а после уроков работал на шахте. Окончив школу, устроился сортировщиком-бракером на лесопильном заводе. Здесь вступил в комсомол, организовал ячейку... Его избрали в уездный комитет комсомола.

В это же время он ездит по селам в качестве заведующего избой-читальней.

В 1925 г. в жизни Алексея Александровича происходит важное событие: «Протокол № 1 общего собрания Ореховской ячейки РКП(б)... Присутствовало членов ячейки — 7, членов РЛКСМ — 5, гостей...— 25. Всего — 37 человек.

Председатель собрания — Афанасьев,

секретарь — Гагарин.

...Постановили: тов. Кузнецова... рабочего, комсомольца принять в РКП(б)».

В 1926-м еще одно событие. Алексей Александрович в возрасте 21-го года женился на Зинаиде Дмитриевне Воиновой, дочери военного священника и учительницы-воспитательницы дома сирот...

В семье Алексея и Зинаиды Кузнецовых воспитывалось пятеро детей. Трое родных — Алла, Галина, Валерий, а Лида и Нонна — удочеренные, оставшиеся после умершей сестры.

С Галиной Алексеевной Кузнецовой, второй дочерью Алексея Александровича, мы сейчас и разговариваем. Она перебирает фото: «Вот папа еще в Боровичах. Он четырнадцати лет поступил на лесопильный, где и его отец работал... Вот он секретарь укома комсомола... А это они с мамой, молодожены, и у них родилась Алла... А потом в Луге, секретарем окружкома комсомола... Знаете, сколько ему было, когда его избрали вторым секретарем Ленинградского горкома партии? Тридцать три года!»

Блестящая, стремительная карьера. Вся жизнь — в паре фотоальбомов. В двух военных тетрадках маминого брата — дяди Симы (в блокаду Серафим Дмитриевич Воинов у члена Военного Совета Ленфронта Кузнецова был военным порученцем — имелась в те годы такая должность).

Рядом толстая пачка описей и актов, оставленных семье после арестов и обысков — папиного и маминого. И еще несколько писем. Вот и весь архив.

— Письма папины?

— Нет, папа без права переписки. Мамины: из Владимира, из бывшей царской каторжной тюрьмы. После папы остались только описи. При обыске все его бумаги рвали. Разорвали даже коробку из-под папирос «Герцеговина Флор». Коробку Алексей Александрович хранил с 1940 года. Ее подписал и подарил Кузнецову с а м.

— А т о письмо?

— Письмо Сталина?

Того письма здесь нет...

Листаю тетради Серафима Дмитриевича Воинова. Слушаю Галину Алексеевну. И одолеваю первый пласт «ленинградского дела». Первый пласт сшит белыми нитками. Но сшит мастеровито.

Воинов, проходивший по тому же «делу», описывал, по каким правилам разыгрывалась обычно игра: «Подозреваемый должен был почувствовать себя в пустоте. Для него изменялась атмосфера в учреждении, на заводе. Попавший в список ощущал, что чья-то рука организует для него служебные неприятности... Но догадаться о действительных причинах не мог. Он становился нервным, терял деловые качества и уже сам прибавлял просчеты... Я проходил по списку тех, кого следовало чернить любыми способами. Я шел вместе с теми, кто перед трибуналом должен был предстать ошельмованным, с клеймом антиобщественного человека или пьяницы, морально неустойчивого, нравственно опустившегося. В это число включались и те, кто, *попадаясь в подготовленные капканы* служебных нарушений, оказывался не только оклеветанным, ошельмованным, но и *ответственным перед законом и людьми*» (подчеркнуто мною.— *А. А.*).

Значит, не просто брали и хватали. «Дела» готовились тщательно, долго, иногда годами. Кузнецова «готовили» по меньшей мере полгода. Воинов — тот даже считал, что «ленинградское дело» вообще уходит корнями... в 41-й, в блокаду. Формальное же его начало: январь 1949 г.

В декабре 1948-го в Ленинграде провели областную и городскую партконференции. Там было объявлено: секретари обкома и горкома переизбраны единогласно. Вскоре в Москву ушло анонимное письмо: члены счетной комиссии видели, что «фамилии Попкова, Капустина и Бадаева во многих бюллетенях вычеркнуты». И это действительно имело место: больше всех, 15 голосов против, получил будущий «английский шпион» Капустин. Что заставило пойти на подлог? Самостоятельное желание не испортить радужной отчетности? Или тот самый капкан сработал? Достаточно ведь, кому надо, просто намекнуть: к чему ронять репутацию колыбели революции! А чуть позже вытащить свежеиспеченный факт на всеобщее обозрение...

Нет, не будем утверждать, что это было так. Кто автор подлога и каковы его мотивы — теперь сложно

выяснить. Во всяком случае история с голосованием послужила основательным поводом. Хорошо отлаженная машина сделала первый оборот. Второй: в январе 1949-го в Ленинграде провели всероссийскую оптовую ярмарку. В ней участвовали и союзные республики. Значит, уже получается всесоюзная? А санкционировано ли это центральными органами? Нет. Следовательно, тут можно усмотреть факт разбазаривания, а также еще более серьезный факт групповщины, противопоставления себя Центральному Комитету. Третий оборот: П. С. Попков, неопытный партийный работник, оказавшись на ответственных постах, подвергался, вероятно, обработке так же, как и Кузнецов. Но с другим результатом.

Читаю в записках Воинова: «Незадолго до января 1949 года... увиделся с Попковым. Это произошло в Смольном, в столь хорошо знакомом мне кабинете Кузнецова. Попков поразил меня своим видом. За столом Кирова и Кузнецова сидел больной человек. Особенно поразили меня его бегающие глаза и какая-то жалкая, взывающая к снисхождению улыбка потерянного человека». Что и кому Петр Сергеевич говорил в том состоянии — помнил ли он сам? Во всяком случае из его выступлений и бесед выудили третий факт: Кузнецов и Попков «вынашивали идею создания компартии России».

На этих трех фактах первый кон был отыгран. Теперь следовал кон второй. Следствие. Подключился игрок — ни больше ни меньше — в ранге руководителя МГБ Абакумова (того самого, помните, о котором упоминал Дьяконов?). Как велось следствие? А как оно могло вестись, ежели ни одна сила в мире не могла его объективно проверить? Чем способно было завершиться, если поверх писаных законов действовали железные правила: царица улик — признание самого обвиняемого; главное — внутренняя убежденность следователя: враг народа не стоит того, чтобы с ним обращаться как с товарищем по партии...

Только еще подозреваемому Турко следователь, то ли шаманя, то ли гипнотизируя, кричал: «Если ты не признаешься, то ты тем самым ведешь борьбу с Центральным Комитетом партии...» Вдумаемся: подозреваемых и не могло быть. Были заранее автоматически виноватыми, в принципе, все: ты есть враг, хотя бы потому, что не признаешься в этом!

Итог: приговорены к высшей мере А. А. Кузнецов, Н. А. Вознесенский, М. И. Родионов, П. С. Попков,

Я. Ф. Капустин. Чуть позже в Ленинграде — второй секретарь обкома Г. Ф. Бадаев, председатель облисполкома И. С. Харитонов, уполномоченный МГБ по Ленинградской области П. Н. Кубаткин, секретарь горкома П. И. Левин... По всей стране бывшие ленинградцы: председатель Госплана РСФСР М. В. Басов; второй секретарь Мурманского обкома А. Д. Вербицкий, первый секретарь Крымского обкома Н. В. Соловьев... Всего по «ленинградскому делу» репрессировано более двухсот человек. За три года снято с работы свыше двух тысяч руководителей.

Машина, запущенная на полный ход, подминала оставшиеся священные аксиомы, признанные юристами всего мира. Вслед за презумпцией невиновности под жернов отправилась первейшая заповедь законника: «Закон обратной силы не имеет». А дело в том, что Кузнецов и другие казненные были арестованы в момент, когда в стране отменяли смертную казнь, а в соответствии с названной цивилизованной нормой их должны были судить по закону, действовавшему в момент ареста. Но... восстановили смертную казнь. И казнили.

Владимир Николаевич Базовский, тогда секретарь одного из райкомов комсомола в Ленинграде, мне рассказывал, как снимали за «неправильное воспитание» молодежи комсомольских секретарей, чуть ранее награжденных орденами за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию молодежи...

Это от него я впервые и узнал, что Кузнецова, избрав секретарем ЦК партии, «поставили на кадры», а Маленкова «с кадров» как бы вытеснили...

Кузнецов это знал. Видел. Просто не мог не знать и не видеть. И вместо того чтобы максимально позаботиться о безопасности, он, по воспоминанию Турко, став секретарем ЦК и занявшись кадрами, критиковал... Маленкова. Причем не в закрытом помещении (и этого было бы достаточно). А открыто, как бы мы сейчас сказали, гласно. И мало того, по воспоминанию уже Базовского, начал всерьез интересоваться ведомством Абакумова.

Что же происходило с ним, в самом-то деле? Неужели он был просто наивен?

После ареста Алексея Александровича Кузнецова прошло некоторое время. И вот уже осенью 1949-го в МГБ какой-то материал на него был готов. С одной стороны, возникла необходимость объяснить хоть как-то создавшуюся абсурдную ситуацию. С другой, вероятно, появи-

лась возможность «проверить» не только Кузнецовых, но и семью Микоянов. Однажды, рассказывает Серго Анастасович, «отец усадил меня напротив за столом. Вполне отдавая себе отчет, что разговор может прослушиваться, с совершенно каменным лицом отец стал зачитывать показания, будто бы данные Кузнецовым следователю».

В «признаниях» речь не шла ни о терактах, ни о «принадлежности» к иностранной разведке, как зачастую было в делах 1937 года. Самые, пожалуй, тяжелые по тем временам «признания»: «Мы не любили Сталина... Мы считали, что права народа, на который прежде всего легло бремя войны, в настоящее время ущемлены...» И тогда Серго спросил отца: не допускает ли он, что все придумано следователем? Отец ему ровным голосом объяснил: нет, под каждой страницей стоит подпись. И, кроме того, встречаются такие выражения, которые вряд ли следователи употребляют. Отец говорил убедительно. Но по лицу можно было догадаться, что сам он вряд ли верит. Ну хорошо, сказал сын, однако здесь, в худшем случае, лишь мысли, высказанные вслух. Где же факты? Алексея Александровича наверняка оправдают! В ответ на что отец, естественно, ничего не сказал. Только удивленно приподнял брови. И сын понял: приговор в принципе вынесен. А отец добавил: бывать в семье Кузнецовых я тебе не могу запретить. (Еще бы! — подумал сын.— Так бы я тебя и послушал!) Но в разговорах с Зинаидой Дмитриевной надо быть осторожным... Серго расценил это сначала лишь как совет не травмировать ее лишний раз разговорами о муже. И только когда Зинаиду Дмитриевну арестовали, он предположил: может, уже тогда отец знал об этом?

Я слушаю Серго Анастасовича. И простодушно спрашиваю:

— Почему он в квартире заговорил? Почему не выбрал более подходящую обстановку? В саду, например, там бы и рассказал все подробно!

— А вы представьте его ситуацию,— грустно улыбается Серго Анастасович.— Я студент, мне девятнадцать лет. Я человек молодой, неопытный. Скажи отец мне откровенно все, что думал, я — еще кому-то, в горячке, в споре. Следовательно, он бы тем самым подвергал всех нас смертельной опасности!..

Видимо, разумнее было говорить как раз там, где подслушивали.

Этот эпизод хорошо иллюстрирует атмосферу, время

и то положение, в котором фактически находились люди, даже занимавшие высокие посты в государстве. Безусловно, вины с каждого из «ближайшего окружения» это ни в коей мере не снимает, но, я думаю, нам трудно представить, какова была цена самых простых душевных человеческих движений. Накануне свадьбы Серго и Аллы, как мне рассказывали, с Микояном говорил Каганович: ты что делаешь, там все решилось!

Но свадьбу не отменили.

Когда начались аресты и расстрелы, в спецдетдомах оказались сыновья многих репрессированных. Сына Кузнецова прятали на даче у Микояна. Когда арестовали Зинаиду Дмитриевну, детей не тронули — говорят, благодаря тому, что Микоян просил Сталина.

Я думаю обо всем этом. И тем невероятнее представляются мне поступки самого Алексея Александровича, в общем-то типичного сына своего времени. Откуда это у него? Чем объясняется? Чтобы понять, надо присмотреться повнимательнее к его внутренней сути.

...22 июня 1941 года. Жданов в отпуске, отдыхает на юге. Вся тяжесть ответственности за судьбу Ленинграда в первый же день ложится на 36-летнего второго секретаря горкома. Далее. Строительство оборонных укреплений и быт горожан. Формирование народного ополчения и подбор военных кадров. Создание партизанских отрядов и руководство политуправлениями фронта и флота — всем этим занимался Кузнецов.

Спустя некоторое время Сталин совершает беспрецедентный поступок. В присутствии приближенных лиц пишет собственноручно письмо. И кому? Второму секретарю горкома! Суть письма: Ворошилов и Жданов устали, издергались... Им нужно дать выспаться, отдохнуть... Во всем, что касается организации обороны, мобилизации всех сил, я могу полагаться только на тебя...

Это было признание истинной роли Кузнецова в той ситуации. Письмо доставил в Ленинград генерал НКВД. И вручил, минуя Ворошилова и Жданова, Кузнецову. Естественно, о письме знали многие. По тем временам такое письмо давало колоссальную власть. Это была своего рода верительная и охранная грамота. Имелся, кажется, и еще один дальний смысл. Такое письмо могло вбить клин между Кузнецовым и Ждановым. Тем более, поводов для того находилось достаточно. Мучительной блокадной зимой у Жданова началась болезнь. Кузнецов поставил перед его домом охрану: в тот момент

ни один ленинградец не должен был заметить у руководителя проявления слабости. Кузнецов вел бюро — от имени Жданова. Звонил и разговаривал со Сталиным — от имени Жданова. Сталин, верно, понимал значение этой ситуации. Понимал и Жданов.

Однако уникальные условия города, оказавшегося на грани смерти, ускорили процесс нравственного очищения и переосмысления ценностей. Культ, казавшийся незыблемым и неизбежным, угасал сам собой. Город явственно выдвигал из глубин иной идеал и противопоставлял его официальному. Поэт Николай Тихонов по тем временам просто кричаще подчеркивал это самим названием поэмы: «Киров с нами». В железных ночах у него шел с ленинградцами не Сталин, но Киров.

Надо думать, не проходило все это и мимо ведомства Берии. Его глаза и уши не могли пропустить: со стен стали исчезать портреты вождя, ленинградцы стали реже употреблять его имя — и устно, и письменно. Воинов подмечает: «Время голодной блокады было временем перелома в общественном сознании».

Мог ли этого не видеть Кузнецов? А если видел, то что предпринимал? Попробуем представить себе тогдашнее его состояние... По идее, в его ситуации следовало ежели не поддерживать, то хотя бы делать видимость неизменности положения вещей.

Однако не забудем: постоянное стремление к ясности. Не забудем и другое: уникальные блокадные обстоятельства, перестраивая общественное сознание, позволяли проявиться и окрепнуть независимому, побеждающему, сильному характеру. Он и был нужен, такой характер, в тех обстоятельствах. Нужна была личность, умеющая принимать решения независимо от авторитетов, расклада мнений и расстановки сил в верхах.

Если мы этого не забудем, то станет понятнее, почему Кузнецов перестает ссылаться на Сталина. Почему цитировал Кирова. Кстати, в семье Кузнецовых всегда хранились фотографии Сергея Мироновича (отношение к нему Сталина для многих и тогда не было большим секретом).

Понятнее, почему. И все-таки: почему?

С. Д. Воинов пишет: «В самое тяжелое для Ленинграда время в Москве решили, что следует освободить часть военных сил, «выпрямить» фронт и, как это ни чудовищно, сдать блокадный город немцам. С военной, политической и любой другой точки зрения, я уверен, это было бы непростительной ошибкой. Что могло бы, как мне кажется,

произойти? Могло бы произойти соединение немцев с финнами, открылось бы вспомогательное движение фашистов на Москву, а дальше стал бы возможен обходной удар через Вологду на Урал.

Однако такое решение было принято. И... забегая вперед, скажу — «сорвано» и нами, ленинградцами.

Неожиданно в Ленинграде появился один из ближайших сподвижников Берии — Меркулов. Он явился с заданием подготовить ленинградские заводы к взрыву. Его выгнали не сразу. Он даже развил бурную деятельность. Таким образом это решение стало известно в районах и даже на предприятиях...

Разумеется, Меркулову на местах ничего не говорили. Звонили в Смольный, звонили Кузнецову отовсюду. Кузнецов сразу занял твердую позицию...

Он несколько раз говорил со Сталиным, чтобы воздействовать на Жданова...

Мне Кузнецов однажды сказал:

— Вызови машину. Сейчас я еду один по городу... Еду смотреть наши конспиративные квартиры. Смотреть и запоминать адреса... Может случиться, придется переселяться...

Позже я внимательно присматривался к Меркулову. Он был крайне немногословен, сер, как стертый пятак... Однако чувствовалось, что это серое ничтожество преисполнено сознанием своей особой миссии... Этот загадочный вид был свойствен многим работникам из органов, входившим в свою особую систему государства в государстве...

Отъезд Меркулова означал срыв плана сдачи Ленинграда. То, что верх взяли партийные органы, что не посчитались с мнением «вождя», которому этот план был явно подсунут кем-то,— все это, несомненно, было взято на заметку в бериевских «верхах»...

В те же дни произошло еще событие, которое могло повлиять на настроение одного из ближайших соратников Главкома, Ворошилова. Фронт рассыпался. После прорыва лужской обороны все висело на волоске.

Помню, как в одном месте мы уходили. Впереди нас уже никого не было. Был Попов, Кузнецов, маршал Кулик, начальник ленинградского НКВД Кубаткин (репрессированный позднее по тому же «ленинградскому делу») и мы, несколько офицеров.

Наши машины были замаскированы за холмом, на котором мы стояли. А из леса выходили немцы. Они выходили по одному на опушку, с автоматами, которые они держали на животе, беспрерывно стреляя и громко крича. Некоторые из них пошатывались. Очевидно, это была одна из тех психических атак, о которых впоследствии рассказывали нам пленные офицеры...

И вот тут это произошло. Мы с Кузнецовым сели на заднее сиденье «мерседеса», а охранник вперед, к шоферу.

Нервы были напряжены. Мы бежали, а это не укладывалось в сознании. И потом, вставали вопросы: что же будет дальше? Что ждет нас впереди?

Едва тронулась наша черная длинная машина, Кузнецов повернулся ко мне, схватил меня за плечи. По его лицу катились слезы:

— Ты понимаешь, что это? Наш командующий... Ворошилов... Он!..

Я схватился за ручку, поднимающую стекло, отгораживающее кабину шофера от мест в кузове машины, и мгновенно закрутил ее, поднял стекло... Однако первые слова были услышаны там, впереди. Были ли они доложены? И кому? Если по линии Кубаткина, то это умерло

там же... Если пошло по другим каналам, то впоследствии сыграло роль в падении Кузнецова с поста секретаря ЦК, а значит, и в его гибели...

...Полная незащищенность наших старых границ выявилась в первые же недели войны. Однажды я указал на это Кузнецову.

— Как же! — очень зло ответил он мне.— Только малой кровью! И только на чужой территории!..

...Или еще два странных случая.

В Ленинград из Москвы приехал мой знакомый (еще молодых лет). И мне сказал, что он большой человек, чуть ли не в Управлении делами Совнаркома.

Оказалось, что в Москве, несмотря на войну, идет строительство, правда ведомственное. Строятся дома для сотрудников Совнаркома.

Кому-то в Москве пришла блестящая мысль водным путем, через Ладогу, перевозить не только эвакуируемое в глубь страны оборудование ленинградских заводов, а еще и выморочное имущество из Госфонда и нужные для строительства этих домов материалы.

В Госфонд шло выморочное имущество погибших ленинградцев. Но оставались живы наследники — работавшие, сражавшиеся...

Я нашел материалы — цемент, алебастр, краски, кровельное железо. Цемент находился в баррикадах, в герметически закупоренных бочках. Они заложены мешками, засыпаны землей...

После этого я пошел к Кузнецову. Кузнецов позвонил и приказал немедленно отобрать у московского посланца мандат и в 24 часа выдворить его из Ленинграда...

Потом этот посланец оказался не в Москве, а в Свири — прислал покаянное письмо. Видно было, что он — человек недалекий — был слепым орудием в руках дельцов, а может быть, и тех, кто ковал звенья будущего «ленинградского дела».

Второй случай. Я зашел к Кузнецову в кабинет. Он был обычно выдержанный, волевой, всегда готовый к встрече с любыми неожиданностями — а тут губы его подергивались:

— Слушай, ведь он провокатор!

— Кто?

— Александр Николаевич... Я его сейчас выгнал из столовой. Речь шла о помощнике Жданова, который являлся и заведующим особым сектором обкома...

Внешне и в поведении он представлял собою совершенный тип работника «Большого дома»...

А. А. Кузнецова он смертельно боялся. Это знали все.

Провокационный выпад был сделан в 1944 году, и решиться он мог только по прямому указанию (конечно, не Жданова).

Но чудо из чудес! Жданов никак не отреагировал на вылазку своего помощника. Почему? Думаю, потому что он сам боялся его, знал о его роли при нем, но другого не хотел. Да он был и не нужен.

Еще случай — с одним подполковником. В 1944 году в Эстонии автобус для моих выездов оказался занят. Через 2—3 дня выяснилось: этот подполковник нагрузил его мебелью, запечатал пломбами, выправил документы на отправку секретных документов и отправил в Ленинград. Вся эта операция связалась таким образом с именем члена Военного совета Кузнецова.

Я к Кузнецову. Он отреагировал молниеносно. Написал Говорову и Жданову, что не считает возможным оставлять этого подполковника при Военном совете.

В тот же день на это дали согласие Жданов и Говоров.

В отношении же своего помощника никаких мер Жданов не предпринял...»

Воспоминания С. Д. Воинова красноречиво показывают начиненную подозрительностью, страхом, провокациями обстановку, в которой приходилось (даже в годы войны!) работать. Ожидание удара, подножки по любому даже пустяковому поводу — каково же было в таких условиях иметь убеждения, действовать, следовать им...

В нынешних публикациях о людях, так или иначе пострадавших во времена культа, по какой-то необъясненной пока причине настойчиво подчеркивается одна мысль: они были невинными жертвами произвола. В этом есть правда. Но задумаемся: доказываем с таким завидным упорством, как будто степень невинности их несколько уменьшилась после XX съезда партии.

Чего мы хотим: доказать доказанное? Совместить несовместимое? Наверное, нет. Конечно, нет!

Ну а коли так, то не время ли пояснить, перед кем они были невинны? Перед партией и народом? Да! А перед преступниками, авантюристами и карьеристами, творившими произвол? Перед ежовыми, бериями, абакумовыми? И разве отсутствием вины исчерпывается трагизм и правда того времени?

Ведь наверняка были и те, кто не принял культ? Кто не смирился с ним? Кто, наконец, сопротивлялся?

Смею думать и утверждать: Алексей Александрович Кузнецов **не был невинной жертвой.**

Стало быть, что же — правы авторы «ленинградского дела»? Нет, ситуация сложнее и тоньше. Он не был врагом народа. Но он не был, судя по всему, и наивным человеком, призванным послушно сыграть эту роль.

«Вот что необходимо учесть,— пишет очевидец и участник событий С. Д. Воинов,— для понимания причин «ленинградского дела». Ведь его главными пунктами были: «противопоставление» Кузнецовым себя ЦК (читай — Сталину); требование большей самостоятельности в хозяйственных делах для каждой области, края; признание больших заслуг Российской Федерации; устройство выставки достижений, первых достижений восстановленного Ленинграда; а главное то, что вновь назначенный секретарь ЦК проявил самостоятельность и посерьезному отнесся к задаче проверки бериевского министерства...

А в целом, что такое «ленинградское дело», каковы еще более глубокие причины возникновения этого и подобных «дел»? Если меня спрашивают об этом, я отвечаю: нужно было скрыть от народа истинных виновников нашего военного поражения 1941 года, когда немцы, как нож в масло, врезались в территорию нашей страны? Нужно было скрыть виновников перегибов в сельском хозяйстве, приведших к тому, что крестьяне разбегались из колхозов от нужды, от того, что продукт их труда ценился ниже его действительной стоимости? Нужно было, наконец, скрыть истинных виновников беззаконий и произвола, жертвами которого становились тысячи и тысячи людей? Вот поэтому

и фабриковались такие «дела», как «ленинградское дело», «дело врачей» и еще многие другие, не получившие своих названий, которые можно назвать как «краевые», «областные», иногда даже и «районные»...»

Думается, имелась и еще одна причина. Появилась не только настоятельная необходимость переключить общественное внимание, сбросить «пар», переложить в очередной раз ответственность на плечи невинных. Появилась жгучая потребность «поставить на место» целое фронтовое поколение, вышедшее из войны победившим и прозревшим. Поколение, ценою огромных жертв обретшее нравственную силу. Поколение, предопределившее, по сути, феномен XX съезда.

Впрочем, все по порядку...

В марте 1946 года, после избрания секретарем ЦК ВКП(б), нарушив традицию, Кузнецова не оставляют первым секретарем горкома и обкома, как было в случаях с Кировым, Ждановым. Одно это должно было Кузнецова насторожить (и он, как свидетельствуют очевидцы, без радости отнесся к такому решению). А имелся и другой факт, который мы уже называли: Кузнецова, без опыта работы в аппарате ЦК, сразу же поставили курировать кадры МГБ и МВД.

Это был второй факт, поразивший, как говорят, Анастаса Ивановича Микояна (первый — письмо Сталина, написанное «блокадному» Кузнецову). Третий факт из того же поразительного ряда: однажды отдыхая на озере Рица, Сталин неожиданно для своего окружения поделился мыслями. Я стал стар, будто бы сказал он в приливе откровенности. И думаю о преемниках. Наиболее подходящий преемник на посту Председателя Совета Министров — Николай Алексеевич Вознесенский. А на посту Генерального секретаря — Алексей Александрович Кузнецов... Как, не возражаете, товарищи?

Никто, как говорят, не возразил. Но, надо думать, всяк узнавший о сенсационном замысле немедленно и догадался о его втором плане: неспроста такую идею этот скрытный человек решил обсудить гласно. По сути, если поразмыслить, назывались и объединялись имена действительно наиболее достойных и подходящих. А потому и наиболее опасных конкурентов тем, для кого это было сознательно произнесено вслух. Результат, исход был уже предсказуем. Однако не эта ли предсказуемость и укрепила дополнительно Алексея Александровича?

Получив столько подспудных предостережений, Кузнецов не стал осторожнее. Не изменил прежних привычек, даже не попробовал переломить независимый характер. Сверх того: фактически протестовал против общепринятой тогда культовой нормы. (Один знаток подсчитал: перед войной на партийных мероприятиях имя Сталина поминали 10—18 раз. Тогда же и А. Кузнецов ссылался на «вождя» 12 раз... После войны, выступая перед избирателями, он вспомнил о «вожде» лишь раз. И это тогда, когда в выступлениях Берии или Маленкова Сталин «присутствовал» в каждом абзаце.) Кузнецов по-прежнему ссылался на Кирова. После войны навещал тяжелобольную вдову Сергея Мироновича (это были нелегкие свидания с женщиной, потерявшей в результате смерти мужа разум). Однажды, проводя Секретариат, с ходу разжаловал генерала, уличенного в обворовывании лагерей.

Рассказывают, что в то время Кузнецов начал разбираться с делами 37—38 гг. Генерал МГБ по его требованию привозил ему дела пачками. В результате Кузнецову удалось перевести хотя бы на поселение, вырвать из лагерей нескольких репрессированных...

Больше не успел. Его противники успели раньше.

Он целует на пороге жену и детей (тут нет знака судьбы — так они всегда делали). И, прежде чем выйти, говорит: «Сходите за мороженым. Накрывайте на стол, я вернусь к обеду».

Он не вернулся к обеду. Он вообще не вернулся.

«14 августа 49 г.

Полковник Щепилов П. М., майор Власов С. С., старший лейтенант Ермаков П. П. и лейтенант Бобров А. П.

на основании ордера Министерства Государственной Безопасности СССР за № 1075 от 13 августа 1949 года в присутствии жены арестованного Кузнецова А. А. Воиновой-Кузнецовой З. Д. и дочери Кузнецовой Г. А., руководствуясь ст. ст. 175—185 УПК РСФСР произвели арест (обыск) гр. Кузнецова А. А. в кв. № 108, д. № 3 по ул. Грановского. Согласно ордера арестован Кузнецов А. А., 1905 г. р. ...» Когда семье дали подписать опись, Галя увидела в первый раз слово «арестован» и поседела. А мама подписала демонстративно не глядя: «При обыске от арестованного и других присутствующих лиц (указать, от кого именно) жалоб не заявлено». Жаловаться некому и не на кого. Форма правильная.

И соблюдена с доскональностью дьявольской: «Изъято для доставки в МГБ СССР следующее:

Ордена Ленина — 2;
Орден Красного Знамени — 1;
Орден Кутузова I степени — 1;
Орден Кутузова II степени — 1;
Орден Отечественной войны I ст.— 1;
Медали «За оборону Ленинграда» — 2;
Медаль «Партизану Отечественной войны» —1;
. . . .
Погоны генеральские — 7 пар;
Сапоги мужские хромовые — 1 пара;
. . . .
Зубной порошок — 1 короб.;
Зубная щетка — 1 шт.»

От вида этого удручающего списка что-то внутри содрогается. Нет, не просто человека забирали. Уничтожали всяческий след его существования. Знак его присутствия в этой жизни, на этой земле...

Когда их судили, Кузнецов не каялся и не просил прощения. Уходя, он мог чувствовать себя победителем. В последнем слове, как свидетельствует очевидец, Алексей Александрович сказал: «Я был большевиком и останусь им, какой бы приговор мне ни вынесли, история нас оправдает».

А потом... Потом, ровным голосом говорит Галина Алексеевна, увозили маму. Обыск был еще более унизительным: ворошили даже детские вещи. Семья осталась с парализованной бабушкой. Как они жили и выжили, это отдельный рассказ. Искали. Писали. Ходили. По указанному в описи адресу («за всеми справками обращаться... Кузнецкий мост, 24, вход со двора»). Наконец, мама прислала письмо, другое, третье... Ни слова, как и что с ней.

Умер Сталин. Арестовали Берию.

После этого Анастас Иванович Микоян дважды спросил Аллу: не вернулась ли мама? Вернулась она ночью, 10 февраля 1954-го. Вес 48 килограммов. Белая. Шатается. Галя позвонила Микоянам. Прибежала Алла. И только в подъезде Гале призналась: «Маме не говори. Но папа у нас погиб...» Когда? Где? Галя хотела искать, Анастас Иванович не посоветовал: «Если не хочешь потерять здоровье, не делай этого. Ты его не найдешь».

Мама заговорила только после XX съезда. Рассказала... Как сидела в одиночке. В кандалах.

Потом вызвали двоих. Двух жен — Вознесенскую и Кузнецову. Они шли и не знали, что уже не жены, а вдовы... Им предложили искупаться. Из лейки полился крутой кипяток: подумали, что пришел их черед. Потом им сказали про освобождение. Правда, они это вначале как дежурное издевательсто приняли. Но стали собираться...

Хотя, конечно, там люди были разные. Один следователь орал на нее на допросе, делал все, как полагалось. А потом включал радио на полную громкость и говорил: «Зинаида Дмитриевна! Не верю я в то, о чем вас спрашиваю!» А еще был надзиратель, много лет спустя бросился он радостно к ней из троллейбуса. Хотела остановиться. Заговорить. Но не смогла. Прошла. Только поздоровалась.

О муже всегда повторяла, как заклинание: «Я Ленюшку не хоронила. Нет». Или еще: «Мне все время кажется, что ему дали просто какое-то большое задание... Вот зазвенит когда-нибудь звонок. И он придет...»

Когда умер Сталин, Галя плакала навзрыд. А ей говорят: чего ты ревешь? Теперь, глядишь, все разъяснится! И действительно, Анастас Иванович после смерти Сталина собрал их на даче и сказал: ваш отец никакой не враг народа. Это вы знайте!

Вот так все и разъяснилось.

Пройдет время — и Кузнецова официально реабилитируют. И установят мемориальную доску в Москве, на доме по улице Грановского, где Алексей Александрович жил последние годы.

Галина Алексеевна держит в руках описи. На них четкими цифрами — номер ордера на арест отца. А мне кажется, она думает сейчас и о тех, кто был до этого номера — 1075 и после него...

А еще я вспоминаю последнюю фразу из знаменитого письма. Знал ли многоходовый ум, какую пронзительно правдивую мысль он тогда выговаривал? Ведала ли начинавшая очередную игру беспощадная рука, какие пророческие горькие слова она выводила? Эти слова, равно как и цифра 1075, врезаны, вколоты, врублены в семейную память навеки.

— Алексей, Родина тебя не забудет! — написано было рукою Сталина. И этот след из памяти, и это свидетельство из истории не изъять. Оно не подлежит изъятию.

А. Г. Никитин

УПРЯМЫЙ ОППОНЕНТ СТАЛИНА,

или Штрихи к истории странной дискуссии *

Неимоверно долго ждут порой историки того заветного дня, когда представляется возможность собрать исчерпывающие, зафиксированные в официальных документах или в печатных органах исторические источники. К сожалению, очень часто этот «черствый хлеб» истории оказывается или целиком искаженным, или, что намного хуже, бесследно исчезнувшим. Особенно когда от того или иного «действующего лица», в довершение ко всему, требуют подписи под... обязательством: никому и никогда до конца своей жизни не рассказывать о том, чему свидетелем он был, что пережил и передумал.

И все же исключения из этих горестных правил бывают. Не все молчали прежде, не все молчат и сегодня. Если, к тому же, наш герой уцелел и ему суждено прожить около века. Именно таким оказался ныне здравствующий свидетель трагической истории нашей великой страны Лука Данилович Ярошенко. Его рассказ, пусть отчасти даже односторонний, может сослужить добрую службу ученым уже сегодняшних, тем более завтрашних, дней в поисках своих ракурсов и верных подходов к сложному облику нашей эпохи. Итак...

Сначала он позвонил мне в редакцию «Правды» по телефону и представился:

— Я Лука Данилович Ярошенко, которого историки назвали «последней жертвой» Сталина. Думали, наверное, что меня уже давно нет на белом свете. Но я отнюдь не стал жертвой, как многие другие. Я еще жив, мне 94-й год. И я хорошо знаю технологию «свободного обмена» научными знаниями при Сталине. Испытал все на себе, оказавшись узником Лубянки и других тюрем. И лишь из-за того, что в ноябре 1951 года на Всесоюзной экономической дискуссии честно высказал свое мнение об учебнике «Политическая экономия».

— Это вам посвятил известные страницы Сталин?

* Беседа представляет собой расширенный и доработанный вариант публикации в «Правде». 1989. 29 сентября.

— Да, мне. Многие ученые в прошлом, да и теперь часто ссылаются на них. Но никто из этих историков со мной не встречался. Наверное, и впрямь считают, что меня нет в живых. Что ж, предполагать такое можно было. А я все еще живу и живу, интересуюсь проблемами экономической науки. И как бы продолжаю свой спор в той незаконченной странной дискуссии.

— Значит, Лука Данилович, с вами можно встретиться?..

— Конечно, я и звоню как раз по этому поводу. Вот прочел несколько статей в газете под рубрикой «Дискуссионная трибуна», и мое сердце дрогнуло. После сорокалетнего молчания решил напомнить о себе, так сказать, объявиться...

В тот же день на десятом этаже «Правды» мы, журналисты, встретили невысокого, но еще довольно крепкого мужчину. Угловатое лицо, ершистая седая прическа, белые усы. В прищуренных старческих глазах огонек, вернее, отсвет задора.

— Решил вот тряхнуть стариной,— сказал Л. Ярошенко,— время теперь боевое. Не знаю, что из моего рассказа вам пригодится. Но очень хотелось бы еще раз сказать свое слово. Может быть, это будет последнее мое слово. Кто знает? Я ведь все-таки человек из прошлого века. Родился 5 мая 1896 года в селе Млины, что на реке Псел в Гадячском районе Полтавской области *. Когда мне было восемь лет, отец, крестьянин, добровольно переселился с большой семьей в Сибирь — бежал от малоземелья.

Второй раз поселился в Сибири уже после знаменитой дискуссии. Вызвали в ЦК партии, а очутился на Лубянке. Впрочем, об этом потом. Сначала о моей молодости. Толчок моему политическому развитию дала первая мировая война. В 1915 году стал рядовым 147-го Самарского

* После публикации в «Правде» краевед А. А. Шестопал из города Гадяч прислал в редакцию разысканную им в архивах Полтавской духовной консистории копию с подлинной метрики под номером 17 за 1896 г. Она гласит, что Лука Данилович родился 21 апреля по старому стилю. Родители его: «Казенный крестьянин Даниил Захарович Ярошенко и законная жена его Мария Стефановна, оба православные». Восприемниками были брат отца крестьянин Леонтий Захарович и дочь казака, девица Елена Георгиевна Степанович. Этот документ внес поправку в паспортные данные Л. Д. Ярошенко: он старше на два дня, чем считал раньше,— родился по новому стилю не 5, а 3 мая 1896 г.

полка. На животе своем, извините за такое сравнение, все Карпаты проутюжил, многому научился.

— А где вы встретили Октябрьскую революцию?

— Уже дома, в Сибири, где в девятнадцатом году и в партию вступил.

— А если точнее?

— В селе Мохнатый Лог нынешней Новосибирской области. Там мы, пятеро коммунистов, создали партизанский отряд. Среди его командиров был одно время и я. Нелегко давалась классовая наука. Во время колчаковщины примчался карательный отряд, когда нас в селе не было, и все имущество пяти организаторов партизанского отряда сожгли. Хорошо, что семьи наши успели скрыться в лесу. Местный доброволец-кулак привел карателей к нашим домам.

— А как вы, сибиряк, стали москвичом?

— В 1922 году захотел учиться. Многое из того, что раньше делал, признаюсь, не всегда до конца правильно понимал. Заехал в Сиббюро ЦК, в секретариат. Попал на прием к Емельяну Ярославскому. По бумаге с его подписью меня и приняли в плехановский институт, хотя среднего образования не имел. Работал потом в «Союзхлебе» — заготовительной организации. Все время меня посылали за хлебом в Сибирь: республика голодала, в стране сложилась чрезвычайная экономическая ситуация. Это было эхо разверстки...

Но и плехановского института оказалось мало, чтобы решать чрезвычайные задачи. МГК партии направил меня в Институт красной профессуры. Еще два года просидел над Марксом. И там я окончательно понял, что знал и знаю мало. А в Сибири-то считали меня вроде как знающим человеком. Да и я, виноват, раньше так считал. Нет, надо не только у жизни учиться, но и теорию изучать. Я и сейчас пытаюсь этому следовать. Вот, думаю, как нашей экономике угнаться за быстротечным временем, вернее, за рекою времен, за ее крутыми изгибами. Опять все говорят о чрезвычайной ситуации.

— И кто же больше всего повлиял на вашу учебу?

— Сталин... Не верите? Но это именно так и получилось. В переносном смысле, конечно. Книги и статьи «вождя народов» поверхностные, созерцательные. Они пестрят цитатами, повторами и чаще всего примитивными лозунгами. На фоне работ Маркса, Ленина это особенно бросалось тогда в глаза. Лозунговое же мышление не всех устраивало. Поэтому нередко хотелось самому до всего докопаться...

— Где вы работали до дискуссии?

— В Госплане, заместителем начальника отдела. Туда я пришел еще при Кржижановском. Были у меня деловые связи с рядовыми работниками ЦК партии. По телефону они часто звонили: советовались, спорили. Они-то и предложили мне выступить в дискуссии. Вручили макет учебника «Политическая экономия». Все было задумано грандиозно. Отобрали для дискуссии около 300 самых «достойных». Людей освободили от работы. Три месяца с перерывами длилась дискуссия на втором этаже здания ЦК. Материалы ее нигде не печатались, хотя я видел, что стенограмма велась. Ее потом тоже засекретили. Руководил экономической дискуссией по сути — Сталин. Непосредственно за председательским столом восседали Маленков, Шепилов и... химик Ю. Жданов — зять «вождя народов» и сын А. Жданова *, главного идеолога, к тому времени уже почившего.

— А у вас случайно стенограмма не сохранилась?

— Что вы! Тогда все было в секрете. Я ее даже не видел нигде потом. И как жаль, что стенограмма до сих пор не опубликована. Поэтому историки вынуждены ссылаться лишь на такие односторонние источники, как «труды» Сталина, где многое извращено и запутано. Ученым он не был, зато рьяно «руководил», грубо понукал академией и академиками.

Я шел на научную дискуссию с открытым сердцем, не предвидя еще, что на этом форуме должны были петь дифирамбы учебнику, а не истину искать. Я этого, признаться, не ожидал. Хотя понимал, что у Сталина не было никакого уважения к науке. Его книги — описание существующего и желаемого. Это в лучшем случае. Ну а «заботы» возомнившего себя гением семинариста о языкознании, печати, генетике, социологии вам известны. В духе того времени многие ученые после обязательных восхвалений делали лишь мелкие вежливые замечания по частностям. Я удивился, почему все обходят вступительную часть учебника, где больше всего методологической неразберихи, псевдоучености.

* Юрий Андреевич Жданов откликнулся на публикацию «Правды», прислав из Ростова-на-Дону письмо: «В интервью сделана попытка бросить тень и на мое имя. К чему эти «восседал», «химик»?.. Что касается фактической стороны дела, то открывал дискуссию Маленков, вели Шепилов и ученые-экономисты. Тогдашний «главный идеолог» в 1951 году уже три года был в могиле. И еще. Жизнь давно научила не предавать ни идей, ни людей. На том стою».

— Нельзя ли подробнее?

— Авторы заявили, что существуют якобы два метода изучения политэкономии — аналитический и исторический, но воспользовались сами только последним: изложили факты в исторической последовательности. При этом они, возможно случайно, совсем упустили из виду главный — диалектический — метод познания истины, познания объективной реальности. Диалектика в эпоху Сталина была не в почете. Само понятие ее, учение о противоречиях искажались. Упор в учебнике делался на пропаганду диктуемых авторитарным государством принудительных «производственных отношений», а не на изучение всего способа производства во всей его диалектической многогранности.

— И вы решили сказать об этом свое слово?

— Вот именно! Сначала написал тезисы на бумаге. Рядом со мной в зале сидел академик Варга. Я попросил его на всякий случай посмотреть. Он внимательно прочел и сказал: «Не советую выступать!» Я сразу не понял тогда, что значит «не советую». Оказывается, вводная часть учебника была заранее согласована со Сталиным. И академику это было известно. Вождь оставлял за учеными лишь право комментировать, расхваливать его высказывания и лозунги. Этим самым он снял с ученых всю ответственность за развитие, в частности, экономической науки. Ее взяли на себя лидеры партии и правительства, а если точнее, то сам «корифей» всех наук.

— И ученые смирились?

— Большинство смирилось. Далеко не все из них были Вавиловыми, Кондратьевыми, Чаяновыми... (или как Канторович, Леонтьев, Лурье.— *А. Н.*). Зато участники шумных идеологических, скорее, псевдоидеологических кампаний поощрялись и хорошо вознаграждались. Лишь такого рода ученые почитались как правоверные марксисты. Им присваивались высшие ученые звания, доверялись высокие посты в партии, в управлении народным хозяйством страны. И вполне закономерно, что эти «ученые мужи» руководили другими, увы, не научными методами, а благодаря все тому же грубому администрированию или психической истерии *. Иначе они не умели и не хотели. Возникло острое противоречие между самой

* К числу таких ученых можно отнести Т. Д. Лысенко, который оставался академиком и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе.

экономической наукой и интересами ученых этой науки... А я, выходит, выступил в пику, назвав учебник антинаучным.

— И какая была реакция на ваше выступление?

— Очень странной. Одни участники дискуссии мимоходом, оглядываясь по сторонам, поздравляли меня, другие — смотрели на меня с какой-то рассеянностью и удивлением. Но тот день закончился вроде благополучно, хотя многие коллеги меня и журили в своих выступлениях. Академик Немчинов, например, даже заметил, что Ярошенко хочет создать новую экономическую науку. В этом он не ошибался. Я выступал, в частности, против излишней политизации экономики, высказался о насущной необходимости конкретной науки управления и организации социалистического производства. Организаторскую роль науки я ставил выше общих словопрений об оторванной от грешной земли, занесенной в недосягаемые небеса политэкономии социализма. Понятно, многим это было не по душе. Отсюда — и резкость выпадов. Упрямый оппонент был ни к чему.

Вскоре появился пробный тираж сталинского творения «Экономические проблемы социализма в СССР». Брошюру сначала издали лишь для участников дискуссии. Вложена она была каждому в персональный пакет материалов. Там и оказались страницы, адресованные мне, в которых Сталин ругал меня. Не дискутировал, а именно ругал на чем свет стоит...

Лука Данилович протянул мне экземпляр брошюры Сталина с грифом: «Участникам экономической дискуссии». На одной из страниц была подчеркнута фраза, весьма типичная для характера «научных» споров, которые вождь тогда насаждал: «...Такой несусветной тарабарщины не разводил еще у нас ни один свихнувшийся «марксист». Вот как выглядела «истина» в последней инстанции. Одновременно это был и сигнал к расправе.

— И что же было потом?

— А потом Хрущев и Фурцева вызвали меня в МГК: «Против чего пошел, кого учишь?» Ругали изрядно, но ничего по сути вразумительного сказать не могли.

Дискуссия в «узком кругу» не получилась. Наконец, Хрущев заключил: «Партвзысканий налагать не будем, пусть едет на трудовой фронт в Сибирь!» Вызвали заместителя начальника ЦСУ, тот и дал совет послать меня в Иркутск, где можно было устроиться на работу... Спрашиваю, расставаясь, Фурцеву:

— Где и как мне там представиться?

— Все сообщим Иркутскому обкому партии, в ЦК тоже будут знать,— ответила Фурцева.

— А что мне сказать?

— То же самое, что сказал Хрущев!

Приехал я в Иркутск к секретарю обкома, рассказал: так и так, мол, сослали, слава богу, без взысканий. Буду работать...

Через неделю пришло совсем другое решение бюро МГК, «уточненное» уже заочно, без моего присутствия. Вызвали меня в Иркутский обком, дали почитать: наложить строгий выговор с предупреждением... А я всем везде докладывал — без взысканий. Нехорошо как-то получилось. Стал думать: как же быть? Послал протест членам Политбюро ЦК с просьбой во всем разобраться. Из Сибири меня вызвали в Москву. Стали разбираться. В кабинете ЦК — Хрущев, Маленков, Пегов, Шкирятов, Шепилов. Опять сплошная ругань, а не дискуссия. А в заключение следующее:

— Никто с тобой, негодяй, по существу разговаривать не будет,— сказал Шкирятов.— Хватит! Нам обедать пора...

— Кстати, в недавно опубликованных «Огоньком» (1989, № 37) воспоминаниях Хрущева речь идет о репрессированном экономисте с «украинской фамилией», которую мемуарист не мог или не хотел вспомнить. Это, наверное, о вас, Лука Данилович?

— Да, обо мне. Лишь теперь я узнал, что мой протест никто из членов Политбюро не читал, кроме, скорее случайно, одного Ворошилова. Он и подал идею окончательно расправиться со мной. Сталин поддержал: «Ну что это за сволочь такая! Арестовать его». Так на сталинской даче за вечерней сытной трапезой в одно мгновение решилась моя судьба.

— Но разговор с вами в ЦК все-таки состоялся?

— К моему несчастью. Когда я вышел из кабинета, за мной следом — два человека: они дежурили у дверей. Я все понял. Подошел к вешалке, а пальто моего там нет. И тут «товарищи» взяли меня под руки и сказали, что мое пальто уже в машине, просят меня следовать за ними. На улице стояла просторная машина с работающим мотором. От подъезда ЦК к воротам Лубянки за три минуты подкатили. Даже опомниться не успел, как меня обыскали и втолкнули в одиночную камеру где-то на верхнем этаже внутренней тюрьмы. Я не ду-

мал, что может так быстро все повернуться. «Сознавайся, негодяй, в своей вражеской деятельности!» — кричали на допросах следователи.

Ночью допросы, днем спать тоже не давали. Хотелось броситься в проем тюремной лестницы. Но тогда уже «врагом» наверняка бы сделали. Поэтому я держался как мог, потерял двадцать килограммов веса сразу, даже без помощи Кашпировского. В своей жизни я видел живых жандармов, видел смерть иа войне. Но это не было страшным. Куда страшнее обида, камерное заточение, бессильное глухое одиночество. За год во многих московских тюрьмах перебывал.

— Что же все-таки помогло вам выжить в этих условиях?

— Каждое утро, просыпаясь от мимолетного страшного сна, я спрашивал сам себя, как некий поселившийся во мне же невидимый палач: «Что ты сделал такое, что оказался здесь?» И каждый раз отвечал себе и своему палачу, своей совести: «Ничего плохого ни против народа, ни против партии». И это придавало мне силу, уверенность в себе. Я мог, конечно, заблудиться в каких-либо теоретических лабиринтах, но стать «врагом иарода», причем созиательно, такого не было и быть не могло. Вот осознание этого и помогло мне жить без угрызений совести, с чистым сердцем и душой. В этом же, наверное, и отгадка моего долголетия...

— Чем же закончились допросы, вся тюремная эпопея?

— После Лубянки сидел в Лефортове, потом в Бутырках, еще где-то. Потом снова Лубянка. Там и сказали: «Сталин умер, вы свободны». Но освободили меня только 26 декабря 1953 года. Вручили документ, что «содержался в местах заключения» — так просто аттестовало МВД мое изъятие из общества: без всяких судов, разбирательств и извииеиий...

И тут же Лука Данилович протянул мне бумажку в пол-листа — справку иа официальном блаике с печатями. Я попросил разрешения скопировать ее. Как иикак, докумеитальиый источник! Ярошенко разрешил мне это сделать, отметив, однако, что подпись под печатью очень неразборчивая. Он прокомментировал это так: тюремщики умышлеино подписывались иеразборчиво, чтобы не оставлять истории ии имен своих жертв, ни своих собствеииых имеи. Сам же он до сих пор помнит майора Попова, который допрашивал его на Лубяике. Но вериемся к самому документу:

«СССР. Министерство внутренних дел.
26 декабря 1953 г. № 114. г. Москва.

СПРАВКА

Выдана гражданину Ярошенко Луке Даниловичу, 1896 года рождения, уроженцу села Млины, Гадячского района, Полтавской области в том, что он с 12 января 1953 года содержался в местах заключения МВД СССР.

В соответствии со статьей 204 п. «б» Уголовного Процессуального Кодекса РСФСР дело по обвинению Ярошенко Л. Д. прекращено и он из-под стражи освобожден 26 декабря 1953 года.

Начальник отдела МВД (Подпись неразборчива).
Начальник отделения (Подпись неразборчива)».

Внизу — круглая печать: «Министерство внутренних дел СССР. № 24».

Вот как выглядели тогда «дипломы» об участии в странных научных дискуссиях, вот как назывались «научные органы», оценивающие ученых и содержащие их под «стражей» даже неизвестно за что...

Пауза наша, вызванная справкой из неволи, затянулась. И я решил нарушить ее вопросом:

— А удалось вам, Лука Данилович, встретиться снова с Хрущевым? Ведь он сначала объявил войну культу личности...

— После всего этого я попросил Хрущева и Фурцеву снова принять меня. Не приняли, даже не ответили. Почувствовал, что они недовольны, наверное, моим освобождением. Хотя Хрущев и пишет, что хотел помочь мне, хотя и признает, что страдал я «совершенно безвинно», тем не менее руку помощи в нужный момент не протянул. Такое это было время.

Еще когда я уходил из тюрьмы на Лубянке, с меня взяли подписку о том, что нигде и никогда не имею права рассказывать об этих окаянных злоключениях до конца дней своих. Не должен был и жаловаться. Но я послал 15 декабря 1955 года письмо в Президиум ЦК о некоммунистическом отношении Сталина к партии и народу, где, в частности, писал, что Советская власть втянула женщин в общественное производство, когда не были созданы условия для воспитания детей. Появились армады беспризорников, «воспитанных улицей». Война — новая волна сирот. А в это время на трамваях и зданиях красовались кричащие невпопад плакаты: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Хрущев чуть ли не дословно зачитал это место из моего письма на Пленуме ЦК партии. На XX съезде

тоже почти буквально повторил мои отдельные строки. Значит, думал я, письмо дошло до него, мало того, одобрено им. Я не предполагал, что отрывок из моего письма мог вставить в доклад Хрущева кто-нибудь из его услужливых помощников или референтов. Тем не менее эпизод с письмом меня успокоил и даже как-то... усыпил мою бдительность.

У себя в ЦСУ, куда меня устроили на работу после тюрьмы, я выступил на партийном собрании в духе своего письма, раз его цитировал Хрущев. Меня снова взяли в оборот — исключили из партии за... неправильное понимание ее политики. Вот тут все снова запуталось для меня. Хрущевская «оттепель» была короткой и зыбкой. Перестройку тогдашнюю начали люди, которые всю жизнь верой и правдой служили культу. В душе они оставались сталинистами. Говорили одно, а думали и делали совсем другое. Лишь через несколько лет меня восстановил в партии XXII съезд. Но с лекциями, дискуссиями, докладами на собраниях я уже перестал выступать.

— Все это,— говорил Л. Ярошенко,— настраивало на грустные размышления. Честность, партийная позиция и гласность по-прежнему были не в чести. Именно это деформировало сознание, несмотря на то, что я активно участвовал в революции, гражданской войне, коллективизации. Правда, кое-что и тогда меня смущало, но я считал, что мы «переворачиваем мир», и сталинская демагогия порой находила отклик. Была разгромлена троцкистская, потом бухаринская фракции. Осталась от всей партии, по сути, одна фракция — сталинская, в руках которой оказались карательные органы. Эта фракция и «правила бал». Как и большинство людей той эпохи, я тоже одно время пылал гневом против «врагов народа», пока сам не оказался на Лубянке. Вот где была, пожалуй, самая трезвая «академия» общественных наук!

На книжной полке Ярошенко в его московской квартире я заметил тщательно подобранные старые стенографические отчеты партийных съездов, а в самом дальнем уголке полки — пожалуй, еще многим знакомый корешок сталинского «Краткого курса» истории ВКП(б). И сам по себе родился вопрос к бывшему оппоненту Сталина. Впрочем, почему только «бывшему»?

— Вспоминаете, наверное, на досуге свою политическую молодость?— спросил я.

— Не просто вспомннаю, но и заново пережнваю, мысленио продолжаю свою полемнку.

Лука Даниловнч раскрыл книгу и, по-старнковскн хнтро подмигнув, сказал:

— А ее ие грех н вам, молодым, нногда открывать н вдумываться, сопоставлять. Скажем, вот какую главную задачу поставил Сталин перед депутатами Верховного Совета СССР в 1937 году: «Чтобы оии былн такнмн же бесстрашнымн в бою н беспощадными к врагам иарода, какнм был Леиин». Везде грезились «отцу иародов» только врагн. А вот еще однн курьез: сталннский учебиик пестрнт словами «ускореиие», «перестройка» и «рекоиструкцня», «демократия». Но тогда нн одни из этих лозунгов не удалось целиком воплотить в жнзнь. Чем жарче разгоралась истерня беззакоиия н террора, тем настойчивее прославлялась некая абстрактная «демократия». Зато то, что было сказаио Сталиным об отечественной экономнке, совершенно справедлнво н для иаших дией: «Социалистическое производство в СССР ие знает периодическнх крнзисов перепроизводства н связаииых с иимн иелепостей». Да, чего нет — того уж нет. Вот бы иам еще и от нелепостей вечиого дефицита избавиться!

Все это ие безобидиые теоретическне ошибки Сталнна, как сейчас счнтают миогие, а его осознаииая злая воля, плоды его антигуманного поинмания задач соцналнзма, целей и средств для их достнжения. Культ свободного творческого труда заменен был культом унизительного грубого подчнненитя. Именно в те годы одни поэт (кажется, Миханл Светлов) напнсал стнхн. Прнвожу их по памятн:

Дисциплиной сжав материки,
По Земле идут большевики.
И Земля спросить у них боится:
В ту ли сторону она вертится?

Да, миогне предпочитали даже ие спрашивать нн себя, нн других, в ту лн стороиу оии вертятся. Я сам нередко бывал на заседаннях Совмина СССР вместе с руководнтелями Госплаиа. Однажды в запале резко выступил против строительства иерационально крупиого мясокомбииата, для которого ие было тогда ии сырья, ни новой технологнн, ни холодильников, ни специальиых траиспортиых средств. Потерн предстояли огромные. Микояи после дебатов подошел ко мне н, хлопиув по плечу, дружескн сказал: «Молодой, горячнй. Бере-

гись!» Он был, наверное, согласен со мной, но голосовал за проект по каким-то другим соображениям.

— Как вы жили в эти последние годы?

— Выйдя на пенсию в 1956 году, я получал 80 рублей. Ушел с работы потому, что исключили из партии. Без этого работать в соваппарате было невозможно. Многие беспартийные, по сути, испытали тогда на себе запрет на профессии и должности. Особенно на руководящие, не говоря уж об общественных. Когда восстановили меня в партии, решил уже нигде не работать.

— Какой вывод вы, Лука Данилович, делаете из своего жизненного опыта?

— Внутреннее прозрение пришло ко мне вопреки внешним обстоятельствам и официозной науке. Считаю, что самое опасное — это беспринципные, неграмотные люди. Что такое волюнтаризм? Поступать без совета с народом, без совета с учеными. Это и сейчас отчасти продолжается на разных этажах управления, хотя ситуация постепенно меняется к лучшему. Прогноз, научные знания по-прежнему не ценятся должным образом. Сначала принимаем постановления и законы, потом сразу отменяем или забываем их выполнять. По-прежнему народ не знает реальных авторов тех или иных директивных документов, как и организаторов конкретных хозяйственных кампаний. Выброшена за борт экономики инициатива миллионов специалистов, людей с высоким интеллектом.

— И началось все это со сталинских времен?

— Нет, пожалуй, еще раньше. Но Сталин презрение к интеллигенции довел до абсурда. Как и к науке.

Сталин своими оговорками, по сути, сузил до предела широкое понятие «товар», а различие форм собственности, закон стоимости объявил пережитками капитализма, не сумев верно определить исторические рамки их действия. Рыночные отношения в экономике отрицались раз и навсегда. Заменялись они плановым регулированием, вернее, управлением из единого центра. По многим аспектам спорил Ярошенко со Сталиным. В частности, по проблемам соотношения фондов накопления и потребления, о пропорциональности и пропорциях в развитии народного хозяйства...

Что касается вообще рыночных отношений при социализме, то как прежде, так и теперь Ярошенко относится к ним с чрезвычайной осторожностью:

— Конечно, закон стоимости признает только при-

быль, игнорируя нередко социальные требования людей. И этот закон уже своеобразно проявил себя в наших условиях. «Вымыты» дешевые товары для детей и бедных, а самих бедных стало намного больше. Растут, как снежный ком, розничные цены. Скоро они будут «сумасшедшими». Не оживление ли стихии рыночных отношений вызвало бурные митинги и упорные забастовки, прокатившиеся по всей стране? На окраинах уже пылает огонь гражданской войны. Все это напоминает мне события затяжных революционных бурь, которые я уже однажды пережил в годы своей молодости.

— Есть ли выход из этого?

— Свое право владеть производительными силами наше общество должно доказать тем, что разумно и правильно, на научной основе организует их в общественном производстве. Нельзя шарахаться из стороны в сторону, метаться между социализмом и капитализмом. Пора делать настоящий выбор.

— Возможно ли это в короткое время?

— Нет готового ответа на этот вопрос. Мы до сих пор как слепые щенки. Каждый наш новый политический лидер «создает» свою теорию, проводит очередную реформу, заваливает ее и сам заваливается. Есть тут, конечно, и трудности объективные. Мировая история никогда не видела, не знала нового способа производства, принципиально иного уклада жизни, к которому мы стремились. В этом наше счастье и... несчастье.

Надо вернуть интеллекту роль штурмана в обществе. Ему же пытаются противопоставить примитивизм никому не понятного «нового мышления», а вернее, безграмотности: «Надо просто вкалывать — и все!» Это близко к лозунгу трудовых лагерей. Восхваляются по-прежнему всякого рода «бойцы», которые работают куда «пошлют». Как работают, какая от всезнаек польза? Мандаты нужны были для командированных комиссаров времен гражданской войны, а для «прорабов» современной перестройки, тем более для ее «архитекторов» надо уже совсем другое!

— Что вы имеете в виду?

— Ни один из способов производства, особенно социалистический, не может быть в полном подчинении «вождей» или комиссаров... Ибо он требует не команд, а научного управления. Да еще какого уровня! Иначе — стихия, распад, голод, смерть. Задача сложнейшая. Мало стать во главе народного хозяйства, надо овладеть

положеиием дел, проиикуть в самую их суть, суметь обосиовать все сначала философски, потом экоиомически, техиологически... И практически!

— Словом...

— Словом, перестройка — хорошо. Но без серьезиой науки оиа вперед ие пойдет. Нужна глубоко вывереииая до июаисов концепция. И помеиьше иичем не обосиоваиных экспериментов и обещаиий. Не все решает воля одиого субъекта. Или группы субъектов. Ошибка прежиих революциоиеров, думаю, была в том, что оии после разрушения старого сами же захотели руководить и создаиием иового, ие передали вовремя власть представителям всего народа, его иителлектуальиым силам. Отсюда и культ, и диктаторство, и волюнтаризм, и иаивные обещаиия... близкого коммуиизма. Отсюда же и застой. Задача политической партии — поднимать созиаиие иарода, просвещать его. Но сиачала, конечио, иадо самой партии встать вровень с веком. Тогда и власть иародная будет сильиой и подлииной. Нельзя ие учитывать заметно возросший уровеиь созиаиия масс. Не замыкаться в декретировании и законотворчестве, побольше самоуправления на практике. Речь не о форме — о существе.

— И побольше иаучных подходов во всем.

— Да. Предстоит корениой пересмотр миогих положеиий о социализме. Почему? Развитие есть движеиие, вызваиное борьбой противоположностей. В развитии участвуют силы, разиые по своему количеству и качеству. В развитии всегда что-то главиое, определяющее и что-то второстепеиное, зависимое...

— Но иасколько это, Лука Даиилович, примеиимо к иашей хозяйственной практике?

— Сошлюсь лишь на одии пример. Вспомиим, в 1926—1927 годах у нас в страие сложились определенные пропорции между отраслями народного хозяйства, в частиости между промышленностью и земледелием. Иидустриализация коицентрировала материальиые и людские ресурсы иа одиом звеие — промышленности, резко измеиила прежние пропорции и соотиошеиия. Ведущим в ускорении стало машииостроеиие. Если бы развитие шло по старым дореволюциоииым пропорциям, иаша страна была бы задушена экоиомически. Но миогое еще, иавериое, иадо поиять и поиовому осмыслить ради поиска оптимальиой модели развития иашей экономики, как теперь говорят, в «челове-

ческом измерении». На очереди — коренные преобразования в земледелии... Да, собственно, во всех сферах экономики, социальной и духовной жизни.

— А в науке?

— Прежде всего, это политическая экономия социализма. На мой взгляд, она должна не только изучать экономическую сторону бытия производительных сил, она должна разрабатывать, и это главное, гуманистическую теорию социального развития всего общества, совершенствовать и глубоко раскрывать философию его движения. Говорю об этом потому, что до сих пор в политэкономии немало вульгарных положений и путаницы. Думаю, было бы полезно в ближайшее время обсудить назревшие экономические проблемы на всесоюзном совещании ученых, чтобы всесторонне и реалистично оценить научные критерии перестройки, внести в них необходимые коррективы...

И голос Ярошенко был услышан. Спустя два месяца после публикации интервью в «Правде» такое совещание состоялось — в ноябре 1989 года в Москве. Но пригласить на него живого оппонента Сталина, конечно, забыли. И я отдал ему свой пригласительный билет. Два дня экономисты страны с удивлением рассматривали сидящего перед самой трибуной, в первом ряду, незнакомого им в лицо 94-летнего Ярошенко. Они не знали, кто это такой, пока ветерану не дали слово... И удивленный зал разразился аплодисментами. «Благодарю за честь,— сказал Ярошенко.— Вам, мои коллеги, идти дальше, вы грамотнее и смелее...»

— Судя по нынешним временам, Лука Данилович, эта дискуссия, наверное, не повторит судьбу той, далекой?

— Да, возврат к старому уже невозможен. Но нельзя безоглядно идеализировать и нынешнюю обстановку. Почему? Пожалуй, самое страшное, что делал Сталин, состоит в том, что он психологически хотел подавить наше поколение, сломать человека как личность. Это сказывается до сих пор и еще скажется в будущем. И когда мы говорим сейчас о гласности, необходимости дискуссий, надо учитывать и внутренние тормозящие силы во многих из нас. Сильно, как никогда, недоверие ко всему официальному, заорганизованному, демагогическому. Лишь правда жизни неотделима от поиска истины, нравственной чистоты в помыслах и делах. Я верю в здоровые силы народа, в его созидательные возможности.

Ю. В. Аксютин
О. В. Волобуев
С. В. Кулешов

«МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК»

Сегодня нередко слышишь: «Да, не все было здорово в нашей истории. Но была вера в то, что все совершавшееся, пусть даже неправедное, делалось во имя социализма». Однако, чем глубже мы погружаемся в исторические пласты прошлого, тем больше трагического и драматического обнажается. И становится очевидным — нет, не с деформированным социализмом имеешь дело, а с тоталитарной системой. И закономерно возникает вопрос: неужели то, что понятно сейчас, не было ясно людям раньше? Неужели они были так наркотизированы пропагандистским механизмом этой системы, что факты каннибализма на Украине могли расценивать лишь как «издержки» победоносной сталинской коллективизации? Разве не помнила часть представителей квалифицированного рабочего класса своей жизни до революции и реального положения дел в годы индустриализации? Неужели строка из Маяковского «сидят впотьмах рабочие, подмокший хлеб жуют» действительно была поведенческим и нравственным алгоритмом армии строителей социализма?

Ясно, что мы только начинаем подходить к всестороннему осмыслению различных проявлений политического нонконформизма. Типологические характеристики позиций людей или групп, кто «не молчал», по разным причинам пока могут быть весьма приблизительными.

Условно можно выделить:

— стихийный протест масс, часто идущий по линии здравого смысла;

— «бунтарство» — забастовки;

— деятельность правдолюбцев, в числе которых было немало авторов писем в высшие инстанции;

— культурническое сопротивление антигуманизму, тоталитарной системе; здесь просматривается отказ от прямой борьбы, но стремление сохранить культурный генофонд народа (Павлов, Вернадский, Пришвин);

— движение «еретиков» — «марксистов-ленинцев» (Рютин, Раковский, Антонов-Овсеенко, Шляпников, Муралов и др.).

Все эти типологические срезы достаточно подвижны. Система могла сделать из ортодоксальных сопротивленцев озлобленных противников, кто-то (Бажанов, Кривицкий) эмигрировал, кто-то с самого начала понимал и ненавидел, но по каким-то причинам молчал. Были, так сказать, оппозиционеры Сталину, его окружению, методам его действий, но поддерживающие в целом «генеральный курс», мыслящие в рамках мировой революционной парадигмы.

Если «сверху» в сознание партийцев, комсомольцев, рабочих, всего советского народа настойчиво внедрялись стереотипы поведения «солдата партии», «комсомольца — верного помощника партии», «рабочего, верящего своей партии», «беспартийного большевика» и т. д., то реальная действительность, конкретные ситуации, в которых оказывался и с которыми сталкивался человек, сплошь и рядом вступали в противоречие с официальной мифологией. Однако большинство людей, даже критически относившихся к действительности, не могло выйти за рамки идеологизированного общественного сознания. Да, они не могли молчать, но, как правило, неприятие, скажем, сталинской политики сплошной коллективизации разрешалось письмом к ее главному творцу — Сталину. Можно было ставить под сомнение те или иные конкретные акции партии, возмущаться тем, как проводится линия партии, но были табу, перед которыми останавливались почти все. И среди них особенно устойчивыми были такие, как руководящая роль партии, народное государство (родная Советская власть), социалистическое строительство.

Нет, далеко не все были одурманены и оболванены. Прежде всего это, наверное, относится к творческой части интеллигенции. «Ранее, чем мир созрел для восприятия новых истин...— писал в своих «Философических письмах» великий русский мыслитель Петр Яковлевич Чаадаев,— в то время как заканчивалось воспитание человеческого рода развитием всех его собственных сил, смутное, но глубокое чувство позволяло от времени до времени немногим избранникам провидеть светлый след звезды правды, которая протекала по своей орбите» [1]. Этот «светлый след звезды» во время вакханалии торжества «генеральной линии партии» видели писатели и ученые, такие как М. Горький, В. Короленко, В. Вересаев, М. Пришвин, И. Павлов, Н. Вавилов, Е. Замятин, М. Булгаков, А. Платонов, О. Мандельштам и многие другие.

Особеиио сложным было положение члеиа партии, который мог быть всегда объявлен оппозиционером со всеми вытекающими отсюда последствиями. Собственно, оио так и было: в 20-е гг. соответствующий ярлык иавешивался на каждого, кто выступал с критикой политики, позиции и действий большииства ЦК. Но, по мере того как от «еретиков» очищалось руководство всех уровней, «ереси» перемещались иа иижиие этажи иерархических структур.

Со временем сделался иевозможным групповой протест, поэтому чаще всего судить об общественииых иастроеииях низов можио по письмам решившихся иа такой шаг людей. Письма в разиые иистанции, в том числе и самому Сталииу, и в газеты дают представлеиие об умонастроеииях части члеиов партии и миогих рабочих, крестьяи, интеллигентов.

Может возиикиуть закоиомериый вопрос — иасколько представительиы сами по себе докумеиты, которые позволяют судить о политических иастроеииях различиых слоев общества? Речь идет не только о письмах в различные иистанции, ио и об ииформациоииых сводках закрытого типа. Ведь есть и другие материалы, поддерживающие официальиый курс. Конечио, выведение чисто количественного баланса между одобрявшими и протестовавшими еще ие может быть достаточно веским аргументом в доказательстве правильиости или иеправильности политической концепции иа определеином временном этапе. Для историка-исследователя таким доказательством может (и должеи) быть самостоятельиый анализ всей совокупиости факторов, определяющих общественииый прогресс, как таковой. Если, скажем, исторический аиализ приводит к выводу о полиой несостоятельиости и пагубности политики коллективизации, то миения по этому поводу самих крестьяи могут стать дополияющим и вполне достовериым источником. И иаоборот, для исследователя, изучающего состояиие иашего общества в 70-е гг., вряд ли будут иметь существеииое зиачение миогочислеиные письма-приветствия в адрес партийиых съездов, пленумов ЦК КПСС. Хорошо известен механизм организации массовых кампаний «одобрям-с» и «восхвалям-с» после почти каждого выступления Л. Брежнева.

Еще раз подчеркнем — было бы неправомерио выводить механический коэффициеит «покорных» и «буитовавших» из процентного соотиошеиия молчавших и ие-

молчавших. Ясно, что молчавших (по самым разным причинам) было значительно больше, хотя, как становится известно сейчас, немолчавших вовсе не так мало, как казалось. Однако потенциал сопротивления антигуманистической и антидемократической системе аккумулировал настроения огромной массы людей, пусть и не всегда высказывавших свое мнение открыто. Именно поэтому уже через три года после смерти «отца народов» стал возможен XX съезд КПСС, нанесший первый серьезный удар по сталинизму. Поэтому сегодня столь много сторонников у курса на обновление нашего общества. Вот почему так важно выявить все голоса протеста, ибо они во многом стали провозвестниками нового политического мышления.

Разрыв между декларируемыми сверху обещаниями и посулами и реальной жизнью был настолько очевиден, что его не могли не заметить трудящиеся. Например, весной 1925 г. рабочие Казани, доведенные до отчаяния тяжелыми условиями труда, потребовали пересмотра коллективного договора. При этом открыто высказывалась мысль, что наем рабочих за столь мизерную зарплату, какую получали они, является бесстыдной эксплуатацией [2]. И это — в обстановке массовой политической пропаганды о ликвидации эксплуатации в СССР!

На местах высказывались законные сомнения в профессиональной компетентности тех, кто разрабатывал аграрную политику партии. Так, в июне 1926 г. член партийной ячейки одной из сибирских партийных организаций прямо заявил: «ЦК ВКП(б) не знает деревенских организаций, а пишет и дает задания такие, которые в деревне невыполнимы» [3].

Вот материалы на начало 1929 г.— года «великого перелома» — по Брянской партийной организации. «Как ты ему беспартийному рабочему ответишь, когда он говорит по больным вопросам — «дожили — подошву по книжкам дают», «хлеба нет» и др. В этих вопросах они правы, а в теории мы». «Предоставить возможность развивать хозяйство отдельным крепким сельским хозяйствам — больше заинтересованности, больше будет пользы, колхозы ничего не дают» [4].

После того как в апреле того же года Бухарин и Томский были сняты со своих постов в «Правде», Коминтерне и ВЦСПС, в 1-м Московском государственном университете звучали такие жалобы: «Нам, рядовикам, как-то непонятно, почему это самые лучшие люди, руко-

водящие революцией, вдруг отходят на задний план и их место занимают те, кто в прошлом играли очень небольшую роль и теперь едва ли будут способны по своим личным задаткам быть крупными работниками». Были и сетования другого рода: «Некоторые пытаются обострить внутрипартийное положение, представить как результат неустойчивого характера Сталина... Мне приходилось кой с кем из ребят говорить, и они... недоумевают, в чем же ошибки Рыкова, Бухарина, Томского. Резолюцию пленума ЦК они считают склочной, интриганской, направленной к тому, чтобы в руководящей верхушке остался только Сталин и его послушные люди» [5].

Многие ли студенты-коммунисты 1-го МГУ разделяли подобного рода взгляды? Непросто ответить на этот вопрос. Ибо порядки в партии были уже установлены такие, что говорить откровенно о том, что думаешь, стало опасно. Тем более что ЦК объявил о предстоящей новой чистке. И все же вот какого мнения придерживался на этот счет довольно благонамеренный партиец: «Открыто правонастроенных все же редко приходится встречать, но таких, которые как-то недоумевающе смотрят на начавшуюся борьбу, весьма препорядочно». Итак, немалое число большевиков выражало «недоумение», когда речь на их собраниях заходила о политической линии, которой придерживался ЦК. Более радикально высказывались студенты — члены ВЛКСМ: «Среди комсомольцев нашего университета,— негодует один партийный пропагандист,— находятся такие умники, которые теперь пытаются на собраниях доказывать, что всякая оппозиция есть искание новых форм и что поэтому она, кроме всего прочего, имеет еще прогрессивное значение» [6].

Лекторы МК во время своих выступлений получали записки. Некоторые, как они признавали в своих отчетах,— с «душком». Вот одна из них: «Вы сказали, что нам нужно как можно скорей подготовить молодые кадры для занятия должностей. Куда же готовятся теперешние кадры?» Случались и прямые выпады, такие, как в записке беспартийного на физико-математическом факультете: «Нет ни хлеба, ни мяса, ни товаров... Если верно, что социализм — учет, значит, мы в социалистическом обществе: у нас все дают по карточкам. Провались в преисподнюю такой социализм» [7].

Сходные мнения имели место и в рабочей среде. «Довольно, нечего сказать, на краю гибели!» [8] — констатировали текстильщики в Озерах. «Как не стыдно врать

о наших достижениях!» — укоряли безработные печатники. Они же задавали и вопросы, свидетельствовавшие о глубоком понимании всего трагизма грядущего «великого перелома» на селе: «Когда вы переведете деревню на коллективное хозяйство, то будет ли какая разница между крепостными и этими коллективами?» [9] Случались, наоборот, и вопросы по форме вроде бы дерзкие, но по содержанию наивные: «Надежно ли ваша привилегированная группа себя чувствует? Не думаете ли вы увеличить штат шпионов, а то они редко встречаются» [10].

Сами лекторы в своих отчетах вынуждены были порой признавать объективную подоплеку подобных вопросов, называть их непосредственные причины: «Прескверные условия труда, невыполнение колдоговоров, невыдача спецодежды, наплевательское отношение в некоторых случаях представителей администрации,— все это также вызывает большое раздражение у рабочих, нездоровые разговоры, настроения».

Недовольство рабочих вызывало и нетактичное поведение некоторых низовых профработников при перевыборах местных комитетов, навязывание ячейкам своих кандидатов (ст. Рославль) [11]. А там, где члены партии считались с мнением рабочей массы, разделяли его, можно было услышать критику в адрес официальной политики партийного руководства по тому или иному вопросу. Так, на заводе «ТРЗ» в Подольске «зарегистрированы» такие разговоры членов цеховой тройки: «Проводя соревнование, этим самым затягиваешь петлю на шее рабочих. Мы и так работаем до упаду». А на станции Дрезна Курской железной дороги подобные признания делались коммунистами уже на общем собрании путейских рабочих: «Участвовать в соревновании нельзя, так как есть нечего, а нормы выработки и без того высокие» [12].

«Почему нет хлеба?» Этот вопрос задавался всюду. Официальная пропаганда объясняла его отсутствие неурожаем и кулацким саботажем. Рабочие же находили другие объяснения. «Пока не разрешат крестьянину 10—20 голов скота и не перестанут душить налогами, хлеба не будет» [13] — констатировали рабочие станции Кувшиново. Хлеба нет, «потому что его вывезли и вывозят за границу... потому что у власти находятся коммунисты» — утверждали рабочие-сезонники на торфоразработках в Шатуре [14].

В этой промежуточной категории имели место и такие высказывания: «Надо организовать крестьянскую партию.

На профсоюзы надеяться нечего» [15]. Правда, крестьянская партия в то время уже создавалась: в кабинетах ОГПУ следователи уже выуживали соответствующие «признания» у ученых-аграрников. Так что в тех условиях разговоры о крестьянских правах были только на руку репрессивным органам.

А по деревне тем временем катилась новая волна хлебозаготовок. 18 июня 1929 г. Михаил Шолохов писал в Москву из станицы Вешенская: «...Вот уже полтора месяца, как творятся у нас нехорошие вещи... Езжу по районам и округам, наблюдаю и шибко «скорблю душой». Касаясь коротких и розовых газетных сообщений о том, что «беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет», автор «Тихого Дона» разъясняет: «Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже маломощного».

В качестве примера писатель приводит случай с одним казаком, ушедшим в 1919 г. добровольцем в Красную Армию, прослужившим в ней шесть лет и ставшим красным командиром, а затем два года председательствовавшим в сельсовете. «В этом году имел: в полторы десятины посевы, лошадь, 2 быка, 1 корову и 7 душ семьи, уплачивал налог единый сельскохозяйственный в размере 29 рублей, хлеба вывез 155 пудов», но затем «в порядке самообложения» ему предписали сдать еще 200 пудов, а так как таковых у него не было, он был оштрафован в 4-кратном размере. Но где взять 800 руб.? И вот «у него продали все, вплоть до семенного хлеба и курей. Забрали тягло, одежду, самовар, оставили только стены дома». Между тем конфискованный у таких бедолаг скот и хлеб погиб «на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирали свиньи... и все на глазах у тех, кто ночи недосыпал, ходил и глядел за кобылицами».

Указывает М. Шолохов и на опасные последствия этого «умело организованного нажима на кулака»: у селян настроение подавленное, полевой клин на будущий год катастрофически уменьшится. Но самое главное: «народ звереет». Отчаяние заставляет браться за оружие — то там, то здесь возникают политические банды. «Вновь возвращается 1921 год, и если дело будет идти таким ходом и дальше, то к осени край будет наводнен этими мелкими летучими отрядами. Горючего материала много».

Свое горькое письмо Шолохов заканчивает следующими словами: «Верно говорит Артем (Веселый.— *Авт.*): «Взять бы их на густые решета...» Я тоже подписываюсь: надо на густые решета взять всех, вплоть до Калинина; всех, кто лицемерно, по-фарисейски вопит о союзе с середняком и одновременно душит этого середняка» [16].

Коллективизация по-сталински вызывала законное возмущение как у крестьян, так и среди честных партийцев. Некто В. Петровский, посланный в деревню на хлебозаготовительную кампанию и для агитации за колхозы в Татарии, писал Сталину, что больше всего его беспокоит состояние хозяйства середняка, задыхающегося от тяжкого налогового бремени. Крестьяне, по его словам, жалуются, что «еще не начали убирать новый хлеб, как уже присылают невыполнимые планы для деревни». В июле — августе сельсовет совместно с комиссией по содействию хлебозаготовкам начинает разверстывать этот план по отдельным дворам. А так как многим крестьянам есть нечего, то они торопятся скосить зеленый, еще не созревший хлеб. Естественно, что, находясь в таком положении, они уклоняются от сдачи хлеба, и тогда на них накладывают штраф. «Местные органы,— возмущается Петровский,— додумались до таких мер, которые существовали при «военном коммунизме», имея в виду штрафы в 5-кратном размере, заведомо непосильные для крестьянского хозяйства. У тех же, кто не мог выполнить в срок наложенный штраф, имущество подлежало конфискации. Чтобы избежать этого, крестьяне вынуждены продавать лошадей и коров, на вырученные деньги покупать на базаре хлеб по 3—5 рублей за пуд и сдавать его государству по 80—90 копеек за пуд. А что они будут есть сами? Одна надежда крестьян — это на картофель». Хотя «некоторые крестьяне, как, например, в деревне Шишлинки Бугульминского кантона и в деревнях Набережно-Челнинского кантона запаслись лебедой» [17].

Автор отнюдь не симпатизирует кулакам, он даже замечает: «Я не пишу про кулацкие хозяйства». Но он, надо полагать, и не на стороне той части бедняков и батраков, которые вполне удовлетворены тем, что поставлены на государственное «довольство». Это просматривается в следующем фрагменте письма: «Беднякам и батракам нечего бояться таких мер, потому что на них хлеб не накладывается, а, наоборот, со стороны государства получают помощь (из бедняцких фондов). Середняки говорят про бедняка: что́ ему заниматься хозяйством, здесь тре-

буется трата энергии, ему лучше на завалинке лежать — все равно государство ему поможет». Середняк, заключает автор, не заинтересован в расширении своего хозяйства. От него можно услышать: «что, мол, я буду увеличивать в своем хозяйстве количество скота, для того, чтобы налогу платить больше или чтобы мое хозяйство перевели в другую группу (зажиточных) — к черту. У меня есть одна лошадь, и достаточно».

На основании приводимых в письме фактов В. Петровский делает четыре вывода:

1. крестьянство в настоящее время запугано;

2. большая его часть (не только кулаки) настроена против Советской власти;

3. произошел разрыв союза рабочих с середняцким крестьянством;

4. письмо Фрумкина о бесперспективности крестьянского хозяйства в действительной жизни подтверждается.

От обличения «непорядков» на селе В. Петровский переходит к обличению тягот городской жизни. Разоряемое крестьянство не может прокормить город. «Возьмем хотя бы Казанский ЦРК (Центральный рабочий кооператив.— *Авт.*), который своим пайщикам выдал по 200 грамм сливочного масла за август месяц — в октябре. Этот недостаток масла можно объяснить еще тем, что наше государство отправило масла за границу на 5 % больше, чем в прошлом году. А для своих граждан (рабочих, служащих) — не оставило ни шиша. Это факт, а не реклама». Автора тревожат низкая зарплата многих рабочих и служащих (20—30 рублей в месяц), а также нормы выдачи хлеба (работающим — 2 фунта, детям — 0,75 фунта — 300 грамм). «В общем выходит,— заключает он,— что служащие и их дети живут впроголодь» [18].

Таким было истинное положение в деревне и городе. Однако вся советская пресса захлебывалась от восторга, расписывая успехи «социалистического строительства» на фронтах индустриализации, коллективизации и культурной революции. Успехи эти казались особенно впечатляющими на фоне сообщений о «великом крахе» капитализма, начавшемся в «черный вторник» 29 октября 1929 г., когда на фондовых биржах США внезапно покатился вниз курс акций всех компаний.

И нет ничего удивительного, что не только коммунисты, но и значительная часть обывателей, читая 7 ноября 1929 г. в «Правде» статью И. Сталина «Год великого

перелома», с верой и надеждой воспринимали его «пророчества»: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость.

Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации.

И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор,— пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые».

А профсоюзная газета «Труд» обещала: «К концу 15-летия... мы приблизимся к уровню индустриального развития Соединенных Штатов, а в четвертом и пятом пятилетии превзойдем его. Мы уверены, что того дня, когда эта генеральная директива превратится в свершившийся факт, дождется еще современное поколение».

Подобная эйфория была характерна и для обсуждения вопроса о коллективизации на Пленуме ЦК ВКП(б) 10—17 ноября 1929 г. Правда, раздавались и осторожные голоса. Так, генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины С. В. Косиор отмечал: «У нас было несколько историй, когда переходили в коллектив целые села, а потом они быстро разваливались, и нас выгоняли оттуда с барабанным боем... Оказывалось, что все это дутое, искусственно созданное, а население в этом не участвует и ничего не знает».

На Пленуме зачитали письмо председателя Комиссии Колхозцентра Баранова по обобщению опыта работы в первом округе сплошной коллективизации — Хоперском (Нижневолжский край). «На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг «Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти!» — говорилось в письме.— Имели место случаи широкого обещания тракторов и кредитов: «Все дадут — идите в колхоз...» Вот здесь Сталин бросил реплику: «Что же вы хотите, все предварительно организовать?»

Действительно, зачем обременять себя такими заботами? И руководители парторганизаций Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Украины безоглядно обещают провести коллективизацию за «год-полтора» к лету 1931 г. Но эти «обязательства» признаны недостаточными. Секретарь ЦК ВКП(б) В. М. Молотов наставлял: «Мы имеем все основания утверждать — а я лично в том не сомневаюсь,— что летом 1930 г. коллективиза-

цию Северного Кавказа в основном мы закончим... В теперешних условиях заниматься разговорами о пятилетке коллективизации значит заниматься ненужным делом. Для основных сельскохозяйственных районов и областей... надо думать сейчас не о пятилетке, а о ближайшем годе» [19].

В конце 1929 г. И. В. Сталин праздновал свое 50-летие. Настроение у него было превосходным. Еще бы: налицо такие «успехи» во внутренней и внешней политике! В прессе, на собраниях и митингах имя его возносилось до небес. Клим Ворошилов в статье «Сталин и Красная Армия» утверждал, что именно ему, его гениальной прозорливости, твердости, умелому и искусному руководству большевики обязаны своими победами в гражданской войне. А Лазарь Каганович назвал его «локомотивом истории».

А в это время в далекой маленькой сибирской деревушке, в 20 км от Кургана из своих домов как раскулаченных выбросили шесть семей. С детьми, стариками, больными. Тех, кто пытался приютить бедолаг, вызывали в сельсовет: «Ах, ты кулачью помогаешь?» Голодных и раздетых людей отвезли на станцию, погрузили в телячьи вагоны и отправили на Северный Урал. «В дороге,— вспоминала шесть десятилетий спустя Наталья Кирилловна Молчанова,— сколько умерло, никто не считал,— выбрасывали в степи трупы. Конвоиры уводили молодых девчат с собой. Привезли к... шахтам, 40 км идите пешком, до казармы. У отца ноги больные, а он еще несет маленьких на руках. Устроили работать папу на шахту, маму — на стройку. Там они и погибли. Умерли и мои братья и сестры. (Около казармы штабелями лежали трупы, весной их сжигали.)» [20]

Вот таким образом провожала страна «год великого перелома» и вступала в «великое десятилетие»: в Кремле славили человека, которого вскоре официально стали именовать «великим вождем и учителем», а миллионы тружеников возводили ему прижизненный памятник в виде железных дорог, шахт и рудников, домен и мартенов, заводов и фабрик.

Нельзя сказать, что «наверху» не ведали, как идет «социалистическое» строительство, за счет каких жертв и мук. Знали. Причем не только по сводкам ОГПУ. Не боясь последствий, люди писали в «Правду». Эти письма, конечно, не публиковались, но систематизировались и показывались «кому следует». Прочтем лишь не-

которые из иих, отиосящиеся к иачалу 1930 г. «После долгих споров и обсуждеиий пришли к убеждеиию, что страиа наша идет к разорению и иищете. Редакция «Правды», вы не серчайте, что так отвечаем. Мы вам сейчас докажем, что наша правда. Вот уже второй год идет пятилетка, а иичего хорошего ие видно, а вы все трубите, что то улучшилось, другое прибавилось, заводы и фабрики работают ударно, что колхозы и совхозы расширили свою посевную площадь, что осталось только оргаиизовать сплошиые колхозы и уиичтожить единоличные середняцкие, по-вашему варварские, хозяйства, тогда будет рай в Советской стране. Нет, далеко ошибаетесь. Мы, крестьяне, видим, что вы все врете... заводы и фабрики, которые вы пророчите, а что можно увидеть: в одном фуидамеит укладывают для завода, а в другом стены строят и... наполовиииу иедостроеи завод и ие хватает материала достроить в короткий срок». Это решение одиого из крестьяиских собраний. А вот что писал бывший красноармеец: «В июле будет XVI съезд ВКП(б). Люди съедутся откормленные и одетые... Конечно, вся их деятельиость будет заключаться в том, чтобы приветствовать Сталииа... ЦК привел иас к гибели, остается только удавиться, или делать революцию. Нет страны в мире, где бы рабочий предъявлял столь скромные требования, за что только воевали по болотам Карелии и в грязи Перекопа». Или еще: «Рабочий перестал верить вождям... уже сейчас миогие рабочие раздумывают о возвращении капитализма, ибо новый строй довел до нищеты». Можно, конечно, назвать эти мнения «упадническими», но игнорировать такие факты историку нельзя.

Подобные настроения были свойствеииы не только простым труженикам, но и части партийцев, в том числе аппаратчиков. Слушатель иомеиклатурной Промышленной академии им. Сталина Колпаков весной 1930 г. в связи с опубликоваиием в «Правде» статьи Сталина «Головокружение от успехов» утверждал, что она запоздала, и делал вывод: «Какой там Сталин теоретик, вот Бухарин — это да». Позже, когда его за подобные взгляды исключали из ВКП(б), ои обвинялся своими коллегами в том, что «клеветал на партию, говоря о «верхах и иизах», где низы голосуют, как безмозглые бараны» [21].

Другой слушатель этой академии — Туманов,— прорабатывая тезисы к XVI съезду ВКП(б), выражал надежду, что «съезд найдет виновников левых загибов», но в то же

время говорил: «В коллективе только Ленин мог признавать свои ошибки» [22]. Более решительно высказался еще один слушатель — Шевернев. Знакомясь с инструкцией ЦКК ВКП(б) о проведении чистки и разъяснительной статьей по этому поводу Ярославского, он не скрывал своего мнения, что намеченная чистка имеет целью изгнать подлинных большевиков, оставив в партии одних холуев, что партийное руководство напоминает сегодня пошивочную мастерскую, шьющую уклоны [23].

Политика сплошной коллективизации, ведущая к разорению сельского хозяйства, вызывала тревогу у разгромленных «оппозиционеров». Они, отбывая ссылку, переписывались между собой. В феврале 1930 г. Х. Г. Раковский писал в Смоленск Лелевичу: «Сплошная коллективизация — это тот узел, где собираются все ошибки прошлого и где начинаются еще более опасные ошибки будущего. Не чувствуете ли вы, что теперешняя ультралевая политика — это ультралевый прыжок, который приведет нас в ультраправое болото» [24].

Думающие и честные люди не сдавались, пытались противостоять губительной политике Сталина в отношении сельского хозяйства. В «Правде» 30 мая появилась статья с характерным для тех лет заголовком — «Дезертир Гуреев». В ней шла речь о директоре Караванного зерносовхоза Оренбургского округа, который вышел из партии, так как не мог согласиться с ее тактической линией. По его мнению, не следовало допускать «резкого потрясения хозяйства». Социалистические нововведения нужно было создавать постепенно, по средствам, а не на авось, безумно круша все, что так или иначе подходит под определение «частный». Социалистическое переустройство крестьянского хозяйства следует проводить не увлекательными постановлениями, не агиткой и навязыванием, а реальной хозяйственной политикой, через кооперацию, медленно, но верно. Надо ли говорить, что подобные взгляды расценивались как правооппортунистические, как повторение бухаринского положения, что «столбовая дорога к социализму — «кооперативный торговый оборот».

А в одном из июньских номеров главной партийной газеты за этот же год была помещена разоблачительная информация об «оппортунистической» позиции, занятой секретарем партячейки типографии и членом райкома в Новгороде Саранцевым. Он, как пишет газета, заявил, что ЦК слишком рано выдвинул лозунг на коллективи-

зацию. Надо было сперва снабдить машинами уже созданные колхозы и лишь потом приступать к ее реализации. Участники собрания, где выступил Саранцев, естественно, дали «оппортунисту» должный отпор. Но тот на партийном собрании снова подтвердил все, что говорил раньше, и даже добавил, что «согласен со взглядами, которые высказали в свое время Бухарин, Рыков, Томский».

Знаменательно, что уже после разгрома «правого уклона» люди не боялись заявлять: «С Рыковым будем сыты и одеты», как не боялись и писать: «Товарищ Сталин бросил обвинения... что чересчур поспешили с коллективизацией... но чья в этом вина, тов. Сталин? По-моему, ЦК» [25].

Многие высказывали свое мнение бескомпромиссно и решительно. Насилие вело к недоверию к ЦК партии, в особенности к Сталину. Его называли прохвостом, говорили, что у него закружилась голова. «Вы выдумали какой-то колхоз, но он никому не нужен (самому Сталину), ограбили людей... В 1918—1919 гг. вам поверили, у вас был лозунг — фабрики и заводы — рабочим; вся земля без выкупа — хлеборобам». Не оставались без внимания местные политические руководители. В их адрес высказывания были даже более резкими, например: «Стыдно тебе, тов. Косиор, брехать на низовый аппарат. Ты должен откровенно сказать, что мы — вся партия ВКП(б) — головотяпы» [26].

Одним из важнейших функциональных элементов тоталитарной системы были доносы друг на друга, тщательно спланированные кампании «осуждения» инакомыслящих сначала как врагов партии, а затем — народа. Но и здесь у системы случались сбои, когда побеждала элементарная человеческая порядочность или просто здравомыслие. В этом случае власти стремились соответствующим образом реагировать.

В 1932 г. в Иваново-Вознесенске вспыхнула забастовка рабочих и служащих в связи с тяжелым социальным положением в этом регионе. Ее поддержали и партийные работники, отказавшиеся от привилегий, в частности спецраспределителей. Прибывший для «усмирения» Лазарь Каганович особую кару обрушил именно на партийцев за нарушение ими «генеральной линии партии».

В том же 1932 г. на имя Сталина идут два письма из Татарии. «Товарищ Сталин. Разрешите узнать программу Вашей партии по хлебозаготовкам»,— пишет кре-

стьяиии Я. Крупов, информируя о иадвигающемся голоде, к которому привела политика обираиия крестьянства. А вот письмо крестьяниииа С. Михайлова: «Мы шлем тебе свой рабоче-крестьяиский привет. После этого сообщаем, что в даииый момент в иашем Советском Союзе осуществляются иеиормальиые явления. Возьмем состояиие рабочих, купить иечего, рабочие все удивляются. Будем радоваться тогда, когда у иас будет частиая торговля. Крестьяиии иаходится в скверных условиях, его задушили иалогами и иасильио гонят в колхоз. Мы еще раз просим ие гоиять в колхоз. В этом году сколько сотеи гектаров осталось хлеба под сиегом, хлеб колхозииков, а хлеб едииоличииков давио собран, и оии сидят в тюрьме» [27]. Заметим, что это были голоса, обреченные иа маркировку их как «контрреволюциоииых» и кулацких подголосков.

Процессы, происходившие в советском обществе в коице 20-х — 30-е гг., приводили к тому, что в инакомыслящих оказывались разные люди.

Голос протеста против сталинских гоиеиий иа коммуиистов раздавался прежде всего из среды подвергшейся репрессии партийиой оппозиции. 25 сеитября 1928 г. К. Радек, иаходившийся в ссылке в Томске, писал в ЦК ВКП(б): «Вы исключили нас из партии и выслали как коитрреволюционеров, ие считаясь с тем, что старшие из иас по четверть века борются за коммунизм, что младшие из нас с первого момента своей сознательиой жизии иаходятся в рядах Октябрьской революции». Радек требовал от сталинского руководства пересмотреть свое отношение к «лишеииым партийиого билета, снабженным билетом за печатью ГПУ с обвииеиием по 58 ст., ио чувствующих себя члеиами партии и борющимися за интересы рабочего класса» [28].

А вот факт политической биографии С. К. Миииина, прошедшего ряд ступеией воеиной и партийно-политической карьеры и ставшего иакоиец ректором Ленинградского коммунистического уииверситета. На XV съезде ВКП(б) его подвергли достаточио резкой критике лишь за то, что ои осмелился высказать свою (причем достаточио ортодоксальную) точку зреиия по вопросам партийной жизии. Он обвинял Цеитральный Комитет в том, что тот иичего не сделал для преодолеиия внутрипартийиого кризиса, не проводил согласительиой политики, грубо «давил» иа лениигралских коммуиистов и рабочих, не гнушаясь при этом фальсификацией партийиых решеиий.

Большинство съезда категорически отвергло еретические доводы Минина по поводу того, что ЦК своей недальновидной политикой отсекает от партии часть коммунистов, превращая их в оппозиционеров. Ретивые сторонники официального курса назвали его (и это вполне корреспондировало с общим тоном «дискуссии») ни более ни менее как «чрезвычайно блудливым котом».

Однако С. К. Минин не смирился со сталинщиной, о чем свидетельствуют оставленные им дневниковые записи, которые он вел в 1932 г. Выполненные в чрезвычайно фантасмагорической форме, они могут показаться, мягко говоря, экстравагантными. Но ненависть к Сталину просто сочится из каждой строки. Автор дневника пишет о «кровавых и позорных событиях», творившихся при «сталинской гнилой сволочи», называет его и окружение «кровавыми и гнилыми палачами», с нетерпением ждет «свержения и, начиная с И. Сталина, казни всей его банды». При этом Минин остается сторонником грядущей мировой революции, тотальной диктатуры пролетариата и т. п. Но в данном случае это отступает на второй план. Назвать Сталина «палачом и гнусом» что-то да значит с точки зрения анализа самосознания партийца, причем не рядового [29].

О многом поведало знакомство с протоколами бюро МГК ВКП(б) за 1936—37 гг. Если перевести их на нормальный человеческий язык, то многое станет ясно. И прежде всего, что далеко не все партийные работники спешили отметиться по ведомству идеологического палачества. Так, в январе 1936 г. бюро МГК приняло решение о снятии с работы парторга МК по Шатурской ГРЭС Дедловского как необеспечившего «большевистской бдительности» [30]. 8 октября того же года на бюро МК слушались итоги обмена партийных документов в районных парторганизациях. При этом отмечалось, что недостаточную бдительность проявил Каширский райком, который допустил регистрацию обмена партбилета Лозовскому, получившему ранее взыскание МК за сокрытие своих колебаний в 1923 г. Не возникал вплоть до пленума райкома и вопрос о «покровительстве Зимина (директора завода им. Либкнехта) троцкистам Зайдману и Хесиной» [31]. 1 апреля 1937 г. на заседании бюро МГК разбирался вопрос о «небольшевистских методах руководства» Калужским райкомом ВКП(б) коммунистом Трейвасом. Ему инкриминировались ошибки при проведении проверки и обмена партийных документов, утрата бди-

тельности в борьбе против «вредительства» и «троцкистов». Б. Е. Трейвас был снят с работы с формулировкой: «не только не обеспечил разоблачение врагов партии, но своими небольшевистскими методами руководства по существу препятствовал этому» [32].

На партийных собраниях обнаруживались любопытные вещи. Так, токарь Г. И. Ковалев обвинялся в нарушении партийной дисциплины за то, что при обсуждении закрытого письма МК ВКП(б) заявил: «Как это могло случиться, что хорошие люди (Зиновьев, Каменев и Троцкий) скатились на путь контрреволюции?» [33] «Страшное преступление» совершил рабочий П. А. Грузков, член партии с 1923 г. На собрании в печатном цехе, где слушался отчет директора фабрики за 1936 г., он предложил включить в резолюцию пункт, отмечавший снижение зарплаты у рабочих. На другом собрании во время обсуждения передовой статьи «Правды» и сообщения Прокуратуры о предании суду «троцкистской банды убийц», Грузков «явно провокационно держал себя, бросая реплики: «Скажите факты и дату связи троцкистов-зиновьевцев с гестапо». На общефабричном собрании при обсуждении процесса над «троцкистско-зиновьевской бандой» он не голосовал за приветствие рабочих товарищу Сталину. А на занятиях политкружка утверждал, что Сталин в 1905 г. никакой роли в революционном движении не играл и что большевики восприняли полностью террористические методы народничества, говоря при этом: «Разве не расстреляли они некоторых лиц из Промпартии?» Естественно, что Грузков из партии был исключен [34].

Неисчислимые потери понесла страна в годы Великой Отечественной войны. Но они могли бы быть не такими огромными и не такими страшными, если бы не античеловеческая тоталитарная система. Страна заплатила дополнительно сотнями тысяч жизней мальчиков из военных училищ, преподавателей и ученых, ушедших в ополчение, детским непосильным трудом, блокадным Ленинградом и военнопленными. Но люди — вопреки системе свершили нечеловеческий подвиг. И остались думающими и понимающими.

Сегодня на основании изучения большого числа документов, отражающих настроения населения страны, можно сказать, что не было у советских людей того монолитного морально-политического единства, в котором нас так последовательно убеждали последующие 45 лет после Победы. Даже среди подавляющего большинства,

которое свои надежды и чаяния связывало с отпором врагу и победой над ним, политические ориентиры были во многом иные, чем у Сталина и его окружения.

— Правда ли, что после войны не будет колхозов? — интересовались члены сельхозартели им. III Интернационала (Куюргазинский район Башкирии) [35].

— Правда ли,— вторили им колхозники из соседнего Дуванского района,— что при заключении с нами договора о союзе Англия и Америка ставили перед нашим правительством три вопроса: открыть церкви, ввести погоны в Красной Армии и распустить колхозы? [36]

— Существуют ли колхозы в районах, временно оккупированных немцами? Или их распустили? — хотели знать колхозники Березовского района Воронежской области и жители села Гаров, что в Нагорном Карабахе [37].

— Из писем, получаемых из освобожденных районов, видно, что там большая инициатива дана частному сектору,— рассказывали лектору в Омском медицинском институте и просили разъяснить: — Не есть ли это возвращение к нэпу? [38]

— Почему английское духовенство молится за нашу Красную Армию, а нам нельзя? — не понимали крестьяне из колхоза «Свекловод» Березовского района Воронежской области [39].

— Почему церкви открываются, а к верующим относятся с недоверием и презрением? — допытывались рабочие Ворошиловградской области [40].

— Будет ли у союзных республик свобода в установлении международных отношений? — спрашивали жители Куйбышева [41].

— Чем объясняется обострение национальной розни у нас в настоящее время? Почему так остро стоит национальный вопрос на освобожденной территории, особенно по отношению к евреям [42],— интересовались слушатели Института марксизма-ленинизма в Омске.

По этим и другим вопросам, задаваемым лекторам и докладчикам на собраниях рабочих, колхозников, служащих, можно судить о том, что наиболее интересовало жителей нашей страны в разных ее регионах и разных социальных слоев. Делать же выводы о подлинных настроениях людей по ним затруднительно. Хотя и попадается в этих перечнях, что называется, «крик души». Вот один из таких примеров:

— Я хочу жить так, как мне хочется! — выкрикнул

участник собрания в колхозе «Большевик» (село Богдановка Утевского района Куйбышевской области).

— А как же Вам хочется жить? — спросил лектор.

— Да вот так, чтобы надо мною не распоряжались разные председатели и бригадиры. Пусть государство даст мне земли, сколько смогу обработать [43].

21 мая 1944 г. в третьей бригаде колхоза им. Богдана Хмельницкого (село Вербки Павлодарского района Днепропетровской области) состоялось «нелегальное совещание», на котором присутствовал 21 человек. Открывая его, инвалид Григорий Петрович Зуб сказал:

— Я приехал с фронта и вижу неполадки в колхозе и сельсовете. Местное руководство во время заготовок хлеба осенью и весной грабило население, откапывало ямы с хлебом, забирало его и сдавало государству. И сейчас грабит. Надо положить конец этому... Надо сменить руководство...

— Их надо посадить в тюрьму! — подхватил Алексей Сыщенко.— Грабили при немецкой власти, грабят и сейчас... На третий военный заем обязали подписаться не менее чем на 500 рублей... Запрягают коров ежедневно...

После выступления еще одного человека решили: заменить председателя сельсовета и председателя колхоза; восстановить порядок в колхозе, то есть «нормально использовать коров на колхозных работах, нормально облагать колхозников госпоставками и нормально подписывать на военный заем».

В этом документе ничего не говорится о дальнейшей судьбе участников собрания. Можно лишь с большой долей уверенности предположить, что ничего в Вербкинском сельсовете и в колхозе им. Богдана Хмельницкого не изменилось — ни руководство, ни порядки. А вот отношение колхозников к своему «родному» колхозу стало иным. Уже на следующий день на работу в третьей бригаде вышло всего 7 человек из 45 трудоспособных [44].

Похожая картина наблюдалась и в других колхозах. Хватало отлынивающих от работы и в промышленности, хотя там действовали законы военного времени, введенные указом от 26 декабря 1941 г. Так, на авиамоторном заводе в Омске только в мае 1944 г. самовольно покинули производство 174 человека. Всего же за этот месяц омская милиция издала 698 постановлений о розыске «дезертиров», из них 646 так и не было исполнено [45].

После войны в обществе сложилась сложная соци-

ально-психологическая обстановка. С одной стороны, Победа опьяняла сознание людей, внушала им не только гордость за страну, народ, наконец, за строй, но и укрепляла веру в «мудрость вождя и учителя», «организатора и вдохновителя всех наших побед». А вера означала верность и покорность, но теперь они были не те, что раньше, до войны,— не было страха. Какой у победителя может быть страх? С другой стороны, война подвергла суровому испытанию тоталитарное мышление, которое, не выдерживая столкновения с действительностью, стало частично разрушаться. Власть идеологических мистификаций сильно пошатнулась.

«Народ поумнел, это бесспорно...» — признавался маршал Л. А. Говоров писателю И. Г. Эренбургу [45-а].

В обществе появились какие-то неопределенные надежды на «послабление», на заслуженное доверие к народу, на долгожданную человечность, на естественную после всего пережитого мягкость. Об этом говорилось буквально во всех информационных сводках о политическом настроении населения, начиная с лета 1945 г. В них приводились факты, свидетельствующие о «новой волне трудового подъема», о желании людей как можно быстрее преодолеть последствия войны, не жалея на это ни сил, ни времени, ни здоровья. Но в тех же сводках отмечались и прямо противоположные настроения. Особенно они были характерны для сельского населения. Так, некто Василий Репа (колхоз «7 лет без Ленина» Харьковской области), скосив до 10 часов утра 15 соток, ушел затем домой, сказав: «Выполню, не выполню норму — все равно на трудодень не получу». В колхозе «Пионер» той же области в уборке урожая 1945 г. участвовали лишь 70—75 человек из 117, но и те нормы не выполняли, на работу выходили в 8—9 часов утра, делали большой перерыв на обед и рано уходили домой, объясняя это так: «Работать надо еще и дома, на огороде. Потому что мы живем только с огородов. Из колхоза не получаем ничего. Поэтому поздно выходим на работу» [46].

Помимо подобных «нездоровых, отсталых настроений» в сводках фиксировались и «антисоветские высказывания». Причем признавалось, что они возникают не только на почве бытовых нужд и неурядиц.

«В ряде колхозов Близнецовского района,— информировал Харьковский обком КП(б)У,— имеют место суждения о дальнейшем существовании колхозов. Смысл

этих разговоров сводится к тому, что Америка и Англия якобы предложили Советскому Союзу распустить колхозы. Колхозница Денисова в Софиевском сельсовете, например, иронизируя, говорит: «Америка и Англия скоро привезут колхозникам одежду, а старую, изодранную заберут и выбросят» [47].

Кое-где подобные высказывания перерастали в попытки разделить «неделимый фонд». Так, 28 июня 1945 г. некто Гаркуша и Катрич из колхоза «Червона зирка» Снегиревского района Николаевской области убеждали колхозного сторожа: «Сад, что ты охраняешь, теперь не колхозный. В сельсовете уже имеется письмо о возврате садов. Ожидают только приезда из района председателя сельсовета, после чего и приступят к данной работе». К сказанному Гаркуша добавил: «Сталина уже сняли. Его заменил Жуков». Характерно, что именно этому доводу («нет Сталина, отменяют и колхозы») поверил сторож: в народном сознании колхозы связывались со сталинской политикой. Когда он, оставив свой пост, ушел домой, «население ворвалось в сад и растащило часть фруктов» [48].

Не все благополучно, с точки зрения верхов, обстояло и в рабочей среде. Фиксировались разочарование, неверие в возможность что-либо изменить. «С нетерпением ждали конца войны,— заявлял слесарь завода им. Буденного в Ворошиловграде Архип Гаврилович Омельченко.— Вот она кончилась, а для рабочих никакого улучшения нет. Даже хлеба не хотят прибавить» [49]. «Теперь нам хорошей жизни не видать,— меланхолически замечал, понимая, что ничего не сможет изменить, модельщик завода им. 20-летия Октября Николай Павлович Стрельцов,— да и перед войной тоже не жизнь была, а мука. Видели мы немного жизни до начала пятилеток, а там начались пятилетки, потом война, теперь снова пятилетки. И так нам будет до самой смерти. Нет заботы о людях» [50].

«Нет заботы о людях» — так считали многие простые труженики — рабочие и крестьяне. Но дальше констатации этого мало кто из них шел. Иное дело интеллигенция. Критическая настроенность ее отличалась более высокой температурой. Преподаватель ремесленного училища № 6 в Ворошиловграде Иван Ефимович Коломийцев осмелился утверждать, что «пока будет существовать Советская власть и у ее руля будет находиться нынешний руководитель, до тех пор у нас будет такая жизнь.

Только его смерть спасет народ от советского рабства»[51].

Разумеется, такого рода крайние заявления не были характерны для массового настроения. Но тем не менее они были и фиксировались в партийных комитетах и органах госбезопасности, подпадая под рубрику «высказываний и действий со стороны враждебных элементов». Сюда же подходили и упомянутые в сводке сравнительно невинные размышления некой Любиной на 16-м избирательном участке в Харькове: «Разве у нас конституция самая демократическая, когда кандидатуры выдвигаются только организациями? Мы, значит, и имеем право только голосовать...»[52]

Ей как бы отвечал преподаватель одного из институтов в Мелитополе И. С. Граевский: «Борьбы партий у нас нет, а потому голосовать незачем. Вообще у нас свобода такова, кто о свободе заговорит, то его лишают свободы»[53].

Настроения недовольства, несогласия с условиями жизни, нежелание безропотно подчиняться тоталитарному режиму подпитывались возвращавшимися из Германии репатриантами. В сводках об их политических настроениях отмечается, что они «искренне благодарят» за свое освобождение и «рады возвращению на родину», но что среди них есть и такие, кто «открыто восхваляет Германию»[54].

«В Германии колхозов нет,— рассказывала Василиса Половинка, вернувшись в свой колхоз им. Ворошилова Ново-Айдарского района Ворошиловградской области.— Немцы живут хорошо. Если бы не было колхоза и у нас, то и хлеба было бы больше»[55].

Авторы информационных сводок объясняли, что такие суждения, как правило, высказывали люди, которые работали не в тяжелых условиях крупного производства, а находились в услужении у фермеров, торговцев и содержателей столовых. Так, очевидно, оно и было. Многие горькие слова были сказаны в запале, в момент то ли отчаяния, то ли гнева, и судить по ним, о массовых настроениях неправомерно. Но такие слова произносились. И свидетельствовали о том, что родина-мать обращалась со своими детьми порой хуже мачехи.

Кто знает, может быть, именно по этой причине, дабы избежать опасности распространения подобной «заразы», многие из репатриированных вместе с «нарушителями присяги» — военнопленными — были отправлены под конвоем в места «не столь отдаленные»...

После смерти Сталина система стала давать сбои, наступила так называемая «оттепель», и замороженная и замордованная мысль начала прорывать выстроенные против нее заслоны.

Интеллигенция принялась заново осмысливать пройденный страной путь и приступила к поискам выходов из сталинских тупиков. Разворачивались дискуссии, пробуждалось общественное сознание, возникали свободомыслящие молодежные кружки. Участились стихийные протесты, которые раньше сдерживались страхом перед сталинскими репрессиями. В 1953—1954 гг. вспыхнули бунты в нескольких лагерях. Позже стали подавать свой голос и рабочие. Так, в 1960—1962 гг., по подсчетам В. Белоцерковского, волнения происходили в 15 городах страны [56]. Наиболее известными из них стали события в Новочеркасске. Но эти процессы в общественном сознании и в политической жизни советского общества относятся к постсталинскому периоду, т. е. они происходили уже в иных условиях и имели другую направленность и специфику...

«Мыслящим тростником» назвал когда-то человека Паскаль. Действительно, тростник гнется под ветром, но не ломается. Так, в политическом цунами тоталитаризма сохранялась мысль, живое лицо. Лицо Человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М., 1989. С. 67.

[2] Партархив Татарского обкома КПСС (далее — ПАТО), ф. 15, оп. 1, д. 1378, л. 8.

[3] Партархив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 981, оп. 1, д. 1, л. 55.

[4] Коммунист (Брянск). 1929. № 2. С. 52, 54.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 8 об.

[6] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 8 об.

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 9 об.

[8] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 4.

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 7 об.

[10] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 4.

[11] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 17—17 об.

[12] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 17 об.

[13] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 17.

[14] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 19.

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3075, л. 20.

[15] Знамя. 1987. № 10. С. 182—183.

[17] ПАТО, ф. 292, оп. 1, д. 554, л. 371.
[18] ПАТО, ф. 292, оп. 1, д. 554, л. 372, 373.
[19] Коллекция ЦГАОР.
[20] Комсомольская правда. 1989. 25 янв.
[21] Партархив МК и МГК КПСС (далее — МПА), ф. 160, оп. 1, д. 8, л. 97, 132.
[22] МПА, ф. 160, оп. 1, д. 8, л. 132.
[23] МПА, ф. 160, оп. 1, д. 8, л. 134.
[24] ПАТО, ф. 15, оп. 2, д. 485, л. 259.
[25] Коллекция ЦГАОР.
[26] Коллекция ЦГАОР.
[27] ПАТО, ф. 15, оп. 2, д. 1145, л. 27, 39.
[28] ЦПА ИМЛ, ф. 326, оп. 1, д. 23, л. 1.
[29] Коллекция ЦГАОР.
[30] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3016, л. 37.
[31] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3020, л. 55—56.
[32] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2023, л. 128.
[33] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3021, л. 20.
[34] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3023, л. 158—159.
[35] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 255, л. 102.
[36] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 255, л. 112. В такой постановке проблемы нет ничего удивительного: крестьяне не верили, что Сталин сам по себе, без какого-либо давления извне способен так радикально повернуть вспять.
[37] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 253, л. 42; д. 255, л. 196.
[38] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 326, л. 53.
[39] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 255, л. 184.
[40] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 351, л. 48.
[41] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 310, л. 2—3.
[42] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 326, л. 54.
[43] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 310, л. 3.
[44] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 356, л. 44 об, 45.
[45] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 326, л. 59.
[45-а] *Эренбург И.* Люди. Годы. Жизнь. Кн. 5—6. М., 1966. С. 291.
[46] Партийный архив Института истории партии при ЦК КП Украины (далее — ПА ИИПУ), ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 29.
[47] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 30.
[48] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 19.
[49] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 53.
[50] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 54.
[51] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 54.
[52] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 65.
[53] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 65.
[54] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 27.
[55] ПА ИИПУ, ф. 1, оп. 23, д. 1477, л. 24.
[56] Новое время. 1990. № 24. С. 42.

СОДЕРЖАНИЕ

ОНИ НЕ МОЛЧАЛИ

Заведующий редакцией **В. М. Подугольников**. Редактор **Т. Д. Дажина**. Младшие редакторы **Н. С. Коблякова, М. Ю. Мухина**. Художник **Б. Г. Попов**. Художественный редактор **А. Я. Гладышев**. Технический редактор **Н. В. Ионкина**.

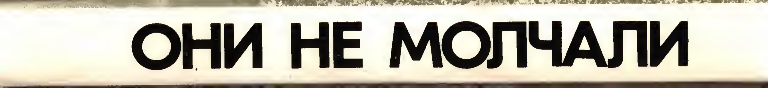
ИБ № 8308

Сдано в набор 03.12.90. Подписано в печать 05.05.91. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 25,91. Тираж 75 000 экз. Заказ № 459. Цена 3 р. 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

3-72
3 р. 50 к.
Политиздат


ОНИ НЕ МОЛЧАЛИ